

Константин ВЕТЕР

ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР

Константин ВЕТЕР
ЛАБИРИНТ
ЦАРИЦЫ
МАГР

Константин Ветер

ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР

Анатолию Михайловичу
Гейшкову,
человеку, с которым можно идти вразряд,
на память о нашем Времени!

Мы были! Были! Убудем!

С уважением,

23.02.2008 г.
Звёздный городок

К. Ветер

Москва
Издательство "Парвик"
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ветер К.И.

ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР: Рассказы, Константин Ветер. - М: Издательство «Парвик», АПК и ППРО, 2008. - 512 с.

Автор благодарит за помощь в подготовке книги к изданию *Паршикова Семёна Стефановича*, генерального директора издательства «Парвик», *Паршикова Петра Стефановича*, редактора, ответственного за выпуск книги, а также сотрудников журнала «Виктория».

ISBN 978-5-8429-0224-8

Книга Константина Ивановича Ветра «Лабиринт царицы Магр» - это автобиографические рассказы о встречах и работе с конструктором космических кораблей Сергеем Королёвым, первым космонавтом планеты Юрием Гагариным, об испытаниях различной техники в Звёздном городке и на полигонах, которую используют в своей работе космонавты, о пережитом. Это увлекательные повествования о путешествиях на яхтах и катамаранах через Атлантику и вокруг земного шара, совершённые автором. Это крик души от равнодушия и лжи чиновников и власть предержащих.

Это книга об огромной любви к семье, детям, внукам. О беспредельной преданности своей Родине!

ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

© Ветер К.И., 2008

© Издательство «Парвик», 2008

© АПК и ППРО, 2008

ISBN 978-5-8429-0224-8

Константин Ветер,
ведущий инженер-испытатель пилотируемых
космических комплексов ЦПК им. Ю.А.Гагарина

Дорогие читатели!

Я представляю Вам книгу замечательного человека - Константина Ивановича Ветра, жизнь которого как и судьба зависела от многих факторов, порой невыносимых, сложных, интересных и необычных.

Константин не стал космонавтом, но он прошел очень трудный и сложный путь от простого человека до известного испытателя космических систем, талантливого изобретателя и путешественника. Всё интересно в его жизни. Поражает талант, энергия, которые позволили ему выходить из самых сложных ситуаций как в испытаниях космической техники, так и в жизни.

Наш Звездный городок всего лишь маленькое пятнышко на карте, тем более - на Земном шаре. В городке нет ни больших рек, ни моря, но Константин Иванович учил мальчишек и девчонок управлять парусами на нашем небольшом озере.

Много интересного можно сказать об этом человеке, но лучше, чем он написал в своей книге, не скажешь.

Читайте и не удивляйтесь, что все события, которые произошли с этим человеком действительно - были!

В. Зудов,
лётчик-космонавт
Звездный городок

АЭЛИТА¹

Апрельский вечер 2000 года. Звездный городок. Темно-синее небо в окне. Что-то у меня с ногой: уже год испытываю внезапные острые боли в щиколотке. Много этим беднягам, щиколоткам, как и ногам в целом, пришлось испытать. Сколько раз бились они о бетон площадок приземления после парашютных прыжков? Почти 2000 раз, многовато... Я помалкиваю о многом-премногом другом, к чему говорить? Да и не поверит большинство. Такое понимание доступно лишь тем, кто на своей шкуре испытал хотя бы частицу подобного. Вот и возникло желание рассказать людям о моих просто фантастических встречах с тремя нашими Генеральными конструкторами С.П. Королевым, В.И. Челомеем и В.П. Глушко... Со многими другими людьми, не такими известными, но оставившими в памяти и в душе не стираемые зарубки.

...Все началось с вызова из Москвы и с предложения привезти материалы по моему второму дипломному проекту с темой “Космический корабль для облета Марса одним человеком по траектории Гомана”¹. Надо отдать должное оперативности, с которой в моем ВТУЗе мне выдали практически все просимые материалы по этому диплому, да еще дали сопровождающего. По сравнению с моим “закрытым” дипломом (гриф “Совершенно секретно”), второй был классифицирован как “ДСП” - для служебного пользования, и сопровождающий меня работник скорее всего не имел отношения к охране, а просто помогал мне перетаскивать довольно громоздкие тубы с 69 листами чертежей и расчетно-пояснительной запиской в 289 листов.

Предварительно я сообщил номер своего поезда и вагона, поэтому мы с сопровождающим не были удивлены тем, что в Москве, у вагона, нас встречали двое в штатском, подхватившие мой дипломный “багаж” и передавшие моему ленинградскому спутнику его обратный билет домой, на поезд “Юность”, уехавший через несколько часов в Ленинград.

У Ленинградского вокзала мы сели в “Волгу” и через полчаса были перед зданием Главного Штаба ВВС на Пироговке, 23, где к нам подсел генерал ВВС, после чего “Волга” покатила по незнакомому мне маршруту.

По возникшему перед нами виду большого промышленного комплекса с многочисленными корпусами цехов можно было догадаться - это Подлипки, КБ и промышленная база Главного Конструктора наших пилотируемых космических объектов Сергея Павловича Королева.

Несколько удивил факт отсутствия какой-либо проверки и выписывания пропусков: мы без задержки въехали на техническую территорию и, повернув направо, через минуту остановились у небольшого здания. Вся наша группа, захватив привезенные мной документы-материалы, вошла в подъезд.

¹ «Аэлита» - название проекта

Входим в «предбанник» кабинета Королева. Одна из присутствующих здесь женщин, кивнув на наше приветствие, произнесла лишь два слова:

- Вас ждут.

Я хотел пропустить генерала вперед, но он, улыбнувшись, дал мне войти, оставшись в приемной, где задержались и мои двое сопровождающих. Мне ничего не оставалось как с двумя тубусами и папкой пройти тамбур кабинета...

Сергей Павлович отвечает на мое приветствие, приглашая пройти к столу совещаний. В кабинете приспущены шторы, и только сейчас я замечаю две сидящие здесь фигуры: это Николай Петрович Каманин и Юрий Гагарин. Здравуюсь с ними. Несколько секунд мы рассматриваем друг друга, я слышу голос Каманина:

- Сергей Павлович! Вот мы и привезли Вам Ветра! Того самого!

У Королева очень усталый вид, но глаза щурятся в дружелюбной улыбке:

- Что же у тебя есть интересного, Константин Ветер?

Пока Главный Конструктор готовился открыть положенную перед ним мою объяснительную записку, я извлекаю из обоих тубусов все мое чертежное хозяйство из 69 листов и аккуратно, в порядке спецификации сооружаю из них на столе некоторое подобие небольшого бумажного айсберга.

Королев начинает неторопливый просмотр документов, задерживая внимание на основных главах проекта: задача, возможность реализации, выводы, заключение. Каманин жестом просит меня пересесть ближе к нему и Гагарину. Тихо, очень тихо они расспрашивают меня, как я добрался в Москву. Были ли трудности при получении диплома в институте? Николай Петрович сообщает, что этой осенью я буду вызван в ЦНИАГ для прохождения комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки. Судя по всему, Каманин и Гагарин хорошо информированы о моих повседневных нагрузках (вероятно, эта информация была дана им представителем ВВС, побывавшим у меня в Ленинграде и посетившим места моих тренировок, в том числе и на спортивном аэродроме Лисий Нос.), предлагая несколько снизить их к моему моменту прохождения комиссии. Они спрашивают меня о семье, количестве выполненных за последний год парашютных прыжков, о барокамерных подъемах и вестибулярных тренировках. Все эти темы просты, отвечаю очень кратко, что вполне устраивает моих "слушателей".

Тем временем Сергей Павлович знакомится с перечнем чертежей, делая пометки карандашом. Поскольку все листы лежат "лицом" вниз (иначе они сворачиваются в цилиндр), Сергей Павлович отбирает заинтересовавшие его в перечне листы - сборок и полусборок, - откладывая их на левую от себя часть стола и прижимая их лежащей тут же деталью из нержавеющей стали.

Он делает мне знак рукой приблизиться к нему. Пересаживаюсь. Навсегда запоминается его первый вопрос. Без всяких вступлений:

- Самое узкое место в проекте?
- Обратный перехват и радиационная защита.
- Наибольшая продолжительность?
- 700 суток.
- Убежище?
- Трехслойное: свинец, графит, полиэтилен. Оно же - и стабилизатор по оси X.
- ПД с КСП вместо КСУ?¹
- Нужен постоянный зрительный контроль систем.
- Набор второй?²
- Два варианта: с геоцентрики и с поверхности. Разгонный блок ТТБ³.
- Коррекция?
- Три плюс по КРЛ^{4 5} Дублируется ручной.
- Коридор входа?
- Предельный - земной радиус.
- Автономный спуск после разделения при подлете?
- На ИВА⁶.
- Масса, резервное время?
- 210 кг, 2 часа.
- Комплектация СА, т. е. ИВА?
- СОУД, ТДУ, ОПС, НАЗ "Востока"⁶.
- Перегрузки?
- Максимальные - 15.
- СОЖ⁷?
- Имеющиеся штатные и перспективные разработки.

Королев молча рассматривает чертежи с размещением баллонов с кислородом, емкостей с водой, генераторами и поглотителями углекислоты, контейнеров АСУ. Неожиданно ему на глаза попадает скафандр: -СК?

- При разгерметизации обоих корпусов - это последний жизненный резерв.
- А яхточка в НАЗе - тоже последний резерв?

¹ ПД, КСП, КСУ - приборная доска, командно-сигнальные устройства, командно-сигнальное поле.

² Вторая космическая скорость.

³ ТТБ - твёрдо-топливный блок.

⁴ КРЛ - командная радиолиния

⁵ ИВА - индивидуальный возвращаемый аппарат.

⁶ СОУД, ТДУ, ОПС, НАЗ - система ориентации и управления движением, тормозная двигательная установка, основная парашютная система, носимый аварийный запас.

⁷ СОЖ - система обеспечения жизнедеятельности.

- Она необходима: после гибели капсулы в океане - это единственный способ выжить до подхода средств ПСС. Тем более прогноз места посадки проблематичен.

- Сам бы рискнул?

- Прошу об этом с 1957 года. Есть свидетели. Они здесь.

- Да? Что ж, лет через пять попробуем...

Сергей Павлович поворачивается к Каманину и Гагарину:

- Оставляю его у себя, - улыбается, - тут премного интересного. Даже слишком. Не ожидал...

Впервые в разговор с Королевым вступает Каманин:

- У него в сентябре ЦНИАГ.

Королев:

- К нам можно и без ЦНИАГа, с ИМБП. И потом... Потом у вас все может быть! У нас проще. Лишь бы мысль у человека была. Ее всегда можно одеть в металл. А мысль здесь есть и даже... стоящая...

Гагарин:

- Сергей Павлович! Пусть он сам до осени подумает куда? Может, все-таки к нам?

- К вам... Он же спорщик. По глазам видно. А у вас таких, будь они семи пядей... не очень любят... Хорошо, до осени. А это все останется у нас!

И тут совершенно неожиданно в кабинет входит Президент Академии Наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш:

-Здравствуйте! Как поживаете. "Аэлита"?

...В тот же день экспрессом №9 я вернулся домой в Ленинград...

КРАЙ ЛЮБИМЫЙ

Под очень старым синим небом
Жил де Преторе молодой,
И никогда он сытым не был и
жарким летом, ни зимой.
Он рос на улице убогой,
Был сын убитого отца,
Идя нелегкою дорогой,
Что без начала, без конца...
Эдуардо де Филиппо,
"Винченце де Преторе".

Я до сих пор не знаю неба синее, чем то, что раскинулось над моим родным городом Шигры, что стоит на Курщине. И нет зеленее лесов. И чище речек и озер. Казалось, столько чужих земель видел, ан нет! И Солнце у нас поярче, и Луна пожелтее, а главное, люди добрее намного! Вот загадка!

Так уж случилось, что главным лицом в моем детстве был дед. Железнодорожный мастер, он умел ремонтировать любые машины, делать

любые игрушки и рассказывать правдивые интереснейшие истории, сопоставимые, пожалуй, лишь с русскими сказками. Он видел живого Ленина.

В три года дед выучил меня читать и писать печатными буквами, при этом на четвёртом году своей жизни я даже пытался записывать всё, что видел вокруг.

Свободное от работы время дед проводил на самом большом из пяти имевшихся у нас озер-прудов - Вырдовом. Я не знаю, кто дал это название озеру, не знаю, что оно значило, но, судя по всему, оно носило это название еще в восемнадцатом веке.

Дед рыболовом никогда не был. Зато хобби у него было не совсем обычное для того времени: он мог часами сидеть за рулем построенного собственными руками швербота "Ерш". Это был шлюп длиной около шести метров с парой брезентовых парусов (грот и стаксель), также пошитых дедом собственноручно. Плоскодонный корпус, построенный за пару лет до моего рождения, позволял разместиться в нем четверем взрослым мужикам, которых дед частенько катал по всему озеру, доставляя им и себе немалое удовольствие. На озере было где развернуться: длина его была километра полтора, ширина - триста метров. Надо сказать, что дед мой ловко управлялся с парусами, подтверждением чему служил тот факт, что за все время существования "Ерша" не было ни единого случая его опрокидывания (оверкиля) даже в очень сильные весенне-осенние ветра.

На зиму яхточка ставилась дедом на деревянные бруски на берегу озера, и за все годы не было случая, чтобы кто-то повредил или малость поломал этот единственный в городе парусник.

Мое первое знакомство с озерами произошло в три года. Уже тогда дед стал приучать меня потихоньку держаться на воде, и с трех лет я уже довольно сносно освоил плавание "по-собачьи", подгребая воду под себя согнутыми в локтях руками.

И вот однажды мой дед, наблюдая с "Ерша" за суетой, которую творили мои ровесники у берега, плавая наперегонки и скрываясь под водой от преследования товарищей, подошел к нам на "Ерше" и, погрузив всех нас на яхту, отвез на середину озера.

- А теперь, - сказал он нам, - кто доплывет отсюда до берега, получит от меня две большие, нет, самые большие порции мороженого! Ну! Кто первый?!!

Первым с "Ерша" нырнул в воду Петька Рязанцев, вторым - Ленька Дубинин, третьим - я. За нами еще пятеро ребятшек, поколебавшись несколько секунд, сиганули в озеро. На паруснике осталось двое самых осторожных, которых дед, сопровождая нас, доставил к берегу.

Что и говорить, устали мы все прилично: ведь это была наша первая в жизни попытка одолеть целых двести метров до берега! Но добрались мы все, кто прыгнул с яхты! И дед свое слово сдержал: все восемь пацанов, которым не было еще и шести годков, получили от деда по две огромные

порции мороженого с вафлями! Надо было видеть в этот момент наши счастливые рожицы, перемазанные мороженым... После этого случая ребята на озере только говорили об этом, надеясь, что им будет еще раз предложено отличиться таким же образом.

И надо же! После того случая некоторые из нас уже отваживались переплывать озеро, что раньше было приоритетом взрослых.

Как я уже говорил, наш городок был очень чистым и зеленым. На западе он соседствовал с большим лесным массивом - Барановским лесом, состоявшим сплошь из молодых дубов; на севере и востоке просматривались заросли лесов Разлатого и Вязового. В самом городе было очень много деревьев, из которых выделялись высоченные, до 30 метров, тополя, что росли на улице Большевиков, прямо у нашего домишки. Все окружавшие город озера были в зарослях высоких ив. На берегу нашего Вы- дрова озера было место, где над водой склонялась высоченная, метров под двадцать, ракета, с ветвей которой ребята постарше ныряли в озеро, благо, что позволяла здешняя глубина (около четырех метров), образовавшаяся в свое время из-за выемки грунта для каких-то хозяйственных целей.

Ребята постарше нас, заканчивали купание, как правило, прыжками в воду с этой огромной ракеты, на которой "площадками" отделения служили наиболее массивные ветви, заведомо очищенные от малых веток и листвы. Тем, кто был помладше, тоже приходилось бывать здесь и прыгать в воду, правда, с небольшой 3-4-х метровой высоты.

Однажды во время этих занятий я заметил сидящего в сторонке своего деда, наблюдающего за ребятами. Подозвав меня, он спросил:

- Ну, а если повыше, сможешь?
- Откуда?
- А вот оттуда, откуда сейчас прыгает Димка!

Тринадцатилетний Димка собирался полететь в воду с самого высокого места на дереве. Он уже стоял на толстенном сучке, держась руками за верхние ветви, а через пару секунд уже входил "солдатиком" в воду, не поднимая особо много брызг. И вообще Димка считался чуть ли не самым лучшим прыгуном у нас.

- Дед, но это же высоко!
- А ты попробуй все-таки... Или кишка тонка?

Упоминание о "тонкой кишке" у наших ребят было самым страшным ругательством, ибо ассоциировалось с явным проявлением трусости. Мог ли я стерпеть этакий дедовский упрек? Или пусть даже намек на мою боязнь?

Мне, было тогда пять с небольшим лет! Но позориться перед дедом мне все-таки было страшнее всего. Тогда дед напрямик не назвал меня трусишкой, но я почувствовал, что надо что-то предпринимать, чтобы не опозориться.

Когда 5-летний мальчишка полез на самую высокую ветку, склоненную над озером дерева, даже старшие ребята перестали суесться на берегу, следя, как малец карабкается на освоенное только ими “высотное” место. Через три минуты я уже стоял на той самой ветке, с которой только что прыгнул Димка. Глянул я вниз и обомлел: далеко подо мной рябилась искрами солнечных бликов поверхность озера...

Я стоял всего-то десяток секунд, а внизу уже начали раздаваться восклицания и смешки в мой адрес. И я прыгнул. Прыгнул точно также, как прыгал с нижних ветвей - головой вниз, сведя руки и сцепив пальцы вытянутых рук перед головой! Глаза я не закрыл, а потому вдруг увидел, как стремительно несется на меня **все озеро!**

С этого момента я любое свое купание на озере завершал хотя бы одним прыжком с самой высокой “площадки” нашего дерева-вышки. Но тогда дед ничего не сказал мне на берегу и лишь дома, хлопнув внука по спине ладонью, произнес в присутствии мамы и ее сестры:

- А он у нас не трус. Уже не плохо...

И через несколько дней после этого случая, я впервые был допущен дедом к рулю “Ерша”. Тогда же до поздней осени я познавал первоначальные тайны управления парусником... А зимой, после школы (в первый класс, которой меня отдали в семь лет), после приготовления уроков, после катания на коньках по льду того же озера, дед подозвал меня к своему столу, на листе бумаги появились схемы-картинки парусников, обдуваемых ветрами всевозможных направлений и совершавших всевозможные поворотные и иные маневры на акватории. В конце концов, я стал разбираться в основах этой хитрой науки, накопив к очередному лету уже хоть и простой, но теоретический багаж.

В начале мая 1939 года, взяв в руки румпель яхты, я впервые совершил свое “одиночное плавание” из одного конца озера в другой в довольно свежую погоду при ветре 5-6 метров в секунду, и, несмотря на свой малый вес, ни разу не положил яхту на воду. Дед был очень доволен моими успехами в откренивании и закренивании “Ерша”. Само движение лодки без весел и мотора удивляло меня своей скрытой таинственностью. Тогда я не мог понять, почему это паруса “везут” нас? Ведь мы, находясь на борту яхты, ничего не делаем, не прикладываем никаких усилий для хода парусника! Лишь держим румпель и шкоты! Пройдет время, и многое из этой тайны станет для меня понятным, и тайна исчезнет! Но тогда...

Конечно, у меня не все шло и проходило гладко в то далекое довоенное время. Десяток раз мне приходилось оказываться за бортом “Ерша” при его переворотах. Но дед никогда не ругал меня за такие, как он выражался, “кренделя”, и мы с ребятами довольно быстро ставили яхту на ровный киль, залезая в нее и продолжая плавание. Кстати, к такому быстрому приведению парусника на ровный киль способствовало наличие на нем четырех металлических емкостей (баков), закрепленных под банками.

Они же обеспечивали и непотопляемость яхты при заполнении ее корпуса водой. Это был своеобразный предшественник “Дракона” с его несомотливным кокпитом, без шпигатов.

Спустя год, летом 1940 года, отец моего товарища и соседа по улице Ленки Дубинина, сделал своему сыну некое подобие нашего “Ерша”. О, это была уже целая флотилия! Мы могли гоняться по всей длине озера, а взрослые организовали чуть ли не тотализатор, ставя на победителя и рассчитываясь порциями мороженого¹.

В этом году у меня в руках впервые оказались “Дети капитана Гранта” из большой, по меркам того времени, дедовской библиотеки. Затем последовали “Двадцать тысяч лье под водой” и “Таинственный остров”. Несомненно одно: Жюль Верн сыграл большую, если не огромную, роль в этот период моей жизни.

В этом году нас постигло несчастье: умер мой дед. Как-то пусто и холодно стало в нашем доме, несмотря на исключительную теплоту отношений и заботу мамы и всех наших родных. Отец был в армии и о нашем горе узнал с некоторым опозданием.

Наступил страшный по своей суровости 1941 год. Фашисты стремительно приближались к Москве, а в один из теплых еще, сентябрьских дней над нашим городом впервые появился самолет, на крыльях которого чернели кресты. Сброшенная им бомба буквально разворотила дом на улице Луначарского, и тогда я впервые увидел убитых людей и ставшие серыми от горя лица их родных.

Отец уже был на фронте. Наши войска вынуждены были отходить из-за огромного, подавляющего, особенно в технике, преимущества фашистских полчищ. Да и по численности немцы превосходили наших.

Мы были полностью готовы к эвакуации, даже забили окна нашего домишки досками и фанерой, а на улицу выставили два больших узла с вещами первой необходимости. Нас должен был забрать автобус механического завода, но он не пришел. И поскольку у нас на руках была старая бабушка, мама и ее сестра Лидия мы не решились идти пешком по шоссе в направлении Воронежа, а остались в Щиграх.

21 ноября 1941 года гитлеровцы захватывают мой родной город.

И небо из синего стало черным на полтора года...

¹ Тем же летом дед впервые дал мне взглянуть в свой телескоп, доставшийся еще от его отца и очень оберегаемый дедом. То, что я увидел, заставило меня забыть обо всем: в небе передо мной вместо звезды дрожал и переливался острый серп Неведомого... (Венера).

«ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ»

Самым тревожным и загадочным событием моей девятилетней жизни стало отступление нашей армии от Курска через Щигры в направлении Воронежа.

21 ноября 1941 года. Вечер. Мой родной, красивый, зеленый город был весь в огне. Горели все здания на центральных улицах. Мощные дымы пожара вздымались к небу, словно выброшенные огромными действующими вулканами. Весь воздух над городом был насыщен запахом гари и медленно оседающим пеплом.

Мы с мамой и ее сестрой Лидией прятались в убежище, вырытом в пятидесяти шагах от нашего домишки. По сути, это было не убежище, а глубокий десятиметровый окоп, прикрытый одним накатом бревен и землей. Было холодно, и мы сидели, съежившись, прикрываясь старенькими одеялами. Время от времени взрослые выглядывали наружу.

Постепенно дым и гарь заставили всех нас оказаться наверху у входа в наш "окоп", что явно усугубляло наше положение, ибо ночь обещала быть холодной. Вокруг шла интенсивная стрельба. Кто и где стрелял, понять было невозможно: звуки выстрелов заполняли все вокруг, многократно отражаясь от домов и других построек. Неожиданно мы заметили, что прямо на нас бежит группа вооруженных винтовками людей в шинелях и в фуфайках. Бежали они молча. Гулко отдавался стук их сапог о подмерзший грунт. Метрах в десяти от нас остановился лейтенант с портупеей, но без фуражки. Гимнастерка его была расстегнута, в левой руке его я увидел пистолет, а в правой - планшет. Он несколько раз протяжно прокричал услышанную нами ранее фразу:

- Слушайте приказания командира роты! Слушайте приказания командира роты! Слушайте...

Мне показалось, что никто из бегущих не обращает внимания на его слова, но уже через минуту я понял, что его слышат, поскольку его сразу же окружила полукольцом группа красноармейцев и они все быстро пошли, а затем побежали в сторону железнодорожного моста.

Полночь. По-прежнему над городом сильнейшее зарево. Можно читать. Стрельба постепенно стихла, и старшие принимают решение разойтись по домам, правда, с Валькой Фатеевым мы успеваем смотаться на улицу Ленина к пылающему почтамту, где некоторое время глазеем на огромный костер, в который превращалось столь знакомое нам и красивое здание, памятное нам тем, что у входа в почтамт всегда продавалось вкусное мороженое с круглыми вафлями. А сейчас.

...Домашние выражают явное неудовольствие моим получасовым отсутствием. Мама запирает дверь, и мы все, не раздеваясь, ложимся на свои койки, через некоторое время, забываясь чутким, тревожным сном...

Я проснулся раньше всех. Накинув свою старенькую фуфайку, выхожу во двор, стараясь не хлопнуть дверью. Уже рассвело. Поражает тишина

вокруг. Даже в ушах начинает позванивать. Через забор осматриваю соседние дворы и дома, везде - ни души! И тут я решаю пробежаться к соседу, Леньке Дубинину, чтобы договориться о дневной встрече.

Осторожно открываю засов калитки и выхожу на улицу. Некоторое время стою, прислушиваюсь. В доме напротив скрипнула дверь и отворилась калитка. Из нее вышел хромой мужчина с ведром. За его спиной я вижу знакомую учительницу, Клавдию Семеновну Пронину, седоволосую, с большими грустными глазами. Она что-то говорит мужчине и закрывает калитку. Мужчина делает несколько шагов к водоразборной колонке и в этот миг справа от меня раздается приглушенный гул, который всего за несколько секунд превращается в оглушительный грохот: из-за здания районной библиотеки стремительно выскакивает группа мотоциклистов с колясками. Я отчетливо вижу людей в пилотках с красными, как мне показалось, звездами, хотя уже через секунду, я понял, что это не звезды, а красные кружки внутри темного треугольника, очерченного белыми линиями. Мгновенная мысль: "Это же не наши! Это... немцы!"

В один миг мотоциклисты разворачиваются веером и спрыгивают со своих машин. В их руках автоматы. На двух колясках замечаю черные длинные стволы пулеметов. Хромой мужчина бросается назад к калитке, но раздается очередь, и он, роняя ведро, падает. Под ним начинает расплываться красное пятно.

- Хальт! Слева и справа от меня стоят два автоматчика, они оттесняют меня к воротам, буквально вжимая меня в их створки дулами своих "шмайсеров", и опять орут мне в уши:

- Хальт! Хальт! Киндер, хальт!

Я всем телом вжимаюсь в доски ворот, прижимая руки к груди, и в это время вижу прыгающие передо мной огоньки в автоматных стволах...

Странно, но я совершенно не слышал выстрелов, а они же стреляли!

Затем я вижу, как они быстро вскакивают в седла и в коляски мотоциклов, разворачиваются и несутся по нашей улице к зданию почтамта. Через стрекот их мотоциклов прорываются звуки автоматных очередей...

Я медленно вхожу в наш двор, где у приоткрытой двери дома стоит мама. В ее глазах горечь упрека:

- Сынок, что же ты нам нервы мотаешь? Ну, посиди же пока дома, не выходи. Ой! Да что же это они наделали? - мама смотрит на ворота.

Я тоже поворачиваю голову: что такое? Весь двор у самых ворот засыпан щепой. А в досках ворот белеют полосы от вырванных пулями щепок. Их очень много. И тут меня осеняет. Выбегаю на улицу и смотрю на створки ворот - на них едва заметными точками просматриваются входные пулевые отверстия. Они четким контуром обрисовывают мою фигурку.

Я все понимаю. И ничего не говорю своим.

Лишь к вечеру мы с Петькой Рязанцевым пересчитываем количество еле заметных пулевых отверстий со стороны улицы. ИХ - 67! В то утро 67 смертей пролетели рядом со мной, в каких-то сантиметрах от меня.

А я ничего этого и не заметил. И вдруг пришла мысль, от которой едва не остановилось сердце: а если бы в этот момент во двор вышла мама или её сестра?

ОДНАЖДЫ В ДВА ЧАСА НОЧИ...

Пришел январь 1942 года с морозами под сорок. На улице трескались стволы деревьев, а в комнате у нас было не более пяти градусов тепла.

И надо же было такому случиться: в нашем домишке, стоявшем рядом с комендатурой, поселился эсэсовский палач Франц. Он занял, естественно, единственную нашу “большую” комнату, переселив нас троих на кухню.

Земля слухом полнится, и через пару недель мы уже знали, что представляет собой этот тип. Это он пытал, а потом лично расстрелял двух наших летчиков самолета, который был сбит над городом. Эсэсовец пытал и других наших людей в застенках комендатуры и в подвалах полицейского управления. Днем, как правило, он находился дома, приобщаясь к коньяку и к нашему роялю, стоявшему в “его” комнате. Палач неплохо играл Лешгорна и Вагнера, проводя за роялем по часу и больше. В поведении этого “сверхчеловека” подмечалось много странностей: улыбаясь, он тут же мог ударить ногой нашу Мурку, которая никак не заслуживала такого отношения; мог ни с того, ни с сего швырнуть бутылку из-под шнапса в раму окна, выбивая при этом несколько стекол. Несколько раз по вечерам он неожиданно молча выходил из “своей” комнаты, брал меня за шиворот и, открыв дверь на улицу, вышвыривал меня в сугроб, наблюдая при этом, как мальчишка корчится в снегу от мороза без верхней одежды... Надо же, при этом я даже ни разу не заболел.

Однажды я сидел в нашей комнатухе и читал “Приключение Буратино”. Книжка была раскрыта на странице, где псы-полицейские в мундирах с погонами, пугая своим звериным оскалом встречных, гнались за Буратино и Мальвиной. И в это время ко мне тихо подходит Франц, смотрит на раскрытую книгу и спрашивает меня:

- Что это в мундир?

И тут, вспомнив его издевательства надо мной, я сорвался:

- Это немецкие солдаты!

От сильнейшего удара в лицо я слетел с табуретки и оказался под кроватью! Из моего расплуснутого носа текла кровь, которой был забрызган весь пол. Но я не заплакал. Я выполз из-под кровати прямо к ногам моего мучителя, поднял свою разбитую морду и, глядя ему в глаза, пропичал:

- Это немецкие солдаты...

Свой повторный полет я не помню. Где-то далеко-далеко звучал голос мамы, переплетающийся с рычанием эсэсовца. Очнулся я на своей койке, укрытый маминым пальто. Очень болело лицо. И шея. Рядом сидела сестра мамы и прикладывала к моей голове влажное полотенце. От боли

я не мог даже приоткрыть рот. Один глаз у меня совсем заплыл, и я им не видел...

Лишь спустя неделю, я узнал: “наш” эсэсовец хотел тогда пристрелить меня прямо в комнате, где я валялся на полу после его второго удара. Но на его руке с “парабеллумом” повисла мама, что, наверное, и помешало этому уроду прострелить мою маленькую башку...

Я стал потихоньку выползать во двор, вызывая законное любопытство моих друзей-товарищей своей синей мордой и продолжительным непоявлением на улице. При встречах с Францем он, улыбаясь, стал приветствовать меня несколько необычной для него фразой:

- О! Маленький большевик! Та-та-та-а!

И, изображая руку пистолет, направлял на меня палец-ствол...

...В середине марта еще держались морозы. Снежные сугробы превышали человеческого рост. Однажды ночью я проснулся от шороха за окном. Прислушиваюсь: нет, тихо кругом. Может, показалось?

Нет, кто-то царапает наше стекло. Закутавшись в одеяло, тихонько чтобы не разбудить своих, подхожу к окну и вижу, что под окном прямо на снегу сидит человек в некотором подобии одежды и с женским платком на голове. Он протягивает руку, и я слышу знакомый мне скрип...

Мы знали, что значит тогда оказаться в два часа ночи на улице: патрули могли пристрелить любого на месте!

Маму температурило вторые сутки. Пришлось разбудить тётю Лиду. Тетушка моя - храбрый человек! Тихо, чтобы не потревожить фашистского постояльца, она, прокрадываясь к выходной двери, попутно набросив на себя пальто, через минуту уже находилась под окном, где сидит на снегу наш ночной посетитель. Тетушка поднимает его и буквально волоком втаскивает в дом. И здесь я узнаю эту закутанную в отрепье фигурку: это Любовь Абрамовна Блюм, коллега мамы по работе в управлении городского механического завода. У бедняги отморожены пальцы на руках, и она может говорить лишь через некоторое время, немного согревшись.

...Мы услышали страшный её рассказ.

Прошлой ночью всю ее и соседнюю еврейскую семью фашисты вывезли в овраг Старого города и расстреляли всех до одного..., не пожалев даже двух ее совсем маленьких племянников. Будучи маленького роста, она успела спрятаться в небольшой шкафчик, почти тумбочку, куда убийцы не догадались заглянуть. В доме были выбиты все окна, но она ухитрилась пробыть там сутки, и, уже замерзая, решила добраться к нам, единственным ее знакомым, которых она хорошо знала...

В комнате эсэсовца тишина. Не зажигая коптилки, тетюшка достает из шкафа кастрюлю с вареными картофельными очистками, подобранными у немецкой полевой кухни, и остатки вороньего мяса (у нас водилось и такое, иначе нам бы не выжить). Но Любовь Абрамовна не может, есть: у нее от мороза опухли и онемели губы.

...Просыпается мама. Её нисколько не удивляет наша ночная гостья:

- Вы покормите её. Чаю ей согретье хоть немного...

В печурке на собранных днем ветках мы осторожно согреваем воду в алюминиевой кружке, и Любовь Абрамовна потихоньку, медленно выпивает теплую воду в "прикуску" с кусочком "воронятины"...

Мама принимает решение спрятать несчастную женщину в нашем погребке. Он находится рядом, в чулане. Во-первых, там даже теплее, чем дома. Во-вторых, туда не станут заглядывать немцы, зная, что у нас обитает их "расстрельная" сволочь. И, конечно, никому ни слова! На том и порешили.

Любовь Абрамовна Блюды прожила у нас почти два месяца. Что стоили эти месяцы для мамы и тети Лиды - вы можете себе представить. Слишком велика была опасность обнаружения спрятанного у нас человека. А кормежка, а все остальное? Но выдержали мы. А ведь узнай фашисты об этом - вмиг бы наш домишко стал пустым за "пособничество" врагам рейха.

Когда потеплело, мы проводили ее в пригород, где было все-таки намного безопаснее, чем под самым боком комендатуры и полиции.

ПО СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА ВИДНО...

Весна. 1942 год. Почти полгода двуногие существа в серо-зеленой шкуре, украшенной черным пауком свастики, вышагивают по моему родному городу. Все вокруг в обугленных остовах сгоревших домов, пустые черные окна которых напоминают глазницы человеческих черепов...

Зима была лютой. Морозы зашкаливали за тридцать. Мы по-прежнему обитаем в нашем крохотном домишке, что на улице Большевииков, переименованную ныне в Малоархангельскую. Нам нечего есть. Утром с прекращением комендантского часа мама и ее сестра уходят из дома, чтобы найти на улице замерзших ворону, галку, воробья, а если повезет, то и рыбешку на подтаявшем льду озера, продавленном повсюду танковыми гусеницами.

Я тоже не теряю времени. Со своими сверстниками, Валькой Фатеевым и Ленькой Дубининым, мы отправляемся к местам "базирования" немецких кухонь, где можно иногда поживиться картофельной кожурой, обрезками заплесневелого хлеба или ледышкой слитого из котлов и тут же замерзшего супа.

Еще мы ходим за город в поле. Нам, 10-летним, это намного безопаснее, чем взрослым, ибо все взрослые, задержанные на полях, объявлялись фашистами партизанами и расстреливались на месте без суда. Нам часто приходилось спотыкаться о трупы этих несчастных, занесенных снегом.

Мальчишек немцы пока не трогали, но, обнаружив в наших сумках десяток мерзлых картофелин, тут же выбрасывали их. До сих пор удивляюсь:

как мы выжили тогда? Не имея ничего! Даже питьевую воду мы получали из снега! Вы спросите, откуда были дровишки? Да из многочисленных пней, которые вырубались жителями до последнего корня! Забираясь в каменную от мороза землю на метр!

Спички нам заменяла “катушка” - стальная пластинка, с куском кремня, - которой виртуозно владели все женщины и дети без исключения, разжигая печку или засвечивая коптилку, бензин для которой мы поворачивали на местах стоянки немецких автомашин. Пол-литра бензина нам, например, хватало на целую неделю. Да, зимние-то ночи и не только холодные, но и длинные...

Наш двор был ограничен неким подобием забора из ржавых труб, проволоки и висящих на ней обрезков кровельного железа, отделяя нас, таким образом, от парка, в котором с начала войны был вырыт глубокий котлован для складирования бочек с ГСМ. За зиму стены этого котлована осыпались, что однажды не помешало нам раскопать там бочку с остатками керосина, это явилось тогда для нас подарком судьбы.

И вот в одно раннее утро первых чисел апреля я, оказавшись во дворе, неожиданно услышал выстрелы.... Стреляли совсем близко, неторопливо, размеренно. Осторожно пробираясь на звуки выстрелов, я приблизился к упомянутой изгороди и стал свидетелем странной для меня картины.

...В 15 шагах от меня на самом краю котлована на коленях, лицом к яме, стояли 6 человек со связанными за спиной руками. Среди них - две женщины. В шаге от них прохаживался столь знакомый мне эсэсовец Франц, тот самый, дважды избивавший меня зимой и многократно выгонявший меня из дома на мороз раздетым и едва не застреливший меня однажды прямо на глазах у мамы. Слева от Франца стояли немецкий автоматчик и начальник полиции города, некто Волобуев, морду которого я бы узнал среди сотен других. Эсэсовец и полицейский смеялись. Неожиданно Франц шагнул к одному из стоявших на коленях на краю ямы и поднес руку к его голове. Щелкнул выстрел. Я и понять не успел, что происходит: фашист быстро толкнул застреленного им человека ногой, и тот исчез в котловане...

И только тогда я увидел в левой руке эсэсовца пистолет. Нет, не “Вальтер”, не “Парабеллум”, просто маленький пистолетик-браунинг, едва заметный в огромной ладони этого верзилы-убийцы.

Когда от “шеренги” стоявших на коленях людей осталось двое, к ним шагнул Волобуев и, достав свой “ТТ”, так же спокойно совершил два выстрела, как это делал фашист, толкнув ногой трупы в котлован.... И тут из-за сарая появилось двое мужиков с носилками, наполненными скорее всего известью, которую они тут же высыпали на трупы расстрелянных. Затем эти двое лопатами еще несколько минут засыпали это место землей.

А вокруг пахло весной.

В последующие несколько дней расстрелы повторялись точно в одно и то же время! Так же подводили к котловану группу людей со связанными за спиной руками. Так же приказывали им стать на колени на самом краю котлована. И та же омерзительная нелюдь в эсэсовской форме с безразличием робота убивала наших людей, которых в затылок друг другу выводили из здания комендатуры к котловану. А в это время вокруг на деревьях набухали почки, издавая тот неповторимый запах обновления жизни, который чувствует каждый из нас с приходом весны...

Уже тогда я не мог ответить себе на один вопрос: почему эти обреченные, поставленные на грань жизни и смерти люди, не предпринимали никаких попыток к сопротивлению, а покорно, как скот на бойне, шли к своему концу!

Ведь даже если обижают ребенка, он сопротивляется, кричит, кусается, наконец! А эти шли на убой, не предпринимая ничего! И только один раз мы с Петькой Рязанцевым видели, как одна женщина сделала попытку ударить Франца ногой, хотя тут же была опрокинута в яму с простреленной головой... Но. Она пыталась!

Позднее мы поняли, почему обреченных казнили утром: в 6.00. с городского аэродрома поднимались буквально тучи “юнкеров” и “мессеров”, ревом своих моторов заглушая все вокруг.

Это же было лето 1942 года, когда гитлеровцы, прорвав Воронежский фронт, устремились к Сталинграду.

И все-таки судьба наказывает нелюдей. В конце июля Франца навестил его знакомый эсэсовец, подаривший ему большую красивую пепельницу, украшенную фигуркой Самсона, раздирающего пасть льва. Оба эсэсовца, нагрузившись коньяком, раскуривают сигары, громко говорят о событиях на фронтах, и в один из моментов Франц, поднося сигару к пепельнице, стряхивает огненный пепел и тут... раздается взрыв такой силы, что у нас на кухне полностью вылетели оконные стекла! А из комнаты фашиста несетя страшный вой!

...Франц лишился обоих глаз, а его “коллеге” оторвало часть носа. К тому же у Франца были раздроблены все пальцы руки, державшей сигару.

К счастью, для нашей семьи все обошлось: ни маму, ни ее сестру, ни меня не тронули. Расстрелы прекратились. Но спустя неделю, я со своими сверстниками стал свидетелем целого ряда казней через повешенье.

Виселицы сооружались во дворе школы №4 по улице Большевиков. Людей насильно выгоняли из домов к месту казни. Но на этот раз приговоренные, как небо и земля, отличались от расстрелянных жертв, хотя все они были женщинами! Они кричали, проклинали палачей, плевали на полицейских и солдат.

Из них лишь одна вела себя крайне спокойно и всего за несколько секунд до смерти эта женщина громко без надрыва произнесла, глядя в толпу:

- Наши придут! Этим скоро конец! Смерть немецким...
В эту секунду палачи выбили скамейку из-под ее ног...
Вот уж воистину: по смерти человека видно, стоило ли ему родиться!
До прихода наших оставалось семь месяцев.

«ДРАП НА ЗАПАД»

2 февраля 1943 года, немцы драпают. Драп на запад. Драп в обратную сторону. Толпы офицеров с оружием в руках несутся по городу на запад. Крики, суета, грохот машин и лязг гусениц, мы видели, как из набитого немцами грузовика сами фашисты выбросили своего солдата. Натужно режут моторы увязающих в глубоком снегу автомобилей, повозок, орудий, танков, при этом спецкоманды буквально выжигают оставшиеся здания с помощью огнеметов. Рядом с нашим домишкой горит здание районной библиотеки, превращенное оккупантами в офицерский бордель. Огнемётчики ходят вокруг деревянных построек-сараяв, вплотную примыкающих к нашему домишке. Если их подожгут, наше жилище мгновенно превратится в факел. У немцев что-то не ладится с огнеметами, и они на время уходят к комендатуре.

Я знаю, что находится в этих дощатых сараях. Это разнообразное оружие, собранное фашистами в городе. Однажды вечером мы с ребятами, оторвав две доски с тыльной стороны построек, залезли внутрь, где познакомились с этим огромным арсеналом, утащив из ящиков аж восемь пистолетов “ТТ”, ржавых, но вполне пригодных для стрельбы, что и было нами проверено, поскольку мы прихватили еще около сотни патронов к ним. В конце января мы вытащили из другого сарая ящик с аккуратно уложенными в нем нашими ручными гранатами РГД с надетыми на них осколочными “рубашками”. Тут же в ящике находились и запалы-детонаторы по числу гранат в ящике. Этот ящик мы замаскировали у нашего забора, забросав его снегом. Это было в конце января, а сейчас...

...Сейчас фрицы притащили две канистры с бензином и стали поливать им дощатые стены сарая-арсенала. Один из немцев поджигает зажигалкой ветошь, укрепленную на длинной палке, и этим факелом начинает водить по пропитанным бензином стенам, обегая кругом строение. Но стоило немцу скрыться за углом, как из-за нашего домишки выскочила моя тетушка и быстренько так деревянной лопатой забросала снегом начинающее разгораться пламя... Забросала и нырнула за наш сарай. Фриц-поджигатель, обжевав строение и увидев, что огонь погас, выругался и вновь стал поливать доски из канистры, и тут же поджег их. Но стоило немцу уйти, как тетушка снова забросала пламя снегом. “Арсенал” так и не загорелся, что, без всякого сомнения, спасло наш домишко от уничтожения.

3 февраля. Город продолжает гореть. Часто раздаются взрывы, это немцы взрывают железнодорожное полотно и мосты. За городом мы видим длинную колонну танков, которая хорошо просматривается с чердака двухэтажного дома Фатеева Вальки. Через час я возвращаюсь домой. Очень хочется есть, аж скулы сводит! Я уже открываю дверь в дом, как вдруг неожиданно у наших ворот останавливается немецкая бронемашина. Очень уродливой конструкции: впереди два автомобильных колеса, а сзади часть кузова опирается на гусеницы! Вот такой это был у них “мутант”.

Из этой бронемшины выскакивают двое в шлемах и черных комбинезонах, они бегут к комендатуре и исчезают в ее дверях. Я до сих пор не могу объяснить, почему я тогда быстро открыл крышку ящика с гранатами, вытащил одну из них, испачкав руки в густой смазке, покрывающей гранату, и снял с ее корпуса осколочную “рубашку”. Затем из отдельного пакета достал детонатор и вставил его в корпус гранаты. Взвожу рукоятку и ставлю ее на стопор-предохранитель, закрыв планкой красную метку. Теперь, чтобы привести гранату в боевое положение, достаточно сдвинуть планку вправо и увидеть “красный сигнал-точку”. Граната готова к действию, можно было бы бросать!

Вы скажете, откуда 10-летний мальчик знал такие “технические” тонкости? Да мы этих гранат перекидали за городом десятки! Мы знали в деталях все особенности настолько нашей “карманной артиллерии”, всех немецких гранат, “толкушек” в том числе с их длинными ручками, давшими название этим боеприпасам.

Оглядываюсь. Улица пуста. До бронемшины 4-5 шагов. Прицеливаюсь и бросаю РГД прямо в большой открытый прямоугольник ее кузова. Мигом слетаю с забора и бегу к сараю! Летят секунды: 2, 3, 4! Взрыва нет! 5, 6, 7, 8.... Тихо. И меня осеняет: о дурак! Я же не сбросил предохранитель! И метнул взведенную гранату, не разблокировав ударный механизм! Скорее бежать. Если немцы, вернувшись, увидят в кузове бронемшины гранату, они же расстреляют всех живущих поблизости! И я удираю изо всех сил из нашего двора в сторону парка...

...Домой я вернулся лишь к вечеру. Немцев с их бронемашинной и след простыл. Вот увидят мой “подарок”! Интересно, что подумают? Но ящик с остальными гранатами все-таки перетащил на нейтральную территорию.... Так спокойнее.

Дети не сознают последствия подстерегающей их опасности. В составе группы ребят из соседних дворов, я бежал к промкомбинату, где по словам Петьки Рязанцева, стояли два немецких мотоцикла с колясками, и можно было поживиться их содержимым. Немцев там не было видно.

Приподняв закрывающий коляску брезент я увидел два “шмайсера”, которые тут же были извлечены Лёнькой Дубининым. Мы стали быстро уходить от мотоциклов, но тут открылась дверь промкомбината и из нее выскочили двое фрицев, бросившихся в погоню за нами.

Мы с Борькой Головиным оказались несколько в стороне и видели, как немцы стали наступать наших “партизан”. И тут мы увидели длинный черный кабель на снегу. Рванув его изо всех сил, мы приподняли кабель прямо перед бегущими фашистами. Немцы не упали и даже не споткнулись, но бег замедлили. А в это время “партизаны”, побросав “шмайсеры”, пустились наутек с удвоенной скоростью, не забыв в такой нервной обстановке снять автоматные магазины и швырнуть их за соседний забор. Это был важный момент! Немцы, подобрав оружие, не могли сразу же стрелять по убегающим...

Но дальше все было “делом техники”, ибо лабиринт дворов надежно скрыл всех нас от погони...

ПРОСТИ МЕНЯ, ОТЕЦ...

Не прошло и десяти дней после прихода наших, как сразу же заработали школы, аптека и пекарня. Открылась больница. Надо было видеть, как изменились лица людей, переживших черных полтора года, наполненных убийствами, голодом и надеждой. Все вокруг стало каким-то теплым, радостным, это, несмотря на все лишения и тяготы военного времени.

Огромной радостью было для нас письмо от отца, единственно дошедшее до нас за годы войны. Он - командир батареи, капитан, награжден Боевым орденом - орденом Боевого Красного Знамени за Сталинград. Очень хотел видеть нас и надеялся, что это может скоро произойти. Это был намек на возможный переброс их полка под Курск.

Наступило лето 1943 года.

Я впервые видел такое огромное количество наших самолетов базировавшихся на нескольких аэродромах, созданных вокруг города. “Илы”, “Петляковы”, “Яки” закрывали небо своей многочисленностью. Подобного мы не видели даже у немцев летом 1942 года, во время их летнего наступления на Сталинград.

Наша железная дорога была надежно защищена зенитными артиллерийскими батареями, поэтому лишь однажды за все время Курской битвы к нашему городу прорвалось более двухсот “юнкерсов”. Несколько полу-тонных бомб упало в ста метрах от нас, выбив все стекла во всех соседних домах. Ударная волна несколько раз перекосила нашу крышу, но в остальном обошлось. Досталось нашему танковому эшелону, стоявшему в тот момент на путях. Тонные бомбы немцев разметали эшелон на десятки метров, и мы находили танковые башни на большом расстоянии от перевернутых танковых корпусов. К счастью, людские потери были незначительными. Но фашисты дорого заплатили за этот налет: вокруг города вздымались десятки дымов - это догорали на земле сбитые “юнкерсы”.

У нас часто звучали сигналы воздушной тревоги. У дома, напротив, на высоком столбе висел колокол. При возможности прорыва немецких

самолетов к городу дежурный предупреждал жителей об опасности частыми ударами колокола, и люди, покидая дома, прятались в убежищах. Но напоминаю, что упомянутый выше прорыв вражеской авиации к городу был единственным за весь летний период.

В июне я перешел в четвертый класс. Впереди было целое лето, и, поверьте, ребята военного времени проводили его по-своему интересно, хотя и опасно.

У нас было очень много оружия и боеприпасов. 10-11-летние мальчишки умели стрелять из многих видов оружия, включая пистолеты всех видов и систем, наши и немецкие автоматы и пулеметы, не говоря уже о винтовках, которые мы вообще не считали за оружие. У меня дома было четыре “Вальтера”, “Парабеллум”, три наших “ТТ”, немецкая винтовка со штыком и “шмайсер”. Патронов у нас хватало бы на целый пехотный батальон!

Наше общение с оружием приводило порой к трагическим последствиям. На фугасе подорвался мой сосед и хороший человек Петя Рязанцев, а Виктор Павловский при взрыве детонатора лишился всех пальцев одной руки. Ребята и даже девчонки гибли, пытаясь познать тайны снарядов и противопехотных мин.

А тем временем жизнь в городе заметно налаживалась, несмотря на многие трудности. Заработала наша районная библиотека, был восстановлен кинотеатр. На механическом заводе выпустили первую буровую вышку. Все это очень благоприятно сказывалось на состоянии и настроении жителей.

В начале июля началось сражение на Курской Дуге, одно из самых жестоких и кровопролитных в Великой Отечественной войне. Оно длилось месяц и закончилось полным разгромом фашистских полчищ и освобождением городов Орла и Белгорода.

В танковой битве под Прохоровкой, где с обеих сторон участвовало полторы тысячи танков и самоходных орудий, фашисты были полностью разгромлены, несмотря на участие их новейших тяжелых танков - “Тигров” (Т-6).

Мы получили возможность ежедневно слушать радиопередачи из Москвы... И песенные концерты! Какие это были песни! Таких светлых, добрых, бодрых, помогающих жить песен нет ни у одного народа мира. Эти песни были, есть и навсегда останутся в нравственном богатейшем фонде нашего народа. А какие шли фильмы! “Она защищает Родину”, “Секретарь райком”, “Жди меня” и многие другие, что навсегда останутся в народной памяти.

Приближался сентябрь. Мы все участвовали в ремонте нашей школы, небольшого, но светлого двухэтажного здания на улице Ленина. Школа получила статус средней железнодорожной школы № 44. А какие у нас были учителя! Математики - Софья Анисимовна и Дмитрий Михайлович Циммерман, историк - Иван Романович Лифинский, физик - Владимир

Константинович Крекшин и химик - Мария Васильевна Крекшина, преподаватель русского языка и литературы - Евгения Ивановна Столярова, биолог - Евгения Николаевна Приходько, "французенка" - Александра Сергеевна Павлова, преподаватель физкультуры и военного дела - Митрофан Васильевич Гамов и, конечно, наш самый первый "послеоккупационный" преподаватель начальных классов - Наталья Николаевна Дремова...

...Какой-то свет сошел на наш зеленый солнечный городок. На озерах-прудах появились даже небольшие самодельные парусники и десятиметровая вышка для прыжков в воду. Стали многочисленными соревнования по многим видам спорта.

Неожиданно перед первым сентября к маме приехало четыре незнакомых наших офицера. Они оказались сослуживцами моего отца, поведавшие нам, что мой отец, капитан, командир батареи противотанковых орудий героически погиб на Курской Дуге, отражая непрерывные атаки фашистской танковой армады... Вестники нашего горя передали маме документы отца и две единственные его награды: два ордена Боевого Красного Знамени...

...Прости меня, отец. Прости меня за то, что я был маленьким, за то, что не успел вырасти и не смог защитить тебя и всех товарищей, погибших с тобой и всех людей наших, убитых НЕЛЮДЬЮ.

Я постараюсь быть таким же честным и храбрым, каким был ты и твои товарищи. Какими были все сложившие свои головы, отдавшие жизнь за Отечество, в смертельной схватке с жестоким и сильным врагом.

ЗНАЙ НАШИХ!

Ленинград. Я люблю этот необычный город. За людей. За прямые, как стрела проспекты. За колоссальное историческое наследие. За музеи и театры. За вольную Неву. За небо, в котором я совершил свой первый прыжок с парашютом. Я полюбил этот прекрасный город буквально с первого его посещения в 1946 году, будучи еще тринадцатилетним мальчишкой. Поэтому, получив аттестат об окончании средней школы, я несколько не колебался в выборе высшего учебного заведения: это был Ленинградский военно-механический институт. Во-первых, это ракетостроение. Во-вторых, в Ленинграде жила сестра моей мамы с мужем, что сильно в ту пору облегчало будущему студенту проблему проживания.

В моем аттестате было две "четверки", а посему мне наряду со всеми абитуриентами предстояла вступительная экзаменационная сессия и была она далеко не простой: конкурс 7 человек на место, предстояло сдать 6 экзаменов.

В Ленинград я приехал всего за 4 дня до начала сессии. Наши родные встречали своего племянника, как всегда, очень радушно: еще бы - им же предстояло переживать вместе со мной результаты по оценке моих

провинциальных знаний в очень престижном ВТУЗе. У них была одна комната в 4-х комнатной квартире, где соседями были еще две семьи и это, несмотря на то, что муж моей тетушки Веры, Георгий Георгиевич Смелницкий был полковником, старшим преподавателем Высшей Бронетанковой школы им. Молотова, находившейся рядом с нашим домом у Витебского вокзала в Подъездном переулке. Тетушка в то время перенесла операцию и временно не работала. Раз в год они всегда выбирались в мой родной город Щигры Курские, бывшие и их родиной. Это была интеллигентная и добрая семья, принявшая меня, как своего сына. Они прекрасно понимали, что мне предстоит, а потому оказывали племяннику всяческую поддержку.

Дядюшка мой, Георгий Георгиевич, прошел всю Великую Отечественную войну “от звонка до звонка”, имел несколько ранений и десяток орденов, не считая многочисленных медалей. За вечерним чаем он любил рассказывать всевозможные истории-были из своей военной биографии, и в тот мой предэкзаменационный вечер он и поведал мне еще одну, которую мне бы хотелось здесь привести.

...Январь 1942 года. Ленинград в блокаде. Снегопад - зги не видно. Танковый полк получает приказ совершить ночной марш-бросок для деблокирования попавшей в окружение нашей стрелковой дивизии. Полк вышел ровно в полночь. Непрерывно идет густой снег. Через три часа танковая колонна вышла на проселочную дорогу. Снегопад усиливался. Танкисты не видят даже впереди идущую машину. Стало светать. И тут обнаруживается, что наши танки вклинились в фашистскую танковую колонну и идут теперь “через один”: наш танк - немецкий, наш - немецкий! Наши танкисты лишь на несколько секунд опережают немцев в открытии огня на поражение! Выстрел в упор буквально сносил башни с фашистских “панцеров”. Вся вражеская колонна была уничтожена в считанные секунды! На дороге горело 27 немецких танков! Зарево от этого огромного “костра” было видно за десятки верст. Мы потеряли только одну машину. Такого побоища немцы не знали с начала войны. К сожалению, из-за этой “задержки” танкисты не успели оказать помощь нашим окруженцам, но и последние, используя замешательство противника, бросившегося спасать свою колонну, сами вышли из окружения.

Подобных фронтовых историй, непосредственным участником которых он сам являлся, мой дядюшка знал множество. Жаль, что тогда я не заносил их на бумагу. Это был бы хороший сборник, учивший побеждать врага в самых тяжелых условиях и обстоятельствах жестокой войны.

Сдаю свои документы в приемную комиссию ВТУЗа. Узнаю, что на одно место моего факультета претендентов семь человек! Экзамены начинаются через два дня. Первый - сочинение, затем через день - математика, физика, химия, история и иностранный. Вот такой был “букет”.

...Сочинение. Нам раздадут проштампованные чистые листы, предлагая четыре темы, три из которых классически школьные, четвертая -

свободная. Я - за "свободу". И надо же случиться такому: в слове "главнокомандующий" я при переписывании с черновика пропустил вторую букву в этом слове! Просто пропуская! Тьфу!

Результат - четыре балла за совсем даже неплохое сочинение!

В билете по математике пять вопросов. Последние два - из анализа: первый десяток производных основных функций с примерами нахождения первообразных (интегрирование). Экзаменатор, доктор математических наук, профессор Войткевич. Очень серьезный и очень симпатичный дядька. Не знаю, чем я ему приглянулся, но после этого экзамена у меня появилась первая "пятерка" - ОТЛ.

Физика. Ответил на четыре вопроса билета, не особо трудных. И тут принимающий экзамен доцент с ассистентом (молодой и симпатичной женщиной) стали засыпать меня вопросами на сообразительность: "Уравновесьте на пальце швабру и распилите ее в точке опоры. Положите на весы обе части. Каково будет положение чашек весов? Равновесие"? Отвечаю:

- Нет. Вы уравновешиваете монеты, а не массы (веса). Щетка будет тяжелее.

Доцент морщится. Ассистент одаривает абитуриента благожелательной улыбкой и "ставит" передо мной на весы два одинаковых стакана, наполненных до краев водой. Но в одном из них плавает кусок дерева! Какой стакан перевесит? Вопрос провокационный!

- Да никакой! Будет равновесие. Вы же, наверное, знакомы с законом Архимеда?

Теперь улыбается доцент, на лице же красивой ассистентки тень недовольства. И опять:

- А теперь посерьезнее! Есть пружина. Взвешиваем ее на очень точных весах, снимаем и фиксируем ее в сжатом состоянии невесомой нитью. Снова взвешиваем. Сохранится ли ее вес?

- $E = mC^2$. При $C = \text{const}$ мы увеличиваем внутреннюю энергию систем, значит должна возрастать масса.

Не глядя на абитуриента, экзаменатор ставит в моем экзаменационном документе какой-то крючок и указывает мне на дверь! Выхожу из аудитории и раскрываю книжку: "ОТЛ".

...Едва не споткнулся на экзамене по химии. Стал спорить с зав. кафедрой, пришедшей на экзамен, по одному из вопросов билета: надо было назвать самый тяжелый металл из области его применения. Называю - ИРИДИЙ. Тетка почему-то недовольна:

- Ну, это обычно ведь золото!
- Но золото - 18,5, а иридий - 26!
- Вы уверены?

Но оценку ставит отличную.

С французенкой на экзамене я говорил только на "ее" языке. Откуда ей было знать, что я с 12 лет люблю этот язык, уважение и любовь к которому

привила мне Александра Сергеевна Павлова. Уникальный преподаватель такого высокого класса как оказался в моем родном городе?

С экзаменом по истории проблем не было. Историк слушал наши ответы, слегка подремывая и, казалось, без интереса. Но неожиданно встрепенулся, когда я, рассказывая о “Народной Воле” и Чернышевском (попутно), одобрил поведение Рахметова, проводившего ночь “на гвоздях”.

- А вы бы так смогли?

- Да хоть сейчас, вот на этом столе, если вы, конечно, достанете сотню гвоздей поострее...

Седовласый историк листает мою экзаменационную книжку:

- А вы лихой паренек!

- В свое время это признавали даже эсэсовцы.

Он вытаращивает на меня свои “исторические” глаза и ставит “отлично”.

Итак, за 14 дней я одолел¹ 6 вступительных экзаменов, и, набрав 29 баллов, был зачислен на факультет ракетостроения! Причем, с огромной для первокурсника стипендией в - 520 р.! Знай наших!

БЕЗ НАЗВАНИЯ...

Тяжелым для меня событием жизни стал случай, определявший тебя в двоичной системе: либо ты - человек, либо ты - дерьмо. И тогда иди к чертовой матери или стреляйся! Ибо ты не человек уже!

Как часто бывает, события, подвергшие меня тяжкому нравственному испытанию, были весьма просты. Я не буду называть место и имена участников: вы сами догадаетесь, почему я это делаю.

...Июль в одном из самых зеленых и чистых городов центральной России. Две реки. Множество парков. Один из них - Центральный. На одной из его аллей я каждое утро завершаю свой 4-х километровый кросс, пропетляв предварительно по десятку улиц.

Так было и в это утро, дышавшее остатками ночной свежести, с обильной росой на глазах.

По периферийной аллее я иду к выходу из парка, обходя с “тыла” ряд хозяйственных помещений и общественный туалет - до предела примитивное сооружение, к которому раз в месяц подкатывает ассенизационная цистерна, и, уже поворачивая за угол склада, чтобы выйти на проспект, неожиданно слышу пронзительный крик ребенка! Это-то в тишине раннего утра!

Может, показалось? Остановливаюсь. И снова крик! И снова! Бегу на звук! Так и есть: он доносится из туалета, точнее - из его выгребной ямы.... Отбрасываю грубую деревянную крышку: прямо передо мной в содержимом ямы лежит полуобнаженный ребенок! Часть его пеленок находится рядом. У него уже несколько протоплен уголок рта, к которому

¹ Без связей и знакомств!

подбираются толстые коричневатые черви, все тельце покрыто мухами. И в этом положении ребенок издает еще один, быть может, последний в своей жизни крик!..

И вот здесь, за одну секунду мне пришлось решать дилемму: Человек я или дерьмо собачье! До малыша я дотянуться не мог, значит, надо прыгать и поднимать его наверх. Но прыгать-то куда? Точнее - во что! И какая там глубина? По колено? По пояс? По шею? И какие "бледные спирохеты" я могу прихватить себе, окунувшись в этокое месиво? А может, позвать на помощь? И тут, словно кто-то просветил меня: не будь сволочью! Вперед! Спасай!

Уровень оказался намного выше колен. Осторожно подсунув руки под разъезжающиеся в жиже пеленки, поднимаю малюсенькое тельце на уровень своей груди и сам глохну от своего крика:

- Ко мне! Кто есть - ко мне!!! Ко мне!

Жду! Кажется, что прошла вечность.... По моей груди и рукам течет нечто. Сколько можно пробыть здесь без респиратора? Наклоняю головку человечка так, чтобы жижа хоть немного освободила уголок его рта, а одной рукой пытаюсь дотянуться до люка, и тут вверху загремели шаги сразу нескольких человек!!!

...Меня поливают из брандспойта, стараясь отмыть от дерьма и запахов, что плохо удается, но разве это теперь главное? Малыш-то уже на руках у двух женщин, одна из которых в белом халате обмывает человека из чайника. Здесь же и работник милиции: один, второй... Еще какие-то мужики! С меня полностью содрали мой старенький спортивный костюм, а сержант, прикрывая мою наготу от женщин, кричит мужикам, чтобы мыли, отмывали меня, как следует!..

И откуда они все здесь взялись? За какие-то 1 -2 минуты! Что ж, значит, было откуда взяться. Повезло....

Свои, выдавшие виды кеды, я брать не стал. Иду домой босиком. Тут догоняет сержант:

- Извини, друг! (Во! Это я другом стал для МВД!) Надо твое ФИО! Уж, не зыщи! Порядок такой!

Называю. И адрес тоже. Закон надо соблюдать.

- А ты - молодец! - Сержант явно возбужден событием. - Не сдрейфил! Прыгнул!

И он жмет мне руку двумя своими - явление редчайшее для работника МВД.

...В течение месяца я не мог избавиться от запаха выгребной ямы, хорошо понимая, что это чисто психологический эффект. Каникулы заканчивались, и тут совершенно неожиданно для меня я получил приглашение в Детский реабилитационный центр, мало того, это приглашение мне передал зам. начальника МВД города, еще и машину за мной прислал! С мигалкой.

...Я вижу перед собой это малюсенькое, розовенькое чистенькое существо. Синие-пресиние глаза! Эхом звучат слова сопровождающего врача, высокой статной женщины:

- ...Мальчик! 5,5-6 месяцев. Ваше право дать ему... имя...

- Мне? Ну, тогда - Иванушка! Так звали моего отца, погибшего на Курской Дуге...

- А может, дадите отчество и фамилию?

Я совершенно не готов к такому повороту событий:

- Хорошо! Пусть будет Константиновичем! А фамилию дайте ему вы! У вас перед ним огромная заслуга! Только потом назовите мне ее, пожалуйста!

- Хорошо! Запоминайте! - врач называет мне фамилию, с которой этот, пока еще крошечный человечек, пойдет по всей долгой и, наверняка, интересной жизни...

- Я запомнил! Спасибо! Будь счастлив!.. Не последний день живем! Еще встретимся!..

...Прошло тридцать лет. Звездный городок. Жена зовет к телефону. Незнакомый голос:

- Это Константин Иванович? Здравствуйте! А я Иван Константинович!

У меня мороз по коже пробежал! Кажется, не из трусливых я: все сразу вспомнил! А ведь Земля до этого звонка 30 раз вокруг Солнца пробежала!

...Он - молодец, Иванушка! Кандидат технических наук! В 30 лет-то! Живет и работает в Новосибирске. В Академическом городке. Оттуда и звонит! Женат. Двое детей. Просит о встрече. А пока:

- Просьба всей семьи: пожалуйста, пришлите свое фото... Уж очень долго искали мы Вас...

И мужские слезы на том конце провода...

РИНГ

Как-то еще в начале первого семестра первого курса Ленинградского военно-механического института забрел я в перерыве между лекциями в зал бокса. В одном конце этого светлого уютного помещения шло какое-то оперативное совещание: полтора десятка боксеров, скорее всего членов сборной команды института, внимали тихой, но четкой речи главного тренера нашей секции бокса - заслуженного тренера СССР - Антона Иосифовича Гурецкого.

До сих пор к боксу я не был причастен ни с какой стороны, хотя к некоторым видам контактных единоборств и был приобщен еще в старших классах школы, где наш преподаватель военного дела и спорта Митрофан Васильевич Гамов настойчиво приобщал ребят ко владению десятками приемам нападения и защиты из арсеналов самбо, дзюдо и еще чего-то восточного с весьма трудно запоминающимися названиями. Но показанные

нам приемы и действия были очень даже интересны, и две группы наших школьников с охоткой роняли друг друга на борцовском ковре, обретая совсем не лишние для жизни приемы самозащиты.

М.В.Гамов, в прошлом офицер нашей армии, долгое время служил на востоке, участвовал в разгроме Квантунской Армии самураев и, естественно, постоянно соприкасаясь с японцами, научился довольно многому из приемов восточных единоборств, что с большим желанием и пытался передать нам. Осталось неизвестным, какой цвет пояса каратиста был у нашего физрука, но десятками различных приемов он владел превосходно.

Уже тогда, в столь далекое время, мы навсегда запомнили слова нашего учителя: “Скорость движения рук, ног и туловища - основа любого удачного приема! Зарубите себе на носу: скорость, скорость и скорость! “От нее зависит и сила любого удара, а значит, и его эффективность! Ведь энергия удара пропорциональна квадрату скорости и лишь первой степени массы руки или ноги!”

Помнится, как буквально часами мы отрабатывали удары руками и ногами по специальным мешкам, при этом на руках и ногах наших крепились элементы “утяжеления” - специальные “браслеты”, вес коих для рук составлял 800 грамм, а для ног - по 2 кг! Результаты таких тренировок поражали: движение кулака без “браслетов” было практически мгновенным и не улавливалось противником. То же относилось и к ударам ступнями, при этом сила удара руками у школьников (!), измеренная специальным настенным динамометром, достигала 200 кг.

...Прохожу в свободный конец зала, где размещаются все боксерские тренировочные атрибуты: мешки, груши, эспандеры. Медленно иду мимо них и как бы невзначай наношу по два стремительных удара обеими руками, звуки которых от контакта с мешками сливаются в один короткий едва уловимый звук. Я никому не мешаю, ибо меня от собравшихся отделяет добрых два десятка метров, но замечаю, как Гурецкий незаметно наблюдает за мной...

Тем временем я рассматриваю висящие на стенах зала многочисленные стенды с дипломами грамотами и прочими документами, подтверждающими успехи боксеров института на ленинградских и прочих рингах. Все это впечатляет. Уже на выходе из зала ко мне подходит Гурецкий...

Так, в моей жизни была начата, пусть и непродолжительная, “боксерская эпопея”. Хорошо помню каждый из своих официальных 36 боев на ринге. С их 25 победами и II проигрышами. Самый первый свой бой я проиграл Сергею Лебедеву на открытом ринге: уж очень мне было не по себе, когда бьешь человека ни за что, ни про что. А ведь чувствовал, что мог бы разбить своего первого соперника “в пух и прах”, ан нет, не мог бить и все тут! Такое состояние было сразу же подмечено тренером! И вот во втором бою с Ю. Харламовым, плотным сильным боксером, бывшим ко всему, на 5 кг тяжелее меня получив от него хорошую оплеуху,

я разозлился не на шутку, и уже за первый раунд Харламов нахватал от меня такое количество ударов, что судья на ринге остановил встречу...

Антон Иосифович Гурецкий иногда удивлялся:

- И откуда у тебя такие шустрые стремительные удары, за которыми твои соперники буквально не могут уследить?

Тренер долгое время не верил, что у него я впервые надел боксерские перчатки.

Учеба и бокс не притупили у меня желания постоянно сохранять хорошую скорость движения рук и ног при нанесении ими ударов: по-прежнему по утрам и вечерам я занимался на лестничной площадке с ручными и ножными "браслетами", уединяясь на полчаса на лестничной площадке "черного хода", чтобы избежать любопытных глаз. Это очень помогало сохранять исключительную резкость ударов при снятии "браслетов".

После двух месяцев занятий в боксерской секции и II проведенных боев я понял: мой основной "козырь" для победы над соперником - это стремительное нанесение серии из 4-5 ударов, из которых 1-2 были основными - "ударами", остальные - маскировочными, но дающими возможность набирать очки. И получалось совсем даже недурственно, вызывая явное удивление Гурецкого и некоторую растерянность моих соперников.

Я любил открытые ринги, на которых ты встречаешься с боксерами более тяжелых весовых категорий и побеждаешь их к великому удовлетворению "болеющей" за тебя студенческой публики. Выступая в первом среднем весе (до 71 кг), мне приходилось несколько раз встречаться с полутяжами (до 81 кг) и даже с одним тяжеловесом (до 81 кг), который был тяжелее меня аж на 12 кг; бой он у меня выиграл с перевесом всего в одно очко.

Мои болельщики прозвали меня тогда "Огуренковым", известным нашим мастером бокса, который, будучи средневесом, удачно сражался с самим Королевым, чемпионом (неоднократным) страны в тяжелом весе.

Через год мне повезло, я стал призером розыгрыша первенства Ленинграда по боксу среди студентов. Позднее, на первенстве Уфы мне удалось добраться до финала, в котором пришлось уступить местному мастеру спорта. Уступить не в бою, а в формальном запрете этой встречи, поскольку второразрядник, пусть и сильный, не мог встречаться с мастером спорта. А ведь эта встреча могла бы быть крайне интересной!

Итог моей боксерской "деятельности": из 36 проведенных официальных боев мне удалось довольно чисто со значительным очковым перевесом выиграть 25 при двух проигрышах, половина из которых была весьма спорной.

Я никогда не допускал и не пропускал ударов в голову, не считая слабых и касательных. Мне удавалось избегать и нокадаунов, а вот один весьма резвый курсант военно-морского училища (Коренков) поплатился за свою агрессивность, получив нокаут во втором раунде.

Бокс - прекрасная школа воспитания для ребят. Уверен, что после общения человека к игровым видам спорта каждый из нас обязан пройти школу единоборств, обязательно - контактных, в которых за свои ошибки человек расплачивается дважды: морально (сожаление о проигрыше) и физически (ударное воздействие), что требует от человека совсем иных качеств, нежели, скажем, теннис.

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

У каждого человека помимо его родного края есть на Земле места, в которых он, по возможности, стремится побывать хотя бы раз в году. Для меня таким местом всегда был и остается Крым, а в Крыму - Судак. Гористая местность с плантациями винограда на склонах, вечный шум моря и великое множество солнечных дней в году - все это вместе обладает огромной притягательной силой. И если добавить к этому исключительную доброжелательность населения, нетрудно понять, почему эта "Русская Швейцария" плюс море стали не только для меня, но и для многих из нас одним из привораживающих мест. Судак - это настоящая жемчужина, состоящая из неба, моря и гор, залитых золотым солнцем. Несколько позднее мне посчастливилось побывать под парусом во многих экзотических местах Земли, но Судак навсегда останется для меня самым красивым и светлым местом кроме, естественно, родной Щигровщины.

Уже, будучи студентом Ленинградского военно-механического института, я ухитрялся десяток дней из своих летних каникул бывать в "Русской Швейцарии", причем ежегодно останавливаясь, всякий раз у нашей знакомой - Надежды Аникиной, предоставлявшей для моего жития свой маленький, но чистый сарайчик с койкой, столом и табуреткой...

Так было и на этот раз. Мне оставалось всего два дня до отъезда, а обратный билет на поезд Симферополь-Москва я получил накануне. Каждое утро я совершал семикилометровый кросс по горному шоссе до поселка Новый Свет, знаменитого своим заводом шампанских вин. Шоссе проходило мимо множества живописных и исторических мест, таких как Генуэзская крепость XV века, мимо горных склонов и вертикальных скальных стен...

Мое предпоследнее утро в Судаке было таким же солнечным, с утренней прохладцей и отсутствием машин на шоссе. Пробежав свои семь верст за 35 минут, я повернул обратно и у базальтового высоченного рифа "Сокол" спустился к морю. Здесь мне бы хотелось сказать несколько слов о "Соколе".

Базальтовый риф, носящий это название, сам по себе был необычным скальным образованием. Свое имя он получил за большое сходство с сидящим на земле с распушенными крыльями соколом. Высота его превышала 500 метров над уровнем моря, но главной его особенностью была вертикальная стена, протянувшаяся на полтора километра вдоль шоссе.

Этот гигантский базальтовый щит не один раз привлекал в себе скалолазов всех мастей, пытавшихся одолеть его по вертикали, к сожалению, не всегда успешно.

...Искупавшись и смыв с себя трудовой кроссовый пот, я по горной тропке поднялся на шоссе к подножию “Сокола”.

Шоссе не пустовало. Мимо пронеслась легковушка, а за ней - фургончик с надписью “Продукты”. И тут я обратил внимание на группу из четырех человек, как потом оказалось, семью. Отец, мать и мальчишка лет десяти восторгались панорамой моря. Несколько поодаль от них стояла очень красивая большеглазая девчонка лет пятнадцати. Она, повернувшись спиной к морю, рассматривала уходящее перед ней в небо вертикальное базальтовое чудо “Сокола”.

Подходя к этой группе, я неожиданно услышал слова, произнесенные девчонкой:

- Мам, пап! Вы только взгляните! Это же чудо! Ну и стена! Жаль, что совершенно невозможно подняться по ней вверх! Просто невозможно!

Я был уже рядом с ними и не удержался от вопроса:

- Почему невозможно? C'est chose impossible?¹

Она повернула ко мне лицо:

- Oui, impossible!²

Надо же, она знала французский! К нам приблизились ее родители и братишка.

- Нет ничего проще! - не подумав, произнес я, пораженный красотой этого юного существа. - Как тебя зовут?

- Ира, - несколько помедлив, произнесла девочка. - А что?

- А то, что завтра твое имя будет красоваться на этой стене!..

Я услышал смех ее отца:

- Надо же, какое совпадение, молодой человек! Завтра мы как раз утром отправляемся на “Комете” знакомиться с Севастопольской диорамой и, надеюсь, сможем увидеть, что вы не бросаете своих слов на ветер!..

...“Ничего себе, вляпался!”, - подумал я про себя, продолжая путь к Судаку. Ну, и пусть думают, что хотят, пусть всю мою несуразную болтовню примут за пустое бахвальство, за шутку, на худой конец! Ну не лезть же мне из-за всего этого на этот базальтовый отвес?! Подожди, подожди! Но я же пообещал? Да я же никогда не был скалолазом... Тьфу ты! Хоть имя-то короткое, а не какая-нибудь Ангелина или Гортензия! Эти мысли преследовали меня до Судака. Завтра уезжать, а тут такое! Ну, дуралей!

Через час я был у моего старого знакомого покорителя горных вершин 54-летнего Жоры Ходырева. Он давно уже “завязал” с альпинизмом, но совет дать скорее всего мог. Несмотря на ранний час, Жора был уже навеселе. Мне был предложен чай без хлеба, но с куском чайной колбасы,

¹ C'est chose impossible - Это невозможная вещь?

² Oui, impossible - Да, невозможная!

уничтожая которую, я и поведал Ходыреву о своем только что “совершенном” по глупости “преступлении”.

- Эх! Молодо - зелено! Дурак ты, братец, хоть и студент ВТУЗа. Да на “Сокол”-то за все время поднималось не более десятка людей. Базальт ведь! Шлямбуры затупишь и все пальцы собьешь, пока клин загонишь в скалу! А подняться как? Да еще “слово” тащить. Не-е! Глупая затея! Катись-ка ты лучше домой. Пусть будет шутка, они поймут!

- Какая, к черту, шутка! Ведь я обещал!

И тут меня осенило: не надо подниматься по стене, можно же спуститься на подвеске сверху и в таком положении закрепить буквы!

Выслушав мое предложение, Ходырев после долгого молчания смягчился:

- Вообще-то... В этом что-то есть. Хорошо, давай прикинем...

Через пару часов во дворе Ходырева мы разложили принесенные из хозяйственного магазинчика алюминиевые полосы, из которых довольно быстро были составлены и предварительно скреплены буквы **И**, **Р** и **А** высотой 2,2 м и шириной 1,4 м. Белая нитроэмаль превратила их в довольно красивое изделие. Все три знака соединялись двумя поперечными полосами из того же материала, надежно крепясь к последним с помощью болтов.

Пакет из букв оказался довольно легким, хотя и достаточно громоздким. Все это, включая рюкзак с набором альпинистского снаряжения, потребовало от нас немало усилий для доставки всего этого на вершинное плато “Сокола”.

... Лишь в семь вечера мы добрались со всем своим “багажом” к тригонометрическому знаку, венчавшему наивысшую точку рифа, поднявшись по обратному пологому скату “Сокола”.

Наш план сводится к следующему.

После сборки всего “изделия” и фиксации на двух поперечинах я на страховочной подвесной системе и двух капроновых тросах спускаюсь до уровня установки “слова” при непрерывной страховке меня третьим тросом, который как и первые два, был дважды заведен вокруг растущих здесь же низкорослых грушевых деревьев, одно из которых было срублено и размещено у самого края плато на месте спуска. Этим мы избегали перетирания тросов при спуске и подъеме как “оператора”, так и всей связки букв. Итак, мы подготовились. Оставалось ждать темноты, так как по побережью, и на шоссе непрерывно шастали пограничные дозоры по охране побережья, подставляться которым не имело никакого смысла.

В полночь я переваливаюсь за край пропасти, начиная свой стометровый спуск. Жора постоянно выбирает слабины тросов, хотя справляться с несколькими канатами ему не просто, что делает мой спуск забавным; меня постоянно перекашивает или неожиданно бросает на один-два метра вниз... Сверху на меня постоянно сыпятся мелкие камни, песчинки и части каких-то стеблей и веток....

Отличная слышимость, и мы переговариваемся непрерывно. Где-то кричит птица. Далеко внизу слышу шелест ночного моря, хотя обращать внимание на все это нет времени.

На выбранном месте стены я пробиваю шлямбуром отверстие под крепящий крюк. Пока все идет по плану. Второе отверстие будет сделано уже по месту тогда мне будет спущен “буквенный” щит.

Два часа ночи. Но здесь достаточно светло от свечения неба. Жора удачно справляется с “доставкой” мне “девичьего имени”, при этом я про себя еще раз благодарю судьбу за его краткость! Все бы ничего, вот только подвесная система, в которой я нахожусь уже довольно долго, сильно пережимает бедра, от чего избавиться нельзя, терплю...

Перемещаясь как на качелях, влево-вправо, креплю буквы пока одним крюком, после чего разворачиваю все “слово” и размечаю точное место второго отверстия. Оно поддается с большим трудом, нежели первое, к тому же я дважды попадаю молотком по пальцам левой руки, держащей шлямбур...

Наконец, прошу Жору поднять связку для ее раскрепления вторым крюком-клином. Получается. Хотя правый край связки несколько опущен, но теперь мне не до выравнивания! ПОДЪЕМ!

Георгий предлагает, огромные усилия, чтобы приблизить меня к заветному краю плато. Хорошо, что он физически сильный мужик, иначе пришлось бы мне туговато. Уже у самого края площадки у меня не хватает сил перебросить ногу вверх, чтобы зацепиться ею за лежащий на краю древесный ствол...

Восходит солнце. Я валяюсь на плато, не чувствуя ног и рук. На бедрах у меня красуются широкие фиолетовые полосы от многочасового воздействия подвесной и страшущей системы. Но настроение выше хорошего!

Мы возвращаемся домой по обратному склону “Сокола”, так и не увидев плодов своего “труда”. Да и не в этом дело! Я же выполнил то, что обещал!

Через три часа автобус Судак-Симферополь уносит меня на московский поезд...

Прошел год.

Я снова в Судаке. Стою на набережной у ларька “Дары моря”, рассматриваю сувениры. Я вновь среди солнечных бликов, небесной синевы и шума волн.

Вдруг на меня совершенно неожиданно набрасывается какая-то девчонка в огромной соломенной шляпе! В темных очках! При этом от ее крика я даже вздрогнул:

- А я вас узнала! А я вас узнала! А я вас, в-а-с..! Смотрите: это я, я!

Я рванул в сторону от ларька, чтобы удрать от этой сумасшедшей, и тут услышал:

- Это же я! ИРА!

Она срывает очки и шляпу одновременно, и тут я узнаю ее!..

Мы сидим в номере гостиницы. Вокруг меня - вся ее семья. Чувствую себя полным идиотом от происходящего: мне пододвигают вазу с персиками, громадный поднос с виноградом, но главное, смотрят необычно на мою особу! Словно перед ними знаменитый "медвежатник", укравший у президента США миллион долларов! И мое окружение наперебой, мешая друг другу, повествует мне о событии годичной давности...

...“Комета” отошла от причала Судака в шесть утра. Экскурсия направлялась в Севастополь для знакомства со знаменитой Диорамой. Среди пассажиров-экскурсантов верхней палубы находилась и эта семья. Экскурсовод непрерывно пояснял всем проплывающие мимо судакские береговые достопримечательности, когда из-за крепостной стены неожиданно открылся голубой простор над рифом “Сокол”...

- А вот и наш знаменитый базальтовый риф “Сокол”, его высота... - экскурсовод поперхнулся...

В ярких лучах утреннего солнца все вдруг увидели почти в центре огромной вертикальной стены сверкающее белизной имя: “ИРА”!

- ...Что такое! - залепетал экскурсовод, - ведь еще вчера здесь ничего не было! Надо же! Просто наваждение какое-то.

А вокруг все требовали от него пояснений, как и в каком веке, появился этот наскальный шедевр?! Или это название рифа? Тогда причем здесь “Сокол”?! Вы не можете пояснить, рассказать нам?!

Напрасно народ отдыхающий упрекал бедного экскурсовода. Никто не мог бы пояснить это явление. Никто из присутствующих, кроме одной стройной большеглазой девчонки. Потому, что это ее имя светилось на огромной высоте, пролетая над простором моря...

Но эта девчонка молчала. Молчала, пораженная увиденным...

Она продолжала молчать до самого Севастополя и на обратном пути в Судак и, лишь после возвращения в гостиницу девчонка произнесла два слова:

- Кто он?

За семь дней моего пребывания в Судаке мы с Ирой облазили все окрестности. Пешком добрались до Кара-Дага, с его Золотыми воротами и Городом Мертвых. Побывали на Меганоме и Алчаке, на рифе “Орел”, в гроте Шалапина. Купались в Голубой, Синай и Зеленой бухтах. Не один раз распугивали летучих мышей в Сквозном гроте мыса «Пещерный»...

Ира дурачилась, ездила на мне верхом, хотела начертать мое имя рядом со своим, хотя это ей удавалось пока на песке...

Она часто, идя по шоссе, брала меня за руку и, заглядывая мне в глаза своими огромными глазищами, спрашивала: «Я тебе нравлюсь?» И по-детски прижималась ко мне, словно маленькая беззащитная стрекоза.

Потом настал день моего отъезда...

ГОНКИ ПО «БРОНЕФОРМУЛЕ-1»

Шел 2-й год моей срочной службы в танковом полку, расквартированном на окраине Уфы. До этого год я прослужил в Нижнем Тагиле, где в значительной мере мне удалось приобрести хорошие навыки в вождении средних танков Т-34, Т-44, Т-54, а также танка-амфибии ПТ-76. Ко всему мы много времени проводили там, на танковых полигонах, поражая огнем всевозможные противотанковые цели, от ПТУРСов до танков всевозможных систем.

Служба на Урале - отличная школа воспитания молодых танкистов. Летом +35° жары, зимой -40° мороза, что само по себе уже предъявляло танковым экипажам высокие требования по физической, технической и психологической подготовке. Здесь же я получил сержантское звание и должность командира среднего танка.

В Уфе меня встретил очень сильный коллектив танкистов. Среди них были участники танкового перехода через эпицентр ядерного взрыва на Тоцком полигоне в 1954 году. К счастью, все обошлось для этих людей без радиационного поражения.

Встретили меня очень дружелюбно, и уже через неделю у меня был свой экипаж: наводчик Анатолий Токарев, механик-водитель Василий Пухов и заряжающий Джамал Станбеков.

Командование полка было несколько удивлено моим значительным для срочной службы количеством часов по вождению танков, и, конечно, некоторым не терпелось это проверить. Проверка эта и была мне устроена на танкодроме, где прокрутившись в Т-34 два часа, по косограмм, эскарпам, рвам и многочисленным надолбам, я доказал даже присутствующему здесь командиру полка, что мой стаж не был надуман. Ко всему, уже на финише, я с большой скоростью помчался прямо на наблюдательную вышку, где находилась техническая комиссия, и на полном ходу остановил многотонную машину в 20 сантиметрах от опорных столбов сего сооружения, вызвав явную нервозность у проверяющих...

Нашу машину Т-54 перевели в разряд учебно-боевых. Это значило, что отныне будем ежедневно действовать на боевых стрельбах, вождении, а также на коротких маршах для ориентировки на незнакомой местности.

Через три месяца вместе со званием старшего сержанта я получил очень почетное в танковых частях звание "Мастер вождения танков", сдав все теоретические экзамены плюс - вождение. Здесь это было несколько необычным, так как такое звание получали, как правило, старшины-сверхсрочники. Но случилось так, что за год я набрал даже больше часов по вождению танков (138), чем эти старшины за 10 лет своей службы, поэтому и получилось, что впервые звание "Мастер" было присвоено старшему сержанту срочной службы.

В полку был свой собственный танковый полигон и лагерь в местечке Алкино под Уфой, где проводились боевые стрельбы и отрабатывалась тактика вождения танков в условиях огневого воздействия "противника".

Наши танки всегда были лучшими среди любых своих “собратьев” Запада. Год назад мне удалось побывать в танковом музее Шермана (США) в Калифорнии. Какой же у янки был танковый хлам по сравнению с нашими военными образцами. Их полудохлые “Шерманы” не шли ни в какое сравнение с нашими Т-34-85, а тем более с ИС-ами и САУ-152. Эта американская экспозиция просто удручала: разве можно было воевать на таких машинах с немецкими “Тиграми” и “Фердинандами”. Неудивительно, что даже на “дохлом” Втором фронте янки на своих танках бежали от фрицев, как зайцы от орлов...

И вот однажды нашему экипажу выпала огромная честь - принять участие в очень необычном соревновании: танковой гонке на 40 километров с боевой стрельбой на заключительном этапе. Наш полк выделил для такого участия два своих экипажа, в том числе и наш. Это были непростые, требующие большой танковой сноровки экипажей соревнования танкистов. Кажется, в свое время их проведение поддержал сам маршал Г.К.Жуков. Было необходимо не только с большой, высокой скоростью пройти незнакомым маршрутом, но и в конце его поразить огнем 100 миллиметровых танковых орудий три танка “противника” и расчет его ПТУРса. 40 километров марша с последующим огненным воздействием! Непросто.

На подготовку нам была предоставлена неделя. Вместе со вторым экипажем мы приступили к тренировкам.

Теперь представьте себе старт этого захватывающего “события”! На одной линии выстроилось 30 танков Т-54. Все боевые машины отлично подготовлены. Судейская коллегия проверяет каждый танк по запасу дизельного топлива (он не должен превышать количества для пробега только сорока верст!), боевой комплект 100 мм снарядов (10 штук), 200 пулеметных патронов, документы и квалификацию экипажа, состояние ходовой части и двигателя.

После этого все командиры экипажей всех тридцати танков бросали жребий на выбор “своей” трассы - одной из трех. Таким образом, каждый экипаж знал порядковый номер и время своего старта. Одновременно стартовало по три машины на каждом выбранном маршруте с интервалом всего в пять минут.

... По команде стартера срывается первая тройка танков. У нас -седьмая позиция и третий вариант маршрута. Через полчаса наступает время и нашего старта. Стартуем...

Весь экипаж в напряжении: впереди - 40 километров, и нам, главное теперь не пропустить поворотные ориентиры! Наша 36-тонная стальная машина несется со скоростью почти 50 км/час, при этом через каждые 15 минут на ориентирных засечках мы с механиком-водителем меняемся местами.

По радиации отлично прослушиваются все переговоры участников гонки. Уже есть и ЧП. При пересечении сельской дороги одна “54-ка” переехала на высокой скорости телегу, раздавив ей задние колеса. Пьяненький возница,

совершенно ошарашенный мчащимся прямо на него стальным чудищем, чудом уцелел (Слава Богу!), а его перепуганная насмерть лошадь унесла мужичка на остатках телеги с передними колесами...

На другом маршруте гонки танк, обгоняя идущий с грузом огромных сосновых бревен МАЗ, “слегка” задел одно крайнее бревно, после чего МАЗ со всем своим грузом развернулся на 90°, а шофера выбросило из кабины, к счастью, без травм.

Один из танков, стал исправлять маршрут и проехался по огородам колхозников, да так, что полностью снес два сарая и... уборную, к счастью, в то время пустовавшую.

...Нашу машину ведут “секунданты”. Мы всегда знаем свое место в гонке по времени и положению на маршруте. Пока мы твердо держимся на четвертом месте, а наши однопольчане - на девятом, что не так уж плохо, памятуя, что это ведь из тридцати экипажей!

Вырываемся на огневой рубеж! СТОП! Отмашка судейского флага - это разрешение на открытие огня. Все четверо всматриваемся в сектор появления целей: в 1000 метрах от нас выползает серо-зеленая коробка немецкого “Тигра”. Он движется к нам бортом. (Здесь отменный протяженный огневой полигон, из корпусов настоящих танков-целей и специальным, смазанным солидолом рельсом).

Мы все замираем внутри машины, пока наш наводчик Анатолий Токарев тратит несколько секунд на прицеливание, а еще через считанные секунды три наших бронебойных снаряда выбивают фиолетовые молнии на корпусе “Тигра”: есть три прямых попадания! Ждем. Теперь нам подставляет борт “Шерман”, которому очередные три бронебойных пробивают борта навывлет! Лучшее детище бронетанковой техники США уползает, окутанное сизой дымкой, струящейся из шести бортовых пробоин. Третья мишень - бронетранспортер. Этот - тоже “готов”! Слева вспыхивают огоньки пулеметного гнезда, в которое мы посылаем все наши двести пуль из спаренного пулемета. И - вперед! К финишу!

Это уже совсем рядом, всего каких-нибудь полторы версты!

Наша “54-ка” с ревом вырывается на обозначенную десятками белых флагов линию финиша. Здесь уже находится несколько финишировавших ранее машин, но все они уступают нам по времени и количеству попаданий...

Проходит два с лишним часа, в течение которых судейская коллегия подводит результаты наших столь необычных соревнований. Мы успеваем даже приготовить себе чай, и в это время раздается мощный голос из динамиков:

- Внимание участникам соревнований! Объявляем результаты! Первое место по времени прохождения маршрута и результатам стрельбы занял экипаж в/ч ..., командир танка старший сержант Ветер. Экипажу вручается приз - радиоприемник “Рекорд”! И грамоты за высокое боевое мастерство!

ГАУПТВАХТА

Условия, в силу которых военнослужащие особенно срочной службы оказываются в этом “заведении”, могут быть донельзя смехотворными, хотя оказаться за решеткой кому хочется? И вряд ли кто из “посетивших” гауптвахту мог бы заранее предположить, что нечто подобное может с ним приключиться. Собственный пример. Середина мая. Гремят весенние грозы. Чрезмерно строгая комиссия из Уральского военного округа проверяет состояние и боеспособность нашего танкового полка. Так бывает ежегодно, сразу же после нашего передислоцирования с зимних квартир в летние лагеря. Все наши экипажи находятся у своих боевых машин в ожидании строгих проверяющих. Под теплым весенним дождем танкисты с удовольствием подставляют свои обнаженные спины под больно бьющие струи, готовые в считанные секунды привести себя в должный вид при появлении членов комиссии. Тем более, что наша техника и боевая, и учебно-боевая в отличном состоянии, и беспокоиться нам нечего.

Наши обе учебно-боевых “пятьдесятчетверки” находятся рядом. Командир второго танка старший сержант Михаил Шереметьев - сын нашего бывшего консула во Франции, где его семья пребывала в течение нескольких лет. Отсюда и великолепное знание моим коллегой французского языка. В этом отношении мне сильно повезло - иметь повседневный практикум по FRANSAIS. Это было невероятной удачей. Мы сидим с Мишей в башне моего танка, вспоминая, как в прошлом году вместе разыграли окружного проверяющего.

...Капитан занял место механика-водителя и стал прогонять на месте двигатель Мишиной “пятьдесятчетверки”. Проверяющий, конечно, не мог предполагать, что механику, Василию Пухову дано “указание”, чтобы по мере увеличения оборотов двигателя проверяющим Василий начинал ритмично в такт оборотам дизеля постукивать по кормовой броне шереметьевской машины.

Проверяющий начинает с малых оборотов и вдруг слышит редкое металлическое постукивание в зоне расположения дизеля. Капитан увеличивает обороты, и тут же растет частота металлических ударов. Падают обороты - тут же снижается и частота Васиных ударов - постукиваний ломиком по кормовой броне.

...Капитан ничего не понимает: почему вся моторная гамма звуков вдруг начинает сопровождаться металлическим лязгом, точно совпадающим по частоте с оборотами двигателя! Проделав несколько раз операцию увеличения-снижения оборотов, проверяющий выскакивает из танка:

- Как вы могли так разболтать свой дизель?! - капитан адресует свой гнев командиру танка старшему сержанту Шереметьеву. - Разве можно так относиться к вверенной вам технике?!

Наш “француз” спокойно выслушивает столь гневную тираду капитана, после чего молча занимает место механика-водителя и начинает гонять

свой дизель по всему диапазону оборотов: никто не слышит никаких посторонних звуков. Двигатель работает почти бесшумно, поскольку находится в прекрасном состоянии. Миша покидает свою машину, заглушив дизель и, вытирая куском пакли руки, тихо говорит ошарашенному капитану:

- Вы ошиблись: наш дизель в полном порядке!..

- Но у меня-то! Вы же слышали?! - проверяющий снова лезет в "броню".- Вот смотрите! Слушайте!

И тут с начала работы двигателя начинается такой перестук, что создается впечатление о введении дизеля в режим разноса! Неожиданно у танка возникает фигура нашего командира роты капитана Устинова:

- Ребята! Хватит душить людей! И ты тоже хорош, - обращается Устинов к проверяющему, - они тебя водят за нос, а ты... Проверяющий оказался человеком с юмором и нисколько не обиделся за этот розыгрыш. Но это в прошлом году! А сейчас...

Сейчас в мою "пятьдесятчетверку" еле втискивается грузный окружной майор с чистым носовым платком в руке, что вызывает улыбку у всех присутствующих танкистов. И напрасно! Потому, что сей майор на моих глазах "запускает" свой носовой платок за маску танкового орудия и, вытащив его назад слегка измазанным орудийной (чистой) смазкой, сует этот платок мне под нос со словами:

- Это же грязь, старший сержант! Запущенная грязь!

В танковых частях учебно-боевые машины - это ежедневные труженицы. Мы содержим их в очень хорошем состоянии и достаточной чистоте, но чтобы натирать до блеска скрытую от взоров внутреннюю поверхность орудийной маски - извините!

Эта мысль может прийти в голову лишь идиоту, и я говорю:

- Товарищ майор. Это учебно-боевая машина. А следы смазки я могу найти даже в ваших брюках! Давайте ваш платочек - проверим!

За оскорбление старшего по чину жалоба на меня - городская гауб-вахта! На трое суток! От имени "председателя" окружной комиссии. Наш командир роты матерился во всю в адрес военных чиновников: через два дня у меня должны были быть боевые стрельбы, и на тебе - гаубвахта! А заменять командиров танков у нас принято не было. Посему и старшина согласился на мое "сопровождение" с большой неохотой! Но что поделаешь!

Идем по центральной улице Уфы. До гаубвахты два квартала. Слева внимание старшины привлекает вывеска "Пивной бар". Старшина наш - большой любитель обозначенного на вывеске напитка, это всем нам было известно.

Старшина смотрит на меня: не возражаешь, если я чуточку "приобщусь"? Я, естественно, не возражаю. Пока старшина накачивается пивом, я рассматриваю вывеску соседнего радиомагазина. Погода отлич-

нейшая. Во всю светит солнышко. У проходящих мимо людей преотличное весеннее настроение.

...Мы продолжаем наш путь к гауптвахте. Мне начинает казаться, что старшина явно не ограничился одним пивом, об этом свидетельствует его походка и, что самое главное, его заплетающийся язык! Как бы там ни было, через десяток минут мы предстаем пред грозные очи начальника уфимской гарнизонной гауптвахты. Майор рассматривает мою “сопроводилочку” переданную ему старшиной, и неожиданно поводит носом в сторону моего сопровождающего:

- Да ты же пьян, старшина!

- Ни-и-и к-а-ак н-е-е-т, товарищ майор! - лопочет старшина и, качнувшись при этом, едва удерживается на ногах.

Начальник гаубвахты тут же вызывает двух конвоиров и, заполнив арестный бланк, отправляет пьяного бедолагу в одну из камер своего заведения!..

- А вы, старший сержант... Я отменяю ваш арест! Далее все с вами на усмотрение вашего командира! Идите и доложите о произошедшем! О недостойном поведении в служебное время вашего сопровождающего!

Больше всего был рад моему “освобождению” наш командир роты:

- Ну, теперь-то я спокоен за боевые стрельбы! А старшина... Да пусть “отдохнет” немного... Ничего страшного.

СТРЕЛЯЙ, ПЛЫВИ, БЕГИ!

Военное троеборье. Этот вид спортивного многоборья ценился у нас в армии очень высоко, уступая, пожалуй, лишь лыжным гонкам патрулей на 30 километров с четырьмя огневыми рубежами, на которых каждый из участников должен был набрать не только максимальное количество очков в стрельбе стоя из СКС¹ но и пройти отрезки между стрельбой и всю дистанцию с максимальной скоростью имея за своей спиной 7 кг песка в специальном наспинном мешке.

Армейское троеборье включало в себя стрельбу из пистолета на скорость, плавание на 300 метров вольным стилем и 4-х километровый кросс. Естественно, оно считалось летним видом спорта.

Чемпионом нашей части был Александр Бурмистров, ухитрявшийся из года в год отстаивать это звание, и также весьма удачно выступать на армейских соревнованиях более высоких рангов.

Совершенно случайно получилось так, что на первенстве нашей части я занял аж пятое место, но оно давало мне право на участие в окружных соревнованиях.

Наше командование тоже придавало непомерно великое значение удачным выступлениям своих троеборцев в округе, а потому обеспечивало свою команду всем необходимым, включая боеприпасы, время и питание.

¹ СКС - самозарядный карабин Симонова.

План подготовки троеборцев к окружным, зональным и республиканским соревнованиям предусматривал полное освобождение сборников от их всех армейских обязанностей на целый месяц! Это было уже слишком, т.к. оставлять мне свой экипаж без командира танка было делом неблагодарным, а посему я планировал свой тренировочный день так, чтобы вечером обязательно побывать на своей боевой машине и быть в курсе всего происходящего в роте. Небезынтересным был план нашего тренировочного дня. Он начинался в 7 утра пробежкой на 5 верст с последующим подтягиванием на перекладине и “качаньем” брюшного пресса на шведской лестнице. Ради интереса, надо сказать, что каждый из нашей пятёрки подтягивался на двух руках не менее 40 раз, а на одной руке - 3-4 раза, и в висе на шведской лестнице мог поднести прямые ноги к голове 50 раз.

Завтрак. Отдых до 10.30. Плавание в бассейне на 1000 метров. И вот после всего этого, да еще и после обеда нам предстояло отстрелять по появляющимся на 3 секунды мишеням по 300 патронов! Это же 30 магазинов пистолета Марголина! Раз в неделю, по воскресеньям, нас “избавляли” лишь от плавания. Вот это были дни! За месяц до соревнований мы подна- таскались настолько, что могли стрелять с двух рук, всаживая за считанные секунды десятки пуль в контуры “девять-десять” каждой мишени!

Моим слабым местом было, конечно, плавание: хотя мне и удавалось выходить на “трехсотке” из 5 минут, но этого было явно недостаточно, но меня выручали стрельба и кросс. К тому же я плавал самым медленным стилем - брассом.

Но по сумме очков результаты у меня были неплохие. Конечно, я отставал от наших двух лидеров - Бурмистрова и Батманова, но в основном за счет плавания, непростительно теряя очки на десятке секунд нашей с ними разницы во времени.

Вообще-то мое участие в троеборье я никогда не возводил в ранг своей спортивной перспективы. В дальнейшем появятся два вида спорта, по которым можно было бы поспорить с профессионалами и даже превзойти их. Это были яхтинг и парашютизм. Но это - позднее. А сейчас...

...Мы выезжаем из Нижнего Тагила на первенство Уральского Военного округа по военному троеборью в Чебаркуль, что под Челябинском.

Места здесь просто сказочные! В хвойных лесах множество чистейших озер, самые крупные из которых - Чебаркуль и Бишкиль - настоящие местные жемчужины! Вода в них настолько прозрачна, что на глубине десятка метров просматривается дно. Повсюду видим ползающих раков, а они, как известно, показатель полного экологического благополучия. О лесах я уже не говорю: белками буквально усыпаны елки и сосны, а птиц вокруг столько, что своим пеньем, чириканьем и свистом они заставляют остановиться и слушать любого оказавшегося здесь человека.

Ко всему, нам очень повезло с погодой! Дни стоят ясные и тихие. Прохладно. Что еще можно желать для соревнований?

Всех участников соревнований размещают в очень даже комфортабельных палатках, почти со всеми удобствами: одну палатку - на команду! Здесь же уже вовсю дымят 5 полевых кухонь, запахи от которых заставляют нас глотать слюну!

...Регистрация команд, предстартовая суэта во весь последующий день.

Соревнования начались через сутки после нашего прибытия скоростной стрельбой из пистолетов. Отличный тир. Нам повезло с жеребьевкой: стреляем шестыми! Самый удобный номер: и есть возможность психологически размяться, и не утомлять себя ожиданием долгой очереди. Мне удастся набрать одинаковое количество очков с Бурмистровым: по 182! У Батманова - на 3 очка больше. По результатам первого дня мы на 7-м месте (из 20). Неплохо.

2-й день. Стартуем в бассейне. У меня 300 метров - за 4 мин. 49 сек. Мое лучшее время, хотя и отстаю от нашей лидирующей двойки на несколько секунд. Результат второго дня: общее уже четвертое место!

3-й день. Кросс. Трасса проходит по живописным лесным тропам, и бегущих все время сопровождает запах хвои. Сам старт - неповторимая картина: перед стартовой линией в порядке жребия в линию выстраиваются пятерки команд. Судья пытается навести порядок в этой мешанине - куда там! В этом недостаток общих стартов.

Уже через минуту стартовавшая сотня человек растягивается в длинную полукилометровую цепочку! Ну, вот, теперь полегче! Теперь только беги, выкладывайся, добывай очки своей команде! Что ж, у нас это вполне получилось. Мое время на финише - 13.57. У Батманова получше, у Бурмистрова - чуть хуже.

Ждем результатов подсчета очков по командам. И надо же! Мы выходим по четырем зачетным участникам на третье (!) место!

Торжественное награждение победителей и призеров дипломами и ценными подарками. Начальник нашей команды майор Розанов цветет от успеха своей команды. Еще бы: он наверняка получит благодарность от высокого военного руководства, а мы... а мы вернемся к своим замечательным боевым машинам, нашим не менее замечательным экипажам, продолжая выполнять танковые марши, боевые стрельбы и радоваться воинским успехам и удачам друг друга...

ГОРЕ

...Мне снится сон: воздушный корабль Робура Завоевателя¹ уносит меня из Уфы домой. Далеко внизу остается наша войсковая часть с ее обширным танково-самоходным парком и мои надежные соратники, ребята моей танковой роты - Михаил Шереметьев, Владимир Двойников, Василий Пухов и Анатолий Токарев, которые провожают меня доброжелательными взглядами и машут руками...

¹ Из романа Жюль Верна «Робур-завоеватель»

Вообще-то мне очень редко снятся сны, и этот, редкий, является ничем иным, как наполнением души непередаваемым чувством счастливого ожидания встречи с родным краем...

Рев сирены мгновенно выключает мое сновидение и сбрасывает с койки как и всех спящих в казарме танкистов! Оглушает голос дежурного по части, несущийся из динамика:

- Подъем!! Подъем!! Тревога!! Тревога!!

Бросаю взгляд на часы: всего-то 22.30.! На одевание - 30 секунд! Вероятно, случилось нечто серьезное, ибо все учебные тревоги и учения у нас закончились месяц назад.

Строимся поэкипно. Командир роты капитан Устинов, всегда серьезный и спокойный, с заметным волнением обращаемся к строю:

- Товарищи! 15 минут назад в пригороде Уфы в результате взрыва полностью разрушен шестизэтажный дом! Мы срочно на боевых машинах выезжаем к месту катастрофы! Задача будет поставлена на месте! Готовность 10 минут!!

Уже через 7 минут наша танковая колонна вырывается с территории войсковой части на пустое шоссе. До места трагедии десять верст.

23.25. Наши боевые машины берут в кольцо место трагедии. Экипажи, оставив нескольких дежурных, вооружаются штатным саперным инструментом и бегут к дымящимся и пылающим остаткам дома.

... Нам трудно поверить, что здесь еще час назад стоял многоэтажный красавец-дом, заселенный год назад: нет даже стен! Обрушилось все, и видимое нами представляет собой беспорядочную груды бетонных и кирпичных обломков...

Первого погибшего мы с Михаилом Шереметьевым вытаскиваем уже через несколько минут из-под расколотой на фрагменты бетонной плиты. Это был пожилой мужчина с перебитыми голенями, с зажатой в его левой руке фигурой шахматного коня. Еще через десять минут мы здесь же находим мальчонку лет десяти, а рядом с трупом - несколько пешек и раздавленную шахматную доску: вероятно, играл этот человек со своим дедом партию, да так и не доиграл...

А у остатков дома уже укладываются в два ряда тела погибших, число которых растёт с каждым часом. К этому времени выясняется, что почти все взрослые жители разрушенного дома работали в ночную смену или заканчивали вечернюю, а потому в квартирах оставались только старики и дети...

Все вокруг в лучах многочисленных фар. Десятки людей, прибежавших с предприятий, окружают развалины того, что еще совсем недавно было их жилищем. Серые лица мужчин и горестное взламывание женских рук - картина, навсегда остающаяся в памяти каждого из нас. Плач и стоны. Крики и команды. Непередаваемая картина людского горя. Безмерное несчастье в глазах людей, потерявших в считанные секунды своих детей и родителей.

Милицейское кольцо, через которое пропускают к развалинам лишь танкистов, выносящих трупы... Малюсенькая девчушка в беленькой, пропитанной кровью рубашонке - на руках у моего наводчика Анатолия Токарева... Двое танкистов аккуратно укладывают на брезент раздавленный пополам труп молодой беременной женщины, красивое лицо которой сохранило выражение удивления безнаказанной беспощадностью этого мира...

...Утро. В крытых машинах стали увозить погибших в морги. Передать всю глубину горя родственников погибших невозможно. Наши танкисты вели разборку завалов еще в течение трех суток. Мы нашли еще более пятидесяти погибших и не обнаружили ни одного живого, даже - раненого человека. И лишь спустя месяц комиссия установила истинные причины этой трагедии. Оказывается, что разрушенный дом строили заключенные одного из лагерей, расположенных в Башкирии. При строительстве неоднократно нарушались элементарные технологические требования при возведении как нулевого цикла, так и корпуса дома в целом. Балки пролетов и перекрытий лишь наполовину входили в ниши для их фиксации, и было достаточно даже небольшой амплитуды при колебании стен, как все внутреннее содержимое дома могло провалиться вниз!

Причиной катастрофы был взрыв газа, в подвале дома, сместивший нижнюю часть стен и освободивший от опор сразу все перекрытия шести этажей, что и привело к проваливанию всего, что находилось сверху.

... В этот вечер одним из жильцов дома был вызван дежурный работник жилищной конторы по подозрению в накоплении газа в подвале дома. Они вдвоем вошли в подвал, где и включили рубильник дежурного освещения подвала, наполненного газом!..

Сколько же раз можно повторять: Люди! Думайте, прежде чем что-то делать!

ЭСТРАДНЫЙ СЮЖЕТ

Успешно сдав летнюю сессию и подработав на разгрузке в морском порту, я уже через несколько часов был в своем родном городе. Там меня всегда ждали и встречали с радостью мама и её сестра. Втроем мы прошли через черные дни оккупации и через радость Победы над фашизмом. Вот почему в каждый свой приезд, прикасаясь к стенам нашего маленького домишки, я всегда набирался сил, ума и терпения на год вперед.

Появляясь на каникулах дома, я всегда старался привезти маме и ее сестре простенькие недорогие подарки, представлявшие собой флакончики духов "Серебристый ландыш", миниатюрные модели древних русских соборов или несколько хороших книг. Читать у нас любили, пожалуй, больше всего.

Великое это дело - родной край! На здешних прудах-озерах я научился плавать и управлять небольшим парусником. Здесь я окончил среднюю школу и освоил прыжки в воду с 10-метровой вышки, а количество моих выступлений по многим видам спорта я не буду перечислять.

С друзьями-однокурсниками, навещавшими, как и я, своих родных, и просто с повзрослевшими соседями мы проводили вместе каникулы, разнообразя их придуманными нами же заданиями, многие из которых были на пределе выполнимости даже самыми крепкими из нас. К примеру, нами был организован заплыв на 12 км (Вырдов пруд), для чего каждому участнику пришлось шесть раз одолеть расстояние от плотины до поворотного знака туда и обратно! Я пришел третьим (из девяти человек) и после этого добрый час валялся на плотине, где был финиш, устав настолько, что добраться до дому было ох какой проблемой. Я уже не говорю о многочисленных прыжках с вышки в воду. И если бы можно было бы сложить все 10-метровые ее высоты, которые пролетал лишь за лето каждый из нас, то получилось бы расстояние от Щигров - до Курска.

Мама и ее сестра Лидия работали бухгалтерами: одна в МТС, вторая - на нашем Механическом заводе. Они частенько задерживались на работе допоздна, и мне иногда приходилось их встречать у входа в их учреждения.

Так было и на этот раз. Мама задерживалась на работе, готовя полугодовой отчет, а ее МТС находилась на окраине города, куда я и направился в этот вечер. Накануне прошел сильный ливень. Потоки воды неслись по улицам со скоростью автомобиля. Дождь продолжал идти, делая и без того темную ночь просто непроглядной.

В одном месте через широкую канаву с несущейся по ней водой был переброшен узкий мостик, к которому я подошел одновременно с каким-то мужчиной, шедшим мне навстречу. Проходя мимо, он задел своей рукой мою левую руку, извинился и проследовал дальше. И вдруг, пройдя уже десяток метров после мостика, я обнаружил, что на моей левой руке не хватает... моих часов! "Ах, ты сукин сын! - обругал я мужика. - Не, братец, со мной такое не пройдет!" И, перепрыгнув через злополучную канаву, я догнал наглеца!

- Часы быстро! Ну!

Человек сразу весь съежился, ожидая, вероятно, удара, и с необычной вежливостью, сказав "пожалуйста", протянул мне дрожащей рукой требуемое, которое я тут же и сунул в карман своих брюк, при этом бедняга-вор уже скрылся в темноте с необычайной быстротой.

По дороге домой рассказываю маме о происшедшем. Она лишь головой качает: надо же, ну и народ!

Дома нас уже ждал горячий чай. Сестра мамы, несмотря на поздний час, испечь ухитрилась даже пирог с яблоками, который мы тут же и уничтожили втроем.

В конце чаепития, за столом, повторяю тетушке историю с часами и...

- Часы? Твои часы? - тетушка явно удивлена. - Да вон они, лежат на комод! - ???

...Оказавшись, таким образом, примитивным грабителем, отнявшим у прохожего его собственные часы, я сижу перед знакомым мне начальником

городского отдела милиции, чистосердечно раскаиваясь в совершенном бандитском нападении. На столе лежит вполне сносный швейцарский хронометр, столь беспардонно отнятый мной вчера у нормального порядочного человека.

- Игорь, - обращаюсь я к сидящему напротив, - ты же мудрый, способный детектив, ну, помоги! Надо же найти пострадавшего! Надо!

В ответ майор милиции лишь прикрывает рукой свой рот, чтобы я не видел его улыбки:

- Ты что? Разыгрываешь меня? Так я и поверил: ты снял часы! У постороннего человека? Ты? - И он уже открыто смеется, явно считая мои слова просто не совсем удачной шуткой...

В мою историю "приобретения" часов никто здесь не верит. Все смеются! И лишь когда я выхожу из кабинета, оставив часы на столе, они начинают верить происшедшему, в котором роль бандита была отведена студенту Ленинградского военно-механического института.

Ну, не расклеивать же мне объявления по всему городу с просьбой взять обратно свою собственность, отнятую неизвестным в темную дождливую ночь...

Я возвращался в Ленинград на скором Симферопольском. В купе нас было трое: молчаливый старик, пролежавший на своей полке до самого Питера, и шустрый, средних лет мужчина, оказавшийся администратором театра эстрады, с которым без всякой задней мысли я и поделился своим "бандитским" сюжетом. Он долго хихикал, и, достав блокнот, тезисно зафиксировал в нем мою историю с часами, пообещав при этом дать ей "эстрадный ход".

И не обманул же!! В одной из предновогодних телепередач я сам услышал "бандитскую историю" в исполнении конференсье...

Публика-то заливалась смехом, а каково было мне слушать все это, зная, что где-то бегают без своих часов моя жертва??

ЗАКУСКА

Несмотря на мощный зеленый заслон лесов и парков от июльского солнца, наш город в полуденные часы замирает, пока не спадет жара: для средней полосы дневные +35о С уже многовато, а иногда бывает и поболее...

В такие часы весь свободный люд, как правило, заселяет берега окрестных озер-прудов. Это и студенты на каникулах, и довольно многочисленные командировочные, и просто приезжие гости из соседних районов Курской области. Это и стайки наших школьников, визжащих, орущих, вздымающих мириады брызг над торчащими из озера головами.

Но наступает вечер. Стайки ребят и девчонок начинают неторопливо заполнять аллеи городского парка. У нас очень спокойное население. За мои детство, отрочество и юность, здесь прошедшие, я ни разу не был

свидетелем каких-либо конфликтов на любой почве. Все проходит у нас чрезвычайно миролюбиво и доброжелательно, если и случалось что-то, по слухам, “авторами” таких инцидентов были, как правило, приезжие. И обычно такое могло происходить из-за девчонок на танцплощадке. И все-таки, однажды мне пришлось стать не только свидетелем, но и прямым участником весьма необычной конфликтной истории.

...Еще при подходе к центральным воротам нашего парка я обратил внимание на двух явно не наших парней с довольно развязным поведением и крикливыми голосами. Они, нисколько не смущаясь, задевали наших ребят и девчонок, отпуская в их адрес совсем даже неуместные реплики. Скорее всего эти двое находились в состоянии некоторого подпития, а посему на них просто не обращали внимания, хотя наши ребята за отпором “в карман бы не полезли”. Просто этой парочке прощали из-за их состояния.

...Спокойно танцую танго со своей знакомой Светкой Леоновой, студенткой первого курса Московского университета. Мы знаем друг друга с пятого класса, да и родители наши знакомы не один десяток лет. У девчонки короткая модная прическа, и она носит брюки, что здесь, вообще-то говоря пока редкость.

Надо заметить, что в парк в этот раз я пришел от своего однокашника Валентина Шенуринова, снабдившего меня отличной книгой американского инженера Руппе “Навигация космических аппаратов”, которую я, дабы не мешала танцу, засунул сзади за пояс, прикрыв рубашкой навыпуск.

“Аварийная” ситуация создалась совершенно неожиданно и главное, практически, из ничего, на пустом месте: один из упомянутых мной парней, лавируя между танцующими, хлопает мою партнершу ладонью по известному месту! У нас такое не прощается: через секунду чужак корчась, со стоном выбирается к выходу с танцплощадки. После танца я провожаю Светку на ее место. Вообще-то все произошло столь быстро, что практически никто из танцующих даже не обратил внимание на наш мимолетный конфликт. Танцы продолжают.

Приближается время закрытия парка. Ко мне подходят мои коллеги по бывшей школьной баскетбольной команде Иван Горяинов и Олег Бухаров:

- Костя, будь осторожен на выходе. Кажется, тебя там ждут. Мы на всякий случай будем сзади.

Верно: в тени ворот парка замечаю приезжую “сладкую парочку” (как сейчас принято говорить). Один из них через некоторое время в толпе идущих приближается ко мне сзади, делает резкое движение рукой, толкая меня довольно сильно в область поясницы. Я не успеваю схватить его за руку, поскольку парень сразу же выбегает из толпы, скрываясь в густых зарослях акации...

Вернувшись домой, и достав книгу из-под рубашки, обнаруживаю, что она буквально пробита почти насквозь очень острым и узким лезвием,

скорее всего заточкой или крупным шилом. На рубашке едва заметно проступает точечное отверстие от прокола.

... 23.50. Почти полночь. Я у дома Ивана Горяинова. Он уже знает, где временно остановилась приезжая парочка “молодцов”: это наш пригород Сныткино. Мне уже известен и дом, точнее небольшая чистенькая избушка под соломенной крышей, в которой обитает известная многим бабулька Веселиха, не раз имевшая дело с местной милицией за изготовление отличного самогона.

Час ночи. Тихо отсиживаюсь в сенях Веселихи, а точнее - в здоровенной почти пустой бочке из-под соленых огурцов. Тишина полуночная. Слышу, как где-то рядом попискивают мыши...

Час тридцатье ночи. Наконец-то. Оба появляются, что-то мурлыча и тихо похаживая. Я тоже тихо, но внятно подаю свой мяукающий голос из бочки и сразу слышу их почти шепот:

- Вот зараза... Опять залезла в нашу закуску... Убью падлу!

Это мой “обидчик” с заточкой. Он подходит к бочке, наклоняется и запускает ко мне руку. От удара ладонью в шею эта скотина беззвучно валится в “нашу” тару, и мы едва вмещаемся в её объёме, благо бочка большая.

Где-то рядом справляет “малую нужду” его “коллега”. Он не слышит моего движения за своей спиной и расслаблено потягивается.левой рукой хватаю и сдавливаю его “сексуальное содержимое”

От дичайшего рёва вздрагивает даже вся избушка бабки Веселихи, и она сама выскакивает в сени в одной нижней рубашке:

- Что тут? Кто тут? Что-о-о здесь?

А ничего тут. Если не считать корчащегося на полу одного из ее постояльцев и второго, хрипящего в бочке из-под соленых огурцов.

Говорю Веселихе:

- Чтобы завтра их не было тут!

Она непонимающе пялит на меня глаза, а из бочки доносится:

- Прости, кореш, прости... Кореш... Прости...

Утром их и след простыл. Больше их никто в нашем городе не видел.

ШТРИХИ, ШТРИХИ...

У человека иногда секунда, миг превращается в целый памятный пласт, сохраняемый всю жизнь.

...Мы сдали летнюю сессию за 4-й курс! Настроение! Погода! На небе ни облачка! Вот вам и Ленинград, а где же пресловутые дожди? Где низкое пасмурное небо? Вся наша группа идет по Литейному проспекту, у ребят и девчонок эйфория: о чем только не говорят! О чем только не болтают! Вспоминают забавные случаи, свидетелями которых они были в этом учебном году: “А это ты помнишь? А это?”!

...Профессор экономики каждую свою лекцию начинал фразой:

- Труд - основа всего! Вот почему всем нам надо трудиться! Трудиться! И трудиться!!

И вдруг в тишине аудитории раздается тонкий девический голосок:

- А не читать лекции!!

Профессор замирает на месте:

- Что-о-о?! Кто сказал?! Ну, смелее! Кто?

Ого! Жди! Сейчас тебе признаемся!

После этого ученый муж тратит полчаса на опровержение преподнесенного ему "тезиса"...

... Доцент читает нашему потоку лекцию о лазерных гироскопах. На минуту останавливается перед сидящей в первом ряду миниатюрной смазливой студенткой из юго-восточных краев:

- Простите, вы - корейка? И все 125 студентов слышат ответ:

- Что вы! Нет, я - кореянка! Разве я похожа на кусочек мяса?

... А случай с вреднейшим нашим преподавателем Розенфельдом! У него для нас, студентов, было всего две отметки: двойка и тройка! Даже если ты отвечаешь на все вопросы билета плюс дюжину дополнительных - и все это без единой ошибки, больше "тройка" у него никто не получал. Он был зубной болью для студентов нашего ЛВМИ. Держит перед отличником зачетную книжку и приговаривает: "Хорошо! Недурственно!" И ставит в графе "оценка" своим витиеватым почерком "посредственно"! - Но однажды этому пришел конец...

8 марта, в Международный женский день, профессора подзвал к домашнему телефону один звонок:

- Марк Ефимович, поздравляем вас с 8-м марта!!

- Спасибо! Спасибо! Признателен! Но, позвольте: я же не женщина?!

- Нет, вы не женщина, но ведьма порядочная!!..

...Астронавигацию пилотируемых космических аппаратов читал один кавторанг, кандидат технических наук, прекрасно разбиравшийся во всех лабиринтах этой весьма непростой науки. Он всякий раз, входя в аудиторию, делал одно и то же заявление:

- Я умный. Я очень умный! Если и вам удастся постичь все премудрости астронавигации, то я и вас буду считать такими же!

Науку-то мы постигали, но через месяц такие заявления кавторанга¹ нам стали надоедать. И вот однажды, придя на очередное занятие и произнеся свою sacramентальную фразу, кавторанг, повернувшись к доске, вынужден был перед всеми прочитать адресованный, скорее всего ему текст:

"Уж сколько раз твердили миру...

Об уважении к мундиру!

Что ж, уважают, но пока,

В мундир не втиснут ха-ха-ха!

И надо же! Подействовало! Свои "заявления" он делать... перестал!!

¹ Кавторанг - капитан второго ранга.

Неожиданно Нелли Поликанова, одна из наших красавиц, обращаясь к своему другу Валерке Близгареву, мечтательно произносит:

- Валер! Помнишь, вчера ты обещал мне выполнить любое мое желание?

А я и не отказываюсь, - решительным тоном отвечает Близгарев.

- Тогда прыгни с моста в Неву!!

- ...Ты чево?! - Валерка делает шаг от перил, - Того, что ли?

Все двадцать шесть человек группы смеются одновременно:

- Что, Валерка, кишка тонка? - Нелли отворачивается и смотрит на закат.

И тут же все слышат голос:

- Зачем же его упрекать? Я уже делаю это за него.

Красавица и все присутствующие видят перед собой одного из нашей группы, уже стоящего на перилах Литейного моста.

Через секунду он отделяется от перил, и ровно, как "игла", пролетает пространство до Невы, входя в воду настолько точно, что никто не замечает даже брызг...

Я плыву вдоль одетого в гранит высокого берега. До ближайшей лестницы метров 300. И меня там уже ждут работники милиции...

В душе этой девушки что-то произошло после этого случая. С Близгаревым наступило похолодание в отношениях. Оно особенно усилилось во время нашей технологической практики на Уралмаше (Свердловск), где Нелли прямо-таки тянулась ко мне и в рабочее, и в свободное время, до глубокой ночи засиживаясь в нашем доме, а в выходные неожиданно предлагая мне совместные прогулки в кино или на прекрасные местные озера...

После окончания ВТУЗа Валерка и Нелли помирились и даже вместе присутствовали на моей свадьбе в гостинице "Октябрьская". Вскоре они поженились, и след этой семьи затерялся для меня в круговерти времени...

Штрихи. Штрихи...

НЕ ГОВОРИ «ГОП»...

Припомнилась мне как-то одна история, в столь давнем времени происшедшая, что и забываться стала, хотя события жизни студенческой вряд ли забвению подлежат. Хотя ведь полвека прошло.

А было вот что.

Со своим закадычным и верным дружкой Леонидом Мицким каждый выходной выбирались мы на своем велотандеме на ленинградские шоссе. Были в Луге, в Пушкине (Царское Село), побывали в Копорье с его достопримечательными крепостными стенами, и даже в Лосеве и Приозерске. Но все-таки нашим любимым маршрутом оставалось "Малое Кольцо": Ленинград - Сестрорецк - Зеленогорск - озеро Красавица, и отсюда,

накупавшись, накручивали мы километры по Средне-Выборжскому шоссе прямо в Питер, где каждого из нас ждала очередная студенческая неделя: меня - в Военмехе, Леонида - в Электротехническом. На эти почти полторы сотни верст у нас уходил весь воскресный день.

И вот однажды, в конце июля, в День ВМФ добравшись до Красавицы, спрятав в лесной тени наш безотказный велотандем, одолев брасом всю ширину озера, мы неожиданно оказались в группе морских моделлистов. Это были люди разного возраста - от пионерского до пенсионного, при этом качество моделей различных судов у всех участников было столь впечатляющим, что остаться безразличными к этому великолепию было просто невозможно.

Наше внимание привлекла почти двухметровая модель крейсера, владелец которого, усатый дядька средних лет, уж очень тщательно охранял свое "детище" даже от малолетних зрителей, испытывающих большое желание хотя бы прикоснуться пальцем к корпусу крейсера. У владельца было несколько его помощников, людей взрослых с совсем не праздничными, серьезными лицами.

Эта модель действительно стоила того, чтобы обратить на себя внимание всех присутствующих: на расстоянии сотни метров от берега крейсер выполнял восемь радиокоманд, в том числе имитацию стрельбы из своих четырех орудийных башен. Делая элегантные развороты, мягко подстраиваясь в кильватер другим судам и кораблям, крейсер, превосходит их всех, а моделей-то было больше сотни в скорости в два, а то и в три раза. Все попытки других моделлистов потягаться своими судами в скорости с этой уникальной моделью-были пустым делом: уже в первые секунды все модели отставали от крейсера без всякой надежды хотя бы продержаться за ним десяток секунд. Досадно было лишь одно: хозяин и "автор" крейсера и его четыре помощника не только не подпускали никого к своей модели, но и отказывались дать хоть какие-то комментарии по его характеристикам. Мы узнали лишь одно: крейсер был заявлен на участие в каких-то престижных состязаниях здесь же, на озере Красавица, и чуть ли не с тотализатором, при этом все присутствующие слышали уверенные высказывания "хозяина" крейсера в победе своей модели над всем ей подобным во всем Питере...

Переплыв вторично озеро, мы вернулись к своему велотандему и некоторое время обсуждали увиденное на том берегу. И тут нас посетила одна мысль...

Задуманную нами радиоуправляемую субмарину мы успели сделать за 12 дней. При водоизмещении 4,5 кг и длине 1,4 м она погружалась при радиосигнале на таймер через пять секунд на глубину 2,5 м. Таймер давал команду на рули глубины, после чего субмарина шла горизонтально на глубине в течение 40 секунд и могла "лечь на дно". Антенна лодки принимала все пять команд до момента ее погружения, адресуя их на таймер с двумя программами, выбор которых производился в надводном положении.

Субмарина могла двигаться вперед, совершать повороты влево и вправо, выполнять погружение, ложиться на дно и...

Вот это “И” было у нас самым главным сюрпризом всей конструкции: в носовой части субмарины был раскреплен пистолет Марголина, спусковой крючок которого приводился в действие пятой радиокомандой. Ствол оружия располагался в трех сантиметрах над ватерлинией.

Наша модель была хорошо сбалансирована в бассейне, имея небольшую положительную плавучесть (около 250 грамм), которая легко преодолевалась на ходу рулями глубины. Оружие, электродвигатель, редуктор, приемник и исполнительные механизмы были надежно загерметизированы. Две ходовых проверки субмарины в бассейне (до них был десяток проверок статических) выявили некоторые шероховатости конструкции (пришлось несколько увеличить площадь рулей глубины и курса). В остальном нас устраивало все, кроме самого главного: на реальной воде нам требовалось обеспечить полную безопасность при огневом воздействии на противника.

К этому времени мы уже знали все о владельце и конструкторе модели крейсера и днях проведения его “тотализаторных” состязаний.

И вот в оговоренную субботу для выполнения задуманного нами “укрощения” крейсера мне пришлось взять дядюшкин “Москвич”, на котором мы с Леонидом и покатали на “соревновательный” берег озера Красавица. Было совсем раннее утро, нам было необходимо изучить условия на этой части акватории и принять тактику применения нашей субмарины. Располагая запасом времени (около трех часов) до появления участников тотализатора, мы определили участок акватории, где вероятнее всего было проведение предстоящих состязаний крейсера, с другой моделью, уделяя по-прежнему внимание безопасности находившихся здесь зрителей, и огневая позиция нашей лодки определялась именно этим фактором; стрельба должна была вестись только в сторону дальнего пустынного берега. У нас был достаточный запас расстояния (около 500 метров) для устойчивых радиокоманд, а посему мы считали себя вполне готовыми к операции под кодовым названием “Возмездие хвастунам”.

Все шло по плану. Правда, начало “тотализатора” задержалось до полудня, что позволило мне съездить в Зеленогорск за хлебом и колбасой. Это и несколько бутылок лимонада составило наш с Леонидом обед.

...Крейсер поразительно быстро - за считанные минуты - легко разделяется со своими тремя соперниками: эсминцем, катером и довольно громоздким и неповоротливым “броненосцем”. Все эти модели были протаранены крейсером и превратились в бесформенные куски обломков. Крейсер замирает на акватории в 200 метрах от берега, на котором его владелец со своими помощниками оживленно обсуждает с конструкторами проигравших моделей свою победу. Слышится громкий голос победителя:

- Желаящие еще есть? Мы готовы! Пожалуйста!!

Они были готовы ко всему, кроме одного: совершенно неожиданно в нескольких метрах от крейсера всплывает модель субмарины. Она неторопливо разворачивается своим форштевнем к борту крейсера, и все присутствующие на берегу и на двух шлюпках буквально замирают от неожиданности происходящего у них на глазах: с расстояния одного метра всплывшая субмарина всаживает в красавец-крейсер десять пуль! Середина крейсера мгновенно исчезает в озере! Его бак и корма некоторое время виднеются на поверхности, а потом разваливаются, оставляя на воде лишь какой-то ворох обломков... Все наблюдающие эту картину в трансе, они ничего не понимают!

Тем временем, пользуясь общим замешательством, мы разворачиваем субмарину на 180о, разгоняем ее и даем команду на погружение с последующим (через 15 секунд) заполнением внутренней емкости, приводящем подлодку к залеганию на дно. И это делается с отстрелом специального буйка по таймеру ровно через сутки. Пенопластовый буюк, связанный с субмариной прочной леской, обозначит место залегания субмарины и позволит нам поднять ее на поверхность. Но это будет через сутки! А сейчас...

На берегу творится что-то невообразимое: крики, ругань перемешиваются с возгласами удивления и явной растерянности. И даже - симпатии к непонятно откуда взявшейся субмарине, столь четко и безнаказанно расправившейся с неуязвимым крейсером.

На следующий день под вечер мы осторожно подплываем к едва заметному на поверхности озера буйку и неторопливо доставляем субмарину к месту стоянки нашего "Москвича".

В сентябре я узнал-таки телефон (домашний) владельца и конструктора погибшего крейсера и даже позвонил ему. На удивление он в этом разговоре был очень даже доброжелательным по отношению к нам и хотел встретиться.

Тогда-то я и попросил его больше никогда не говорить "гоп" пока не перепрыгнет!

ДОКЕР

Завершен очередной втузовский семестр, и у меня впереди почти два месяца летних каникул. В нашей институтской группе эйфория! Планы! Планы! Планы! У всех студентов разные и весьма привлекательные, ориентированные естественно на отдых. И тут я случайно встречаю своего земляка и друга Леонида Мицкого, студента Ленинградского электротех- ха. Оказывается, что он не только успешно завершил второй курс, но и успел неплохо подработать на кирпичном заводе и теперь ехал домой с полным финансовым "вооружением".

Материальные успехи Леонида заставили меня несколько призадуматься и отодвинуть свое прибытие в родные края на начало августа,

оставшись здесь на “подработку” в течение трех-четырех недель, чтобы не появляться дома с пустыми, без подарков, руками.

Уже на следующее утро я был в отделе кадров Ленинградского морского порта, где меня довольно оперативно оформили на должность грузчика в одну из передовых в то время бригад докеров, руководителем которой был Борис Васильев. Как выяснилось позднее, это был единственный тогда бригадир-орденоносец, а его бригада творила просто чудеса при разгрузке и погрузке самых различных судов как отечественных, так и, множества других стран.

На работу мне предстояло выходить уже на другой день, причем - в ночную смену; с 22.00. до 6.00. Вообще-то это меня нисколько не беспокоило, в ночную, так в ночную, справимся, не боги горшки обжигают. И за полчаса до начала работы я уже присутствовал на своей первой” пятиминутке” бригады Васильева, где и познакомился со своими новыми коллегами по предстоящей трудовой деятельности.

Задача, поставленная нам Васильевым, заключалась в экстренной разгрузке двух трюмов немецкого теплохода, доставившего в Ленинград огромные 120-килограммовые “кубы” (1м x 1м x 1м) прессованного каучука. Увидев наполненные каучуковыми глыбами трюмные объемы судна, я, честно говоря, усомнился в возможности их разгрузки за одну смену силами десятка человек...

Меня удивило изумительное спокойствие “докеров” нашей бригады, один из которых вложил мне в руку тяжелый стальной крюк с деревянной рукояткой, ответив на мой немой вопрос: “Там поймешь!”.

...За четыре часа работы до короткого перерыва, я “узнал” все! Этими крюками мы непрерывно цепляли глыбы каучука и выкатывали их на крепчайшую сеть, крепящуюся к крюкам порталного крана. Когда на сетке оказывалось полсотни каучуковых кубов, кран мгновенно уносил груз из трюма, а второй кран тут же опускал в трюм порожнюю сеть. Во время подъема груза мы должны были быстро прятаться под твиндеки, чтобы в случае падения каучука из сети избежать травм или чего похуже. Такие случаи были.

Первые 4 часа работы я нисколько не отставал от коллег-докеров по количеству доставляемых в сетки каучуковых глыб, к тому же я заметил высокую экономичность движений докеров: ни одного лишнего жеста, ни лишнего шага! Все делалось столь быстро и профессионально, что у нас не было времени даже на реплики.

2 часа ночи. 15-тиминутный перерыв. В основном для того, чтобы выпить воды или сока. Со мной делятся всем, что имеют эти люди. К этому времени первый трюм был пуст... Бригадир подходит ко мне:

-...Вижу, ты не курильщик. И у тебя получается работа. Не плохо.

Действительно, я ни в чем не уступал докерам в Количестве погруженных мной резиновых кубов, а во второй половине смены даже обошел более опытных товарищей. В 5.40. утра пустым оказался и второй трюм, что

удивило не только немецкого вахтенного, но и нашего стивидора. Оказывается, они рассчитывали провести разгрузку этих двух трюмов за... три смены!

Мы помылись в душе, после которого здесь же каждый из нашей бригады получил по “кремлевке” (100 рублей!) за свой труд. “Кремлевка”! За восемь часов! Да у меня стипендия измерялась 520 рублями, которых вполне хватало на месяц! Мои родные дома были весьма удивлены моим ночным заработком и лишь качали головами: “Здорово! Ничего не скажешь!”

... Бригада выходила в ночь в течение десяти суток. Трое из них мы разгружали каучук с подходящих судов, а затем перешли на разгрузку громоздких деревянных контейнеров с токарным и фрезерным оборудованием. В результате за свои 10 смен я заработал аж 1000 рублей! Сумма для того времени очень даже приличная. С переходом бригады на утреннюю смену у нас изменился и характер работы: мы приступили к погрузке многочисленных крупногабаритных ящиков с продуктами и снаряжением для отправки в районы Дальнего Севера на, так называемый “Дальстрой”. Это была более спокойная работа, нежели беготня с каучуком. Правда, мои докеры и тут ухитрились перевыполнять нормы погрузки, обеспечивая себе и каждому члену бригады Васильева сотню рублей за смену. Однажды в бригаде появился новичок, благообразного вида краснощекий молодой человек лет 25. В эту смену нам предстояла разгрузка длиннющей баржи, все пять трюмов которой были буквально забиты поддонами с новеньким кирпичом. Диспетчер порта очень просил Васильева управиться с разгрузкой за смену из-за ожидания к этому причалу судна с каким-то важным грузом, держать которое на рейде было бы слишком дороговато для порта. Конечно, баржу мы разгрузили, но пришлось здорово постараться. Все устали. А наш толстенький розовощекий новичок, оказавшийся студентом Ленинградской консерватории, ушел после первого же часа с момента начала разгрузки баржи. Было интересно наблюдать за ним: вначале он брал и переносил, как и каждый из нас, по 10 кирпичей, затем - по 8! Через полчаса “композитор” брал уже по одному кирпичу, причем сидя! И вовремя поняв всю бестолковость своего положения, он покинул свое рабочее место “по-английски”: ни с кем не простившись!

Были у нас и курьезы. Однажды, сменив предыдущую бригаду, мы продолжали разгрузку английского сухогруза, после которой было обнаружено исчезновение десяти вместительных коробок с растворимым кофе, предназначавшемуся английскому посольству в Москве. К счастью все выяснилось через сутки. Оказалось, что два лихих “докера” из предыдущей бригады ухитрились похитить посольский кофе и даже переправить его большую часть к себе домой! За это воришки поплатились увольнением и солидным штрафом! Уголовное дело заводить не стали по просьбе потерпевших англичан...

Через месяц я попрощался с бригадой Васильева, и мне показалось, что некоторые докеры даже жалеют о моем уходе.

Я же был очень доволен! Еще бы: где я, студент, мог бы заработать за 27 рабочих смен аж 2600 рублей! Да нигде! Это же был оклад по крайней мере замминистра!

Эта сумма позволила мне закупить целую кучу всевозможных подарков, целый чемодан! Маме и ее сестре Лидии я привез по флакону очень симпатичных духов “Серебристый ландыш” и по мраморному макетику Собора Василия Блаженного. Я подарил им по шерстяной кофточке и платью, что вызвало неподдельное удивление родных:

- Ты что? Выиграл в лотерею?

- Нет. Это все получено мною в наследство от бразильского дядюшки-богатея!

Мне почти верили.

ЖАДНОСТЬ ФРАЕРА СГУБИЛА

Сколько у каждого из нас жизненных курьезов случается? Да сколько угодно! И по уму, и по дурости! Да вот хотя бы такой, со мной случившийся...

Перед началом занятий на третьем курсе ЛВМИ, а точнее - 31 августа, весь наш поток факультетский послали на сельхоз работы, а точнее - на уборку картошки, и не куда-нибудь, а в Копорье! Наверняка все вы слышали об этой старинной крепости под Питером с одноименным поселком при ней.

Срок - две недели. Так что к 15 сентября всех студенческих работяг обязали вернуться за учебные столы военмеховских аудиторий.

В Копорье нас встретили весьма радушно (а как же иначе: ведь помощники приехали!) и разместили в просторном сарае, правда, чистом и очень даже опрятном как внутри, так и снаружи. И уже на следующий день мы бодро вышагивали за картофелеуборочным агрегатом, наполняя очень даже многочисленные лукошки картофельными клубнями.

Параллельно с нами здесь пребывали и студенты - третьекурсники Технологического института, правда, с несколько иной, чем у нас задачей: косить на просторных местных лугах высоченную траву для пополнения запасов сена многочисленному “населению” молочных ферм.

Несмотря на некоторую утомляемость, приобретаемую нами за 10-ти часовой рабочий день, вечера наши были весьма даже содержательными: танцы, шахматы и покер вполне удовлетворяли притомившихся за рабочий день студентов и студенток тоже. К тому же мы неожиданно получили один выходной, что не только удивило нас, но даже и обрадовало.

Наше жилище располагало крошечным телевизором, что позволяло быть в курсе событий, как в стране, так и за рубежом.

В один из вечеров я стал свидетелем интересного рассказа, автором коего был один из посещавших нас будущих технологов. Оказывается, их студент выиграл спор с бригадиром колхоза, скосив обычной косой за семь часов целых полгектара! Это ж надо!

...Утром иду к бригадиру и обязуюсь побить рекорд ручного сенокосения, пообещав качественно выкосить за то же самое время целый гектар густотравных зарослей!

- Да, не-е-е! - бригадир явно сомневается в моих способностях. - Не успеешь! Это поначалу, кажется легко, а приустанешь - охотка и пройдет! Не успеешь! Проверено! Тем более - гектар! Не-е-е!

- Но если попробовать! Разрешить? Только отведи делянку ровненько 1 га! И мне нужно две косы: одна будет в работе, вторую ребята направят (поточат) в это время. И потом... если не уложусь - с меня две бутылки! Ну, как?

Я даже не стал оговаривать "действия" бригадира в случае моего успеха. На том и порешили. Правда, уходя, бригадир даже плечами пожал: "Проиграешь ведь!"

И вот в шесть утра мне отмерили ровно один гектар с довольно густой травой, а через полчаса я уже делал свои первые бодрые взмахи своим "инструментом". К полудню за моей спиной уже виднелась обширная, со скошенной травой площадка в 0,75 гектара! Три четверти эти мне удалось одолеть за пять часов, чуть больше.

А потом... Потом на косца-спорщика навалилась такая усталость, что исчезло всякое желание даже смотреть на косу! Не то, что держать ее в руках! Меня от проигрыша спасли наши девчонки-студентки, подбегавшие меня подбадривать время от времени! Без них я бы точно бросил бы свой "инструмент". А вот с их веселыми мордашками и смехом мне стало как-то легче, спина перестала ныть, и возникало-таки непонятно откуда желание... завершить начатое...

Как бы там ни было, а ровно в 14.30. "работу" свою я завершил. Замечание по качеству своего труда получил я от бригадира только одно, но тут же исправил низкое качество покоса на небольшом участке, благо, что у меня был получасовой запас времени! А в остальном... Все получилось... И тут выяснилась любопытная деталь: оказывается, руководство колхоза вместе с председателем было осведомлено о нашем с бригадиром пари и за мой выигрыш разрешило набрать и взять с собой столько картошки, сколько я смогу унести!

Вот почему за день до нашего отъезда из Копорья я выпросил себе две матрасовки, вложив их одну в другую для прочности "тары", а в утро дня нашего покидания гостеприимного колхоза доверху наполнил сей огромный мешок отборнейшими картофельными клубнями! Показания весов как-то не очень заострили мое внимание: 91 кг, ну, что, подумал я, не дотащу, что ли? Уж, больно хороша была картошка! Да еще дармовая! Как-то забылась, притупилась мысль о той усталости.

Пренебрег я лишь одним: от колхоза до электрички надо было вышагивать по тропинке пару верст с небольшим!

...Мои коллеги-студенты и студентки, имея при себе по 2-3 кг картофельных клубней, легко вышагивали по “трассе” к станции, а я, покачиваясь, добросовестно тащу свой заработанный тяжким трудом груз. Уже на полпути стал я, правда, чуть сомневаться в правильности показания колхозных весов: “Наверняка показывают недовес! И намного! Прихватил я картошки, пожалуй, поболее центнера!” Эх, как хотелось выбросить из матрасовки десятка три клубней! Жадность не позволяла! Как бы там ни было, “докачался” я до платформы как раз к самому приходу электрички.

...Я не могу втащить свой “мешок” в вагон: дверь оказывается узковатой для моего груза. Еле-еле, едва не повредив дверную створку, с помощью десятка наших студентов протаскиваю картошку в тамбур.

...У Балтийского вокзала ситуация повторяется, только теперь уже с трамвайной дверью. Приходится пропустить дюжину трамваев, пока не подошел вагон новой, более просторной конструкции, но и тут потребовалась помощь людей...

От Витебского вокзала до моего дома всего полкилометра. Стоящие кругом люди, ждущие свой трамвай или троллейбус, увидев меня с огромной матрасовкой на спине, только головами покачивают: спятил парень, что ли? Что это он тащит?

...Наконец-то добираюсь до дома №6, что на Подъездном переулке, но лезть даже на свой второй этаж сил нет! Куда они подевались у меня, не знаю. Наконец, немного отдохнув в подъезде, доволакиваю матрасовку до двери нашей квартиры...

Каково же было удивление моей тетушки при виде столь огромного количества картошки! Нам хватило ее, аж, до Нового года, и это с учетом того, что мы щедро поделились ей со всеми нашими соседями! А это, как никак, еще целых три семьи! Через месяц только у меня пропала дрожь в ногах, и с тех пор я почему-то не люблю покупать и носить картошку, даже в количестве, не превышающем 1 кг.

ФИОЛЕНТ

По программе кафедры военно-морской подготовки военмеха после 4-го курса нам предстояло пройти месячную специальную практику под Севастополем. Ее содержание держалось от нас в великой тайне: “Узнаете на месте!”. Таким образом, сразу же после летней экзаменационной сессии все ребята нашей группы (22 человека) оказались в одном вагоне поезда “Москва-Севастополь”, уносящего нас к синему-пресинему Черному морю. Накануне заведующий кафедрой капитан первого ранга предупредил нас перед отъездом, чтобы на санаторный отдых мы там не рассчитывали, несмотря на все прелести Крымского побережья.

По прибытии на Севастопольском вокзале нас уже ждали два автобуса, на которых мы и покатили в неизвестном направлении.

Шоссе иногда “выныривало” к побережью, и тогда все мы, очарованные сине-голубой панорамой неба и моря, не могли оторвать взглядов от раскрывавшейся перед нами картины. Минут через сорок автобусы неожиданно нырнули в какое-то горное ущелье, и перед нами предстала группа аккуратных небольших домиков, в которых нас и разместили. Отсутствие всяких там лишних житейских удобств с лихвой компенсировалось близким рокотом моря.

Спустя час нас построили в две шеренги и объявили, что на месяц мы превращаемся в военных моряков с сохранением воинских званий для тех, у кого они были. А затем нам предложили обед, да такой, что многие из приехавших оказались на грани гибели от обжорства! Это простительно: ведь мы почти сутки ничего не ели, находясь в поезде. После столь обильной еды нам дали отдохнуть до 17.00. А потом...

А потом мы узнали, что предстоит нам здесь выполнить и ради чего мы оказались в этом сказочном месте. Я нисколько не преувеличиваю: место было действительно волшебным.

На краю высокого, в некоторых местах почти отвесного берега высились древние строения Георгиевского монастыря с церковью, от которого далеко вниз к самой кромке берега сбегала длинная крутая лестница в тысячу ступеней, по которой все мы, располагая предоставленным нам временем, спустились к морю, в котором через десяток минут уже виднелись все наши головы над волнами.

- Через какое-то время мы обратили внимание на одиноко стоящее метрах в 200 от берега скальное образование, именуемое “Монахом”, высота коего достигала, пожалуй, двух десятков метров, если не более. Под этим утесом море уходило на глубину метров на тридцать.

На вершину утеса, а точнее - на его плато, была проложена тропинка, сохранившаяся, по-видимому, еще с давних времен. Кое-где на этой тропке просматривались остатки каменных ступенек, скорее всего они были результатом труда “жителей” монастыря. Эти исторические следы сохранились до нашего времени благодаря (скорее всего) закрытости этих мест для посторонних глаз. От упомянутой тропинки в некоторых местах шли короткие ответвления к крохотным, но ровным площадкам на склонах утеса. Площадки находились на разной высоте, и их назначение было нам совсем непонятно.

В 17.00. мы были ознакомлены командованием с программой нашего здешнего пребывания. Поставленные задачи были настолько необычны и новы, что все ребята сидели, раскрыв рты от удивления.

Оказывается, нам предстояло пройти практику на дизельных субмаринах, оснащенных в своих рубках двумя шахтами, в коих находились две баллистических ракеты. Мы должны были полностью ознакомиться с программой подготовки и запуска, а также технического обслуживания

этих изделий. Необычным в этом деле было то, что все занятия с нами проводились только в ночное время. А день был предоставлен на отдых и сон. Так-то!

И началось! Ночь - на отработку подводного старта двух ракет. День - на отдых на мелкой гальке берега под Георгиевским монастырем. Четыре-пять часов дневного сна под ярким южным солнцем с последующим бодрствованием.

Чего только не придумывали ребячьи головы! Добираясь до утеса вплавь, мы прыгали в море с его разновысотных выступов-площадок, постепенно добираясь до самого верхнего плато, с которого мы летели вниз, прогнувшись и раскинув руки словно ласточки! И исчезали в волнах на несколько секунд, чтобы снова появиться на поверхности моря и подняться на утес для повторного прыжка, ведь с 20 метров человек падает полных две секунды! В течение, которых прыгающий должен был сгруппироваться, приняв положение для входа в воду с минимальным миделем, иначе...можно так врезаться спиной или боком о море, что будешь ходить фиолетовым от синяков полмесяца и больше! Конечно, не обошлось и без этого... Но мы умели терпеть.

Еще одним видом нашего дневного отдыха было погружение с аквалангом по опущенному на глубину 45 метров капроновому тросу, на конце которого была привязана старинная (и где только ее выкопали?!) шестигранная двухпудовая гиря, скорее всего - купеческая! На тросе через каждые пять метров, крепились таблички с обозначением глубины. Каждый участник погружения, спустившись на доступную ему глубину, крепил на тросе фанерную бирку со своей фамилией. Так мы определяли покорителя глубины №1. И если с утеса прыгало лишь одиннадцать смельчаков, то в море погружались абсолютно все!

Мы были разбиты на “пятерки”, каждая из которых имела скользящий ночной график своих занятий на материальной части. Отдыхали же мы все вместе, исследуя прилегающий к мысу Фиолент весь берег от монастыря до высоченной скалы “Дева”. Само же название мыса было получено им из-за цвета слагающих его горных пород фиолетового цвета. В вечерних лучах Солнца мыс этот смотрелся с моря драгоценным фиолетовым камнем, вправленным в крымский берег природой. Древние греки, подметив эту особенность мыса, и назвали его Фиолентом - Фиолетовым!

Месяц нашей практики пролетел как один день. Черные от загара, похудевшие, несмотря на отличный камбуз, удовлетворенные сделанным и увиденным, мы вернулись в Ленинград за два дня до начала нового учебного года.

Впереди был пятый курс. Последний курс студенчества. А там и до диплома было рукой подать, кстати, тему своего дипломного проекта каждый из нас уже выбрал. Осталось подобрать руководителей. А у меня была к тому же задумка сделать и защитить второй диплом с очень интересной и многообещающей темой. Темой, которая могла бы позволить

мне пробраться-таки к комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки при формировании второго отряда космонавтов...

ЧАРЫ

Мой учитель Иван Антонович Ефремов¹ многократно подчеркивал в своих произведениях значение красоты для человека и общества. Он считал красоту высшей степенью целесообразности всего нашего существования. Интуитивно каждый из нас, несомненно чувствует справедливость такого определения, но испытать, прочувствовать справедливость такого определения удается далеко не каждому. Редкое это явление, тут уж как кому повезет!

Мне повезло. Трижды.

В 8-9 классах все мои однокашники были увлечены Диной Дурбин. Фильмы с ее участием мы посещали несметное количество раз, особенно "Сестру его дворецкого", "Весенний вальс". В этой актрисе нас, подкупало исполнение ею песен на русском языке. Но главным в нашем увлечении была ее неподражаемая симпатичность, а также доброта отношений и изумительное доверие к окружающим.

У многих наших ребят (если не у всех) имелось по десятку фотографий Дины, оберегаемых и составляющих некую тайну поклонения красоте актрисы, ее молодости и таланту.

В пятидесятые годы властелиншей многих мужских душ стала незабвенная аргентинка Лолита Торрес. Это была женщина необычайного очарования с неким восточным колоритом. Жгучий испанский темперамент, исключительная красота фигуры, как и всего облика Лолиты, надолго задержались в нашей памяти.

Помню случай, когда, поддавшись обаянию аргентинки, мы даже отправили ей коллективное письмо в Буэнос-Айрес, на "Радио-Спленид", и что самое неожиданное - получили ответ, написанный актрисой собственноручно с приложением двух десятков ее прекрасных фотографий. Как видите, эта красавица, обладающая ко всему прекрасным голосом, была далека от зазнайства и "звездной болезни" даже к людям из столь далекой и, пожалуй, неизвестной ей страны. Кто из нашего поколения не помнит фильм "Возраст любви"? Вряд ли такие найдутся! А песня "Коимбра - ты город студентов" в исполнении аргентинки была тогда, пожалуй, студенческим гимном и у нас.

У моего товарища, занимающего в наши дни высокий государственный пост до сих пор в его рабочем кабинете красуется портрет Лолиты Торрес, увеличенный в восемь раз с присланной в то далекое время фотографии.

¹ Автор романов "Туманность Андромеды", "Час быка", "Таис Афинская".

И вот за один год до моей женитьбы я был очарован красотой женщины в третий раз! И это очарование сохраняется до сих пор. Вот что произошло тогда...

Южный берег Крыма. Убаюкивающий плеск волн Черного моря. Я пришел на крохотном паруснике в Ялту и, отшвартовавшись, направился в город для пополнения продовольственных запасов на свой рейс, продолжение которого планировалось на следующий день.

На набережной мое внимание привлекло какое-то, пожалуй, простенькое объявление о концерте неизвестной мне исполнительницы песен. Временем я располагал, а потому этим же вечером оказался у небольшой эстрадной площадки, окруженной плотной толпой отдыхающих. Оркестр уже начал опробование инструментов, и было интересно: кто что и как будет радовать собравшихся. Протискиваюсь с трудом к невысокой эстраде и оказываюсь в первом ряду зрителей. Приходится стоять как и все ибо количество скамеек явно не соответствовало количеству зрителей.

Над нами уже горели первые яркие звезды. Тонкий серп народившейся Луны неторопливо опускался за далекий западный горизонт, испещренный горными зазубринами. Вокруг струится тихий говорок зрителей. Все терпеливо ждут.

И тут совершенно неожиданно оркестр взрывается нервными аккордами, а из-за крохотных кулис возникает классических пропорций фигура девушки с поразительно красивым, нет - прекрасным лицом. От нее и это чувствуют многие, исходит мощный заряд обаяния...

...Не сжигай последний мост,

Подожди еще немного!..

... Чудный голос исполнительницы проникает в души людей, буквально замерших и потрясенных увиденным и услышанным...

...Значит, лето, значит, лето...

Вспоминать не надо...

В дополнение ко всему это чудное поющее существо переступает границу эстрады и оказывается в каком-то полуметре от нас. И совершается невозможное: продолжая петь, девушка одновременно подхватывает меня и, переведя руки на мои плечи, увлекает в какой-то несбыточный волшебный танец!

И мы скользим с ней в танце, объединенные чудной песенной мелодией, ее голосом и легким, едва ощущаемым мной запахом фиалок, исходящим от этого волшебного существа...

Сколько секунд длился наш танец? 10 - 15? Нет! Вечность...

Каждая услышанная мной ее песня была каким-то невообразимым явлением, не имеющим какого-либо земного аналога, она сама, ее голос, ее лик!

В котором каким-то невообразимым чудом были совмещены небесная чистота и земное озорство, страдание и радость, надежность и уязвимость...

Чистая, светлая, словно Богородица, она своим талантом и просто одним своим видом делает из тебя Человека, уничтожая в нас все дикое и черное, оделяя какой-то небывалой поддержкой и силой сопротивления Злу!

София Ротару.

Спасибо Тебе за все!

«ТЕБЯ ОТЫСКАТЬ НА ЗЕМЛЕ.

Сдана последняя экзаменационная сессия. За 5-й курс. Все! Мы - не студенты! Мы перешли в новую вузовскую категорию: мы - дипломанты! Ко всему я рискнул защищаться сразу по двум темам: закрытой и ДСП¹. В любом случае делать параллельно два диплома - вещь совсем даже непростая. Но решение принято, руководители обоих дипломов назначены. Отступить некуда, да и незачем!

Тема первого моего диплома - ракетная тематика. Тема второго - давнишняя моя задумка: "Космический корабль для облета Марса одним человеком по траектории Гомана". Уже есть интересные наработки, но основной труд будет начиная с 15 сентября.

А пока у меня впереди июль - целый месяц свободы! Еду на родину, в свой родной городок Щигры, что в Курской области. Надо выспаться, поплавать, попрыгать с вышки в воду! Нелишне будет появиться и на танцплощадке городского парка. Уж очень интригующее это место, особенно для студентов, приезжающих на каникулы в наши зеленые кущи. Посмотрели бы вы на наши высеченные 30-ти метровые тополя! На наши пруды-озера! На наши чистенькие ухоженные улочки! На дубовые леса вокруг города! На поля, засеянные рожью, в которой трудно не заметить синие огоньки васильков с белыми ресницами ромашек вперемежку.

Увидев все это однажды, вы навсегда останетесь благодарными всему этому зелено-голубому миру. Ну, а если здесь и детство ваше с юностью прошагало, то и вооще!..

Девчонки в нашем городе самые красивые на свете! Куда ни глянь, куда не поверни голову - везде одни красавицы! Большеглазые! Длинноногие! Стройные! С диаметром талии 20 сантиметров! (де еще есть такие? Да нигде!

Уже в более поздние времена как увижу я "европеек" или тем более американок с их лошадиными мордами - оторопь берет! Да разве это девчонки? Разве такими должны быть женщины? У них и женственности- то нет никакой, одни мужские повадки! То-то и семьи у них - непонятно что: отец - мужик, и мать как мужик! Два мужика в семье - не многова-то ли для детей?

¹ ДСП - Для служебного пользования.

Ладно, что-то уж больно я залез далековато в будущее. Прошу извинить...

В первый же вечер на танцплощадке. Оркестр у нас отменный, исполняет все: от классических танго и вальсов до падекатра и рок-эн-ролла. Знакомых ребят и девчонок - пруд пруди! Приглашаю сеньорию непрерывно, а они - меня на "белый танец". Танцуем до упаду. Все довольны. Ну, и домой, конечно, провожаем мы своих дам, высоко оценивающих наше достойное мушкетерское поведение.

И вот в очередную танцевальную субботу подходит ко мне один мой знакомец Генка Скороходов, обладатель весьма интересной совмещенной специальности "сапожник-настройщик пианино", такое вот необычное сочетание профессий. Подходит он ко мне и очень таинственным голосом говорит мне на ухо:

- Кажется, я вляпался! По самые свои музыкальные уши!

- И кто же твоя очередная пассия?

- Уже не очередная, а последняя! Больше не будет! Я ее уже неделю отслеживаю и в Курске, и здесь, у нас... Такой даже ты не видел ни здесь, ни в своих Ленинградах! Экстракласс! И ко всему - доктор!

До сих пор не могу понять, что заставило меня в тот вечер после танцев пойти вместе с "сапожником-настройщиком" к курскому поезду, на котором должна была прибыть в этот вечер обладательница врачебного диплома.

Вечер был тихим. У нас над головами крутилась Большая Медведица, низко над горизонтом плыл огромный красноватый серп Луны. Мы, с Генкой, тихонько переговариваясь, стояли как раз против того места, где и должен был остановиться второй вагон с приезжающим доктором.

Надо сказать, что у меня в этот вечер была своя проблема, романтическая: каждый вечер, вплоть до сегодняшнего, после танцев я появлялся под окнами одной девчонки и терпеливо насвистывал мелодию югославского танго "Вдали погас последний луч заката". Этот мой свист буквально выманивал на балкон хозяйку, симпатичную и не лишенную романтичности Нину Шилиеву, с которой мы полчаса обменивались всякими там любезностями, при этом я за свою изобретательность получал от этой девчонки, брошенные мне с балкона цветы....

Но в тот вечер я не узнавал сам себя: о своей "романтичности" я забыл напрочь! Бедная Нина! Напрасно она в эти минуты прислушивалась, пытаясь услышать мой свист: под ее балконом так никто и не появился. А в эти самые минуты я уже вижу медленно приближающийся к перрону наш поезд...

- Вот она! - шепчет мне Генка. - Смотри! Смотри!

Из второго вагона спускается небольшого роста стройная и фантастически красивая девушка. В руках у нее легкая темная сумочка и пакет. Вот ее каблучки уже цокают по асфальту перрона. Она проходит в шаг от меня, и я... замираю...

Генка что-то бормочет мне на ухо, но я его абсолютно не слышу. Я вижу лишь эту маленькую легкую фигурку и не могу оторвать от нее глаз...

Я иду за этой девчонкой, а Генка бегаёт вокруг меня, ничего не понимая:

- Ты что? Ты что это? Ты куда?

А в моей душе творится что-то невообразимое: я принимаю решение, что это только что увиденное мной существо будет моей подругой... навсегда!

На следующий день я узнаю о ней почти все. Она получила диплом врача всего два месяца назад. Направлена в Щигровскую городскую больницу. Живёт в Курске с матерью. Отец погиб на фронте в Великой Отечественной войне. Она одна дочь. Есть двоюродный брат.

Через два дня, в понедельник, убрав картошку с нашего загородного огорода, я ринулся в клинику! В том же спортивном костюме, в котором и работал...

Дежурная сестра останавливает меня в коридоре больницы:

- Почему вы в таком виде и к кому?
- Позовите, пожалуйста, доктора Сергееву.
- Как вас представить?
- Я ее брат, - соврал я.
- А-а! Подождите минуту!

И я слышу стук ЕЕ каблучков! Боже! Что это со мной? Мое сердце, столь надёжно работающее даже в 50-ти километровых лыжных гонках, готово разлететься на куски от волнения: я понимаю, что сейчас решится моя судьба.

- Это вы - мой брат? Почему вы солгали?
- Я очень хотел увидеть вас, доктор...

В ее взгляде удивление и досада одновременно:

-???

- Я верю и знаю, что эта встреча с вами не последняя. Вы в этом скоро убедитесь! Остальное - в письме.

Я поворачиваюсь и выхожу из клиники. Она на мгновение задерживается и, качнув своей очаровательной головкой, исчезает в бесконечном больничном коридоре... Стук ее каблучков западает в мою душу как сигнал Судьбы.

Из Ленинграда я послал Ей три письма. Получил три ответа. В первом она рекомендовала мне прочитать рассказ Синклера Льюиса "Скорость".

Нахожу и читаю: автогонщик Дж. Баффем, увидев в течение минуты Ауреллу Риверс, делает ей предложение и исчезает в очередной своей гонке...

Во втором своем письме я отвечаю своему милому доктору: "Я не исчезну, как этот болван! Я - навсегда!"

Через 3 месяца я встречаюсь с этой девчонкой и... забираю у нее паспорт для регистрации нашего семейного союза во Дворце Бракосочетания, единственного в то время в Ленинграде, Моя будущая теща явно перепугана моей атакой на ее дочь. Она пытается узнать хоть что-нибудь обо мне, но это ей не удается. И только на свадебном вечере в гостинице "Октябрьская" она успокаивается, видя всю серьезность и необратимость происходящего...

БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН

Полночь. Наконец-то я добрался от спортивного аэродрома до пригородного поезда Минск-Столбцы. В вагоне - ни души. Сажусь у окна и мгновенно засыпаю. Поезд стоит. Тишина.

...Просыпаюсь. Поезд стоит. Только за окном виднеется знакомый вокзальчик станции Колосово. Быстренько покидаю вагон. Поезд трогается, а я, почти отдохнувший за полтора часа езды, бегу по лесной тропе в военный городок, где уже год после окончания Ленинградского военномеханического института работаю конструктором в Ракетном КБ.

Год назад, в мае 1962 года, вместе с семьей я оказался в этом лесном замечательном месте, где под каждой сосной, под любым лесным кустом можно за один час обеденного перерыва набрать целое ведро маслят и лисичек...

Тогда здесь же меня застало письмо генерала Каманина, в котором мне предлагалось добиться высоких результатов в парашютном спорте, которые будут иметь большое значение при прохождении комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки. С этого дня я уже в течение года пять раз после работы (в неделю) добираюсь до спортивного аэродрома Минского Центрального аэроклуба, расположенного в местечке Боровая под Минском.

... Два ночи. Наконец-то я дома. Жена с малюткой Олькой спят. Наскоро уничтожаю оставленный мне ужин, и после душа валюсь на койку: мой рабочий день начинается уже сегодня в 7.40. утра.

Уже год я жестко выдерживаю этот график: работа - спортивный аэродром на Боровой - дом - работа... За год я выполнил 140 прыжков, добившись точности приземления не далее 2-3 метров от центра наземной мишени при высоте прыжка 1000 метров. Выполнение акробатических фигур в свободном падении с высоты 2000 метров и с задержкой раскрытия парашюта 30 секунд тоже получалось вполне сносно: четыре спирали и два сальто по сигналу с земли мне удавалось открутить за 11 -13 секунд, что считалось приличным даже у парашютистов с большим опытом выступлений. Конечно, уставал я, особенно это ощущалось в конце недели: при посещении в выходной день кинотеатра я мог неожиданно заснуть, вызывая этим возмущенное удивление моей дорогой и симпатичной подруги...

Ко всему и моя работа в КБ своей сложностью и ответственностью превосходила все, с чем я сталкивался в жизни до сих пор.

Чтобы сэкономить время для прыжков, я работал без перерыва на обед - до 15.00. и сразу же уезжал в Минск. Летом это делалось 5 раз в неделю, кроме суббот и воскресений, зимой же число прыжковых дней в аэроклубе сокращалось до трех. Здесь я должен отметить и тот факт, что я ежедневно, не пропуская ни одного дня, ухитрялся пробегать свой 3-х километровый кросс, подтягиваться на перекладине по 28 раз и отжиматься на брусьях аж 40 раз! До сих пор не понимаю, как все это удавалось делать?

В нашем городке и в соседних Столбцах были десятки школьников и студентов, желавших испытать себя в первом прыжке с парашютом. Каждое воскресенье я проводил с ними двухчасовые занятия по укладке парашютов и технике выполнения прыжков. Для этих целей аэроклуб передал мне два парашюта - основной и запасной. И надо сказать, что все мои ребята и несколько девочек неплохо справились со своим первым прыжком.

К нам приехал замечательный человек - сестра моей тещи - бабушка Мария. На ее долю выпал значительный объем всех домашних работ и забот: уборка, покупки, приготовление обедов, уход за нашей годовалой Олькой. Мы до сих пор чувствуем себя обязанными перед этой добрейшей и бескорыстной бабулей, столь много сделавшей для нас в то непростое время.

Дочке исполнилось два года. Как-то возвращаюсь с работы, а дочка вовсю мажет кистью стенку комнаты, в которой мы только что наклеили новые обои. Обращаюсь к ней:

- Доченька! Пожалуйста, не рисуй на этой стенке! Хорошо?
- Хорошо, папа, здесь больше не буду рисовать!

Я успел лишь напиться воды в кухне, выхожу в комнату, глядь, а наша "художница" уже во всю мажет противоположную стенку!

- Па! Я там не рисую! И показывает кистью на первую стену...

Ну, что тут скажешь?! И сказал я:

- Рисуй! Рисуй, доченька! Только очень старайся, чтобы и маме понравилось!

Однажды возвращаюсь ночью с прыжков. Свет, естественно, в доме не включаю, дабы не будить своих домочадцев. На ощупь в кухне нахожу сковородку с котлетой, которую тут же пытаюсь тщательно прожевать. Какая-то странная котлета? Половину я уже проглотил, а вторую захотел рассмотреть, подношу сковородку к окну и при свете луны вижу, что съел я не котлету, а широкую пробку от горчиной банки! И как ведь "замаскировалась"! Не только пахла котлетой, но даже салом была обильно смазана... Тьфу!

Для нас праздником оказался день, когда мы с Галей, подсобрав чуточку денег, купили новенькую 8-ми миллиметровую кинокамеру "Спорт-2"

и кинопроектор "Луч-2". С этого момента и началась киноистория нашей семьи! Позднее удалось кинокамеру приспособить для съемок в свободном падении, и получалось совсем недурственно. По результатам прыжков мне удалось войти во вторую сборную команду Минска и выступить за нее на Республиканских соревнованиях. Я благодарен моим замечательным белорусским тренерам Дмитрию Бредихину, Михаилу Шаипову, Николаю Асаенку и Юрию Вечоре, отдавших много сил и времени для подготовки парашютистов высокого класса.

Парашютизм - спорт экстремальных ситуаций. И у нас не обходилось без потерь: при выполнении акробатического комплекса в свободном падении погибла замечательная девушка, мастер спорта Валя Астапчик. Будучи студенткой факультета иностранных языков Белорусского университета, Валя прекрасно знала испанский язык, знала его с детства, поскольку их семья усыновила нескольких испанских сирот, привезенных к нам во время гражданской войны в Испании. Гибель этой веселой, умной и очень красивой девушки потрясла весь личный состав Минского аэроклуба. А каково было родителям единственной дочери?

Моя профессиональная занятость интереснейшими вопросами и проблемами управления нашими стратегическими ракетами иногда дополнялась столь необычными событиями, что о них стоит рассказать.

14 декабря 1963 года. 16.00. Конец рабочего дня. Десятки специалистов возвращаются домой с работы. Ясный вечер. На небе ни облачка. Ни ветерка! На верхушках сосен еще задерживаются красные отблески вечерней зари. Я иду с капитаном Фоменко и полковником Вырубовым. Неожиданно на западной стороне неба возникает движущийся объект. Он имеет форму сигары и, не теряя высоты, совершенно бесшумно перемещается по южной, хорошо просматриваемой нами стороне неба. В центральной части объекта все мы видим два ряда светлых и темных квадратов, в центрах которых (через один) видны светлые круглые пятна, напоминающие иллюминаторы. Но форма этих кругов к краям "сигары" переходят в эллипсы, что свидетельствует о том, что мы видим диск! В его кормовой части различается зеленоватое пламя. Поскольку нам неизвестны расстояние до объекта и его размеры, то в оценке габаритов этого диска мы можем полагаться лишь на его угловые параметры: его длина составляла примерно четыре диска Луны, а высота - диск! Это 2° и 0,5 градуса соответственно.

В течение 1 минуты объект переместился с запада на восток примерно на 120 градусов и, будучи отлично видимым многими наблюдателями, вдруг исчез из нашего поля зрения также неожиданно, как и появился... Перед нами всеми опять было чистое темно-синее вечернее небо...

На следующий день свидетелями этого необычного явления было составлено письмо в Академию наук, под которым были поставлены подписи 42 человек. Через месяц нами был получен ответ, подписанный ученым секретарем Высшей научной инстанции страны. В этом послании мы

все тактично упрекались в субъективном завышении оценок... обычного “атмосферного явления”.

Что же, все-таки это было? К этому времени у меня был уже достаточно большой опыт парашютных прыжков с самолетов АН-2, ЯК-12, АН-12, АН-26, ИЛ-14 и даже с аэростатов ДАГ-2. Но, к большому сожалению, я не мог отождествить видимое ни с одним из перечисленных летательных аппаратов, в том числе и с вертолетами МИ-4, МИ-6, МИ-8, с которых мне приходилось выполнять сотни прыжков...

ВЕРТУШКА

Как-то после выполнения серии парашютных прыжков с большими задержками раскрытия, выполняемых с “вертушки” (вертолет Ми-8), разговорился я с командиром сего воздушного судна о механике полета на этих аппаратах. Дело в том, что представление о механизмах управления вертолетами имел я самое примитивное, в “общих чертах”, так сказать, а потому с большим интересом слушал опытного вертолетчика, задавая ему простые для него вопросы для их технической расшифровки. Наш весьма интересный разговор неожиданно закончился пожеланием моего собеседника:

- Как думаешь ты, инженер, смог бы ты сам построить легкую одноместную “вертушку”? У тебя же в твоём ракетном КБ отличная техническая база и обилие крепчайших легких материалов, и даже завод, есть! Чего бы тебе не попытаться?..

Если честно, то особого желания заняться “вертолетостроением” у меня, конечно, не было. Как и времени. Ко всему могла возникнуть масса всяких сопутствующих проблем: анализ конструкции “вертушки”, эскизы, чертежи, сложность увязки деталей, узлов и сборок. Ну, когда мне всем этим было заниматься? Тут и без этого мне в сутки требовалось, пожалуй, 34 часа вместо обычных 24-х: работа, парашютизм с его стокилометровой поездкой пять раз в неделю, семья - все это требовало массу времени. И все-таки что-то зацепило меня в словах вертолетчика...

В ближайший выходной написал я письмо Генеральному конструктору вертолетов Милю, высказав просьбу прислать мне хотя бы эскизы самого простого автомат-перекоса и, при возможности, три лопасти для моего будущего “минигеликоптера”. Лопасти несущего винта для изготовления были столь же сложны, как и все остальное (при обеспечении прочностных характеристик мне пришлось бы с большим трудом выдерживать строго меняющийся угол атаки по длине каждой лопасти для постоянства ее нагрузки (эпюры сил и моментов).

Прошел месяц. Второй... И пришел ответ! К сожалению, лопастей я не получил, но зато у меня в руках оказался довольно объемистый и тяжелый пакет чертежей и сборок простейшего одноместного вертолетика! К его постройке мы и приступили втроем: токарь высшего разряда

И.Кудрявцев, фрезеровщица Аня Смирнова и ваш покорный слуга, “автор” всей этой затеи. Первой главной задачей стал поиск, подбор и накопление необходимых материалов для изготовления автомат-перекоса и трех лопастей. К счастью, наши технологи оказали нам очень большую помощь в этом лихом деле, опираясь на возможности нашего технического комплекса.

Начало постройки было намного сложнее, чем казалось вначале: только на изготовление двигателя с редуктором потребовалось два месяца! Мы использовали корпус “пускатча” одного агрегата, поставив на него два цилиндра от мотоциклов ИЖ-49. Гибрид получился неподражаемым и даже многообещающим! После чего наша “троица” приступила к созданию самого автомат-перекоса, и сделали мы его с помощью еще десятка конструкторов за три месяца! Потом были варианты механизма отведения мощности на хвостовой винт...

Время бежит. Наконец-то мы переехали из маленькой комнатухи в общей квартире в просторную двухкомнатную квартиру! В только что сданный новый дом! Сразу стало веселее...

Нашу необычную “вертушку” мы собирали в небольшом бетонном боксе, у коего не было окон, зато под потолком нам светили две 500-ваттных лампы, что было вполне достаточно для работы здесь по вечерам. Дверь помещения была сварена из толстенных листов стали, и все, что здесь находилось, всегда оставалось в полной сохранности, несмотря на некоторые попытки любопытных проникнуть в наше “секретное” помещение. Кудрявцев с Аней проявили исключительный интерес к конечным результатам нашего труда, а потому часами могли (после работы!) подгонять, притирать и собирать в узлы изготовленные ими же многочисленные детали “вертушки”. В большинстве случаев мы придерживались присланных нам Милем рекомендаций, но были, конечно, некоторые технологические отступления и “новации”. И вот наступил ноябрь...

Наша одноместная “вертушка” извлечена из своего “роддома” и раскреплена капроновыми тросами на своей первой испытательной площадке. Вместо пилота на сиденье нами раскреплен 75-килограммовый мешок с песком. Обеспечена нормальная центровка аппарата и заправка топливом семилитровой бачка, что по нашим расчетам хватит на 20 минут работы двигателя. А больше пока не надо. Проверяю исходное положение ручки изменения угла атаки лопастей несущего винта - она на нуле. Вручную проворачиваю винт: все в норме как будто. Редуктор бесшумен. Хвостовой двухлопастник делает свое необходимое, пропорциональное несущему винту число оборотов. И хотя мы уже не раз проверяли работу двигателя, все-таки немного волнуемся: ведь это же первая “проба” нашей “вертушки” в сборе! Хорошо, что вокруг ни души.

Запускаю двигатель. Даже нейтрально вращающийся над головой винт вызывает чувство какого-то ожидания: а что потом?

Кудрявцев и Аня стоят поодаль, наблюдая за моими действиями с наименьшим волнением. Перевожу рукоятку изменения шага несущего винта на одно деление и... наша "вертушка" плавно и очень медленно отрывается от площадки, зависая на метровой высоте. По натяжению страховочных тросов можно предположить и усилие на них, не глядя даже на динамометр: оно не менее 8-10 кг, что согласуется и с показанием встроенного в страховочный трос динамометра.

Плавно увеличиваю угол атаки лопастей. Страховочные тросы превращаются в якорные канаты стоящей под штормовым ветром яхты. На динамометре, аж, 45 кг! Это не максимум, но и это уже многое проясняет. Медленно опускаю "вертушку" на площадку. Эх! Если бы видели лица моих помощников-товарищей! Мне даже казалось, что они не верили в подобное...

Снят балласт. Занимаю место пилота. Впечатление такое, словно собираюсь проехать на трехколесном велосипеде. Меня поднимает над площадкой ровнехонько без закруток и крена. Вижу, как Кудрявцев отпускает на максимальную длину страховочные концы, удерживая трос от выхлестывания из блока... Я зависаю на 7-ми метровой высоте, меняя центровку перемещением по своему сидению, что не сказывается на положении "вертушки". Опускаюсь на пару метров, давая слабину тросам для попытки хотя бы малого горизонтального перемещения. Плавно меняю угол наклона плоскостинесущего винта. Мой аппаратик перемещается в нужном направлении на целых три метра и "утыкается" в тросовый "натяг"... А что если я дам ему полную свободу? Но это мы сделаем завтра, в воскресенье.

Вечером мне позвонил домой заместитель нашего командира: полковник Зотов:

- Слушай! Это правда, что ты построил вертолетик?!

Приглашаю полковника на завтра, на "летные" испытания нашей машины...

Пригласил-то я его одного, а он ухитрился притащить с собой и самого генерала! И еще кучу офицеров и инженеров нашего КБ! Плюс два десятка женщин и школьников.

Ясное тихое утро. Уже неплохо. Правда, прохладно, все-таки ноябрь на дворе. Мы перетаскиваем нашу "вертушку" на просторный, открытый со всех сторон луг, ровнехонький как стол. Надо сказать, что к этому времени мы познакомились с массой технической документации по пилотированию "вертушек" с приложением профессиональных советов и рекомендаций опытных вертолетчиков. У меня была возможность пригласить на эти испытания ассов вертолетного дела! Но, во-первых, подвергать опасности этих людей я не мог, заранее зная, что они не останутся в стороне от испытаний. Во-вторых, мне самому уж хотелось поднять в воздух, созданный нашими руками "аппарат".

Пробный подъем со страховкой. Все в номере. На площадке полнейшая тишина. Хотя народа на ней - хоть отбавляй! И я рискнул. Снимаю все три карабина страховки “вертушки” тросами. Конечно, волнение есть. Плавно поднимаю вертолетик сразу на десяток метров (только бы не отказал двигатель!). Приходит мысль: на людях и лететь не страшно! А потом стало не до всяких там мыслей: наша малютка как-то спокойно и устойчиво пролетает над всем лугом, разворачивается и возвращается на место старта... Туда и обратно - это 400 метров!

Двигатель не выключаю и сквозь его стрекот слышу аплодисменты. Кто-то особенно старается! Ба! Да это же полковник Состик Ильич Кад- заев, наш начальник по режиму, с которым мы частенько встречаемся на утренней зарядке:

- Ну, ты даешь, Константин! Слышал, но не верил, что такое может произойти!..

...Несколько слов о судьбе “вертушки”. К сожалению, через неделю при раскрутке на земле у нас оторвался конец одной лопасти, восстанавливать которую у нас не было уже ни средств, ни времени...

НЕ ПИЩАТЬ!

Летняя суббота. Добравшись на поезде и автобусе из Колосова до спортивного аэродрома Центрального Минского аэроклуба, узнаю, к сожалению, что наши утренние парашютные прыжки перенесены на послеобеденное время! Все руководство парашютного звена в лице Николая Асаенка и Юрия Вечорм высказали мне сожаление по этому поводу, но изменить уже они Ничего не могли, и чтобы “искупить” хоть как-то свою вину передо мной, предложили заняться чаепитием. Я не возражал, поскольку из дома уехал в шесть утра, не успев позавтракать.

Выяснилось, что перенос прыжков был вызван вполне объективными обстоятельствами: в эти дни планеристы аэроклуба готовились к Всесоюзным соревнованиям в Туле, и им в последние две недели здесь очень не везло с погодой: было прохладно, термики практически отсутствовали, и выполнять парение на планерах в этих условиях было делом неблагоприятным. А сегодня при ясном небе солнышко уже успело нагреть землю, появилась кучевка и планеристы могли навестить упущенное.

В этом плане нам, парашютистам, было намного легче: получасовой разрыв в облаках, мелькнет на десяток минут над головой голубизна неба и мы тут как тут: уже летим вниз со скоростью 50 метров в секунду, накручивая свои спирали и сальто с последующим раскрытием купола и приземлением близко к центру наземной мишени. Ведь парашютизм - единственный вид спорта, где “снарядом”, поражающим цель, является сам человек.

... От чая я не отказался и, имея почти четыре часа свободного времени, решил съездить в Минск посмотреть один из новых фильмов, к тому

же в город через пару минут уезжал на своем авто один из летчиков аэроклуба. Но человек предполагает, а Судьба располагает!

В помещение командного пункта буквально влетает командир планерного звена:

- Николай! - бросился он к Асаенку. - Дай одного своего человека! Нужен вот так! Не хватает “пассажира” к одному из наших! Нужен “пассажир”! Всего на пару часов максимум!

Командир парашютного звена Асаенок оглядывается и разводит руками:

- У меня же здесь нет никого! Прыгаем-то мы после обеда!

И тут взгляд Асаенка падает на меня, бывшего уже в дверях на своем пути к авто:

- Вот если только... Костя... Кость, сможешь дружественной стороне?

А что мне оставалось делать? Отказ в помощи ближнему здесь считался верхом неприличия, а посему я вместо зала кинотеатра через считанные минуты оказываюсь в теснейшей кабинке готового к взлету планера... Помню, как чемпион мира по самолетному спорту, Вадим Овсянкин, увидев меня за несколько необычным занятием, дружески помахал мне рукой:

- Ничего! Разомнись перед прыжками! Полетай немного, полезно.

Планерист занимает свое место в кабине нашего безмоторного аппарата, спустя минуту, мы взмываем в небо вслед за буксирующим наш планер ЯК-12.

Наблюдаю за набором высоты: на 1200 метрах мы отцепляемся от буксиров и начинаем свой свободный полет.

Кругом все заполняет синева неба, и лишь внизу, в голубой дымке, хорошо просматривается до самого горизонта минский мегаполис, к которому со всех сторон примыкают лесные массивы и сверкающая под солнцем поверхность озер и речек. Под нами распростерся бесконечный лес, пересекаемый многочисленными шоссе. Слева и позади нас расположено - многокилометровое поле, к которому и устремляется наш воздушный корабль: там нас ждут восходящие тепловые потоки - термики.

Полет на планере очень своеобразен. Во-первых, тишина! Во-вторых, при выполнении спиралей под кучевкой для набора высоты весь планер начинает скрипеть да так, что у тебя сразу же возникает огромное желание как можно скорее выскочить из напоминающей тесный ящик кабинки планера. С парашютом, конечно. В-третьих, холодно! У меня в моем легком спортивном костюмчике уже через четверть часа после набора тысоты зуб на зуб не попадал. В-четвертых, и это самое, пожалуй, опасное, - проблема “малой” нужды. Я-то ведь не предполагал такого поворота событий с парением под облаками, да еще после двух полулитровых кружек чая...

И стал я мерзнуть. Чувствую, что и чаю внутри меня тоже не жарко! И просит чай выпустить его на свободу! А как это сделать? Тут и пошевелиться-то нельзя! Где-то в борту кабины должно быть, кажется, “спецотверстие” но его надо еще найти, а во-вторых, как все “это” сделать?

Тем временем мастер-пилот затаскивает “аппарат” аж на две версты вверх. Мы летим уже над верхним краем кучевых облаков, теряя все наземные ориентиры. Выручают лишь приборы! И тут я обнаружил, что не знаю даже имени своего “водителя”!

- Эй! - кричу я ему. - А зовут-то тебя как?
- Как... Как... Вася!
- Не дури! Отвечай правильно! А то, вот сигану в низ, и пропал твой полет!
- Вася! Ей-богу... Не вру! Смотри и вправду не сигани!

Ну, Вася, так Вася! Мысли сосредоточиваются на более важном:

- А как тут насчет “пи-пи”?
- У тебя под сиденьем баклажка есть...
- Где-е-е?

Я почти упираюсь головой в “фонарь” кабины и не могу привстать даже на сантиметр! И повернуться - тоже проблема. Руками ощупываю сиденье, пытаюсь просунуть руки под себя: никакой баклажки там нет!

- Вася! Нет там “баклажки”!
- Ну, значит, я забыл положить!
- Что-о-о? Тогда готовься стать “аквалангистом”!
- Терпи, дружок! Теряй! Выручай! Пожалуйста.
- Так ты дай мне свою...
- У меня тоже ее нет!..

Проклятье. На кой хрен я выдул почти литр чая? Да, силен человек задним умом...

Тем временем Василий подбирается под обширнейшее и красивейшее облако белизны необычайной. Красота всегда несколько отвлекает человека от земных проблем. Планер выполняет крутую спираль набора, и я чувствую, как внутри у меня переливается с места на место литр моего чая...

- Вася! А если в кабину?!
- Ну, если ты не мужик, то... давай!

Ах ты, гад! Заманил меня сюда, а теперь я уже и не... мужик! Согнувшись в три погибели, я пытаюсь хоть немного согреться, и тут Василий просовывает мне в кабину свой старенький шерстяной свитер:

- На. На. Возьми! Теплее будет!..

И тут же закладывает такую спираль, что я рискую, навалившись, продавить хрупкий борт кабины планера.

Неожиданно прямо по курсу открывается чистое без единого облачка небо... Уже через пару минут мы начинаем терять высоту...

- Планер тихо скользит над узким, но бесконечно длинным полем, и, коснувшись земли, движется вперед, гася инерцию и сбивая в огромном количестве кочаны капусты...

В этот день я все-таки успел вернуться на Боровую и даже выполнить один прыжок! Правда, самый простой: с 1000 метров на точность...

ПОКАЗАЛОСЬ?

Мне трижды приходилось наблюдать природные явления и объекты, происхождение и природа которых не поддавались логическому объяснению на основе наших, "земных" знаний. Об одном из них я упомянул в рассказе "Белорусский феномен". О втором случае - таинственном обширном свечении в Атлантике также говорилось в одной из публикаций. А вот последний, третий случай до сих пор застрял в памяти: что это было? Кто это был?

...Белоруссия. Колосово. Сегодня у меня нет прыжков. Минский аэроклуб отдыхает после напряженного месяца тренировок и соревнований парашютистов, планеристов и летчиков. Приустали, замотались наши инструкторы, для них даже один день отдыха - почти подарок судьбы.'

Филиал ракетного КБ, в котором я работаю после окончания Ленинградского военно-механического института, находится в густом, простирающемся на многие версты сосново-еловом лесу. Сейчас шесть утра. Всего-то! Сна нет...Удивляюсь: все рабочие дни я с огромным трудом заставляю себя открыть глаза для подъема на ежедневную зарядку с обязательным кроссом, а тут никакого, малейшего даже, желания спать...Это явно удивляет, ведь с прыжков я вернулся из Минска, как всегда, в час ночи.

В тишине раннего утра слышу, как посапывает наша восьмимесячная Ольга. Сон же моей подруги абсолютно бесшумен и крепок: она ведь тоже прилично устает за день в своей поликлинике.

Тихо шуршит зуммер нашего телефона. Голос моего знакомого прапорщика Анатолия Лыча:

- Константин Иванович, Вы хотели сегодня поехать ко мне на Неман. Не передумали?

Да, такой разговор с Анатолием у меня был накануне. Сейчас прапор заканчивает дежурство на КПП. Он живет в семи верстах отсюда, и его дом стоит на берегу Немана, этой чистойшей и красивой белорусской реки. При доме имеется участок в полгектара, на котором, благодаря заботам Анатолия и всей его семьи, произрастает все, нет, пожалуй, только ананасов! Сам Анатолий среднего роста, худощав, у него очень своеобразное выражение глаз, взглянув в которые хотя бы однажды, соглашаешься с мыслью, что сей человек совершенно не способен даже на самые малые негативные проявления по отношению к окружающим.

...У проходной к нашей “велосипедной” паре неожиданно подкатывает третий велосипедист. Это старший лейтенант Юрий Толубеев. Оказывается, еще вчера он тоже стал кандидатом на нашу поездку на “Лычевское ранчо”...

Мы крутим педали, следуя за нашим прапором по узкой, но хорошо укатанной лесной тропе. Перебрасываемся словами, делая иногда попытку приобщить друг друга к новым, услышанным накануне анекдотам. Выкатываемся на протяженный ровный как стрела участок тропы, над которой нависают густые сосновые ветви. И тут...

Совершенно неожиданно мы все вместе, одновременно, попадаем в непонятное светло-фиолетовое свечение, а через секунду...

Прапорщик на полном ходу, имея перед собой огромное свободное пространство, врывается в некое жесткое невидимое препятствие и, перелетев через руль своего велосипеда, падает на тропу, а рядом с ним валится на землю его “велик” с изумительно огромной “восьмеркой” переднего колеса! Создается впечатление, что Лыч на полном ходу налетел по крайней мере на каменную стену!

Я следовал за Анатолием в десятке метров, и лишь это позволило мне при резком торможении остановиться у валяющегося лычевского велосипеда...

Все трое смотрим, друг на друга и ничего не понимаем! Как такое могло случиться на совершенно ровном месте! Без малейших признаков присутствия на тропе хоть какого-нибудь препятствия! Хорошо хоть упавший отделался синяками и царапинами, не более того...

А тем временем фиолетовое свечение, «преграждавшее» нам дорогу, усиливается и на его фоне впереди и чуть слева возникает фигура...женщины в непонятно гладком серо-синем костюме, плотно облегающем ее исключительной пропорциональности фигуру. Голова женщины окружена хорошо различимым, хотя и бледным, ореолом голубоватого оттенка, напоминающем остекление шлема скафандра.

Мы хорошо видим ее красивое лицо с огромными в треть его глазищами. Мне кажется, что я замечаю даже ее едва заметную улыбку. И тут, хватая свой искалеченный велосипед, Лыч срывается с места и несется в сторону нашего городка! Мы с Юрием, словно окаменевшие, не можем сдвинуться с места. Страх мы не испытываем, но ощущается какое-то новое, не испытанное ранее чувство неизвестной опасности и тайны, перечеркивающей всякую осторожность. Отскочив на несколько метров, мы с Толубеевым продолжаем всматриваться в развернувшуюся перед нами совершенно непонятную человеку картину.

Фигура женщины плавно и бесшумно перемещается влево, в сторону ставшего ярким фиолетового фона и...растворяется в нем...

Через несколько секунд бледный фиолетовый шар медленно поднимается над соснами и беззвучно стремительно исчезает...

В последующие за этим дни и даже годы все знакомящиеся с этой историей только головами покачивали, хорошо, хоть открыто не смеялись над нами, свидетелями происшедшего...

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В один из летних дней я еле успел приехать из своего далекого Колосова к началу парашютных прыжков на базе Минского центрального аэроклуба и, став в строй для проверки парашютов, заметил, что сегодня мне достался удивительный напарник, с которым нам предстояло, падая с высоты 2500 метров, сойтись в свободном падении и, взявшись за руки, выполнить четыре парные спирали. Этим напарником, а точнее - напарницей, оказалась молоденькая девчонка с умным и внимательным взглядом огромных глаз! Я видел ее здесь впервые, а потому с некоторой настороженностью отнесся к такому варианту совместного прыжка. Но волнение мое оказалось напрасным: девушка отлично держала позицию во время моего подхода к ней в падении, и уже спустя 12 секунд после отделения от самолета мы летели в бездну, взявшись за руки и выполняя довольно чисто наши спирали. Так в нашей парашютной команде неожиданно появилась Валя Астапчик.

Она была из семьи, которая в далеком 1936 году во время Гражданской войны в Испании приютила у себя испанских детей, у которых родители были убиты фашистами Франко. И Валя, будучи уже внучкой и даже правнучкой своих принявших испанских детей предков, продолжала поддерживать практически родственные связи уже с испанскими внуками и правнуками, ее ровесниками.

С детства, прекрасно зная испанский язык, Валя после окончания с медалью средней школы поступает на отделение испанского языка Минского Государственного университета.

Парашютизм Валя любила так же, как и свои академические дисциплины в университете! У нее получалось все: прыжки на точность, в которых она приземлялась постоянно в 2-3 метрах от центра наземной мишени; ей удавались и прыжки с большими задержками раскрытия парашюта с выполнением акробатических фигур в свободном падении; была Валя надежной и в групповых прыжках, когда десяток-другой парашютистов образует в небе всевозможные фигуры от простых "пирамид" до многолучевых "звезд".

Своей внешностью, воспитанностью и исключительной доброжелательностью по отношению к окружающим Валя вне всякого сомнения благотворно влияла на всех своих коллег из парашютного звена. Мне довелось в течение двух сезонов выступать с ней за вторую сборную команду Минска. Частенько мы оказывались с ней в одном воздушном корабле, выполняя далеко не простые задания наших тренеров.

После завершения своих вечерних прыжков на Боровой парашютисты шли, как правило, на кольцо автобуса пятого маршрута, идущего к железнодорожному вокзалу, у которого оставался один я, стараясь возможно скорее попасть на свой Колосовский поезд...

Валя много читала. По правде сказать, я ни разу не видел ее без книги. В основном это были наши классики. Когда она однажды спросила меня о моем последнем посещении театра, мне почему-то стало стыдно, ибо это было год назад. Будучи студентам Военмеха, я ухитрился за 5,5 лет учебы более семидесяти раз побывать в большинстве театров Ленинграда: от Ленкома и Горьковского, до театра оперетты и Кировского! А здесь все-таки ездить в Минск за 50 верст было далековато, да и парашютизм отнимал очень много времени.

Валя всегда была в прекрасной физической форме. Достаточно сказать, что по количеству подтягиваний на перекладине (17 раз!) она могла дать фору многим ребятам. И все-таки главным ее качеством была исключительная доброжелательность к окружающим ее людям.

По выходным дням мы часто вылетали на показательные выступления в Борисов, Лиду, Брест, Барановичи. Однажды, прыгая с малой высоты на Минский стадион "Динамо", мы с Валею приземлились в центр футбольного поля на расстоянии всего двух метров друг от друга.

Однажды она пригласила нас всех на день своего рождения, который мы отметили сразу же после прыжка на просторном поле аэродрома. И каждый из 20 наших парашютистов танцевал с Валею под прекрасные мелодии, льющиеся из принесенной кем-то радиолы... В этот вечер столы нам заменил длиннющий брезент для полевой укладки парашютов.

Однажды после киносъемок в свободном падении (я снимал ребят 8 мм. камерой "Спорт-2") у меня оставалось несколько метров неэкспонированной пленки, и я запечатлел Валею во время укладки ею своих парашютов. Кто мог знать тогда, что это будут последние в ее жизни кадры любительской киносъемки...

... Этот прыжковый день ничем не отличался от многих своих предыдущих собратьев. Парашютисты, ребята и девчата, готовились к участию в первенстве Республики, к тому же через пару недель намечалась встреча парашютистов городов-героев. Только за один вечер мы ухитрились выполнять по 3-4 прыжка, делая их за месяц более сотни. Конечно, нагрузка, у парашютистов была очень высокой: в условиях воздействия стресса высокой интенсивности никто из нас, поднимаясь в небо, не знал что ждет его за бортом воздушного корабля...

Мы оставляли самолет на высоте 2000 метров, отделяясь по двое, при этом за каждым из этой двойки, выполнявшим акробатический комплекс в свободном падении, тренеры наблюдали в специальные зрительные бинокулярные трубы, замеряя время выполнения фигур и качество.

Первая пара воздушных акробатов, открутив свой комплекс (4 спирали и 2 сальто), уже приземлилась и спешила на повторную укладку куполов на столах у стартовой линии, и тут раздается крик одного из тренеров:

- Смотрите! Смотрите! Что он делает? Что ты делаешь? Открывай! Открывай! Открывай! Откры...

На этот крик, нет - рев! - повернулись мгновенно десятки голов, и все присутствующие стали свидетелями страшной картины: к земле с большой скоростью несло тело человека, парашют которого не открывался! Падающий стремительно терял высоту, и через несколько секунд всем стало ясно: уже ничто не поможет падающему остаться живым!

...Звук от удара тела о твердый грунт аэродрома эхом прокатился над всеми! Через секунду после этого мы все уже бежали к месту падения...

Перед нами была Валя Астапчик. Мастер спорта, выполнившая 1080 прыжков.

Позднее было установлено, что Валя уже в кабине самолета отсоединила парашютный прибор-автомат КаП-ЗМ, открывающий парашют, если сам парашютист по каким-то причинам промедлит с открытием ранца основного парашюта с помощью своего кольца. Никто не заметил: ни выпускающий инструктор, ни ее коллеги в самолете, что ее прибор был здесь же отключен!

...Далее. Валя отделяется от самолета, отлично, с хорошим временем выполняет свой акробатический комплекс в свободном падении и... продолжает падать к земле с огромной скоростью.

Она не предпринимает ни единой попытки выдернуть кольцо основного парашюта. Прибор-автомат срабатывает точно на высоте 500 метров, но он отключен! И основной парашют остается закрытым! Закрытым до самой земли!!

...Пройдет время. Судебная медэкспертиза, якобы, установит у Вали наличие трехмесячной беременности. И даже - фамилию и имя ее "автора", который всего за один день до гибели Вали "сочетался браком" с другой особой!

Если это так, то пусть эта сволочь сдохнет после своих детей!

ВЕРТИКАЛЬ

У каждого человека бывают минуты, в которые на ум ему приходит нечто экстраординарное, необычное, невыполнимое. И человек неожиданно для себя начинает предпринимать все для реализации возникшей у него идеи. Случилось нечто подобное и со мной.

Осень. Завершен труднейший парашютный сезон, за который я выполнил более 170 парашютных прыжков и оказался даже во второй сборной команде Минска. Впереди у меня был отпуск, и, естественно, все настроение и планы были связаны с этим месяцем законного отдыха. И вдруг в мгновение ока все мои отпускные планы разлетелись в пух и прах.

А причиной этого послужила небольшая брошюрка Р. Кларка, повествующая об отработке парашютных десантирований в горных районах разных стран. Называлась она “Некоторые перспективы”. В основном автор акцентировал внимание на экстремальных ситуациях, поведении человека, на совершенствовании волевой составляющей в сложнейших стрессовых ситуациях. Дело в том, что анализируемое автором парашютирование относилось только к выполнению прыжков с вертикальных скальных стен. В одном из разделов Кларк посвятил страничку о возможности такого рода “деятельности” для выполнения разведывательных операций при проникновении разведчиков на территорию стран с помощью такого рода прыжков. Автор приводил данные о нескольких сотнях подобных прыжков за рубежом.

Вертикальная скальная стена и прыжок с ее вершины или с ее плато... Здесь было много “но”. Во-первых, относительная высота, во-вторых, высота абсолютная, ибо это прежде всего плотность воздуха, а значит, и временные характеристики прыжка. В-третьих, применяемая техника и способ отделения. За все время занятий парашютизмом я не встречал книги, подобной этому изданию, и никогда не слышал о совершении прыжков с горных вершин и площадок...

За последующие недели я встретился с ведущими нашими альпинистами (Эдуардом Мысловским и другими), которые располагали информацией о приемлемых для такого прыжка горных районах страны. Все эти данные были проанализированы, и уже в конце сентября я и Саша Лебедин катили на поезде в один из горных районов страны, имея с собой основную (Т-4-4М) и запасную (3-5) парашюты, чешскую кинокамеру “Адмира-16”, альтиметр, секундомер и бинокль, не считая спецодежды, обуви и прочего приложения к любой краткосрочной горной экспедиции.

На месте жители горного селения встретили нас с Сашей с исключительной доброжелательностью. Но, узнав о причинах нашего появления, стали всячески отговаривать от выполнения прыжка, устранившись от всякой помощи нам из-за ответственности при неблагоприятном исходе десантирования. Единственное, в чем мы получили полную поддержку, это ночлег, пища и... короткие горные лыжи (без палок) для варианта разгона перед отделением.

На ознакомление с “рабочим местом” у нас уходит двое суток. На третьи мы уже на маршруте к плато, венчающем вертикальную стену относительная высота которой 180 метров, абсолютная почти два километра. Плотность воздуха, позволяет наполнить купол за 5-6 секунд после отделения. За это время я потеряю 130 метров высоты. На демпфирование и спуск с раскрытым парашютом мне остается каких-то полсотни метров. Вполне достаточно, если... Тут было слишком много “если”: от затенения до всяких зацепов и отказов.

Предварительно мы тщательно изучили стену - плато и неожиданностей от рельефа ждать, как будто не приходилось. Тем не менее одно упущение мы сделали. Об этом ниже.

... Саша сопровождает меня до самого плато и затем возвращается вниз для проведения кино съемки. Ему надо еще выбрать место и успеть все запечатлеть за считанные секунды моего падения и парашютирования.

Полдень. Готовлюсь к прыжку. Сказать, что я был спокоен, нельзя: волнение было и достаточно сильное. Но задача была поставлена, решение было принято.

Еще без парашютов я осторожно подползаю к краю площадки отделения. И надо же прямо под ней на 10-12 метрах я просматриваю довольно широкую (около двух метров) "полку", которая была совершенно незаметна при осматривании стены снизу! "Полка" смотрелась "ребром", поэтому и не была замечена нами. При всем моем желании миновать "полку" в прыжке с двумя парашютами было просто невозможно! Поэтому я отказываюсь от запасного парашюта, оставляя его на плато, и остаюсь со своим старым другом 4-х щелевым Т-4-4М. После исключаю из своих мыслей любые негативные моменты, которые пытаются в эти секунды навалиться на меня в предостаточном количестве.

Мы заранее сверили с Сашей наши хронометры, и теперь я уверен, что он не пропустит момент моего отделения с точностью до секунд назначенное время.

...Стою в десяти шагах от края плато. У моих ног лежат "запаска", теплая куртка, кроссовки, замененные парашютными ботинками. Я улыбаюсь солнцу и мысленно прошу нашу звезду поддержать меня в столь напряженные секунды...

Разгоняюсь и отталкиваюсь от края плато. Левая рука мгновенно выдергивает кольцо парашюта. Вижу, как быстро набегают на меня покрытый снегом пологий склон у подножия "вертикали"... Слишком даже быстро! Я все вижу. Даже Лебедкина с его кинокамерой, который стремительно увеличивается в размерах! И тут ощущаю довольно плавный рывок! Еще в режиме демпфирования с уже раскрытым куполом врезаюсь в покрытый снегом склон, пробивая наст и скользя по нему к обрыву...

На кино съемку всего прыжка Саша затратил всего 20 секунд! Но все получилось и совсем даже неплохо, правда, об этом мы узнаем лишь дома.

Мы пробыли здесь еще сутки: надо было подняться наверх и захватить, оставленные мной на плато все "атрибуты".

Гостеприимные хозяева подбросили нас на "Запорожце" на автотрассу, благодаря которой оказаться в вагоне скорого поезда, везущего нас домой, не составило никакой проблемы.

Отснятые кино кадры просматривались многократно. Они получились. Объект съемки все время в центре кадра. Наполнение парашюта происходит

на высоте 30-40 метров от площадки приземления. Видно, как исполнитель врезается в снежный наст и скользит, делая попытку торможения.

Уже в Звездном городке, узнав о существовании "фильма", Н.П. Каманин и Юрий Гагарин попросили не афишировать его. Здесь же эту запись смотрели Каманин, Гагарин, Береговой и некоторые офицеры, в том числе полковник Попов и психолог ВВС. Георгий Тимофеевич Береговой даже брал бобину для просмотра ее в каком-то узком кругу, где присутствовал хорошо относившийся ко мне врач Илья Тарасов.

В июне 1972 года фильм был взят генералом Каманиным для демонстрации на своей даче в Домодедово.

Дальнейшая судьба этих уникальных кадров мне неизвестна.

ЦНИАГ

Получилось так, что спустя всего несколько месяцев после встречи с С.П. Королевым, Каманиным и Гагариным мне было срочно предложено прибыть в Центральный авиационный госпиталь (Москва) для прохождения комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки.

ЦНИАГ всегда считался солидным медицинским учреждением, как по составу своего персонала, так и разнообразию и объему проводимых там исследований. Здесь проводился отбор всех военных космонавтов, а также бортинженеров из гражданских лиц для участия в программе Л1-Л3 (облет Луны и посадка на ее поверхность). Большинство гражданских лиц, кандидатов в космонавты, обследовалось в Институте медикобиологических проблем (ИМБП).

В Сокольники, на Поперечный Просек, 13, прибыл я на два часа раньше назначенного времени, ранним утром и, усевшись на скамейку перед вестибюлем госпиталя, стал дочитывать захваченную с собой книгу. Неожиданно из госпиталя стали стайками выбегать люди в спортивных костюмах. Их внешний вид вовсе не напоминал пациентов, требующих лечения и медицинской помощи: это были крепкие жизнерадостные ребята, смеющиеся и шутившие и выполнявшие довольно сложные упражнения на спортивных снарядах местного гимнастического городка. Наблюдая за всем этим, можно было подумать, что я нахожусь не на территории известного медицинского учреждения, а у отеля, населенного участниками всесоюзных легкоатлетических соревнований.

Ровно в 9.00. я стоял перед регистратором прибывающих в ЦНИАГ, милой молодой особой в голубом халате и шапочке. Сверив мои документы с имеющимся перед ней списком, девушка выдала мне карточку- пропуск, с которым я и принялся обходить полтора десятка кабинетов в главном здании госпиталя, где после душа и получения госпитального коричневого костюма с широким белым воротником я до обеда прошел

предварительный осмотр у владельцев врачебных кабинетов различного назначения.

С обедом у меня вышла осечка: оказывается, меня не успели поставить на довольствие, но к ужину обещали уладить все вопросы, связанные с харчеванием. Узнав о моей “продуктовой” проблеме, соседи по палате проживания - молоденький старлей и представитель Академии наук средних лет поделились со мной своими сухими пайками, коими были буквально забиты их прикроватные тумбочки. Как бы там ни было, в 16.00. я далеко не в ослабленном состоянии предстал перед главным медицинским светилом госпиталя генералом Бородиным.

...Сидя перед этим человеком, я удивлялся его информированности по многим пунктам моей биографии и, несмотря на положительные ее моменты, интуитивно ощущал скрытую недоброжелательность генерала. Особенно это сказалось при обсуждении моего парашютного прыжка с вертикальной скальной стены в одном из кавказских ущелий. Мои пояснения по этому сюжету генералом явно не воспринимаются, не смотря на их объективную аргументацию: за рубежом по заданию спецслужб такое десантирование выполняется с целью отработки заброса своих агентов через границу в горных районах. Эти варианты отработывались и с дельтапланами. К сожалению, генералу от медицины все это было “до ручки”, что меня в этом разговоре и настораживало: нельзя же было относиться ему к сидящему напротив человеку и его информации столь безразлично, даже враждебно. Бородин осуждал любые мои действия, результаты, приведшие меня к нему и заинтересовавшие Каманина, Королева, Гагарина, Келдыша... Он прекрасно понимал, что в ЦНИАГ я попал не для лечения, а для прохождения комиссии по отбору кандидатов для спец-подготовки...

Но самое главное в поведении генерала-медика было то, что он, бедняга, не верил ни одному моему слову!

- Сколько оборотов вы делаете на лопинге?
- Тысячу при двух степенях свободы.
- Не верится что-то! Это же очень много? А поскольку прыжков с парашютом вы делали за день?
- Максимально - по 5-6.
- Но это вы явно преувеличиваете! А на Качелях Хилова сколько вы выдерживаете?
- До 19 часов.
- Что-о-о? Да вы просто фантазер!
- У вас в госпитале есть лопинг? Сами в этом убедитесь! - я начинаю злиться. - Вы что? Обвиняете меня во лжи?
- Но! Но! Но! Я не обвиняю - просто сомневаюсь! А в барокамере вы тоже поднимались десять раз?
- Не десять, а сто десять! При этом без кислорода на “высоты” 6,7, 8 и 8,5 километров, при этом выполнял по 200 приседаний...

- И сто километров, пройденные вами за 15 часов тоже были?

Мне стал надоедать этот разговор. Терпи! И я терпеливо продолжал выслушивать ахи и охи генерала. И наконец-то:

- Хорошо. Мы все сказанное вами проверим. Проверим!

И проверки эти не заставили себя ждать!

Уже на следующее утро, едва я успел вернуться с зарядки со своими соседями по палате кандидатом технических наук Егоровым и лейтенантом Малышевым, как был сразу же приглашен на сдачу анализов. Обычно "пациенту" здесь предоставляется право на 4-5-дневную "акклиматизацию", а тут этак, сразу!

И в этот же день (!) я уже выполнял ортостатическую пробу, прозванную кандидатами в космонавты "гестапо". В течение получаса человек стоит перед врачом! Полчаса! Стоит по стойке "смирно", не шевелится! Параллельно идет запись кардиограммы и биотоков мозга. Попробуй, шевельнись! Любое, даже едва заметное движение идет тебе в "минус"! Как бы там ни было, "гестапо" я выдержал без единого замечания. И закрутилось, завертелось огромное колесо медицинского отбора-обследования! За две недели - десятки проб и проверок! Но что это? Вместо 15 минут штатного теста на кресле Барани меня крутят 45 минут и - никакого дискомфорта, все мной выполняется! Но вот после пробы, одеваясь, скосил я взгляд на запись, выводимую в журнале врачом-женщиной, и вижу, что ее рука выводит: "Переносимость удовлетворительная". Спрашиваю:

- А почему не хорошая? Разве у вас есть ко мне "вестибулярные" претензии?

Женщина страшно смущается:

- Мы... Мы... Мы всем так пишем! Ну, чтобы не переоценить кандидата... Да вы не переживайте: у вас действительно высокая "вестибу-лярка"!

Вот так, пожалуйста, и запишите!

- М-м-м-м!

Помычала, но неточность свою первоначальную исправила.

Случай с офтальмологом. Проверяется острота зрения. Я вижу обоими глазами последнюю, самую мелко изображенную строчку, это говорит о том, что острота обоих глаз у меня 2,0! Так нет же! Врач заносит в форму обследования по 1,0 на каждый глаз!

- Вы же искажаете мои данные!

- Но мы же не знаем, что будет у вас через некоторое время!

Ну, как "аргумент"? Бред, да и только! Перестраховщики! Вечером иду к начальнику нашего отделения Е. И. Федорову:

- Евгений Иванович! Чевой-то чудят ваши доктора?

- Да не переживай! У тебя все в норме. Перестраховка.

Какая же перестраховка! Это же ложные показатели тестирования? Такое было у меня почти у каждого врача! Почти у каждого, кроме центрифуги, на которой я прокрутился с большими перегрузками без проблем,

за что и был объективно вознагражден записью в журнале: “Переносимость перегрузок “голова-ноги” (6 единиц) и “грудь-спина” (10 единиц) высокая. Без замечаний”.

И все же за месяц испытаний у меня сложилось какое-то негативное мнение о врачах ЦНИАГА: почему они так противятся объективности при проверке человеческих возможностей?

МОНГОЛЬФЬЕР

В нашем КБ состоялся маленький праздник: 10 человек моих “ново-рожденных” парашютистов отмечали свое первое прикосновение к Небу. Если в период моей работы в Белоруссии, где я оказался в ракетном КБ после окончания ВТУЗа, мне удалось подготовить сто человек “перворазников”, то здесь, в Ленинграде, это был мой первый “десяток”. Возвращались тогда мы с прыжков всей группой. Настроение у ребят и девчонок было преотличным, и этот день, надеюсь, запомнится им надолго. И даже в следующее утро они, будучи на работе, бесконечное число раз невольно возвращались к событиям вчерашнего прыжкового дня.

В обеденный перерыв ко мне подошли инженеры-конструкторы Саша Летов и Сергей Бушин:

- Константин Иванович, вы наверняка слышали о братьях Монгольфьер?
- Получивших подъемную силу за счет разности плотностей наружного и нагретого воздуха?
- Значит, вы в курсе. А что нам мешает сделать то же самое?

Затронутая тема требовала всестороннего анализа, средств и времени. Построить такой баллон совсем не так просто, как может показаться сначала. А с попыткой подъема на нем человека сразу же возникала серьезная проблема безопасности. Интересно, что заставило этих перворазников-парашютистов обратиться к этой теме? Да еще и к обсуждению ее возможной реализации... Думаю, что причина тому - их первый прыжок с парашютом: ведь необычное всегда мобилизует человека на действие. Ну, и первый прыжок для каждого человека - это же явление! И событие в биографии каждого, его совершившего.

Уже через неделю в нашей подсобке было несколько рулонов тонкой, очень прочной армированной специальными волокнами герметичной ткани, абсолютно воздухонепроницаемой. Ее суммарная площадь превышала 1400 м². Из нее мы и рассчитывали создать свой “монгольфьер”. Нами был сделан расчет (первое приближение), позволивший определить объем, необходимый для создания подъемной силы в сотню килограммов (полезной нагрузки) с учетом обеспечения разности температур вне и внутри баллона.

Мы набросали схему “аппарата”. Для упрощения конструктивных и технологических проблем была принята форма куба с ребром 12 метров.

С целью экономии веса решили отказаться от “корзины” с фиксацией “пилота” в подвесной парашютной системе и обязательным наличием запасного парашюта.

После изготовления предполагалась произвести проверку баллона наполнением его горячим воздухом из переносного калорифера, затем пытаться поддерживать температуру портативной газовой горелкой с малым баллоном.

Спустя десять дней проект теплового воздушного шара был готов. Еще неделя потребовалась на изготовление нашего огромного куба объемом около 1300 кубических метров. Запас прочности материала и самого куба нас вполне устраивал, как и его расчетная подъемная сила, учитывающая все составляющие веса. На поверхности куба были проложены и закреплены крепчайшие тонкие ленты, аналогичные стропам основной парашютной системы космического корабля “Союз”. К ним крепился промежуточный обруч с газовой горелкой и, естественно, полукольца подвесной системы спортивного парашюта Т-2.

Пробный наддув оболочки горячим воздухом мы провели вечером на баскетбольной площадке ближайшей школы (по договоренности с ее директором).

...То, что представилось нам после наполнения оболочки горячим воздухом, произвело на нашу четверку эффект разорвавшейся гранаты! Огромный, слегка перекошенный куб рванулся вверх с такой силой, что восьми наших рук едва хватило для его удержания! Нас спасло лишь то, что оболочка была дополнительно подстрахована капроновым фалом!

Все это очень обрадовало и обнадежило нашу четверку “создателей” сей конструкции, и это позволило уже на ближайшую субботу планировать проведение настоящих, испытаний сего воздухоплавательного аппарата.

И вот ранним утром два “Москвича” (один с прицепом) доставляют наш “Монгольфьер” за Среднюю Рогатку, на 24 километр Московского шоссе. Прогноз погоды нам известен и вполне подходит для испытаний: ветер хотя и слабый, но устойчивого северо-западного направления, что обеспечивает перемещение “куба” почти вдоль Московского шоссе, естественно, с боковым смещением на пару верст.

Мы остановились в поле, в километре от шоссе. Сразу же приступаем к монтажу на обруче горелки и подвесной системы, которую я накануне привез из аэроклуба: командир парашютного звена Валентин Георгиевич Вангесов для такого “дела” разрешил мне выбрать любую, наиболее подходящую для такого случая. Запасной парашют я взял свой.

Спокойное и темно-синее небо. Мы закрепляем необходимое снаряжение на обруч, проверяя каждую ленту и каждый узел. К подвесной системе, я пристыковываю на один “треник” свою запарку, с которой уже здесь, после возвращения из Белоруссии, выполнил три сотни прыжков. Расправлена оболочка. В землю вбиваются три металлических крюка для

предварительного крепления оболочки при ее наполнении горячим воздухом из калорифера. Есть у нас и специальный клапан для сброса части воздуха из оболочки в случае необходимости.

Летов запускает калорифер. Оболочка оживает, начинает расправляться и вытягиваться вверх. Я смотрю на ребят:

- Ну! Кто первый? Прошу к аппарату!

Никакого движения не заметно. Сережка Бушин даже делает полшага за ближайший “Москвич”. Получается, что я опытнее всей этой тройки, двое из которой имеют лишь по одному прыжку, а у третьего и того нет!

Защелкиваю все три карабина подвесной системы и правый, бывший свободным “тренчик” запаски. Ребята неожиданно шустро разбегаются к карабинам фиксирующих фалов. Летов увеличивает наддув, и огромный куб стремительно расправляет свой объем, отрывая меня на целый метр от земли!

- Готовность 10 секунд! - кричу я ребятам. - Обратный счет! Слышу голос Летова:

- ...Четыре!.. Три!.. Два!.. Один!.. Пошел!

Меня отпускают, и, волоча за собой “швартовы”, наш “кубик” стремительно уносит своего “пилота” в “неизведанную даль”!

... На альтиметре, укрепленном вместе с секундомером на верхнем клапане запаски, растет показатель высоты: 30...75...120 метров!.. Уже где-то там, внизу, остались мои коллеги, один из которых судорожно достает из авто забытый фотоаппарат, и я вижу его сверкнувший объектив...

Идет набор высоты. Одновременно меня довольно быстро сносит почти параллельно шоссе на юго-восток...

...260...290...350 метров! Уже неплохо: в случае “ЧП” с оболочкой меня уже вполне выручит запаска. А что же будет дальше?

Высота 400 метров. На шоссе с его редкими в утренний час машинами я замечаю наш красный “Москвич” с прицепом и следующий за ним второй, белый: ребята вполне контролируют мое перемещение в пространстве!

Меня прилично несет на юго-восток, но я не ощущаю никакого ветра, да это и понятно любому: вымпельный ветер сейчас равен у меня нулю.

Сидеть крайне неудобно: значительный перекося подвесной системы на левый бок. Но газовая горелка вполне доступна, и, прикрывая ее ладонями, зажигалкой со второй попытки зажигаю газ. Сине-фиолетовый язык пламени устремляется в метровое отверстие оболочки. “Кубик” летит весьма плавно, без тряски и раскачивания! Слева от меня хорошо просматривается идущий в Москву пассажирский поезд. Подо мной проплывает большой поселок с десятками блочных 5-этажных домиков, большие прямоугольники полей, и тут неожиданно гложу от рева моторов: слева от меня на расстоянии сотни метров проносится огромный авиалайнер! Интересно, что подумали пилоты и пассажиры, увидев этакий “кубик” почти рядом с собой?

Наверно, достанется диспетчеру за незнание обстановки на подлете к аэропорту!

42 минуты в воздухе. Гаснет газовая горелка. На сколько времени хватит подъемной силы постепенно остывающего баллона - трудно сказать, но судя по показанию альтиметра, я теряю высоту. К сожалению, наш “Монгольфьер” совершенно неуправляем, и теперь хотелось бы, чтобы впереди оказалось достаточно ровного пространства для приземления.

...На альтиметре 240 метров. Посадка на лесной массив меня не волнует: “куб” может спокойно, не цепляясь, опуститься даже среди плотной посадки деревьев.

Слева просматривается железнодорожная станция и поселок. Всматриваюсь: да, это же Тосно!

У меня всего сотня метров высоты. Снижение идет с совершенно безопасной скоростью: всего 1,5-2,0 метра в секунду. Остыл воздух в оболочке.

51 минута. Спокойненько опускаюсь на полосу мелкого кустарника метрах в тридцати от частного домика, с которого начинается одна из улиц поселка, и вижу, как к снижающемуся небесному “кубику” бегут ребятишки...

Не проходит и полчаса, как меня и “летательный аппарат” подбирают ошалевшие от всего происшедшего мои коллеги и конструкторы из нашего КБ.

КУРЬЕР

Вот уж чего не ожидал я, так это инспектора по проверке моих действий и тренировок, о которых почти в течение 10 лет сообщал генералу Каманину.

После посещения С.П.Королева, после столь серьезных и доверительных бесед с Главным конструктором, Каманиным, Гагариным и Президентом Академии Наук СССР М.В.Келдышем казалось, что исчезли всякие, даже мелочные сомнения в отношении Ветра, ан, нет! Мой главный шеф Николай Петрович Каманин, неукоснительно следуя принципу “Доверяй, но проверяй!”, направил в Питер своего курьера для проверки подтверждения правильности и объективности моих сообщений о проводимой ежедневно тренировочной работе, конечной целью которой был допуск меня к прохождению комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки (космонавтов).

И таким курьером оказался полковник-врач Анатолий Александрович Лебедев, человек весьма известный в медицинских и прочих кругах, связанных с вопросами пилотируемой космонавтики.

Прибыл Лебедев инкогнито. Я, конечно, ничего не знал об этом, к тому же сам полковник поставил свое условие всем моим начальствующим лицам, связанным со мной работой и тренировками: его нахождение в Питере должно оставаться неизвестным для меня до поры до времени.

Начал Анатолий Александрович, конечно, с моего КБ, а точнее - с его руководителя Тодора Доминитовича Вылкоста, пригласившего на эту встречу и моего начальника отдела Виктора Ивановича Смирнова. Как сказала мне позднее секретарша Т.Д.Вылкоста, заседала эта троица больше часа. Она слышала лишь отрывки разговора при обеспечении совещающегося "триумvirата" чаепитием. И даже хотела доверительно поведать мне об услышанном. Но я не любитель подобной "информации", о чем секретарша сразу, по-видимому, догадалась.

Ни начальник КБ, ни мой начальник отдела в течение последующих дней ни словом не обмолвились мне об этой встрече.

Следующим объектом посещения Лебедевым стал 442 Окружной военный госпиталь, в котором я выполнял свои многочисленные барокамерные подъемы, вестибулярные тренировки и периодические медицинские осмотры. Здесь "курьер" встречался с начальником отдела госпиталя полковником Русановым, с врачами и, конечно, с заведующим барокамерной лабораторией Д.Г.Урзовым. Об этом мне также не было известно.

На очереди у моего проверяющего был Ленинградский аэроклуб. Как выяснилось позднее, Лебедев сначала посетил "на дому" начальника аэроклуба, всех его заместителей, командиров парашютного и летного звеньев, также беседовал с нашими инструкторами Львом Фециным, Евгением Горчаковым, с членами сборной команды Ленинграда по парашютному спорту, с которыми мы вместе "бороздили" Голубую Бездну. И опять все происходившее на этих встречах оставалось для меня "за кадром".

Лишь на восьмой день своего визита в субботний вечер раздался звонок в нашу квартиру на Пискаревском проспекте.

К нам вошел высокий седой человек с интеллигентным лицом. В его движениях и речи чувствовалась некая скрытая уверенность. Он тактичен в общении, ненавязчив, раскрепощен, но уже с его первых слов я понял, что он весьма осведомлен о всех моих действиях на трудном пути к комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки. Оказывается, он даже наблюдал дважды мои прыжки в составе второй сборной Ленинграда. Все подтвердилось в нашем разговоре за чашкой кофе. Мало того: Лебедев оказался свидетелем моего одного "высотного" прыжка с 4300 метров и задержкой раскрытия парашюта на 70 секунд.

В нашей домашней беседе мой "ревизор" четко дал мне понять, что он с предельной объективностью доложит обо всем виденном и слышанном здесь обо мне генералу Каманину.

Полковник пробыл у нас более двух часов, из которых полчаса расспрашивал "с глазу на глаз" мою подругу и дочку Олю, хотя последней было всего три годика. Представляю, что они могли наговорить и наболтать генеральскому "курьеру"!

Как выяснилось позднее, доклад Лебедева в Москве о результатах своей миссии был принят весьма неоднозначно: Каманин и Гагарин полностью

доверяли этой информации о Ветре, а некоторые из генералов (особенно медики!) даже сомневались в возможности реализации мной столь насыщенной и плотной программы подготовки к прохождению комиссии по отбору кандидатов для космических полетов.

Свой доклад высокому начальству Анатолий Александрович Лебедев завершил тогда словами:

- Уважаемый Николай Петрович! Уважаемые товарищи! Ветер на самом деле делает в 10, в 100 раз больше, чем сообщает вам в своих письмах-обращениях, письмах-просьбах. Мое мнение: нам не следует разбрасываться такими людьми, ибо они встречаются не так уж часто... даже в пилотируемой космонавтике!..

Эта фраза была запечатлена Н.П. Каманиным в его дневниках, о чем я узнал много позднее. Думаю, что для любого человека, ставящего перед собой трудные и светлые цели, появление и действия таких добросовестных “курьеров” являются мощным элементом психологической поддержки. Испытано на себе!

И уже спустя десяток дней после отъезда Лебедева на всех участках моей подготовки и работы люди стали поговаривать о моем скором отъезде в Звездный городок, хотя до этого было еще далеко...

КАПЛЯ

Практически каждое воскресенье парашютисты Ленинградского аэроклуба принимали участие в показательных выступлениях, совершая одиночные и групповые прыжки с разных высот и с разными задержками раскрытия купола. Это были приземления на стадионы, ограниченные площадки парков и побережья Финского залива. Как правило, посмотреть на нас приходило множество любопытных, поэтому в зрителях никогда не было недостатка. Они, извещенные рекламой, сотнями и тысячами заранее заполняли места наших приземлений.

Пред одним из таких выступлений в последнем месяце лета ранним утром мы готовились к своей показательной программе, начало которой было запланировано на 10.00.

Мне предстояло выполнить два прыжка. Первый из них был самым простым и именовался “каплей” за “кинематическое” подобие и сходство с дождевой каплей, сползающей по оконному стеклу в соответствующую погоду. Содержание этого показательного прыжка сводилось к следующему.

На высоте 1300 метров два парашютиста, взявшись друг за друга, оставляют самолет, и через 10 секунд один из них открывает свой купол. После этого второй начинает медленно сползать с первого, при этом зрителям на земле кажется, что фигура находящегося под раскрытым куполом начинает удлиняться, вызывая тем самым немалое удивление наблюдающих внизу, и через несколько секунд разрывается. Просто

второй парашютист покидает первого, начиная свободно падать в течение нескольких секунд, после чего вводит в действие свой купол. Упражнение очень простое, но при наблюдении с земли достаточно впечатляет неискушенного наблюдателя. Естественно, оба выступающих приземляются в нескольких метрах друг от друга.

На этот раз моим напарником был мастер спорта Владимир Ганецкий. К тому же наша “капля” открывала выступление дня.

...Погода отличнейшая, если не считать довольно сильного ветра (7 метров в секунду). Наша задача с Володей после выполнения “капли” обязательно приземлиться на узкую полосу берега у города Зелено-горек. Наше покидание самолета произойдет, естественно, над заливом и затем с ветром южного направления надо стремиться к приземлению на кажущееся совсем крошечным с высоты белое полотнище.

Набираем высоту. Хорошо просматривается берег Зеленогорска, буквально усыпанный разноцветными точками зрителей. Мы знаем, что на этом побережье много валунов, а посему надо быть вдвойне осторожным и внимательным при приземлении. В заливе множество белых точек и полосок: паруса яхт ведь просматриваются даже из космоса!

На высоте нашего отделения ветер усиливается до 12 м/сек. И после прохода самолета по створу с контрольным временем выбрасываем пристрелочный парашют. Он приземляется за линией берега, на шоссе. Делаем поправку на этот снос и на рабочем курсе оставляем самолет, крепко “обнявшись” с Ганецким.

Раскрыв свой парашют, я разворачиваюсь к узкой золотистой полоске берега. Володя тем временем уже неторопливо сползает по мне вниз, задерживается на моих ногах секунду-другую и отваливает вниз. Через несколько секунд я уже вижу его под собой, направляющегося, как и я, к береговой черте Зеленогорска.

Точно выдерживая створ (направление ветра у поверхности моря), мы скользим к едва заметной белой черточке места нашего приземления. Спустя пару минут Ганецкий, а затем и я приземляемся в метре от центра полотнища, заставляя разбегаться в стороны плотно стоящих зрителей, что-то кричащих, смеющихся и размахивающих руками...

Затем начинается настоящее столпотворение: мужчины и женщины, ребята и девчонки, дети с криками и смехом начинают тянуть наши разноцветные парашюты и стропы в разные стороны, мешая нам оперативно покинуть место приземления. Они помогают нам даже освободиться от спасательных жилетов. У меня стащили с головы защитный шлем, ухитрились сделать своим “сувениром” даже кожаные перчатки Ганецкого! Конечно, на память об этом дне. Мы с трудом пробиваемся к своему автобусу. Неожиданно в толпе я вижу Ингу Ольберт, одну из красивейших в свое время студенток нашего потока. Сколько лет пролетело? Не менее десяти, и вот она узнает меня во всей этой неразберихе, что-то кричит и машет рукой, и в общем шуме и гомоне я слышу свое имя. Я слышу тебя,

Инга, но разве тут можно поблагодарить за приветствие?! Нам с напарником едва удастся протиснуться к автобусу аэроклуба для следования на старт своего второго прыжка.

За нами самолет оставляет группу из трех девчонок “во главе” со Светой Трамбовкой. Они выполняют “Пирамиду” (свободное падение с параллельной фиксацией друг с другом). Вероятно, девчонки несколько превысили время свободного падения, задержав на несколько секунд расхождение и раскрытие парашютов, что и привело их совершить приводнение на море метрах в двухстах от берега, где все они через считанные секунды были подобраны на катер спасателей.

В своем следующем прыжке мы вчетвером (Ячменев, Ганецкий, Горчаков и я) продемонстрировали фигуру, именуемую “Крестом”. Отделившись на высоте 2500 метров, мы сошлись в падении и, взявшись за руки, образовали четырехлучевую фигуру, после чего ввели в действие закрепленные на ногах дымовые шашки с разноцветными дымами (у каждого был свой цвет дыма). Затем мы начали медленное вращение, при котором разноцветные дымовые трассы скручивались за нами в красивейшую спираль, отлично видимую всеми, заполнившим километровой берег зрителями. Несомненно, такая картина, несмотря на простоту выполнения, очень впечатляет.

Расходимся мы на 700 метрах, каждый по своему заранее выбранному направлению и открываем парашюты.

...И опять уже вторая, какая-то радостная, хотя и взбалмошная встреча с берегом! И со зрителями! И вновь слышу громкий голос Инги:

- Ветер! Ветер! Ветер!

И опять машет мне обеими руками, стараясь привлечь мое внимание... Интересно, что могли бы подумать окружающие девушку люди? О каком это ветре кричит эта молодая и симпатичная особа? И почему она зовет его?

Звать ветра! Многие оглядываются на Ингу: может, “крыша” поехала? А я благодарен ей за этот крик-обращение, прозвучавший как отголосок далекой студенческой поры...

ЧЕГЕТ

После прохождения комиссии по отбору кандидатов для спецподготовки в ЦНИАГе я возвратился домой, в Ленинград, к радости всех своих домашних. Поскольку в моем журнале обследования в многочисленных его графах стояли заключения более двадцати врачей с содержанием: “Годен без ограничений”. Теперь мне надо было ждать вызова с оформлением моего перевода из нашего КБ в Центр подготовки космонавтов, который уже готовился к переезду из поселка Чкаловский в специально обустроенную техническую и жилую зоны, т.е. в Звездный городок.

Хотя я всегда придерживал в себе “хорошее настроение”, резервируя его часть на негативные жизненные моменты, но все-таки радостное ощущение удачи поддерживало в душе состояние большого умиротворения: ведь целых восемь лет моих непрерывных тренировок каждый шаг которых требовал очень много сил, времени и был скрупулезно проверен эмиссарами генерала Каманина, не пропали даром. Оставалось лишь ждать! Но сколько? Этого я не знал. Как не знал и того, что генерал Бородин, главный администратор всей медицины ВВС, уже дважды пытался убедить Николая Петровича Каманина отказаться от моей кандидатуры для космической подготовки при этом без всякой аргументации, просто, какой говорил, за мои “чудачества, к которым относил лишь одно: первый в нашей стране парашютный прыжок с вертикальной скальной стены:

- Поймите, Николай Петрович! - аргументировал свое мнение Бородин, - может ли нормальный человек совершить подобное? Да. У него отличные данные по спектру обследования в ЦНИАГе! Но, но... Этот прыжок! Совершить подобное! Это же просто в голове не укладывается!

Позднее Н.П.Каманин расскажет мне, как он буквально обезоружил “аргумент” уважаемого врача лишь одной фразой о том, что за рубежом уже совершено более трехсот подобных прыжков, на которые разведки наших зарубежных “друзей” имеют вполне определенные виды с целью десантирования диверсионных групп в горных районах других стран.

Услышав это, медицинское светило ВВС лишь глаза пялил на руководителя нашей пилотируемой космонавтики!

- Да... Да... Не знал о таком! И все же, разве это нормально?

Что имел при этом в виду генерал-врач, хрен его знает! Что-то свое, кухонно-туалетное, что ли?

Через несколько дней после моего возвращения из Москвы состоялся наш семейный совет, на котором решили отправить меня на пару недель в какое-нибудь тихое местечко, чтобы набраться сил перед появлением в Звездном городке: мало ли что может меня там ожидать?

Декабрь 1965 года. На работе с отпуском мне пошли навстречу, причем сам Главный Конструктор Тодор Доминитович Вылкост подмахнул мое заявление об отпуске, пожелав при этом хорошенько отдохнуть перед неизвестностью моей дальнейшей жизни. Руководитель КБ посодействовал в приобретении мне путевки на турбазу “Эльбрус”, что находилась в Баксанском ущелье, и через неделю я уже катил на юг в вагоне скорого поезда Ленинград-Нальчик.

...Автобус доставляет группу туристов с вокзальной площади столицы Кабардино-Балкарии на турбазу “Эльбрус”. Места здесь изумительные. Кругом горные вершины, уже покрытые снегом, в ущелье непрерывно звенят воды Баксана, этой бурной и быстрой горной реки, отдающей синевой и холодом. На одной из остановок мы пьем воду из реки, черпая ее ладонями. Настоящая ключевая водичка с запахом гор.

В “Эльбрусе” нас размещают в отличных двухместных номерах и моим соседом оказывается горнолыжник из Минеральных Вод. И тут от него я узнаю, что в Альпах на днях погиб наш известнейший горопроходец, замечательный альпинист, покоритель многих высочайших вершин планеты Михаил Хергиани. Это был глубоко порядочный и какой-то светлый человек, с которым несколько лет назад меня свел чистый случай. Тогда я возвращался домой из Крыма, куда нас с ребятами занесла велосипедная судьба (мы добрались из Ленинграда в Алушку своим ходом). И ехал я в Питер без единой копейки! Видя, что я не в состоянии заплатить даже за постель, мой сосед по купе вдруг дает мне сотню рублей (большие деньги по тем временам!) на весь маршрут моего следования. Тогда мы обменялись адресами и телефонами, а Михаил следовал лишь до Москвы, и я выслал ему свой долг сразу же по прибытии домой. Деньги тогда Миша получил, о чем и уведомил меня в нашем телефонном разговоре. И вот, Хергиани погиб...

...Первое свое утро в Баксанском ущелье я начал, как всегда, с кросса на пять верст. И после завтрака мой сосед по номеру предложил мне посвятить наш первый день пребывания здесь спуску на горных лыжах. Выяснилось, что Игорь (так звали соседа) является перворазрядником по слалому, что вовсе не добавило мне желания испытать себя на крутых горных склонах, ибо никогда в моей жизни я этим не занимался! Да я просто даже никогда и не стоял на горных лыжах! А демонстрировать себя в качестве “чайника” очень не хотелось! Вот если бы пробежаться по лыжне хоть 50 километров - это, пожалуйста, хоть сейчас. А слалом, это кувырканье в горах, нет, пожалуй...

Но сосед буквально вытягивает меня за руку к складу, где дежурный по турбазе уже выдает всю горную амуницию всем, желающим подвергнуть себя испытаниям на скорость. Так я оказался в компании горнолыжников в автобусе, направлявшемся к крутым склонам заснеженного Чегета!

Оказавшись у подножия этого горного массива, я вдруг понял, что допустил непростительную ошибку, поддавшись на уговоры моего соседа...

Лыжи и палки слаломистов были почти вдвое короче своих гоночных “собратьев”, а палки к тому же искривлялись самым непонятным образом. При всем этом ботинки на моих ногах напоминали гири и были тяжелее обычных кроссовых лыжных чуть ли не в пять раз, они словно пыточные приспособления сильнейшим образом сжимали ноги настолько, что пошевелить пальцами было целой проблемой. Хорошо, что со всем этим “великолепием” мне не надо было самому лезть вверх по склону, чтобы затем уже совершить спуск: вверх всех нас, и “чайников” в том числе, доставляла отличная канатная дорога.

Весь широченный нижний склон являлся финишной прямой протяженной лыжной трассы, основная часть которой терялась где-то вверху за покрытыми деревьями склонами гор. Внизу было очень много народа,

и глазах рябило от разноцветных костюмов, шапочек, рюкзаков и платков, которые ко всему находились в постоянном движении.

... Мы выстраиваемся в очередь на посадочной платформе, от которой круто вверх прямо в голубую чистоту неба убегают легкие сиденья “ка-натки” с любителями скоростных спусков из-за облачных высот. На ходу усаживаюсь в подбежавшее свое креслице и уже через несколько секунд оказываюсь на высоте десятка метров от расprostертого подо мной снежного великолепия. Неожиданно из-за хребта вырывается ослепляющий диск солнца, под которым я вижу Эльбрус с его двумя вершинами.

На движущемся передо мной сиденье чудом уместились две девчушки лет по 12-14. Хрупкие, тоненькие, они все время хохочут, покачивая своими лыжами, и что-то шепчут друг другу.

Незаметно быстро мы приблизились к конечной точке канатного маршрута, и я с удивлением увидел, как мои маленькие “соседки”, спрыгнув со своего сиденья, сразу же куда-то исчезли за краем площадки, оказавшись на которой, я крепко зажав в своих руках палки, осторожно подкатываюсь к ее краю...

...Глянув вниз, я испытал непередаваемое чувство парашютиста, оказавшегося без парашюта перед своим отделением от самолета! От края площадки почти вертикально вниз уходил покрытый снегом крутой горный склон, на котором со сверхзвуковой скоростью носились на лыжах десятки людей! И никто из них не падал, к моему удивлению. К тому же с моего места вниз можно было лишь катиться кувырком, ибо по склону с такой крутизной нормально съехать я не мог! А рядом со мной уже появились все новые любители и любительницы, которые без колебаний бросались в эту бездну, бросая снисходительный взгляд на застывшего на месте человека в полной слаломной экипировке...

И я стал спускаться! Наискось. От одного края склона, ограниченного вертикальной скалой, до другого, обрывающегося в ущелье. Добираюсь до стены вынужденно падаю, чтобы сберечь свою башку от удара о скалы! Проскользив со скоростью черепахи до обрыва, снова падаю в снег, чтобы, сами понимаете...

Итак, совершив бесконечное количество падений и подъемов, я к своему удивлению “всего” за полчаса добираюсь на финишную площадку, откуда и начал свой “героический” путь наверх...

Говорят, что слаламисты и скоростники проходят эту трассу всего за полторы минуты! Я же отстал от рекордсменов всего-то на 28 с половиной минут! Ничего! Потренируемся! Поведем скорость! Снизим число падений и вот тогда и посмотрим еще... А пока я еле держусь на ногах у нашего автобуса. Ноют все мышцы. Усталость неимоверная, словно я целый день таскал тяжелые ящики. Тело в синяках от “дружеских” контактов с утрамбованным снежным склоном. Но несмотря ни на что, на свою турбазу добираюсь с не покидающим меня чувством какого-то успокоения

и перспективы: ничего, завтра посмотрим! И потом, у меня же впереди целых две недели!

За время моей путевки мне удалось выполнить более 50 спусков с Чегета. Накануне дня своего отъезда время моего личного "рекорда" прохождения дистанции не превышало 6 минут! И это всего при какой-то полудюжине падений! Но все мои "прикладывания" к склону на уже довольно приличной скорости не производили на меня уже никакого впечатления! И поднимаясь на "канатке" к месту старта, я уже довольно высокомерно стал поглядывать на своих соседей по ожидавшему нас впереди спуску...

ЗЕЛЁНЫЙ ГОРОДОК

Генерал Каманин и Юрий Гагарин своих слов на ветер не бросали. Спустя несколько месяцев после нашего визита к Главному конструктору С.П.Королеву, начальник моего КБ Т.Д.Вылкост и Военком Фрунзенского района Ленинграда поучили телеграммы, содержащие информацию о моем призыве в офицерские кадры Советской армии с направлением меня в распоряжение командира в/ч 26266, которая базировалась в г. Шелково Московской области. Это событие сразу же направило жизнь нашей семьи совсем в иное русло. Нами было принято решение: я еду один и с получением квартиры по месту службы вызываю к себе всех своих - маму, жену и дочку.

Итак, уже через неделю в указанный в моем предписании срок ранним зимним утром я был в Москве и, перебравшись на Ярославский вокзал, устроился в вагоне электрички, идущей на Монино через Шелково, ибо лишь этот город был указан в моих документах как место нахождения воинской части.

Шел густой мокрый снег. Из окна вагона плохо просматривались названия мелькавших за ним станций, что при отсутствии всякой информации об остановках со стороны машиниста электрички несколько затрудняло оценку своего местоположения. Тем не менее через 50 минут я с чемоданом и своим вечным спутником - креслом Барани - оказался на Щелковской платформе.

Спрашиваю стоящего на платформе капитана о месте нахождения Звездного городка. Он подозрительно косится на меня и, пожимая плечами, молча отходит в сторону: вид штатского человека с чемоданом да еще и с непонятным вращающимся стулом явно не вызывает у этого офицера доверия.

Действую иначе. Подхожу к прапорщику и показываю ему свое направление. Сверхсрочник внимательно вглядывается в номер воинской части и говорит:

Вам надо проехать еще три остановки и сойти на четвертой - Циолковской. Запомните: Циолковская! И не называйте городок Звездным, он засекречен и именуется на сегодня Зеленым городком...

Благодарю прапора и, отойдя несколько в сторону, жду очередную электричку.

..Оказавшись на платформе, носящей имя Деда отечественной космонавтики, иду вместе с несколькими офицерами, сошедшими вместе со мной с электрички, и, наученный горьким опытом "общения" с капитаном, спрашиваю идущую навстречу старушку о месте нахождения Зеленого городка.

- Да что ты, сынок, какой там Зеленый! Мы живем здесь, в Звездном I ородке! Зеленый - Это так для балды, чтоб шпиёны не прознали. Так что иди вот туда, к проходной...

В бюро пропусков, внимательно изучив все мои документы, оформляют временный пропуск и поясняют, как мне пройти к гостинице. Иду. И надо же такому случиться: у перекрестка вижу группу офицеров, окружившую одного из своих товарищей, стоящего ко мне спиной. Обхожу их, и в этот момент стоящий в центре группы поворачивается ко мне, мгновение всматривается, и я вздрагиваю от неожиданности:

- Константин?!

Гагарин! Я не видел его после нашего совместного с Каманиным посещения С.П.Королева. Офицеры с удивлением глазют на человека с чемоданом и непонятным сооружением в руках. Но больше всего их удивляет отношение ко мне нашего первого космонавта:

- Ну, вот ты и здесь! Устраивайся! Все хорошее впереди! Встретимся и ближайшее время!

И он жмет мне руку только один раз, одновременно здороваясь и прощаясь.

... Местный отель оказался обыкновенной трехкомнатной квартирой и только что сданном в эксплуатацию девятиэтажном доме 5. Дежурная Таня Вакурова указала мне "мой" "номер" и койку с тумбочкой. Присутствующая при этом "директриса" гостиницы странным образом молчала, а когда она все-таки произнесла несколько слов, помещение неожиданно наполнилось ароматом известного крепкого напитка. Женщина? И с утра??

У меня с прошлых суток во рту крошки не было, но оказалось, что буфета в "отеле" нет. Только на технической территории есть столовая, где можно лишь пообедать. А посему, захватив с собой все необходимые бумаги, отправился я в разные там кадровые и строевые службы...

Заседавшие там майоры и подполковники за считанные минуты набросали мне план моих действий на ближайшие двое суток. Сегодня мне посоветовали познакомиться с городком, а на завтра планировался "большой поход" с посещением всех моих будущих непосредственных и прямых начальников. И в окно мне показали, где находятся резиденции

последних. Дали совет не опаздывать в столовую на обед и, пожелав удачи, попрощались с новичком...

После обеда я вернулся в “отель”. Разбирая свои вещи, я обратил внимание, что остальные три места в нашей комнате были уже заняты: на прикроватных тумбочках лежали книги, стояли будильники, а на спинках коек и стульев висела одежда. То же самое наблюдалось и в соседних комнатах.

За час я обошел весь жилой комплекс городка. Здесь был всего пять жилых домов, окруженных густым сосново-еловым бором. Воздух наполнен запахом хвои. Днем тишина такая, что в ушах звенит. Изредка слышится звук идущей электрички, и снова тихо. Вокруг только что сданного в эксплуатацию дома ходила комиссия, делая последние замечания перед раздачей ордеров новоселам.

Вечер. Наш “отель” постепенно наполняется жильцами. Майор Анатолий Колосов, авиационный инструктор Юрия Гагарина, старший лейтенант Борис Бурдин, лейтенанты Саша Федоров и Владимир Болярчук. Последние трое - мои соседи по “номеру” гостиницы. Они с интересом рассматривают мое кресло Барани, а Федоров даже предпринимает попытку испытать свои “вестибулярку”.

Утром следующего дня я был в кабинете начальника инженерного отдела ЦПК полковника Яковлева. Здесь же присутствовали начальники отделений и тренажеров. Мне был определен круг моих обязанностей на комплексном тренажере космического корабля “Союз”, ответственным за подготовку на котором был капитан Олег Шувалов. И уже через час я приступил к ознакомлению с космической техникой и поставленными передо мной задачами в плане применения этой техники в тренировочном процессе экипажей космических кораблей и станций. И начались рабочие дни. И какие дни! Интереснейшие! На первом месте стояло изучение систем КК “Союз” и тренажера по этому кораблю-ТДК-7К, погрузившись с головой в разгадку всех тайн управления сложнейшей техникой, я всегда мог рассчитывать на помощь и поддержку в этом вопросе всех специалистов-коллег: Олега Шувалова, Василия Чуркина, Александра Юрасова, Сергея Шевченко, Юрия Мусорина, Николая Герасимьяка и других офицеров. Благодаря этой помощи я смог за довольно короткое время подготовиться к сдаче зачетов и экзаменов по испытательной тематике пилотируемых космических комплексов.

Были трудности, в основном - на бытовом уровне. Проблемы с завтраком и ужином. Иногда - чудачества соседей по гостиничному номеру. Например, Володя Болярчук терпеть не мог, когда у нас в номере появлялся хотя бы один комар или муха! Он начинал за ними настоящую охоту: прыгая по столам, стульям и тумбочкам, он любыми способами пытался расправиться с непрошеными насекомыми. Я не говорю уже о тараканах, которых Володя при строгом подсчете собирал в спичечный коробок и сжигал! В конце концов такое ежедневное ауто-да-фе остальным жильцам комнаты страшно надоело, и мы

решили проучить “охотника” и навсегда отучить его мешать нам спать по ночам.

...Пока Болярчук занимался своим вечерним туалетом, мы пропустили под простыней его кровати шнур с привязанным на его конце куском ветоши, который легко протягивался под простыней на всю длину кровати Болярчука. Свободный конец шнура выводился к моей койке.

...Болярчук в этот вечер довольно быстро закончил свою “охоту” за насекомыми и, выключив свет, улегся отдыхать. Спустя двадцать минут, я тихонько, но сильно стал протягивать ветошь под начинающим дремать Болярчуком!

И вдруг весь гостиничный этаж оглашается страшным воплем:

- Крыса-а-а! Кры-с-а-а-а!

Саша Федоров включает свет, и перед нами предстает Болярчук, стоящий на четвереньках на своей кровати и орущий во все горло:

- К-р-ы-с-ы-ы-ы!

Любой поймет, что к этому моменту весь шнур с ветошью уже был у меня под одеялом. Болярчук полностью перетряхивает свои простыни, одеяло и подушки: никаких признаков зверя нигде не видно. Он тщательно застывает свою постель, внимательно просматривая едва ли не каждый шов, и - выходит в ванную. Мы быстренько “заряжаем” “крысой” повторно его постельку.

Свет выключен. Мы лежим, имитируя своим поведением сонное царство. Вернувшийся Болярчук долго возится на койке, с особой тщательностью заправляя под себя одеяло с пододеяльником. Проходит десять минут, и вдруг:

- У-у-у-х-х, бли-ин!

Болярчук бухается на пол с такой силой, что сотрясаются стены комнаты. В темноте мы слышим голос Бориса Бурдина, спокойный такой:

- Володя, не мешай нам отдыхать. Не ори, пожалуйста.

Не отвечая на наши возгласы, Болярчук молча лезет на койку к Бурдину:

- Борь! Я не могу спать там... Крысы, понимаешь...

Борис взрывается:

- Да ты “голубой” что ли?

Комната сотрясается теперь от смеха, и в дверях появляются обитатели других наших “апартаментов”:

- Что у вас тут творится? Спать мешаете!

После этого случая Болярчук абсолютно утратил свой “охотничий” пыл и переключился на тщательную проверку своих спальных принадлежностей, что переносилось нами намного легче, чем его “охота”.

Я договорился с начальством, и мне разрешили ездить домой, в Ленинград на воскресенье, правда, с выполнением одного обязательного требования: быть на построении утром каждого понедельника. Кто тогда мог подумать, что эти поездки продлятся целых три года, за которые я

успею побывать в своей семье аж 118 раз! Но это будет потом, а сейчас я мог бы сказать лишь одно:

- Все-таки, светлое это место - Зелёный городок!

АТТЕСТАЦИЯ

Спустя некоторое время после моего обследования в ЦНИАГе я был вызван на так называемую “мандатную” комиссию, которая решала самое главное в судьбах всех, прошедших ЦНИАГ - быть или не быть человеку в отряде космонавтов, хотя бы под простым определением “космонавт” без добавления “летчик”, коим наделялись побывавшие на орбите.

День был солнечным. Легкая кучевка лишь подчеркивала необъятность неба. По погоде было и настроение всех присутствующих на комиссии, тем более что никаких “медицинских грехов” ни за одним из вызванных сюда, не числилось. Думается, что у каждого из нас была огромная надежда на благополучный исход на этой странице своей судьбы.

Вызывали нас по одному. Волнение? Было, конечно. Но в жизни, решая многие задачи с разными категориями трудности, я всегда ориентировал себя лишь на отрицательный исход, на самый неудачный вариант решения. В этих условиях человек только выигрывает от ситуации: к худшему он себя уже подготовил, а любой, пусть самый крошечный “довесок” удачи воспринимается с далеко не отрицательными эмоциями. Как вы думаете?

За дверью “комиссионного” зала постепенно побывали все мои предшественники по очереди, и только одному из них было предложено вернуться к месту его постоянной службы. Мне было жаль этого капитана, вышедшего каким-то поникшим и растерянным, молча проследовавшим мимо всех нас к выходу.

Думаю, что каждый из оказавшихся перед этой “судьбоносной” дверью вправе был ожидать кучу всевозможных вопросов, но когда я оказался перед длинным столом с заседавшими за ним генералами и несколькими штатскими лицами, меня спросили лишь о семье, об отце, о ВТУЗе, о специальных тренировках, парашютных прыжках и полетах. Естественно, был задан вопрос и о мотивации моего стремления в отряд космонавтов, при этом я заметил, как генерал Каманин что-то тихо сказал председателю комиссии, взглядом ориентируя его в мою сторону. Мне разрешили удалиться и ждать вместе со всеми в “предбаннике” решения своей судьбы.

После меня прошло еще более десятка человек, когда в нашу комнату вошел летчик-космонавт Герой Советского Союза Павел Беляев, и быстро, лишь кивнув нам на наши приветствия, скрылся за дверью комиссии.

Проходит около получаса. Неожиданно к нам выходит Н.П. Каманин и, отыскав взглядом меня, подзывает к себе. Мы выходим в коридор, где

генерал тихо сообщает мне, что вопрос о моем приеме в отряд несколько откладывается, ибо из всех присутствующих членов комиссии против меня проголосовал лишь Павел Беляев!

- Константин. Мы обязательно разберемся с этим. Думаю, что все уладится. Уладится. Не переживай...

Земля ведь слухами полнится! И через несколько дней мне стали известны все подробности обсуждения моей кандидатуры. Председатель уже собирался ставить свою подпись под положительным заключением моей персоне, когда слово взял Павел Беляев:

- Я против кандидатуры Ветра! Он крепко выпивает и, ко всему, курит! Хотя все это им скрывается! О нем мне говорили, только негативное. Я начинаю думать, что все его “заявления” о тренировках - это сплошной вымысел! ЦНИАГ он прошел лишь благодаря своему здоровью. Но кто поручится, что он не принесет нам какое-нибудь ЧП вроде очередного прыжка со скалы! Такие кандидаты нам не нужны в отряде. И мне еще говорил генерал Бородин о Ветре, как о весьма необычном человеке... Я разговаривал с Крышкевичем¹, он тоже высказался против этой кандидатуры...

Вот таким было “выступление” полковника-космонавта Павла Беляева.

Станным в этой “речи” был еще один момент: Беляев никогда меня не видел, тем более никогда со мной не говорил! Он меня просто не знал!

Проходит несколько дней.

В столовой ЦПК, что располагалась на технической территории, я встречаю полковника Николая Федоровича Никерясова, всегда по-доброму относившегося ко мне еще со времен моих письменных обращений к Н.П.Каманину десятилетней давности, на которые он и отвечал мне всегда по поручению генерала.

Никерясов внимательно выслушивает мою “мандатную” историю с “участием” космонавта Беляева. Николай Федорович, сомневаясь в таком “поступке” Беляева, только руками разводит:

- Да быть такого не может! Не мог Павел сказать, а тем более - поступить подобным образом! Он-то хоть говорил с тобой?

Узнав, что Беляев даже ни разу не видел меня, Николай Федорович обещает сегодня же поговорить сам с летчиком-космонавтом. Но я не соглашаюсь, ибо уже через час наметил себе посещение Беляевского кабинета, находящегося, кстати, в этом же здании, что и столовая.

На свой стук в дверь кабинета Беляева получаю разрешение войти. Вхожу. Представляюсь:

- Товарищ полковник, капитан Ветер. Разрешите задать вам только один вопрос...

На лице командира отряда космонавтов явное недоумение:

¹ Начальник политотдела Центра Подготовки Космонавтов.

- Ты - Ветер? Да нет, не может быть! Копылович говорил мне...и показывал...совсем другого человека! Не может быть...

Беляев приглашает меня сесть, но я направляюсь к двери кабинета, произнеся в адрес стоящего полковника только три слова:

- Благодарю за "аттестацию"!

ВСЕГДА ПРИГОДИТСЯ...

У каждого человека есть жизненная грань, которая не обходит стороной ни одного из нас. Грань эта - причастие к спорту. Несомненно одно: в разные времена, в разных ситуациях спортивный опыт, пусть самый малый, всегда помогает человеку.

В школе мне удавалось пробегать на лыжах "тридцатку" (30 верст) за 2 часа. Для школьника это неплохой результат. Много позднее, уже на "Лыжне России" я "тратил" чуть меньше 5 часов на 60 верст, входя по результату аж в первые пять тысяч участников. Но насколько все это непросто - можно убедиться, стартовав хотя бы однажды на эту "непростую" дистанцию.

Несомненно, что преодоление жизненных трудностей делает человека устойчивее ко всякого рода негативным препятствиям в жизни. Мне в этом плане просто повезло: еще в школе я ухитрился получить спортивные разряды по баскетболу, лыжам, легкой атлетике и даже стрельбе из малокалиберного и боевого оружия. Кстати, о последней...

В свое время я входил в состав сборной округа по военному троеборью, включавшему в себя скоростную стрельбу из пистолета, плавание на 300 метров и 4-х километровый кросс. Готовясь к этим стартам, мы только за время тренировок расстреливали по несколько тысяч патронов каждый. Стрельба была скоростной: на 10 выстрелов из "Стечкина" или "Марго" давалось всего 5 секунд! Стрельба велась поочередно с обеих рук. Но даже в этих условиях членам сборной округа удавалось стабильно набирать по 165-175 очков из 200.

...Ровно через неделю после моего прибытия в ЦПК были назначены стрельбы из личного оружия офицеров, коим был и остается пистолет Макарова (ПМ), на мой взгляд, оружие "полудетское": это не "Вальтер", не "Парабеллум", не "Магнум" и даже не "ТТ". Так, пукалка какая-то.

Стою я на огневом рубеже и дивлюсь, как можно взрослым парням пускать пули "в белый свет как в копеечку"? Набирают ребятки по 15-17 очков из 30. Мишень огромная! "Десятки" - величиной с большую тарелку, до которой всего-то 25 метров!

Стрельбами руководит майор А.Жулев. Мы занимаем свои места в шеренге стреляющих, получаем по три патрона и заряжаем оружие.

Майор командует:

- Слева по одному - огонь!!

Я самый “левый”, поэтому и открываю огонь первым, делая сразу все свои три выстрела за... полторы секунды. Отчетливо вижу: все три моих пули в “десятке”, но...

- Эй!! Вы что себе позволяете?! Куда вы палите в небо!!! - орет в мой адрес майор.

- Все в порядке. 30 очков.

- Что? - Что? 30?! - свирепеет Жулев, и, дав команду “Прекратить огонь”, бежит к мишеням...

Перед ним - три пробоины в “десятке” и он возвращается, озадаченный:

- Странно... Может, случай... Но все равно надо соблюдать дисциплину стрельбы! После попробуете еще разок!

- Почему после? Дайте еще три патрона...

Вновь делаю три выстрела за полторы секунды, но теперь - левой рукой! Жулев только головой качает. Взгляд его почти доброжелателен.

После окончания стрельб прошу майора быть свидетелем моего “фокуса”: Я стреляю по пяти мишеням за пять секунд и - пять “десяток”!

- Ну, ты даешь, - это оценка моих “трудов” коллегами по тиру. - Поделись-ка с нами своим секретом!

Но здесь не было никаких секретов, просто в свое время настрелялся я вволю и только.

Проходит полгода.

Лето. С утра у нас час физических занятий. Проведя сорок минут в спортивном городке, слышу вдруг выстрелы, доносящиеся из тира. Интересно, что-то там? Прихожу, благо тир всего каких-нибудь три сотни метров.

...Личный состав батальона охраны стреляет из своих СКС. Положение “лежа”. Дистанция - 100 метров. Тратят по 1-2 минуты на выстрел. Выспаться можно, солдатики! Руководит стрельбами сам командир подразделения Борис Бобылев. Он не просто капитан, не просто командир, но еще и поэт! И даже очень неплохой! Просто замечательный. Его сборники стихов исчезают с прилавков в считанные часы. Мы знакомы. Справляюсь о здоровье, а в ответ слышу:

- Не хочешь попробовать? - Борис кивает в сторону мишеней. Почему бы и нет? Но выставляю одно условие:

- Стреляем стоя! На десять выстрелов - десять секунд! Победитель - по максимальному количеству выбитых очков.

Опытный стрелок Бобылев иронически усмехается:

- Я знаю о твоих “пистолетных” способностях, но, поверь, - карабин - это совсем другое оружие...

Эх, Боря! Ты не знаешь, что твой покорный слуга десяток раз участвовал в лыжных гонках патрулей на 30 километров с четырьмя (!) огневыми рубежами. В команде было по 4 человека. У каждого - СКС плюс наспинный мешок с семью

килограммами песка-балласта! Дистанция та же сотня метров. Но условия-то совсем не те, что в тире здесь...

Стреляю первым. Десятизарядный магазин моего СКС пустеет за 8 секунд. Очередь Бориса: 10 выстрелов за 10 секунд! Неплохо!

В сопровождении солдат идем осматривать мишени.

- Это ж, надо! - вырывается у Бобылева, - разница-то всего....

Действительно: у Бориса 86 очков! Отличный результат! Но у меня-то 87! Солдаты только головами покачивают: во дают командиры! Ничего, тренируйтесь, и у вас получится!

Меня самого всегда удивляла длительность сохранения моих навыков в огневой подготовке: ведь пролетают годы, а приобретенное сохраняется...

Спустя много лет в Средиземном море у берегов Алжира, мне точной стрельбой из американской М-16 удалось остановить нескольких резвых подонков, надеявшихся пограбить наш маленький парусник, тримаран "Таис-3".

Получив две пули в бензобак их "плавсредства", эта мразь сразу потеряла всякое желание испытывать свою судьбу от общения с нами...

Так что умение стрелять - дело нужное!

Всегда пригодится.

ПОЛИТУГРОЗЫ

Конец января 1968 года.

Мне позвонила секретарь Юрия Гагарина Крупская, симпатичная седовласая дама:

- Константин, Юрий Алексеевич просит подойти к нему к 10.00.

...Коридор штаба ЦПК. Жду Гагарина. Он вызван к генералу Кузнецову, начальнику ЦПК. Крупская предлагает пройти в кабинет и ждать там, но я остаюсь в коридоре. Жду.

Напротив приоткрытая дверь другого кабинета, его хозяин - заместитель начальника политотдела ЦПК, некто Копылович. И неожиданно я становлюсь "свидетелем" разговора за этой дверью. Голос Копыловича:

- Мы вас выгоним отсюда! Выгоним в два счета! Надо же! Он лезет к самому Гагарину, к космонавтам за помощью какой-то школе!

- Не какой-то, моей школе. - Голос мне незнаком. - Но разве это преступление? Я же не для себя прошу, - для детей, которым приходится вышагивать в другое село по семь километров в день...

Копылович перебивает говорящего:

- Это надо же! Помощник нашелся! За эту "помощь" ты окажешься у меня на Камчатке! Благодаритель!

- Я не понимаю, что в этом вопросе вас так раздражает? Юрий Алексеевич полностью поддержал меня и подписал письмо с просьбой об открытии школы в моем поселке...

- Что-о-о!! Да ты у меня завтра окажешься на Камчатке! Он берет письмо у самого Гагарина! И кто ты такой?!

- Я старший лейтенант Ганжула...

И тут я не выдерживаю. Вхожу к Копыловичу:

- Я целых десять минут слушаю ваши оскорбительные вопли в адрес этого человека! Кто вам дал право так разговаривать с людьми? Что вы себе позволяете?

Копылович замирает на месте, замолкая, а незнакомый старший лейтенант смотрит на меня как на чумного...

И в эту секунду я вижу входящего сюда же Гагарина:

- Константин! Пошли! Надо поговорить.

И мы уходим к Гагарину. Оказывается, ему звонил академик Бушуев К.Д. и просил отпустить меня на завтра в Подлипки (КБ С.П.Королева) для анализа моего проекта по варианту пилотируемого марсианского корабля.

- Завтра поезжай туда, я предупрежу полковника Яковлева (эта мой начальник), что ты будешь в Подлипках до конца этой недели. Идет?

Выхожу из штаба. У крыльца вижу офицера, "участника" разговора с Копыловичем.

- Федор Ганжула, - представляется он мне. - А вы смелый человек. Как вы решились отчитать этого...

Мы идем рядом к корпусу "Б". Я молчу. У меня другие мысли. О встрече с Бушуевым. Там ведь будет не только академик. Правда, тема эта уже не раз обсуждалась и ранее с самим С.П. Но чего они хотят сейчас?

Голос Ганжулы:

-...Вы "приобрели" себе очень опасного врага. Он... Они в политотделе такого не прощают...

"Ну, и хрен с ними", думаю я про себя, но Ганжуле говорю:

- Чего это он так тебе угрожал? Камчатка! Сибирь! Он что? Больной?

Ганжула оглядывается и только после этого поясняет:

- Он зам. начальника Политотдела! И родственник самого Крышкевича! Крышкевича!

- Ну, а какое "преступление" ты-то сотворил?

- Лишь попросил Гагарина послать письмо председателю нашего сельсовета с просьбой открыть начальную школу в моем селе, чтобы дети не ходили за семь верст... Юрий Алексеевич послал такое письмо еще месяц назад, и школу уже открыли эту... Родители детей прислали благодарственное письмо Гагарину, а оно попало к Копыловичу. Вот и вся история.

И тут до меня дошло: да этот старлей о детях ведь печется! А не о себе! А эта стерва политотдельская его за это так оскорбляет! Безнаказанно!

- Ты молодец, Федор. И не бойся: никто не может за добрые дела нас наказывать.

...Он остался стоять на дороге и долго смотрел мне вслед. Федор, проходивший старшим лейтенантом 17 лет! Пока не был уволен Копылович.

Позднее Ганжулу взял к себе для полетов на невесомость Виктор Скачков. Какое-то время я даже брал Федора с собой на “нулевую” и “лунную” гравитацию. Потом он перешел на работу в тыловое подразделение, где и дослужился до майора.

Первую встречу мою с ним Копылович не забыл. Три года он всячески препятствовал получению квартиры в Звездном городке. Квартиры получали все прибывшие много позднее меня. А я ездил домой, в Ленинград, каждую субботу - всего таких поездок было 118. Плюс ко всему этот тип вычеркивал меня из всех наградных списков. Особенно после гибели Гагарина. Доходило до курьезов: мои бортинженеры из КБ и ИМБП получали ордена и другие награды за многосуточные комплексные испытания пилотируемых орбитальных комплексов, а командир этих экипажей сразу же после таких испытаний... увольнялся политотделом трижды (!) без всякого предупреждения!

Скажите, пожалуйста, нормальные политработники способны на подобное??

Мне стало много легче работать с приходом на должность начальника Центра подготовки космонавтов Георгия Тимофеевича Берегового. Человека, хорошо понимавшего и ценившего труд инженера-испытателя наших “изделий”.

ЧЁРНАЯ ВЕСНА

Наступил март. Небо здесь высокое, синее, русское. По золотым ветвям сосен скачут белки. Частенько они спрыгивают на снежные дорожки, подбегают к человеку и берут у него из рук кусочки хлеба, конфеты и орехи. Кругом глубокий снежный наст, сверкающий первозданной белизной. Сказка, да и все тут!

Поздравил Юрия Гагарина с днем рождения. И надо же: после 9 марта погода неожиданно испортилась. Над лесами неслись плотные черные облака, казалось, они заполняют все небо, бросая на землю в изобилии мокрый снег и дождь. После работы по вечерам, оставшись в гордом одиночестве после переселения в свои новенькие квартиры всех моих “коллег”, я просматриваю свои новые печатные приобретения по космической навигации, очень интересные издания. С 20.00. можно сбегать и в Дом культуры, посмотреть новые фильмы. Спектакли и концерты бывают здесь 1-2 раза в месяц по субботам и воскресеньям, но в эти дни я, как правило, бываю дома, в Ленинграде.

...На комплексном тренажере ТДК-7К космического корабля “Союз” идут интенсивные тренировки Шаталова, Воынова и Феоктистова. Один из них в своих действиях проявляет явную чрезмерную осторожность, которая в народе имеет свое не совсем лестное название. Ну, да ладно, в полете, может, и посмелеет...

Маленький “конфликт” с начальником ЦПК генералом Кузнецовым. Иду я на занятия с экипажем. В правой руке у меня тубус с чертежами и схемами. А тут навстречу мне Кузнецов. Ну, я ему и отдал честь левой рукой, свободной. Разошлись с ним, и тут генерал, пройдя полсотни метров, вдруг останавливается и просит подойти к нему. Подхожу, но попутно перекалдываю тубус в левую руку. Генерал как-то подозрительно посматривает на меня:

- Товарищ Ветер! Мне показалось, что вы отдали мне честь левой рукой!
- Я не мог этого сделать: как видите, у меня в ней тубус,- наглею я, прикладывая одновременно правую руку к козырьку фуражки.

Кузнецов несколько секунд смотрит себе под ноги, что-то соображая, и, повернувшись, следует дальше, покачивая головой и что-то бормоча.

В середине месяца в очередную субботу, отстояв 6 часов в вагонном тамбуре экспресса №9 Москва-Ленинград, я прибыл в Северную столицу. На часах 23.45., а мне еще добираться до дома почти час. С Московского вокзала на Финляндский - 15 минут, а там еще на троллейбусе. Но я - дома! Великое это дело - знать, что тебя, несмотря на поздний час, ждут!

Выскакиваю из вагона метро на Финляндском: все эскалаторы стоят кроме одного, идущего вниз, мне навстречу. Станция метро здесь глубокого заложения, отсюда и длина эскалатора - будь здоров! Людей - ни души! Прошу дежурного внизу разрешить мне взбежать наверх по вниз идущему эскалатору.

- У тебя все в порядке с головой? - Дежурный смеется. - Да ни в жисть не взбежишь! Ну, давай, пробуй!

Взбежать-то я взбежал, наверху даже рукой помахал дежурному, но тут-то ноги у меня и отнялись, не держат. Пришлось пару минут постоять, прислонившись к стене, под внимательно-подозрительным взглядом милиционера...

27 марта. С утра приступаем к подготовке тренажера. Через полчаса прибывает очередной экипаж. Вдруг вбегает начальник тренажера, Олег Шувалов:

- Всем к начальнику отдела! Беда! Погиб Гагарин!!

...В составе группы офицеров мы вылетаем к месту падения истребителя УТИ-МиГ15 с Гагариным и Серегиным.

Деревня Новоселово Киржачского района Владимирской области. Вертолет высаживает нас во дворе школы. Далее к месту падения самолета мы добираемся на танковом тягаче, утопающем в пропитанных водой высоких сугробах. Над нами в черных низких тучах небо.

...Большая овальной формы воронка, наполненная водой. Вокруг на фоне разбросанных глыб земли, поломанных кустарников и деревьев просматривается множество фрагментов разбившейся машины. Нас не

покидает крохотная надежда, - а вдруг они успели катапультироваться? А вдруг? Но она рушится...

По срезу деревьев четко прослеживается угол, под которым истребитель врезался в землю. Мы стоим, понунив головы, не желая верить свершившемуся...

...Гагарин закончил пилотаж в зоне на высоте 4000 метров и получил разрешение возвращаться на базу (аэродром Чкаловский). Многослойная облачность простиралась на многие километры с нижней кромкой 500 и менее метров. При выходе на курс к базе связь с истребителем была потеряна, при этом локатор отметил резкую потерю самолетом высоты. А далее... По словам полутрезвого местного жителя, одного из немногих свидетелей падения самолета, истребитель, вынырнув из-под облаков, некоторое время шел, покачиваясь, после чего раздалось два негромких хлопка и машина, круто повернув к земле, стала падать под большим углом к горизонту...

Начались поиски разбросанных взрывом фрагментов истребителя. Только по ним можно было установить истинную причину катастрофы. Тысячи людей в течение месяца принимали участие в этой операции. Многое было найдено. Взрыв страшной силы разбросал части УТИ-Миг15 и останки летчиков на сотни метров вокруг. Собранные фрагменты самолета были разложены на плазе для изучения и анализа причин происшедшего.

Наконец, была принята версия, официально утверждавшая, что причиной трагедии, скорее всего, могло быть столкновение истребителя с посторонним предметом, повредившее фонарь и ранившее Гагарина, рефлекторно отжавшего ручку управления, приведшее к вводу самолета в пикирование, причем - без запаса высоты. Серегин, находившийся в кабине инструктора, не смог исправить положение: до земли было всего ничего - каких-то три сотни метров и несколько секунд резервного времени. Прямая диверсия здесь исключается: доказано, что в самом самолете взрывов не было.

До сих пор остается загадкой: почему два летчика (Серегин - летчик-испытатель) не могли выйти из создавшейся ситуации на истребителе, способном совершать посадку даже... без летчика! Такой случай был в одном из наших учебно-авиационных центров.

Иногда "знатоки" доводили причину катастрофы до явной чуши, объясняя трагедию... нетрезвостью экипажа. Более мерзкую "причину" трудно придумать.

Юрий Гагарин был Человеком, Летчиком, Космонавтом. Он не мог запереть себя в золотую клетку своей безопасности и самосбережения... Он жил и работал как все, кто был рядом с ним в Звездном. Он готовился к своему второму полету. Он просто не мог иначе...

Апрель 1968 года. В городке идет сбор средств для семей Гагарина и Серегина. Происходит это в нашем инженерном отделе. Саша Юрасов

подходит ко мне с только что отпечатанным списком личного состава отдела, возглавляемым, естественно, нашим руководством. Я в этом списке - последний, хотя и открываю первым внесение пожертвований. Отдаю Юрасову последнюю, имеющуюся сотню, расписываюсь, и Саша уходит к начальству, которое "раскошелливается" аж на "трояк" каждый! И тут начальник подполковник Ваньков невольно переворачивает лист и видит... 100 рублей, переданных Ветром! Что тут началось!!

- Этот Ветер... Опять!.. Опять!.. Опять!..

Ваньков бросает лист на стол и проставляет против своей фамилии тоже... "100 рублей"! И все они - по сотне! Одним словом, "разорил" я эту компанию на приличную сумму, в результате чего наш отдел занял первое место в вопросе оказания помощи семьям, горе великое претерпевшим...

Спустя несколько месяцев я услышал из уст Николая Петровича Каманина следующее:

- На ряде встреч правительственного уровня Юрий (Гагарин) позволил себе резкие высказывания в адрес членов семей Брежнева и Щелокова. После одного такого "высказывания" ко мне подошел Поспелов (член ЦК) и предупредил меня о недопустимости подобных высказываний Юрия. В противном случае... Может, поэтому "в нужное время", "в нужном месте" и появился "Сухой", погубивший столь дорогого всем человека?..

Ну, это так, мысли вслух...

Николай Петрович повернулся и направился к своей "Волге". А я стоял и смотрел, как за сорвавшейся с места машиной закрутилась струя пыли...

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Конец мая 1968 года. Еще живет в думах и сердцах людей горечь утраты первого Космонавта планеты и его товарища. Звездный городок притих, даже улыбки и смех стали довольно редким явлением. А тут еще предлетняя жара буквально загоняла людей в прохладу жилых и рабочих помещений; +32° С все-таки многовато для Подмосковья даже при обилии лесных массивов.

Виктор Крашенинников и я устроились внутри лунного модуля Л1, проверяя последовательность прохождения команд по КСП. Каким же умным и располагающим к себе был наш лунный корабль! "Отлетав" на нем 12 суток и "облетов" Луну, я не мог теперь пройти мимо этого замечательного комплекса, чтобы не заглянуть в него или хотя бы прикоснуться рукой к этому детищу мысли человеческой. Майор Крашенинников был ведущим инженером лунного комплекса, и поскольку мы хорошо знали друг друга, он всегда шел мне навстречу, по-своему истолковывая мою любовь к этой чудо технике, каждый раз встречая меня словами:

- А ведь ты мог бы, мог бы... мог бы... облететь и опередить янки...

В люк неожиданно заглядывает дежурный по корпусу "Д":

- Костя, тебя вызывает начальник медицинской службы Центра, полковник Хлебников.

Через четверть часа я уже сижу в небольшом, но уютном кабинете нашего главного медика, который, справившись о моем здоровье, вдруг предлагает пройти здесь же, в ЦПК, повторное после ЦНИАГА медицинское экспресс-обследование для якобы подтверждения и закрепления результатов и заключения комиссии ЦНИАГА. На это прохождение мне отводится лишь неделя! Ничего себе - экспресс!! Что ж, я-то всегда готов, надо лишь предупредить моих начальников о том, что в течение ближайших семи дней я не появлюсь на своем рабочем месте - на комплексном тренажере КК "Союз"...

И понеслось, и поехало! С 9.00 до 18.00 ежедневно мотался я между всевозможными функциональными кабинетами медиков! Одни из них с помощью сложнейших электронных шлемов пытались обнаружить у меня патологию головного мозга. Другие, нацепив на мою грудь паутину электропроводов, оценивали работу моей сердечной мышцы при многократных приседаниях и в беге на "бегущей дорожке". Третьи вталкивали вашего покорного слугу во внутрь огромных, полосатых внутри, барабанов, создававших при вращении у испытуемого иллюзию алкогольного опьянения последней степени!

А кресло Барани! Федор Солодовник с утра до обеда пытался установить у меня хотя бы незначительной доли вестибулярного дискомфорта, вращая мою особу в разных направлениях с различными угловыми скоростями. Результат: никаких признаков укачивания! Резюме Федора: человек я вестибулярно ненормальный. Полковник медслужбы Н.И. Попов два дня пытался укачать меня на качелях Хилова - безрезультатно! И он отваживается на небывалое тогда медицинское "новшество": ставя на платформу качелей Хилова и кресло Барани! Теперь представьте себе: на большой качающейся площадке закреплен вращающийся стул, на котором сидит привязанный (чтобы не удрал от этих мучений) человек, которому предлагается покрутиться и покачаться одновременно в течение часа! Здесь я даже несколько "перебрал" по времени и... хоть бы что!

Глазели на это медицинское издевательство не только врачи и сестры медицинские, но даже уборщицы. Они же, бедняги, после таких "издевательств" убирали кое-что за испытуемым, а тут - все чисто! Так и работу потерять можно: уволят за ненадобностью.

На центрифуге (ЦФ) мою переносимость перегрузок проверяла особа с густыми кавказскими бровями. Вероятно, она собирала материалы на докторскую диссертацию, ибо "крутила" она меня по программе, не имевшей никакого отношения к отбору кандидатов в космонавты. Например, определяет она мое периферийное зрение при разных перегрузках, включая комбинацию лампочек. Перегрузка грудь-спина 8 единиц. Докладываю, что вижу и выключаю все. Десять единиц - то же самое, но чувствую, что кровь моя стала густоватой и сердце словно ртуть прокачивает в аорту,

Но дышать вполне можно, да и лампочки я пока все еще контролирую, о чем и сообщаю.

Двенадцать “g”! Лампочки утрачивают яркость, а язык - склонность к общению, но одолеваю это и докладываю что-то через уже хрипящие ларингофоны...

15 “g”!! Да ты что? Тетка! С ума соскочила? Я и ругаться-то не могу! Трех букв не могу произнести! Из пяти лампочек вижу лишь одну, да и то не могу определить ее цвет. Пытаюсь что-то сказать, доложить, но в наушниках своих слышу только “Ме-е-е! Ме-е-е!” Вот это закрутился я - козлом стал даже! Да и надо ли сие испытывать при отборе в кандидаты для космических полетов? В ЦНИАГе, например, максимальные перегрузки не превышали “восьмерки”!

Домой вернулся я вечером, (хотя гостиницу нашу вряд ли можно назвать домом), выжатым какой-то. Одно радует: в журнале моих обследований у всех без исключения врачей итог моих проверок одинаковый: “Устойчивость высокая. Годен без ограничений.” Это было 25 мая, а 26-го...

... Мне оставалось пройти лишь психологическое обследование. Назначено оно мне было почему-то после обеда. На улице духотища. Да и в аудиториях - тоже... Кабинет главного психолога Центра подготовки космонавтов О.Н.Кузнецова, однофамильца начальника ЦПК. Стучу в дверь и вхожу. Передо мной на кресле, развалившись, похрапывает тщедушный главный психолог. Ну, и видок у него... Шнурки ботинок развязаны. Ширинка расстегнута. Из уголка рта на грудь стекает струйка слюны. Мерзкая такая картинка. Прохожу. В кабинете стульев нет только кресло (занято) и лежак. А почему бы мне пока не вздремнуть? Тихонько ложусь на лежак и... засыпаю.

...Кто-то настойчиво толкает меня в плечо. Ба! Не просто девушка - красавица:

- Вы что тут делаете?
- Отдыхаю после обеда. Это запрещено?

Поднимаюсь с лежака. Девушка недоуменно пялит на меня свои красивые очи:

- Ну, и все-таки?

И вдруг писк:

- Да оставьте его! Это Ветер!

У окна, повернувшись к нам спиной, стоит главный психолог, проснувшийся и успевший уже привести себя в порядок. И ко мне, не поворачиваясь:

- Вы готовы к тестированию?
- Для этого я здесь.

Красавица со своей помощницей вносит в кабинет кипу каких-то бумаг и таблиц. В кабинете появляется стул.

- Садитесь. У вас есть ручка или карандаш? - Это вопрос ко мне. Молча достаю упомянутое.

...В течение нескольких часов я решал какие-то идиотские задачи, отыскивал в таблицах требуемые комбинации чисел и предметов. Писал психологические диктанты, в которых начатая тема неожиданно подменялась противоположной по смыслу, и заметить эту подмену следовало обязательно, иначе сразу же попадешь в разряд слабоумных и - прощай космос! Правда, мне это уже хорошо знакомо по ЦНИАГУ, а посему все это обходится для меня вполне благополучно, без ошибок и просчетов.

В шестом часу вечера звучит последний вопрос главного психолога:

- Назовите, Ветер, вашу самую большую, определяющую мечту!
- Стать президентом США!

Ассистентки давятся от смеха. Кузнецов, вскидывая высоко лохматые брови, довольно восклицает:

- О! О! О! Это очень высокое устремление! Это то, что нам надо!

Наконец-то в моем журнале обследований появляется последняя, заключительная запись "Годен без ограничений", и главный психолог ставит под ней свою витиеватую психологическую подпись.

Утром следующего дня я сдаю этот журнал начальнику медслужбы ЦПК полковнику Хлебникову.

В начале июня мне неожиданно звонит наш офтальмолог Виктор Афанасьевич Батуренко:

- Костя! Зайди ко мне на пару минут. Есть разговор.

Услышанное мной из уст Батуренко произвело на меня эффект разорвавшейся бомбы.

Оказывается, первый заместитель начальника Политотдела ЦПК, неизвестный Копылов, буквально приказал (хотя не имел на это никакого права!) начальнику медслужбы ЦПК полковнику Хлебникову переписать все результаты моего обследования! И не просто переписать! А с обязательным отрицательным заключением по всем специалистам-врачам!

Батуренко, оказывается, по совместительству с офтальмологией был еще и хранителем всей медицинской документации нашего Центра подготовки космонавтов. Таким образом, я получил возможность ознакомиться с новым "содержанием" моих медицинских проверок! А ведь это целый том на 98 страницах, заполненных... одним почерком!

Позволю себе привести лишь два заключения.

Главный психолог ЦПК им. Гагарина О.Н.Кузнецов:

"...Огромные претензии личного характера (серьезное желание стать президентом США) не позволяют обследуемому Ветру К.И. быть включенным в состав спецконтингента для подготовки к космическим полетам..."

Начальник медицинской службы ЦПК им. Гагарина полковник Хлебников:

“...По данным проведенного обследования К.И.Ветер не допускается в состав спецконтингента, готовящегося по программе освоения космоса...”

Вот те на!

Надо же! За неделю Политотдел ЦПК им. Гагарина ухитрился совершить свое очередное по отношению ко мне преступление: сфальсифицировать полностью результаты моего обследования!

Это же чистойшей воды уголовщина!

Какая уверенность в своей безнаказанности...

Где еще могло произойти подобное?

ДЕЛЬТАПЛАН

Казалось бы, кого можно удивить парящим в небе дельтапланом? Но не спешите с ответом: удивить можно очень многих, почти каждого человека: необычайная легкая птица, с фигуркой человека вряд ли кого может оставить безразличным.

Крым. Планерское. Июль. Высокая редкая кучевка над просторным полем, над которым в свое время испытывались первые в стране и все последующие разновидности отечественных планеров. Иногда и сейчас здесь можно стать свидетелем спортивных, а порой и испытательных полетов безмоторных аппаратов, и если вы, пусть даже случайно, вдруг окажетесь здесь в это время, поверьте: вы будете просто очарованы происходящим.

Я приехал сюда из Судака на велосипеде, узнав накануне о проводимых в Планерском зональных соревнованиях с участием летающей безмоторной техники. Очень хотелось увидеть нечто необычное, и мои ожидания не были обмануты.

Чарующие своей плавностью и бесшумностью полеты планеров можно было наблюдать часами. Казалось, что ты находишься в гуще каких-то сказочных событий: Лукоморье было рядом, не хватало лишь Зеленого Дуба с Золотой Цепью и Кота-Волшебника. Непередаваемый мир и покой царствовали вокруг. Иногда тонко позванивали, лишь тросы лебедек, запускающих в синеву неба молчаливых огромных “птиц”, совершающих свои полеты по кругу. В своей жизни мне лишь однажды удалось провести почти три часа на планере, но в качестве пассажира. То был очень необычный летный эксперимент, о котором я поведал в рассказе “Не пиццать!”. Досталось мне тогда “на орехи”, но со временем я стал даже с благодарностью вспоминать тот первый в моей жизни полет на планере. Может быть, это и заставило меня сейчас добираться в Планерское своим ходом сюда, из Судака...

Неожиданно внимание привлекает интереснейшая картина: по склону вниз стремительно разбегается человек, над которым простирается белый треугольник необычного крыла! Это не планер! А легкий, тонкий,

какой-то даже прозрачный аппарат, и это треугольное крыло с едва заметной под ним человеческой фигуркой взмывает в небо, удаляясь в сторону моря... а вокруг него продолжали крутить свои бесшумные спирали планеры!

В судейской коллегии меня ознакомили с программой завтрашних полетов на дельтапланах, что и заставило меня остаться на ночевку у своих феодосийских знакомых, чтобы в восемь утра снова быть в Планерском.

Трудно было даже предположить, что за какие-то полусуток число дельтапланов здесь могло увеличиться буквально до сотни! Их разноцветные треугольники заполняли все обширное пространство равнины, а несколько в стороне стройными рядами “отдыхали” от вчерашних полетов планеры.

Постепенно на небе появляется легкая и пока еще малочисленная кучевка, и начинается ощущаться морской бриз, столь необходимый для участников полетов, и уже через час первые дельтапланы стартуют с широкого и довольно крутого склона навстречу ветру и морю... Эту летающую красоту не передать словами, здесь нужна светлая мелодия жизни!

После полудня, благодаря термикам и бризу, число парящих в небе треугольников увеличивается до нескольких десятков! До вечера я наблюдал за происходящим в небе, и узнав, что соревнования будут продолжены завтра, решаю остаться на ночевку здесь, в поле.

Соорудив из своего велосипеда и куска парашютного шелка некое подобие жилища, иду к находящейся здесь автолавке за хлебом и чаем. Мне везет: несколько сарделек значительно обогащают мой ужин.

Участники полетов жгут костры у своих палаток, оживленно обмениваются впечатлениями за день, поглощая одновременно все, что им удалось приобрести в “магазинчике на колесах”.

Вероятно, мой одиноко стоящий на отшибе “бивуак” чем-то привлек дельтапланистов. Четверо ребят и девчонка подходят к моему архитектурному “шедевр”, построенному из велосипеда и куска парашюта. Высокий, лет тридцати, брюнет останавливается перед моим “жилищем”:

- Добрый вечер! А почему вы в одиночестве? Присоединяйтесь к нам!

Девушка, опираясь на руку брюнета, дополняет:

- Мы заметили, что вы уже третьи сутки находитесь здесь! Просто нравится или сами имеете отношение к этому?

И она обводит свободной рукой белеющую в темноте “стаю” дельтапланов.

- Прежде всего - спасибо за приглашение... А к этому...как сказать... отношение имею, правда, несколько иного профиля.

- И какого же?

Достаю из кармана спортивной куртки свое “парашютное удостоверение”, с которым, будучи в отпуске, всего две недели назад прыгал в Одесском аэроклубе где моим хорошим знакомым был инструктор

Володя Ганецкий, входивший в свое время в сборную команду Ленинграда, где мы и познакомились.

А сейчас пять пар глаз с интересом заглядывают в мой “документ”:

- Д-а-а-а! Да вы же почти наш!

И тут один из ребят замечает вложенную в парашютную книжку фотографию:

- Простите! Да ведь это же Леня Ячменев? Чемпион мира по парашютному спорту!

На фото мы стоим рядом с Ячменевым в полной парашютной выкладке, собираясь уже войти в кабину вертолета. Молча киваю: да, это Ячменев! Все внимательно рассматривают фото.

- А на наших “птицах” не пробовали? - девушка улыбается.

- К сожалению, нет!

- Но “сожаление” можно исправить, правда, Саша? Брюнет поджимает губы в неопределенной гримасе:

- Все... Все зависит от человеческого желания...

...После полудня дельтапланеристы завершают свои полеты и Саша, оказавшийся тренером, подходит ко мне:

- Попробуем?

Короткий инструктаж, и я получаю простейшее задание - выполнить короткий подлет на высоте всего несколько метров.

Разбегаюсь под уклон, удерживая дельтаплан под нужным углом атаки и чувствую, как отрываюсь от земли! Потеря опоры под ногами - ощущение непередаваемое! Попробуйте сами при случае! В парашютизме земля радуется своим приближением, а тут! Тут ты ее теряешь! Она удаляется! И ты теряешь надежду на твердую опору!

Мой дельтаплан летит над землей на высоте всего десятка метров, а тебе кажется, что ты находишься почти под облаками! И что еще немного, и я окажусь над едва виднеющимся в синей дымке Карадагом... Так и до Судака долететь можно!

Несколько сместившись назад, замедляю свой полет и теряю высоту, готовясь приземлиться “по-вороньему”, с большим углом атаки у самой земли. Касание очень мягкое, словно в руках у тебя не большая трубчатая конструкция, требующая для удержания значительных усилий, а планирующий ПО-9! Или УТ-2...

Оглядываюсь: ого! Да ведь я пролетел более двухсот метров! И это за какою-то минуту!

Ребята помогают мне доставить эту замечательную “птицу” к месту старта, где ничего не остается, как поблагодарить Сашу и его товарищей за оказанное мне доверие...

Позднее мне довелось выполнить еще несколько таких подлетов и даже - 10-ти минутный полет. Но происходило все это уже в других местах и при совершенно иных обстоятельствах.

ЁЛКИ-ПАЛКИ!

29 декабря. Последний рабочий день в уходящем году. Мы только что вылезли из скафандров и, смыв под душем трудовой пот, обсуждаем перспективы встречи Нового Года. На сегодня, кажется, все! Но тут загремел динамик громкоговорящей связи:

- Всему личному составу отдела через 20 минут сбор в 310-й! Не опаздывать!

Это на третьем этаже нашего штаба. Обычное предновогоднее “собрание”, на котором мы услышим от нашего начальства слова поздравления с наступающим Новым годом и, конечно, всякие добрые пожелания каждому из нас.

Две сотни офицеров сидят в просторной аудитории, тихо переговариваясь, в ожидании своего начальства, для коего уже организованы места за столом президиума. Но тут неожиданно для всех нас в аудиторию входит комендант Звездного городка подполковник Астафуров:

- Внимание! Прошу тишины!

Зал затихает, удивляясь появлению коменданта, а тот занимает место за кафедрой:

- Хочу напомнить всем присутствующим один важный для всех момент: наступает Новый год!

Зал хохочет.

- А вы не ржите! А внимательно дослушайте меня, вашего коменданта, до конца, а потом будете гоготать, если захочется! Хочу предупредить всех присутствующих и отсутствующих...

Зал опять заливается смехом! Раздаются возгласы:

- И всех “отсутствующих” на Леонихе?

Но коменданта трудно выбить из колеи:

- Всех! Всех! Кто будет замечен в рубке елок в нашем лесу! Пойманные за этим коварным действием будут сразу же отчислены из ЦПК! Так что сами соизмеряйте свои желания и возможности в приобретении лесных красавиц! А теперь посмейтесь!

В зале мертвая тишина: еще бы! Рушатся надежды ощутить в своем доме запах свежесрубленной новогодней елки... Замеченные в рубке “лесных красавиц” могут оказаться в сибирских или, того сложнее, в дальневосточных краях, ведь у нас с этим действительно строго!

...Мы возвращаемся домой в приподнято-угнетенном настроении: предновогоднее поздравление командования переплетается с комендантским суровым предупреждением... Меня догоняет старший лейтенант Борис Крючков, пришедший в ЦПК из гражданки. Я знаю этого человека три года: серьезный, умный и необычайно порядочный человек: даже нецензурного слова никто никогда от него не слышал! Вот такой человек идет рядышком. Спрашиваю:

- Где думаешь встречать Новый год?

¹ Кладбище.

- Как всегда - дома, в семье. Вот только, жаль, елки не будет! Наш сынишка, Вовка, огорчится наверняка...

Я удивляюсь:

- Почему не будет? Вон их сколько вокруг!

- А-а! Ты же слышал коменданта: не дай Бог попасться!

- Эх, Боря! Ради сына-то можно и рискнуть! Сегодня вечером вместе пойдем за лесной красавицей.

-Не! Не! Не!

- Да, ты послушай, - говорю ему тихонько. - Мы срежем две елочки на просеке, под высоковольткой, их там ведь и так каждый год вырубают. Ну, как?

В Борькиных глазах появляется явная заинтересованность моим предложением:

- Но как дотащить их до дому? Ведь могут увидеть...

- Ладно, я тебе помогу. Только не опаздывай в полночь...

...Час ночи. Срезаю две симпатичные двухметровые елочки, выросшие как раз под высоковольтными проводами. Борька все это время непрерывно оглядывается, контролируя место нашего "преступления". По лесной чащобе протаскиваем елки к нашим домам. Жду, пока Борис благополучно не скроется в своем подъезде... С трудом втискиваюсь со своей красавицей в дверь своего дома № 17 и далее - в лифт. Елка заполняет весь объем кабины, приходится на ощупь искать клавишу своего этажа...

Выхожу и нажимаю кнопку звонка своей квартиры.

...Передо мной в освещенном проеме двери возникает фигура... Бориса Петровича Астафурова, нашего коменданта, живущего этажом ниже!

От неожиданности он шарахается в сторону от елки, верхние ветки которой стегают его по лицу, и тут до меня доходит: я же нажал в лифте клавишу восьмого, а не девятого, "своего" этажа!

Что мне оставалось? Тактично извиниться за беспокойство, доставленное хозяину квартиры в столь поздней части быстрее смыться по лестнице на свой этаж!

Мне тогда показалось, что комендант ничего не понял в происшедшем! Он даже не разглядел моей морды из-за густоты еловых веток... Это, вероятно, и спасло меня от возмездия по полной программе. Не исключаю при этом и проявление доброты Бориса Петровича.

Уже много позднее, узнав, кто оказался тогда перед ним с елкой, Петрович смеялся как никогда в своей жизни:

- Я-то ведь подумал, что ты припер эту елку мне!

ПОЛМИНУТЫ НА ЛУНЕ

Осенью 1968 года я был направлен в подразделение майора В.Скачкова для участия в полетах на невесомость. Для этой цели ЦПК располагал тремя самолетами Ту-104, которые и являлись специальными лабораториями "невесомости". На одну из этих лабораторий я был назначен инженером-испытателем.

Эта осень была особенно напряженной. Непрерывно шли полеты на кратковременную невесомость, как с испытательными, так и с тренировочными задачами.

...Набрав высоту, наш реактивный лайнер разогнался и выполнял так называемую “параболу невесомости”, “обрамленную” двумя перегрузочными “горками”. Продолжительность режима невесомости не превышала 30 секунд, но, несмотря на столь короткий отрезок времени испытатели и космонавты ухитрялись выполнять и отрабатывать многие технологические операции, которые надо было решать в реальном, орбитальном полете.

В огромном салоне Ту-104 устанавливались целые секции и фрагменты космических кораблей, на которых, к примеру, космонавты Хрунов и Елисеев многократно повторяли свой первый в мире орбитальный переход из одного космического корабля “Союз” в другой для последующего возвращения на последнем.

В условиях кратковременной невесомости после проверок испытателями всех возможных технологических цепочек космонавты учились делать сварные швы, научные эксперименты, транспортировку необходимых в орбитальном полете средств и многое другое.

Основным фактором, ограничивающим работоспособность человека в кратковременной невесомости, был вестибулярный дискомфорт, а попросту - укачивание, которое каждый из нас испытывал в море, самолете, на качелях или на вращающемся кресле Барани. “Рекордсменом” по уровню вестибулярного воздействия на человека был уникальный тренажер “Ротор”, позволявший получать одновременно три степени вращения (свободы) относительно трех осей одновременно. Правда, в дальнейшем “Ротор” был исключен из программы подготовки экипажей КК.

Уровень вестибулярного воздействия на режимах кратковременной невесомости был аналогичен подобному при вращении, скажем, на кресле Барани, но, несмотря на это, некоторых участников этих полетов так “выворачивало” наизнанку, что они теряли полностью свою работоспособность. Уверен, что тренировки для укрепления вестибулярной устойчивости не так важны, как природные данные. Поэтому далеко не редкостью во время тренировок был вестибулярный дискомфорт как у известных летавших космонавтов, так и инженеров-испытателей и особенно - у врачей, сопровождавших испытательную бригаду в полетах на Ту-104.

Мне в этом отношении очень повезло. Скорее всего, у меня была природная устойчивость к укачиванию, усиленная повседневными тренировками на многих вестибулярных стендах. К примеру, я мог более тысячи раз выполнять обороты на лопингах с двумя степенями свободы.

Вероятно, поэтому я уже на первой своей “горке” выполнял сальто, всевозможные вращения и перевороты, не испытывая ничего кроме легкости и своеобразного состояния удовлетворенности.

Как уже было упомянуто выше, перед каждой “горкой” и после нее человек испытывает сравнительно небольшие перегрузки - от двух до трех единиц, влияние которых можно считать незначительным и легко переносимым.

“Чистота” (качество) получаемого на “горках” режима невесомости полностью зависела от качества управления самолетом на всей траектории параболы и особенно - от удержания машины строго в плоскости этой кривой, в противном случае наблюдалось боковое “соскальзывание” операторов к бортам самолета, что, конечно, негативно влияло на технологию выполнения всех операций. Ну, и само собой понятно, что самолет при выполнении режима невесомости набирал, а затем терял несколько километров высоты.

“Лунный” режим или режим “1/6” был несколько легче для операторов. К тому же нам было интересно совершить “прогулку” по нашему естественному спутнику, находясь на борту летающей лаборатории, испытай воздействие лунной гравитации, которая составляет всего одну шестую земной. В основном эти режимы были предназначены для испытателей и космонавтов - членов экипажей лунных наших программ.

В связи с нашей работой на летающих лабораториях мне был памятен один момент, связанный с предварительной подготовкой нашей бригады.

До старта летающей лаборатории десять минут. Испытатели и космонавты выстраиваются в шеренгу для получения последних инструкций по средствам спасения при возникновении аварийных ситуаций на режимах кратковременной невесомости, и в это время к нам подкатывает “газик” с начальником ЦПК генералом Кузнецовым.

Генерал проходит вдоль нашего строя, осматривая нас и слушая доклад руководителя бригады невесомщиков Виктора Скачкова. Кузнецов останавливается перед нами:

- Я прошу всех вас запомнить: вы работаете в трудных условиях и, ко всему, очень опасных. Вы отвечаете не только за свои жизни, но и за жизни космонавтов. И вы в случае аварии в воздухе должны, прежде всего, спасти их, а потом думать о себе. Для этого надо иметь большой опыт по действиям в стрессе...

Генерал делает шаг к Скачкову:

- Сколько у вас прыжков с парашютом, майор?

Виктор мнется:

- Три...

- Что? - Начальник ЦПК зло прищуривается, а потом неожиданно обращается к Виктору Воронову, второму нашему инженеру-испытателю:

- А у вас?

- Три, товарищ генерал! - бодро рапортует тот тоном, словно речь идет о тысячах.

- Что-о-о? - Генерал уже не скрывает своего раздражения.

- Как же сможете спасти людей, случись что... - И без всякого перехода тычет пальцем в сторону моей скромной особы.

- А у вас? У вас сколько? Тоже три?

- Семьсот - отвечаю я тихо.

Все становятся свидетелями метаморфозы, происшедшей с начальником Центра подготовки космонавтов:

- Вот на этого можно положиться! Вот на него можно!

И быстрыми шагами уходит к зданию руководителя полетов.

Космонавты переглядываются, а я говорю своим коллегам с малым парашютным “багажом”:

- Викторы! Догоняйте меня в этом лихом деле! Догоните и вас тоже назовут “надежными”! А то “три” прыжка! Ха!

ДОКОЛЕ?

В иллюминаторах лунного корабля мы наблюдаем поверхность Луны, испещренную зубцами гор и цирками кратеров... Мы над Морем Дождей. Отчетливо виден Залив Радуги и треугольник, в вершинах которого кратеры Архимед, Аристилл и Автолик. Еще несколько секунд, и мы пересекаем терминатор, входя на ночную сторону Луны. Сразу тускнеет поверхность нашего спутника...

...Идут наземные комплексные испытания лунного космического корабля по программе Л-1 - Л-3, предусматривающей облет нашего естественного спутника и посадку на его поверхность.

Мы стартовали трое суток назад. Свободный объем нашего корабля настолько мал, что мы, оба члена экипажа, не можем даже выпрямить ноги, проводя весь полет в “группировке”. Вокруг нас все пространство заполнено командно-сигнальными полями (КСП), компьютерами, астронавигационными системами, элементами управления кораблем и комплексом систем жизнеобеспечения.

Даже повернуться на бок - целая проблема. В этих условиях к концу 12-суточного “полета” нас ждут все “прелести” последствий длительной гиподинамии.

В “полете” нас двое. Облет нашего спутника и посадка на него выполняется нами по схеме 1+1. Это значит, что после выхода корабля на селеноцентрическую орбиту один член экипажа совершает посадку на поверхность Луны в лунной кабине, а второй ждет его в лунном модуле на селеноцентрике.

Экипаж радуется и поддерживает исключительно высокая степень моделирования всех внешних элементов трассы Земля-Луна-Земля: звездное небо с необходимыми им опорными звездами, Солнце, а также планеты Юпитер, Марс, Сатурн и Венера позволяют экипажу вести и контролировать полет к Луне с большой степенью точности. Это позволило

нам выйти в точку перехода на селеноцентрическую орбиту всего с двумя коррекциями орбиты подлета к Луне.

Для уточнения пространственных координат лунного корабля мы успешно провели серию астронавигационных засечек с опорой на угловые параметры Луны, Солнца, Земли и Юпитера. Приближается ответственный момент перевода корабля на орбиту вокруг Луны. И далее - расстыковка лунного модуля с лунной кабиной, где в этот момент уже должен находиться один из нас в скафандре "Кречет". Затем последует посадка лунной кабины на поверхность Луны, пребывание на ее поверхности, взлет с лунной поверхности, стыковка с лунным модулем и возвращение на Землю.

Наш "полет" обеспечен прекрасным лунодромом, на котором можно отрабатывать посадку на выбранном участке лунной поверхности с большой степенью приближения к реальным условиям.

На десятом витке полета вокруг Луны мы получаем команду об отмене посадки с немедленным возвращением на Землю.

Мы вводим соответствующие установки в программу полета бортовых компьютеров и срываемся с селеноцентрики на траекторию к Земле.

Впереди очень ответственный этап: необходимо обеспечить безопасный коридор входа в атмосферу Земли, чтобы не промахнуться или не сгореть в ней с огромными перегрузками. Трехкратная проверка (компьютерная) параметров входа доказывает их оптимальность. Выявлен и район нашей "посадки" - акватория Индийского океана...

А вот приводнение и нахождение нашего корабля на штормовой морской акватории в течение 13 часов было... реальностью! И этот момент был таким же непростым, как и сам "полет": на морской акватории в условиях семибалльного шторма мой бортинженер полностью утратил работоспособность от вестибулярных воздействий. За эти часы мне удалось выйти на радиосвязь с "кругами" (Москва, Мурманск, Камчатка, Байконур), а также с самолетами и кораблями группы поиска, и доложить им о нашем местонахождении.

Спустя 14 часов мы были подняты с морской акватории на борт спасательного судна.

За эти испытания лунного корабля мой бортинженер был представлен к правительственной награде.

Когда мы вернулись после испытаний домой, то с трудом держались на ногах, потеряв по 5-6 кг веса. И земля странно покачивалась у нас под ногами. Была пятница. А в каждую субботу я ездил домой, к семье в Ленинград, собиравшись и на этот раз (я же не видел своих почти месяц!).

Но уже в пятницу, во второй половине дня меня вызвали из гостиницы, где я жил в Звездном городке уже третий год (квартиры дали всем, кроме меня) в ненавистный мне политотдел, где Копылович сообщил, что я уволен из рядов Вооруженных сил! Мотив? Никакого мотива! Необычная ситуация: мой бортинженер получает правительственную награду за

проведение сложнейших испытаний, а я - приказ об увольнении без всяких мотивов.

Вот такими были у нас "политработники". Всякие там "Копыловичи-Крышкевичи"! Вы думаете, что им нужен был наш труд? Да ничего подобного! Их кредо было: жирно и удобно жить! И плевать на нормальных людей - тружеников. Способствовать этому Ветер не мог, работая инженером-испытателем пилотируемых космических комплексов в ЦПК имени Юрия Гагарина.

Это было мое уже второе увольнение. Оно было отменено по звонку генерального конструктора в ЦК КПСС. Первое увольнение отменил Главком ВВС по требованию генерала И.П.Каманина.

Я продолжал работать назло своим политврагам.

Вот только, сколько мне еще терпеть "проделки" этих политизвращенцев? Доколе???

ГЕНЕРАЛЬСКИЙ МИРАЖ

На третьем этаже учебного корпуса, что возвышается своими светлыми стенами на технической территории ЦПК имени Юрия Гагарина, находилась наша специальная лаборатория по хранению, подготовке и эксплуатации космических скафандров различного назначения: спасательных, монтажных, а также и лунных для работы на поверхности нашего естественного спутника. Заведовал всей этой космической сокровищницей майор Виктор Воронов, добрейший человек.

В перерывах между испытаниями и тренировками экипажей космических кораблей мы частенько собирались в "хозяйстве" Воронова, обсуждая всяческие жизненные моменты по многочисленным вопросам и проблемам Звездного городка. Обсуждались и наши испытатели, их возможности и перспективы.

Однажды к Воронову забрел старший лейтенант Федор Ганжула, полугрек по национальности, обычно тихий и незаметный человек. Он попал в самую гущу обсуждения нами возможностей пребывания землян на поверхности нашей космической соседки-близнеца Венеры. Исключительно сложные условия для жизни, высокие температуры и давление требовали создания совершенно иных скафандров по сравнению с имеющимися для исследования нашей загадочной соседки.

Несколько неожиданно в нашем присутствии прозвучало желание Ганжулы побывать на Венере:

- А что? Я бы с удовольствием слетал бы туда!

Нас удивило то, что эти слова произнес человек, носящий летом с собой зонтик на случай дождика, а в зимнюю оттепель - меховые перчатки!

- Но для этого у космонавта должна отсутствовать клаустрофобия, - подал голос Воронов. - Ты, Федор, хоть разок-то облачался в "космическую шкуру"?

- Подумаешь - великое дело! На это даже мальчишка-пионер способен!
- А ты попробуй, проверь себя, если хочешь, может, и правда, слетаешь к какой-нибудь симпатичной венерянке.

- Да нет проблем! Давай!

Мы притихли, наблюдая, как Воронов со своим помощником облачает Ганжулу в “Орлан”, скафандр для выхода в космическое пространство. Кандидат для полета на Венеру с трудом втискивается в свободный объем “Орлана”. Подан воздух, закрывается наспинная крышка-ранец: скафандр загерметизирован! По радиосвязи Федору предлагается пройти несколько шагов по лаборатории к вестибулярному комплексу. И вдруг!

Вдруг раздается страшный вопль! Бывший на связи с Ганжулой Воронов буквально глохнет от этого крика Ганжулы, словно в его наушниках рвется граната... Да и мы, находясь даже в нескольких метрах от “венерянина”, невольно вскакиваем и бежим к Федору:

- А-а-а-а! - Орет “скафандр”. - Открой! Открой! Скорее!

В остеклении шлема я вижу белое, как мел, лицо Ганжулы, который начинает валиться на правый бок, теряя сознание...

В считанные секунды наш “венерянин” был извлечен из скафандра и уложен на полу. Ему сунули под нос флакон с нашатырным спиртом, а кто-то уже массажировал лежащему грудь и виски:

- Федя! Ну, открой глазки-то! Все! Прилетели!

Он открывает глаза, обводит нас взглядом. Кровь постепенно приливает к его щекам, и мы слышим:

- Ну вас к... с вашей Венерой...

Налицо было проявление типичной боязни человеком тесного, жестко ограниченного пространства - клаустрофобии. Мы провожаем “космонавта” клифту, где он, покачиваясь, все-таки правильно нажимает кнопку нужного ему этажа...

Мы вернулись на свои места. Некоторое время сидим молча. За окном тихо падает снег. Проходит несколько минут...

Сидящий у окна Вадим Потемкин произносит без всякого осуждения с сочувствием:

- Слабак, Федька. Хвастун. Но, мужики, я бы, пожалуй, мог бы пробежаться в “Кречете” вокруг нашего корпуса! И ничего бы не произошло. Что? Не верите?

Виктор Воронов лишь крякнул:

- И ты туда же! Хотя... ставлю бутылку, если сделаешь этот кружок! Ну?

В один миг глаза Потемкина озаряются блеском заинтересованности:

- Одевай!

“Кречет” - одежда серьезная, предназначена для работы на поверхности Луны. Скафандр тяжеленный! Почти полтора центнера! Кое-кто

поосторожней пытается отговорить Вадима от рискованной затеи, но тот - ни в какую! Ко всему и Воронов не отказывается от своей награды за этакий "подвиг".

"Закладываем" Вадима в "Кречет", включаем автономную подачу кислорода, осторожно выводим его к лифту. Трое сопровождают "скафандр" к выходу из здания. Я - четвертый, обеспечиваю контроль обстановки вокруг корпуса. Пока все тихо, можно давать "старт".

...Вадим резво пробегает первую четверть "дистанции" и, делая свой первый левый поворот, нос к носу сталкивается с начальником Центра подготовки космонавтов генералом Н.Ф.Кузнецовым, большим занудой и бюрократом.

Видя бегущий ему навстречу лунный скафандр, генерал спотыкается и роняет свой "дипломат":

- Э-э-э-э!

Но Потемкин - тертый калач! Он не теряется от такого "сюрприза", продолжает свой бег, оставляя на снегу четкие ребристые космические следы подошв.

После четвертого поворота мы буквально на руках втаскиваем Вадима в нашу дверь, за считанные секунды влетаем вместе с ним в лабораторию Воронова:

- Витя! Кузнецов! Быстро! Снять скафандр!

Через две минуты на полу не остается никаких следов, а струя горячего воздуха за секунды высушивает оболочку скафандра от растаявшего на ней снега. Как будто ничего здесь не произошло, никто никуда не выходил, тем более в скафандре.

Мы с Вадимом спокойно выходим из лаборатории и, минуя лифт, тихонько спускаемся по лестнице к выходу из здания. Но выйти нам не удается: нам преграждает дорогу группа офицеров штаба во главе с генералом Кузнецовым, а перед ними на снегу явственно прослеживается прямо-таки готическая вязь рисунка от подошв лунного скафандра.

- Ветер, подойдите ко мне! - это Кузнецов.

Подхожу. Представляюсь, как положено.

- Это ваших рук дело? - Он показывает мне на следы.

- Дело? - Прикидываюсь я ничего не понимающим. - Какое?

- Я своими глазами, вот этими, - генерал трогает рукой свои очи, - видел человека, бегущего в лунном скафандре!

- В "Кречете"? - высказываю я сомнение. - Вам это могло показаться, товарищ генерал...

- Скажите, капитан, я похож на идиота?

- А может, это янки? - нерешительно роняет Потемкин.

- Янки? Выговор вам и вам! Выговор! Это все ваши штучки! Офицеры! Выговор! С занесением.

...За генералом, пряча улыбки, уходят и его штабисты.

«ТРИАТЛОН»

Мерзость - Преступление - Справедливость.

Я в полной мере в течение месяца испытал на себе воздействие этого психологического триатлона.

Не прошло и месяца после хвалебной “арии” в мой адрес, исполненной генералом Кузнецовым на аэродроме Чкаловский перед полетом на кратковременную невесомость, как тот же самый генерал назначает меня начальником новогоднего караула с 31 декабря 1968 г. на 1 января 1969 г.:

- Вы назначены в этот почетный наряд, почетный для каждого офицера ЦПК, за отличную работу и службу! Гордитесь этим!

И в присутствии своего начальника штаба полковника Масленникова и коменданта гарнизона майора Астафурова начальник ЦПК жмет мне руку...

Кто мог тогда предположить, что это “рукопожатие” окажется Иудиным.

Дело в том, что ровно за день до этого, 30 декабря, этот генерал, по требованию начальника политотдела ЦПК Крышкевича и его заместителя Копыловича, уже подписал приказ о моем увольнении из ЦПК! Мотив? Без мотива. Просто на меня затаили зло Крышкевич с Копыловичем за мои резкие высказывания в их адрес в вопросе об их возможной расправе над одним старлеем (Ганжула).

И дрогнул генерал перед политотделом, и совершил подлость с их подачи, подписав одной рукой мое увольнение, а другой - поздравляя с хорошей моей службой... Поддался на уговоры мерзавцев Герой Советского Союза Николай Федорович Кузнецов... Предал своего офицера...

...Караул нес свою службу выше всяких похвал: весь личный состав его получил благодарности от нескольких проверяющих. Обстановка в караульном помещении и на постах внушала полное доверие ко всему личному составу караула.

В полночь все мы поздравили друг друга с Новым 1969 годом, а с бодрствующими караульными мы даже позволили себе разыграть короткую новогоднюю сценку под названием “Гипноз”.

...Напротив друг друга ставятся два стула. На одном занимает место “гипнотизер”, на другом - испытуемый, который должен повторять все движения “гипнотизера”, т. е. меня. Сидя на своем стуле, я развожу руки в стороны и медленно поднимаюсь со стула. То же самое делает и сидящий напротив меня караульный. Я повторяю движение, визави - тоже. Поднимаюсь со стула в третий раз и медленно сажусь, но в эту секунду мой “ассистент” убирает стул из-под моего испытуемого, и тот совершенно неожиданно для себя валится на пол под смех присутствующих! Сидит мой “испытатель” на полу и лишь глазами вращает, стараясь осознать, почему он оказался на полу...

3 января 1969 г. 8.51. Едва я появился в служебной аудитории №3, что находится в старом штабе, где Виктор Скачков уже собирался начать служебное совещание, как совершенно неожиданно к нам вошел первый заместитель начальника Центра подготовки космонавтов дважды Герой Советского Союза генерал Береговой. Мы поднимаемся с мест, Георгий Тимофеевич, здороваясь, просит всех оставить его с Ветром наедине, приказывая Скачкову побыть у входа и никого не впускать в нашу аудиторию.

Мы остаемся вдвоем. Генерал садится и разрешает сесть мне, минуту рассматривает меня, хотя и знает хорошо по тренировкам на комплексном тренажере космического корабля “Союз”. Начало разговора несколько необычно:

- Чем ты “не удружил” нашему политотделу?

Коротко пересказываю “историю” с Федором Ганжулой, за которого год назад заступился перед Копыловичем.

- А что с прыжком со скалы на Кавказе? Что было с парашютом? Для чего это было? Цель?

Говорю, что могу дать ему для просмотра 20 секундную кинозапись этого прыжка, упомянув, что на Западе спецслужбы уже несколько лет отрабатывают такое десантирование для заброски своих людей через границу в горных районах, и там это считается нормой, а не сумасшествием, как у нас.

- Сколько у тебя сейчас всего прыжков?

- 710. Большинство из них - с большими задержками и акробатикой.

- Я отозвал приказ о твоём увольнении и доложил об этой истории Каманину. Он скоро тебя вызовет со Скачковым и Филекиным (главный инженер ЦПК). Говори там все, как было на самом деле. Я знаю, что Скачкова они тоже запугивали... Да. Пленку с твоим прыжком со скальной стены принеси мне сегодня после обеда. Чем тебя там снимали?

- Чешской “Адмирой-16”.

Генерал поднимается и уже у двери, повернувшись ко мне, говорит:

- Работай на здоровье!

- Спасибо за все. - Только и успеваю я ответить уходящему дважды Герою Советского Союза.

Продолжаем работу на летающей лаборатории ЯЛТУ-104. Проходят полеты на лунную гравитацию. Спустя некоторое время полковника Филекина, майора Скачкова и меня вызывают на Пироговскую, 23 к помощнику Главкома ВВС по подготовке космонавтов генерал-полковнику Каманину.

Скачков и я ожидаем приема в “предбаннике” кабинета Каманина. Филекин уже там. Виктор Скачков нервно прохаживается перед столом дежурного офицера подполковника Дробана, который даже предлагает Виктору успокоиться.

И тут я слышу просто удивительный монолог своего начальника:

- Ты знаешь, ОНИ в политотделе приказывали мне 5 раз переписывать твою характеристику! 5 раз! Копылович приказал выбросить из твоей характеристики

Академик С.П.Королев и лётчик-космонавт СССР Ю.А.Гагарин

Дарственная надпись «отца» космонавтов
Н.Каманина: Константину Ветер. Я верю, что Вам
еще удастся побородить просторы Вселенной»

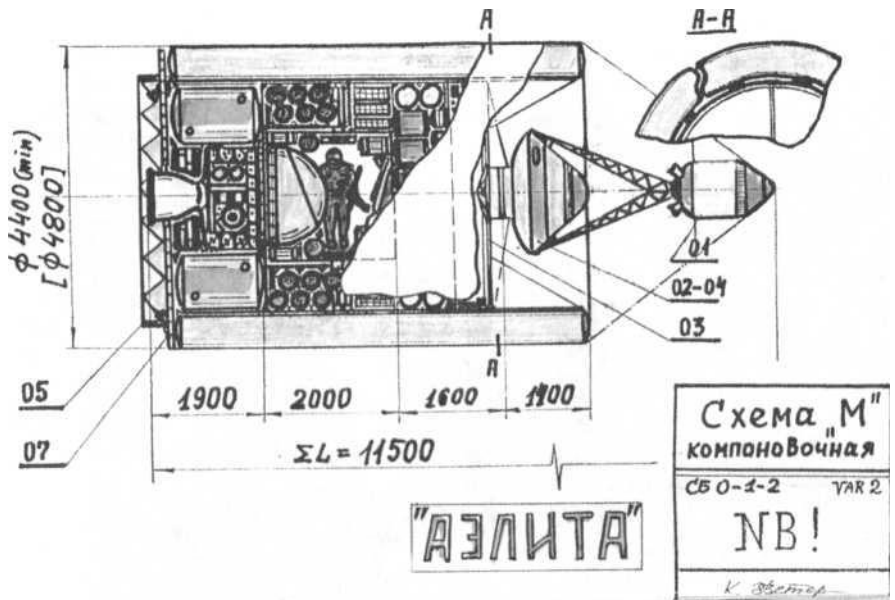
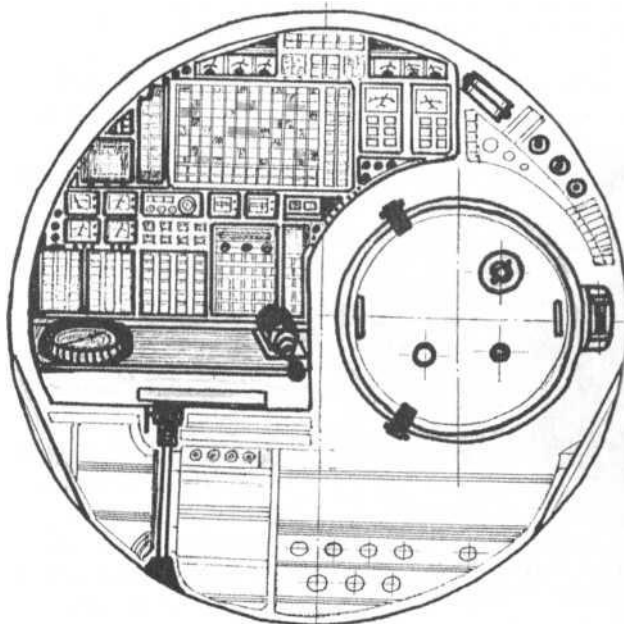
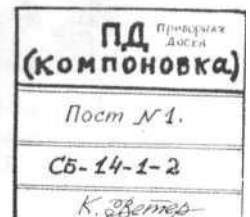

Схема «Аэлиты»

Пост №1 «Аэлиты»

Дом в городе Щигры, где родился К.Ветер

К рассказу «Шестьдесят семь»

К рассказу
«Однажды в два часа ночи»

На месте гибели Ю.Гагарина и В.Серёгина. Слева-направо (стоят) Ю.Белужин, Л.Мокрушин, Б.Бурдин, В.Шеметов, В.Забрусов, К.Ветер, В.Бондаренко... 27 марта 1968 года

Памятная гранитная плита на месте падения самолёта УТИ-МИГ-15
Ю.Гагарина и В.Серёгина

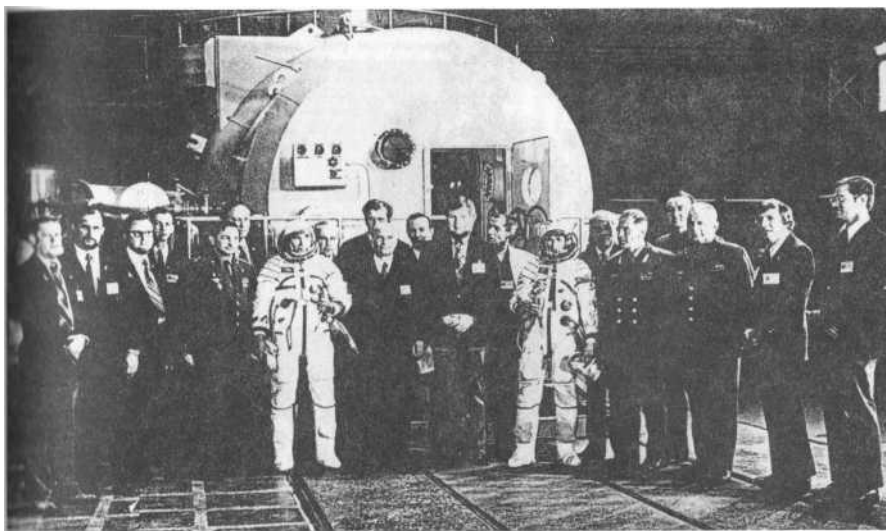
Экипаж орбитального комплекса «Салют»-«Союз»: (слева-направо) К.Ветер - командир, А.Кустов - бортинженер, В.Солдаткин - инженер-исследователь. Наземные испытания по программе полёта

ИВА-1 -индивидуальный возвращаемый орбитальный аппарат для спасения космонавтов при авариях на орбите. Конструктор К.Ветер

Комплексные барокамерные испытания связи «Аполлон»-«Союз»

К Ветер, В.Солдаткин после завершения восьмисуточного земного «полёта» по программе ЭПАС. Академик К.А.Бушуев - руководитель программы, астронавты и специалисты НАСА

Александр Придорогин после своего первого прыжка с парашютом. Врач Александр Прусский устраняет ему лёгкую «челюстно-подбородковую» травму. К рассказу «Назвался груздем...»

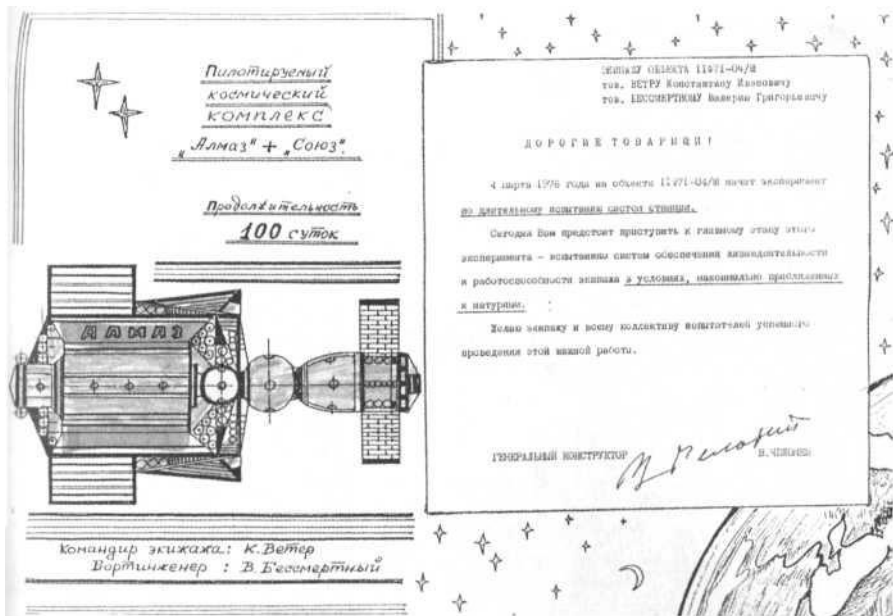
Так отмечают 1000 прыжок

Константин Ветер после 1000 прыжка

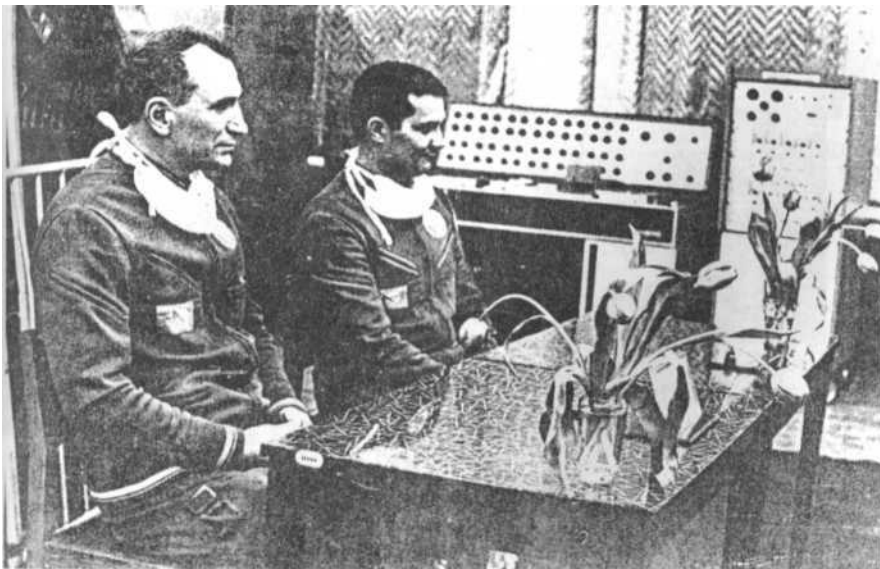

К.Ветер, В.Крылов, Г.Колесников, Г.Микулин, В.Строганов. Высота 4000 метров. Фигура - «Звезда». Задержка раскрытия парашюта 60 секунд

Пилотируемый космический комплекс «Алмаз»+ «Союз»

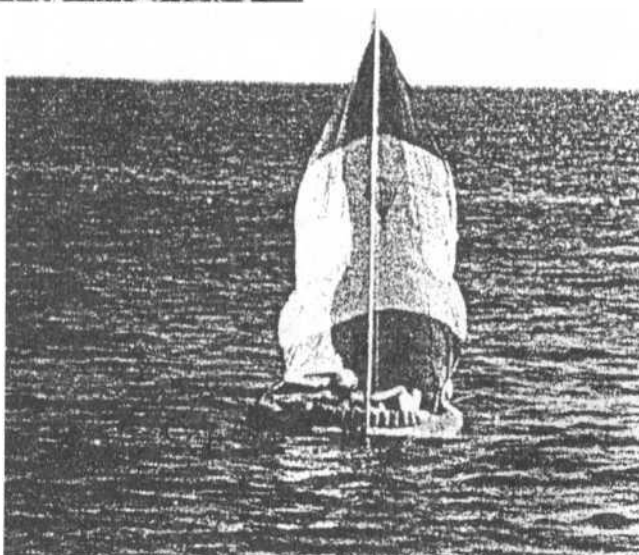
••

К. Ветер - командир, В. Бессмертный - бортинженер. Космическая военная орбитальная станция «Алмаз». Наземные комплексные испытания по программе полёта. Продолжительность - 100 суток

Виталий Жолобов - бортиженер ОПС «Алмаз» после полёта. Командир «Алмаза» в наземных комплексных испытаниях Константин Ветер

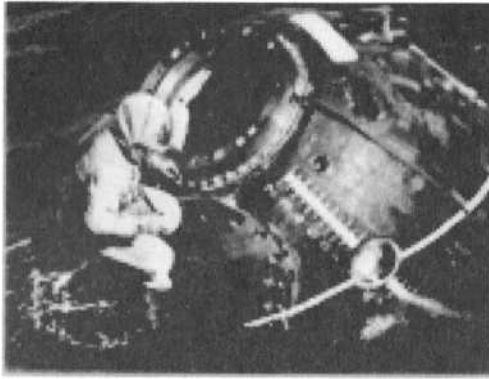
Испытания (проводят К.Ветер, А.Сухов, А.Краснов) портативного парусного спасательного трёхместного средства для НАЗа КК «Союз». Аральское море

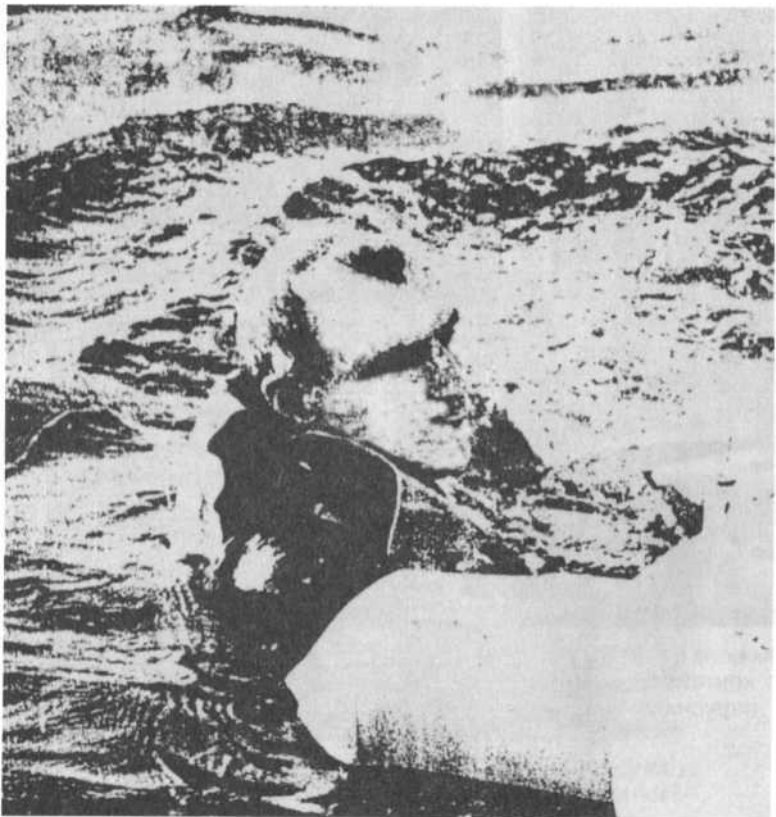
Перед прыжком с высоты 3000 метров с контейнером мини-парусника

Д.Дедков, А.Сухов, К.Ветер. 1979 г. Аральское море. Перед прыжком с высоты 3000 метров с задержкой раскрытия парашюта 50 секунд

Покидание СА КК «Союз» на морской акватории

К.Ветер на испытаниях

К. Ветер перед
экспериментальным парашютным
прыжком. Высота -4 000 метров

Прыжок «пирамида» с приземлением на стадион. Высота 3000 метров.
К. Ветер в центре

Любка. Автор послания Русскому Царю

Оля. После зачисления в МГИМО

Чёрное море. Одиночный переход на «Таис»
по маршруту Одесса-Сухуми-Очаков

К.Ветер, М.Данилов. Гидролаборатория. Перед работой (на глубине 12 метров)
по сборке космических конструкций в гидроневесомости

Юзов Николай Иванович

Лена Мороз (Мирей)

Яхт-клуб Звёздного городка. Первенство 1989 года среди девочек

все многое положительное о твоей работе. И о тебе. Приказал ни в коем случае не подписывать твой рапорт с просьбой о предоставлении тебе жилплощади в Звездном городке! 5 раз! Иначе, намекал Копылович, и у меня может перемениться место службы...

Дробан поднимает голову от разложенных на столе дежурного документов и тихо-тихо произносит:

- Скачков. У тебя есть только один вариант исправить свою вину перед этим человеком, - он кивает в мою сторону, - всё как есть рассказать генералу Каманину... Всё как есть.

Наконец, нас приглашают в генеральский кабинет. За столом рядом с Николаем Петровичем Каманиным сидит его первый заместитель Герой Советского Союза генерал Горегляд. Мы садимся рядом с Филекиным.

Оба генерала внимательно выслушивают Скачкова о Ветре. О политотделе ЦПК. О Копыловиче.

Заключительное слово Николая Петровича обнадеживает:

- Идите, работайте. И никого не бойтесь. Никого! Помните: главное - это наша работа!

Пройдет 20 лет. Я вспомню об этой встрече в связи с еще одним, таким же подлым предательством, совершенным также бывшими работниками политотдела ЦПК, ставшими к тому времени руководителями столь дорогого мне "учреждения" - Центра подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина.

У этой нелюди имеется лишь одно "кредо" - предавать! Предавать всех: от Великой страны до ее беззаветных трудяг и своих соратников.

ПОЛЁТЫ 20+50

После участия в 20 суточных комплексных испытаниях космического корабля "Союз" по программе планируемого полета Николаева и Севастьянова я еле добрался до Ленинградского вокзала, чтобы съездить домой в Ленинград проверить свою семью. Ноги не слушались, и все время приходилось держаться за стенки вагонного тамбура. Я не оговорился. Дело в том, что билетов на скорый поезд №9 Москва-Ленинград не было, и мне пришлось действовать по проверенному сто раз варианту:ходишь в вагон, даешь проводнице "стоимость билета" и - счастливого пути в Питер! Правда, без удобств, в тамбуре. В течение трех лет я так натренировался в таких поездках, что свободно выстаивал все б часов следования до северной столицы.

Дело в том, что политотдельцы ЦПК непрерывно бойкотировали не только мою работу испытателя космических комплексов, но даже предоставление мне и моей семье хотя бы какого жилого помещения: ведь я уже несколько лет ездил домой каждое воскресенье, чтобы в понедельник утром быть уже на построении личного состава. О каких-либо поощрениях не могло быть и речи; даже доходило до курьезов: мои бортинженеры

из КБ представлялись своим руководством ко всевозможным поощрениям, в том числе и к правительственным наградам, а работу их командира из Звездного городка... не замечали...

Но на этот раз руководство нашим “полетом” добилось того, чтобы мое командование предоставило мне хотя бы трое суток после этих совсем непростых испытаний, и я сразу же после полетного обследования, длившегося 6 часов, попросил, чтобы меня “доставили” на Ленинградский вокзал, что и было выполнено врачом ИМБП Володей Царевым.

Был март. До прибытия поезда в Калинин (теперь - Тверь) я порядком притомился в тамбуре, возникало даже желание посидеть некоторое время на полу. Вид у меня был, вероятно, не ахти, - полумученика, поэтому проводница Валя, выглянув в тамбур, предложила все-таки мне пройти в ее “сидячий” вагон, поскольку один из пассажиров готовился сойти в Калинин.

Не успел я занять это единственное свободное место, как один солдатик попросил меня поменяться местами, дабы сидеть рядышком со своей сестрой. Не прошло и 10 минут, как женщина обратилась с просьбой пересесть на ее место, т. к. я, оказывается, уселся рядом с ее мужем. И пошло, и поехало! По моей доброй воле меня “перегоняли” с места на место еще 7 раз! Хорошо хоть у меня не было никаких вещей.

Когда поезд миновал Бологое, ко мне подошла пожилая благообразного вида дама (надо же: она оказалась актрисой театра Комиссаржевской!) и неожиданно выразила симпатию за все мои “мужественные” пересадки в вагоне, отмечая мое недюжинное терпение. Э! Уважаемая! Знала бы ты, как я катаюсь еженедельно и откуда я сейчас еду! А твое удивление для меня - сущие пустяки...

Я дома! Какое же это счастье видеть дорогих тебе людей! И буду я с ними целых три дня!

Нашей Олюхе восемь лет. Первоклассница. Ее первые слова при встрече:

- Пап! Не уезжай больше! Будь с нами!

Эх! Дали бы мне в Звездном хотя бы комнату! Ведь все приехавшие со мной еще три года назад получили квартиры. Все до одного человека!.. А я, вот, мотаюсь. Один остался в гостинице.

- Я же буду с вами, с тобой целых три дня!

Но мое оптимистичное заявление не наполнило печальные глаза радостью.

Ходим в кино. В зоопарк. На второй день вечером к нам должен был прийти мой дядюшка, Георгий Георгиевич Смелъницкий, герой Отечественной войны, полковник, к. т. н., старший преподаватель Бронетанковой академии.

И мы с Олькой решили его разыграть. Говорю дочке:

- Оль! Если дедушка спросит тебя: “Что такое логарифм?”, отвечай ему без запинки: “Это показатель степени!” Поняла? Повтори...

Ответ этот был дочкой заучен наизусть.

Приходит к нам ученый военный муж. После чаепития говорю дядюшке:

- Ты знаешь, у Ольки обнаружили исключительные математические способности: уже в первом классе она во всю “щелкает” логарифмы!

- Как логарифмы? В первом классе?

- А ты спроси у нее хотя бы определение логарифма!

Дядюшка подзывает Ольку:

-Оль! Скажи-ка мне, что такое логарифм?

- Ну, дед, ты даешь? Не знаешь простых вещей! Разъясняю: логарифм - это показатель степени!

У военного кандидата технических наук лицо принимает дебильное выражение. Он крутит головой и затем, уже окончательно обескураженный, по инерции спрашивает:

- Ну, а что такое степень?

Этой премудрости моя дочка просто не знала, что сразу же проявилось в ее ответе:

- Степень? Это... стипендия!

...Недаром говорят, что расставание - маленькая смерть. Трудно не согласиться с этим...

Через трое суток я был уже в Звездном городке. Несколько окрепшим, не таким, каким вышел из КК “Союз”. О быстром восстановлении моей физической формы свидетельствует такой факт.

Прихожу в спортзал. Космонавты, инженеры и прочие трудящиеся занимаются штангой. Вес небольшой - всего-то 60 килограммов. Говорю:

- Детский вес! Его надо поднимать одной рукой, а не двумя!

Преподаватель, мастер спорта Андрей Корнев сомневается:

- Спорим на мешок овса, что одной рукой ты эту штангу не поднимешь?

Поспорили. Ребята подошли, спор подогревают.

...Проспорил Андрей овес-то!

Когда встречаемся, спрашиваю его:

- Где мой овес? Чтобы к концу дня притащил мешок в гостиницу, понял?

Корнев лишь глазами ворочает: где же столько овса раздобыть?

Не прошло и месяца, а меня вновь “запрягают” командиром экипажа на 50-ти суточные комплексные испытания орбитальной связки “Салют” - “Союз”. Бортинженером назначен Алик Кустов, а инженером- исследователем - Виктор Солдаткин. Оба из КБ С.П.Королева.

Сдаем экзамены и зачеты по всем разделам управления орбитальным комплексом. Проходим все медицинские комиссии. Председатель ВЛК хорошо знает меня:

- Ты же только “летал” 20 суток на “Союзе”? Отдохнул бы!

- Ничего, “отдохну” на орбитальном комплексе... там просторнее, чем в “Союзе”.

- Не удастся, дружок, отдохнуть там: все 50 суток вы идете с... перевернутым режимом?

- "Повезло", же! Это значит, что все ночи будут для нас днями! А дни - ночами! Словом, жить мы будем во времени вверх тормашками! Мои ребята, узнав о таком варианте, приуныли немного...

Последние "предполетные" приготовления, последние напутствия, и мы занимаем свои места в спускаемом аппарате КК "Союз".

- Старт. Поехали!

...Летит в иллюминаторе голубая планета Земля. С управлением системами орбитального комплекса "Салют" - "Союз" проблем нет. Но уже через неделю стала на нас наваливаться непонятная усталость. Трудно происходит "переключение" с ночи на день: ночью мы буквально засыпаем перед всякого рода приборными досками, командно-сигнальными полями (КСП) и другими многочисленными приборами. Ночью-то нормальные люди спят, а не работают. Мы же делаем все наоборот.

После 25-х суток "полета" заметен рост раздражительности у членов экипажа, хотя психологическая совместимость у нас хорошая. Несколько развлекает факт явной взаимной заинтересованности нашего инженера-испытателя Виктора Солдаткина и юной медсестры в одной из дежурных бригад. Несмотря на запрет, они ухитряются вести переговоры по специальному каналу орбитальной радиосвязи. Тут путается день с ночью, а у них, оказывается, любовь...

На протяжении всего "полета" все системы блока "Салют" - "Союз" работали безотказно, что очень облегчило нашу участь в этом "полете".

Пятидесятые сутки. Мы получаем разрешение на спуск с орбиты и возвращение на Землю. Переходим в СА КК "Союз". Еще два часа и мы - дома.

После трехдневного "послеполетного" обследования весь экипаж отпускают по домам.

...В гостинице Звездного городка я один. Очень хочется спать! Спать? Но мне ведь надо успеть в Ленинград, чтобы увидеть всех своих и Ольку!

И я, несмотря ни на что, добираюсь до Ленинградского вокзала. И вагонного тамбура...

А ведь через два дня наступит понедельник, и мне надо быть на построении...

КТО?

На комплексном тренажере "Союз" проводились многочисленные и многочасовые тренировки экипажей к предстоящим первым полетам на орбитальных комплексах "Салют" - "Союз". Сама пилотируемая станция уже была в орбитальном полете и ждала посещения сынами человеческими.

В период между тренировками, в непродолжительные минуты отдыха экипаж и личный состав тренажеров любили проводить в находящемся

здесь же, на первом этаже корпуса “Д” небольшом, но крайне уютном планетарии. Необычайная тишина подзвездным куполом и непрерывная работа кондиционера делали это место весьма привлекательным для такого рода отдыха.

Хозяином планетария был Виктор Беляков, человек исключительно доброжелательный, человек, от которого никто никогда не слышал не только грубого, но даже громкого слова. Беляков словно был создан для подобной работы в тишине, под суточным бегом созвездий.

Мы с Виктором сидели в пустом планетарии, рассуждая о тайнах нашего бытия, и я поведал ему о своей первой встрече с НЛО, происшедшей в 1963 году в Белоруссии, где мне пришлось работать после окончания Ленинградского военно-механического института в филиале КБ академика Янгеля. В свою очередь, Виктор тоже поведал мне об одном весьма таинственном явлении, свидетелем которого он был и о котором не любил особо распространяться...

В это время открылась дверь, и в планетарий вошел Георгий Добровольский, проходивший серию тренировок на функциональном стыковочном тренажере “Волга”, который находился рядом с планетарием.

Некоторое время Георгий сидел молча, закрыв глаза. Мы с Беляковым тоже замолчали. Тишина планетария расслабляла и успокаивала. Неожиданно Добровольский поднялся со своего кресла и подсел к нам, задав мне необычный вопрос:

- Как прошла твоя лунная экспедиция? Ведь и Борман, и Армстронг были необычайно удивлены реализацией русскими лунной программы, полностью реализованной, хотя и в условиях моделирования.

- “Полет” был очень интересным. С тремя коррекциями траектории и “облетом” Луны. 12 суток, а затем было реальное приводнение на морскую акваторию, где мы откачались на шторме еще 13 часов...

- Хорошо. А что у тебя с Копыловичем? Неужели он дважды увольнял тебя? Это за всю твою работу здесь?

- Он готовится сделать это и в третий раз.

- Он известная... Дай Бог, чтобы у меня все состоялось с полетом. Там (он показал рукой наверх) есть вариант с моим назначением... после полета. В обиду мы тебя не дадим...

- Спасибо. Дай Бог тебе, Георгий, прочно стать на орбитальную стезю.

- Гагарин, знаешь, говорил о тебе много хорошего... И об “Аэлите” у С.П. Королева и М.В. Кельдыша.

Беляков тактично оставляет нас вдвоем.

- Слетаю - ни одна сволочь тебя не тронет.

- Спасибо тебе, человек...

Добровольский встает и, прикоснувшись к моей руке, говорит:

- Надо идти. “Волга” ждет. У меня еще три стыковки. Пока. Удачи.

Это “пока” его вспомнилось мне потом, когда экипаж Георгия, пробыв в орбитальном полете 24 суток, уже возвращался домой, на Землю,

но не вернулся. Точнее, вернулся мертвым. Погибли все трое: командир экипажа Добровольский, бортинженер Волков и инженер-исследователь Пацаев. И вот тут-то, через огромное горе, через такую невосполнимую потерю вдруг проступает нечто, делающее причину этой трагедии прозрачной, совершенно не совпадающей с официальной версией гибели этого замечательного экипажа (халатность). И пусть завоят мои недоброжелатели, защищая примитивную причину этих трех смертей, но я никогда не откажусь от своей точки зрения в вопросе этой катастрофы.

Итак, первым экипажем на этот первый продолжительный полет на орбитальном комплексе "Салют" - "Союз" готовился экипаж в составе: Леонов (КК), Кубасов (БИ) и Колодин (ИИ). Их дублиеры также прошли полный объем подготовки для участия в работе на этом же комплексе. Экипаж Добровольского был третьим, по существу, "полуэкипажем", наименее подготовленным из всех трех. Но дело не в этом, ибо экипаж Добровольского достойно справился с программой своего полета. А дело в том, почему вдруг сразу, за очень короткое время были сняты с программы полета два основных экипажа? Сначала основной экипаж, а затем и дублирующий экипаж? В первом случае аргументом была, якобы, болезнь Кубасова, а во втором - вообще было лишь какое-то невнятное бормотанье относительно причин отстранения его от полета.

Так в чем же была истинная причина отстранения основного и дублирующего экипажей, да еще за такой короткий срок?

Я выскажу свое видение причин этой трагедии. Уж слишком много "случайностей" лежит на поверхности столь печального события.

Экипаж космического корабля "Союз" этой экспедиции был с самого начала обречен! Где, когда и КЕМ - я не знаю. Но все было именно так!

Скорее всего, через своих родных основной был уведомлен о возможных трагических последствиях полета и Кубасову пришлось "заболеть", чтобы отказ от полета основного экипажа без видимых на то причин не показался подозрительным. Вполне вероятно, что та же самая "информация" оказалась доступной и для дублирующего экипажа, что привело и его к снятию с полета. Эти два явления, происшедшие сразу с двумя основными экипажами, совершенно невероятны и явно иррациональны, что подтверждается замещением их места недостаточно подготовленным экипажем Добровольского - экипажем смертников.

Что же произошло с экипажем в космосе после отлично выполненной программы полета?

А вот что. "Союз" сходит с орбиты. На нисходящей ветви траектории происходит разделение СА и БО, и в это самое мгновение обнаруживается, что дыхательные отверстия на обресе люка СА-БО не имеют "крышек", герметизирующих объем СА после разделения. И через два дыхательных отверстия весь воздух уходит из СА в космос за... 40 секунд!

Трое обреченных на смерть космонавтов, находящихся в СА без скафандров, в последние секунды предпринимают невероятные усилия для

установления и ликвидации места и причин скоротечной разгерметизации СА. Они обрывают даже часть интерьерной ткани, обнажая металлическую оболочку корпуса, но безуспешно. Никто из экипажа не мог даже заподозрить, что катастрофически скоротечная разгерметизация их модуля произойдет через штатные загерметизированные дыхательные отверстия СА.

...40 секунд и - вся жизнь!

Почему не был установлен истинный виновник этой трагедии? Это же нетрудно сделать при анализе сборки КЭ в МИКе или на фирме.

Где, когда, кто не закрыл дыхательные отверстия СА? И обрек тем самым на гибель трех наших ребят...

Кто дал “приказ” на эту акцию?

Кто предупредил основной и дублирующий экипажи о неизбежности трагедии?

Почему никого из основного и дублирующего экипажей не насторожило их неожиданное отстранение от полета?

Почему никто из основного и дублирующего экипажей ни единым словом не обмолвился о возможном подозрении на трагический исход этой экспедиции?

Но главный вопрос один: Кто стоял за всем этим преступлением? Кто?

БИБЛЕЙСКИЙ МЕШОК

На день рождения очень хорошего человека приглашен я был самим юбиляром, на его просторную подмосковную дачу.

Вообще-то я никогда не отмечал свой день рождения, считая все это чистойшей чепухой: подумаешь, появился человек на свет белый и осчастливил этим весь мир, что ли? Нет связи между твоим рождением и масштабом пользы, которую ты можешь принести в будущем людям, а может от тебя один вред будет? А туда же - отмечать свою “дату”! И привыкли мы к этому придуманному нами же празднику настолько сильно, что начинаем поздравлять чуть ли не сто раз в году всех своих родных, близких, а порой просто знакомых, а то и совсем чужих людей!

На этот раз случай был особый, и отказываться мне было просто неприлично, ибо приглашение было от генерала, заместителя командующего, и, отказавшись, я был бы неправильно понятым. К тому же я был многим обязан этому человеку.

До дачи юбиляра я добирался электричкой, автобусом и пешим ходом добрых пару часов. Надо мной простиралась синева неба без единого облачка. По сторонам лесной дороги, ведущей к дачным участкам, теснились, словно в танце, сосны с березками и елями, порой уступая место зарослям калины и орешника. Природа умиротворяла, было тихо и спокойно вокруг, и постепенно мое нежелание тащиться из дома куда-то сменилось любопытством, с которым я рассматривал попадавшиеся на

пути дачные особняки, глазевшие на меня из-за заборов своими многочисленными рядами окон.

У ворот генеральской дачи стоял человек в штатском, он внимательно рассматривал подходивших к дому гостей, вежливо при этом здороваясь.

Подойдя к дому, я уселся на длинную деревянную скамью, просидел некоторое время с закрытыми глазами, дав тем самым себе возможность перевести дух перед основными событиями вечера. Подобным образом поступали и некоторые из приглашенных, рассаживаясь на стоящих во дворе качалках, табуретах, а то и просто на бревнах, аккуратно сложенных у забора.

Через какое-то небольшое время все мы были приглашены в дом, в одной из огромных комнат которого находился длинный стол, уставленный такими яствами, которые я мог видеть лишь в фильмах о царских или вельможных особах.

Гости резво и напористо рассаживались, оживленно обсуждая перспективы приобщения ко всей этой сказочной гастрономической прелести. Слева от входной двери стоял большой круглый стол, на котором громоздилось огромное количество свертков, коробок, сумок и прочей тары, куда были заключены всевозможные подарки юбиляру, к которым и я добавил свой сувенир с острова Пасхи.

За столом я оказался рядом с человеком, ухитрившимся в единственном числе появиться здесь, на дне рождения, в военной форме. Это был генерал-лейтенант из Главного политического управления Министерства обороны, один из заместителей Епишева. Он был грузен, обладал двумя солидными подбородками и был явно равнодушен к алкоголю.

...Все, как в таких случаях, шло своим чередом. Поднимались здравицы и тосты в честь юбиляра, сыпались бесконечные поздравления и добрые слова в его адрес.

“Мой” генерал-сосед, выпив, не закусывая, аж два стакана “Столичной”, сидел совершенно трезвеньким. Он по-прежнему был доброжелателен к соседям по столу, пытаюсь даже по-своему флиртовать с сидящей напротив девицей. Не обошел он вниманием и меня, поинтересовавшись, почему я ничего не пью, а только чрезмерно много потребляю красной и, особенно, черной икры...

Шло время. После четырех выпитых политработником-генералом стаканов водки в его башке что-то заклинило, и он настойчиво вдруг потребовал, чтобы я хоть один раз подкрепил всех “выступающих” хотя бы глотком горячительного напитка. Естественно, я отказался. Политработник явно обозлился:

- Но почему ты так поступаешь неуважительно?
- Я язвенник.
- Я-з-в-е-н-н-и-к-и-к? И-и-давно?
- С детского сада.

- К-о-нчай дурить! Ну-ка, яз-яз-венни-к, Расскажи-ка мне, у-умный, какой-такой анекдот? Знаешь т-а-кой?

- Сколько вам угодно. - отвечаю я, поглощая многочисленные тонкие ломтики красной рыбы. - А вы?

- Нет! Сначала давай ты? Но позлее, поострее! Понял? - мне показалось, что генерал совсем протрезвел.

- Тогда слушайте!

- Уже слушаю и очень внимательно! - Генерал-политик развернулся ко мне всей своей тушей, причем стул под ним, заскрипев, готов был рассыпаться.

- Когда Бог создал Землю - он создал и людей!

- Это я и без тебя знаю! - политик расплылся в глупейшей улыбке...

- Но при этом Бог разделил людей на умных и дураков...

- ???

- Умных Бог посадил в один мешок, а дураков в другой! Умные сочинили песню и запели ее! Вы ее слышали?

- ...Н-е-е-тт!

- Значит вы были в другом мешке?

У политработника отвисла челюсть, а рожа приобрела глупейшее и злобное выражение:

- Что ты сказал? - прошипел он.

- То, что вы оказались в другом...

- Убирайся отсюда, умник паршивый! - заревело на весь дом существо в мундире генерал - политработника. - Ты што себе позволяешь? Да ты знаешь, кто я? Мешок... Дураки. Да я тебя!

Все сидящие за столом перестали говорить и повернулись в нашу сторону.

- Не ори, скотина, - тихо произнес я и вышел из-за стола.

Через минуту я уже подходил к калитке, где меня и настиг юбиляр:

- Не обращай внимания, Константин. Забудь. Много дел впереди.

- А я уже и забыл. Здоровья вам, генерал.

НЕ ЗНАЯ БРОДУ...

Капитан Валерий Корнеев с отличием защитил диплом в Академии им. Жуковского и был направлен в наш отдел ЦПК на должность помощника ведущего инженера. С первых же недель его пребывания у нас Валерий доказал, что 5 лет пребывания в Академии не пропали даром, знания его были достаточно глубокими. Он был грамотен, держался независимо, и ему уже через год-два можно было ожидать вполне закономерного продвижения по службе.

Как и у многих людей, у Корнеева было свое хобби. Нет, я не против увлечений и не собираюсь критиковать, а тем более - осуждать приверженцев коллекционирования спичечных или винных этикеток. Собирайте

на здоровье! Хочу лишь подчеркнуть необычность увлечения нашего капитана: он не мог и дня прожить, не заключив какое-нибудь пари с товарищами по службе, знакомыми и просто иногда со случайно встретившимися людьми. “Ну, и что, скажете вы. - Да ничего в этом плохого нет! Спорь себе на здоровье!”

Но все дело в том, что его хобби имело одну интересную особенность: все заключенные им пари наш капитан всегда выигрывал!

Только за первый месяц своей службы в ЦПК Корнееву удалось победить в спорах аж 12 человек, среди которых оказался даже один генерал!

Почти ежедневно наш капитан тащил домой честно выигранные коробки конфет, редкие значки, книги известных авторов о космосе, подтверждая тем самым умение прогнозировать и реализовывать в свою пользу спорную ситуацию. Все это смахивало на необычный природный дар. Вероятно, поэтому его стали избегать даже самые заядлые спорщики. Но однажды...

За полчаса до партийного собрания я подошел к Корнееву:

- Валера, хочешь пари?

- А вы не боитесь проиграть? Хорошо, что вы предлагаете?

-Просто я способен, отрезав все пуговицы на всей твоей военной одежде, пришить их обратно всего за три минуты!

- Все? За три минуты?

- Не более того!

- А на что спорим?

- На бутылку “Камю”!

Упоминание о хорошем марочном коньяке стоимостью в 25,0 рублей явно лишает капитана чувства осторожности.

- Согласен! Но должны быть судьи! Вопрос это серьезный!

- Судьи уже здесь. Вот майор Комиссаров, он и возглавит “судейскую бригаду”.

Комиссаров с двумя помощниками сразу же согласился принять участие в столь необычном споре.

Мы пожимаем друг другу руки, и Комиссаров разбивает наше рукопожатие.

...Я размещаю всю одежду капитана на столе, оставляя своего оппонента лишь в трусах. Не спеша, маленькими ножницами я удаляю все до одной пуговицы на его одежде: 18 - на шинели, 4 - на кителе, 14 - на рубашке, 11 - на брюках. Капитан лично указывает и просит срезать даже две потайные пуговицы в ширинке брюк, которые я, не разглядев, не срезал. Что ж, убираю и эти, тайные.

На глазах у двух десятков присутствующих офицеров вдеваю в иголку длиннющую нитку и...

За три минуты я пришел лишь одну пуговицу от шинели на капитанские штаны, после чего делаю громкое заявление для “судейской коллегии” и псех присутствующих:

- Да, я проиграл!

Из стоящей рядом тумбочки достаю купленную заранее бутылку “Камю” и вручаю ее обалдевшему от неожиданности Корнееву!

Картина была близкая к виртуальной: перед столом с горой отрезанных пуговиц стоит голый (если не считать трусов) обладатель академического диплома с отличием и прижимает к себе бутылку французского коньяка!

Он пытается что-то сказать, но понять его совершенно невозможно:

- Ка-ак это... Ка-ка-ка-как!

При этом комната содрогается от хохота двух десятков здоровенных мужиков в военной форме:

- Чего раскакался, чудик! Охо-хо!

До партийного собрания - несколько минут. Корнееву советуют идти прямо так, в трусах и бутылкой, в президиум.

...На собрание капитан все-таки пришел, опоздав, правда, на восемь минут. На нем был оранжевый гидрокостюм “Форель” из НАЗА космического корабля “СОЮЗ”. Ни председатель собрания, ни присутствующий на нем представитель политотдела никак не могли понять, почему один из офицеров сидит в такой броской одежде? Но им доходчиво объяснили: этот представитель отдела готовится к морским испытаниям в Карибском море, и потому разносит и вживается в свой новенький гидрокombineзон.

В течение всего последующего года было всеми подмечено, что капитан Корнеев не участвовал даже в пустяковых обсуждениях каких-либо спорных проблем.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Мы прилетели с Байконура после завершения работы на 2-й и 17-й площадках. Воздушный лайнер совершил посадку на военном аэродроме Чкаловский, от которого до нашего дома в Звездном городке было рукой подать.

У нас не было никаких вещей, кроме как по пакету с виноградом у каждого: не с пустыми же руками появляться перед своими, из южных краев возвращаясь... Правда, у одного лихого капитана помимо винограда был небольшой контрабандный “груз”: он ухитрился привезти с собой из степных и пустынных краев, где и дерево редко увидишь, четыре длиннющих деревянных планки, аж по четыре метра каждая! Можно было подумать, что здесь, в наших лесных краях этих деревяшек не найти! Но привез, так привез, не выбрасывать же теперь?

Одного то ли недооценил капитан, то ли просто забыл: на закрытом и хорошо охраняемом военном аэродроме всегда и для всех возникала

проблема выноса с территории привезенных с собой вещей и предметов, тем более - крупногабаритных, хотя и не представляющих никакой ценности. Именно к таким и относились привезенные капитаном рейки. А чтобы вынести эти деревяшки, требовалось, по крайней мере, письменное разрешение Главкома ВВС.

Капитан явно приуныл. Бедняга тащил на себе все четыре рейки, и чем ближе мы подходили к КПП, тем больше замедлялся его шаг. До свирепых контролеров оставалась какая-нибудь сотня метров, когда вся наша группа приостановилась, сочувствуя рейконосцу:

- Саша! Ты чего так загрустил-то?

- Реек жалко. Чувствует моя душа - не дадут вынести, отберут же, зверюги!

Стоим, советуемся, ищем выход, как помочь нашему чудику с рейками? И вдруг меня осенило: а что, если нам прикинуться идиотами и...

...По шоссе к КПП идут четверо офицеров. У каждого из нас в руках четырехметровая деревянная рейка. За двадцать метров до контролеров мы в строгой последовательности один за другим начинаем укладывать свои рейки на асфальт, имитируя замер ими расстояния до КПП. Я громко считаю:

- Одна длина! Две длины! Так, следующий - три длины...

Четвертая, уложенная нами рейка, упирается прямо в ворота КПП.

- Ну, открывай же! - говорю я ближайшему контролеру.

- Видишь, замеряем длину шоссе перед КПП для укладки нового асфальта!

Та-ак! - обращаюсь я к своим ребятам, - на такую же длину мы обновим покрытие и перед воротами.

Как бы странно все это ни выглядело, но мы спокойно, показав лишь свои пропуска, прошли с рейками через КПП, не вызвав никакого подозрения у контролеров. Уже на платформе, ожидая электричку в Звездный городок, мы вдруг вспомнили:

- Сашок! А с тебя причитается?

- Нет проблем, коллеги! - Капитан наш улыбается. - Завтра... А где соберемся?

Так уж повелось, что при возвращении домой меня в 99 случаях из 100 ждал сюрприз. И на этот раз, не успев я закончить свой отчет по командировке, как пришлось уже знакомиться с новым приказом: срочно прибыть в НИИ для участия в испытаниях новых спасательных скафандров для экипажей космических кораблей.

В НИИ мы прибыли с Валерой Бессмертным. Оказывается, накануне в этих же испытаниях изъявил желание поучаствовать летчик-космонавт В. Кубасов. Не знал он, бедняга, что все испытания космической техники на Земле на 2-3 порядка труднее, чем на орбите. Залез Кубасов в скафандр, занял штатное место в полетном кресле, закрепленном в барокамере. Дали вакуум. Через несколько минут Кубасова так поджало в скафандре, что пришлось ему срочно подавать "SOS". Вытащили его ребята из скафандра,

а он и ног разогнуть не может - так его "упаковало" оболочкой скафандра под избыточным давлением 0.4 атм. И заявил тут же летчик- космонавт, что в этих скафандрах никто больше 10 минут не выдержит такой "пытки". А ведь штатно при аварийной разгерметизации корабля кто время равно двум часам!

Однако без скафандров после гибели экипажа Добровольского летать в космос запретили. Так что, сэр космонавт, или сиди теперь на Земле, или терпи! Поэтому экипаж должен выдержать нахождение в скафандрах два часа, пока корабль не сойдет с орбиты и не совершит посадку. Вот так!

А сейчас нам с Бессмертным предоставляется возможность проверить теорию "2-х часов".

Мы в скафандрах. Занимаем место в барокамере. Старт.

В иллюминаторах - лица врачей: им интересно, когда и как мы начнем "пиццать"! Ну, врачи! Ну, садисты!

...Идет уже 13-я минута. "Рекорд" Кубасова нами перекрыт. Но уже чувствуется как немеют ступни, т. к. вены под коленями пережаты оболочкой скафандра словно стальными обручами. Это "онемение" постепенно начинает подниматься по голням к коленным суставам. То же самое мы ощущаем и с локтевыми суставами, в результате чего немеют кисти. Слышу тихий голос Валеры:

- Кажется, Кубасов не врал... Два часа терпеть такое будет нам сложновато...

- Но если надо, то - можно. Как там твои "мурашки"?
- Да они повсюду. Даже в поясице. Сколько мы уже "летим"?
- 18 минут.
- У-у, блин...

...Правой ноги я уже не чувствую, ее, кажется, и не было у меня никогда. Левая нога пока со мной, но какая-то укороченная: ступни и голени я уже не чувствую. Голос Валерки:

- Сколько "летим"?
- А ты не думай о времени! Читай стихи.
- Пробовал. Но вместо стихов получается... матерщина... И все-таки, сколько?
- Полчаса... Почти. Терпим...

Проходит еще несколько минут. За нами внимательно следят два десятка глаз в иллюминаторах барокамеры. К тому же с каждого из нас идет запись кардиограммы. Врачи явно ждут, когда мы "запищем". Хрен вам! Валерка затягивает песню - признак того, что он у рубежа своего терпения. Сам пока не пою: приберегаю силы на вторую половину нашего "полета".

На часы лучше не смотреть: они просто стоят, и каждая минута - как час. В наушниках моего шлемофона слышен шепот:

- Может, пойдём на "посадку"? Что-то меня поджимает...

- Валер. Обязательно пойдем, но через несколько минут, - шепчу я в ответ. И тихонечко запеваю "Березовый сок". Всплывают кадры нашего замечательного фильма "Мировой парень". Герой Олялина там очень даже терпел... Посматриваю на часы: целый час уже позади! Пошел второй. "Мировой рекорд"! Интересно, если выдержим штатное время, можно ли будет оформить это как рекорд Гиннеса? Кубасов хорош... 10 минут и удрал... Тоже мне - толстячок... А может он и прав по-своему? Чего ему свои сосуды- то ломать?... Э-э-э! Куда меня-то занесло! В рассуждениях...

Валерка:

- У меня уже ног нет...
- У меня их уже давно нет. Даже интересно узнать, как чувствуют себя безногие страдальцы...

- ...Я не хочу быть безногим... Сколько там?

- Еще чуть-чуть...

- Сколько это "чуть-чуть"?

Его рука невольно тянется к красной клавише аварийного наддува ба- рокамеры, но тут же опускается:

- ...Как просто стать инвалидом... Как просто...

Меня посещает раздражение: лучше бы Валерка молчал, ведь мне тоже... не сладко... "Сладко" - слово-то какое-то противное!

...Ревёт сирена! Два часа позади. Мы выдержали! На наших руках и ногах фиолетовые полосы от пережатия скафандром. Рук и ног мы не ощущаем...

У врачей приоткрытые от удивления рты.

Закройте их, господа! Для нас - это мелочи жизни.

КОПЫЛОВИЧ

Жарковато.

Мы сидим в чайхане, что на окраине Ферганы, и поглощаем в огромных количествах зеленый чай. Позади у нас совсем непростой денек, ибо с утра мы уже ухитрились выполнить по три парашютных прыжка на огромное водохранилище. Все прошло без эксцессов, а потому мы имели-таки право побаловаться зеленым напитком. Он действительно хорош! Во- первых, утоляет жажду лучше всякой воды, во-вторых, вкусный! К тому же и сама чайхана - местная достопримечательность: арабская вязь на стене ведаёт, что здесь неоднократно бывал сам Ходжа Насреддин! Правда, почему-то в... 19 веке!

У нас сегодня и вечер свободный, и это, пожалуй, самый большой подарок судьбы, ибо мы сегодня увидим трансляцию из-за океана первой встречи по хоккею с шайбой между сборными СССР и Канады.

Мы не торопясь допиваем свой чай, благодарим чайханщика за гостеприимство и выходим на улицу.

До нашей гостиницы около трех верст. Узкая тропа выводит нас на шоссе и мы растягиваемся цепочкой по обочине: впереди Слава Крылов с Геней Колесниковым, за ними переваливаются наполненные зеленым чаем Коля Муляров с Виктором Скачковым, а мы с Володей Терешковым, братом первой женщины-космонавта, замыкаем нашу пешеходную группу.

Мое внимание привлекает четкий перестук копыт на шоссе. Терешков оглядывается и толкает меня рукой: “Посмотри-ка”!

Нас догоняет старичок верхом на маленьком ишаке. Поравнявшись с нами, он здоровается, желает нам светлых долгих дней жизни и спрашивает, нет ли у нас табака? Мы оба некурящие, а потому зовем на помощь Крылова, располагающего всей атрибутикой курильщика. Слава отдает мне начатую пачку сигарет, которую я тут же дарю нашему “всаднику”, тот спрыгивает с ишачка, на спине этого маленького ослика мы с Володей видим кошму, густо заселенную миллионом блох! Я замечаю, как мои парашютисты шустро ретируются подальше от старичка и его зверя, хотя на одежде самого “всадника” блох незаметно.

Володьке Терешкову до блох нет никакого дела! Он даже просит хозяина разрешить ему прокатиться на этом блошином существе. Старичок расплывается в улыбке:

- Пожалста, джигит! Пожалста!

“Джигит” смело так заходит ишаку сзади и, опираясь руками о его спину, пытается сесть верхом на это маленькое длинноухое существо, но... не тут-то было! Ишак делает незаметное движение вперед и бьет брата первой женщины-космонавта задними ногами точно в пах!

- У-у-у-у! - почти по ишачьи кричит Терешков. - Ах ты, скотина! Да я тебя сейчас!..

Старичок только смеется:

- Не так, джигит, не так! Бок надо! Бок надо!

И показывает, как надо садиться на длинноухое транспортное средство. Наши остановились далеко впереди и смотрят, что это мы здесь вытворяем? Тем временем я захожу сбоку и, перебросив ногу через спину ишака, устраиваюсь на его блошиной кошме. А знаете! Очень даже комфортно! Сидеть на этой маленькой спине мягко, тепло и блохи не кусают!

Еду! До самой гостиницы! За весь путь ни одна блоха не перебралась на мою военную форму!

А потом произошло следующее. Я взял у ребят еще 4 пачки сигарет и передал их мужичку в знак благодарности, а тот, закатывая глаза свои от восторга, вдруг изрекает мне:

- Ты - хороший джигит! Он (ишак) тебя уже любит. С тобой ему будет очень хорошо! Он мой тебе подарок!

И я моргнуть не успел, как старичок мгновенно исчез в калитке соседнего забора!

- Эй! Ты куда?! - только и успел я крикнуть ему вслед.

Ну, зараза! Поди, найди его теперь в этих закоулках!

Картина из сказок “Тысяча и одна ночь”: у входа в отель стоит капитан ВВС, а в его ладонь тычется носом маленький шустрый ишак с миллионом блох на своей спине...

До сих пор не поддается объяснению, как мне удалось уговорить экипаж огромного военного аэролайнера доставить в гермоотсеке на аэродром Чкаловский мою длинноухую собственность! Командир выдвинул лишь два условия: не должно быть блох и должен быть специальный ящик! И еще: об этом “грузе” не должен был знать ни один человек из моей команды!

Будет лишним говорить о том, что все эти условия мной были неукоснительно выполнены.

...Полет прошел на редкость спокойно. Пассажиры гермоотсека, в том числе и мои парашютисты, даже предположить не могли, что рядом с ними бок о бок летит их вчерашний многоблоховый и длинноухий знакомец! Выдержке ишака мог бы позавидовать самый стойкий из когорты двуногих: за все три часа полета ослик мой не издал ни звука!

На аэродроме Чкаловский мне повезло вторично: кроме автобуса нас встречал и грузовик с тентом.

Я до сих уверен, что ишак - самое стойкое животное на Земле. Перенести трехчасовой перелет в ящике, стенки которого упираются тебе в бок, в лоб и в живот, не издав при этом ни звука - кто еще способен на такое?

Добираемся мы до Звездного городка, где у одного из металлических гаражей и сгружаю свой груз. Благодарю за помощь шофера, которому уж очень хотелось узнать, кого же это мы привезли сюда? Поясняю ему: это кенгуренок, и его нельзя беспокоить. Наконец-то я один.

Освобождаю животное из “заключения”, привязываю у гаража, угощаю свежими листьями одуванчика. Ест! И тут же совершает то, чего не позволял себе так долго, находясь в ящике. Воды я принесу ему чуть позднее, а сейчас бегу на ближайшее КПП, откуда звоню владельцу пустого гаража, у которого я и остановился со своим зверем.

- Ну и ну! - Балдеет Мишка. - И правда из Ферганы? Нашим бортом?

Ну, не из Африки же! Договариваюсь с Мишкой на месяц проживания в его гараже моего длинноухого. Михаил передает мне ключи... Это было в субботу.

А в понедельник... Вереница авто, везущих на службу офицеров ЦПК, неожиданно притормаживает, а затем и останавливается за сотню метров до КПП: перед колонной машин на сверкающем чистотой ишаке едет на работу ведущий инженер-испытатель орбитальных космических комплексов капитан ВВС К. Ветер.

Четкий цокот маленьких копыт далеко слышен по шоссе и усиливает значимость таблички с кличкой моего длинноухого: “КОПЫЛОВИЧ №2”.

Вокруг звучат приветливые гудки и восклицания водителей. И вдруг рядом со мной неожиданно тормозит “Волга” начальника ЦПК Г.Т.Берегового!

- Как “крыша”? - иронизирует генерал. - Да ты хоть табличку свою сними! Ведь визгу не оберешься? Ты этого хочешь?

Генерал выходит из машины и направляется к штабному подъезду, проходя мимо, говорит:

- Сними, сними! Смотри, чтобы чисто было здесь! Космос и ишак! Тьфу!

Подходит группа офицеров.

- Как зовут-то?

- А ты что? Читать разучился?

- Уж не родственник нашего из политотдела?!

- Прямой!

Через неделю я передал своего ишачка в один из детских садов Подмосковья, где он довольно долгое время радовал ребятишек своим существованием.

«МАЙСКИЙ ДЕНЬ»

Многokrатно наблюдая после морских испытаний подъем спускаемого аппарата (СА) космического корабля “Союз” с поверхности акватории на плавбазу, приходилось убеждаться в какой-то примитивности этой операции.

Во-первых, для крепления СА на подъемнике требовалась бригада спасателей, работающих в воде вокруг аппарата, что в штормовых условиях было далеко не безопасным делом. Во-вторых, рядом должно всегда находиться надежное плавсредство, судно, корабль, для размещения на нем СА и надежной его фиксации. В-третьих...И таких моментов набиралось не менее десятка.

Теперь о снятии с поверхности моря или океана отдельно плавающих членов экипажа, по каким-то причинам (а их тоже немало) покинувших спускаемый аппарат. И тут опять требовались люди наплаву (спасатели, поисковики), технические средства, время, которого в таких случаях всегда не хватает.

Наблюдая всю эту суету вокруг СА или вокруг космонавтов, покинувших аппарат в легчайших гидрокомбинезонах типа “Форель”, пришла мне мысль о том, что все эти операции вполне можно свести в одну, как при подъеме СА с экипажем на борт корабля, так и отдельного человека...

Представьте себе прочную эластичную капроновую сеть цилиндрической формы, крепящуюся в своей верхней части к обручу диаметром 3,6 метра (смотря, что мы собираемся поднимать: человека или спускаемый аппарат), который является силовым элементом всей конструкции. С помощью системы фалов обруч с подобранной к нему сетью может зависать с помощью вертолета над любым плавающим объектом на акватории, после чего подвижная система фалов опускает сетевой цилиндр на объект,

закрывая этот цилиндр снизу простым натяжением донного фала. Все это производится одним человеком, находящемся в вертолете. После чего объект оказывается в закрытом снизу “сачке”, который подтягивается к вертолету и доставляется на палубу корабля. Если “обруч” выполнить в виде пневматического тора, то человека, поднятого с акватории, можно достаточно просто пронести в кабину “вертушки”... Теперь подъем с акватории любых плавающих предметов и объектов можно осуществлять практически не подвергая поисковиков и спасателей опасности, особенно в штормовую или близкую к ней погоду.

Техническая комиссия ЦПК им. Ю.Гагарина была удивлена этим предложением и даже начертала заключение о необходимости постройки опытного образца сего изделия, причём - на нашей же базе.

Ну, и что же вы думаете?

Не успели наши мастера подготовить материалы (чертежи я предоставил), как последовало “мудрое” указание зам. начальника Центра генерала Афанасьева (“дирижабля”, прозванного так за свои габариты) о прекращении производства опытного образца! Мало того, все чертежи и вся сопутствующая документация бесследно исчезли неведомо куда!

И тут мне на помощь пришли многие специалисты ЦПК. Одни (В. Шебеда) сплели отличную сеть. Вторые выклеили (с немалым трудом) силовой пневмообруч (И. Локтюхин и М. Шинов), третьи полностью обеспечили меня отличными силовыми фалами (А. Чеховской), четвёртые помогли провести испытания “тора” на акватории (7 человек). Все механизмы “тора”, названного нами “Майский день” (тот же сигнал бедствия на акватории, что и “SOS”), работали безупречно.

Даже в таком “самодельном” варианте спасательного средства оно могло снимать человека, находящегося наплаву, в любой его экипировке.

С большим трудом мне удалось доставить “свой” агрегат в Аральск, где у меня были хорошие знакомые вертолётчики, командир которых разрешил мне провести здесь, на Аральском море, первые настоящие испытания “Майского дня”. Но поздно вечером в день нашего прибытия в Аральск (23.00) мне срочно приказывают вернуться домой для участия в испытаниях усовершенствованного КК “Союз-Т”.

Вернувшись из Феодосии, звоню в Аральск и узнаю, что испытания “Майского дня” не проводились: все ждут меня!

Но получилось так, что в Аральске я смог оказаться только через полгода. Вся вертолётная бригада была к тому времени почти полностью расформирована, а ее остатки переведены в другое место... Место нахождения “изделия” так и не удалось установить.

Проходит два года.

Будучи в Феодосии на морских испытаниях, узнаю, что месяц назад здесь же было удачно испытано спасательное средство “совершенно новой” конструкции, предназначенное для подъема с акватории СА КК

“Союз”, а также космонавтов, покинувших свой аппарат и находящихся на поверхности моря...

По словам моих друзей-испытателей, это средство было как две капли воды похоже на наш “аральский” вариант! В чём я тут же убедился, просмотрев отчёт по этим испытаниям. Жаль, что фамилии авторов оказались другими...

«ПОЛИТВОР»

Пасмурный день поздней осени. Я заступаю дежурным по ЦПК, а это значит, что в течение суток я буду в курсе десятков событий, по которым требуется немедленное решение или срочный доклад командованию Центра. Это и состояние экипажа ОПС в орбитальном полете и разные там ЧП местного значения. И телефонные звонки по “кремлевке” и ВЧ. В рабочие дни дежурный по Центру - это своеобразная “белка в колесе”. Ко всему у меня еще и тысяча стволов личного оружия в специальных шкафах. А пересчитывать их - кому? Да тоже мне.

Мне повезло: помощником у меня оказался известный наш спортсмен, мой человек, надежный во всех отношениях.

Проведя развод караула и суточного наряда, мы с помощником возвращаемся в комнату дежурного, где я начинаю принимать у своего предшественника документацию и оружие. Затем мы поднимаемся к командиру и докладываем о сдаче-приеме дежурства. И тут командир “снабжает” меня дополнительной нагрузкой - двумя текстами приглашений на французском языке! Из Парижа! Куда Береговой и собирается вылететь через два дня. Приглашения примитивны, и я могу сделать перевод прямо здесь, в кабинете, но Георгий Тимофеевич решает ознакомиться с переводами завтра. Ну, завтра, так завтра, переведу и напишу ему в часы своего ночного бодрствования.

Командир уходит домой. В штабе мы одни. Вечер.

...Тишину нарушает звонок у входной двери штаба; это солдат-строитель. Впустив, спрашиваю его о причине его “визита”. И дивлюсь услышанному:

- Товарищ подполковник! Я - дежурный по строящемуся второму корпусу рядовой Беклемишев. Сейчас произошло такое, что мне и объяснить трудно! На “Волге” подъехал ваш полковник Шмотов погрузил одну входную дверь на багажник своей машины. Я воспротивился этому похищению, на что полковник сказал, что дверей у строителей много, а ему нужен верстак в гараже. И увез эту дверь. А мне завтра отвечать за это...

Ничего себе “история”! Заносу все изложенное солдатом в журнал дежурного, обещаю, что дверь будет завтра возвращена. Пусть не переживает!

Мой помощник только руками разводит: ну, и Шмотов, ну, и политрабтник!

...Ночь проходит в круговерти телефонных звонков с многочисленной информацией об обстановке у наших ребят на орбите. Там все в порядке, а это главное.

Утро. К штабу, к тренажным комплексам, к лабораториям потянулись вереницы людей. Обычная обстановка перед началом рабочего дня. А тут еще и вчерашние тучи куда-то подевались, дав возможность проглянуть Солнцу, что всегда у всех поднимает настроение.

Встречаю Берегового, вместе с передачей переведенных с французского приглашений докладываю, что за время дежурства никаких происшествий не случилось, за исключением:

- По словам охраны, полковник Шмотов украл входную дверь второго корпуса и увез ее в свой гараж для верстака!

Густые брови командира полезли вверх:

- Что? Шмотова ко мне!

Звоню Шмотову:

- Вас к командиру! Срочно!

Через пять минут мы с помощником стали свидетелями уникальной картины: полковник-политработник рысью промчался мимо нас к своей "Волге", на которой злополучная дверь и была доставлена прямо в руки весьма удивленному вчерашнему солдатику охраны! Ну, шустряк Шмотов!..

Конечно, никто сей случай обнародовать не стал. Так все и притихло.

Проходит полгода. Май! Месяц первых весенних гроз и голубого, промытого весенними дождями неба.

Я только что вернулся с испытаний новых космических скафандров, попав, как говорится, "из огня да в полымя", прямо на зачетный годовой семинар по политподготовке. Для всех нас это было ответственным событием, ибо накладывало на каждого офицера огромный "политический груз" - быть лояльным к политотделу ЦПК! Я до сих пор уверен, что "работники" политотдела в Звездном городке не имели авторитета у личного состава, ибо один лишь вид этих "партийцев" с тележками, колясками и санками, на которых они почти через день увозили из спецраспределителя продукты, одежду, различные дефицитные товары, вызывал омерзение у тружеников космоса. Это была каста неприкасаемых, зазнавшихся типов, прикрывающихся уже тогда лозунгами о всеобщем благополучии. Мы не могли представить их своими братьями, как того требовал кодекс строителя коммунизма, вещавший, что человек человеку друг, товарищ и брат. Все крышкевичи, копыловичи и Ко привносили в нашу жизнь столько чванства, лжи, предательства, что мы, испытатели, старались не замечать этих толстощеких обрюзгших существ.

Итак, в нашем отделе идет зачетный годовой семинар по политподготовке. Попробуй получить "тройку" - не жди очередного звания, хотя ты положишь все свое здоровье на испытаниях космической техники.

У нас, в нашем отделе, с этим обходится благополучно. Из 34 офицеров 31 получил отличные оценки, в том числе и ваш покорный слуга. Наш

начальник отдела, добрый мягкий человек и прекрасный специалист потирает руки: слава Богу, кажется, пронесло!

Проверяющий полковник Шмотов. Да, да, тот самый! Шмотов поздравляет офицеров с окончанием политической учебы и начинает собирать свои ведомости.

...Но тут встаю я и прошу у начальника отдела высказать свое мнение по семинару. И 34 офицера слышат следующее:

- Полковник Шмотов! Вы не имеете морального права проверять. Я был свидетелем того, как вы украли дверь второго корпуса. Об этом знает и начальник ЦПК генерал Береговой! Так что вам, Шмотов, лучше не появляться среди нас, среди честных людей! Вы - вор!

Лицо политработника покрывается пятнами! Он привстает из-за стола, шипит:

- ...Ты...Ты... Что себе позволяешь-шь-шь! Кто ты такой? Да я тебя!.. Да я тебе!..

- А вы не шипите! Этот факт, факт вашего воровства, отмечен в журнале дежурств! Так что...

Шмотов хватает свою рабочую папку и, опрокинув стул, вылетает из аудитории со словами:

- Ты... Ты еще попомнишь! Попомнишь-шь-шь!

Через одобрительный гул моих товарищей по оружию различаю еле слышный голос начальника нашего отдела:

- Ну, зачем ты так? Ведь все было так хорошо...

В конце этого дня я был вызван к начальнику политотдела ЦПК:

- Вы увольняйтесь, Ветер! За оскорбление! За публичное оскорбление нашего работника!

- Вора нельзя оскорбить. А вы за него?

- Все! Идите! Идите!

.. Хрен тебе, а не увольнение! На следующий день из ЦК КПСС был звонок по "вертушке": "Вопрос с Ветром решить мирным путем! Поняли?!"

А я-то думаю, чевои-то это сам Крышкевич вдруг подбегает ко мне в секретной библиотеке и ласково так сообщает мне, что конфликт со Шмотовым улажен, и я могу работать, служить...

Я позднее узнал, кто вступился за меня. Спасибо тебе, Георгий Тимофеевич Береговой! Спасибо.

Через неделю я был назначен командиром экипажа орбитального комплекса "Салют-Союз" с земным "полетом" на 50 суток.

ПОЛЁТ-30

Как говорит народная мудрость: "Испытатель - это человек, испытывающий нужду в деньгах!" В этом смысле все Человечество состоит сплошь из испытателей. С этой точки зрения, мне, ведущему инженеру- испытателю ЦПК имени Юрия Гагарина, очень даже "везло": за свое участие в многочисленных наземных испытаниях пилотируемых космических комплексов

разных назначений я не получал денежных средств. Парадокс! Но мои бортинженеры избежали такой “печальной” участи! Они, в отличие от своего командира, случалось получали даже государственные награды за наши многочисленные земные “полеты”. Вероятно, это объяснялось отсутствием у них в КБ политических недорослей, коими был переполнен политотдел ЦПК. Это были весьма мстительные проходимцы и воры. И был я у них костью в их политическом горле.

Как мне удавалось удерживаться в ЦПК после смерти С.П.Королева, М.В.Келдыша, Н.П.Каманина и гибели Гагарина - сам не знаю. Конечно, меня очень поддерживал Г.Т.Береговой, высоко ценивший испытательную работу, отличавшуюся высоким риском. А у нас-то в основном и была таковая.

Немалое значение имел для меня и авторитет испытателя. Меня всегда поддерживали генеральные конструкторы В.П. Глушко и В.Н. Челомей, академик О.Г. Газенко и профессор Газулов. Они в ряде случаев напрямую по “вертушке” выходили в ЦК КПСС, после чего местные партмерзавцы оставляли меня в покое на некоторое время. Но в очередном “наезде” я никогда не сомневался.

К моей профессии у меня добавлялось еще несколько положительных моментов: я никогда не пил, не курил, не шлялся, со всеми по работе был в исключительно хороших отношениях. Может быть поэтому мне и удалось-таки, спустя аж три года, получить квартиру, в то время как все прибывшие со мной офицеры давненько обитали в своих жилищах.

Конечно, две комнаты на шестерых - несколько тесновато, но мы были все вместе, и отпала необходимость ездить домой, в Ленинград, каждый выходной.

Не успел я наглядеться на своих родных человечков, как впереди засветила перспектива участия в очень напряженном, хотя и относительно непродолжительном земном “полете” на орбитальной связке “Салют” - “Союз”. Испытания были рассчитаны на 30 суток. Предстояла интенсивная проверка всех систем обновленного космического комплекса.

Бортинженером в экипаж был назначен Игорь Атрохин, инженер-испытатель из КБ. Это был спокойный, знающий специалист, и, думаю, выбор его кандидатуры руководством нашего “полета” был оправдан. Позднее я узнал, что Игорь был действующим лицом в составе экипажа вертолета, совершившего аварийное падение, что, к счастью, совсем не отразилось на психологической совместимости участников нашего экипажа.

Эти испытания оказались на редкость напряженными. По сложности и плотности решаемых задач и постоянно возникающих бортовых проблем они, пожалуй, превосходили все, с чем мне приходилось иметь дело до сих пор.

Задача полета осложнялась еще одним фактором: я был предупрежден руководством, что ни в коем случае не следует прерывать испытания

орбитального комплекса, ибо это может привести к значительным временным и финансовым потерям при подготовке ближайшего орбитального полета.

Мы удачно стартовали и пятнадцать суток выполняли программу без особых забот. А на 16 сутки...

На 16 сутки у моего бортинженера произошел сердечный приступ. Прерывать испытания я не имел права, а потому единственным выходом из создавшейся ситуации была "госпитализация" бортинженера на орбитальном комплексе с перекаладыванием всех его обязанностей на командира экипажа, то бишь - на меня. Легко сказать, да делать трудно.

Бортинженер был "замаскирован" на своем лежаке, где получал от командира все противоинфарктные средства из бортовой аптечки ОПС и мог относительно спокойно, без рецидивов инфаркта выдерживать пребывание на комплексе до окончания нашего "полета".

Оставалось целых две недели. Многовато...

И стал я командиром и бортинженером в одном лице.

Был риск? Безусловно. Обеспечивать контроль за десятками систем одному человеку все-таки трудновато. А тут еще трижды в сутки надо было выполнять получасовые физические упражнения, в том числе и на бегущей дорожке и спецтренажере. Три комплекса своих и три - за бортинженера! И как все это согласовать во времени, если параллельно со своими ты обязан был выполнять задания для бортинженера? Пришлось покрутиться. Хотя всегда присутствовала опасность инфарктного рецидива у Атрохина, и, случись беда, вся ответственность легла бы на командира экипажа.

Но получилось так, что ни один специалист, ни один человек в четырех дежуривших бригадах не заметил подмены!

Мы благополучно довели наш "полет" до конца, и на 31 сутки я помог надеть Игорю спасательный скафандр "Сокол", перевести его в нем не торопясь, в спускаемый аппарат космического корабля "Союз" и приступить к подготовке спуска с "орбиты", как того требовала бортовая документация по реальному полету.

Мы вернулись на "Землю", и только спустя неделю после этого, когда специалисты стали анализировать кардиограммы командира и бортинженера после первой половины полета, они перестали понимать находящиеся перед их глазами амплитудные и временные характеристики этих кривых: все кардиограммы командира и бортинженера полностью... совпадали!

Конечно, после нашей "посадки" я доложил о происшедшем руководителю испытаний, и лишь этот человек знал, чего стоил нам этот "полет". Мое решение было признано правильным.

Руководитель сожалел лишь о том, что на одного члена экипажа выпала двойная нагрузка, но оказавшаяся ценной для своевременного старта космического экипажа на ОПС "Салют".

ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ

Все же приятно ждать свой очередной отпуск! Намного приятнее, чем, порой, проводить его. В предвкушении отпуска с обязательной ежегодной поездкой в Судак на Черное море я с удвоенной энергией проводил эксперименты по НИР в условиях гидроневесомости.

Будучи экипированными в космические скафандры “Орлан”, мы ухитрились выполнять транспортировку в гидросреде больших (крупногабаритных) и массивных (до 5 тонн) контейнеров, имитирующих модули космических орбитальных станций будущего. Этим испытатели подтверждали возможность выполнения подобных работ.

Накануне своего дня рождения (я никогда не отмечаю эту “знаменательную” дату) возвращаюсь домой после работы и застаю у нас моего хорошего знакомого Виктора Бойцова, второго штурмана известного сухогруза “Валерия Барсова”. Он только что завершил свой рейс из Бразилии в Одессу и прилетел в Москву на несколько дней, чтобы взглянуть на Звездный городок, к которому штурман питал большую симпатию, ну, и поздравить одного из жителей городка с днем его появления на Свет.

Тут уж ничего не поделаешь: гость прибыл. Гостя надо накормить, напоить и спать уложить. От ночлега штурман отказался, зато с кормежкой и питьем моей жене пришлось покрутиться, и не знала она, бедняга, какое испытание ждало нас на следующий день!

Уже уходя, Виктор преподносит мне подарок, упакованный в красивую большую коробку со множеством всевозможных наклеек, штампов и рисунков, исполненных в ярких цветных тонах. При этом штурман ставит обязательное условие: в этот вечер не вскрывать коробку с подарком! Условие принимается, хотя и вызывает некоторое удивление у моей супруги. Если бы я знал, какой сюрприз приготовил мне этот морской волк!

По случаю дня рождения меня отпускают с работы после обеденного перерыва, вручили мне маленькую коробочку с “подарком из гидроневесомости”.

Я дома. В малой коробке оказались отличные наручные часы с гравировкой. Но главная интрига в этой объемной красочной упаковке штурмана: что же он мог туда засунуть? Любопытство человека в этом случае никогда не осуждается, так что извините!

...Извлекаю из коробки непонятную многослойную цветную “конструкцию” и, расправив ее, роняю на пол! На меня смотрит (буквально!) чертовски красивое девичье лицо, принадлежащее очаровательной женской головке! Да еще в натуральную величину! На полу расправляю всю “конструкцию”: да это же... Это же женское тело со всеми его “атрибутами”! Буквально со всеми. Хотя бы чего-нибудь не хватало... С “изделия” сыплется тальк, а рядом с ним я вижу валяющуюся тут же “Инструкцию по применению”.

Хо! Хо! Хо! Ну и “подарочек” подбросил мне мой морской дружок. Недаром он так быстро смотался вчера из нашего дома. Совесть его наверно все-таки беспокоила тогда. А сейчас...

А сейчас передо мной стоит прислоненная к стене очаровательная, в натуральный рост резиновая фигурка представительницы прекрасного пола с чертами жительницы юго-восточной Азии. Красавица! Скорее всего, “кампучийка”.

Прилагаемая “Инструкция” в деталях поясняет, что и как надо наполнять воздухом, а что горячей водой... Ну, женушка, разыграем мы тебя сегодня перед сном!

...После вечернего чая жена смотрит программу “Время”, а я тихонько укладываю на диван “кампучийку”, прикрывая ее тело одеялом и оставляя на подушке голову. Выключаю свет и ложусь рядом с “красавицей”.

Проходит 10 минут. Слышу, как жена направляется к нам в комнату; и тут мой голос из темноты ошарашивает ее:

- А ты уже опоздала! У меня уже есть “партнерша”!
- Что ты несешь...

Она не успевает закончить фразу, ибо вид прекрасной головки девушки на моей подушке лишает ее речи. И без того огромные глаза моей подруги расширяются до невероятных размеров от увиденного! В мгновение ока жена подскакивает к дивану и сдергивает с нас одеяло! Перед ней потрясная картина: рядом с ее мужем (в трусах!) лежит обнаженное юное прелестное существо!

- Фу! Гадость! Как ты посмел!..

Подруга хватая мою “партнершу” за руку и сбрасывает на пол. При этом мы слышим, как в бюсте и ниже пояса у кампучийки булькает налитая мной горячая вода.

- Да я теперь не буду спать на этом... этом месте! - Жена, продолжает высказывать свое “фи”. - Резина! Тальк! Что ты придумал!

С миной раскаяния на лице я сворачиваю “кампучийку” вчетверо и выношу в ванную. Слышу, как жена перетряхивает простыни и пододеяльники, продолжая отпускать в мой адрес нелюбезные реплики...

- Чтобы завтра духу ее здесь не было! Ты слышишь меня, любитель резины?

Утро. Надо исправлять положение. Тихонько иду к нашему соседу по площадке Федору Н.:

- Ну, Федя! Принимай подарок! Повезло тебе.

Передаю соседу коробку и “Инструкцию”. Он тут же вытаскивает “девушку” из коробки:

- Ух, ты! Ух, ты! Класс! Класс!

И под эти восторженные возгласы я смываюсь домой.

Следующее утро. Короткий звонок в дверь. Открываю. На пороге Федя с “моей” резиновой бабой!

- Забери! Жена моя, дура? Так звезданула! Видишь, как глаз даже заплаыл! За час до ухода на работу потащил я “свою бабу” к живущему этажом выше майору Шохину:

- Сеня! Позволь преподнести тебе необыкновенный подарок! Вот это великолепное изделие!

Майор от подарка в полном транс:

- О! О! О! Давай сюда! Это то, что надо! Вот Надьку свою (жену) разыграю! “Удивил”! Да так, что в тот же вечер притащил и бросил “бабу” мне под ноги, молча тыкая своим пальцем в огромный синяк под правым оком.

Я позволил себе еще две попытки подарить “кампучийку” своим знакомым-капитану и прапору с высшим образованием, но “баба” продолжала настырно так возвращаться в наш дом!

Пришлось задуматься, как спасти наш совместный отпуск, ибо жена уже решила наказать меня “за измену” поездкой в Курск к своим родным, причем, без меня! Поэтому, чтобы уладить домашний конфликт, мне пришла хорошая мысль: “четвертовать” “бабу” и выбросить ее “останки” в мусорный контейнер.

Добрые отношения с моей законной супругой были восстановлены и закреплены моим честным словом, что подобное никогда больше не повторится.

ИВА

Не прошло и полугодя после моего первого визита в Подлипки, как не стало Сергея Павловича Королева. Его смерть многих выбила из жизненной и профессиональной колеи. Проект “Аэлита” исчез в бумажных джунглях КБ.

Только спустя восемь лет, в 1973 году мне позвонил член-корреспондент Академии наук Константин Давыдович Бушуев, один из заместителей главного конструктора, и сообщил, что он в курсе дела по проекту “Аэлита” и что вопрос этот не закрыт, но надо ждать. Сказал, что будет звонить, и просил не беспокоиться об этой “теме”.

В бесконечной цепи испытаний, исследований и занятий с экипажами космических кораблей выбрать время для решения своих проблем - задача практически невыполнимая. Но тем не менее...

К 1976 году у меня накопился большой объем расчетов, чертежей и схем по одному небольшому, но очень важному звену проекта “Аэлита”, а именно, по ИВА - индивидуальному возвращаемому аппарату. Очень хотелось мне спасти, реализовать хотя бы эту малую частицу “Аэлиты”. По моей просьбе начальник ЦПК генерал Береговой разрешил изготовить на базе ЦПК два образца ИВА для проведения испытаний СЖО (систем жизнеобеспечения) и ОСП (основной парашютной системы). Были также уточнены баллистические параметры аппарата. К тому же у меня

появилась возможность приобщить к созданию ИВА одну очень даже известную фирму.

Дело в том, что после моего участия в длительных комплексных испытаниях связки ОПС “Алмаз” - “Союз” (100 суток), на которых я был командиром экипажа, а также после курьеза, упомянутого мною в рассказе “Секс-сюрприз”, руководитель фирмы - создателя “Алмаза” дважды Герой Социалистического Труда академик В.Н. Челомей неожиданно проявил интерес к моим наработкам по ИВА и предложил встретиться для ознакомления с этой проблемой у него на фирме в Реутове. Реакция генерального конструктора на предъявленные материалы по ИВА превзошла все мои ожидания: было принято решение заложить на стапелях четыре аппарата, два из которых предназначались для наземных и воздушных исследований, третий - для спуска с орбиты манекена, а четвертый предполагалось вернуть с человеком. Легко догадаться о кандидатуре на последний спуск! В этом вопросе - немедленное создание и проведение орбитальных испытаний - Владимир Николаевич Челомей был полностью на моей стороне. Предусматривался также и второй вариант “ИВА” для последующих спусков испытателей, но уже в скафандрах.

Результаты этой встречи я доложил начальнику ЦПК, который полностью поддержал разработку ИВА.

А вот дальше начались события, совершенно неподдающиеся осмыслению: против реализации ИВА буквально “восстал” заместитель начальника ЦПК по науке генерал Афанасьев человек абсолютно некомпетентный в подобных вопросах. Это “существо” представляло собой глыбу жира и мяса весом полтора центнера, а ростом более двух метров, способную ежедневно после обеда проспать в своем кабинете до окончания рабочего дня, распугивая своим храпом работников штаба в соседних аудиториях. И вот этот “тяжеловес” обиделся на меня за то, что я однажды назвал его “дирижаблем”. Но это, так сказать, то, что лежит на поверхности. На самом деле здесь основную роль сыграл Еся Давыдович. Да, да, тот самый, предавший наших космонавтов Зудова и Рождественского на озере Тенгиз и нагло обманувший генерала Берегового в вопросе своего участия в испытаниях ОСП (основной парашютной системы) космического корабля “Союз-Т” в Феодосии, после чего я просто перестал замечать этого “замечательного” специалиста.

Что мог нашептать Афанасьеву этот трус и лжец, но результаты отрицательного отношения генерала-ученого к проекту ИВА не замедлили сказаться на создании опытных образцов изделия. Дело в том, что Береговой в этот период был в отпуске, и все вопросы, связанные с ИВА, решал “дирижабль”. Решил он эту проблему очень просто: мне запретили заниматься ИВА и посещать фирму академика Челомея! А в это время в Реутове готовятся четыре стапеля для изготовления первых опытных образцов аппарата. Звоню генеральному конструктору, рассказываю о ситуации в ЦПК. Владимир Николаевич Челомей принимает действия

Афанасьева за злую шутку. Тем не менее, постройка четырех ИВА откладывается на месяц до выяснения обстоятельств и позиции ЦПК в этом вопросе.

Спустя некоторое время выясняется следующее. Давыдович перед Афанасьевым “лепил горбатого” о моей скромной особе, объясняя, что мои попытки реализовать ИВА - это просто фантазии ведущего инженера-испытателя Ветра, а “дирижабль”, опираясь на своего брата-министра, сделал все возможное, чтобы академик Челомей, на время приостановил изготовление ИВА.

Тем временем я все-таки продолжаю испытания своих двух образцов этих аппаратов, созданных на базе ЦПК, о которых Афанасьев ничего не знал. Делается это в нерабочее время по вечерам в одном из технических корпусов. Результаты этих испытаний обнадеживают: оператор в герметичном объеме ИВА выдерживает более двух часов, выполняя за это время все необходимые операции по подготовке капсулы к спуску с орбиты ИСЗ. При этом ведется тщательный контроль и запись параметров атмосферы внутри ИВА с записью основных ее параметров (значения парциальных величин кислорода, углекислоты и водяных паров).

Отрабатывается отделение от орбитального блока, визуальная ориентация ИВА, его стабилизация и включение ТДУ (тормозной двигательной установки), имитация введения в действие основной парашютной системы.

Неоценимую пользу принесли нам на этих испытаниях Иван Алексеевич Локтюхин и Михаил Шинов. Сердечная им за это благодарность.

У меня были еще две встречи с В.Н. Челомеем где он говорил:

- Признателен тебе и Бессмертному (мой бортинженер в 100-суточных комплексных испытаниях ОПС “Алмаз”). Но видишь, что творится?! Я имею в виду Волынова. Нам надо срочно разобраться с этим! Сейчас надо спасать станцию... Мы займемся ИВА, но позднее...

Да. Проблема с ОПС “Алмаз” была. Почему командир экипажа Волынов досрочно прекратил полет, несмотря на несогласие и противодействие своего бортинженера Жолобова?

Это был убитый полет. Кто был заказчиком этого “убийства” - узнаем со временем. Все тайное в конце концов становится явным.

Неужели космонавты, которые были готовы на подвиг во имя Родины, могли предать свой полет из-за каких-то запахов на ОПС? Да и существовали ли они, эти запахи? Почему бортинженер Жолобов был против прекращения полета “Алмаза”? Ведь перед стартом этого экипажа мы с Бессмертным провели более двух часов с ним, давали рекомендации Волынову по результатам нашего 100-суточного “полета” на “Алмазе”!

Неподдельная горечь чувствовалась во всех этих вопросах, которые дважды Герой Социалистического Труда академик Челомей адресовал скорее самому себе. Я был лишь испытателем, которого он несомненно ценил не только за наш многосуточный земной “полет” на “Алмазе”, но и

за своеобразный “секс-сюрприз”¹, преподавший наглядный урок некоторым КБ. Ко всему, как мне казалось, Владимир Николаевич был далеко не безразличен к ИВА. Эти три “точки соприкосновения”, конечно, не могли оставить генерального конструктора равнодушным ко мне, вероятно, поэтому в его разговоре со мной присутствовала определенная откровенность...

Тогда же у меня родилась мысль спасти другую частицу проекта “Аэлиты” - малое, но очень надежное парусное плавсредство для комплектации НАЗов космических кораблей.

Но об этом - отдельный разговор.

А на “Скайлэбе” янки все-таки ухитрились проверить несколько индивидуальных средств для спасения астронавтов при возникновении на орбите аварийных ситуаций.

«ТЕРМОПАРА»

Был удачный день. Из Гомеля вернулась мама, к тому же я сдал экзамены на право быть командиром экипажа КК “Союз” на комплексных барокамерных испытаниях связки “Аполлон” - “Союз”. Земной полет должен был продолжаться 8 суток. Нас уже познакомили с бригадой американских инженеров и представителей NASA, которых возглавлял Уолтер Гай.

Бортинженером у меня был назначен Виктор Солдаткин из КБ. Нас поздравил руководитель испытательной бригады академик К.Д. Бушуев, тот самый, который был посвящен вместе с С.П. Королевым в суть моего проекта “Аэлита”.

Несмотря на март, дни стояли тихие и солнечные. Заметно садился снег, и совсем уж по-весеннему насвистывали в еловых ветках голосистые пичужки.

До конца рабочего дня оставалось около часа. Сдав свою папку с секретной литературой, я направился к выходу из управления. Походя мимо аудитории наших технических работников, я заметил приоткрытую дверь, заглянул туда просто так, благодаря своему приподнятому настроению.

В аудитории находилась только Галя Косатикова, наш бессменный помощник в подготовке всех видов документации и отчетов. Поздоровавшись с ней, я сел напротив и только тут заметил, что девушка держит в руках два совершенно разных будильника. Один из них крупногабаритный, производства Пензенского завода, а второй, величиной с небольшое яблоко, был изготовлен на Ереванском часовом заводе. Последний имел форму земного шара с летящей над ним крошечной золотистой ракетой.

Некоторое время мы молчали. И я поначалу не мог понять, что вызвало у девушки столь живой интерес к этим часовым механизмам, которые она, судя по всему, внимательно изучала. Неожиданно Косатикова поворачивается ко мне:

¹ Секс-сюрприз - См. с таким же названием.

- Константин Иванович, я никак не могу понять, почему за этот огромный железный будильник я заплатила всего 4 рубля, а за вот этот, совсем крошечный, - все 8 рублей 50 копеек. Что скажете?

Если честно, то говорить мне ничего не хотелось. Я так намотался за день, а тут какие-то будильники... Но оставить ее вопрос без ответа я, естественно, не мог, и потому сказал то, что первым пришло в голову.

- О, девочка! Здесь кроется великая тайна!

- Тайна? Да ну! И какая же?!

Я взял у нее из рук армянский “земной шар” с ракетой:

- Ты видишь эту золотистую малюсенькую ракету над земным шаром?

Она заинтересованно кивнула.

- Это не просто ракета. Это термопара! Ты знаешь, что это такое?

По глазам вижу, что это слово ей совершенно незнакомо, тем не менее я слышу ее ответ:

- Конечно, знаю. И что?

- Тогда смотри!

Беру будильник в левую руку, и прошу её двумя пальцами прикоснуться к “ракете”. В то же самое время правой рукой начинаю крутить звонковую стрелку будильника. И тут же “поясняю”:

- Как видишь, “ракета” измеряет температуру между пальцами! А стрелка показывает ее на циферблате!

Что показывала красная стрелка звонка, я и сам не знал, но остановиться было уже невозможно:

- Вот температура нарастает! Смотри: 35°С! 36,543! Это как раз моя температура! Поняла? Отсюда и цена...

Я не успел договорить, как оказался свидетелем удивительной картины. Со словами “Вот это да! Ну-ка, отвернитесь!” Косатикова расстегнула верхние пуговицы своего платья и засунула армянский часовой механизм себе подмышку. За сорок лет своей жизни я повидал всякое, но процесс измерения температуры будильником мне приходилось видеть впервые!

- А сколько надо держать? - в голосе девушки угадывался явный интерес к “процессу”.

- Как обычно, 10 минут! - ответил я и тихонько покинул аудиторию.

Войдя в кабинет галиного начальника, здороваюсь и тихо говорю:

- Ты знаешь, с Косатиковой что-то происходит.

- А что такое?

- Да на моих глазах она поставила себе подмышку ереванский будильник...

- Будильник? Но зачем?

- В качестве градусника! Ты сам можешь в этом убедиться! В этот момент в кабинет входят два офицера, Саша Гусаченко и Юра Козлов.

- Ребята! За мной! - командует Михаил, хозяин кабинета.

Три офицера входят в аудиторию, где за столом, странно перекосившись на один бок, сидит Косатикова. Я держусь позади это группы.

- Как дела, Галочка? - спрашивает Михаил. - А чего это ты так странно сидишь? Уж, не заболела ли?
- Я измеряю температуру...
 - Температуру? А чем?
 - Будильником... специальным...
 - Будильником? - У Михаила и присутствующих ребят глаза вылезают из орбит!
 - И кто же тебя надоумил делать такое?
 - Константин Иванович...

Последовавший за этим идиотский хохот присутствующих привел к тому, что Косатикова избегала разговаривать со мной несколько месяцев.

Правда, потом она простила мне эту безобидную шутку, и наши рабочие отношения больше никогда ничем не омрачались.

ПАРАНОИКИ

Утверждена программа первого в истории совместного полета с американцами - ЭПАС - экспериментальный полет космических кораблей "Аполлон" и "Союз". Вся программа этого полета, как и всех предыдущих, должна полностью проигрываться на Земле. Отсутствует лишь невесомость. Руководителем программы ЭПАС с нашей стороны был назначен академик К.Д. Бушуев. Во время одного из своих посещений ЦПК он нашел меня:

- Константин, нам надо встретиться в ближайшее время. Завтра сможешь? В КБ?

Константин Давыдович Бушуев был одним из самых человечных профессионалов космонавтики, с кем сводила меня судьба. Вместе с С.П. Королевым он был полностью посвящен в проект "Аэлита". Это был мой второй дипломный проект, предусматривающий создание дальнего, пилотируемого одним человеком космического зонда для облета Марса по траектории Гомана. Так уж получалось, что после смерти С.П. Королева академик Бушуев всегда интересовался и отслеживал все мои "земные полеты" по всем программам: лунные (Л 1-/13) КК "Союз", комплексные на ОПС "Салют" - "Союз", все барокамерные, морские и другие испытания пилотируемых космических комплексов с моим участием.

На следующий день я был в Подлипках. Академик поведал мне, что предстоит "земной полет" по программе ЭПАС совместно с американцами, причем в условиях вакуума. Мне было предложено быть командиром нашего экипажа в этом восьмисуточном "полете", программа которого помимо всего прочего предусматривала четыре перехода из корабля в корабль после их стыковки. Бушуев знал, что полгода назад я испытывал спасательные космические скафандры "Сокол" для экипажа нашего "Союза", которые были введены после трагической гибели Добровольского, Волкова и Пацаева вследствие разгерметизации СА КК "Союз" после его разделения с БО на траектории спуска.

Дав свое согласие на этот “полет”, я попросил лишь об одном: назначить в наш экипаж бортинженером Виктора Солдаткина, которого я хорошо знал по предыдущим совместным испытаниям космических комплексов. Академик не возражал. На том и порешили.

Мы с Солдаткиным сдали все экзамены и зачеты по системам кораблей и программе полета, короткого, но ответственного и сложного, и приступили к тренировкам, которые мы должны были завершить к приезду американской испытательной бригады.

Стартовали мы удачно, без серьезных отказов и, выйдя на “орбиту”, стали готовиться к стыковке с блоком “Аполлон”. Стыковка прошла штатно, впереди - 4 перехода из корабля в корабль. Ничто, казалось, не предвещало проблем.

И тут, всего за 2 минуты до первого открытия переходного люка “Союза”, я обнаруживаю, что этот люк не герметичен! А мы-то “летим” в вакууме! Такой отказ грозит срывом всей программы полета, на которую мы и янки ухлопали массу средств. Весь объем бытового отсека (БО) “Союза” просматривается телекамерами, американцам видно каждое наше движение, каждый жест. К тому же они прослушивают каждый звук в БО. Слышу как мой бортинженер шепчет про себя:

- Все, я буду уволен...

Мне некогда его успокаивать: времени у нас меньше полутора минут до перехода. Мы уже слышим движение янки в переходном туннеле “Аполлона”: они готовы принимать нас.

Бросаюсь к инструментальному блоку в СА и достаю находящуюся там нештатную струбцину, оставленную случайно при подготовке корабля. Одной струбцины мало, но это уже хоть что-то...

...Завершается первый переход. Мы побывали в “Аполлоне” и возвращаемся к себе в “Союз”. Теперь задача - отсечь нашей крышкой люка переходный туннель янки от БО, герметизируя наш корабль. Уже установлена причина негерметичности - это отказ механизма управления крышкой, он не обеспечивает усилия на герметизацию. Крышку надо дополнительно придавить к герметизирующему резиновому кольцу...

Замечаю, как начинает падать давление в БО, где находимся мы. Силой передвигаю Солдаткина так, чтобы он хотя бы на несколько секунд закрыл собой объективы телекамер, и за эти секунды успеваю набросить струбцину на крышку и кольцо корпуса люка. Быстро затягиваю струбцину пассатижами...

На табло гаснет сигнал “Разгерметизация”. Но утечка из нашего корабля продолжается: это заметно по специальному индикатору в БО. Чтобы нам не потерять атмосферу “Союза” надо иметь хотя бы еще две струбцины. Дорога каждая минута. По кодовой связи сообщаю о случившемся и одновременно через секретный малый шлюз передаю эскиз для срочного изготовления еще двух струбцин... Через час нам передают их целых три! Теперь мы “на коне”.

Все остальные три перехода прошли без сучка и задоринки: на установку всех четырех струбцин у меня уходило всего 14 секунд! Янки просто не успевали сообразить, почему наш бортинженер на какие-то мгновения перекрывает объективы их видеокамер. В остальном наша техника вполне доказала свою работоспособность в сложных условиях нашего барокамерного “полета” по программе ЭПАС.

После завершения этих комплексных совместных испытаний американцы были очень даже довольны результатами этого 8 суточного испытания и попросили нас сфотографироваться на память об этом событии, что и было сделано. После разбора всех моментов “полета” (кроме, естественно, одного) академик Бушуев крепко пожал Солдаткину и мне руки, намекнув, что через некоторое время мы обязательно встретимся.

Вечером этого же дня я был уже дома, где меня ждали интереснейшие “события”, дважды имеющие место в моей судьбе здесь, в Центре подготовки космонавтов.

Дома меня встречает моя верная подруга без намека радости в глазах:

- Костя, готовься к самому худшему.
- Кто-нибудь умер из наших?
- Нет...
- Все остальное поправимо.
- Ты уволен из армии.
- Ты уверена? За что? За ЭПАС?
- Просто так. Уволен и все. Мне сказал Виктор Иванович Кузнецов, работник нашего отдела кадров.

Береговой во Франции. Сегодня пятница. Впереди два выходных дня. Мои враги все продумали: я ничего не могу предпринять, а в понедельник приказ об увольнении подпишет Главком ВВС, и тогда - все! Свои приказы этот человек отменять не любит. Остается одно: найти координаты Берегового во Франции....

...Начальник ЦПК дает срочный приказ из-за рубежа: немедленно отозвать мое представление об увольнении! И материт по телефону начальника отдела кадров ЦПК некоего Корчагина, друга политурода Копыловича. А тут я еще пошел на прием к генералу Ваганову, заместителю Берегового, который, как мне кажется, уже был осведомлен о моем закулисном увольнении, может быть даже и Береговым. Ваганов сказал мне, что никакого увольнения не будет.

Один работник нашего отдела кадров как-то сказал мне при встрече о Копыловиче и Корчагине:

- Эта “сладкая” парочка вместе со Шмотовым - настоящие садисты! Покончив с одной жертвой, они тут же принимаются за другую... Только вот с тобой у них уже третий раз происходит осечка! Ну, и силен же ты, мужик!

Что ж, мразь параноидальная всегда стреляет в спину нормальным труженикам. Но мы-то - в брежежилетах.

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ...

В ЦПК была очень толковая парашютная служба. Возглавлял ее Вячеслав Крылов, опытный мастер спорта, сколотивший вокруг себя профессиональную группу парашютистов Звездного городка. Вот почему нам, инженерному составу испытателей, можно считать парашютизм своим профессиональным хобби, как и работу в гидроневесомости. Годовой норматив был на каждого минимум сотня прыжков, причем прыжков самой различной сложности: от простых - на точность приземления, до сложных комбинированных с большими задержками раскрытия парашюта (до 70 секунд). Частенько на нашу долю приходились и экспериментальные прыжки, связанные с научными исследованиями надежности человека-оператора в условиях воздействия стресс-фактора высокой интенсивности.

Имена участников этих работ говорят сами за себя: Ирина Соловьева (дублер первой женщины-космонавта Валентины Терешковой), Вячеслав Крылов, Геннадий Колесников, Сергей Киселев, Валерий Строганов и другие.

Нам приходилось выполнять акробатические прыжки, прыжки в группе, образуя в свободном падении самые разнообразные фигуры “пирамиды”, “кресты”, “звезды”, а также сложные прыжки с приводнением на морскую поверхность.

Каждый год наш отряд “Преданных небу” пополнялся молодыми офицерами, для которых парашютизм стал второй профессией. Но поначалу они не имели никакого опыта в столь необычном и опасном занятии. Как правило, большинство из этих ребят, испытав чудодейственное влияние неба, навсегда оставались с нами.

Между нами шло негласное доброе соперничество по количеству подготовленных нами новичков. У меня с учетом и аэроклубных их перевалило за сотню. В городке это были в подавляющем числе военнослужащие.

Долго и упорно “обрабатывал” я своих коллег по отделу Сашу Придорогина, Виктора Косатикова и Володю Колясникова. И, о чудо! В один прекрасный весенний день все трое дают мне свое согласие на подготовку к летним прыжкам!

Мы начинаем готовиться. За полтора месяца моими офицерами сданы экзамены по теории парашютизма, по устройству многих парашютных систем, по их укладке, действиям после оставления летательных аппаратов, при парашютировании и приземлении.

Через неделю мы едем в Киржач, где на базе парашютного НИИ мои кандидаты и будут выполнять свой первый в жизни прыжок. Правда, с этой поездкой у меня были и свои чисто профессиональные трудности. Дело в том, что в день выполнения прыжков я должен был быть к 12.00 в нашем ЦУПе, где мне наверняка придется отвечать на вопросы экипажа КК по возникшим нештатным ситуациям при переходе в орбитальный комплекс.

В Киржач нашу группу новичков доставили автобусом из Звездного городка. Мы разместились в гостинице упомянутой базы и через пару часов уже приступили к укладке парашютов, что необходимо было сделать до ужина. Июль в этом году был ясным, без сильных ветров, так что погода обещала не подвести моих “абитуриентов”.

...Солнце уже коснулось горизонта, когда мы закончили укладку парашютов. Не торопясь, поужинали, и всем был дан отбой: прыжки начинались в 4 утра, ребятам надо было хорошенько выспаться. А те, кто поопытнее, продолжали укладку своих более сложных куполов, надеясь успеть в эти же утренние часы выполнить по 3-4 своих экспериментальных прыжка с большой задержкой раскрытия...

04.00. Подъем! Медицинский осмотр. Получаем “добро” доктора. К моим новичкам медицинских претензий тоже нет. Грузим свои парашюты на машину и выезжаем на старт.

Наблюдаю за своей тройкой: вид у “кандидатов” на стартовой площадке возбужденно-угнетенный. Это и понятно, мне не один раз приходилось наблюдать подобное. Счастливое исключение было однажды, когда моя старшенькая 14-летняя дочка выполняла свои, первые в жизни 2 прыжка на базе Ленинградского аэроклуба в Лисьем Носу. Надо отдать должное: я не заметил у Оли и тени психологического дискомфорта! Особенно при ее первом покидании самолета. Должен сказать, что у нее на этом первом в ее жизни прыжке с 1000 метров произошел отказ основного купола, и девчушка вполне грамотно применила запасной парашют. Мало того, она тут же, с интервалом в 15 минут, совершает и свой второй прыжок. Мой стойкий хрупкий человечек...

Выстраиваю свою команду, осматриваю. Вслед за мной это же делает и Крылов.

Мы поднимаемся в свой МИ-8 и занимаем места.

Идет набор высоты. Для моих новичков это 1000 метров. В нужной точке сбрасываем пристрелочный парашют. Все остальные ребята прыгают позднее с 3000 метров и задержкой - 50 секунд, выполняя в свободном падении предусмотренное программой задание.

Загорается желтый огонь: приготовиться! Придорогин, Колясников и Косатиков встают и выстраиваются в затылок друг другу, перед ними за уже открытой дверью голубая бездна! Я стою у среза двери, и мне хорошо видны лица моих ребят: у Придорогина лицо сплошь залито красным светом восходящего Солнца и напоминает рожу покинувшего парилку человека! Лицо Колясникова покрыто красно-белыми пятнами волнения! Косатиков совершенно бледен! Словно предстоит бедняге восхождение на эшафот. В шуме двигателей пытаюсь сказать ребятам несколько мобилизующих слов, но напрасно: они меня не слышат.

Звук сирены и зеленый огонь! Ору им в уши:

- Пошел!

Секундное колебание, и Придорогин, а за ним и остальные исчезают в голубой бездне... Я наблюдаю нормальное срабатывание парашютов у всей тройки. Все в порядке!

Мы забираемся на свои 3 версты и покидаем “вертушку”.

После своего приземления прихожу на линию старта. Там уже вовсю идет поздравление моих “крестников” с их первым прикосновением к Небу. Их не узнать! У всех - красные самодовольные физиономии! Судя по их заявлениям, прыжок с парашютом - это самое большое счастье в их жизни! Во, как!

По завершению утренней программы подхожу к своим и, отведя в сторону, задаю каждому в отдельности один и тот же вопрос: “О чем ты думал в вертолете перед отделением?” Вот их ответы:

Александр Придорогин: “На кой хрен я с тобой связался!!!”

Володя Колясников: “Говорила же мне жена: “Не слушай ты Ветра!”

Виктор Косатиков: “Надо же! Поддался на уговоры Ветра! Дурак!”

Эти такие хорошие ребята в состоянии эйфории после совершенных прыжков бесхитростно признаются мне в своих “злых” мыслях, пронесшихся в их головах перед шагом в бездну.

До моего дежурства в ЦУПе остается три часа. Как мне одолеть хотя бы 70 километров от Киржача до Чкаловской? А там еще “пилить” на электричке до Подлипок! Меня может выручить лишь один человек. Иду к нашему замечательному вертолетчику-испытателю Алику Катку:

- Дружище, опаздываю в ЦУП.
- Нет проблем!

...На автобусной остановке маршрута Черноголовка - Москва пассажиры становятся свидетелями необычной картины: в 20 шагах от стоящего автобуса с неба неожиданно валится МИ-8, из которого выскакивает человек со спортивной сумкой и впрыгивает в автобус! А вертолета-то уже и след простыл!

На всю “операцию” потребовалось всего... 6 секунд!

В 11.52. я занимаю место за пультом связи с экипажем орбитального комплекса.

АЛМАЗ-100

Не проходит и дня, чтобы нас не пугали. Нашу страну, всех живущих в ней. Где-то там далеко нарождается Стратегическая оборонная инициатива - СОИ. Оказывается, что наш мирный, добрый, нравственно крепкий и умный народ, положивший на плаху Второй мировой войны 40 миллионов жизней своих сынов и дочерей, получивший в результате фашистского нашествия огромные разрушенные и сожженные территории с тысячами мертвых городов и селений, и вот этот народ объявляется кем-то на весь мир ИМПЕРИЕЙ ЗЛА! Не больше и не меньше!

Мы никогда не бросали на другие страны ядерные бомбы, не поливали плодородные земли других народов напалмом и ядами, никогда не убивали тысячами стариков, женщин и детей в их домах, не уничтожали ракетами мирных тружеников в бомбоубежищах и работников посольств других стран в их резиденциях. Даже наоборот: народ наш ценою колоссальных лишений уничтожил сильнейшую дьявольскую систему гитлеровского фашизма...

И вот вдруг некто все ставит с ног на голову, трубит повсюду, визжит, беснуется, именуя нас и нашу прекрасную Родину "империей зла"... Для всех нормальных людей этот вопль - безнаказанная насмешка над разумом. Мало того, нам всем, уже не стесняясь, просто грозят уничтожением, уничтожением православных и мусульман, католиков и протестантов, верующих любых других конфессий. Поэтому нам необходимо противостоять этой клевете.

Я хорошо знаю Генерального конструктора ракетных комплексов Владимира Николаевича Челомея, сделавшего для защиты нашей Родины очень много. Я не знаю, почему на меня с Валерием Бессмертным пал его выбор при назначении экипажа на комплексные наземные испытания прообраза нашей КУРС¹ пилотируемой орбитальной станции "АЛМАЗ", детища Челомеевской фирмы. Вероятно, здесь был учтен наш большой опыт участия в испытаниях такого рода. При специальном оснащении "Алмаз" мог противостоять практически любым ядерным или иным попыткам космического нападения на Родину.

Челомею мешали. Очень. Кто это делал, и зачем - мы узнаем со временем, обязательно узнаем. Все перспективные разработки пилотируемых космических объектов всегда подвергались негативной критике. Малейшие недостатки испытаний возводились в ранг принципиальных ошибок и недоработок, которые преподносились руководству страны как неодолимые и вредные. Даже в ЦК КПСС сложилось своеобразное лобби, ставившее многочисленные "палки в колеса" Челомеевского КБ. Помнится, как Владимир Николаевич при обсуждении моих разработок ИВА применительно к "Алмазу" как-то обречено махнул рукой:

- Видишь, угробили полет "Алмаза"! А ведь мы могли получить очень нужную ОПС. Такую крошку, как твой "ИВА" они прихлопнут словно муравьишку...

Насколько правым оказался Генеральный Конструктор, читатель может узнать из рассказа ИВА, к которому я его и отправляю.

Все это будет несколько позднее. А сейчас двум испытателям предстояло "отлетать" на "Алмазе" сотню суток, прочувствовать на своей шкуре, определить и зафиксировать все сильные и слабые стороны прообраза будущей КУРС.

Нашему старту предшествовал огромный объем работы по изучению всех систем станции с последующими экзаменами на право управления

¹ КУРС - космическая ударная ракетная станция.

“Алмазом” в наземных длительных комплексных испытаниях. Этот “полет” был максимально приближен к реальному, и экипаж понимал, что планируемая продолжительность в 100 суток предоставит нам немало трудностей и сюрпризов. У меня уже накопился опыт подобных испытаний (лунные комплексы, КК “Союз”, ОПС “Салют” в сочетании с КК разных назначений, комплекс “Аполлон”-“Союз” и другие). Нисколько не сомневался, что и мой молодой бортинженер отлично справится с задачей, поскольку в процессе труднейших барокамерных испытаний скафандров “Сокол-К” он проявил себя с наилучшей стороны, (см. рассказ “Мелочи жизни”).

Идет предполетная конференция. В зале более сотни специалистов. Мы докладываем помощнику Главкома ВВС дважды Герою Советского Союза генералу Шаталову о нашей готовности к проведению испытаний, и отвечаем на многочисленные вопросы присутствующих инженеров и врачей. Задаем и свои. Через сорок минут мы надеваем скафандры “Сокол-К” и занимаем места в СА КК “Союз”. К ОПС нам надо еще “лететь” двое суток, после чего, реализовав “стыковку”, экипаж должен перейти в основной блок станции и приступить к работе.

Испытания прообраза нашей КУРС длились в течение 94 суток. Мы выполнили всю программу “полета”, который отличался от реального разве только отсутствием невесомости. Было проверено множество вариантов управления всеми системами “Алмаза”, ОПС полностью соответствовала своему орбитальному назначению.

Помните о “Дробшоте”? Лихие люди изобрели его для ядерного нападения на нас с вами. Так вот, располагая усовершенствованными ОПС типа “Алмаз” с лазерным оружием на борту, можно было от их “Дробшотов” оставить один “шот”, и тот обгорелый...

Программа этих испытаний была завершена практически полностью. Единственным слабым местом в этом мощнейшем космическом комплексе была довольно низкая возможность установления негерметичности любого из пяти его отсеков.

Дело в том, что при атаке “Алмаза” противником экипаж даже в этих условиях должен был бы выполнять свою основную задачу по уничтожению летящих на нашу территорию ядерных зарядов противника, выполнять даже при условии атаки станции вражескими огневыми средствами. В таких условиях экипаж ОПС должен безошибочно определять негерметичность любого из пяти имеющихся отсеков, чтобы иметь возможность укрыться в герметичном объеме для решения в нем дальнейших проблем по своему спасению. Средства, предназначенные для быстрого нахождения поврежденных объемов станции, были громоздки, затрачивали непозволительно много времени на установление негерметичности и, главное, решали эту задачу с недопустимо малой вероятностью ее обнаружения. Таким образом, этот вопрос оставался открытым и после нашего “полета”, хотя проблемой занимались серьезные НИИ. О совершенно

неожиданном и курьезном случае “изобретения” надежного средства для определения негерметичности объемов станции я упоминаю в рассказе “Секс-сюрприз”.

Из “своего” орбитального комплекса мы с Валерой вышли прямо в солнечное лето! В яркую зелень деревьев и трав, в запахи цветов и жизни! Ведь почти за сотню суток пребывания в замкнутом объеме мы просто забыли даже запах хлеба и дождя.

Через несколько дней по окончании медицинского освидетельствования мы встретились в профилактории Звездного городка с первым космическим экипажем “Алмаз” - Б. Волыновым и В. Жолобовым. Это была продолжительная встреча, на которой мы дали отличную характеристику станции и всего комплекса в целом.

Впервые экипаж испытателей был поощрен командованием семейными санаторными путевками в Чимитоквадже, где мы и провели свой очередной отпуск.

Конечно, тогда мы не могли даже предположить, что первый орбитальный полет “Алмаза” закончится столь плачевно. Об этой, с позволения сказать, “эпопее” я упомянул в рассказе “Убитый полет”.

СЕКС-СЮРПРИЗ

Чего только не бывает на белом Свете! Вот вам история, в которую и поверить-то невозможно.

На фирме академика В.Н.Челомея была создана замечательная и, главное, необходимая для Родины ОПС “Алмаз”. Ее появление открывало целую серию перспективных космических объектов, столь необходимых для обеспечения безопасности нашего Отечества.

Мне посчастливилось быть командиром экипажа ОПС “Алмаз” в длительных комплексных наземных испытаниях, программа которых включала в себя все аспекты и составляющие реального полета, кроме невесомости.

Спустя некоторое время после завершения нами многосуточного “полета” на “Алмазе”, меня вызвал начальник 2-го Управления ЦПК генерал Г.С.Шонин и попросил (читай - приказал) прибыть в НИИ, где проводилась доводка бортовых систем этой станции после испытаний перед реальным полетом; о цели этой поездки генерал не знал, просто ему позвонил заместитель В.Н.Челомея и попросил “прислать” к ним мою скромную персону.

...В зале для технических совещаний НИИ я пробрался на свободное место и, слушая выступающих, стал вникать в суть обсуждаемой проблемы.

Речь шла об испытаниях специального индикатора негерметичности модулей станции, создателями которого было несколько институтов, причем его изготовление заняло более года, а финансовые затраты превысили

шестизначную сумму в рублях. Первые испытания этого столь дорогого прибора показали его очень низкую эффективность, позволяющую только в 20 случаях из 100 определять модуль станции с нарушенной герметичностью. Ко всему этот прибор был громоздким, имел большую массу, занимая большой объем в интерьере ОПС.

Небольшое пояснение. Представьте себе, что станция в результате обстрела на орбите получает пробоину одного из своих пяти герметичных отсеков. Как экипажу в считанные секунды определить разрушенный модуль? Как изолировать его от остального объема? Наконец, где самому временно укрыться для спасения? Упомянутый прибор-шкаф позволял выявить герметичность за 16 минут при низкой вероятности установления негерметичности поврежденного модуля.

Из выступлений создателей прибора на этом совещании я узнал, что испытания прибора уже проводились в течение месяца, но результаты их никого не обнадеживали.

Председатель технического совета обратился с просьбой к присутствующим выслушать и мои соображения по этому вопросу: как никак сотня суток нашего “земного” полета могли породить полезную догадку, мысль или хотя бы намек для выхода из столь щекотливого для создателей прибора положения.

Выступая, я выразил только две просьбы: уточнить мне задачу по определению негерметичности модулей “Алмаза” и дать мне в помощники человека, которого я выберу своим ассистентом. На вопрос о времени начала нашего эксперимента по определению негерметичности станции я попросил полчаса. Зал зашумел, я слышал довольно саркастические высказывания в свой адрес с издевательским даже оттенком, но не обращал на это никакого внимания... “Смеется тот, кто стреляет первым”, и я был уверен, что это сделаю я.

Еще ранее я заметил в зале майора Архипенко, уже бывшего однажды моим дублером, его-то я и попросил стать моим главным помощником в предстоящем эксперименте. Согласие было получено. Мы уединились с ним в одну из свободных аудиторий, где я и поведал Архипенко свой план... После чего майор отлучился на десяток минут, и с его возвращением мы стали надевать полетные костюмы, в которых и предстояло нам пребывать внутри “ОПС”.

...Мы на центральном посту “Алмаза”. Полная герметизация всего комплекса. Докладываю о готовности.

...Раздается рев сирен. Загораются транспаранты “Аварийная разгерметизация”. Мы выпрыгиваем из кресел и несемся в СА КК “Союз” (он пристыкован к ОПС), мгновенно закрываем крышку люка СА-БО, и я ставлю на КВД крышки “специальное приспособление”, раздобытое моим ассистентом за 10 минут до начала испытаний. И наш индикатор показывает утечку из СА, где мы находимся.

На КСП герметизирую 1 -й модуль! Сирены ревут! Герметизирую 2-й модуль! Мы гложнем от наступившей тишины! Докладываю:

- Негерметичен 2-й модуль!

На установление негерметичного отсека нам понадобилось всего 5 секунд! В наушниках наших шлемофонов чувствуем явное замешательство руководителей эксперимента.

Вновь занимаем позицию на центральном посту.

Вой сирен! Аварийная разгерметизация!

Спринтерская гонка в СА! Наш "индикатор" четко и безошибочно "регистрирует" утечку из СА. Докладываю:

- Негерметичен СА!

...За три часа испытаний, воя сирен, экстренных перемещений экипажа из центрального поста станции в СА КК "Союз" нам 57 раз предъявлялся тест на выявление модуля с нарушенной герметичностью! За это время экипаж ни разу не ошибся.

При этом задача решалась в считанные секунды!

...Мы сидим рядом с заместителем Генерального конструктора. В аудитории - полнейшая тишина. Простота решения технической проблемы, их проблемы, которую они, получая зарплату, не решили в течение длительного времени всех поразила. Здесь, в президиуме, я слышу теперь их растерянное сопение...

- Да. Все это необычно. - Лицо председателя, ставшее ласковым, обращено к нам. - И все-таки, как это вам удалось?

Мне приходится выйти к доске и взять мел. Через минуту готова схема объединенных модулей "Алмаза". Говорю в зал:

- Все дело в КВД СА-БО.

- ???

И тут я достаю из верхнего кармана своего полетного костюма... презерватив...

- У-у-у-у! - ревет зал. - Надо же!

И аплодисменты. Всех присутствующих. Умные ведь люди. Все поняли сразу. Даже без всяких пояснений с моей стороны.

P.S. При дистанционном закрытии люков утечка из поврежденного модуля прекращается, и изделие "П", надетое на КВД, перестает обжимать КВД. При негерметичности СА "П" увеличивается в объеме от перетечки воздуха из ОПС в СА.

А КТО НЕ ОШИБАЕТСЯ?

Как-то моё внимание привлекло высказывание одного умного человека: ко всему ещё государственного и общественного деятеля: "Каждый хороший и умный человек заслуживает врагов". До появления в ЦПК я бы, пожалуй, попытался оспорить эту мысль, но, оказавшись здесь, приходилось убеждаться в её правильности далеко не один раз. Геннадий Колесников, к.т.н., умница, мастер спорта, а сколько "ударов" наполучал от

тупоголовых завистников! При этом была установлена интересная зависимость: чем тупее и беспринципнее твои недоброжелатели, тем сильнее и больше они тебя стегают! Под такие “удары” попадали практически все наши интеллектуалы - Николай Юзов, Владимир Григоренко, Александр Шурубкин. Доставалось же всем этим умным беднягам от всякой там немыслящей братии и завистников, особенно.

За десятки лет моей работы в ЦПК я никогда никому не причинял не только какого там “зла”, но даже самых малых неудобств в работе и жизни, но тем не менее... Приходилось убеждаться, что основной причиной негативного к тебе отношения других “человеков” является элементарная зависть! Неважно, как и в какой форме она проявляется, и сравнить ее можно лишь со своеобразным, скрытым и очень опасным заболеванием, способным перерасти в самые непредсказуемые формы враждебного поведения.

В Звёздном городке завуалированный элемент зависти проявлялся, как правило, у административных служек. Например, до сих пор вызывает недоумение скрытое недоброжелательство работников штаба и руководства наших управлений к испытателям. Казалось, чему было бы им завидовать: ходят они, все обвешанные орденами и медалями, правда, не понятно за что полученными. Люди кругом удивляются и смеются над этими награждёнными “тыловиками”, которые причиняют труженикам всякие мелкие пакости.

За годы работы в ЦПК я что-то не видел никаких наград у тех, кто “вкалывал” постоянно, не считаясь со временем, местом, обстоятельствами и здоровьем. Пример тому - Сергей Киселев, заслуженный мастер спорта, парашютист, невесомщик и гидроневесомщик в одном лице. Сколько сделал, сколько провёл времени в небе, под водой. Ан нет! Даже завалящей медальки я у него не видел! То же могу сказать о Вячеславе Крылове, Михаиле Новикове, Николае Мулярове, Геннадии Микулине и дюжине других испытателей. Вот, уж, поистине люди, абсолютно лишённые чувства всякой зависти, готовые в любую минуту прийти на помощь и бескорыстно оказать поддержку своему товарищу в самой критической ситуации. Отсюда и отсутствие конфликтов между нами. Приведу пример, в котором, казалось, были причины для “обострения” отношений, но этого не произошло.

...Мы выполняли серию прыжков в Киржаче с простым заданием - выполнить сходжение в свободном падении, образовав одну из намеченных фигур - “крест” или “звезду”. Мы оставляем “вертушку” на высоте 3000 метров, сходимся, образуем фигуру, в которой и несёмся к земле со скоростью 50 метров в секунду. За несколько секунд до раскрытия парашютов каждый из нас выполняет разворот на 180 градусов, продолжая падение в направлении заранее выбранного ориентира на земле. Это обеспечивает полную безопасность при раскрытии парашютов у каждого из нас.

... Делаю свой разворот. До раскрытия парашюта у меня 4 секунды и тут я вижу, как прямо подо мной по моему же направлению стремительно движется Сергей Киселёв! Только мгновенное введение в действие моего парашюта спасает меня от столкновения с Сергеем! Ведь я оказываюсь всего в нескольких метрах от его купола!

После приземления подхожу к Сергею. Поначалу он беззлобно ершится, да это и естественно, ибо совершать такие “неточности” человеку с 3000 прыжков, мягко выражаясь, нежелательно. Уже через минуту Киселёв соглашается с допущенной им “вольностью”. Что ж, кто не ошибается?

Второй раз мы поспорили с Сергеем в несколько необычных условиях.

В ноябре я перегонял наш парусный пентамаран “Гелиос” из Гаваны в Варадеро (Куба). В день своего возвращения домой жду объявления посадки самолёт в аэропорту им. Хосе Марти в Гаване. И тут неожиданно встречаю Сергея Киселева, тоже возвращающегося домой после каких-то проводимых на Кубе соревнований парашютистов.

Разговорились. И тут я услышал, что парашютный спорт - очень сложный, трудный и опасный вид спорта. Он превосходит даже яхтинг по уровню интеллекта и опасности! Странно, что Сергей говорил это мне! На такое заявление оставалось только улыбнуться.

Каждый здравомыслящий человек, хорошо знакомый с яхтингом или парашютизмом обязательно сделает объективное и правильное заявление: эти два вида спорта не подлежат сравнению по уровню и объёму необходимых знаний, а также по степени и продолжительности воздействия стресса высокой интенсивности на человека. Уровень необходимых знаний для ведения парусника в океане превосходит их примитив в парашютизме на два порядка! Попробуйте провести яхту без мотора из своего порта в любую точку земного шара и тогда лишь сможете осознать, понять сказанную мной истину: гораздо легче выполнить сотни сложных прыжков, чем добраться, например, из Феодосии до Рио-де-Жанейро в Бразилии. Кстати, это даже очень простой океанский маршрут...

Кроме упомянутых двух “спорных моментов” никаких конфликтов у меня с Киселевым никогда не было. Как и со всеми другими парашютистами и испытателями. Да и можно ли назвать это “конфликтом”? Ведь после этого Сергей неожиданно дарит мне большую фотографию с летящими в небе парашютистами и надписью, сделанной своей рукой: “Косте Ветру! Увлечённому и отчаянному Человеку” С. Киселев”. Это же такое дружелюбие!

А кто не ошибается?

КАЗНИ КОСМИЧЕСКИЕ ...

После смерти академика С.П.Королева на фирмах-разработчиках и изготовителях пилотируемых космических комплексов различного назначения стали происходить странные события. Не миновали они и ЦПК.

1. Созданный огромным трудом малый орбитальный самолет “Спираль” мог бы подняться в космос через считанные месяцы. Предполагалось, что этот первый пилотируемый образец нашего “Шаттла” будет испытан летчиком-космонавтом Германом Титовым. Уже велась подготовка к этому старту но неожиданно для всех нас Министр обороны срочно подписывает приказ о прекращении всех работ со “Спиралью”. И это-то за несколько лет до “челноков” - “шаттлов” США.

В те дни у нас в ходу была песенка:

*...Перо шустрое макнув, он¹ каракуль завернул,
Утверждая, что “Спираль” создал русский парень-враль!
Но министр-то сам почил, нам понять не поручив.
Кто водил его рукой пред отправкой на покой!*

2. На протяжении всего времени своего существования наша лунная программа Л1 -Л3 тормозилась самым бесстыдным образом! Уже в 1965 году в ЦНИАГе проходил отбор наших экипажей для облета и высадки на Луну. Это было за 4 года до “Аполлонов” США. Мне довелось в составе экипажа Л1-Л3 провести комплексные испытания лунного корабля по программе полета. За 12 суток мы вдвоем “облетели” Луну, отработали схему посадки (вариант 1 + 1) на лунную поверхность и “вернулись” на Землю с настоящей посадкой на морскую акваторию, на которой в условиях 6-бального шторма прокачались еще 13 часов, связавшись с десятком “кругов” на КВ и многими самолетами и кораблями - на УКВ.

За этот самый сложный “полет” мой коллега по экипажу был представлен к правительственной награде. К сожалению, я был вычеркнут из наградного списка заместителем начальника политотдела ЦПК, с которым у меня не сложились отношения. Да разве дело в наградах? Кто-то с холодным расчетом за считанный месяц буквально развалил нашу лунную программу, ликвидировав весь огромный дорогостоящий тренажный парк Л1-Л3, на котором после нашего “полета” всюду шли тренировки лунных экипажей. Одним из “аргументов” этих разрушительных действий лунной программы были названы якобы неудачные посадки наших беспилотных лунных кораблей - “Зондов” - на акваторию Индийского океана...

3. В середине 70-х годов фирмой академика, дважды Героя Социалистического Труда В.Н.Челомея была создана уникальная орбитальная пилотируемая станция “АЛМАЗ” - прообраз КУРС^{1 2}. Мне посчастливилось быть командиром экипажа на наземных комплексных испытаниях этого прекрасного орбитального блока. В 95 - суточном “полете” наш экипаж

¹ Министр обороны СССР.

² Космическая ударная ракетная станция.

досконально проверил все бортовые системы “Алмаза”, дав высокую оценку прообразу КУРС и множество рекомендаций космическому экипажу - Вольнову и Жолобову. Но что же происходит потом?

В полете с программой до 130 суток?

Спустя некоторое время после старта принимается беспрецедентное решение о немедленном прекращении полета! Аргументом для этого послужило появление “вредных” запахов в атмосфере модулей станции. Бортинженер “Алмаза” Виталий Жолобов всячески препятствует этой попытке. Дело доходит до серьезного конфликта между командиром и бортинженером “Алмаза”. Тем не менее, полет прекращается задолго до завершения программы...

Тщательное обследование ситуаций на “Алмазе” совместно с детальным анализом работы всех бортовых систем орбитального комплекса доказали: не было абсолютно никаких предпосылок для прекращения пилотируемого полета станции! Безупречность и надежность всех бортовых систем “Алмаза” были подтверждены и последующими экипажами этого комплекса!

Мнимые отказы систем ОПС “Алмаз” были умышленно придуманы для досрочного прекращения полета этого орбитального комплекса, значение которого для обороны нашей Родины трудно переоценить...

После всего случившегося, несмотря на отчаянную попытку академика Челомея защитить и спасти свое детище, столь необходимое для безопасности страны, несколько лиц из ЦК КПСС неожиданно поддержали разрушителей нашей будущей КУРС, при этом весь тренажерный парк - бесценный комплекс - был срочно демонтирован и уничтожен!

4. Наш орбитальный самолет. Наше космическое чудо “БУРАН”. Наш “Шаттл”. Его печальная судьба известна всем! Уникальное умное дорогостоящее изделие превращено в... вонючий притон в парке Москвы!

Кто же все это “выполняет”? Кто?

P.S. Я - ведущий инженер-испытатель пилотируемых орбитальных комплексов. Позади сотни суток участия в комплексных наземных испытаниях всех, сколько-нибудь значимых пилотируемых космических кораблей и станций от “Союзов”, “Салютов”, лунников, связки “Аполлон”-“Союз” и наших КУРС. За свою трудовую деятельность я выполнил более полутора тысяч парашютных прыжков, в том числе сотни экспериментальных, с большими задержками раскрытия парашютов, участвовал в полетах на нулевую и лунную гравитации.

Тысячи часов работал в гидроневесомости в космических скафандрах и с аквалангом. Сто часов морских испытаний КК и лунников. Полмира пройдено под парусом.

Могу с полной определенностью сказать, что во всех преступлениях, творимых с нашей космической пилотируемой программой, принимали участие мерзавцы-политработники, аналогичные тем, кто все это время “руководил” нами в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина.

«ЗУБОЧИСТ»

Отобранным в результате жесткого конкурса четверем испытателям предстояло участие в трудных, я бы сказал, в жестких и длительных испытаниях совершенно новой пилотируемой космической станции. Нами были сданы все экзамены по теории и практике предстоящих “земных” полетов, и в заключение нас пригласили в Институт медико-биологических проблем (ИМБП) для медицинского тестирования.

Я был назначен командиром основного экипажа, мой хороший знакомый и сосед по Звездному городку Саша Сухов определялся моим дублером.

Оба наши экипажа, основной и дублирующий, размещались в одной огромной светлой палате, в которой можно было бы расположить три десятка коек, подобных нашим. Рядом с нами находилась палата с небезызвестным Юрием Сенкевичем, телеведущим “Клуба путешественников”. Нам было непонятно, кем собирался быть на орбите Сенкевич? Путешественником? Врачом, как у Хейердала? Но, не дороговато ли?

Каждое утро в течение всего прохождения медицинского обследования трое из нас: основной и дублирующий бортинженеры и я совершали многокилометровые пробежки, а Сухов обходился комнатной гимнастикой в палате.

Нами было подмечено очень своеобразное хобби: каждое утро он уделял чистке своих зубов не менее сорока минут! Как, чем и для чего Саша столь длительное время скреб свои челюсти не знал даже директор ИМБП академик Газенко. Надо отдать должное “зубочисту”: белизна его двух передних зубов могла вполне конкурировать с белозубостью голливудских красавиц.

Вообще-то Саша Сухов был очень коммуникабельным и исключительно честным представителем офицерской элиты Звездного городка. К этому времени у него уже был небольшой опыт парашютных прыжков (более 100), за что он однажды получил приглашение поучаствовать в одной из моих научно-исследовательских работ, требующих определенного опыта в парашютизме. Впоследствии, с приобретением опыта, Сухов реализовал интереснейший и опасный эксперимент, совершив десантирование с нахождением в боевой машине, за что был представлен к званию “Герой России”. Но это было много позднее, а сейчас...

...Мы решили разыграть нашего “зубочиста”.

Утро. Сухов направляется в туалетную комнату для приведения в порядок своих зубов, а мы тем временем обыгрываем свой сценарий.

Напевая песенку о “Веселом ветре”, Саша возвращается в палату и замирает у двери: мы все лежим на своих койках, и у каждого из нас во рту он видит резиновые трубки желудочных зондов, по которым в подставленные колбочки стекает... наш желудочный сок...

- Шаша! - говорю я вошедшему Сухову, заведомо шепелявя из-за трубки во рту. - Срочно ложись и заглатывай свой зонд. Вот он лежит у

тебя на тумбочке вместе с колбой. И срочно “гони” сок! Через полчаса мы все должны сдать его на анализ повторно!

- Но мы же два дня назад уже сдавали.
- Повторно! Слышишь! Наверно что-то нашли у кого-то из нас!

Гримаса искажает лицо моего дублера! Кому хочется вот так неожиданно глотать зонд? Если вы когда-либо глотали, то и поймете настроение Сухова перед этой “операцией”!

...После дюжины попыток заглатывания резиновой трубки с наконечником Сухов справляется, наконец, с задачей, и кряхтя, и страдая, буквально валится на свою койку. Он поворачивается на бок и замирает, отвернувшись к стене. “Процесс пошел”!

Мы смирихонько лежим, постанывая и чертыхаясь. В наши колбы идет чистая слюна, в то время как у Сухова в колбе начинает появляться настоящая внутриутробная жидкость.

Тишина. Проходит 10 минут.

Неожиданно в палату открывается дверь, и в окружении двадцати своих врачей к нам входит наш ведущий медик профессор Татьяна Николаевна Крупнина. Она проводит нас каждое утро в это время, интересуясь любой подробностью нашего самочувствия.

Мы стремительно выдергиваем из своих ртов короткие обрезки резиновых трубок, имитирующих желудочные зонды в сборе, и прячем их вместе с колбами под одеяло. После этого приветствуем нашу профессоршу.

Саша лежит спиной к двери, но ему наплевать на вошедших: он страдает! И громко и жалобно так постанывает, бедолага.

- Как чувствуете себя, мои дорогие испытатели?

Мы втроем уже стоим перед Крупниной и ее группой сопровождения, улыбки на наших лицах красноречивее слов говорят о нашем самочувствии.

- Вот нас немного тревожит Сухов, - говорю я тихо. - У него навязчивая идея - сдавать каждое утро свой желудочный и печеночный соки. Мы пытались его отговорить, но... как видите, безуспешно!..

- Что такое? Какой сок? Каждое утро? - профессорша обалдевает. - Вы что это, Сухов?

Саша поворачивается на звук профессорского голоса. Ну, и видок у него! Из рта у него свисает трубка настоящего желудочного зонда, конец трубки опущен в колбу, на дне которой желтеет полстакана жидкости.

Все присутствующие врачи в полной растерянности. Крупнина подходит к нашему страдальцу и трогает его лоб рукой:

- Вы здоровы, Сухов?

Видя нас, стоящих перед Крупниной, он вдруг осознает происшедшее:

- Эо-аи! Эо-аи! Омманули м-е-я! - речь Саши искажается трубкой, все еще торчащей у него изо рта. - Эо-ои, ои!

К Сухову устремляются сразу два врача: избавляя беднягу от страданий.

_ У-у-у-кха, кха, кха! - отплеивается мой дублер, и, несмотря на стральдальческую гримасу, пытается улыбнуться всем.

И грозит нам пальцем! Ничего! Ждите и от меня "сюрприза". Будет и вам возмездие!

Ждем! Саша, ждем!

ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ

Зима 1978 года выдалась холодной. Наша оперативно-техническая группа обеспечивала очередной старт космического экипажа на Байконуре.

За трое суток до старта нас на "вертушке" перебросили в Караганду, где мы разместились в гостинице "Старт", при этом я с врачом из ЦПК Аркадием Калибердиным оказался в двухместном и вполне приличном номере на третьем этаже.

Учитывая время года и условия работы, мы были хорошо экипированы, чтобы достойным образом выдерживать сорокоградусные морозы Казахстана.

В восемь вечера мой сосед-доктор, предупредив меня, что может задержаться в ресторане гостиницы, исчез из номера, оставив после себя легкий запах "Шипра".

К 23.00. были решены множество технических и организационных вопросов по спасению экипажа, в случае нештатных ситуаций на старте. Я освободился и уже собирался спать, когда в номер вернулся необычно возбужденный, поведавший о своем интересном знакомстве в ресторанном зале.

...Едва заняв место за столиком, Аркадий обратил внимание не только что вошедшую в зал очень миловидную молодую особу и, не растерявшись, тут же пригласил ее за свой стол, разделить с ним его одиночество.

Непринужденность и открытость поведения нашего доктора сразу же расположили к нему девушку, а может быть, не последнюю роль для такого доверия сыграла и форма майора ВВС. Незнакомку звали Ириной.

Судя по всему, парочка неплохо провела этот вечер, и как настоящий мужчина и житель Звездного городка, наш медицинский майор очень рассчитывал на продолжение дружественных контактов с Ириной в ее номере...

К сожалению Аркадия, строгая дежурная по второму - "женскому" - этажу не разрешила майору сопроводить даму в ее номер, поскольку это запрещалось правилами проживания разнополых клиентов после 23.00.

Возмущению майора не было границ:

- Это надо же! - жаловался мне Аркадий. - Не допускать знакомых в номер! Причем здесь 23.00! Что за глупость!

- Разве ты не мог решить все вопросы с Ириной за столом или в танце? Зачем же тебе приспичило тащиться в её номер? - наивно поинтересовался я, не вкладывая в свой вопрос даже намёка на пошлость.

Причем тут стол? - доктор от психологического дискомфорта тут же перескакивает на другое. - Просто это очень умная, очень красивая девушка, студентка, приехала на сессию...

- Ты рискуешь отнять у нее возможность получить отличные оценки...

Аркаша злится.

- Да ты не думай о плохом! У меня отличная семья! Но мне надо дорассказать ей одну начатую историю об отношениях Одри Хепберн и Грегори Пека. А эта баба, дежурная, злюка, едва не вытолкала меня! Ира смеялась, но провести меня в свой номер не могла! Ира ждет меня, понимаешь! Ждет! Ну, прошу тебя! Придумай, как мне пройти к ней мимо этой дежурной Бармалеихи?

Меня забавляет попытка этого, вообще-то порядочного человека и хорошего семьянина влезть в эту бездумную любовную авантюру, и я спрашиваю:

- Ты уверен, что согласен на всё, ради того, чтобы досказать свою байку об Одри и Грегори?

- Да, на всё! Я сделаю всё, что ты предложишь!

- Хорошо. Где твой меховой комбинезон?

В течение пяти минут я вывернул меховую одежду доктора шерстью наружу и заставил его облачиться в это подобие одежды. Затем попросил его стать на четвереньки и, подняв меховой воротник, обвязал его шнурком вокруг головы майора. Получилось удачное подобие медвежьей морды.

Вид у нашего майора был еще тот! А когда он по моей просьбе еще и зарычал - любой человек мог бы признать в этом существе обитателя лесной берлоги.

Затем произошло следующее.

Я осторожно вывел своего “зверя” из номера, и мы потихоньку спустились на второй этаж. Остановившись у двери, за которой находилась столь неприветливая строгая дежурная, одеваю на шею “медведя” поводок из брючного ремня и открываю дверь запретных для нашего брата номеров.

Передо мной за столиком восседает монументальное существо - толстенная жительница Казахстана. У нее нет шеи, создается впечатление, что ее голова с тремя жирными подбородками соединена напрямую с ее бюстом! На этом фоне совершенно неожиданно звучит ее высокий писклявый голос:

- Э-э-э! Маладой человек! Нельзя! Вход нельзя! Это женский этаж! Только завтра приходи!

- Уважаемая! - Я стараюсь ласковостью своего голоса расположить хоть немного к себе женщину. - Дело в том, что девушка из двадцать второго номера, красивая такая...

- У меня здесь все красивые, но завтра? Или ты не знаешь русский язык? Не знаешь, да?

- ...Да эта девушка, послушайте же! Она оставила своего домашнего медведя на улице, она приехала сюда с ним! Понимаете? И медведь на морозе замерзает, бедный, ревет, людей пугает!

- Какая медведя? - У тетки брови взлетают под самый лоб.

- Да, вот! Вот он! Я и привел его сюда, к девушке, к хозяйке его. Жаль ведь зверя? Поймите!

Я тяну стоящего на четвереньках майора за "поводок" и шепчу ему:

- Рычи же, Аркаша, рычи!

...От рыка "четвероногого" доктора дежурная вскакивает и, увидев входящее на поводке мохнатое чудовище, охнув, неожиданно валится со стула на пол, и, закатывая глаза, издает страшный вопль!

Такого предвидеть мы не могли.

Бросив "поводок", я в считанные секунды оказался в своем номере на третьем этаже! Доктор в своем мохнатом, но уже в двуногом варианте буквально влетел в номер Ирины. А через несколько минут в отеле началось такое, чего не встретишь даже в самых "крутых" и бестолковых западных боевиках!

Гостиница была оцеплена милицией, а по этажам осторожно от номера к номеру с пистолетами в руках прокрадывались личности в форме МВД, приоткрывали двери номеров и шепотом предупреждали постояльцев:

- Никому не выходить из комнат! Будьте осторожны: по этажам бродит крупный дикий медведь...

Только в 9.30 Аркадий отважился вылезти из комнаты Ирины. Свою меховую "шкуру" он забрал лишь в конце дня. Хочется верить, что за время своего столь романтического приключения доктор смог решить все вопросы взаимоотношений Одри Хепберн и Грегори Пека...

Все происшедшее никоим образом не сказалось на здоровье дежурной по этажу и не повлияло на качество старта космического корабля "Союз" с экипажем на борту.

ОДНАЖДЫ В ЛЕСУ...

Параютная база института автоматических устройств. Здесь специалистами Академии Психологии и ЦПК ведутся совместные исследования надежности человека-оператора в условиях стрессовых воздействий высокой интенсивности.

Была суббота. Мы, побывав в небе по несколько раз, завершили свою рабочую неделю четырьмя утренними прыжками каждый, и до отъезда домой у нас еще оставалось несколько часов свободного времени. За семь

дней все мы успели достаточно соскучиться по дому, и в предвкушении своего возвращения домой да еще в канун выходного дня настроение у всех нас было выше среднего.

И вот, располагая свободным временем почти до самого вечера, решили мы побродить по окрестным дремучим лесам и болотам, наполненным великим количеством грибов, ягод и пресвякого зверья.

...Выйдя из гостиницы, наша группа по узкой тропке, петляющей среди густых кустов смородины, вошла в дремучий елово-сосновый бор. Идем тихо, переговариваясь полупешотом, словно партизанская разведка в годы Великой Отечественной войны, лишь с той разницей, что у нас в руках вместо автоматов пакеты для ягод и грибов.

В здешних лесах заблудиться - пара пустяков! Совсем недавно наш врач Анатолий Симаков, увлекшись красотами леса, отстал от своей группы и... заблудился, бедняга, да так, что нашли мы его лишь через двое суток, да и то с помощью местного хуторянина, на лесное жилище которого наш доктор выполз из леса поздней ночью. После этого случая в окрестностях распространился слух, что по местным лесам бродит голодный и оборванный партизан времен упомянутой войны, бродит и спрашивает у селян, есть ли в деревнях... немцы? На что ему отвечали:

- Ты что? Здоров ли? Ведь война-то завершилась сорок лет назад!
- Да ну! - удивлялся чудик, - А я-то до сих пор хожу и рельсы взрываю...

Только вот, говорят, что был похож он на нашего Симакова...

Сколько исходили мы верст за наши четыре часа - трудно сказать. И ягод набрали, и грибов столько, что и домой-то не стыдно возвращаться. А в конце пятого часа совершенно неожиданно наткнулись мы на глухую лесную деревушку в десяток домов-избушек. Хоть и мало их здесь было, но и они все стояли покосившиеся да с забытыми горбылем окошками и дверьми. Все, кроме одной, что стояла у самого колодца, тоже немного накрененная одним боком.

Избушка была обитаема. Об этом говорил едва заметный дымок над трубой и целенькое, хотя и не новое ведро, привязанное к колодезному журавлю, стоявшему тут же. От колодца же к двери избушки вела протоптанная хорошо различимая дорожка.

Останавливаемся у колодца, заглянув в который я увидел себя в поразительной чистоты водяном зеркале. Глубина была малой, и через минуту мы все уже утоляли жажду холодной и вкусной колодезной водой.

Скрипнула дверь избушки, и на пороге появилась старушка, а за ней и другая. Длинные крестьянского покроя платья и покрытые платками головы обитательниц вводили на мысль, что попали мы в 18 век. Это чувство усиливалось и всем видом покосившегося домишки, и поваленным плетнем, и полусгнившими стенами крохотного сарая. Увидеть такое в наше время в сотне километров от Москвы показалось нам нонсенсом. Унылость и обреченность окружавшего нас мирка скрашивалась только

исключительной опрятностью старушек и аккуратностью возделанных здесь же грядок с луком и картофелем.

- Здравствуйте! - Обратился я к бабулям, - Вот вкусили мы вашей водицы? Не возражаете?

На испещренных морщинами лицах старушек расплываются улыбки:

- Что вы! Что вы! Пейте на здоровье! Водичка у нас хорошая. Может, кружечку вынести?

- Спасибо большое! Мы уж из ведерка! Так еще вкуснее!

И, увидев на одном из нас военную форму, первая всплеснула руками:

- Откуда же вы сами, служивые?

- Издалека! Из Москвы!

- О-о! - в один голос восклицают наши собеседницы. - И пешком к нам забрели?

Вместе и засмеялись. Поинтересовались, а где же остальные жители-то?

- Да все уехали! Вот мы с сестрой только и остались, да и то потому, что не к кому нам и ехать...

- А как с продуктами здесь у вас? Ведь никого и ничего что-то не видно здесь?

Обе старушки некоторое время молчат, а затем нас поражает услышанное:

- Хлеба, вот, нет... так картошка... Бурачок есть... Да много ли нам надо?

Плохо только, что ночами темень, света у нас нети керосина тоже... Теперь-то хорошо: - коптилочку мы не жжем... Вот зимой трудновато: темнота-то ранняя. Летом хорошо! Не холодно. Может вам картошечки сварить, а?

Никто из нас не слышит этого вопроса. Не слышит потому, что к сердцу неожиданно подступает небывалая ярость:

- Как нет света?! - Славка Крылов даже зубами скрипит.

- Э-э! Да председатель тут приказал обрезать провода, вот там, у тропинки, на столбе... Говорит, что электричество теперь нам ни к чему, раз все уехали... Да и платить за свет нам нечем! Денег нам уже седьмой годок никто не дает...

Мы смотрим друг на друга: куда это мы попали?

- Может, картошечки вам сварить, а? Это быстро, печка у нас хорошая, дрова сухонькие... Иль чайку?

- Дорогие бабули! - Глаза Славки прищурены и смотрят в сторону, словно ищут в оптическом прицеле того председателя, что провода обрезал электрические... - Спасибо вам, а картошки вашей мы обязательно попробуем! Обязательно!

Прошла неделя. Мы через "леса и болота" подкатываем на двух машинах к уже знакомой нам избушке. На почти километровую прокладку

нового провода уходит несколько часов. Зато вечером избушка озаряется ярким светом “лампочки Ильича”. Нас поражает опрятность и чистота внутреннего убранства жилища. Чистенький, выскобленный добела пол, старенький посудный шкафчик, сундучок в уголке, умывальник с тазиком, чистенькое холщовое полотенце на гвозде, почти насквозь протертый коврик у порога. Святой угол с иконками и наполовину сгоревшей свечкой перед ними. Они всегда, жили и живут вот так, в скромной до боли чистоте и опрятности, ведь они же не ждали нас!

...Мы сидим за деревянным столом на табуретках, сделанных, наверно, еще при Емельяне Пугачеве, Славка с Валеркой вносят в дом огромный картонный ящик. Бедняги старушки ничего не понимают в происходящем. Озираются. На их лицах появляется тревожно-горестное выражение. Ребята извлекают из принесенного ящика цветной телик с большим экраном и устанавливают его на тумбочку, подключая к только что поставленной розетке. Тем временем я подключаю антенный кабель. Экран озаряется цветами радуги, и голос диктора буквально врывается в это бедное, но доброе и светлое жилище:

- Передаем концерт Александры Пахмутовой!

Чудо-мелодии заполняют избушку... И мы видим, как плачут эти две старых женщины, две бабульки с натруженными за долгую жизнь руками и лицами в глубоких морщинах... Они сидят неподвижно, не отрывая взглядов от сияющей почти волшебной картинке экрана...

Мы уезжаем. Славка оставляет программу ТВ и инструктирует старушек по вопросам “управления” “волшебным ящиком”. И тут все мы становимся свидетелями почти фантастического: одна из бабулек достает из- за киота маленький сверток и разворачивает его. Перед нашими глазами на чистенькой тряпичке лежат медали “За отвагу” и “За победу в Великой Отечественной войне”!

- Я же медсестрой была там... И она тоже...

Слезы мешают ей говорить. А нам - смотреть на нее...

ОГЛЯНИСЬ, ЧЕЛОВЕК!

После исчезновения всей документации по проекту “Аэлита” в бюрократических недрах, после неожиданного запрета заниматься созданием фрагмента “Аэлиты”- ИВА, я мог лишь попытаться спасти хотя бы крохотную часть такой многообещающей дипломной работы - создать и испытать мой микропарусник, некогда входивший в НАЗ ИВА марсианского корабля. К этому времени академик Челомей “впал в немилость” у руководства ЦК КПСС, и, несмотря на удачные, хотя и кратковременные орбитальные экспедиции на ОПС “Алмаз” (Горбатко-Глазков и Попович-Артюхин) по всему чувствовалось, что эта, столь необходимая Стране программа создания нашей КУРС явно ликвидируется. Дело было вовсе не в тех малозначащих неудачах с аварией возвращаемого аппарата (ВА),

не в явно надуманных “аргументах” Волынова, задолго до завершения программы прекратившего полет “Алмаза” по чисто субъективным причинам (никаких “вредных запахов” там не было в помине, что и было доказано последующими двумя полетами). Дело было в жесткой атаке высокопоставленных партийных проходимцев на всю программу создания КУРС. Вот почему можно было понять В.Н. Челомея: ему теперь было не до моего ИВА.

И вот в свободное от работы время всего за год мне удалось-таки спроектировать, построить и испытать в натуральных условиях три варианта миниатюрных, но очень надежных парусника для НАЗов экипажей КК. Их масса не превышала 3-5 килограммов, и окажись экипаж при нештатном спуске космического корабля на любой океанской акватории (при нештатном спуске и негерметичном СА), эти самодвижущиеся микропарусники могли оказаться единственным средством спасения приводнившихся космонавтов. Даже события на Тенгизской луже - тому подтверждение.

Первым в моем списке был одноместный микропарусник, построенный в филиале НИИРПА (Сергиев Посад) под руководством Татьяны Георгиевны Спиридоновой. И уже через неделю я испытываю эту “лодочку” на Азовском море в период осенних штормов, причем, на маршруте, где крупным яхтам прилично достается в такую погоду. Трудно поверить, но на этом, с позволения сказать, паруснике весом в пять килограммов, с двумя литрами питьевой воды и плиткой шоколада, я пересек Азовское море из Бердянска к южному основанию Арабатской Стрелки всего за двое суток! Это 110 миль (двести верст).

Второй эксперимент на этом же “изделии” я реализовал и в декабре за трое суток при минусовой температуре и обледенении плюс штормовые условия.

На очереди были испытания двух следующих вариантов микропарусников, один из которых предусматривая доставку экипажа КК к берегу на легчайшем сборном парусном плотике (суммарный вес - три килограмма), а по существу это делалось экипажем в... штатных гидрокомбинезонах “Форель”! И позволяло одолеть буквально сотни километров акватории с выходом к береговой черте. И это - для трех космонавтов!

...Июль 1979 года. Температура днем +42°C в тени (а тени-то нет!), воды +26°C, ветер 16 м/сек! Но это еще далеко не все! Чтобы приблизить исследования к штатному варианту возвращения экипажа, когда сильнейшее воздействие оказывает стрессовая ситуация, я и мои товарищи (Дмитрий Дедков и Александр Сухов) выполняем парашютное десантирование с высоты 3000 м. и задержкой раскрытия парашюта 50 сек., при этом у каждого из нас был закреплен свой фрагмент нашей общей “яхточки”. После приводнения мы производим сборку микропарусника, и проходим под парусом десятки миль с выходом к заранее выбранной по карте точке берега.

Кроме этого здесь же был испытан и третий вариант плавсредства - 3-местное парусное средство в одном комплекте.

В первый день вашего пребывания на военной вертолетной базе Аральска у меня на втором прыжке произошел полный отказ основного парашюта, укладку которого производил, по его просьбе, начальник местной ПДС, забывший расчековать средний конус парашютного ранца, поставив все шпильки троса парашютного кольца на остальные конуса. Вот уж воистину: доверяй, но проверяй! Это был 14-й отказ парашюта за все годы занятия парашютизмом.

С этой ситуацией я успел разобраться в двухстах метрах от покрытого пенными гребнями волн моря, "отстрелив" основной купол и, введя в действие запасной, погружаюсь с головой в пенные волны Арала. Всплываю. Рядом приводняются мои коллеги. Начинаем сборку нашего микропарусника, на что уходит всего 6 минут, и под парусом уходим в направлении заранее выбранной точки берега...

Располагая полученными экспериментальными данными, я встретился с Генеральным Конструктором, дважды Героем Социалистического Труда академиком В.П.Глушко, последователем С.П.Королева. Он был настолько удивлен возможностями микрояхточек, что сразу же дал согласие включить их в состав НАЗа КК "Союз", направив Главкому ВВС и Начальнику ЦПК свои письма соответствующего содержания.

Если бы ты, дорогой читатель, мог бы услышать визг сопротивления этой идее! Трудно поверить, но заместитель Начальника ЦПК по науке генерал Афанасьев и здесь, как и в вопросе с ИВА, с подачи известного Давыдовича, стал на всех совещаниях и во всех своих выступлениях всячески поносить саму идею включения в НАЗ КК спасательных микропарусников. И это, несмотря на серьезную, продуманную аргументацию... Генерального Конструктора В.П.Глушко! Надо же! Чтобы "главное научное лицо" ЦПК им. Ю.А.Гагарина полностью поддавалось влиянию неуча, лжеца и труса Давыдовича, круша все, создаваемое для защиты экипажей КК - это же нонсенс!

Благодаря таким "советчикам" мы лишились "Спирали"! Лишились нашей лунной программы высадки на Луне! Потеряли прообраз КУРС "Алмаз"! Создали из нашего "Бурана" кабак...

Тогда кто же эти "советчики"? И кто исполнители всех этих "советов"?

На фоне всех этих преступлений даже судьба проекта "Аэлита" выглядит простым дипломным проектом! Это не говоря уже об ИВА и микропарусниках для НАЗ-ов космических кораблей "Союз". Это не говоря уже о многом, многом другом, уничтоженном Давыдовичами и их послушными "образованными" прихлебателями!

Судите сами: сколько труда человеческого было вложено во все это?

Все это было одобрено и согласовано очень умными людьми, обладающими недюжинным интеллектом и знанием! И что?

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ...

В комплекте индивидуального возвращаемого аппарата (ИВА) межпланетного космического корабля “Аэлита” мною был введён пневмомикропарусник весом всего 7 кг, диаметром торового корпуса всего в 1,5 м. Это в своё время вызвало немалое удивление у Главного Конструктора С.П. Королёва, правда, с положительной оценкой. Уже будучи в Звёздном городке, я предпринял несколько попыток включить один из вариантов этой яхточки в НАЗ КК “Союз”. Тогда же по моим чертежам в Филиале НИИ Резиновой промышленности было изготовлено три таких изделия для натурных испытаний на морской акватории. Это была первая попытка обеспечить экипаж приводнившегося “Союза” возможностью активного своего спасения на самодвижущемся плавсредстве при нештатном приводнении на морскую или океанскую акватории.

После всех моих трудностей с проектом “Аэлита” и его составной частью - ИВА, после ухода из жизни обоих Генеральных Конструкторов (Королёва и Челомея) реализация вышеупомянутых изделий стала практически невозможной, и мне очень хотелось спасти хотя бы крохотную часть “Аэлиты” - этот крошечный парусник.

Перед началом испытаний я дважды побывал у Генерального Конструктора В.П. Глушко, коллегу и последователя С.П. Королёва, который полностью поддержал саму идею применения парусных средств в НАЗах КК. Он обратился с письмом к Главкому ВВС, в котором просил провести серию морских испытаний уже созданных упомянутых плавсредств. Разрешение было получено.

Местом для проведения этих испытаний была выбрана акватория Азовского моря с местом старта в Бердянске, городе хорошо мне знакомом, где я всегда мог надеяться на поддержку и понимание руководства некоторых промышленных предприятий и их специалистов.

Председатель профкома Бердянского нефтемаслозавода Владимир Алексеевич Смолянский предоставил нам в качестве средства базирования и сопровождения принадлежащий заводу мощный водолазный катер (капитан Ю. Андреевко). В нашу работу был посвящён и председатель городского совета Бердянска Николай Антонович Антонов, обязавший местные власти со вниманием относиться ко всем нашим не таким, уж, и многочисленным просьбам.

Передо мной стояла задача: пересечь Азовское море на минипаруснике по диагонали из Бердянска к основанию Арабатской Стрелки (Крым).

Бердянск - город моряков, рыбаков и яхтсменов. Вполне естественно, что многие местные мореходы, узнав о моих планах и увидев нашу яхту-крошку, стали сомневаться в успехе такого “мероприятия” по пересечению Азовского моря и поспешили всячески отговаривать меня от выполнения этой задачи.

Эти люди, проводившие большую часть своей жизни на море и участвовавшие в многочисленных парусных регатах, имели право на своё

мнение в этом вопросе, но! Эти испытания уже были определены планом НИР ЦПК им. Гагарина, к тому же к этим испытаниям явный интерес проявлял и Начальник ЦПК Георгий Тимофеевич Береговой. Всё это подтверждало серьёзность проведения этого морского перехода.

Стартовал я с Водной станции упомянутого Бердянского завода 4 октября в памятную всем годовщину запуска первого в мире Искусственного Спутника Земли (ИСЗ). Это было лишь случайное совпадение, поскольку мы никогда в делах испытательских не привязывали их к каким-то датам.

Собрав на акватории свой “парусник” и устроившись в нём поудобнее (если такое вообще было возможно сделать), я направил его к берегу Крыма на мыс Казантип, до которого было около сотни миль.

... Первые сутки погода вполне благоприятствовала плаванию. С северо-восточным ветром мы вполне довольствовались трёхузловым ходом, одолев, таким образом, за сутки больше половины Азова. На вторые сутки ветер зашёл на юго-восток, сделавшись, по существу, встречным, что бывает здесь довольно редко. Задуло так, что двухметровые волны стали перекатываться через корпус яхточки, а заодно и через её рулевого. А тут ещё ночью бывший на вахте по наблюдению за мной с корабля сопровождения некто Гайдукосский (кстати, друг Давыдовича, начальника отделения средств спасения ЦПК), “нагрузившись” водкой “до чёртиков”, потерял меня в ночном штормовом море!

В течение 6 часов я пытался связаться по КВ-р/с с катером Андреенок, но это ни к чему не привело. Оставалось одно: продолжать свое “полуподводное” плавание к мысу Казантип. Тем временем ветер усиливается, а морская водичка начинает удалять из меня остатки тепла, от переохлаждения меня не спасает даже теплозащитный костюм (ТЗК) и гидрокombineзон “Форель”...

...Ветер не менее 9 баллов (около 20м/сек). Давно убран парус, но даже под одним рангоутом мы “летим” на 6 узлах с сильным дрейфом к основанию Арабатской Стрелки. Ночь - глаз выколи! Ни огонька кругом! Моя аварийная подсветка никого не привлекает, ибо такой низкосидящий объект, как мой микропарусник, сливается с ночным штормовым морем.

Нас дважды переворачивает, хотя страховочные фалы надёжно удерживают меня у яхточки, позволяя поставить её на “ровный киль”. Хочется пить, но сделать хотя бы один глоток из штатной 4-х литровой ёмкости можно лишь с риском третий раз оказаться за бортом. Но удаётся-таки засунуть в рот полплитки шоколада, запив её... забортной водой! Делается намного веселее! Хорошо, что Азовское море довольно пресноводное, так что воды кругом - пей не хочу!

...Где-то за многослойными плотными облаками проскальзывает отблеск восходящего Солнца. На моих бортовых часах 6.30. Ветер продолжает заходить к югу, но несколько ослабевает, что позволяет поставить парус и идти к цели, хотя и с большим дрейфом на запад.

Полдень. Куда подевалось всё изобилие облаков и туч? По небу, подсвеченная Солнцем, летит ослепительно белая редкая кучевка. Море до самого горизонта в солнечных блёстках. Неожиданно (даже вздрогнул!) “заговорила” моя бортовая рация:

- Первый! Первый! Я “База”! Я “База”! Ответь “Базе”!

Отвечаю! Надо же: слышат! Голос капитана Андреенок:

- Первый! Сообщи свои координаты!

Впервые за весь переход включаю свою портативную спутниковую навигационную систему и называю свое место. Оказывается, я вышел прямо на мыс Казантип! Правда, несколько западнее его (всего-то на каких-то 15 миль!

Всматриваюсь в горизонт и, несмотря на ослепительные лучи солнца, вижу едва заметную полоску Крымского берега...

Через три часа вытаскиваю свою яхточку на песчаный пляж... Тем временем на востоке замечаю приближающееся судно сопровождения.

...В капитанской каюте пью горячий чай. Андреенок сидит напротив, разглядывая меня:

- Слушай, Константин Иванович! Кого это ты привёз сюда для работы? Я имею ввиду твоего Гайдукосского! Он же на своей вахте потерял тебя, пьянчужка. Ну, мы и переполошились! Я его чуть за борт не швырнул. Скотину. И он тоже живёт в Звёздном?

Что мог я ответить капитану? Разные ведь люди бывают. А этот был послан со мной Давыдовичем! Его дружкой.

С кем поведёшься. Оттого и наберёшься.

ЗАПОМНИ ЭТО!

Морские испытания космических кораблей, а точнее - их спускаемых аппаратов - одна из труднейших задач для испытателей. Ты просто не знаешь, что может ожидать тебя. Вот почему здесь необходим тщательный подбор экипажа.

Представьте себе большую “бочку”, наполненную всевозможными космическими приборами, “бочку”, которая имеет шесть степеней свободы: три поступательных, три вращательных. В этой “бочке” размещается экипаж из трех человек, которому предстоит в течение десятков часов пребывания в штормовом море выявить не только возможность нахождения человека в этих условиях, но и реальность установления радиосвязи с “кругами”, самолетами и кораблями вплоть до момента подъема экипажа на борт спасательного судна морской или океанской акватории.

В спускаемом аппарате нового космического корабля “Союз-Т” нас трое. По программе испытаний мы должны пробыть, т. е. выдержать, 36 часов, а затем еще 10 часов. Итого - 46 часов. Легко сказать “пробыть”. Это многие десятки сеансов КВ-УКВ радиосвязи! Контроль работы бортовых систем корабля и самочувствия членов экипажа. Итак, дан старт морских испытаний “Союза-Т”.

...Под нами километровая глубина, над нами - черная рваная облачность. Восьмибальный ветер срывает клочья пены с трехметровых волн. Трое "Диогенов" в корабле - "бочке" подвергаются самому настоящему издевательствам природы, нас закручивает и бросает так, что удержаться хоть пару-тройку секунд на одном месте - огромная проблема даже с применением средств фиксации. Амплитуды раскачивания и закруток - от 100о до 300 градусов. Мы при этом не можем штатно закрепить себя в ложементы, поскольку тогда нам придется висеть вниз головой. И при всем этом нам надо непрерывно вести работу и контроль. Нас донимают и большие угловые ускорения, приводящие к сильнейшему вестибулярному дискомфорту.

Надо сказать, что мне в жизни очень повезло с "вестибуляркой": я не "укачиваюсь" в любых условиях. На меня не производят никакого впечатления море и кресло Барани, кратковременная невесомость и качели Хилова. Несомненно, это природное качество значительно усилено и закреплено моими многолетними тренировками. И получалось так, что и в этих испытаниях остался я "в гордом одиночестве", поскольку оба моих товарища по СА были уже через несколько часов нейтрализованы укачиванием и перекатывались передо мной, совершенно утратив способность оказывать своему командиру хоть какую-нибудь, пусть даже малую, помощь.

...Позади 10 часов. Работают "круги". Идут частые радиозапросы о наших координатах, о состоянии экипажа, о работе бортовых систем. На все это мне приходится отвечать самому, и это не просто: приборная доска и другие командно-сигнальные поля (КСП) прыгают и вертятся перед глазами, затрудняя считывание параметров и передачу информации. Порой выбор нужной клавиши вырастает в проблему.

...17-й час испытаний. Связываюсь с Мурманском, Москвой, Находкой, Севастополем. Передаю информацию самолетам и кораблям. Мы под строгим наблюдением. Мои товарищи стойко переносят вестибулярные "лишения". Каждую минуту море норовит заглянуть к нам через вентиляционные отверстия, оставляя на наших губах горький привкус морской воды. Временами посматриваю на ребят: белые лица, закрытые глаза, оскаленные рты. И вдруг в наушниках моего шлемофона врывается крик врача с одного из кораблей сопровождения:

- Первый! Первый! - Это мой позывной. - Срочная эвакуация бортинженера! Отсутствует кардиограмма! Возможна остановка сердца! Срочная эвакуация второго! Как понял?!

Бросаюсь к товарищу (Соболевский). У него нет даже попыток держаться руками за элементы интерьера, он свободно перекатывается между нами, ударяясь головой о выступавшие ложементы. Второй испытатель пытается как-то помочь мне удержать Соболевского, но это плохо получается. Бегут секунды. Наконец, я слышу звук подходящего катера...

Легко сказать “эвакуация”! А как мне это выполнить? Как в 2 часа ночи на трехметровой волне, при всех колебаниях и движениях зарывающегося в волны СА открыть люк и в несколько секунд ухитриться протиснуть непослушное тело в руки спасателей? И это при том, что выходной люк каждые 20 секунд уходит под воду или накрывается волной. Так недолго, набрав полтонны воды, гирей уйти на дно морское...

В мох наушниках продолжает долбить голос врача:

- Приступайте к эвакуации! Приступайте к эваку...

Да не гуди ты, приступаю. Пытаюсь подтащить и удержать Соболевского у обреза люка, удерживая его под руки. Но СА сильно крениться, и мы оба оказываемся под приборной доской и в придачу - еще вниз головами.

- Обхвати и придержи ему ноги! - Это я своему бортинженеру. В который раз мы подтаскиваем Соболевского к люку, и на этот раз его удастся удержать несколько секунд, и мне хватает этого, чтобы зафиксировать крышку люка и придержать ее коленом на несколько мгновений, а в этот момент внутрь СА падает мощная струя морской воды. Еще несколько таких “водопадов”, и все мы быстренько нырнем на километровую глубину, нас не только спасти, но и увидеть-то никто не успеет...

На пятую попытку нам удастся “подвинуть” Соболевского в люк до пояса и его подхватывают спасатели.... А через 12 минут нам “передают” дублера пострадавшего: нас должно быть трое! Испытания мы доводим до конца, продержавшись, все 46 часов. Соболевский остался жить. И, слава Богу.

...Феодосия. Гостиница “Астория”. Проспав беспробудно целых десять часов, выползаю на улицу. Ранее утро. Земля почему-то кренится и раскачивается под ногами, и я чувствую, что на меня подозрительно начинают посматривать местные дворники, убирающие улицу: “С утра набрался, пьянь поганая!” Откуда знать беднягам, что это - последствия длительных вестибулярных воздействий.

Неожиданно меня окликает знакомый голос:

- Эй! Привет! Ну, как ты откачался?

Оглядываюсь. Ба! Еся Давыдович (Спивак) из Звездного городка. У нас он “заведует” отделением по средствам спасения космонавтов.

Месяц назад Еся был командирован в Феодосию для участия в подготовке испытания парашютной системы модернизированного космического корабля “Союз-Т”. Но весь этот месяц Еся провел в ... Ялте у родственников. Отдыхал! И оказывается, лишь вчера вечером появился здесь, в Феодосии, чтобы сегодня на парашютном сбросе “Союза-Т” хоть как-то оправдать свой “внеплановый” месячный “отпуск”. Если говорить серьезно, то Еся серьезным специалистом никогда и не был, и его присутствие на десантировании КК никому никакой пользы не приносило, ибо являлось элементарной формальностью. Есе же это “участие” нужно было лишь для демонстрации своей причастности к серьезным и трудным

делам космических будней, ибо прекрасные специалисты его отделения А.Чеховской и Ю.Шкуратов к этим испытаниям не допускались, несмотря на то, что именно они проводили занятия с космическими экипажами, а не Еся, который вообще не разбирался в этой сложной технике и в циклограммах ее функционирования. Но тем не менее...

Еся предлагает мне поехать с ним на эти испытания ОСП "Союза-Т". У меня нет никакого желания ехать, куда бы то ни было. Да и на вечер у меня уже взят билет на поезд Феодосия-Москва.

- А у меня тоже билет на сегодня! Так, что мы возвращаемся с тобой вместе! Смотримся на сброс, а? И у нас еще останется время купить чего-нибудь домой...

Уговорил. К "Астории" подкатывает "газик", и уже через десяток минут мы катим по шоссе Феодосия-Керчь к мысу Чауда, неподалеку от которого находится испытательный полигон.

...Мы на КПП полигона. Дежурный сообщает, что сброс КК будет через полтора часа. Нам предлагается подождать в помещении КПП. Здесь есть довольно уютная комната и, главное, прекрасный комплект шахмат.

- Сгоняем? - Еся неплохой шахматист, отсюда и его предложение. Но "мы" тоже не лыком шиты. Мы усаживаемся за шахматный столик...

...Позади десяток завершенных партий. Входит дежурный и приглашает Есю в машину для следования на место сброса, до которого остается всего 20 минут. АН-12 с "Союзом-Т" на борту уже в воздухе.

Но Еся вдруг заявляет дежурному, что ему и так все понятно, можно и не наблюдать сам сброс, а после него осмотреть отработанную парашютную систему, и сейчас ... он показывает дежурному на расставленные шахматные фигуры - ему не до сброса.

Через некоторое время дежурный вновь напоминает Давыдовичу об испытаниях и говорит, что сброс можно видеть даже с площадки КПП. В ответ дежурный офицер слышит:

- Ну, я же сказал тебе, что осмотрю парашюты после ... здесь! Ходи! Ходи! - Это он мне.

Мы играем еще целый час. Наконец, на площадку у КПП грузовик доставляет спускаемый аппарат "Союза-Т" с огромным ворохом (1000 м²) раскрытого парашюта. Еся подходит к этой сказочно красивой оранжевобелой кипе материи и, пнув ногой, бормочет:

- Ну, здесь все ясно!..

Вечер. Под "Прощание славянки" поезд Феодосия-Москва увозит Есю и меня домой.

...Звездный городок. Мы идем с Давыдовичем из корпуса "Д" к штабу ЦПК. Солнце, заливая своим светом огромные ели и сосны, превращает все вокруг в Зеленый Изумрудный Город. Не хватает только Эллы с Тоташкой и ее друзьями. И надо же! Навстречу нам идут два генерала: начальник ЦПК и его заместитель Ю.А. Афанасьев. Береговой, поздравившись с нами, говорит мне:

- С тобой все ясно! Мне уже доложили. Молодец - выдержал! Ну, Давыдович, что скажешь о сбросе? Как прошли испытания ОПС "Союза-Т"?

И тут я услышал такое, что у меня едва не отвалились уши:

- Товарищ генерал! - Еся весь вытягивается перед Береговым. - Я лично присутствовал на сбросе! Я видел все эволюции аппарата! Всю работу парашютной системы! Я лично участвовал в расшифровке лент с записью... Я лично!.. Я лично...

- Хорошо, мы еще поговорим об этом. - Береговой обрывает Есю. Генералы уходят.

Я стою и смотрю на Давыдовича:

- Еся! Ты что сейчас наплел здесь командиру? Мы же не были на сбросе и ничего не видели... Мы же с тобой играли!

В выпученных глазах Давыдовича озлобление. И он блеет:

- Ты ничего не понимаешь!.. Ничего-о-о! Ведь если я скажу правду, меня сразу же выгонять отсюда-а-а!

И он, не оборачиваясь, уходит.

"Ну, и сволочь, - думаю я про себя, - Что же такому можно доверить? Ведь командир же ему доверяет! И как доверяет!"

Я догоняю Есю:

- Стой! Ты, уродец! Ты же обманул командира! Запомни! С этой минуты я тебе больше никогда не подам руки! Понял меня? Запомни это!

«БОЕВЫЕ» ЗАСЛУГИ

Есть категория людей, абсолютно непригодных к работе в пилотируемой космонавтике. Эта, прежде всего трусы с претензией на внимание окружающих.

Такие обладают параноидальной фантазией. Заявляет, скажем, такой "храбрец", что он - боксер, проведший множество победных боев, а на самом деле был у него всего-то один бой, проигранный им нокаутом! Или рассказывает такой сказку о том, что принимал он участие в трудных морских или каких-то еще испытаниях космических кораблей, а на деле - это просто ложь. И самое большое, что делал этот "специалист", так это открывал и демонстрировал содержание контейнеров с НАЗом для космических кораблей "Союз": вот - галеты, вот - нож, вот - бачок с питьевой водой! На худой конец, и ракетницу покажет. Всё!

Но даже несмотря на этакий НАЗовский примитив "знаток" космонавтики схлопотал выговор за незнание... НАЗа! Все выше сказанное относится к Есе! К Есе Давыдовичу! К Иосифу Спиваку!

Что же удержало Давыдовича в ЦПК? Удерживало исключительно "умение" угождать и нашептывать! И не кому-нибудь, а тем, кто чином повыше и должностью побольше. Даже Георгий Тимофеевич Береговой "клянул" на этукую сатанинскую услужливость! И вот такой "специалист" стал оказывать влияние на некоторые очень даже перспективные проблемы и вопросы

пилотируемой космонавтики. Причем всегда почему-то - не в лучшую сторону. А точнее - Еся примитивно уничтожал все хорошие мысли и предложения, исходящие из далеко не глупых голов.

Достаточно перечислить хотя бы такие темы, как вопрос реализации ИВА, поддержанный даже академиком В.Н.Челомеем, специальные средства для НАЗов космических кораблей, средства для спасения экипажей КК при аварийных ситуациях на акваториях и многое другое. Гробил Еся все дельное и нужное очень и очень примитивно, наушничая несведущему начальству и представляя себя первым таким великим знатоком всего космического "хозяйства"...

И вот однажды...

Однажды Еся оказался на месте почти аварийной посадки КК "Союз", и я передаю слово в слово рассказ очевидцев его "поведения" в этой ситуации.

...Космический корабль "Союз" с космонавтами В.Зудовым и В.Рождественским совершил посадку на озеро Тенгиз. Об этом много писалось и говорилось, но многие факты оказались за чертой обсуждения и анализа.

Перед посадкой температура воздуха в зоне приземления упала ниже нуля. Озеро Тенгиз парило, а в некоторых местах было покрыто ледяной шугой. Случилось так, что после приводнения корабля основная парашютная система, находясь в воде вместе с запасной, сильно накренила спускаемый аппарат с экипажем, при этом дыхательные отверстия СА оказались забитыми льдом, а поскольку и входной люк находился в воде, то возникла серьезнейшая проблема вентиляции СА. Парциальное давление углекислоты в объеме СА увеличилось, а кислорода - падало. Возникла опасность потери сознания экипажем.

В эти минуты к месту приводнения СА прибыли МИ-8 (командир Кондратьев) с оперативно-технической группой (ОТГ), которую возглавлял Владимир Николаевич Силаев, полковник ВВС. Весь состав этой группы прилетел на Байконур еще до наступления морозов, столь неожиданно сковавших льдом акваторию озера. Все специалисты не имели теплой одежды и располагали лишь своей повседневной военной формой. Отопительная система в вертолете была отключена. Но главная проблема для этих людей была в том, что при сильно парящем и покрытом туманом озере никто не мог рассмотреть плавающий СА, и лишь изредка можно было видеть проблески бортового маячка...

Складывалась критическая обстановка. Ко всему, экипаж практически перестал отвечать на радиозпросы поисковых групп. Никто не знал, что происходит внутри спускаемого аппарата. Из всех, находившихся тогда в вертолете Кондратьева, лишь Давыдович, выпросивший у кого-то накануне комплект специальной одежды (теплозащитный костюм, свитер, унты, шлем и прочее), уютно устроился за топливным баком в кабине

“вертушки”, стараясь не показываться на глаза находившимся рядом военным.

Начальник ОТГ полковник Силаев обращается к Давыдовичу с просьбой:

- Еся! Ты хорошо одет. Мы просим тебя: спустись на тросе и посмотри, в каком положении находится спускаемый аппарат, и что там с ребятами?

Еся даже не шевельнулась! Зло посмотрев на Силаева, он вдруг изрек:

- А пошли они на... эти космонавты! Мне моя жизнь не надоела.

Это “заявление” слышали все, находившиеся в вертолете.

На тросе спустились другие. Обморозились. Простудились. Но установили положение корабля с экипажем на акватории Тенгиза. Этими ребятами в легких комбинезонах был совершен буквально подвиг: они сумели завести за СА буксировочный трос, с помощью которого командир вертолета Кондратьев, рискуя многим, сумел-таки отбуксировать корабль с Зудовым и Рождественским к берегу.

...СА стоит на берегу. Вокруг садятся вертолеты прессы, радио, телевидение. Поисковики открывают люк и с большими предосторожностями поочередно извлекают наших космонавтов из СА. Суета вокруг. Шум. Крики. Телекамеры.

И тут у всех на глазах Давыдович бросается к одному из космонавтов поднимает его на руки и... демонстрирует этого смертельно уставшего человека перед многочисленными объективами...

Все это снимается, слышатся возгласы: “Вот главный спасатель! Это он сделал все для спасения наших ребят!”

С прибытием в Москву полковник Силаев доложил начальнику поисково-спасательной службы ВВС генералу о преступном поведении Давыдовича на Тенгизе! Но! Никакого разбора, столь обычного в таких случаях, не происходит...

А через несколько дней “герой” Тенгиза Иосиф Давыдович (Спивак) от имени Верховного Совета СССР награждается... медалью “За боевые заслуги”. Как сказано в Указе: “За мужество”, проявленное Давыдовичем при спасении космонавтов на Тенгизе.

Мерзость предательства была многократно усилена этой “наградой” Давыдовича. Люди плевались! Но что поделаешь: Указ!

«МУЖИК» И ШАХМАТЫ

Утро выходного дня. В 6.00. я выбегаю за пределы Звездного городка. Впереди - большой кроссовый круг в 12 верст. Трасса для меня хорошо знакомая и привычная. Она “сопровождает” тебя высоченными соснами и запахом хвои. Неожиданно из леса на меня бросается здоровенная овчарка! За собакой выбегают и ее хозяйка. Убеждать собаку в моей любви к животным нет времени, и я, подхватив на бегу с земли камешек,

щелкаю им хвостатого агрессора точно в лоб! И куда только делось его "атакующее" настроение! Овчарка с визгом отскакивает от меня на десяток шагов, и я слышу даже благодарность хозяйки:

- Так ему! Так! Заслужил, непослушный балда! - И она подхватывает с земли волочащийся поводок.

От платформы Осеевская поворачиваю налево, выбегая на шоссе, идущее к поселку того же названия. Отсюда уже просматривается избушка лесника, а еще через версту начинается большой комплекс инкубатора и птицеферм. Справа в лучах утреннего Солнца отливают золотом купала Лосинопетровского храма...

На небе ни облачка. Шоссе пустует, лишь впереди маячит одинокий велосипедист. Пока прохладно можно бежать с довольно приличной скоростью, что я и делаю.

Поворачиваю на шоссе к поселку Свердловский. Отсюда до поворота на лесную дорогу к Звездному городку два километра. Единственная встречная, судя по всему продуктовая, машина-фургон катит в Лосинопетровск.

Оставляю позади ворота летнего лагеря Суворовского училища, они разукрашены флагами и транспарантами, и за ними на территории лагеря слышится музыка.

В это время из ворот показывается довольно большая группа бегущих спортсменов. Их спортивная форма свидетельствует об их принадлежности к разным спортивным обществам. Я вижу майки с динамовским "Д", со звездой ЦСКА, с "Локомотивом" и "Трудовыми Резервами". Несколько озадачивает причина их появления здесь: скорее всего, отмечается какая-то дата суворовцев?

Эта веселая стайка выбегает на шоссе и следует в одном направлении со мной. Нас разделяет каких-нибудь 40 метров, и я чувствую, что расстояние между нами начинает довольно быстро сокращаться...

Поворот на лесную дорогу к Звездному городку. Справа остается небольшое чистое озеро, от которого начинается пологий, но протяженный двухсотметровый подъем. И мной овладевает единственная мысль: не дать этой живописной группе бегунов обогнать меня до поворота к КПП нашего городка!

Впереди у меня подъем и километр пути.

А тем времени группа приближается ко мне уже на какой-то десяток шагов, что заставляет меня уже в начале подъема прибавить скорость. Прибавляю! Расстояние между нами сохраняется и даже несколько увеличивается. И тут я слышу голос бегущих в группе:

- Гляди-ка! Бодает мужик!

Спиной чувствую, как на меня начинает накатываться эта команда. Приходится прибавлять до предела! А точнее - выкладываюсь на этом "тягуне" практически полностью! Ребята заметно приотстают, и вновь до меня доносится:

- Во! Мужик дает! Ну, мужик!

А “мужик”, уже пробежавший до этой встречи десять верст, из последних сил сохраняет расстояние между собой и группой.

Наконец-то поворот в городок! Поворачиваю. И через несколько секунд за моей спиной пронесится вся живописная группа моих преследователей, бегущих по другому маршруту...

“Мужик”, отдышавшись, поглядывает назад, не веря, что его уже никто не догоняет!

Вечер выходного дня. Мы собираемся в ДК Звездного городка, в одном из залов которого расставлена длинная вереница столов с шахматными досками и фигурами на них.

Нас ждет необычное действо: сеанс одновременной игры с чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым. Сам чемпион уже среди нас. Он приехал со своим другом и соперником Михаилом Талем.

Звучат слова приветствия, мы занимаем места за шахматными досками. Нас три десятка участников этого сеанса, и среди нас есть очень сильные шахматисты: кандидаты в мастера спорта и перворазрядники. Участие принимает и одна девушка.

Все партии чемпион мира начинает белыми, подходя к каждому участнику пожимая ему руку. А за нашими спинами, за каждым из нас стоят еще по двадцать советчиков, знающих наверняка, что советы-то давать легче всего: дал совет и... смылся в сторону, если его “помощь” привела к проигрышу...

За моей спиной тоже кто-то стоит, но оглядываться мне некогда - игра!

До своего 16 хода я не знал проблем, и показалось мне, что не так уж страшен чемпион мира, как “его малюют”! Позиция исключительно ровная. Играю я староиндийскую защиту, и у меня просматривается даже небольшое преимущество (это в защите-то, играя черными!). И даже могу подвергнуть атаке белого короля! И пока Карпов обходит всех участников, делая по одному ходу, мне вполне удастся продумать несколько вариантов ответа чемпиону.

И тут у меня забрезжила фантастическая мысль о ничьей! Набираюсь наглости и говорю подошедшему ко мне чемпиону мира:

- Анатолий! Предлагаю ничью!

Карпов улыбается:

- Через несколько ходов ты проиграешь партию.

Что произошло потом, я не могу понять до сих пор: моя мощная староиндийская защита неожиданно разваливается на мелкие части, оставляя моего короля “полураздетым”! Ко всему, я еще теряю две фигуры!

Не чемпион, а профессиональный шахматный жулик! Как это ему удалось?

Предельным усилием воли подавляю в себе желание украсть у чемпиона какую-нибудь фигуру! Одним словом, проиграл я с треском! Правда,

горечь моего поражения была очень даже скрашена тем, что ВСЕ участники тоже проиграли чемпиону мира, за исключением... той единственной девушки, которой сам Анатолий, галантно раскланявшись, предложил... ничью!

Ну, и девка! Ну, и Толя - чемпион!

О ВАЗЕ, ДАЧЕ И ЦРУ

Наземным комплексным испытанием орбитального блока “Союз” - “Алмаз” по программе полета всегда предшествовало множество функциональных испытаний различных его систем, в том числе и шлюзовой камеры (ШК) “Алмаза”.

Фрагмент ОПС с ШК устанавливался на глубине бассейна, и в условиях гидроневесомости два испытателя в космических выходных скафандрах многократно отработывали возможность и особенности размещения с выполнением операций по выходу в “гидрокосмос”.

Шел четвёртый день испытаний. Надо сказать, что работа в СК - дело не простое, тем более в гидроневесомости. Здесь каждое, даже самое малое по амплитуде движение руки требует значительных физических усилий (эффект аэробалки), не говоря уже о самих перемещениях испытателя, а тем более выполнения работ с оборудованием и снаряжением вне орбитальной станции. В этих случаях пульс наш зашкаливает за 160, а артериальное давление увеличивается в полтора раза. Так что кроме технической подготовки здоровье испытателя должно быть на порядок крепче, чем даже у космонавта. К тому же мы работаем почти каждый день в отличие от наших орбитальных собратьев. И каждое сгибание руки испытателя в скафандре эквивалентно тому же действию с пудовой гирей в нормальных “человеческих” условиях. Теперь представьте, сколько таких “сгибаний” выполняет испытатель за несколько часов своей работы в гидроневесомости? Сотни! Отсюда и пульс, и АД, и усталость. А еще-то в СК ко всему и очень даже жарковато! Недаром же все, работающие в СК, надевают специальную охлаждающую оболочку из многочисленных трубок, по которым циркулирует вода для теплосъема.

...Мы находимся в шлюзовой камере ОПС “Алмаз”. Предстоит отработка методики по выходу из ШК в “открытый космос” т. е. - в бассейн. Глубина 4 метра. Я выполнял подобную операцию десяток раз, и для меня она никакой сложности не представляет. Получаю разрешение на выход. Выхожу из ШК и совершенно неожиданно чувствую, что нахожусь на грани потери сознания...

В глазах мелькают какие-то желтые блики, и лишь через секунду краешком сознания я ощущаю полное отсутствие вентиляции своего скафандра! Застойная зона в шлеме с большим избытком углекислоты... С закрытыми глазами спокойно так говорю руководителю эксперимента:

- 101-судья! Я - 1! Нет вентиляции СК! Проверьте подачу воздуха!
...Перед глазами роятся золотые “мухи”. Сколько я продержусь? Но терплю.

А в эти секунды руководитель Виктор К-в со всех ног бросается в компрессорную, где за специальным пультом контроля вентиляции скафандра сидит техник В.Несчастный, а перед ним на индикаторе ротаметра моего СК значится расход воздуха всего... 10 литров в минуту вместо 250! При всем этом сей “специалист” спокойно наблюдает за всем этим “безобразием”, обеспечивая параллельно нормальную вентиляцию скафандра моему бортинженеру...

- Ты что вытворяешь?! - Виктор едва не сбывает Несчастливого с его кресла. - Ты что делаешь, а?

И тут же сам резко увеличивает подачу воздуха в мой СК, постепенно доводя ее до нормы, после чего под водой я начинаю выходить из предшокового состояния.

До сих пор ни я, ни мои товарищи не могли понять, как мог опытный техник допустить столь примитивную и опасную для жизни испытателя ошибку? И если бы подобное произошло лишь однажды, то Несчастливого можно было хоть как-то понять, но.... Такое происходит со мной уже несколько раз, и только тогда, когда за пультом ротаметров дежурил Несчастный... Цезерушик да и только! Позднее мне стало известна “причина” сего “феномена”. Но об этом потом.

Через неделю мы уже открывали серию новых испытаний уникальной космической техники. Это было изделие УПК-1Б, космический “мотоцикл”, детище завода и КБ “Вымпел”. Несколько позднее этот замечательный агрегат был трансформирован в СПК (средство для перемещения космонавта).

Специальный ранец крепится к скафандру “Орлан”. На ранце располагается система газоструйных РД, обеспечивающих все шесть степеней свободы системе “скафандр-испытатель”. Конструкция интереснейшая с перспективой ее применения на любых монтажных работах в орбитальных условиях вне ОПС. Эта установка позволяла уходить (“улетать”) космонавту от базового блока на добрую сотню метров и перемещать крупные монтажные секции на орбите.

На разборе результатов проведенных испытаний “космического мотоцикла” присутствовало несколько известных наших конструкторов. Результаты этих работ всех очень обнадежили, и следующий этап планировалось провести через неделю.

...Мы сидим с главным конструктором “космического мотоцикла” в холле нашего бассейна. Разговор с профессиональных тем переключился на другое, повседневное. Конструктор делился своими впечатлениями о посещении с семьей Воронцовского Дворца в Апупке, откуда они только что вернулись после отпуска. И тут у нас обнаружилась прямо-таки

родственная” тема для разговора,... поскольку я недавно тоже вернулся из тех же краев, о чем я поведал своему собеседнику...

...Мы с женой “дикарями” путешествовали по крымскому побережью, прошагав от Алушты до Гурзуфа, где и сняли крохотную комнатку у одной бабули, дабы отдышаться немного от нашего “пешеходства”.

В один из дней мы идем в Алупку, надеясь осмотреть достопримечательности Воронцовского Дворца. Подходим к кассе, а она - закрыта! И это в самый разгар сезона! У служителя музея, пожилой и очень симпатичной женщины, интересуемся о причине столь необычного явления и слышим:

- У нас совершена кража одной из двух знаменитых ваз графа Воронцова.... Идет расследование...

Вслух говорю своей Гале:

- Да это я взял эту вазу ночью! Понравилась она мне, вот я и пришел за второй!

- Ой! Ой! - женщина вскрикивает так громко и неожиданно, что мы оба вздрагиваем. - Милиция! Милиция!

Через секунду нас с женой окружает целая дюжина милиционеров.

- Вот он! Вот он! Он украл вазу! - Симпатичное лицо служительницы искажается гримасой.

Я вижу в руках у ближайших ко мне ментов пару наручников, готовых к применению, но я вовремя сую под нос их старшему свое офицерское удостоверение...

...Так, во дворце мы уже “побывали”. Идем дальше, поднимаясь по едва заметной горной тропе, петляющей между скал. Слева голубеет туманный морской горизонт. Солнце за облаками. Мы перебираемся через какую-то каменистую гряду и не верим своим глазам: перед нами открывается Дворец Синей Бороды! Поражают своим видом хоромы из белого камня, ухоженные газоны с лампами света, дорожки, покрытые разноцветным гравием. И только сейчас замечаем, что все это великолепие обнесено с трех сторон высочайшим забором из тонких, едва заметных глазу стальных прутьев! Наслаждаемся! Тишина. Воздух наполнен запахом роз. А какие гвоздики на клумбах! И вдруг:

- Стоять!

Мы замедляем шаг и останавливаемся, смотрим, друг на друга и начинаем смеяться: надо же попались! Говорю Гале:

- Давай поднимем руки вверх, а то ведь и стрелять начнут!

К нам подходят двое в штатском:

- Как вы сюда попали?

Я показываю в сторону горной тропы. Второй в эту минуту внимательно изучает мое удостоверение. Галя смеется:

- Нас сегодня уже ловят второй раз!

И мы неожиданно видим на лицах людей в штатском улыбки:

- Проходите, пожалуйста, к калитке! Вот туда, налево!

- А куда мы забрели? - улыбка моей симпатичной подруги явно подкупает серьезность обоих в штатском.

- Вы попали на дачу Леонида Ильича Брежнева.

- Ух, ты! - восклицаю я. - Для нас это памятное событие!

На вопрос нашей хозяйки о проведенном дне моя жена отвечает:

- День был прекрасным! Мы провели его среди милиционеров, горных тропинок и таинственных фигур в штатском.

КРИК ДУШИ

Очередной первоапрельский день ознаменовался в ЦПК серией розыгрышей да таких, что люди после “Дня дурака” хохотали еще в течение недели и не могли остановиться. Расскажу лишь об одном из них.

В тот день, пожалуй, каждого из нас, несомненно, посетило чувство приподнятости настроения, ибо над нашими головами раскинулся чистейшей голубизны небесный свод, омытый весенними дождями, с ярким диском Солнца и непонятным всякий раз чувством таинственного обновления и радости.

... Заместитель Начальника Центра подготовки космонавтов, генерал, с самого утра не мог понять поведения работников своего штаба, которые при встрече с ним, здороваясь, затем почему-то начинали неожиданно давиться смехом, оглядываясь на своего начальника и стараясь поскорее смыться...

“Надо же! Совсем идиотами становятся, - думал про себя заместитель Берегового, - Надо подтягивать дисциплину, ведь смеются неведомо почему, а всем известно, что смех без причины - признак”...

Через какой-нибудь час уже на совещании в генеральском кабинете стоило генералу повернуться спиной или боком к присутствующим офицерам, как те тоже начинали “хмыкать” в кулачок, с трудом удерживая себя от смеха.

- Да что это с вами сегодня?! Сдурели, что ли все как один в день дурака! Ну, посмеялись разок-другой, но не мучится же дурью целый божий день! Полковники, называется...

Как ни странно, но этот упреждающий монолог не возымел никакого воздействия на присутствующих. Тут надо сказать, раскрыть наше “положение” о первоапрельском дне: при всех проводимых розыгрышах всякому “свидетелю” происходящего запрещалось открывать причину происходящего, с кем бы оно не происходило! Розыгрываемый должен был сам догадаться о причине, а потому-то смеяться можно было сколь угодно “продолжительно”, но о причине - догадывайся сам!

В течение всего дня очень даже досаждали непонятным ему первоапрельским поведением. Особенно доставалось генералу от прекрасного пола, и надо было видеть настороженно-испуганное лицо заместителя

Начальника ЦПК, когда одна из наших молодых красавиц штаба вдруг в открытую поинтересовалась:

- Товарищ генерал! А что? Вам и вправду невтерпёж? Так сильно приспичило?

- Что “приспичило”? Поясни, если ты такая умная.

- Да нет. Я ничего... Это вы сами должны знать “что”.

Наполовину выведенный из терпения столь загадочными намёками и поведением сослуживцев, генерал вваливается в кабинет Начальника Центра генерала Берегового:

- Нет. Надо запретить “День дурака”! - генерал, повернувшись к Береговому спиной, обречённо взмахивает рукой...

- Это почему же? - усмехается Береговой.

- Да потому, что у нас в штабе все походили с ума! Целый день смеются... надо мной! Причём - беспричинно! Как идиоты!

Хозяин кабинета прячет улыбку:

- И ты предлагаешь на территории нашего штаба запретить “Первое апреля”?

- Не только в штабе, а везде! Повсюду! Делом надо заниматься, а не дурачиться целый...

- Но тогда над нами будет смеяться вся страна!

- Но! Георгий Тимофеевич! Я никак не могу понять и одобрить причину такого развязного поведения, да ещё - по отношению к вашему заместителю!

- Причину понять не можешь? А ты сними свой китель и взгляни, что изображено на твоей спине!

Заместитель осторожно освобождается от своей верхней одежды и от увиденного замирает на месте, при этом у него отваливается челюсть: на спине кителя красуется лист бумаги, на котором красивой крупной славянской вязью выведено:

“Хочу бабу”!

“Пострадавший” генерал в шоке:

- Ну, идиот! Я же целый день проходил с этой хреновиной на своей спине! Ну, узнаю “автора” - я...ца оторву!

- Да не пыли ты! - Береговой успокаивает разъярённого и одновременно опечаленного допущенной оплошностью зама - юмор ведь всегда был, есть и будет. Причём я не совсем разумею тебя? Как и что ты сможешь “оторвать”, если это тебе подстроила... женщина? Ну, и потом... Потом, могут подумать, что ты и сам мог прицепить себе этот “лозунг”, изображая крик своей души! И будут правы. Так что улыбнись-ка и забудь обо всём! Ведь начертанное на твоей спине может иметь и реальную причину... Или нет?

От себя добавлю: несмотря на все попытки, обнаружить автора этого розыгрыша, даже с подключением спецслужб ЦПК, не удалось.

P.S. Ко всему происшедшему Ветер не имеет никакого отношения.

ГЛАВНОЕ - ДОЛОЖИТЬ!

В любых армейских (да и только ли в армейских!) подразделениях всегда найдётся несколько любителей докладов начальству! И ведь смеются над такими, пропесочивает в настенной или иной печати! Ан, нет! Это их не исправляет.

Имелись подобные любители докладов и у нас в Центре подготовки Космонавтов.

... Мы стоим в коридоре нашего штаба в ожидании открытия спец библиотеки для получения портфелей и литературы. До начала рабочего дня 15 минут. Офицеры переговариваются, делясь всякого рода впечатлениями. И в это время в здание штаба входит Начальник ЦПК герой Советского Союза генерал Кузнецов. Он, принимая наши приветствия, направляется к своему кабинету, и тут навстречу генералу выскакивает для доклада дежурный по Центру майор Солдатов!

Маленького роста, плотный и взволнованный предстоящим рапортом генералу, Солдатов бросается навстречу Начальнику Центра и совершенно неожиданно для окружающих спотыкается о стык двух ковровых дорожек коридора, падая плашмя перед Кузнецовым и теряя при всем этом фуражку. И уже лёжа на полу без своего головного убора майор, приложив руку к голове, кричит на весь штаб:

- Товарищ генерал! За время моего дежурства! За дежурство моё! Никаких происшествий не случилось! Никаких!

Дежурный по ЦПК майор Солдатов!

Кузнецов несколько секунд обалдело смотрит на лежащего перед ним на полу “докладчика” и тихо так произносит:

- Хорошо, Хорошо! Но вы встаньте, встаньте...

Но майор явно, не слышит генерала и продолжает:

- ...Никаких происшествий! Товарищ генерал! Никаких! Майор Солдатов!

Что в эти секунды произошло в коридоре, не поддаётся описанию! Лица присутствующих были искажены гримасами “бесшумного” смеха (при командире-то не очень посмеёшься), многие молча хватались за животы и отворачивались к стене.

Генерал осторожно бочком обходит всё ещё лежащего перед ним дежурного и спокойно говорит, присутствующим офицерам:

- Да поднимите же этого... этого...

А те, бедняги, едва сами держатся на ногах от сводящего живот смеха...

Памятен ещё один случай, происшедший у генерала Берегового. Темой этого совещания было обсуждение возможности максимального приближения моделирования невесомости в условиях гидросреды. Всем было понятно, что никакой невесомостью здесь и не пахнет, просто вес перемещаемых под водой крупногабаритных и иных предметов и блоков уравнивается гидросредой (кто не помнит, Архимеда?) Всё это можно

перемещать под водой без особых усилий, имея дело лишь с инерцией масс. Человек в скафандре также сохраняет свой вес, опираясь телом на оболочку скафандра (внутреннюю, естественно), поэтому реакция этой опоры не позволяет ему, скажем, находиться в перевернутом положении, но главное дело в том, что вес крови тоже никуда же не исчезает, и испытатель не может под водой сколько-нибудь с толком висеть вниз головой, как и при обычной стойке на руках в комнатных, условиях. Поэтому-то в процессе испытаний нами уже были определены оптимальные рабочие углы наклона испытателя в скафандре при работе в гидроневесомости, которые не превышали величин в 25о 40о градусов. При увеличении этих значений человек в скафандре начинает испытывать дискомфорт, оказывающий влияние на качество работы, а значит, и на уровень подготовки космонавтов для вне корабельной деятельности.

И вот в просторной аудитории, в присутствии десятков офицеров-специалистов генерал Береговой высказывает своё недовольство низким качеством моделирования невесомости в гидросреде, делая акцент на небольшие углы наклона продольной оси скафандра от вертикали:

- Что же это такое? На орбите космонавты работают в любом положении, в горизонтальном и вплоть до перевернутого. Этого надо добиваться и в гидроневесомости! Скажите мне, поясните: можно это сделать?

И мы неожиданно слышим детский лепет собравшихся здесь “любителей доложить”:

- Сделаем, товарищ генерал! Сделаем, как вы скажете!

И эта абракадабра звучит со многих мест, из многих уст полковников, кандидатов наук и даже одного генерала...

Я не верю своим ушам. Это же бред собачий! Ну, к чему обманывать своего командира? Надо просто объяснить ему, что моделирование невесомости в гидросреде носит условный характер, и мы никогда не сможем работать там по несколько часов в перевернутом или близком к этому положении. Я прошу слова.

Выслушав меня, Береговой резко бросает в аудиторию:

- Вы это мне здесь лапшу вешаете, работнички!..

Молчание. Командир поднимается со своего места и поворачивается к начальнику инженерного управления:

- И ты хорош! Разберись со всем этим!

После ухода командира мне пришлось выдержать довольно сильное брюзжание со стороны некоторых присутствующих учёных и высокопоставленных военных, весь смысл, которого, как ни странно сводился к следующему:

- Что? Тебе больше всех нужно? Вот такой был у них “аргумент”.

А теперь о “докладе” несколько иного свойства, не имеющего ничего общего с предыдущими. Просто необычный случай.

Вертолёт Ми-8 доставляет нас на высоту четырех километров, что позволяет находящимся в нём пяти парашютистам провести в свободном

падении целую минуту, в течение которой каждый участник должен выполнить своеобразный репортаж, наговорив на портативный диктофон всё, что он успеет заметить на земле, и чем больше деталей будет отмечено в этом репортаже, тем ценнее эта информация для науки, занимающейся исследованием надёжности человека в условиях стрессового воздействия высокой интенсивности.

...Включив контроль времени свободного падения и диктофон, мы по одному оставляем вертушку...

После выполнения серии этих и других экспериментов нас приглашают в институт Психологии для разбора и анализа наших прыжков с репортажем. Здесь собрался компетентный коллектив учёных, интересующихся динамикой снижения уровня нашей надёжности при стрессе.

Прослушан один, второй, третий, четвёртый репортаж; уровень информативности был примерно одинаков у всей четвёрки операторов: "Включаю, отделяюсь, вижу, замечаю, фикс круто. Разворачиваюсь на 180°... Продолжаю репортаж.. Контроль времени... Открываю..." Ставится плёнка с записью репортажа пятого нашего товарища. Это опытный парашютист с тремя тысячами прыжков. И тут все присутствующие в аудитории слышат следующее:

- Высота 4000 метров! Включаю диктофон и секундомер. Отделяюсь. Во х...ярит! Во х...ярит! Во х...ярит! Во! Во! Во х...ярит!

И это в течение всей минуты свободного падения! Присутствующие учёные не могут расшифровать ни единого звука в этом «репортаже» и лишь пожимают плечами: что всё это значит?

А причина столь необычного репортажа заключалась в следующем: у испытателя сразу же после отделения от вертолётa отстегнулся ремешок фиксации защитного шлема (каска) и при высокой скорости набегающего потока воздуха (50 метров в секунду) стал безжалостно хлестать нашего коллегу по лицу, да с такой силой, что парашютист не смог сказать ничего другого кроме приведённых двух основных слов!

ПОСЛАНИЕ РУССКОМУ ЦАРЮ

Майский вечер. Канун Великого нашего праздника - Дня Победы. Мы сидим с младшей дочкой на балконе и наблюдаем, как внизу под нами ребятишки гоняются за майскими жуками. Время от времени Любка прерывает наше молчание вопросами:

- Пап! А ты взял бы меня с собой в океан?

Я с умным видом смотрю на свою девятилетнюю дочурку:

- А какой океан тебя интересует?

- Тот самый, где погиб Капитан Немо.

- Но он не погиб, а умер и погрузился в пещере Таинственного острова. Ты же помнишь это. И было сие в Тихом океане. А это далековато:

- Ну, хорошо! Тогда давай пойдём на яхте в Индию. Идет?

- Давай. Но для этого нужно высочайшее разрешение!
- От царя?
- От какого царя? У нас же нет такого!
- Нет, так найдем!

Ну, кто мог подумать, что наша младшенькая способна преподнести нам сюрприз, да еще какой! Даже предположить было невозможно, что могло последовать за этим, в общем-то, безгрешным разговором, а произошло такое, что я едва не залез на дерево, спасаясь от идиотских обвинений “работников” нашего политотдела.

Спустя несколько дней я прихожу в гидролабораторию, а на лице моего начальника прямо-таки трагическое выражение:

- Константин. Только спокойно выслушай. Прошу, только не возмущайся.

Смотрю я на него и ничего не понимаю: умный и добрый человек, а такое предисловие мне закатывает! Прямо не верится, что это он. Тихо спрашиваю:

- Неужели китайцы подошли к Москве?
- Хуже во сто крат!
- Ну, и...

- Бросай все! Срочно переодевайся и беги в Политотдел! Они уже все телефоны оборвали, - тебя разыскивают!

- Ух, ты! - Я был страшно удивлен и раздосадован: времени в обрез, через полчаса приходит экипаж Николая Рукавишникова на тренировку, а тут перспектива какого-то пустого “похода по кабинетам! Надо же! - Но ты сказал, что у меня экипаж?

- Да им наплевать на все наши экипажи! Беги, умоляю тебя, не медли!

Ситуэйшен! Плюнул я на все и не спеша, побрел в штаб ЦПК. Прохожу комнату дежурного, а он с помощником ко мне выскакивает:

- Товарищ подполковник! Вас срочно...
- Спасибо.

Вешалка у нас в штабе на тысячу крючков, но как назло все занято. То ли делегация, какая прибыла на экскурсию, то ли какое многочисленное партийное руководство наведальсь к нам. Бросил я плащ и фуражку на подоконник и поднялся на второй этаж к двери с грозной партийной табличкой: “Здесь сидит такой-то, имярек”... У меня почему-то комплекс излишнего волнения перед дверями разного грозного начальства полностью отсутствует, поэтому стучу и вхожу сразу без предварительного просовывания головы.

В кабинете четверо.

Самый главный политработник, не поднимая глаз и не отвечая на мое приветствие, цедит тихо сквозь зубы:

- Вы хотите здесь служить, товарищ Ветер?
- В этой комнатухе? Нет, не хочу! (“комнатуха” 86 м2).
- Нет, не в моем кабинете - в ЦПК?

- Я уже тринадцать лет работаю в ЦПК, причем тут мое хотение?

-А притом! Знакомьтесь!

И протягивает мне конверт с прикрепленным к нему письмом. Читаю:
(орфография сохранена):

“Главному Русскому Царю и
Генеральному секретарю
Брежневу Л.И.

Послание

от Любы Ветер и ее просьба.
Очень важная. Секретно.

Дорогой Леонид Ильич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой разрешить мне и моему папе
поплыть на яхте в Индию.

Мой папа работает в Звездном городке, а я - Люба, учусь в школе.

С глубоким уважением,
Любовь Константиновна Ветер 9
мая 1980 года”.

Согласитесь, такое простительно девятилетнему ребенку. Но с нашим
политруководством попасть для “разбора” на парткомиссию не составило бы
труда. Но тут входит Г.Т.Береговой. Без стука очень даже неожиданно:

- Что, бездельники, сами не работаете и испытателям не даете. Ты чего
здесь? - Это вопрос ко мне.

Я показываю ему письмо Любки.

Командир молча, двигает меня рукой к двери, сопровождая это словами:

- А вас, господа-бездельники, пора всех увольнять!..

Это я слышу уже в коридоре, закрывая дверь...

КАК ПОСТУПИТЬ В МГИМО?

У старшей дочери Оли на руках пятерочный аттестат зрелости. Владелец
подобных документов трое из всех десятых классов. А золотых медалей
выделили всего две! Медали, естественно, достались родственнице директора
школы и племяннику семьи космонавта. Да разве в медалях дело? Главное
теперь - это поступление в ВУЗ.

Моя жена - врач. Стали мы с ней “сватать” Олю в медицинский! Не тут- то
было! Категоричность заявления дочери не оставила никакой надежды в том,
что в нашей семье будет продолжение медицинских традиций:

- Мне запах лекарств и дома надоел! И мама в своем белом халате как
ходячая аптека!

- Хорошо. Тогда что?

- Только МГИМО!

Я, глядя на дочь, повертел пальцем у виска:

- МГИМО - кастовое учебное заведение! Поступить туда без связей и знакомств практически невозможно. Ты просто потеряешь год...

- Пап! Решение принято и "обжалованию не подлежит"!

Что ж, настойчивость надо приветствовать, только разумную, конечно...

А дальше произошло следующее.

...Оля сдала все четыре вступительных экзамена на "отлично", На весь ее поток из сотни человек-абитуриентов - из двух "пятерок" за сочинение одна была "нашей". Итак, у нас все - "пятерки! Но!

Члены приемной комиссии поздравляют мою старшую с "прекрасной сессией" и... предлагают ей взять свои документы с просьбой придти на будущий год, "аргументируя" свой отказ в приеме тем, что у них якобы, все места уже аж с февраля распределены! Бред кокой-то!

Сидит наша старшая дочурка передо мной, в руках держит документы, которые вернули вместе с её экзаменационной "пятерочной" ведомостью, сидит и ничего понять не может! Я тоже не могу, жена - тоже!

Олю успокаивать не надо: она сам кого хочешь, успокоит. Такой нонсенс - первый в ее жизни. Сидит, пожимает плечами:

- Так-то, папуль, не прошла я по "конкурсу"!

- Что ж, - говорю, - давай, подумаем, что делать дальше?

- Тут, пап, думай, - не думай - надо искать работу. И обязательно поступать на будущий год!

- И опять туда?

- Только в МГИМО!

- А если опять мимо?

- Буду поступать каждый год, пока не поступлю! Это моя программа - минимум.

Вот такое создалось положение. Подождав, пока дочь переделась и ушла к подруге, я звоню домой Георгию Тимофеевичу Береговому и прошу разрешения подойти к нему. Начальник ЦПК занимался профилактическим ремонтом своей квартиры. От моей помощи отказался, слез со стремянки и, вымыв руки, сел напротив:

- Что там у тебя приключилось?

Излагаю все в двух словах. Генерал поднимается и набрасывает на плечи спортивную куртку:

- Мне Лидия Матвеевна (жена, преподаватель истории) говорила, что твоя старшая не только симпатичная, но и умница! Редкое сочетание. Ну, идем.

И повел меня генерал не куда-нибудь, а в свой штабной кабинет.

При входе в штаб шарахнулся нам навстречу дежурный по части: не ждал субботнего генеральского визита.

В кабинете Командир поднял трубку своего кремлевского телефона - "вертушки" и набрал номер телефона ректора МГИМО профессора Лебедева.

Что я услышал потом - переводу не поддастся. Но свое обращение к ректору генерал завершил в ласковых тонах и даже посмеялся над какой-то ректорской мыслью. Положил трубку и ко мне:

- Ты тут не обращай внимания на разговор старых знакомых, а теперь иди домой и скажи Оле, чтобы тащила свои документы назад в институт. Она зачислена.

Я едва не стал неуправляемым: мне вдруг захотелось схватить этого человека закружить его прямо здесь, в кабинете. Наверно это от наших предков-дикарей дошел этакий способ выражения благодарности. Хорошо, что сдержался. Начальник ЦПК не любил подобного выражения эмоций.

Домой я не шел, не бежал - летел! И прилетел прямо к семейному совету, на котором у всех были грустные глаза: решался вопрос, где работать Оле?

- Да нигде! Ей надо учиться! И она будет учиться!

Мое радостное настроение лишь подлило масла в огонь-

- Нам плакать надо, а не куражиться! - Это упрекает меня мама.

Но удержать меня уже невозможно:

- Который час? Час дня? Оля! Быстро собирай все свои институтские бумаги и бегом... в МГИМО! Тебя там будут ждать до 17.00. Ты зачислена!

Вы помните немую сцену в Гоголевском "Ревизоре"? Я стал свидетелем подобного.

Дочь поступила. За пять лет учебы в МГИМО она сдала полсотни экзаменов и все - на "отлично"! Получила "Красный диплом". Работает, по- моему, с удовольствием в том же МГИМО. Растит дочку Катюшу. Где только не была! Даже в Китае и в Южноафриканской республике, не говоря уже о разных там Англиях, Франциях и Америках!

Муж у нее - симпатичный молодой человек. Где работает - никто не знает, но зарплату почему-то приносит регулярно... Так-то. Такие вот дела!

ПОД ПАРУСОМ К АГАРСКОМУ МЫСУ

Осенний вечер. Ветер 4-5 баллов, северо-западный. Это по прогнозу на сутки, но в Керченской бухте почти тихо. Под парусами выхожу из уютной гавани Рыбного порта, придерживаясь зоны Еникальского канала, уходить в сторону, особенно юго-восточную, опасно - там многочисленные мели, не раз наказывавшие самоуверенных яхтенных капитанов. Для "Таис" с её полутораметровой осадкой такая встреча в преддверие ночи не опасна.

Иду под острым углом к ветру. На севере четко проступает линия берега. На фоне заката выделяются контуры горы Митридат. Керчь остается в тени, но угадывается по цепочкам уличных и рекламных огней. Хотелось бы за ночь пересечь Азов и на следующие сутки вернуться в Керчь, но, как

говорит пословица: “Загад не бывает, богат”, тем более в море на яхте да еще в одиночку.

Ветер к ночи несколько усиливается и меняет направление. Набираю скорость до поворота и... врезаюсь плечом и коленом в стену рубки, ощущая резкое торможение: мой четвертьтонник, словно необъезженный конь, скачет по волнам, ударяясь балластным килем о ставшее таким близким дно Керченского пролива...

Подветренная мель! Резко иду на поворот, пытаюсь по инерции увести яхту на глубокую воду. Поздно. Чувствую, что зацепил крепко, дальше все идет по жесткой программе: через 10 секунд убраны паруса, а еще через 20 с кормы отдан якорь. Присмотревшись, вижу грязный шлейф за кормой, говорящий о том, что я проскочил на мель уже далековато - на десяток-другой метров...

Якорь столько раз, выручавший меня, не держит, хотя и тормозит поворот яхты бортом к волне. Отдаю якорный трос на всю длину. Не помогает. Периодически ударяясь корпусом о дно пролива, яхта начинает вы ползать на угадывающуюся в миле под ветром полосу песчаной косы.

Положение! Да еще с перспективой быть выброшенным ночью на берег. Задача одна - сберечь яхту во чтобы то ни стало. А тут как нарочно поднимается волнение, судя по силе удара, глубина здесь не превышает полутора метров. Бросаю взгляд на часы: с момента первого удара прошло две минуты, но какими длинными они кажутся...

Якорь по-прежнему держит эпизодически. Надо завести второй, но он у меня не готов - нет каната. В кромешной темноте сбрасываю крышку люка на ахтерпике. Все извлекаемые из ахтерпика канаты сваливаю в кокпит. Хорошо, что все они собраны в бухты и не распускаются. Набрать и составить из бухт нужную длину якорного каната особого труда не составляет. Все делаю на ощупь. Надо достать второй якорь. Но добраться до него мешает подвесной мотор. Освобождаю мотор и вытаскиваю якорь при этом леер дважды удерживает меня от падения за борт. Яхта кренится, иногда угол крена достигает 40 градусов. Крен и темнота очень осложняют дело.

На несколько секунд спускаюсь в рубку, чтобы включить освещение. Из входного люка в кокпит ложится неяркая, но широкая полоса света - уже лучше. Закрепляю якорь на трос. Второй якорь к спуску готов. Яхта медленно разворачивается к волне, продолжая свое предательское постукивание килем о грунт. Судя по ударам, дно близко. Соображаю. Стоит ли развернуть яхту против ветра? Но в этом случае, если якорь перестанет держать, я могу потерять руль при смещении судна кормой вперед. Высокая цена за ослабление качки. И так, пусть оба якоря будут с кормы.

Теперь главное - реализовать план выхода из создавшегося положения и ликвидировать аварийную ситуацию. Первое. Надо перебросить канат первого якоря на стаксельную лебедку и начать подтягивание яхты к якорю. Второе. Подтянув яхту на десяток-другой метров, необходимо

завести второй якорь на всю длину его троса. Третье. Полностью выбрать первый якорь. Далее все повторять до выхода на глубокую воду. Не план, а мечта. А от мечты до ее реализации слишком большое расстояние...

Быстро надеваю теплозащитную одежду и гидрокombineзон. Начинаю с помощью левой лебедки подтягивать яхту к якорю и, когда до последнего остается несколько метров, стопорю якорный канат спускаюсь за борт и на спасательном жилете буксирую второй якорь на место его отдачи. Это метров тридцать. Глубина здесь везде одинакова и не превышает уровня расположения сигнальной лампы на моем гидрокombineзоне. Отпускаю второй якорь и возвращаюсь на яхту.

Осторожно подтягиваю лебедкой яхту к держащему якорю, следя за канатом, и вдруг чувствую, как под мощным напором ветра начинает ползти яхта, сдавая с таким трудом завоеванное расстояние...

Резко поднимаю якорь и вытаскиваю его на борт. Яхта ползет еще несколько метров и останавливается: это "взял" второй якорь.

Операцию по заведению якоря повторяю второй раз, третий... десятый. К пяти часам утра заведение якорей было выполнено 17 раз. Результат: до границы мели я не дотянул метров восемь. На гидрокостюме были оторваны рукава, штанины, шлем, ленты для фиксации, сигнальная лампа. По-существу гидрокостюм превратился в легкий гидрожилет, не спасающий уже ни от каких гидровоздействий. Наверно первый раз в течение ночи взглянул вверх: на фоне летящих куда-то звезд и обрывков туч мачта вычерчивала замысловатые синусоиды. В этот момент я ощутил такую усталость, что лишь для того, чтобы в восемнадцатый раз взобраться на борт судна мне потребовалось десять минут, ведь к слабым я отнести себя не могу: при весе 80 кг я подтягиваюсь более двадцати раз. Но здесь вдруг почувствовал: если не отдохну - утону прямо под яхтой.

Удары килем о грунт подчиняются какой-то дьявольской закономерности: два удара слабых, два сильных, перерыв 20 секунд и - все сначала, успокаивает то, что глубокая вода рядом. И что якорь держит надежно.

Отдыхаю. А, просто говоря - валяюсь мокрый насквозь на полу рубки, и очень хочется, чтобы этот отдых продлился подольше. Говорю себе, ну капитан, еще пару минут отдохнем и продолжим, только парочку, ни секунды больше. Но от мысли снова оказаться за бортом в холодной, одиннадцатиградусной воде делается как-то тоскливо на душе... Но делать нечего: назвался груздем - полезай в... воду! Надо не только одолеть мель и спасти яхту, но и выполнить порученное - достичь Бердянска и вернуться в Керчь. И если честно, мне показался, Бердянск тогда дальше островов Фиджи и Самоа.

Как бы там ни было, но в 19.30. новых суток, т. е. ровно через сутки после старта из Керчи я, голодный замерзший, но счастливый, оставлял по левому борту Еникальский маяк Керченского полуострова: курс на Бердянск.

Только месяц спустя я узнал, почему “моя” мель не была указана не только на картах и лоции Керченского пролива, но не просматривалась даже на крупномасштабных снимках Азовского моря, выполненных из космоса. Дело в том, что причиной появления таких “блуждающих” мелей бывают северо-восточные сгонные ветры. Конечно, это меня несколько не оправдывает, и критика в свой адрес, самая беспощадная, будет потом, после выполнения задания. А тогда мне было не до самокритических излияний.

...Выхожу за мыс и чувствую, как свежеет ветер. Баллов 6. Волны прибрегают пенные гребни. Мне кажется, что дакрон парусов позванивает от напряжения. Яхта идет, зарываясь в крутые короткие волны, но в кокпите сухо: сказывается удачная конструкция рубки. Справа нас медленно обходит длинная тень сверкающего огнями танкера. Отчетливо просматривается маяк Ахиллеон. На минуту привожусь для замера скорости ветра: анемометр устойчиво показывает 12 м/с. Чувствуется упругое постоянство воздушного потока. Это обнадеживает: ветер может продержаться всю ночь, что позволит доверить управление яхтой автоматическому подруливающему устройству, а голодному, как стая волков, капитану это гарантирует добрый литр горячего кофе.

Скорость по лагу 5 узлов. Ложусь на компасный курс 357о и включаю авторулевого. “Таис” идет устойчиво, хотя и с несколько большим рысканьем, чем при ручном управлении. Каким-то шестым чувством ощущаю даже небольшие запаздывания в работе автомата.

Дошла очередь и до кофе, но чувство голода явно подавлено усталостью, накопленной шестью сутками штормового перехода из Николаева в Керчь и незапланированным суточным состязанием с мелью. А впереди - сто миль до Бердянска по сердитому ночному Азову. В таком положении сон имеет явное преимущество перед сытым желудком, и я даю себе отдых - один час.

Вместо часа проспал почти два. Выскакиваю на палубу: яхта идет устойчиво на северо-восток курсом 55о. Это-то вместо 357о! И только теперь замечаю, что ветер - чистый норд. Авторулевой здесь абсолютно не виноват, старательно выдерживая постоянный угол между вектором скорости вымпельного ветра и диаметральной плоскостью яхты. Даю “отдых” автомату, переходя на ручное управление. Предстоит лакировка: Бердянск-то находится точно под Полярной Звездой.

Многочасовая смена галсов. Ухитряюсь спать на курсе. Пока все идет хорошо. К полуночи ветер усиливается, и я лишаюсь сразу трех ракс- карабинов на стакселе. Произвожу замену аварийного паруса, откладывая его ремонт на светлое время суток. Ветер постепенно меняется на восточный. Дорога, проложенная Луной на беспокойной поверхности моря, необычно широка и до боли режет глаза.

Несколько часов иду без лавировки, одним курсом. По лагу за кормой осталось около 75 миль. Если курс выдержан, с минуты на минуту должен

появиться маяк Нижний Бердянский. Но пока ничего нет. В бинокль (в который раз!) осматриваю северный горизонт. И уже опустив бинокль, краем глаза отмечаю белую вспышку впереди по правому борту. По характеристике даже без секундомера опознаю маяк на южной оконечности Бердянской Косы. До порта остается около 25 миль.

С восходом солнца все воспринимается намного веселее. Правда, ветер начинает явно сдавать: даже максимально увеличив парусность яхты, мы делаем не более 3 узлов.

Медленно пересекаю Бердянский залив. Канал остается слева. Он занят: несколько танкеров следуют из порта на внешний рейд. Глубины здесь по всему заливу не вызывают опасений: 4-5 метров вполне устраивают "Таис".

Полдень. Ветер едва наполняет дакроновые крылья яхты. Швартуюсь у причала водной станции Бердянского нефтезавода. На лаге - 97 миль.

Из здания водной станции к яхте направляется человек. Я узнаю его. Это Олег Кошевой, один из яхтсменов Бердянска. Он задает мне первый и вполне логичный вопрос: "Откуда пришли и сколько вас?"; Отвечаю, что пришел из Керчи один. На лице Олега явное недоверие, хотя он хорошо знает меня и не доверять моим словам у него нет причин. Олег заглядывает в рубку. Там действительно никого нет. Оставляю Олега с его недоумением и бегу отмечать судовую роль. Необычный вид "Таис" с крылом автоматического рулевого на корме собирает на причале первых любопытных.

Один из руководителей завода - владельца водной станции - Владимир Алексеевич Смолянский (забежал к нему на десяток минут) мой хороший знакомый, угощает меня горячим обедом и вместе с начальником водной станции Сашей Лахой и тренером Дмитрием Самодрыгиным интересуется моими планами на сегодня. А планы просты: позвонить своему руководителю в Москву и доложить, что первая половина одиночного перехода завершена и что через два часа я стартую обратно в Керчь, где меня ждет и, конечно, беспокоится мой товарищ Валерий Целенко, с которым мне предстоит обратный переход в Николаев. На прощание я получаю от Смолянского подарок: большой (формат 60-х 70 см) портрет В.И.Ленина, искусно выполненный на деревянной плите.

В городе с трудом дозваниваюсь домой. Телефонный разговор реализуется лишь через час. Дома все благополучно. Можно возвращаться в Керчь.

... Бердянск. Солнечный, чистый городок. Я был здесь много раз и всегда встречал доброжелательность и понимание его жителей. Невольно вспоминаешь, что человек красит место - каковы жители, таков и их город. И сейчас прохлада осени не снижает теплоту человеческих отношений: возвращаюсь на водную станцию и нахожу "Таис", приведенной в полный порядок. Заменены вышедшие из строя блоки, на палубе замечаю

новую бухту якорного троса, в рубке обнаруживаю большой пакет с виноградом...

К сожалению, время не ждет. Надо покинуть приветливую гавань засветло, чтобы к ночи настроиться на погоду.

Прокладываю обратный курс на Керчь. Ставлю паруса. В последнюю минуту мне сообщают суточный прогноз погоды: ветер 15 м/сек с усилением во второй половине ночи, волнение моря 5-7 баллов.

Покидаю пирс водной станции. Курс 175о - на Керчь. Быстро опускается ночь. Луна взойдет поздно. Учитывая прогноз погоды готовлюсь ко всему непредвиденному: надеваю штормовую одежду и спасательный жилет, фиксирую себя к яхте специальным фалом.

“Таис” идет полным курсом, делая 6-7 узлов. Постепенно уходят за горизонт очертания Бердянской косы, и только белый огонь ее маяка провожает меня еще несколько часов.

Полночь. Автоматический рулевой держит курс, несмотря на значительное волнение. Высота волн 2-3 метра. Холодно. Азов сердится вовсю. Иногда перламутровые в лунном свете гребни волн обрушиваются на палубу, и тогда от холода и сырости меня не спасают все одетые на себя гидрозащитные атрибуты.

В связи с усилением шторма решаю не отдыхать до Керчи. Только один раз спускаюсь в рубку, чтобы сделать несколько глотков воды, запасы которой на “Таис” составляют 120 литров и размещены в пяти цистернах из нержавеющей стали.

Два часа ночи... Паруса кажутся сделанными из какого-то таинственного белого металла. Дакрон хорошо везет нас. Несколько раз поднимаюсь на палубу для регулировки фалов. Через каждые 30-40 минут решаю специальные психологические тесты и чувствую, что у меня это плохо получается, время лучше фонового, но ошибочных решений больше половины.

Курс строго выдерживается. Все контрольные буи прохожу на расстоянии 15-20 метров. Отечественная навигационная аппаратура обеспечивает высокую точность следования по курсу.

Три часа ночи. Наблюдаю необыкновенную картину: в чистом небе на высоте 2-3 км четко вырисовываются контуры летательного аппарата, который на моих глазах начинает делиться на четыре части, при этом две из них продолжают полет, а две других спокойно спускаются на морскую поверхность. Каждая часть обозначена огнями наподобие габаритных. Что это? Результат усталости или я стал свидетелем каких-то испытаний в небе? Может наваждение? Но почему тогда от него не избавляет плеснувший мне в лицо холодный гребень волны?

Кругом водяные холмы. Я уже не рискую покидать кокпит даже для настройки такелажа. Яхта сильно приводится, и для ее удержания на курсе приходится прикладывать значительное усилие к рулевому устройству. Волны пересекаю под углом 15о-20о, при этом любое ослабление внимание

наказывается резким броском судна к ветру креном на 40о-45о при уваливании под ветер. Возникает реальная опасность быть выброшенным за борт на длину страховочного фала. Дополнительно фиксируюсь специальной страховочной системой, предусмотренной для такого случая.

Неожиданно прямо по курсу открывается огонь Еникальского маяка, а еще через два часа слева по борту вижу красный глаз Ахиллеона: я у входа в Керченский пролив.

Шесть часов утра. Сопровождаемая стайей дельфинов “Таис” проходит в акваторию Керченского порта. В полумиле от набережной бросаю якорь. Лаг показывает 190 миль (350 км), пройденных за 32 ходовых часа.

Попав в рубку, засыпаю мгновенно...

Через три часа “Таис” берет курс на Николаев.

НЕПОДСУДЕН

...Байконур. Стартовая площадка №2. Отсюда ушел в космическую бездну Юрий Гагарин. Здесь и 'его домик, в котором первый космонавт земли провел ночь перед своим стартом. Отсюда стартовали космические экипажи Родины.

Стартовая площадка. Строжайшая дисциплина во всем. В каждом жесте, в каждом шаге работающих здесь людей. В каждом их слове. На их плечах, на их совести колоссальная ответственность за исход каждого пилотируемого полета, за тех, кто доверяет им свои жизни... Жизни наших ребят-космонавтов. Ребят-символов нашего времени. Людей мечты.

Мечта. Кто знает, кто может дать точное определение этому понятию? Философы? Психологи? Вряд ли. Это такое же неопределимое понятие, как и любовь. Вы знаете, что такое любовь? Я - нет. Хотя, наверно, и способен на это чувство. Любовь к Отчизне. Любовь к родному дому, к семье. Любовь к женщине. Каждый из нормальных людей испытывает это чувство, но объяснить его невозможно. А может быть, мечта и любовь - это две стороны одной медали?

...Вот и жил-был один человек, звали его Юрий Локтионов. Отличный специалист по всем отечественным и зарубежным космическим станциям и кораблям. Испытатель этих самых комплексов. Он был предан своей работе как сын - матери. И, конечно, имел мечту. Как все, кто посвятил себя “Королевскому КБ”!

Количество попыток, предпринятых им, чтобы стать космонавтом, подсчитать невозможно, как и количество препон и препятствий, ставших на его пути к мечте.

Однажды¹ я даже в личной беседе с академиком В.П.Глушко, решая свой вопрос о перехвате космических пилотируемых капсул на гелиоцентрических орбитах, попросил Генерального конструктора замолвить словечко

¹ Ю.Локтионов ждал меня в приемной Глушко.

о Локтионове. К сожалению, академик последнее слово оставил за медицинскими светилами.

Так и отдалялась реализация мечты Юры Локтионова, тускнел свет её в тоннеле его жизни. И вот однажды...

...Однажды к старту был подготовлен очередной КК "Союз". Локтионов принимал непосредственное участие в проверках порученных ему систем КК в составе высокопрофессиональных представителей КБ.

. . . Последние часы перед стартом. Вся бригада покидает корабль, спускаясь на лифте на стартовую площадку. И вот уже прибывает автобус с космическим экипажем. После доклада космонавты начинают подъем к КК. До старта два часа.

И тут происходит короткая задержка: по технической причине. Нет, ничего серьезного, просто один из инженеров оставил один из своих малых контейнеров с электронно-измерительной аппаратурой в БО "Союза". Для изъятия контейнера дается 15 минут.

Два инженера повторно доставляются лифтом к космическому кораблю. Они вскрывают выходной люк бытового отсека КК, переходя внутрь его для исправления своей ошибки - изъятия инструментального контейнера - и становясь свидетелями потрясающей воображение картины.

...На полу БО, укрывшись куском интерьерной ткани, в зоне, не контролируемой всеми ТВ-средствами, лежал Юра Локтионов.

Представьте теперь, что могло случиться при старте корабля с лишним человеком на борту? Почти центнер лишней массы. Во-вторых, у Локтионова не было защитного скафандра "Сокол". При аварии на старте и срабатывании САС с разделением СА и БО он бы погиб. Такое могло произойти и при аварии на любом участке траектории выведения КК. Получить труп в таком деле! Ну, как?

И все-таки Локтионов просит ребят не выдавать его и скрыть его присутствие от руководителей полета. Один из них, хорошо знавший Юрия, даже заколебался и готов был пойти ему навстречу. Но второй проявил разумную настойчивость и не пошел на поводу предлагаемой авантюры, уговорив Локтионова покинуть вместе с ними космический корабль...

Скрыть нахождение Локтионова на корабле было делом невозможным: кабина лифта хорошо просматривалась, и все знали, что на устранение ошибки ушли двое.

Спустились они втроем, чем вызвали немалый переполох среди руководства на старте.

Локтионов был уволен. На него было навешено множество всяких ярлыков от "хулиганских" до "параноидальных". Правда, через некоторое время его все-таки восстановили в должности с некоторыми оговорками, кажется, без права посещения стартовой позиции.

Одно время он был даже помощником депутата Государственной Думы.

Со временем след его затерялся в суете и бестолковости наших сегодняшних будней.

Но, несмотря на негативные моменты этой истории, я не могу осуждать этого человека.

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ «ТАИС»

На третью декаду мая мне был разрешен первый довольно протяженный одиночный переход на специально построенной в Николаеве яхте, которой я дал имя одного исторического персонажа - греческой гетеры, подруги Александра Македонского, царицы Египта Таис Афинской.

К моему очередному отпуску Начальник ЦПК им. Ю.А.Гагарина генерал Береговой добавил еще неделю, это на случай непредвиденных задержек в рейсе.

Мной были оформлены все необходимые документы по пограничным таможенным и санитарным службам. Можете предположить, сколь это было непростым делом в то время!

За неделю до своего отлета в Николаев начинаю потихоньку тщательно готовить все необходимое для обеспечения рейса. Это, прежде всего спасательные, сигнальные и страховочные средства, штормовая одежда, средства личной гигиены, аптечка. Выполнил тарировочную проверку секстана, подбор навигационных карт маршрута с обозначением всех его маяков, огней и знаков. Взял даже с собой ПМ с двумя обоймами.

День отъезда. У всех моих домочадцев какие-то грустные физиономии, так и хочется сказать им: "Ну, чего это вы киснете? Ведь не навсегда же покидаю я дом родной!"...

Одна Любка вьется вокруг меня, заглядывая мне в глаза, вдруг просит:

- Пап! Возьми и меня с собой! Интересно, ведь! Возьмешь, а? Я все вытерплю!

- Следующий раз! Хорошо? Пусть мой первый переход будет тренировкой, для нашего с тобой - второго! Идет?

- Идет-то, идет! Да врешь ты: ведь и во второй раз меня не возьмешь! Вот, может, на третий?

- На третий раз - это точно! Даю слово!

Мы грузим весь мой багаж в стоящую у подъезда нашего дома машину, и тут моя младшая сует мне в руку какую-то записку:

- Прочитаешь только в самолете! Понял? Не раньше!

...После взлета достаю дочкин листок. В нем почерком Любки начертано следующее:

Один был путь у нас - вперед!

И шли мы тем путем!

А сколько нас назад придет,

Не думали о том!..

Откуда у нее это?

В Николаеве меня встретили директор Судостроительного завода Юрий Иванович Макаров и мой помощник по подготовке яхты к рейсу Валерий Целинко, и через час мы уже уточняли план моего одиночного перехода. Было решено стартовать из Одессы. Для этого я через два дня перегоняю парусник в этот город и бер'/там отход на Сухуми...

На переход из Николаева в Одессу мне потребовалось 15 часов.

23 мая 1981 году "Таис" отшвартовалась в одесской бухте Отрада. Она не привлекла никакого внимания, находясь среди десятков парусников самых различных классов. Никто из местных яхтсменов, конечно, не догадывался о том, что предстоит сделать этому небольшому "кораблику". В то время все это парусное богатство не ходило дальше одной мили от берега - таково было требование пограничной службы. Отсюда впервые на такой дальний маршрут, да еще с одним человеком, уходила моя "Тайс".

24 мая 1981 г. 14.00. Под одним гротом медленно выхожу из Одесской бухты Отрада. Почти полный штиль. На рейде, в миле от берега останавливаюсь: паруса бессильны продвинуть яхту хотя бы на метр. Остается только ждать.

16.00. "Двойка"¹ от северо-востока. Ложусь на генеральный курс - на мыс Херсонес. Расхожусь со встречной яхтой, слышу обращенный ко мне вопрос ее рулевого: "Куда направляетесь? Получено штормовое". Отвечаю: "В Сухуми". Смех сомнения - реакция экипажа яхты на мой совершенно правдивый ответ.

Ветер свежеет на глазах: не прошло и получаса, как уже "четверка" постепенно разгоняет нас до 4,5 узлов. Через несколько часов одесский берег скрывается в синей дымке.

...За первые сутки пройдено около 70 миль. Надежно работает автоматическое подруливающее устройство, давая мне драгоценные часы для выполнения различных работ на борту. Есть уже и первая потеря: разбито стекло узла подсветки путевого компаса. Начинаешь слишком ясно представлять, что даже не в продолжительном одиночном плавании тебя поджидает столько случайностей, что возникает 1000 причин для неудачи. Постепенно плавание осложняется. При слабых вымпельных ветрах (до 3-х баллов) рулевое устройство перестает выполнять свои функции, а это затрудняет выполнение самых необходимых и простых операций: от навигационных измерений до приготовления пищи. Ко всему приходится вести массу всякой документации: бортовой и навигационный журналы, работа с таблицами и картами, заполнение бланков по специальным исследованиям и т.д. А тут еще и ветер преподносит один сюрприз за другим. Например, в течение 2-х суток он менял направление 30 раз! И скорость - от нуля до 15 м/с. Для получения хоть сколько-нибудь приемлемой скорости приходится крутиться как белка в колесе. В таких условиях

¹ Ветер 2 балла.

до тебя доходит смысл фазы, передаваемой метеослужбой: “Ветер слабый, переменных направлений...”.

Уже при первых обсервациях выясняется, что на яхте класса “Таис” применение нашего секстана (СНО) затрудняется из-за узкого поля зрения (7-ми кратное увеличение) и перевернутого изображения. Более приемлемым оказалось использование английского секстана с двукратным увеличением и прямым изображением. К тому же он вдвое меньше по габаритам. Расхождение между считаемыми и обсервованными координатами составило 11 - 14 минут.

Уже на третьи сутки начинаешь понимать всю важность предварительной подготовки к одиночному переходу. У меня была запланирована реализация 400 подготовленных пунктов. Все они были выполнены, но и в этом случае мне не удалось избежать некоторых упущений, доставивших немало хлопот во время перехода. Необходимо учитывать при подготовке все, вплоть до самых незначительных, казалось бы, мелочей.

Лаг с упорным постоянством накручивает пройденные мили. Через каждые два часа выполняю прокладку пути на карте, веду контроль времени, курсов и расстояний. Обсервации выполняю днем по Солнцу и Луне, ночью - по Веге, Альтаиру, Арктуру и Полярной. Расчет выполняю параллельно по таблицам высот и азимутов (ТВА) и на ЭВМ. Полученные значения легко сопоставляются с данными счисления. Отсюда - высокая достоверность координат.

Неожиданно море окутывает полным туманом. Резко холодает. Тар-ханкут не может без сюрпризов даже на расстоянии в 40-50 миль. В течение 15 часов поддерживается хорошая скорость. Это подарок Эола за дневное топтание на месте. Скоро пойдут четвертые сутки плавания. На лаге 147 миль. Впервые вижу идущие навстречу суда. Их два: “Адмирал Нахимов” и “Профессор...” фамилию не удалось разобрать даже в бинокль.

Неожиданно с резким звуком ломается прочное стальное кольцо погона гика-шкота. Срочно сооружаю временное крепление гика.

Быстро, по южному, темнеет. Берега не вижу, но в бинокль успеваю различить прямо по курсу светлую вертикальную полоску: передо мной - маяк. Такая встреча не может оставить безразличным человека в моем положении. Ждать тоже надо уметь. Ждать без суеты момента, когда маяк назовет себя: И он не слишком долго испытывает мое терпение. Трех и шестисекундные проблески называют мне имя маяка - Херсонесский.

Плыву в чернильной темноте, огибая мыс Айю. До берега 10 миль. Неожиданно первозданная тишина нарушается резким сильным звуком сирены, а через несколько минут рядом с “Таис” вырастает высокий борт сторожевого пограничного корабля. По штурмтрапу на яхту спускается капитан-лейтенант, воплощение самой вежливости в военной форме. “Нужна ли помощь?” Отвечаю, что нужны сварочные работы. Через 10 минут обновленное кольцо гика водворяется на место, и я продолжаю путь.

Решаю идти в 15-20 милях от побережья к мысу Айтодор, а от мыса про- пожить курс на Сухуми. Слабый встречный ветер осложняет реализацию быстрого выхода к Айтодору.

Восход Солнца застаёт нас у мыса Сарыч. До берега, одетого в сиренево-синее покрывало, около 12 миль. Вода вокруг - чистейший аквамарин. Я очень люблю это море. За красоту. За непокорный и бурный нрав. За тайну. Быть может, здесь, на древних берегах Таврии и побывала знаменитая гетера Тайс Афинская? Подруга Александра Македонского, царица Египта.... В заключительной части своей жизни Тайс с десятком преданных ей друзей оставила Египет и основала на каком-то северном побережье поселение, чтобы создать совершенное общество. Она могла позволить себе такое, женщина недюжинного ума, уникальной красоты и большой доброты. Где закончила она свой путь? Кого успела приобщить к великой тайне Прекрасного? Никто не знает этого. Мне очень хотелось бы, чтобы последним пристанищем Тайс Афинской оказались солнечные берега Таврии.... А может, так оно и было? Может, кто-то еще ответит на этот вопрос? Все может быть. А сейчас только темно-синяя вода позванивает о борт белокрылой яхты, несущей имя афинской гетеры.

Ничто, наверное, так не изматывает яхтсмена как двухсуточный штиль. И метровая зыбь. Одна надежда на полученную сводку погоды: после полудня ветер западный 4-5 баллов. В 10 утра вижу идущего под мотором "Товарища". Дрейфую в этом районе, встретил большое (1,5-1,6 км) нефтяное пятно, "автор" которого остался неизвестным.

4-х узловым ходом иду на Сухуми. Фиксирую время, затрачиваемое на приготовлении пищи: завтрак - 7-8 мин, обед - 15 мин, ужин - 5-7 мин. По мере наступления ночи заметно понижается температура воздуха. К утру холод заставляет надевать на себя всю имеющуюся на яхте одежду.

При выполнении работ вне рубки никогда не нарушаю и не делаю отступлений от обязательной экипировки: спасательный жилет и страховочный фал всегда обеспечивают безопасность на случай, если придется оказаться за бортом. Нужен защитный шлем, хотя бы хоккейного типа: все-таки травма головы - довольно частое явление.

Однажды, когда транзистор воспроизводил в утренней тишине пьесу Рамиреса "Жаворонок", исполнявшуюся оркестром под управлением Поля Мариа, появилось такое количество дельфинов, которое не часто встретишь даже на Черном море (несколько десятков!). Все они собрались в непосредственной близости от "Таис" (8-12 метров), высовывали головы и внимательно вслушивались в музыку. Такую реакцию животных я видел впервые.

По мере приближения к Кавказу затрудняются ночные обсервации, линия горизонта буквально исчезает, лишая навигатора базы отсчёта. В таких случаях доверять можно только счислению.

Отдыхать удастся лишь днем в течение 2-3 часов, но состояние сна не сравнимо с обычным: спишь с открытыми глазами, все видишь и слышишь, и спишь одновременно. Очень своеобразное состояние.

Продолжительный штиль сменяется слабым встречным ветром. Приходится менять курс: иду на Сочи. По зенитному расстоянию Солнца определяю свою широту, удивительно точно совпадающую с широтой города-курорта.

Иногда налетают непродолжительные шквалы, напоминающие о том, что на яхте всегда должно все надежно крепиться: от карандаша до себя самого.

С большим уважением отношусь к нашему электронному яхтенному хронометру (производство “Электроника”). Отличный прибор. Точный и надежный. Он идет по Гринвичу и дает мизерную погрешность - 3-4 сек. в неделю. Раз в сутки выполняю его коррекцию.

На следующее утро открывается укутанный в плотную пелену тумана кавказский берег. Туманы здесь особенные, они и густы, очень подвижны, полностью экранируя побережье. При движении в таких условиях создается иллюзия полета в облаках. Мне необходимо определить точку выхода, я осторожно веду “Таис” к береговой черте, тем более, что глубины здесь не вызывают опасений. Берег не виден. Но неожиданно прямо на яхту из тумана наползает оконечность высокого благоустроенного причала. Останавливаюсь в метре от него и прошу отозваться любое живое существо, если таковое есть поблизости. По причалу навстречу мне движется высокая плотная фигура человека, который представляется: начальник спасательной станции поселка Лоо. Так состоялось наше знакомство с Михаилом Лукичем Коваленко.

Поселок Лоо находится в 14 км северо-западнее Сочи. Это сработало течение, снос которым не был учтен мною при следовании курсом на Сочи.

Конечно, я не мог пренебречь гостеприимством Михаила Лукича и его очаровательной супруги-врача спасательной станции. Так возникла непредвиденная задержка с чаепитием, от которого отказаться было просто невозможно. Через два часа при свежем бризе я уходил в море, оставляя в 30 милях к Востоку Сочи, Адлер, Леселидзе Гагру. Курс - мыс Пицунда.

... Вечерние сумерки. Какие по счету? Кажется, одиннадцатые после старта в Одессе. Осматриваю приготовленные на ночь светосигнальные средства (парашютные ракеты, фальшфейеры, сигнальные специальные патроны красного огня); все это должно быть в готовности №1: ведь совсем рядом, в нескольких милях, проходит судовой ход, на котором видны следуемые рекомендованными курсами теплоходы.

Невольно напрашивается своеобразная аналогия. Человек в одиночном плавании на яхте оказывается в положении космонавта, совершающего инспекцию внешней поверхности орбитальной пилотируемой станции.

А может более правильным будет обратное положение - космонавт попадает в положение яхтсмена-одиночки? И дело вот в чем. В том и другом случае обязательно выполнение главного требования - фиксации оператора при всех его перемещениях вне рубки яхты (вне орбитальной станции). Это решает главную задачу - постоянную связь с объектом и, следовательно, обеспечение безопасности.

Очень сложно нести на фордевинде разнесенные грот и стаксель. Точность ведения яхты по курсу в этом случае должна быть очень высокой, особенно на волне. При ошибке на курсе лучше приводиться в сторону стакселя, оставляя грот на месте и избегая резкого перебрасывания в гика.

В слабый вымпельный ветер я приспособился заставлять работать подруливающее устройство с помощью настройки парусов, при этом курс сохраняется в течение 15-20 минут и обеспечивается с точностью десятка градусов (максимальное отклонение от номинала). Контроль работы подруливающего устройства необходим всегда. Каждые 10 минут покидаю рубку, проверяю курс и осматриваю горизонт. Успешно применил “звуковую сигнализацию” для контроля работы автомата: на курсе настраиваю транзистор на максимальную громкость, после чего остается лишь следить за цикличностью изменения силы звучания радиопередачи. Это выгодно: совмещаются операции контроля и прослушивания радиопрограмм, которые, кстати, оказывают действенную психологическую поддержку яхтсмену в условиях одиночного плавания. В этом плане особенно хочу отметить музыкальные программы “Маяка”.

Постепенно увеличивается перечень необходимых доработок яхты и замечаний, реализация которых улучшит эксплуатационные характеристики яхты.

Довольно быстро расходуется запас батарей. Это и понятно: я берегу штатные аккумуляторы, и основная нагрузка поэтому приходится на сухие элементы.

Однажды вечером на кормовой релинг села крупная бабочка белого цвета. Она не улетела даже тогда, когда я прикоснулся к ней пальцами. Отдохнув, она смело оставила свое временное прибежище.

И еще одна встреча. Серо-коричневая птица, размером чуть больше воробья ловит насекомых над морем в десятках миль от берега; часто отдыхает на краспицах, релинге или тросах подруливающего устройства. Совершенно не боится человека и полностью доверяет ему. Иногда садится прямо на акваторию. Придумала же себе занятие!

Обрыв лаглиня и потеря вертушки лага - ощутимая потеря за последние несколько суток. Поставил резервный лаг. Но причины обрыва лага, имеющего прочность на разрыв до 200 кг, установить не удалось.

Ночной ветер на шестерку, но кратковременный - 3 часа. Все-таки я опаздываю в Сухуми на целых 4 суток. Приходится ловить и подбирать крохи ветра, чтобы хоть понемногу продвигаться вперед. Если 04.06 я не буду

в Сухуми, мои товарищи начнут беспокоиться, хотя они осведомлены о погоде на маршруте. Правда, у меня есть пара отличных весел, но не хочу смешить дельфинов...

С удовольствием и выполняю исследования со специальными психологическими тестами, столь любезно предоставленными товарищами из Института медико-биологических проблем. Методики реализуются с помощью специальной аппаратуры, являющихся довольно энергоемкой.

На свободной крошечной площади кокпита я научился лавировать с ловкостью акробата. Здесь сосредоточены все элементы управления парусами, автоматическое подруливающее устойчиво, компаса, лаг, подвесной мотор, сигнальные средства и т. д. Начинаешь верить, что способности человека к самосовершенствованию в условиях ограниченного пространства практически неограниченны.

Вновь короткий, но сильный шторм. Временная раскладка по этапам подготовки к свежей и штормовой погоде выглядит следующим образом:

1. Надевание теплозащитной одежды (ТЗК) - 40 сек.
2. Надевание штормовой одежды - 65 сек.
3. Надевание спасательного жилета - 20 сек.
4. Двойная (мягкая и полужесткая) фиксация кокпита - 15 сек.

Приведенный штормовой комплект находится всегда под рукой в кокпите. Несколько больше времени уходит на подготовку к спуску спасательного полотна:

1. Освобождение плота от средств фиксации - 1 минута.
2. Комплектация плота аварийным запасом - 2 минуты.
3. Приведение плота на акватории в рабочее положение и фиксации на нем - 1,5 минуты.

Внутри и вне рубки у меня изобилие натянутых парашютных резинок: как человек, имеющий прямое отношение к парашютному спорту, я не мог пройти мимо и не использовать их как прекрасное средство фиксации многочисленных предметов, которые необходимо всегда иметь под рубкой; от портативной КВ-УКВ радиостанции и светосигнальных средств, до штурманских принадлежностей. Крепление удобное (все на виду) и надежное (не было ни одного случая отказа крепления).

Многokrратно определял угол дрейфа по лаглиню. Обычно на бейдевинде и галфвинде при ветре 3-5 баллов он находится в пределах 3-4 градусов. Эта величина учитывалась в дальнейшем при определении путевых углов.

На всех этапах перехода веду непрерывно учет изменяющихся курсов и расстояний по лагу. Прокладка (счисление) пути оказалась точной: ошибка при выходе в намеченную точку на участке Одесса-мыс Херсонес практически отсутствовала (выход точно на маяк). Такое отмечалось и на остальных участках перехода вне видимости берегов. И это несмотря на неблагоприятную ветровую обстановку на протяжении маршрута

(количество штилевых и суток со слабыми встречными ветрами составило 60%).

...Хорошо, когда есть ветер. Я предпочитаю штормовую погоду штилю. Ветер - для яхты это все. Это ее душа и сердце. Сейчас мы летим над морем со скоростью в шесть узлов, и большое белое крыло стакселя режет густую синеву неба. Трудно что-либо предпочесть этому полету- плаванию на грани неба и моря. А может просто и невозможно...

Убеждаюсь, что кроме отличных знаний навигации, обладания высокой техникой управления, физической закаленности яхтсмен-одиночка должен иметь твердую уверенность в благополучном исходе своего плавания, успех которого - функция перечисленных выше аргументов. И, конечно, даже при воздействии многих и продолжительных негативных обстоятельств нельзя раздражаться. Ни в коем случае! Иначе поражение неизбежно.

Своеобразная деталь: плеск волн при свежем ветре очень напоминает мне иногда выход дельфинов. Последних за время перехода встречал в большом количестве. Особенно запомнились две крупные афалины, сопровождавшие "Таис" в течение целых 3 часов...

Иду открытым морем. В момент, когда по расчету на траверзе оказывается мыс Пицунда, беру курс на него.

И вот, спустя 8 часов, выплывает из туманной дымки неизвестный берег. При этом испытываешь ни с чем не сравнимое чувство. Что перед тобой? Куда ты вышел? Точно ли или с большой ошибкой? Какая-то желанная неизвестность. Уж не с таким ли чувством подходил легендарный Язон к неведомому берегу в поисках Золотого Руна?

...В бинокль различаю группу высотных жилых зданий, на одном из которых слева отчетливо просматривается козырек-дельтаплан Пицунд- ного маяка. Точный выход подтверждает правильность применяемых навигационных схем. До Сухуми остается всего 30 миль.

Прохожу Пицунду и не узнаю Кавказа: передо мной расстилается настоящая побережье Крыма! Истинная Таврия! Невысокие сине-зелено голубые горы. И вдруг новая неожиданная трансформация: над холмистым морским побережьем у Гудауты, отделённые от него пепельно-синей дымкой, на фоне густой синевы неба возникли резкие, четкие очертания горных вершин Кавказского хребта. Расплывчатость, знойное марево, пелена... И вдруг над всем этим - резкость и холодность, и первозданная чистота залитых солнцем снежных пиков гор...

В течение 5 часов попутный ветер позволил мне и "Таис" преодолеть расстояние до Ново-Афонского монастыря. Штилевая погода в ночь, да еще у берегов с сильным обратным течением - не слишком приятный подарок. Но делать нечего, и я, подготовив на всякий случай "Ветерок-8", в течение ночи внимательно слежу, как нас сносит на северо-запад: скорость течения здесь не менее полутора узлов.

Утром Его Величество Кавказ подарил нам туман высшего качества: протяженный, скрывающий весь берег, плотный как вата: протянешь руку - не видно пальцев. И вот в этом тумане я потихоньку прокрадывался к Сухуми. Ветер не превышает 1 м/с. Неожиданно перед "Таис" появляется нос пассажирского теплохода. Едва успеваю разойтись на расстоянии не более двух метров. Название теплохода "Сухуми". Из рубки выскочил весь экипаж: "Куда идёшь?" "В Сухуми". "Правильно идешь. Держи курс 110°".

Таким курсом в сплошном туманном мареве я преспокойно вышел на Сухумский маяк. И еще в течение 2-х часов пришлось ждать пока туман рассеется и откроет берег.

Постепенно солнце расправляется с туманом, и я начинаю поиски местного яхт-клуба, найти который оказалось не таким уж простым делом. Пришлось обследовать всю западную часть Сухумской бухты, прежде чем мне удалось представиться директору Сухумского яхт-клуба "Маяк" Олегу Попову. Мне показалось, что молодой энергичный хозяин полутора десятков шверботов поначалу весьма подозрительно отнесся к моим словам о переходе из Одессы. Но предъявленные аргументы оказались столь неопровержимыми, что все сомнения Олега были развеяны в пух и прах.

О молодом директоре - яхтсмене просто необходимо говорить особо. Он принадлежит к тем энтузиастам, которым Дунаевский посвятил свой известнейший марш. В этом я глубоко убежден. Без таких людей человечество не осуществило бы ни одной своей мечты. Представить трудно, как на совершенно диком, захлапленном участке берега трудом десятка людей, преданных парусу, во главе с самим директором, была создана маленькая уютная гавань с пирсом, способная вместить и сохранить от непогоды спортивные парусные суда. Много, может даже слишком много, Попов сделал на личные средства. Сейчас у него подобран сильный тренерский состав, уже подготовивший нескольких сильных яхтсменов, способных составить конкуренцию именитым на республиканских и всесоюзном первенствах. Планы и задачи у личного состава яхт-клуба "Маяк" самые серьезные. И нет сомнения в успешном их выполнении, если учесть тот высокий уровень дисциплины, который я наблюдал в яхт-клубе.

...Дозаправлены цистерны с питьевой водой. Отремонтированы паруса, поврежденные штормом во время перехода. Сфотографировавшись на память с ребятами и директором "Маяка", я стартую из Сухуми в Очаков.

До Пицунды лавировка: встречный 3-х бальный ветер буквально запирает меня у побережья. 30 миль за 14 часов - где уж тут говорить о скорости. Правда, задача теперь у меня другая - выполнение челночных выходов к побережью для зоны выхода по данным лоции.

Огибаю мыс Пицунда. Словно горох, откуда-то посыпались дельфины, не менее трех десятков. Сопровождали "Таис" 15 минут. Мыс позади.

Наконец-то прокладываю путь “на милый север”.

Ухожу в море, а затем беру курс на Сочи. На вторые сутки вижу берег. Но утренние туманы здесь настолько густы, что распознать берег сразу не удастся: при экранировке одного-двух основных (ключевых) ориентиров картина прибрежной зоны может стать неузнаваемой. В этом случае пришлось постепенно приближаться к берегу, пока не увидел перед собой постоянный красный огонь Сочинского маяка.

...Делаю очередной челнок и через сутки выхожу на санаторий “Нефтяник Сибири” в нескольких километрах от Туапсе, выбранного в качестве точки выхода.

Последовательно выхожу на Новороссийск, Феодосию (Приморское), мыс Меганом. На траверзе Феодосии нас подхватывает пятибалльный шторм и через считанные часы “Таис” у Меганомы. Вижу домик на крутых склонах мыса и нескольких человек, наблюдающих за ныряющей у пенистых гребных яхтой. При подходе к Алчаку ветер усиливается, каждая, до девятки. Крутой бакштаг. Велико было желание зайти в Судак. Куда там!

Трехметровые волны и стена водяной пыли закрывает берег. Принимаю решение идти от Судака прямо на Гурзуф. Скорость 6,5 узлов. Волнение усиливается. В кокпите приходится применять двойную фиксацию. Однажды в кокпит заглядывает такая волна, что капитан яхты оказывается погруженным в воду по самые плечи. Так встретило нас море 14 июня.

...Где-то справа, в полутора десятках миль, остается крымский берег. За два часа от Судака пройдено 13 миль. Яхту ведет автоматическое подруливающее устройство. Сам нахожусь в рубке. Люки загерметизированы. Постоянный визуальный контроль акватории перед яхтой и курса. Учтен возможный разброс точек выхода к побережью с учетом повышенного риска при работе авторулевого: крайней зоны - Алушта и мыс Сарыч, номинал - Гурзуф. Шторм не стихает. Немного отогреваю и обсыхаю. В рубке тепло: семь минут требуется “Шмелю”, чтобы согреть литр кофе довести температуру до 27° С. В 16.00. я в кокпите, перехожу на ручное управление, ведя яхту по номинальному курсу - на Гурзуф. К 18.30. шторм заметно теряет дилу. Сейчас наблюдаю не более 3-х баллов. Может даже меньше. Ветер явно сдает. В 19.00. открывается затянутый облаками и туманом берег. В лучах эпизодически появляющегося заходящего солнца прямо перед собой (2 мили) вижу симметричный покрытый лесом высокий холм. Справа от него - две многоэтажных жилых башни. Остальной берег экранирован полной пеленой тумана. Я хорошо знаю Южный берег Крыма, но ничего подобного никогда не видел. И только, когда слева от упомянутого холма мне с трудом в бинокль удастся различить Аюдаг, смотрящийся совсем в ином ракурсе, чем мы привыкли его видеть... Башни высоко справа принадлежали поселку Фрунзенское. Они не были похожи на высотные здания санатория “Крым”, что и ввело меня в заблуждение.

20.30. Полный штиль. Заметив замершую на акватории яхту, спасатели водной станции Гурзуфа пригласили меня в свою спокойную, закрытую от всех ветров бухточку. Традиционный горячий чай и первый мой восьмичасовой отдых на тихой воде...

...Время от времени такие мысли сами собой возвращаются к рассуждениям о самопознании в условиях одиночного плавания. Во время сильных стрессов появляется глубина и какая-то чистота, холодность мышления каких не бывает в повседневной жизни. Мысли формируются чрезвычайно ясными и спокойными. Очень спокойными. Возможно, это происходит оттого, что силы на преодоление многих негативных моментов человек может найти только у себя? Надеюсь только на себя? И это видимо, и формирует спокойствие, ясность и чистоту мышления.

Глубоко уверен в том, что переносить опыт коллективного плавания на яхтсменов-одиночек совершенно недопустимо. Опыт одиночного плавания должен приобретаться яхтсменом только в автономных переходах на протяженных акваториях. И лишь при появлении твердой уверенности у человека в свои силы и в надежность яхты можно считать, что яхтсмен-одиночка выполнит поставленную перед собой задачу.

Все-таки Черное море в ветровом отношении аномальная акватория. При следовании от Гурзуфа до мыса Сарыч, например, я, насчитал более трех десятков шквалов и шкваликов, 4 часа полного штиля, десятки перемен направления ветра. После Сарыча нас встретил северо-западный шестибальный шторм, длившийся 15 часов. За это время суток я делал длинный галс в море и перепоручил яхту авторулевному, что позволило мне получить два часа отдыха перед ночью. В 19.10. метрах в ста от "Тайс" проходит большой противолодочный корабль с собственным названием, рассмотреть которое мне не удастся. По-моему, чтобы рассмотреть нас корабль несколько замедлил ход...

19.25. Справа от нас тем же курсом на расстоянии двухсот метров следует субмарина.

16.06. 17.30. Установилась ясная прохладная погода с двухбалльным ветром, позволяющим нам идти в бейдевинд на мыс Тарханкут. На яхте все покрыто тончайшим налетом соли. Чувствую, что и сам просолился достаточно крепко. Плохо, что не заживают открытые царапины на руках.

...Чистое небо и абсолютно пустынное море. На востоке остается Каламитский залив. Все залито Солнцем. Прохладный северо-восточный ветер.

"Тайс" идет со скоростью до трех узлов. Курс - 314о на Тарханкут.

На мой взгляд, самая красивая часть Черноморской акватории та, что прилегает к Крымскому побережью. Все-таки у берегов Кавказа, в керченском проливе и в северо-западной части акватории цвет воды не обладает такой гаммой оттенков, как у берегов Таврии: от темно-синего до фиолетового, от изумрудно-зеленого до перламутрового. Цвет здесь меняется как бы в трех измерениях: с глубиной, прямо по курсу и на траверзе,

не говоря уже о просто сказочных его превращениях при восходах и заходах солнца...

Зеркала у меня нет. А сегодня увидел свое отражение в защитном стекле главного компаса: бородачица и два глаза. Скорее бы домой!

Ветер не позволяет идти круче 31 Оо. Обсервация с помощью секстана дает мне следующие координаты: широта - 44о 43', долгота - 35о 16'0.

Один из опытейших яхтенных капитанов города Николаева Валерий Целенко снабдил меня в этом рейсе предостаточным количеством материалов о морских и океанских катастрофах. Познакомившись с половиной этой эффективной информации, невольно начинаешь ждать от судьбы худшего. Отличная подборка для тренировки волевого потенциала.

Иногда ощущаю особо острую необходимость присутствия рядом товарища. Если у меня на все порой не хватает рук, то это, вероятно, не только проявление чисто психологической потребности общения.

Вышли из строя ручные часы: часовая стрелка вдруг пошла против самой себя. Чудеса, да и только! У меня остался лишь один хронометр, к которому я отношусь с большим доверием, оберегая его от всех трудностей морского бытия и оставляя ему единственную обязанность - показывать точное гринвичское время.

...17.06.81г. Четвертый за весь переход шторм. Он длится уже двенадцатый час. Ничего подобного мне видеть не приходилось. Верных 8-9 баллов при высоте волн до 4-4,5 метров. Резкий, какой-то жесткий ветер. Несмотря на максимально уменьшенную парусность скорость яхты сохраняется в пределах 5-6 узлов при очень ощутимом дрейфе. Буквально пролетаю мимо ажурных конструкций буровой вышки, расположенной в чистом море. Перед ночью решаю отдохнуть хотя бы час-два и ложусь в дрейф под зарифленным частично гротом и штормовым стакселем на ах- тершаге. Отдан плавучий якорь.

Яхта дрейфует на юго-восток со скоростью 2,5-3 узлов. В этот момент вновь разрывается стальное кольцо погона гика. Ставлю аварийное крепление, но управлять "Таис" в таком положении до конца шторма, вероятно, не следует. Дрейф продолжается.

Только к 02.00. 18.06. обстановка на акватории позволила мне поставить стаксель и провести ремонт погона гика-шкота. Необходима обсервация, но выполнить ее в таких условиях очень трудно, и я ограничиваюсь определением своей широты по Полярной. Выясняю, что нахожусь в 12- 14 милях северо-западнее Железного порта на Тендровской косе...

С наступлением утра все остановится на свои места. Иду на северо-запад, оставляя Тендру справа в 5-7 милях. В бинокль с трудом различаю периодически появляющиеся на косе строения. Сейчас та самая ситуация, когда может возникнуть новый термин: попадать в неизвестность и выходить из нее. Впервые за трое суток вижу судно, идущее на север.

15.02. Вижу Тендровский маяк. Я его хорошо знаю, но сосчитать черные полосы на его высокой белой башне считаю не лишним. До Очакова остается

всего 20 миль. Ветер не более 1-2 баллов. Медленно приближается северное побережье, все четче проступая на синем фоне горизонта.

Поворотный знак на Очаковский створ прохожу в 20.50., а еще через полтора часа бросаю якорь в Очаковской бухте.

Завершен второй этап исследований по программе одиночных плаваний на парусных средствах. Позади осталось 1300 (~2500км) миль. По лагу, конечно.

Глубоко убежден, что на человека огромное влияние оказывают условия длительного одиночного плавания на большие расстояния. Меняется отношение к себе и окружающим. Оценочные критерии вырабатываются на основе новых психологических позиций и требований, зарождается чувство необыкновенного спокойствия и неторопливой, какой-то бесстрашной оценки происходящего. Мне кажется, что у яхтсмена-одиночки всегда сохраняются сотни до поры скрытых причин, каждая из которых может стать сильным тормозом задуманного плавания, или вообще привести к катастрофе. Вероятность ее в таких условиях чрезвычайно высока. Я выполнил более 1200 различных по сложности парашютных прыжков, участвовал во многих сериях экспериментальных прыжков, в том числе с отказами парашютных систем. Прыгал с большими задержками со значительных высот, прыгал ночью на акватории разных категорий, приводняясь в десятках километров от береговой зоны. Но с уверенностью могу сказать, что риск и опасность в парашютизме - это писк и укусы комара по сравнению с рыком и жестокостью тигра-людоеда, если можно так сравнить опасность прыжков с опасностями, подстерегающими человека в одиночном плавании вдали от берегов. И особенно в Океане. Атракционная скоротечность стресса в парашютизме не может идти ни в какое сравнение со стрессовым воздействием одиночных плаваний на яхтах, где стресс высокой интенсивности присутствует и проявляется, не десяток другой секунд, а всегда и во всем, в течение многих часов, суток, месяцев, это формирует высокий уровень непроходящей напряженности. Отсюда и возникает высокая вероятность - просто не вернуться из долгого плавания. Часто сталкиваясь с какой-нибудь сложной проблемой, мы говорим: «эта задача с 1000 неизвестных». Одиночное плавание на яхтах оказывается на два порядка сложнее. Быть может, поэтому мы не так уж часто встречаем одиночных «покорителей» ревущих сороковых и мыса Горн.

АПОГЕЙ

На монотонность проведения своего досуга жителям и специалистам Звездного городка жаловаться не приходилось. Стадион, теннисные корты, бассейны, гимнастические городки и лесные кроссовые маршруты - все это не давало повода для унылого безделья в свободное от работы время. В доме культуры имелась прекрасная библиотека. А озера? Их у нас было три! Хочешь - лови рыбу, хочешь - купайся или погрузайся

с аквалангом и наблюдай, как нерестятся щуки и окуни. Несколько позднее на первом, самом просторном озере засверкали под солнцем острые треугольники парусов. Практически ежедневно в ДК демонстрировались замечательные фильмы, во время праздников или юбилейных дат залы дома культуры заполнялись взрослыми и детьми так, что яблоку негде было упасть. Особое значение придавалось выставкам картин наших молодых художников, тогда мы впервые познакомились с прекрасными работами Константина Васильева. Пару раз в месяц нас посещали и театральные коллективы.

Особый интерес в ту пору у нас вызывал проводимый раз в месяц устный журнал “Апогей”, участники и организаторы которого всегда старались затронуть, объяснить и проанализировать самые злободневные, вызывающие неподдельный интерес у окружающих события и явления.

Так было и на этот раз. Зал не мог вместить всех желающих, и мы, с женой предполагая это, пришли и заняли места за час до начала “Апогея” и, уже сидя на седьмом ряду, с интересом наблюдали за постепенным заполнением зала и занятием свободных мест. Появились переносные кресла, стулья и просто скамейки. Все это устанавливалось в проходах и сразу же занималось приходящими.

Ровно в 19.00. “президиум” занимает свои места на сцене. Председательствующий летчик-космонавт Алексей Леонов, взглянув на своих соседей по “президиуму” - полярного летчика Аккуратова, доцента Зигиля и известную целительницу Джуну - открывает очередную страницу устного журнала “Апогей” в Звездном городке.

...Зал в полном молчании внимает рассказу Джуну о своих возможностях при лечении всевозможных человеческих недугов, и, завершая свой рассказ, она предлагает испытать присутствующим свои способности дистанционного воздействия на человека. Дружным гулом голосов зал дает добро на этот эксперимент.

Целительница подходит к краю сцены и поднимает руки. Зал затихает.

Джуна стоит неподвижно, а затем делает ладонями пасы, направляя их на сидящих в первых рядах зрителей, и тихо спрашивает:

- Вы ощущаете что-либо? Лица, сидящие перед ней напряжены, а их взгляды устремлены на Джуну. Но они ничего не испытывают. В зале царит мертвая тишина.

- А сейчас? - Джуна повторяет свои пасы руками.

Вновь никакого эффекта! В зале слышатся смешки. Сидящие в первых рядах “испытатели” начинают улыбаться. Заметно спадает напряжение от таинственности происходящего.

- А теперь?

Целительница резко взмахивает руками, направляя это движение в зал.

...С криком вскакивают со своих мест сидящие в первых рядах люди! Они стараются проскочить к проходу между сидениями. Зал наполнен визгом и криками. В это момент Джуна неожиданно громовым голосом приказывает всем вернуться на свои места. И все это столь сильно напуганное стадо, чертыхаясь, возвращается...

Мы сидим почти рядом с “эпицентром” волшебного воздействия, и нам хорошо видно происходящее. И вдруг Джуна, пристально вглядывается в зал, начинает спускаться со сцены. За этим наблюдают сотни глаз! Целительница обращается к моей жене:

- Вы знаете, у нас с вами есть что-то общее!

И дарит Галине свою фотографию с изображенной тут же дарственной надписью. При этом наши соседи буквально балдеют от происходящего! А что? Может быть моя женушка, будучи невропатологом высшей категории, тоже обладает сходными с целительницей способностями? И они взаимно притягиваются? Но в этом мы дома разберемся!

Тем временем в зале происходит следующее.

Штурман Аккуратов и ученый муж Зигель ввергают зал в историю паранормальных явлений, связанных с НЛО. Ссылки на многие сотни фактов наблюдения этих объектов, несомненно, склоняет присутствующих к тому, чтобы поверить в реальность этих явлений. Но тут встает Алексей Леонов:

- Я дважды был в космосе и имел реальную возможность увидеть, наблюдать, рассматривать НЛО! Но там их нет! Это самое вам подтвердят мои товарищи-космонавты, которые пробыли на орбите сотни суток! НЛО существуют в нашем воображении. Нам свойственно видеть то, что мы хотим видеть. Да что там говорить вот здесь, в зале, тысяча человек, но давайте спросим вас: найдется ли здесь хотя бы один человек, который лично видел НЛО?

Тишина. Идут секунды. Леонов уже готов праздновать свое утверждение, и вдруг в седьмом ряду поднимается человек, и все слышат:

- Алексей Архипович! Я лично, вот этими глазами (я показываю рукой на свое лицо) видел НЛО. Вместе со мной это явление наблюдало более сорока человек! Это было в Белоруссии, 14 декабря 1963 года, ясным, тихим зимним вечером!

Далее я рассказываю присутствующим, что тогда мы наблюдали не просто галло или иное образование, созданное человеком, а явление, объект с явными предметными проявлениями и признаками... На следующий день под письмом поставили подписи 38 человек, из которых 15 были кандидатами наук, а еще 19 - инженерами высшей квалификации. К сожалению, через месяц мы получили ответ из Академии за подписью какого-то ученого грамотея, в котором он советовал нам не заблуждаться на этот счет...

Леонов лишь глазами хлопает, а по обе стороны от него шумно радуются Аккуратов и Зигель. Наконец, слышу голос Леонова:

- А что ж, ты молчал об этом здесь, в ЦПК? И ничего мне не рассказывал? Пожалуйста, зайди завтра ко мне утром, мы попытаемся в этом разобраться!

И этим же вечером я передал Аккуратову и Зигелю схему наблюдения и эскиз виденного мною объекта. С пояснениями, привязанными ко времени.

Надо сказать, что мои собеседники были удивлены не столько сами фактом наблюдения этого неопознанного объекта, столько моей встречей с одним из офицеров, прибывшим к нам из Ставропольского края. Эта встреча произошла в 1975 году, то есть через 12 лет после события в Белоруссии. Это человек, майор, услышав от меня историю о НЛО, вдруг извлек из кармана своего кителя точно такой же рисунок НЛО, но виденный им и его товарищами в... Ставропольском крае всего год назад!

ИХТИАНДР ОБНАЖЁННЫЙ

Наша гидролаборатория была уникальным сооружением, единственным в Стране. Ее огромный бассейн представлял собой цилиндр диаметром 23 метра и высотой (глубиной) 12 метров, в котором размещаются для проведения испытаний и тренировок любые космические модули. В бассейне имеется множество иллюминаторов и два специальных прямоугольных окна, у которых располагается пост ведущего инженера, управляющего и отвечающего за всё, происходящее на глубине.

Вид огромной космической станции, “парящей” в зелено-голубом гидрокосмосе, с подсветкой десятков прожекторов, представлял фантастическое зрелище. Поэтому ГЛ имела огромный успех у всех делегаций, в великом множестве посещавших Центр подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина.

Не обходили нашу ГЛ и приехавшие в Страну руководители и представители многих десятков иностранных государств.

Однажды... Был обычный рабочий день. Николай Юзов и я с утра провели в космических скафандрах 4 часа под водой, отрабатывая технологию монтажа новых солнечных батарей - многометровых конструкций, предназначенных для увеличения энергетики станции в реальном орбитальном полете. На разборе мы дали ряд замечаний промышленникам по доработке СБ и собирались теперь вместе со страховавшей нас бригадой аквалангистов просто поплавать в бассейне, отдохнув после “трудов праведных”.

Я уже не помню, кто подал мысль попробовать свои возможности в несколько необычном деле. Предложение сводилось к следующему: каждому участнику в плавках погрузится на глубину, войти в ОПС через единственный люк ПхО (переходной отсек), пройти внутри все модули станции вплоть до кормового стыковочного узла, повернуться и повторить маршрут в обратном направлении с выходом на поверхность. Победитель должен

был определяться по наименьшему количеству затраченных на весь переход секунд.

В этом заманчивом предложении были свои “острые углы”. Во-первых, глубина и пребывания под водой. Это - 75-80 секунд, которые могли устраивать вполне многих из участников (мой показатель в этом - 2 минуты 35 секунд - был выше среднего, рекордсменами в этом отношении у нас были Виктор Рень и Михаил Новиков - более трех минут). Во-вторых, и это - главное, - случись с человеком что-либо на 40-метровом маршруте внутри станции, сей участник не имел возможности срочно покинуть модуль и подняться на поверхность. По существу человек находился в огромной подводной клетке.... Но перед каждым из нас маячил обещанный приз, что вместе с азартом заставляло всех нас позабыть о возможных трудностях...

На “палубе” бассейна проведена линия старта. Все участники, демонстрируя свои атлетические фигуры, готовы к действию. На их фоне я несколько проигрываю своим видом: вместо плавков на мне длинные “семейные” трусы. До пояса я смотрю вполне сносно, а вот ниже... Конечно, жалею, что накануне взял свои плавки домой для замены. Кое-кто предлагает свои, но я отказываюсь.

Жребий определяет последовательность участия каждого из нас, и вот уже слышится привычный голос с секундомером в руках:

- Первый - на старт!

...Один за другим ребята проходят подводный маршрут. За пару минут до моего старта всех неожиданно удивляет голос из динамика:

- Говорит дежурный по ГП! Через 5 минут всем покинуть “палубу” третьего уровня!

Ребята смеются: что за шутки в конце рабочего дня! В это время выныривает мой предшественник, и беру старт я.

Сразу иду на глубину, осторожно вхожу в отверстие входного люка и, используя элементы интерьера, быстро продвигаюсь к кормовому торцу ОПС. На это уходит чуть более двадцати секунд (чувство времени меня никогда не поводит). Разворачиваюсь в обратном направлении и... цепляюсь трусами за кронштейн для спец аппаратуры! Надо же! Кронштейн имеет сложную конфигурацию и ухитряется зафиксировать мои трусы в двух местах. Без маски я не могу рассмотреть, что держит, и пытаюсь освободиться на ощупь. Но не тут-то было!

Русские трусы - самые крепкие трусы в мире! Заканчивается вторая минута под водой, я все еще нахожусь в дальнем модуле ОПС. Остается лишь одно: “подарить” свою “одежду” станции, что я и делаю...

Поднимаюсь на поверхность к месту “старта” и вдруг вижу М. Данилова, который с аквалангом стремительно несется, работая ластами, туда же с... огромным букетом... роз! И это - под водой! Да еще и подает мне какие-то знаки!

Мне не до его жестов! Мне бы глотнуть маленько воздуха: я-то три минуты нахожусь под водой!

И я, совершенно обнаженный, вынырываю у места своего “старта” и не верю глазам своим: на расстоянии вытянутой руки, склоняясь над водой, стоит и смотрит на меня своими большими черными глазами Индира Ганди, премьер Индии!.. А рядом с ней - огромная толпа ее сопровождающих...

Положение - хоть стреляйся! Да не из чего!

Выручил меня надежный парень, лучший аквалангист ЦПК Мишка Данилов! Как? Да просто!

Вручая букет роз Премьеру Индии, и на ее вопрос: “А это кто у вас там? Все услышали ответ нашего лучшего аквалангиста:

- Да вы не бойтесь! Это наш Ихтиандр! Он живет в бассейне постоянно! Мы его иногда подкармливаем! Он тихий. Спокойный...

- Невероятно! Невероятно! - Индира была явно потрясена увиденным.

Она, держа букет в руках, все еще старалась рассмотреть меня под водой куда, набрав в легкие воздуха, я уже успел смыться, спрятавшись в одной из потайных подводных ниш с запасами воздуха, где мне и пришлось пребывать до ухода индийской делегации...

Говорят, что премьер-министр просила руководство ЦПК еще раз продемонстрировать Ихтиандра, но ей вежливо отказали, сославшись на то, что “Ихтиандр” уже переведен в другое место, в бассейн с морской водой...

ЛЫЖНЯ РОССИИ

Работая в Центре подготовки космонавтов, я помимо всего прочего не забывал и о лыжах, столь любимых мной в отрочестве, юности и молодости. Ежегодно я принимал участие в первенстве Звёздного городка, правда, на самую короткую в лыжном спорте дистанцию - “пятерку”. Призовых мест мне занимать не приходилось, но даже при отсутствии регулярных тренировок мне удавалось “вылезать” из 21 минуты. К слову, говоря, я уже и не очень-то упирался на лыжне, тем более, что составить конкуренцию лучшим лыжникам Звёздного городка без интенсивной тренировки было бы просто невозможно. Мой тёзка Костя Воробьев, Володя Сабуров, Саша Фесенко, Стужнев Виктор и добрый десяток других наших лыжников успешно выступали в лыжных гонках довольно высоких рангов.

За все время мне лишь пару раз удалось выкроить время на подготовку к лыжной гонке, проводимой раз в год “Лыжне России”.

Последнее воскресенье февраля. Ясный морозный день. От огромного количества участников гонки (более 10.000!), выстроившихся в длиннющие шеренги на просторном поле, рябит в глазах. Мой стартовый номер зашкаливает за 8000.

Время старта. По сигналу вся эта громадная масса участников приходит в движение. Явление это просто удивительное! Здесь был заранее проложен десяток лыжных, по которым и устремляются к далёкому финишу тысячи и тысячи лыжников. Поехали!

Темп гонки невысок, но это до поры, до времени! И уже с пятого километра гонка растягивается, пропуская вперёд наиболее подготовленных и сильных лыжников, которых здесь не менее двух тысяч! Прекрасно организованы пункты питания и медицинской помощи. Я пока не очень выкладываюсь, пропуская вперёд наиболее ретивых, думаю, что через час-полтора их пыл значительно остынет.

Моих коллег-мастеров из Звёздного городка уже не видно: они далеко впереди, ну, что ж, ребята тренированные, да и помоложе меня лет, этак, на 15. Мне бы их возраст, посмотрели бы тогда кто кого!

У бегущего рядом со мной лыжника неожиданно отламывается носок лыжи, и с выражением крайнего сожаления на лице он сходит с дистанции. Впереди ещё одна поломка! Ещё! Ещё! Просто некоторые довольно безответственно ведут себя на лыжне, накатываясь, наступая на лыжи соседей, нанося им и себе столь нежелательные повреждения. Краем глаза замечаю, как один такой пострадавший передаёт другому такому же неудачнику целую свою лыжу с ботинком! А сам сходит с дистанции. У получившего же такой “подарок” лицо просто светится от счастья, словно он уже пересек линию финиша.

...Позади половина дистанции. Лыжная трасса пересекает низину с сильно подтаявшим мелким снегом, буквально засыпающим лыжню, в которой наши лыжи погружаются до самых щиколоток! В таких условиях мы бежим каких-то два километра, а сил тратим как на “десятку”. Скорость участников здорово падает, хотя мы и очень добросовестно месим этот снежный “коктейль”.

До финиша остаётся каких-нибудь десять вёрст. Мы бежим у кромки лесного массива и тут же становимся очевидцами бесподобной картины.

...Из леса на лыжню буквально вываливается целая толпа парней и девчонок с номерами участников “Лыжни России”. Они беспардонно включаются в число бегущих по лыжне участников и, хохоча, направляются вместе со всеми к финишу!

Нам всем делается понятным, что с такими, как у этих толстыми рожками 60 вёрст лыжни можно одолеть лишь во сне! Но как можно столь беспардонно сеять ложь, притворяясь на своём “финише” настоящими участниками? Какие-то бесстыдные морды и наверняка из благополучных семей! Ни совести, ни чести! Я даже представить себе не могу, как эти мужеподобные будут смотреть в глаза своим же девчонкам?! Какие же после всего этого могут быть отношения между ними всеми? По их экипировке видно, что вся эта группка далеко небедная. Тогда я подумал:

“Да чёрт с ними! Жизнь ещё тряхнёт таких и не один раз. В лесу от судьбы не отсидишься перед финишем...!”

Лыжня поворачивает, и взору нашему открывается заполненное народом красочное (как и старт!) пространство перед столь долгожданной линией финиша. И только сейчас я замечаю на лицах участников... улыбки!

Последний толчок палками. Всё! Дистанция позади! Теперь не только меня одного посещает чувство глубочайшего радостного удовлетворения: человек справился ещё с одним своим, пусть и небольшим, но трудным жизненным рубежом! Нас может понять лишь одолевший подобное.

Наши ребята финишировали раньше меня. Мы рассаживаемся в нашем автобусе.

Костя Воробьев и Виктор Стужнев протягивают мне сразу два бумажных стаканчика с горячим чаем! И действительно, для меня сейчас не существует напитка, которому можно было бы отдать предпочтение перед тем, что я держу в руках.

Покидая место финиша, мы ещё долго крутим головами, пытаюсь навсегда оставить в памяти место еще одной, пусть сугубо личной и маленькой своей победы над собой...

«АВТОБИОГРАФИЯ»

Действенным способом проверки причастности человека к нормальному восприятию юмора является розыгрыш. Среди специалистов ЦПК и космонавтов розыгрыш превратился в своеобразный критерий по оценке беззлобности человека и его способности находить средства нейтрализации розыгрыша, который мог рождаться буквально за минуту до его воплощения.

...Николай Юзов, умница, добрейший малый, кандидат наук, был представлен командированием ЦПК им. Ю.Гагарина на должность начальника Гидролаборатории (ГЛ) и в одно памятное утро должен был доставить в Управление кадров ВВС кучу всяких документов для утверждения.

Ему оставалось подготовить и предоставить лишь свою автобиографию, причем предъявить и Начальнику ЦПК, дважды Герою Советского, Союза генералу Г.Т. Береговому. И после этого Юзов мог сразу везти все свои документы в Москву на окончательное утверждение его в должности. Вот почему служебная машина уже ждала будущего начальника Гидролаборатории у крыльца Штаба.

Я оказался первым, кого запыхавшегося от спешки Юзов встретил в Гидролаборатории и попросил “выручить” его с печатанием автобиографии, которую надо было предоставить Береговому через 30 минут.

...Немецкая “Эрика” была гордостью нашего отдела. На ней печатались многие отчеты по испытаниям в гидроневесомости и тренировкам космонавтам. Поэтому мне не составило никакого труда напечатать страничку простецкой Колиной биографии с весьма простыми абзацами:

родился, учился, женился, защитился и т.д. Вот почему уже, через 15 минут, Николай, пробежав глазами свою автобиографию и положив ее в пакет с другими документами, уже надевал шинель для следования в Штаб.

Но дело в том, что мной был отпечатан еще один экземпляр юзовской “автобиографии” с нормальной “шапкой”, но совершенно иным содержанием... И пока будущий начальник Г.Л. одевался, я успел подменить настоящую автобиографию на нечто иное...

Уже через десяток минут наш кандидат наук предъявил генералу краткую историю своей жизни, стоя в положении “смирно” перед генеральским столом и ожидая “резюме”.

Прочитав “автобиографию” Георгий Тимофеевич Береговой поднял глаза на кандидата наук и задал ему лишь один вопрос:

- Юзов! Ты полностью согласен с тем, что здесь написано?
- Согласен абсолютно со всем! Товарищ генерал!
- Хорошо! Тогда, пожалуйста, прочитай мне твою автобиографию вслух!

Юзов взял листок с текстом автобиографии и... закашлялся.

На листе красивым шрифтом пишущей машинки “Эрика” значилось следующее:

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Юзов Николай Иванович, родился 32 декабря 1843 года в штате Арканзас, находится в США, там же я закончил Вест-Пойнтскую Военную Академию (факультет диверсионной практики).

В 1969 году я был заброшен в Подмосковный лесной массив, чтобы пробраться в Центр Подготовки Космонавтов и вредить всем пилотируемым полетам русских.

Это я успешно выполняю до сего времени, при этом пользуясь полным доверием КГБ и ЦРУ.

Мой отец, Бзежинский Иван, во время революции лично зарубил шашкой 76 Бакинских комиссаров, а сестра с братом, работая в Риге, успешно проводят диверсии на русских атомных субмаринах, воруя ядерные боеголовки и продавая их Гондурасу.

Я также состою в родстве с пилотом Хаммерсом (США), сбросившим третью атомную бомбу на Токио (бомба не взорвалась), при этом мой дядя Хаммере, будучи нервнобольным, выпрыгнул из бомбардировщика В - 29 без парашюта вслед за бомбой. Но об этом никто не знает.

Я защитил диссертацию на тему “Скрытое внедрение супердоз алкоголя в кровеносную систему кандидатов в космонавты” и эффективно реализую это на подопытном материале.

За достоверность всех фактов моей автобиографии я несу полную личную ответственность. П/полковник Н.И. Юзов, кандидат технических наук.

ПОДПИСЬ

1 апреля 1982 г.

...Юзов поднял свои глаза на командира, в глазах которого играли лукавые чертята:

- Кто тебе это печатал?

- Да это... я... так! Да Ветер! Ну, что... делать-то?

- Иди! У него наверняка есть настоящий экземпляр. И не задерживай машину, “американец хренов”!

Побежав в Г.Л. и оставив папку в кабинете, Юзов бросился искать меня по всем многочисленным аудиториям Г.Л., что позволило нам быстренько заменить чепуху на реальный текст автобиографии.

Как ни в чем не бывало, встречаю Юзова в далеком коридоре, он сильно взъерошен и пытается что-то сказать:

- Тебе можно так шутить! Г.Т. к тебе всегда хорошо относится! А мне чуть не влетело!

Делаю удивленный вид:

- А в чём дело-то?

- В том! В том! Посмотри, что там напечатано!

Он выхватывает из папки листок с автобиографией и... разглядывает его, ничего не понимая: перед ним - нормальный текст! Лицо его делается испуганным!

- Может, ты пояснишь, что произошло? - задаю я вопрос.

Сжимая в руках листок, Юзов пятится к двери, и мы слышим его шепот:

- Надо же! Чертовщина какая-то! Ничего не понимаю!..

На улице он несколько раз остановился и явно перечитывает текст, а что? Вдруг снова на бумаге появиться необъяснимая чертовщина! Нет, кажется, все в порядке. А вдруг... опять в... штабе...

МИРЭЙ

Маленькую черноглазую девчушку Ленку Мороз я заметил за её умение не поддаваться и не уступать своим сверстникам и сверстницам в любых спорах. В свои 11 лет она ухитрилась отстаивать свое мнение (может, не всегда и правильное) на всех уровнях своего окружения: в школе, на улице, дома.

Это маленькое симпатичное существо, с красивенькой черноглазой мордашкой знал весь наш 43-й дом, где в то время жила Ленкина семья, отец которой был комендантом гарнизона Звездный, а мама - превеликим специалистом в вопросах эксплуатации и ремонта всех, имеющихся в городке лифтов.

Ленка имела поразительное сходство с известнейшей французской певицей Мирэй Матье, и когда мы совместными усилиями затащили Ленку в наш яхт-клуб, она сразу же получила здесь это свое второе имя, на которое отзывалась, как на свое собственное. Но главным все-таки в нашем знакомстве было то, что Мирэй с первых же своих заняты

под парусом, стала демонстрировать очень высокий уровень сообразительности в управлении яхтами.

У Мирэй сразу стало получаться всё! Мне даже подумалось, а не родилась ли она на каком-нибудь “Крузенштерне” или “Седове” во время их кругосветного плавания? Немалую роль в успехе этой девчушки на парусном поприще играла волевая составляющая её характера. Вот почему уже спустя лишь полтора месяца после начала занятий на озере Звёздного городка и сдачи экзамена на звание “Яхтенный рулевой 3-го класса” я решил включить Мирэй и её подружку по парусу Аню Голобородько в нашу команду на участие в парусной регате на первенство Бердянска (Азовское море). И не ошибся!

Девчонки выступили очень удачно, заняв второе место среди, прямо скажем весьма крепких представительниц Бердянского яхт-клуба, бывших, ко всему, постарше моих на пару лет! А два года - это большое преимущество и по опыту, и по весу!

Узнав об успехе девчушек из Звездного городка, председатель Бердянского городского Совета Николай Антонович Антонов пригласил Мирэй, Аню и меня к себе домой, где мои девчонки ухитрились перепробовать такое количество всяких яств, что едва доползли, объевшись, до гостиницы...

Домой Мирэй и Аня вернулись с дипломами и грамотами, а уже в августе Мирэй выигрывает первенство и Кубок Звездного городка. Гонка на последний проводилась на просторном Озернинском водохранилище, где была очень трудная и протяженная дистанция (50 км!), а погода усугубляла и без того сложное управление «Лучами», поскольку ветер превышал все допустимые нормы для такой регаты. Но поскольку уровень обеспечения безопасности у нас был очень высоким, я решил не переносить гонки. И в этих условиях Мирэй полностью справилась со своей задачей, заняв первое место. И заблестела эта маленькая Звездочка!

В следующем году Мирэй продолжала интенсивные тренировки, в мае их у нее было аж 23! По 4 часа каждая - в начале июня ее пригласили для участия в регате на первенство зоны Украины, проводимого в Бердянске, - и вот здесь произошел у меня первый и единственный конфликт с Мирэй.

Здесь, на море, она стартует уже на быстроходных «Лучах» в очень свежую погоду. Следуя к линии старта, Мирэй даже переворачивается, но быстро ставит свой «Луч» на ровный киль. Просто молодец! И выигрывает первую гонку.

На второй гонке я нахожусь на судейском катере у первого поворотного знака, к которому подлетают сразу несколько яхт с юношами за рулем (старт был общим для ребят и девчонок) и с ними - наша Мирэй! Она прекрасно ведет свой парусник, ни в чем, не уступая юнцам, которые старше ее на два года, но идет она внешней и должна по правилам гонки уступать

всем четырем ребятам, огибающим знак по внутреннему радиусу, чтобы те не навалились на знак и не получили штрафные очки! Но что я вижу?

Моя Мирэй, полностью игнорируя свое место у поворотного знака, оттесняет всю четверку, и я не верю своим ушам:

- Эй! Козлики. Даме надо уступить. Пошли вон! Дайте-ка мне пройти.

И все "козлики" тормозят и пропускают Мирэй, которая, обойдя знак, тут же отрывается от ребят и уходит к следующему знаку!

На катере я догоняю Мирэй и в очень даже резкой форме предупреждаю её о недопустимости подобной выходки с "козликами", обещаю тут же снять с гонки и отправить домой! А что Мирэй?

На мой праведный гнев, Мирэй, продолжая профессионально вести свой "Луч", направляет на меня и всех присутствующих на катере судей свои огромные красивые очи и - кричит нам своим певучим голосом:

- Константин Иванович! Люди добрые! Ну, простите меня, пожалуйста! Вы же все очень хорошие! Ну, что скажешь! Ну, погоди!

Снять мы ее не сняли с дистанции. Пожалели. Но вечером в гостинице она получает от меня б-о-о-пышную взбучку!

По результатам пяти гонок Мирэй занимает второе место, уступив лишь опытной яхтсменке из Киева-всего два очка! Это-то при общей сумме у победительницы - 39 очков!

Когда Мирэй завершив последнюю, пятую, гонку, вылетела на своем "Луче" на песчаный берег яхт-клуба, и еле держась на ногах, подошла ко мне, мог ли я удержаться, чтобы не поцеловать эту маленькую, стойкую, умненькую, ни разу не совравшую мне девчущку? Поблагодарить тем самым за ее такое трудное второе место, поблагодарить за ее стойкость, умение и волю к победе в любых условиях! Девчонку, за которой сохраняется имя французской национальной знаменитости и которая, думаю, навсегда сохранит в душе своей шелест морских волн и свист ветра как предвестников своей победы...

Через несколько месяцев Мирэй станет кандидатом в мастера спорта по парусу, а я всегда буду поздравлять ее с днем рождения! И буду делать :>го где бы она и где бы я не оказались...

Попутного ветра тебе в жизни, Мирэй! И светлых парусов!

«Я - АМЕРИКАНЕЦ»

Уж, эти политические семинары! Из года в год - одно и то же. И вот очередной зачетный опять. С присутствием высшего политического чина из Политуправления ВВС. К такому случаю у нас подготовлены выступающие офицеры, задающие вопросы выступающим. Все идет по накатанной схеме, без всяких там сбоев и ошибок. Так мы демонстрируем свой политинтеллект.

В "президиуме" семинара наш начальник отдела, полковник из политотдела ЦПК и главное лицо - высокий чин из главного управления, от

которого и зависит в конечном итоге “быть или не быть” нашему отделу лояльным идеологически.

Первым делает доклад наш постоянный отличник боевой и политической подготовки майор Александр Гусаченко. Он просто молодец! Умно отвечает на вопросы всех членов комиссии, будучи заранее уверенным, в отличной оценке за свое выступление. Эх, Саша, не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь!

Главный проверяющий обращается к аудитории с вопросом: есть ли у кого какие неясности по выступлению Гусаченко?

- Конечно, есть,- говорю я с места, - Разрешите задать?

Все политработники дружно кивают головами: задавайте!

- Что бы дискуссия была интересной и объективной, я прошу разрешения предстать перед докладчиком в качестве представителя другой страны, не возражаете?

Наш начальник отдела делает мне какие-то знаки: уймись, мол, не до этого нам сейчас.

- Интересно, кем бы вы хотели предстать перед докладчиком? - по прищуре вижу, что моя просьба явно заинтересовала главного проверяющего.

- Гражданином США.

- Интересно, интересно! Ну, и ваш вопрос?

- Уважаемый докладчик! Я вынужден оспорить некоторые тезисы вашего доклада. Вы смело заявили, что в вашей стране существует полная свобода слова, свобода высказываний и выступлений. Я в этом очень сомневаюсь! У нас, в США, я или каждый гражданин США, любой гражданин нашей страны, может выйти на площадь перед Белым Домом и во всеуслышанье заявить: “Президент Рейган! Ты дурак!” Скажите, Гусаченко, а вы смогли бы высказать подобное суждение вслух на Красной площади вашему главе государства?

У Гусаченко отвисла нижняя челюсть, а наш бедняга, начальник отдела делает явную попытку спрятаться за спины проверяющих, удивленные лица которых повернуты к их главному коллеге. А тот, улыбаясь, и говорит:

- Майор Гусаченко! Отвечайте “гражданину США” на его вопрос!

Наш Саша только мычит и то не совсем членораздельно! И все слышат:

- Я... Я... Я... считаю, что... Ветру... за провокацию надо объявить... выговор с занесением!

И тут-то засмеялся главный проверяющий, а за ним заржали и все присутствующие офицеры! Даже начальник отдела, выглянув из-под стола, изобразил некое подобие улыбки. Бедный Гусаченко, стоя на кафедре, крутит головой, явно не понимая, хвалят его или ругают? А над ним просто смеялись!

Надо отдать должное: за столько летя впервые видел политработника, позволяющего открыто обсуждать столь щекотливую тему. Этот человек ориентируется в вопросах и находил единственно правильную аргументацию

различных, самых острых политических трактовок. Он назвал мой вопрос своеобразным, но требующим обязательного разъяснения.

...Следующим докладчиком был Саша Придорогин. Уж, очень он хвалил нашу однопартийную систему, как единственно правильную, объективную и совершенную.

- Вопросы к Придорогину? - проверяющий почему-то смотрит на меня.

Что ж, пожалуйста!

- Господин! Сэр! Надеюсь вам знакомо выражение “В споре рождается истина”?

Саша согласно кивает.

- Ну, а если так, то для спора, для выявления истины необходимо, по крайней мере, два человека, две организации, две партии, два общества с различающимися взглядами и аргументами. Ведь не может же, скажем, один человек спорить сам с собой? Вы согласны?

- Абсолютно согласен! - Придорогин пока не улавливает подвоха.

- Тогда как же члены КПСС, члены одной партии, могут искать внутри одной партии истину? Правду? Такое возможно лишь в США, у нас! У нас - две партии: Демократическая и Республиканская! Их члены всегда спорят и в этом споре устанавливают взаимоприемлемые критерии истины то есть правды! Вы же со своей однопартийной системой сами загоняете себя в тупик! Вы согласны с моими аргументами?

Придорогин сжимает руками кафедру так, что все видят его побелевшие от напряжения пальцы, и спустя минуту, произносит:

- Здесь... надо... думать. Много, много думать... Сразу и не скажешь...

Курлыканые Придорогина прерывает главный проверяющий:

- Кто из вас может объяснить “гражданину США” нашу позицию по его вопросу? Кто хочет высказаться?

Никто не хочет! Потому, что не знает, как это сделать!

После семинара главный политпроверяющий сам подошел ко мне:

- Наделал ты шороху! А ведь офицеры на самом деле не могут аргументированно решать такие кажущиеся каверзы. Но они-то разрешимы!

Неглупый мужик-то, главный проверяющий! Не то, что наши политзамухрышки!

МОРСКАЯ ПРОГУЛКА

За четверть века службы в армии мне всего пару раз удалось получить семейные путёвки в санаторий ВВС. Впервые нас с женой осчастливили после завершения комплексных многосуточных испытаний космического комплекса “Алмаз”, а второй - в Судак после проведения первых испытаний по монтажу солнечных батарей в условиях гидроневесомости. Об “одиночных” же “посещениях” санаториев нашими испытателями говорить не приходилось, ибо все путёвки в наши санатории расходились,

как правило, между работниками штаба и администрацией управления: всевозможными “офицерами по планированию”, офицерами “писарями” и прочей штабной шушерой, о здоровье которой наши некоторые начальствующие персоны заботились с особой тщательностью. И, уж, наградами - и подавно. Иной раз на торжественном или ином, каком построении личного состава ЦПК смотришь: боже мой! Вышагивает офицерик-писарь с двумя, а то и стремя орденами!! Тут и “Красное Знамя”, и “Красная Звезда”, и медали “За боевые заслуги”! Только никто из испытателей не знает, в каких “боях” всё это приобреталось! Иной стоит инженер-испытатель с одной заваливающей медалькой, а ведь за спиной у него - ого сколько всего проделано! Да. Сильны всё-таки родственные и иные связи даже у нас, в Центре Подготовки космонавтов...

И вот мы с подругой получили второй раз благословение на семейную поездку в Судакский санаторий ВВС. Что и говорить, место преотличнейшее! Я и без путевки ежегодно (почти) бывал в Судаке хотя бы несколько дней: так, уж, привязан был душой к этому месту, что не побывать там хоть день, не мог.

Крым встретил нас с Галей прекраснейшей погодой. Казалось, небо и море заполняют собой весь мир. Повезло нам и с размещением: здесь только что сдали в эксплуатацию новый многоэтажный корпус, на втором этаже которого мы “завладели” приличной двухместной палатой.

Вокруг звенящая тишина, прекрасное обслуживание всех лечебных (без нас) моментов и досуга (это - для нас) сразу же настраивали всех прибывающих сюда на оптимистичный лад, на восстановление здоровья и приятнейшее времяпрепровождение.

Нашими соседями по этажу оказалась пара полковников с супругами (Агеевы и Чарушины), как выяснилось, людьми очень даже эрудированными во всех многочисленных житейских и профессиональных проблемах. Все складывалось как нельзя лучше: отдыхай, купайся, лечись (если требуется), ходи-езди на многочисленные экскурсии по всему Крымскому побережью от Керчи до Севастополя и - никаких забот!

Но уже на третий день солнечной санаторной жизни царящая здесь беспечность стала вызывать у меня приступы необъяснимой тоски. Казалось, чего тебе не хватает? Ведь всё есть! Ан, нет. Тянутся мои взгляды и чувства к морскому горизонту, и всё вокруг делается каким-то безразличным и пустым...

Шестером со своими соседями (я - в сотый раз) облазили все местные достопримечательности, а вечером третьего дня за нашим вечерним чаем предложил я нашим знакомцам совершить плавание под парусом от Судака до Алупки. И хотя моя подруга, сразу почувствовав авантюристичность моего предложения, промолчала, в то время как оба полковника и их жёнушки с огромным восторгом приняли это предложение, задав мне лишь единственный вопрос:

- А где же мы возьмём парусник?!

Тут инициатива полностью переходит ко мне, и на следующее утро, тайно удрав на трое суток из санатория, я швартую “свой” “Картер-30” к рейдовой бочке как раз напротив нашего санатория.¹

Моё появление в палате громогласно приветствовалось зычными командирскими голосами обоих полковников, и всю вторую половину этого дня мы посвятили сборам и подготовке к завтрашнему плаванию в Алупку.

5 часов июльского утра. Мой “экипаж” с продовольственными пакетами и сумками размещается в довольно просторной рубке “Картера”. Жена Агеева Зинаида, восторгаясь интерьером яхты одновременно сомневается:

- Неужели на этом можно дойти до Алупки?!

Я рассеиваю её сомнение:

- И не только до Алупки, а даже до Рио-де-Жанейро!

Чета Чарушиных неожиданно высказывает свою просьбу:

- Константин Иванович, доставьте нас к мысу Меганом, очень интересно взглянуть на этот маяк вблизи...

Меганом - на востоке от Судака, хотя и почти рядом, и просьба, естественно, выполняется, и мы, несмотря на встречные ветра, обходим все скалы этого мыса, любясь светлой башней его маяка. На это отступление от нашей программы уходит пара часов.

Тем временем ветер переходит на северо-запад, а вся юго-западная часть горизонта постепенно закрывается приличной серо-чёрной облачной ночью. Чтобы не вылезать за пределы 3-х-мильной зоны, разрешённой мне пограницами, приходится идти в крутой бейдевинд. Крен парусника начинает беспокоить моих пассажиров:

- А мы не... перевернёмся?

Моя подруга с упрёком поглядывает на своего мужа: “На кой хрен ты все это придумал и затеял”?

У Алушты море начинает немножко “кипеть”. Налетают частые, хотя и не сильные шквалы и шквалики. Пока всё было терпимым для моих пассажиров, правда, почему-то лежащих вповалку на палубе и периодически высовывающих свои головы за борт яхты, громогласно при этом икая и кряхтя...

Никакие попытки отвлечь внимание “пассажиров” на всевозможные береговые достопримечательности действия не возымели! Бедняги лежат, уткнувшись носами в палубу, словно военнопленные, приговоренные к расстрелу жестоким противником. Тихий стон Зины:

- Константин Иванович, Константин... Костя... Мы... Нам... Просто не выдержать всего этого... Посмотрите, как... мучаемся!

Да вижу я все! И белые как мел лица обоих полковников, и запачканную одежду их жёнушек, но я же не могу стремительно долететь до места назначения! “Картер-30” ведь не “МиГ-30” и не “Ту-95”, наконец. Надо вытерпеть...

¹ Владелец яхты - житель Сочи, мой хороший знакомый.

Справа от нас из моря проступают контуры скалы-башни “Ласточкино Гнездо”, это архитектурный шедевр над бездной.

Направляю парусник к крохотному причалу под самой скалой, но причал пока занят “Кометой”. Ждём. Яхту швыряет на отбойной волне так, что мои “моряки” едва удерживаются на палубе, сжимая побелевшими пальцами леера. Наконец, причал освобождается, и мы, скребя кранцами, прижимаемся к “спасательным” причальным брусьям.. Мои укачавшиеся бедняги буквально переползают с борта яхты на дощатый настил причала и пытаются идти на... четвереньках! Они ещё не верят в твёрдую опору под их ногами. Агеев поворачивает ко мне свою страдальческую физиономию:

- Спасибо... за прогулку... капитан...

- Да пожалуйста! “Приходите ещё”!!

Другой полковник грозит мне кулаком! Галя помогает двум жёнам взобраться по крутой лестнице до площадки, откуда идёт дорожка к автобусной остановке.

Как легко и спокойно стало у меня на душе! Парусник лихо бежит к Кавказскому берегу, который я, не торопясь буду обходить в течение двух недель, и, даже, пройдя Керченский пролив, заскочу в Керчь, где в “Рыбном порту” меня угостят вкусным горячим чаем....

...За несколько дней до окончания нашего “санаторного” срока я возвращаюсь в наш “номер”, где всё это время меня ожидала с нетерпением моя верная подруга...

ПРИГЛАШЕНИЕ

К 1984 году у меня был уже большой опыт одиночных морских плаваний под парусом: ведь ежегодно я проводил практически все свои отпуска в море, с трудом укладываясь в месячные сроки. Правда, десяток раз по моей просьбе и обращению Федерации парусного спорта Начальник ЦПК генерал Береговой на свой страх и риск неофициально добавлял к моему отпуску неделю, а то и - десять дней, что, несомненно помогало одолевать порой довольно протяженные и сложные маршруты. Конечно - без всякого оглашения. Георгий Тимофеевич был против даже таких кратких публикаций в “Комсомолке” как “Белые крылья “Таис”, не говоря уже о выходах в Средиземное море.

Все эти переходы выполнялись мной на пределе времени, сил и возможностей. Суммарная протяженность пройденных мною маршрутов позволяла мне попытаться счастья в Трансатлантической гонке яхтсменов- одиночек, проводимой раз в четыре года (по олимпийским годам) Английским Королевским яхт-клубом, куда в январе 1984 года я и обратился со своей заявкой на мое участие в этом престижном соревновании. Во многом в этом деле помог мне наш олимпийский чемпион Тимир Пинегин, у которого были значительные связи с организаторами.

Конец февраля 1984 года. Я завершил большой объем работ в гидро-неведомости по транспортировке операторами в космических скафандрах огромных масс (до трех тонн!), провел тренировки по монтажу солнечных батарей с четырьмя экипажами космонавтов и собирался вплотную заняться подготовкой к выводу в космос космонавта Кати Ивановой из Ленинграда, как вдруг получил приглашение из Англии за очень высокой подписью на мое участие в OSTAR - 84, старт которой был назначен на пятое июня.

До старта оставалось всего ничего! И у меня не было еще главного - скоростной яхты, имея которую, можно было составить конкуренцию участникам этого престижного рейса.

В ближайшую субботу я был уже в Николаеве у известного конструктора катамаранов и тримаранов профессора Ю.С.Крючкова, поведав ему обо всех моих проблемах, связанных с OSTAR - 84. Юрий Семёнович с пониманием отнесся к вопросу о срочной постройке скоростного парусного тримарана, и уже через десять дней был готов проект этой яхты. Но это было всего четверть дела. Далее требовалось подобрать судостроительный завод, коллектив которого смог бы в кратчайший срок построить спроектированный парусник.

В очередную субботу я сидел в кабинете директора Приморского судостроительного завода (Феодосия) Леонида Семёновича Астахова. Оценив обстановку и срок готовности парусника, Астахов обнадежил меня тем, что тримаран будет готов через месяц после получения технической документации на постройку.

Уже через неделю завод располагал всем комплектом рабочих чертежей и сборок тримарана, и сразу же был разбит плаз.

У меня очень много работы в ЦПК. Тем не менее, я успеваю с помощью Председателя Спорткомитета СССР получить дракон и заказать два комплекта паруса для тримарана. С дополнительными парусами мне очень помог Л.Лесневский. В течение всех следующих недель я решил множество вопросов по навигации, сигнальным и спасательным средствам. Готовится вся необходимая документация. Все это я могу делать лишь после работы: мне "подбросили" на подготовку еще два экипажа. Это новички. Времени на них идет многовато, а ведь еще испытательная работа и очень интересная НИР по перемещению многотонных масс в условиях моделирования невесомости в гидросреде. Одним словом - круговерь.

На заводе начато строительство корпусов тримарана. В таких случаях всегда есть некоторые отступления от проекта, которые необходимо согласовать на месте, в основном это чисто технологические моменты. В одну из последующих выходных суббот я был в Феодосии. Проблемы разрешаются.

Дома меня ожидает новый комплект парусов. С 22.00. до 01.00. на кухне (все мои давно спят) готовлю целый ворох бортовой документации, заполняя десяток всевозможных форм: продовольственные листы,

заклучение по дератизации, нарколист и прочее. Одних навигационных карт у меня больше пятидесяти, для их получения смотался в Ленинград, в одно адмиральское навигационное хозяйство.

В конце апреля провожу ходовые испытания моей изящной трехкорпусной парусной птицы, получившей название "Таис-3". На мерной миле у мыса Чауда яхта, показывает скорость до двадцати узлов. С такой мне не стыдно появиться на старте в Плимуте.

Наступил май. До старта в Англии чуть больше месяца. Беру отпуск, выпросив к нему пару недель "без содержания". Договариваюсь с Черноморским пароходством в Одессе о доставке тримарана вместе с ее капитаном на старт в Плимут. Конечно, на попутном судне. Назначен день погрузки яхты на борт теплохода и дата отплытия из Одессы в Англию. Ко всему, я получаю повторное подтверждение моего допуска к участию в Трансатлантической гонке...

Перегоняю тримаран из Феодосии в Одессу, на что уходит всего-то двое суток! И тут, в Одессе, за сутки до отплытия теплохода с яхтой на борту меня неожиданно (ведь все вопросы уже решены!) просят подойти к руководству Черноморского пароходства, где предъявляют телекс от Главкома ВВС с приказом о строжайшем запрете моего участия в OSTAR- 84.

Яхта сгружается с судна. Мне выражают сочувствие все члены экипажа и представители пограничников и таможни...

...Огибаю повторно Крымский полуостров, теперь уже с запада на восток и возвращаюсь в Феодосию. Здесь меня встречает приехавший тоже в свой отпуск Саша Чеховский, мой коллега по работе и сосед по дому. Вдвоем мы обкатываем тримаран по маршруту Феодосия - Новороссийск - Керчь - Бердянск, в яхт-клубе последнего я оставляю тримаран до будущего года.

Дома меня ожидал еще один сюрприз.

В свой первый рабочий день после 3-х часов работы в скафандре меня неожиданно вызвали к Начальнику ЦПК генералу Береговому. У него в кабинете находилось несколько его заместителей-генералов, а в дальнем углу кабинета я заметил скромно сидящего управдома Звездного городка.

Докладаваю о своем прибытии, стоя позади всей генеральской "группы".

Командир повернулся ко мне:

- Константин, скажи, что я сделал тебе плохо?

Вопрос несколько необычен. Что я мог ответить? Только то, что было на самом деле:

- Вы делали всегда мне только хорошее, и этот вопрос меня удивляет, Георгий Тимофеевич.

-А ты знаешь, что первый заместитель главкома ВВС маршал Ефимов из-за приглашения твоего Королевским Яхт-клубом обещал мне строгий

выговор, а тебе, увольнение, маршал был очень раздосадован тем, что не его, а тебя приглашает Английская Королева... Так вот, чтобы не обращать весь гнев маршала на весь ЦПК, если хочешь кататься в океане на яхте - получи паспорт и... катайся!

К сожалению, командир совершенно не представлял себе, что представляет собой любое одиночное плавание в океане: человек на паруснике всегда мокрый, полуголодный, пропитанный солью, каждую минуту рискующий погибнуть, но не сдающийся ни при каких обстоятельствах, знающий, куда точно он должен прийти...

Все это пронеслось в моей голове за секунду, и генерал слышит мой ответ:

- Георгий Тимофеевич. Если вы считаете мой одиночный океанский переход катаньем, то ваши 200 боевых вылетов я позволю себе сравнить с походом по танцам.

Кустистые брови генерала, дважды Героя Советского Союза взлетели от неожиданности:

- Ты сравнил х... с пальцем!
- Нет, это сделали вы.
- Ну, иди... Иди...

И я вышел из кабинета. Куда? Получить документы об увольнении?

...В 18.00. возвращаюсь с работы домой. Небо синее-синее! Ни облачка! Лето в разгаре. Вдруг меня догоняет наш домуправ:

- Костя! Что я тебе скажу! Ты только вышел из кабинета, а Береговой посмотрел на стоящих перед ним генералов и сказал:

- А в нем что-то есть!

И ТАКОЕ БЫВАЕТ...

После четырехчасовой работы в гидроневесомости очень хочется спать. Я только что освободился от скафандра. Мы работали в паре с Мишей Новиковым собрав под водой огромную металлическую конструкцию октаэдра, прообраз орбитальных и лунных баз будущего.

На сегодня все работы завершены, да и вряд ли кого-либо из нас, намотавшихся в космических выходных скафандрах на полную катушку, кто-то попытался бы заставить делать что-то еще...

До конца рабочего дня 2 часа. В аудитории нас пятеро. Николай Юзов, Виталий Шебеда, Виктор Касатиков, Юра Башмелев и я. Сидим, отдыхаем. Непростым был денек...

Юзов выходит звонить по межгороду. Его китель висит на спинке стула. Николай широкоплеч, несколько полноват, но физически это крепкий надежный человек. Виталий Шебеда, наоборот, тонок, пожалуй, даже хрупок, хотя лыжник он отменный. Кителек Виталия также висит на стуле хозяина. И пришла мне мысль, а что, если подменить китель Юзова на китель Шебеды?

Уговаривать Виталия не пришлось, ибо его даже заинтересовала цель такого эксперимента: заметит ли Николай эту подмену, или нет? Благо, что все мы подполковники за исключением Бушмелева.

...Быстренько заменяю китель Юзова на китель Шебеды, перекалдываю все содержимое юзовских карманов точно также, как он было в его собственных: удостоверение личности, кошелек, блокноты, ручки, ключи от сейфа и жетон на получение секретной литературы. В это же время Виталий размещает юзовский китель на спинке своего стула. Все с нетерпением и интересом ждем Николая.

Он входит, что-то напевая, садится за свой стол, достает из кармана шебедовского кителя свою записную книжку, делая в ней какие-то записи и кладет ее в тот же карман. Пока все идет по плану.

Мы сидим, уткнувшись носами в свои столы, дабы не выдавать ситуацию.

Юзов потягивается:

- Эх! Может, разбежимся?

Он начальник отделения, ему и карты в руки. Мы не возражаем и начинаем надевать свои кители. То же делает и Юзов, но что такое?

- Да-а! Тесноватой стала моя "кольчужка"! - Коля с трудом застегивает на себе пуговицы шебедовского кителя, - Надо сбрасывать вес! Ишь как располнел!

Китель на Юзове как-то странно перекашивается и берется складками. Николай поочередно достает из шебедовских карманов и рассматривает свои документы, блокноты, ключи... Да нет, все его! Все на месте!

- Не понимаю, что это со мной? - удивляется наш начальник отделения, - Перетрудился я сегодня, что ли?

Первым не выдерживает Юра Башмелев, прыская от смеха и закрывая лицо руками. Сразу же срываются Шебеда и Косатиков.

-Чего вы ржете? - Юзов в полной растерянности...

И тут происходит такое, чего ожидать мы не могли: к нам в комнату входит заместитель Главкома ВВС генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт В.А.Шаталов:

- Где Ветер?

И за шутку с Юзовым мне пришлось расплачиваться сполна: за час до окончания рабочего дня с 4-х часовым моим пребыванием в скафандре Шаталов попросил меня срочно провести в гидроневесомости монтаж СБ по третьей плоскости ОПС, провести только **одним** человеком! Вместо двух! По штатной программе!

- Знаю, ты уже работал сегодня, но - надо!

Как мне не хотелось вновь облачаться в космическую одежду!

Меня доставляют на 12-ти метровую глубину и закрывают в ПхО, где уже размешены два контейнера с солнечными батареями. Мне предстоит их доставить по внешней поверхности станции к месту монтажа. Затем их фиксация и раскрытие с предварительным подключением всех электроразъёмов.

Обычно КЭ и БИ тратят на эти операции 2,5 - 3 часа, не особо торопясь и давая себе хотя бы маленький отдых, но у меня этого не будет.

...Позади 20 минут. Стою на монтажном "якоре". Надо отдышаться. Оба контейнер с СБ зафиксированы рядом. В наушниках своего шлемофона слышу доклад врача:

- Пульс испытателя 200, артериальное давление 160/90!

Это, конечно, многовато. При работе вдвоем эти показатели у меня не превышают 120 и 140/85. Решаю немного схитрить: незаметно чуть сбрасываю давление в скафандре с 0,4 до 0,32 ати. И аэробалка "рук" делается помягче, хотя я и рискую получить отравление от кислородного дефицита. Но из двух зол я выбираю меньшее. Краем глаза в иллюминаторе центрального поста вижу группу руководителей ЦПК. Наблюдают. Что ж, им легче!

Начинаю монтаж первой СБ. Фиксация. Состыковка разъемов. Работа лебедкой - раскрытие... Повторяю операции со второй СБ. Готово! Докладываю:

- Монтаж СБ-1 и СБ-2 окончен. Разрешите переход в ПХО!..

Время на все операции - 1 час.

Меня буквально выдирают из скафандра. Такие действия дважды за рабочий день не предусмотрены никаким законодательством. Руки устают настолько, что даже удержать пальцами одежду - целая проблема. А ведь подтягиваюсь я и отжимаюсь от пола ого (!) сколько раз! А тут еле держишься на ногах...

Юзов, довольный моими монтажными способностями и возвращенным ему родным кителем, говорит:

- А ты знаешь, я чуть домой не поперся в шебедевском! Вот жена б вперед на целый год бы нахохоталась! Ладно! Завтра отдыхай до обеда! Заработал!

Ну, и на том спасибо! Вот до обеда-то с Любкой, младшенькой своей, я и поброжу в лесу.

Обещал, ведь!

И ТУТ ОНИ

Иду к зданию нашего бассейна. Через час у меня начало испытаний космических орбитальных модулей в гидроневесомости. Работаю в первой паре, а потому надо подготовиться: просмотреть ещё раз методику, обсудить некоторые технологические вопросы со своим напарником, подготовить и проверить скафандр...

Если честно, то мне очень хотелось бы сейчас вместо погружения с пульсом под 160 посидеть пару часов в нашем лесу под одной из высоченных сосен, подумать о более интересных проблемах и перспективах нежели уже набившая оскомину гидроневесомость... Тем более, что погода тихая, солнечная, и вокруг почему-то пахнет грибами, хотя уже и октябрь...

У входа в бассейн стоит хороший мой знакомый майор Толя Бастанжиев. Здравуемся. Майор берёт меня под руку:

- Давай пройдемся немного, время у тебя ещё есть.

Не возражаю. Мы обходим здание бассейна и устраиваемся на ступеньках запасного выхода. Здесь тень и абсолютная тишина. Анатолий некоторое время молчит, стегая веткой по носкам своих туфель.

- Костя, это правда, что однажды один, по фамилии Несчастный, перекрыл тебе подачу воздуха в скафандр при работе под водой? На глубине?

- Это лишь один раз его застал за этим Виктор К. А так ведь было несколько подобных случаев именно со мной. Тогда никого не “засекли” и списали за счёт технологических причин. Настораживало только то, что во время всех этих случаев на ротаметрах был Несчастный... Это точно установлено по датам и часам проведения подводных работ.

Над нами в густой синеве плывет клин перелётных птиц. Сразу и не разберёшь, кто это пролетает, ибо идут они на большой высоте. Летят к южному теплу оставляя на время родные края.

- А дело в том, - тихо говорит Анатолий, - что Несчастливого не один раз видели уходящим из кабинетов Копыловича и Шмотова...

Мне почему-то весь этот разговор делается безразличным: ну, посещал Несчастный эти “апартаменты”, а может, у него были какие-то и свои проблемы, которые могли разрешить ему мои “политические” недруги. Но, чтобы уничтожать человека физически... Нет, на это, по-моему, не способен даже Копылович. Наверно я что-то из своих сомнений высказал вслух, ибо тут же услышал говорок своего собеседника:

- И напрасно так думаешь! Очень даже напрасно! Они способны на всё! Буквально на всё. Не мытьём так катаньем. Это их принцип!

Я тихо сомневаюсь:

- Толя. Но в такое трудно поверить.

- Трудно поверить? Тогда слушай...

И этот, всегда спокойный и дисциплинированный офицер поведал мне весьма интересную “историю”.

...Бастанжиев совсем недавно был приглашён на “обмывку” очередного звания одного из наших штабистов. Новые погоны обмывались в природных условиях, в чаще прилегающего к Звёздному городку хвойного леса. И вот, когда вся компания уже достаточно нагулилась спиртным, все обратили внимание на одного непьющего офицера, и это неожиданно привело к весьма интересному высказыванию бывшего здесь в компании клерка из нашего политотдела, высказавшего заплетающимся языком следующие слова в адрес присутствовавшего здесь трезвенника:

- Ты чево это выкобениваешься здесь? Не поддерживаешь со всеми знаменательный факт присвоения очередного звания? Да ты просто Ветер! Ну, того-то мы рано-поздно - все равно придавим. Неважно, как и чем, а придавим, правда, Несчастный?!

- Скажи теперь, Костя, ты и теперь не согласишься в эту сакраментальную связь?! Точнее - взаимосвязь твоих "событий"?

Мне меньше всего хотелось верить в подобное. Хотя, как показала жизнь, эти политизвращенцы были способны на многое, а то и на всё...

- Нет, не верю, - сказал я тогда.

ШЕСТЬ ЧАСОВ

С Азовским морем я был знаком уже много лет, с тех пор, когда впервые поднял свой парус над экспериментальным парусником, предназначавшемся для комплектации носимых аварийных запасов (НАЗов) космических кораблей "Союз".

Эти крошечные парусные плавсредства парусником или яхтой назвать было трудновато: их длина не превышала полутора метров, вес - пять килограммов, а площадь паруса 2,5 м².

Тем не менее, мне тогда удалось выполнить на них насколько интересных переходов по Азовскому морю в разное время года, в том числе и в декабрьскую пору, когда морозец и здесь, казалось, в южных краях, начинал сковывать ледком море у береговой кромки.

Статистические прогнозы погоды на каждый из месяцев года для этой акватории не были ни для кого секретом, может, поэтому мне и подумалось: почему бы мне не попытаться установить рекорд скорости по пересечению Азовского моря в самой широкой его части по меридианному маршруту Бердянск - Керчь. Для этого требовалось два условия: наличие скоростной яхты и погода. Первое условие легко выполнялось, ибо имеющийся у меня тримаран "Таис-3", спроектированный и построенный в 1984 году для моего участия в Трансатлантической гонке яхтсменов-одиночек из английского Плимута в американский Портсмут, вполне подходил для этой цели.

Погодный прогноз тоже не вызвал особых затруднений: просто нужно было чтобы штормовой ветер продержался хотя бы полусуток, и чем сильнее был бы он, тем большую пользу принес бы в этом переходе через Азов.

Для выполнения этого стремительного "скачка" через Азовское море я выбрал апрель 1985 года, и, взяв свой очередной отпуск, шестого апреля был уже в Бердянске для подготовки тримарана к выполнению, этого скоростного перехода.

Предполагаемый, очень выгодный для реализации задуманного прогноз погоды, полностью подтверждался оперативными и долгосрочными данными метеостанции Азовского и Черноморского морских бассейнов.

Неопределенностью были ледовые условия, сложившейся на Азовском море в это период. Я не оговорился: ледовые поля занимали значительные площади на акватории, а мартовские непрерывные штормы раскололи эти ледовые массивы и теперь гоняли их по всей акватории, создавая немалые проблемы для судоходства. Эта обстановка сохранялась и по сей день. И надо было хорошо обдумать, прежде чем решиться на установление "рекорда скорости Азова" на паруснике, управляемом одним человеком.

В течении четырех дней я готовил свой тримаран к этому переходу. Из интерьера яхты было убрано все, чтобы максимально облегчить парусник, а с собой я брал лишь 5 литров питьевой воды и несколько плиток шоколада. И без того легкая полутонна яхта превратилась по существу в минитонник с массой, не превышающей одной тонны.

Старт был назначен на 12 апреля. Удачным пересечением за минимальное время Азовского моря мне хотелось отметить столь дорогой мне и памятный День Космонавтики. Но из-за ледовой обстановки время старта было перенесено на 13 апреля.

За час до старта в яхт-клубе Бердянского Нефтемазоса завода собрались яхтсмены во главе с мастером спорта парусным инструктором Дмитрием Самодрыгиным и тренером Владимиром Московцом. Была установлена связь с Керченским яхт-клубом "Пантикапей" для регистрации моего появления на финише в Керчи.

У меня оказался даже космический снимок с нашего спутника, отображающий ледовую обстановку на море суточной давности. К тому же портовые службы Бердянска подтвердили наличие свободного от льда прохода по курсу на Керчь.

Все было готово к старту.

Остальное, читатель, ты можешь узнать из очерка газеты "Красная Звезда" Михаила Реброва «Ветер обгоняет ветер», а также из публикации в "Комсомолке" (В. Панцырев).

СЗС

Оружие необходимо космонавту при возвращении его на землю, как и любому человеку, подвергающему себя опасности в джунглях. Конечно, на орбите без оружия вполне можно обойтись: вряд ли там может появиться опасность, требующая огнестрельного на нее воздействия. А вот после приземления...

При штатной посадке спускаемого аппарата, когда ее район может долгое время оказаться вне доступности средств поисково-спасательной службы, наличие у членов экипажа надежных огневых средств защиты - дело совершенно даже не лишнее. Обычно НАЗ КК "Союз" комплектовался общеизвестным пистолетом Макарова (ПМ). Здесь же находилось небольшое количество сигнальных средств. Это, прежде всего парашютные сигнальные ракеты красного огня (ПРСП-40), фальшфейеры ПСНД-30 (двойного действия) и крохотные ракетки красного огня, отстреливаемые с помощью "авторучки". Даже при упорядоченной укладке перечисленных средств в НАЗе найти, извлечь и применить их требует времени, тем более в случае необходимости одновременного применения.

Правда, для усиления "боевой мощи" НАЗа тульские умельцы создали прототип укороченного ружья - "мушкета", прошедшего испытания, но в НАЗ так и не попавшего в то время.

Подумать о новой конструкции "объединенного" огневого средства для НАЗа меня подтолкнул опыт участия в многочисленных "пистолетных"

и иных соревнованиях с применением огнестрельного оружия: а почему бы не объединить в одной конструкции боевые, охотничьи и сигнальные составляющие?

Сделать простенький чертежик и детализовку задуманного было делом одного часа, и уже в этот день после обеда я поделился со специалистами “золотые руки” Сергеем Крымовым и Юрием Тихоновым.

Как известно, разрешением на производство огнестрельного оружия располагают только некоторые предприятия, наш завод таким разрешением не располагал, и, чтобы не терять время на получение такого разрешения, мы решили изготовить единственный опытный образец для демонстрации командованию ЦПК с перспективой изготовления нескольких уже экземпляров, естественно, по официальному разрешению МВД.

Можно усомниться в небывалой скоротечности изготовления опытного образца этого огневого средства, названного нами “Сигнальнозащитным средством” (СЗС): для этого нам потребовался всего... ..один день. Это было в среду.

А в четверг мы уже проводили первые огневые испытания СЗС в нашем тире. Представьте себе кронштейн с рукояткой, ударно-спусковым механизмом и стволом с нарезами и без них. Подача боеприпасов в ствол производится вращением 24-х позиционного диска, в котором размещены 8 патронов калибра 5,6 мм, 8 патронов с дробовыми зарядами и 8 ракетных патронов красного огня. Боевой механизм работает в полуавтоматическом режиме: каждое нажатие на спуск сопровождается подачей патрона и выстрелом. Диск может снаряжаться боеприпасами в любой комбинации и выставляться вручную на любую позицию, соответствующую и необходимую для данного момента.

Первые 8 выстрелов патронами 5,6 мм с расстояния 25 метров “набрали” 69 очков при скорострельности 1 выстрел за 1,5 секунды. Последующие восемь выстрелов патронами с зарядом дроби также оказались вполне приемлемыми: вся дробь не выходила за пределы круга диаметром 0,6 метра. С применением сигнальных 15 мм ракет красного огня проблем не было вообще.

Понятно, что ограничиться столь примитивным и еще в единственном числе испытанием СЗС мы не могли. Поэтому я обратился к директору средней школы Звездного городка Федорову с просьбой о предоставлении мне двухсот патронов калибра 5,6 мм (четыре пачки) для проведения испытания СЗС на разных дистанциях и режимах.

Все боеприпасы были получены, и половина из них была переделана нами для стрельбы дробовыми зарядами. После этого мы проводим в гире еще четыре серии испытаний СЗС, в том числе с удалением мишеней до 100 метров. И опять практически все результаты оказались вполне приемлемыми для столь стремительно созданного нами сигнально- защитного средства.

После проведения этих испытаний предъявляю СЗС заместителю начальника ЦПК летчику-космонавту А. А.Леонову, у которого наше средство особого восторга не вызывает (очень легкое!?). И тут же генерал демонстрирует мне еще один, новый вариант оружия для НАЗа (настоящий кулацкий обрез). Тоже тульского производства. Сравнение мое этого оружия с “обрезом” вызвало явное неудовольствие у Алексея Архиповича Леонова...

Проходит неделя. Я “отлавливаю” двух наших героев, летчиков-космонавтов Демина и Малышева, предлагая им проверить собственноручно эффективность СЗС в нашем тире. И, знаете, оно им вполне даже приглянулось! Особенно после точного попадания дробью в стоящий в 50 метрах от нас небольшой посылочный ящик, оставленный, вероятно, кем-то из солдат срочной службы после извлечения из него содержимого у нашего тира.

К сожалению, при нашем запросе в МВД на право производства серии из 10 СЗС непосредственно заводом ЦПК, нам пришел ответ, тактично запрещающий производство этого вида оружия на нашей базе. Фактически, нам просто напомнили уже известное нам положение, которое разрешает такое изготовление только специальным предприятиям.

Опытный образец СЗС долгое время находился у меня дома (в разобранном виде), правда, без разрешения на него: уж очень мне не хотелось с ним расставаться: ведь все-таки мое это “детище”, пусть хоть и крохотное...

А ДОЖДЬ СМЫВАЕТ ВСЕ СЛЕДЫ...

Караульная служба в ЦПК км. Ю. Гагарина немногочисленна: всего несколько постов, из которых лишь один круглосуточный - это пост № 1, у знамени. Остальные, как правило, двухсменные. Это охрана складов, технического и тренажного комплексов, и трехсменными они бывают лишь в выходные и праздничные дни, в один из которых и случилась эта история.

Получилось так, что в наше с Анатолием Евущенко дежурство по ЦПК начальником караула был назначен лейтенант, совершенно гражданский человек, только что призванный в офицерский корпус и не имевший никакого представления о караульной службе. Конечно, он прошел “курс молодого командира”, его здесь, у нас, кое-как приобщили к уставам и проинструктировали. Но теория - это одно, а практика - совершенно другое дело. И, гудя по всему, наш новенький начкар был совершенно ошарашен выпавшей на его долю ролью.

Идет развод караула и внутреннего наряда.. Потратив пять минут на проверку готовности всех наших видов дежурных и дневальных, я подхожу к Анатолию, инструктирующему и проверяющему новый состав караула на разводе. Замечаю, что все без исключения караульные смеются, скрывая улыбки и усмешки. На беднягу начкара жалко смотреть. Он путается

в терминах, называя автомат Калашникова ружьем, караульных - красноармейцами и в конце концов договаривается до того что просит дежурного по части Анатолия Евгущенко разрешить ему звонить по любому неясному вопросу своей караульной службы...

В связи с этим "событием" время развода затягивается до часа! Это - вместо каких-то двадцати минут! Наконец под звуки духового оркестра все подразделения, участвующие в разводе, покидают плац и направляются к местам несения службы, то есть суточного наряда.

Оказавшись в штабной комнате дежурного по Центру, мы с Евтушенко начинаем приемку оружия, документов и имущества от своих предшественников. Вот тут-то и началось! Телефонный звонок:

- Товарищ подполковник! Это начальник караула! Я проверил комнату для отдыха. Все в порядке!

- Хорошо! Продолжайте. Анатолий даже несколько доволен такой щепетильностью доклада молодого начкара.

И мой товарищ по дежурству начинает считать пистолеты:

- ...Девять, десять, одиннадцать...

Счет прерывается телефонным звонком:

- Это начальник караула! Я проверил караульное помещение полностью! Замечание - одно: очень грязная урна для мусора!

- Прикажите свободной смене караула почистить... Ну, и действуйте дальше!

Евгущенко не успевает подсчитать даже первую сотню пистолетов, (а у нас их более трехсот!) как его вновь отвлекает звонок начкара:

- Я построил первую смену для следования на посты! Разрешите заряжать!

- Разрешаю! Контролируй!

Я давно уже принял всю документацию, телефонограммы, информацию по ВЧ, а Толя только что добрался до второй сотни пистолетов Макарова, и тут - звонок:

- Это начальник караула! Я повернул смену направо!

- Куда? Куда? - Не сразу понимает Евгущенко. А-а! - доходит, наконец, до Анатолия, - вперед!

- Куда? - теперь спрашивает начкар.

- На-по-с-т-ы!

Евгущенко никак не может закончить подсчет оружия и начинает немного сердиться:

- Ну, и попался же на нашу голову чудачок!

Наконец-то дежурство принимается нами, и Евтушенко уходит на доклад к командиру.

Через пять минут он возвращается, тут-звонок:

- Это начальник караула! Мы вернулись! Разрешите разряжать!

- Да разряжай!

Дальше - больше!

- Разрешите отдыхающей смене караульных отдыхать!
- Разрешите сделать уборку караульного помещения!
- Разрешите...!
- Разрешите...!
- Разрешите...!

Бедный Евгущенко хватается за голову! “Что же делать с этим...?”.

- Скажи же ему, чтобы все решал сам!
- Не могу... - Голос Анатолия прерывается. - Я же обещал ему помогать...

Он совсем зеленый еще! Мало ли, что может натворить!

Я поддерживаю эту мысль кивком, а сам, не торопясь, выхожу в пустой коридор штаба и, взяв трубку стоящего здесь телефона, набираю номер дежурного по Центру.

- Дежурный по Центру Подготовки космонавтов подполковник Евгущенко слушает!

- Это говорит начальник караула! - говорю я, несколько изменив голос.
- Слушаю вас! Что там у вас?
- Вы знаете, товарищ подполковник, тут такое дело случилось...
- Какое еще “дело”?

- В караул пришел какой-то прапорщик и, собрав весь состав караула, увел его в Дом культуры на просмотр западногерманского фильма “А дождь смывает все следы”.

- Какой прапорщик? Какие с-л-е-д-ы? Ты что!
- Немецкие... - бормочу я в трубку, - германские...
- Вернуть! Немедленно вернуть! Слышишь, ты, болван! Немедленно, вернуть и...

Я кладу трубку и медленно возвращаюсь в комнату дежурного. Передо мной с молчащей трубкой в руках сидит Евгущенко и испуганно смотрит на вошедшего своего помощника. Потом тихонько так просительным тоном произносит:

- Пожалуйста, сходи в Дом культуры, приведи караул обратно. Этот дуралей-начкар всех своих караульных отпустил в кино с каким-то прапорщиком! На “Следы...” Идиот!

- ???

- Стой! Я сам! Я быстро! Нас же за такое уволят из армии! Без пенсии! Ну, идиот! Что натворил, а? Я бегу!

Я еле удерживаю Анатолия за плечи:

- Прости! Это я пошутил. Ну, сиди, сиди! Я пошутил! Евгущенко с облегчением валится на стул:

- Тьфу! А я-то, дурак, поверил во всю эту галиматью!

... Идет время. Иногда при встрече с Анатолием я предлагаю ему сходить вместе на просмотр фильма “А дождь смывает все следы”. Он настороженно оглядывается, и, убедившись, что у него за спиной нет упомянутого начальника караула, улыбаясь, дает свое согласие...

НЕ СМЕТЬ!

Вдвоем с Володей Московцом, завершив переход Азовского моря на тримаране "Таис-3", стали на якорь в бухточке яхт-клуба Бердянского нефтемаслозавода.

Переночевав у Володи и позавтракав, я отправился в заводоуправление на заранее назначенную встречу с одним из руководителей этого предприятия В.А.Смолянским. Этого человека я знал уже не один год. Владимир Алексеевич всегда поддерживал любые наши морские планы и начинания, помогая одновременно нам в проведении исследований и испытаний, связанных с тематикой ЦПК имени Ю. Гагарина.

После встречи со Смолянским у меня был впереди целый день, ибо мой поезд отправлялся вечером, и поскольку в течение двух недель мы вдоволь нагляделись на пенистые гребни волн, то вряд ли кто мог упрекнуть меня за желание поглазеть на киноэкран, тем более, что во всех городских кинотеатрах шли новые фильмы.

...“Холодное лето 1953 года”. Судьбы героев Приёмыхова и Папанова вряд ли могут оставить зрителей равнодушными и тем не менее...

В первых рядах зала расположилась группка девчонок лет по 18-20. Все они были в спортивных костюмах и, абсолютно не считаясь с сидящими в зале зрителями, нарушали постоянно тишину кинозала с демонстрирующимся фильмом громкими выкриками и воем. Не скажу, были ли они навеселе (все-таки 11.00 утра рановато для такого “дела” даже опытным алконавтам), но по их репликам можно было судить, что эта группа - участницы областных соревнований по дзюдо.

Зрители неоднократно просили этих “борцовщиц-дзюдоисток” умерить тональность и громкость их разговоров, но те, притихнув на секунду, продолжали громко обсуждать свои проблемы. Меня и этих громкоговорящих особ разделяло 15 рядов, что вообще-то удерживало меня от того, чтобы наорать на них как следует, к тому же вызванный в зал работник кинотеатра на время “упросил” девок остепениться и не мешать другим смотреть фильм.

После фильма я успел побывать на Бердянской Косе, названной в свое время древними греками Агарским Мысом. Это было одно из моих любимых мест в Бердянске. Здесь мы часто отдыхали хотя бы неделю со всей семьей, встречаясь со своими многочисленными знакомыми и друзьями. К тому же я не помню случая, чтобы с Агарского Мыса находящийся здесь человек не увидел бы хотя бы одного паруса! А порой их были десятки, бесшумно несущиеся к далекой в солнечных бликах туманной линии горизонта.

На вокзале я был за час до отправления московского поезда. Находившись за день, я притулился на одной из перронных скамеек, заметив показания вокзального термометра: + 27°С, что здесь считалось даже “прохладцей” в сравнении с дневной температурой, зашкаливавшей за + 36°С.

...Достав блокнот, начинаю заносить в него впечатления о плавании нашем с Володей Московцом, чтобы уже дома все это перенести в свой дневник. Вокруг тишина. Людей - ни души! В такой покой на перроне железнодорожного вокзала трудно было поверить. Я уже закончил свои записи, когда, позванивая буферами и сцепками, к перрону стал приближаться подаваемый московский состав. И тут с привокзальной площади на перрон вваливается толпа тех самых девок-дзюдоисток, с которыми у зрителей кинотеатра в свое время был конфликт из-за бестактного поведения этих девиц.

А сейчас... Все они (человек пятнадцать) были в состоянии значительного подпития! Трудно было понять, то ли ими отмечались свои спортивные успехи, то ли какие-то свои дни рождения, а может быть, и то, и другое вместе, но вели они себя, мягко выражаясь, безобразно! Усевшись на стоящую рядом с моей скамьей, эта толпа бурно и громогласно обсуждала, перебивая друг друга, перипетия своих выступлений, при этом половина слов заменялась отборнейшей матерщиной! Трудно было поверить, что все это исходит из уст молодых представительниц "прекрасного пола".

Перрон заполнялся людьми. Все они до объявления посадки стараются держаться подалеже от скамейки с девицами. Вообще-то я уже собирался "зарычать" на эту неуправляемую "команду", но в этот момент рядом с нами оказывается седой сухонький, небольшого роста старик, ведущий за ручку девчущку 3-4 лет, вероятно, свою внучку. По своему внешнему виду и опрятной одежде этот человек напоминал скорее всего учителя или инженерно-технического работника, одним словом, человека интеллигентного и прекрасно воспитанного.

Проходя мимо орущих нецензурщину дур, этот человек абсолютно спокойным голосом делает им замечание о недопустимости подобного поведения, тем более в общественном месте и тем более с применением нецензурных выражений. И тут одна из "дам", сделав шаг к старику со словами "Заткнись, "одуванчик!" наносит ему сильнейший удар ногой в пах!

Я успел лишь слететь со скамьи на помощь старику, но тут происходит такое, что заставляет раскрыть рот от удивления всех свидетелей этой сцены: старик в одно мгновение укладывает ударившую его "даму" на асфальт перрона и, наступив своей ступней на ее глотку, спокойно говорит:

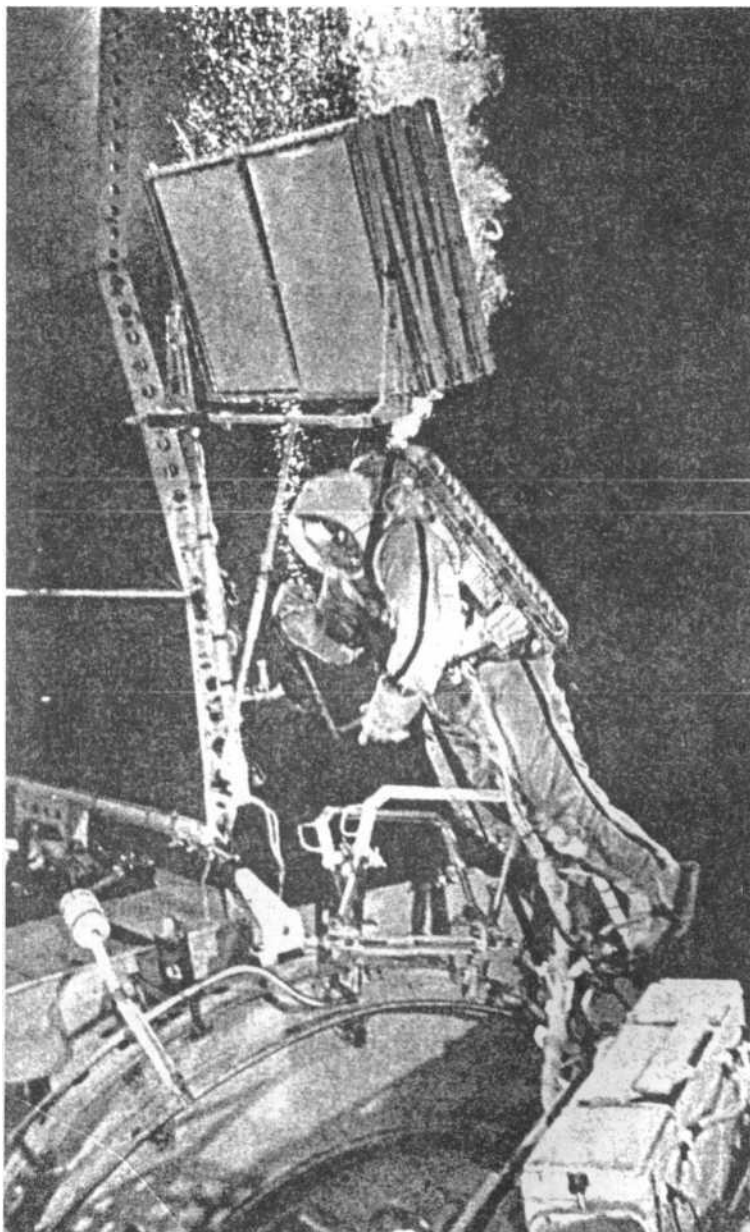
- Не смей. И не ругаться. Пожалуйста.

Оставляя лежащую на асфальте и хрипящую девку-самбистку, старик берет свою внучку за руку и удаляется к своему вагону...

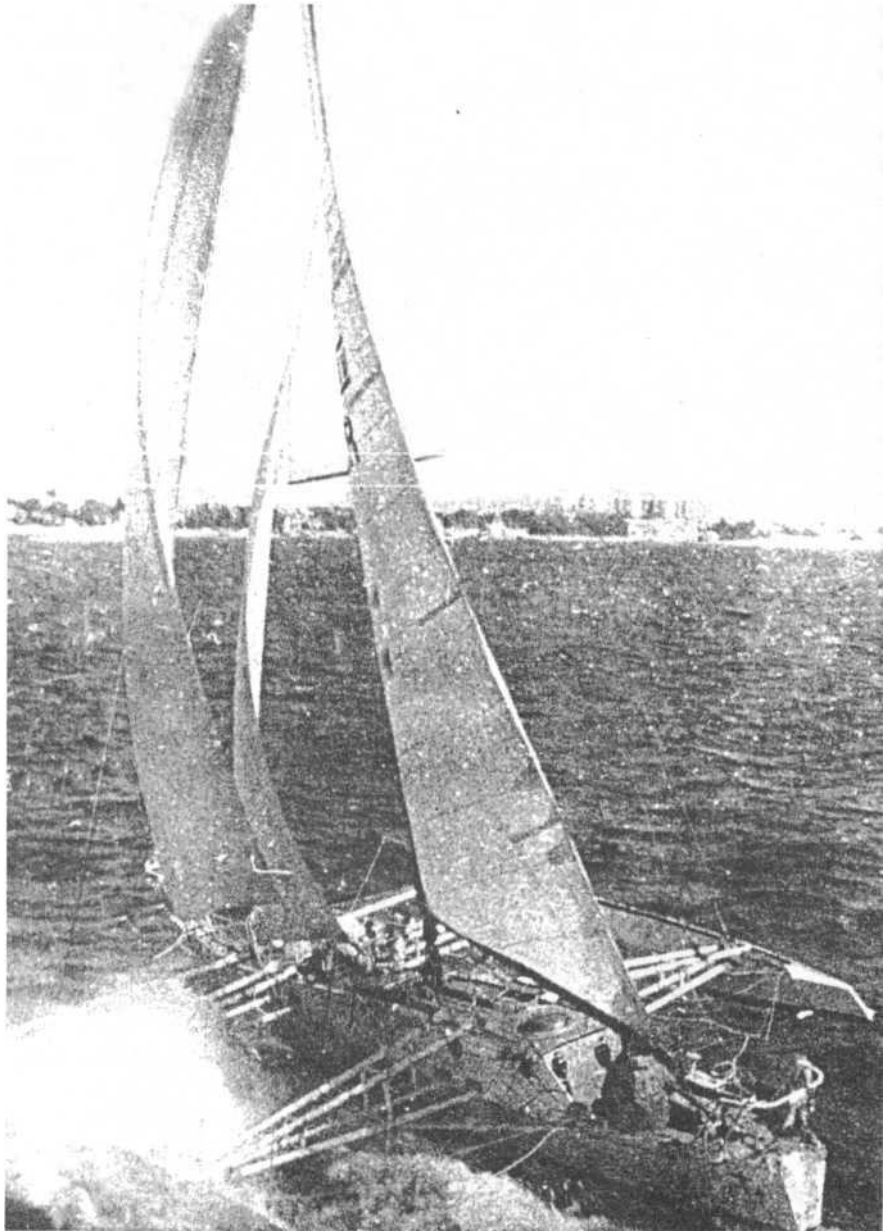
Все это произошло настолько стремительно, что многие свидетели происшедшего успели лишь раскрыть рты от удивления и стояли, пораженные увиденным действием...

И только одна пожилая женщина, окинув презрительным взглядом немую толпу пьяных "дзюдоисток", процедила сквозь зубы:

- Ну, что? Схлопотала, дура. Так бы всех вас...

К.Ветер в гидроневесомости. Доставка и монтаж одним человеком комплекта солнечных батарей на орбитальные станции...

Тримаран «Таис-3»

После перехода на яхте «Таис-2» с «Чехом» в Керчь и обратно. К.Ветер, А.Лажно, А.Чеховской (слева-направо)

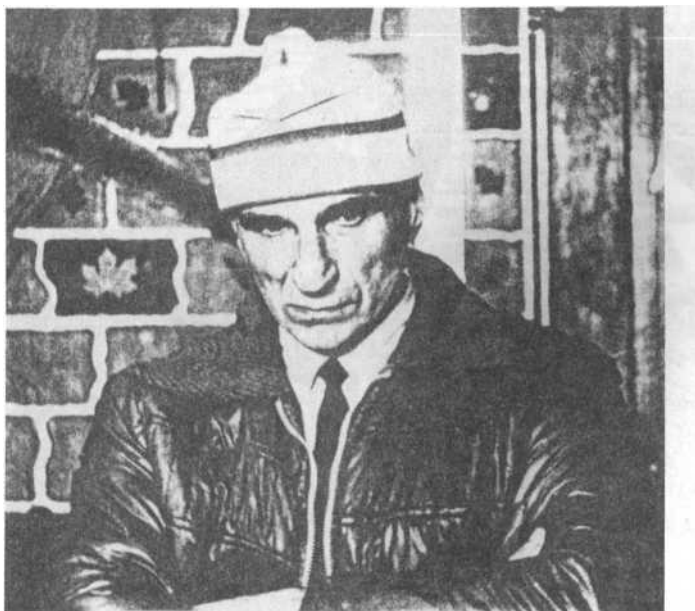
К.Ветер. Подготовка к киносъёмке в свободном падении

К.Ветер, В.Касатиков перед погружением на глубину

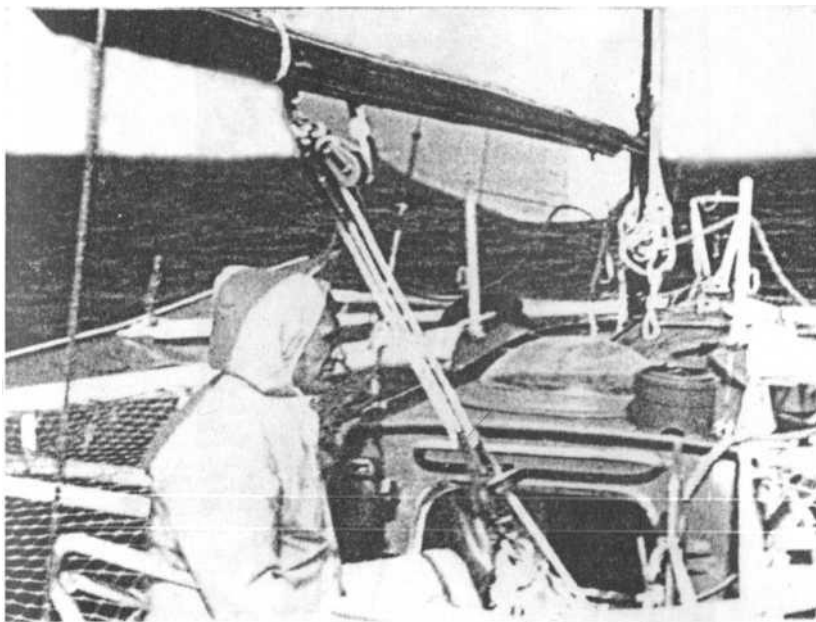
Лукиянов Артур - матрос пентамарана «Гелиос»

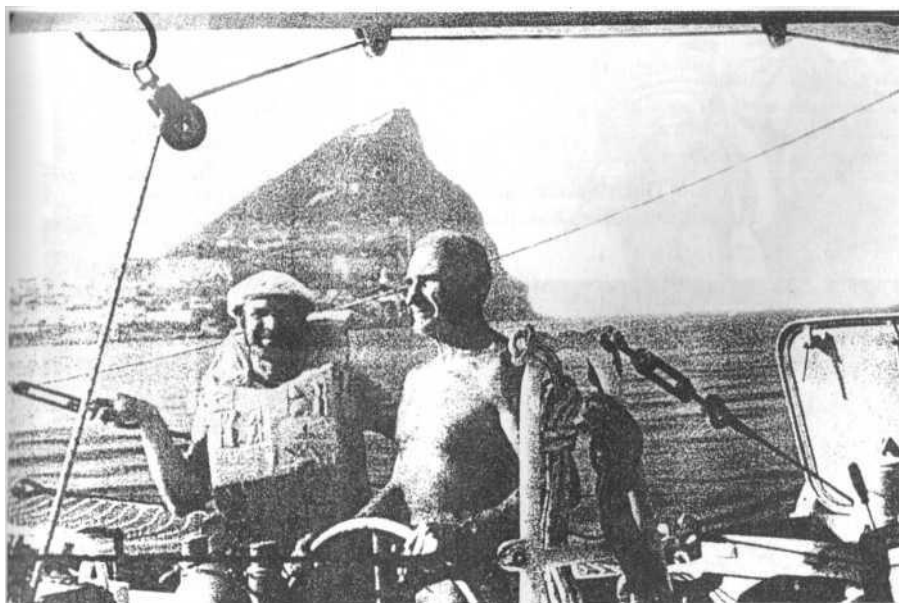
К.Ветер. Перед походом в Атлантический океан (плавание на Кубу) на тримаране «Таис-3»

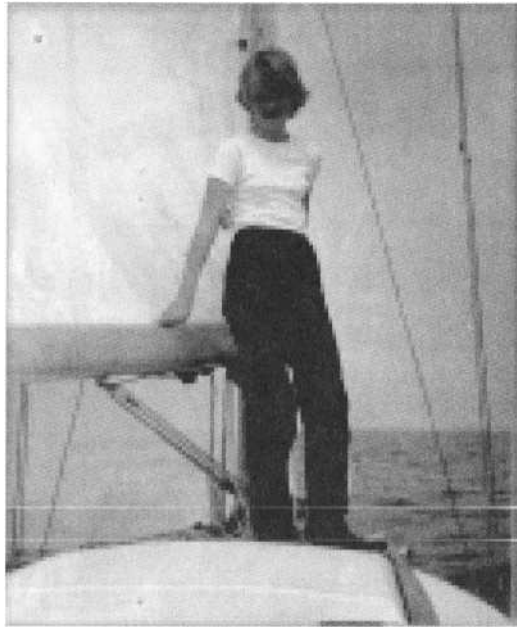
Одиночный переход К.Ветра на «Таис-3»: Одесса-Ильичёвск-Гибралтар-Лас-Пальмас -Куба

К.Ветер. Тримаран «Таис-3». Атлантический океан

Проход пролива Гибралтар. Е. Лебедев, К. Ветер

Таня Протченко - матрос яхты «Скиф»

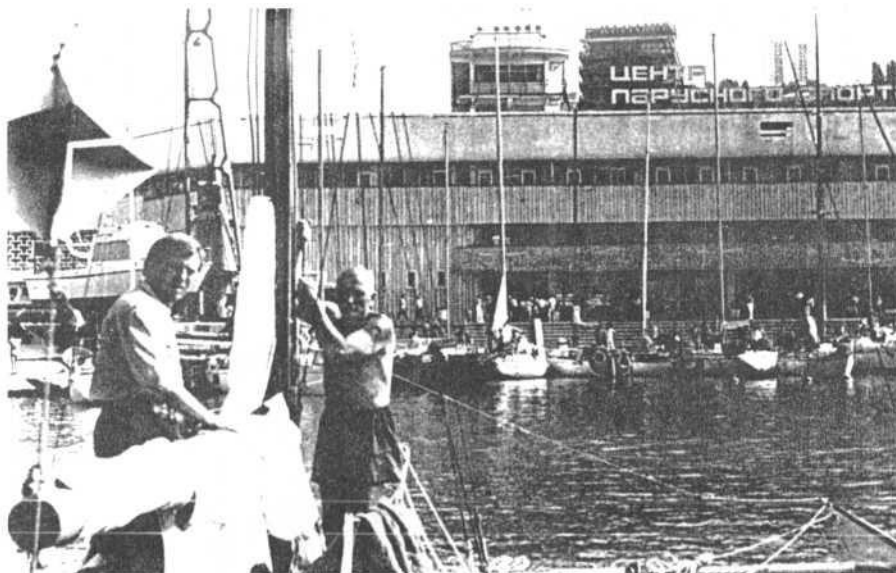
Таня Протченко. 1987 год.
Плавание через Азовское море

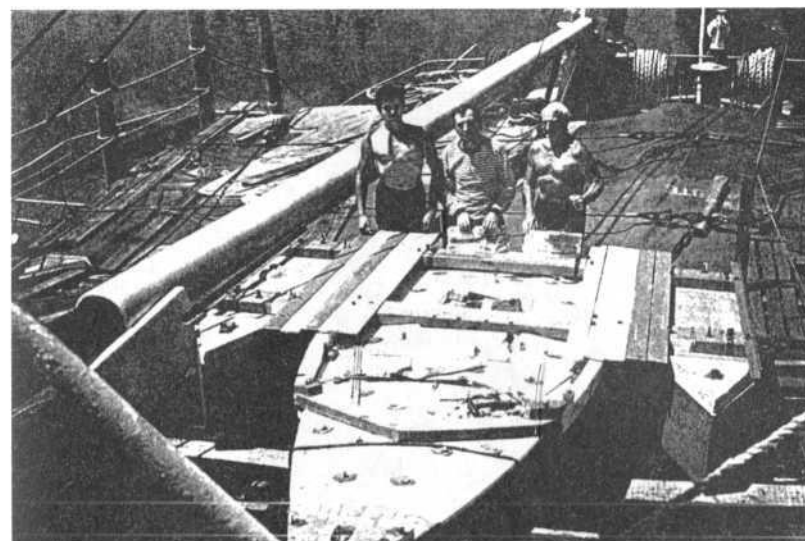
Перед стартом из Бердянска в Керчь
и обратно. Таню Протченко провожают
подруги-яхтсменки

Ребята из яхт-клуба Звёздного городка с Константином Ветром

Владимир Московец (слева) и Константин Ветер (капитан) участники соревнований на кубок Чёрного моря

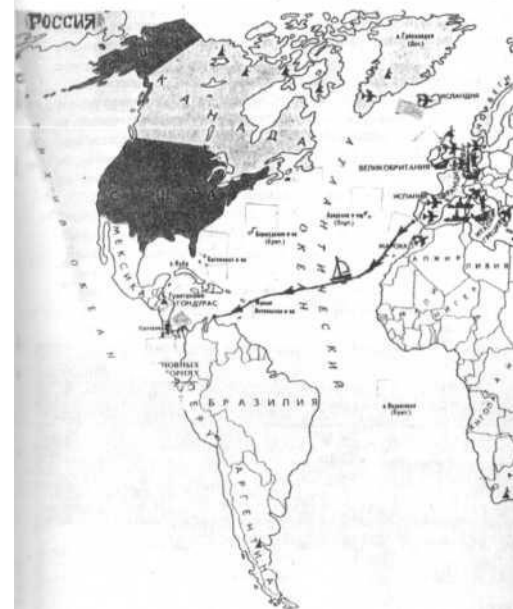
На старте через Атлантику (Кадис-Колумбия)

Колька на Марсе (мечта)

Колька. Каратэ. Перед спаррингом

Карта перехода из Европы в Америку

Лучший «агент ФБР». Лос-Анжелес

Танковый музей Паттона в пустыне (США). Колька с дедом

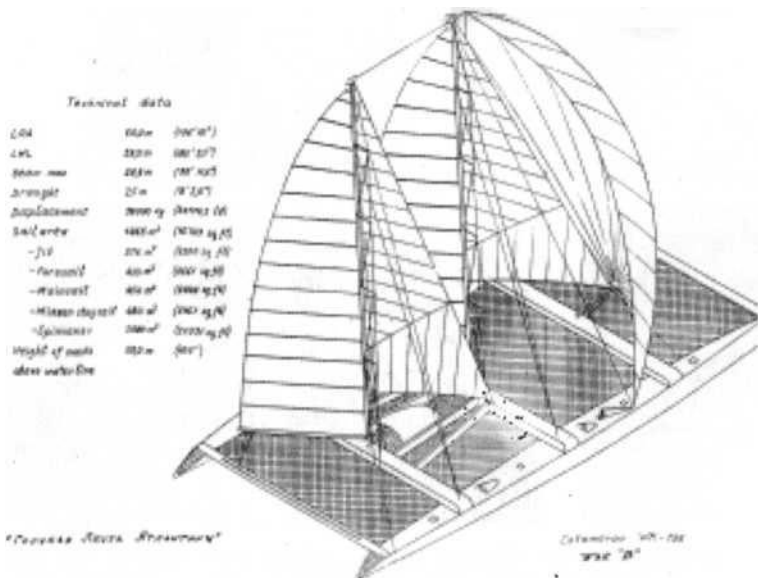
Маша Лесневская

К рассказу «Девушник». Елена Мороз, Анна Голобородько, Надежда Ольчева,
Марина Глазкова, Анастасия Ольчева

Купюра в миллион долларов

Проект катамарана «Голубая Лента Атлантики»

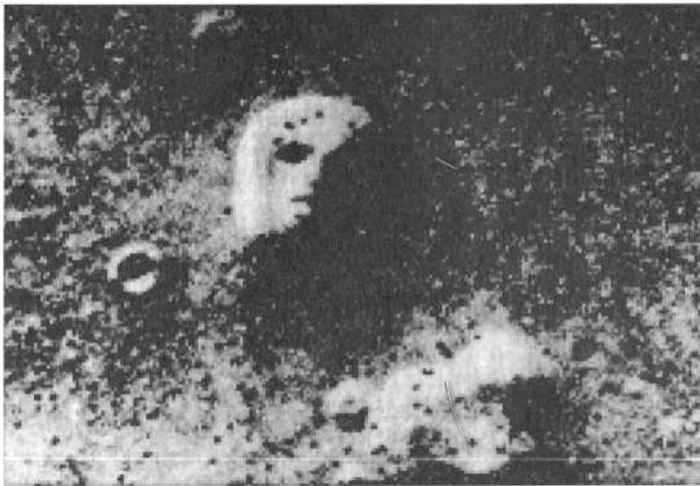

Фото с американского спутника (1979 г.), запечатлевшего на поверхности Марса изображение скалы, внешне напоминающей человеческое лицо

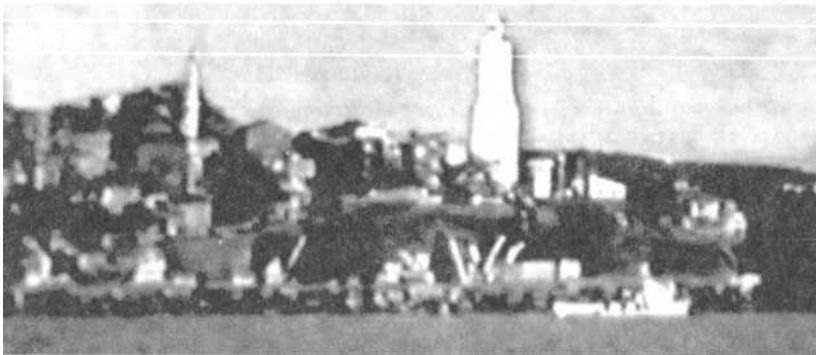
ИВА-2 в процессе изготовления

Внучка Катя

Конверт с изображением
Аэлиты. Такой
представляла её моя
старшая дочка Оля.
1974 г.

К рассказу «Румели». Маяк Румели

К рассказу «Гришка»

КВАРТЕТ

Парусный тримаран "Таис-3" был уникальной яхтой. По моей просьбе он был создан по проекту профессора Ю.С.Крючкова на судостроительном заводе в Приморском (Феодосия). Его сделали для моего участия в Трансатлантической гонке яхтсменов-одиночек, проводимой Английским Королевским яхт-клубом по Олимпийским городам, т. е. раз в четыре года. Но первый заместитель Главкома ВВС обиделся, что не он был приглашен Королевой Англии и запретил мне участие в этом престижном старте.

При водоизмещении всего в полторы тонны тримаран развивал скорость до двадцати узлов (почти 40 км/час) при средней скорости 15-18 узлов. На этой яхте мне удалось в условиях ночного 9-бального шторма в День Космонавтики 12 апреля пересечь Азовское море из Бердянска в Керчь всего за 6 часов! А это - 100 миль.

На большом Кубке Черного моря экипаж "Таис-3", состоящий всего из трех человек, сумел опередить многие десятки крупных и скоростных парусников на этапе Поти - Евпатория (420 миль).

Многие тысячи миль, в том числе и Атлантических остались за кормой этой маленькой трехкорпусной яхты. И ни разу она не подвела меня.

Но сейчас мне бы хотелось рассказать об одном случае, произошедшем со мной в одиночном плавании на Черном море. Это довольно поучительная история, и на нее стоит обратить внимание всех, кто так или иначе связан с яхтенными переходами.

Однажды после недельного пребывания в Батуми, куда я на "Таис-3" пришел из Бердянска, я должен был стартовать в Одессу. Одиночное плавание под парусом - великое дело для души! Хотя опасность и стресс преследуют тебя ежеминутно, но есть что-то светлое, очищающее в беге волн за кормой и в бесконечном звездном просторе, раскинувшемся у тебя над головой. Мне удалось установить количественное воздействие стресса на человека-оператора в одиночных морских переходах под парусом. Например, мой коэффициент надежности выглядит следующим образом: фоновой - 1,0; при погружениях с аквалангом - 0,92 при выполнении сложных парашютных прыжков с задержкой раскрытия парашюта до 70 секунд - 0,57 ч 0,56. А при выполнении одиночного яхтенного перехода в Атлантике мой коэффициент снижался до очень низких своих значений, достигая порой 0,14 ч 0,18. Вот и прикиньте, где человеку страшнее? Но вернемся к рассказу.

...В четыре часа дня меня попросили прийти к начальнику пограничного района Батуми. Прихожу. Мне доводится оперативная информация: между Поти и Батуми группа уголовников в составе четырех человек (трое мужчин и женщина) тяжело ранила владельца большого прогулочного катера и двух членов его экипажа, после чего, захватив катер, преступники скрылись в сторону Турции. Перехватить их не удалось. Меня просто предупредили о факте и просили быть осторожным в море.

В 22 часа этих же суток, получив разрешение на отдых, я стартую из Батуми в Одессу.

Постепенно уходят за корму огни Батумского порта, а еще через пару часов лишь зарево над морем указывает направление на скрытый горизонтом город. Слева один за другим открываются маяки турецкого побережья. Авторулевой ведет тримаран в автоматическом режиме...

Просыпаюсь от ярких лучей солнца, падающих через иллюминаторы в рубку. На часах 10 утра. Слева хорошо просматривается гористый берег Турции, хотя до него целых тридцати миль. Погода - прелесть: слабый попутный ветер, на небе ни облачка, видимость прекрасная! Впереди - сказочная панорама неба и моря. Готовлю кофе. Пока закипает вода, я успеваю осмотреть паруса, рангоут и такелаж. Все в полном порядке. Я достаю из шкафчика сахар и галеты, и тут неожиданно до меня доносится звук человеческого голоса...

Может, показалось? Прислушиваюсь. Точно: явственно слышу крик человека. Выглядываю из рубки и становлюсь свидетелем необычайной картины. Примерно в кабельтове от меня по правому борту на волнах раскачивается огромный скоростной катер с двумя подвесными моторами "Вольво-Пента". На палубе катера стоит размахивающий руками человек. Он пытается что-то сказать, но его речь срывается на визг:

- А-а-а-с-ю-ю-ю-д-а-а!!!

"Наверно рыбак, - думаю я, - занесло беднягу, а движки отказали, надо подойти. А может и со здоровьем что случилось..." - В море-то все может быть. Тут-то идти нечего, минуточку. Подхожу. Ну, и катерище! Длина метров пятнадцать! Низкий скоростной корпус. Никаких сетей не видно. Удочек - тоже.

Левый аутригер тримарана касается пластиковых кранцев на борту катера, в носовой части которого красуется название катера: "Сирена".

А тем временем происходит совершенно непредвиденное. "Терпящий бедствие" мужик хватается за переднюю ванту тримарана и...

- Вот ты попался, козел! Ну, прыгай! Прыгай! Нам нужна твоя посудина, а не ты!

И тут из рубки появляются еще двое "брюнетов" с пышной крашенной блондинкой, на которой я не вижу даже бюстгальтера. У всей троицы сильного пола в кулаках появляются стальные прутья...

- Ты что. Глухой? - орет мне один из них, - прыгай и плыви к берегу! Ну! Или что? "Опустить" тебя - это мы сейчас!

Двое перепрыгивают на палубу тримарана и, спотыкаясь, идут ко мне. Третий держит яхту за ванту, прижимая ее к катеру.

- А вы весёлые люди! - говорю я, улыбаясь, - жаль что придётся вас огорчить!

- Ты уж труп! Прыгай, пока не...

Он не успевает договорить, потому что, за секунды этого бреда я успеваю опустить руку в рубку, расстегнуть находящийся у люка чехол с АК, снять предохранитель, перевернуть затвор и сунуть ствол под нос первому, подходящему ко мне бандиту!

Неожиданное появление оружия буквально шокирует нападавших! Они замирают на месте, открыв рты, наполненные невысказанным матом.

- В воду! Все в воду! Считаю до трех! Раз!..

И бью очередь в борт катера! Во все стороны разлетаются куски пластмасс, где-то внутри пули ударяют в металл, издавая сильный пугающий звон...

Бандитов словно ветром сдуло с моей палубы в море, куда свалился и тот, кто держал тримаран за ванту.

- Ты - туда же! - Это я бабе-блондинке.

-...Чи-чи-час! - она плюхается за борт катера, поднимая фонтан брызг и продолжая выть на плаву.

Я навожу автомат на мужиков.

- Все... в по-ря-дке, шеф...

Они отплывают от катера на десяток метров, и я вижу их искаженные страхом лица. Жалкая трусливая мразь!

Привожу тримаран на свой курс. По КВ-р/с запрашиваю Кавказский пограничный округ. Сообщаю ситуацию и координаты.

Через два часа уже на горизонте я вижу, как к катеру стремительно приближается пограничный "Гриф".

АГЕНТ

Наш коллега Виталий Шорин считался дисциплинированным офицером и отличным семьянином. И серьезность во всем. В большом и малом. Месяцами мы не видели на его лице улыбки. Рассказывают отличный анекдот. Все хохочут, а Виталий... Зевает! Никакой реакции, сплошная флегма!

Все наши попытки рассмешить и вызвать хотя бы улыбку у этого человека ни к чему не приводили. На наши действия он лишь пожимал плечами...

Близилось первое апреля, Всемирный День дурака, и тут нам пришла мысль, реализовать которую, в обычный день, мог только экстрасенс... Но День дураков - день совсем не ординарный, а потому мы запросто обошлись своими силами, без помощи всяких там "кашпировских".

Виталий на работе. Не дождавшись супруга и не удержав в рамках приличия свое любопытство, конверт вскрывает (очаровательная супруга Виталия - Валентина). Содержание конверта буквально поражает красавицу-блондинку, ибо на фирменном листе с водяными знаками она видит следующее:

“Москва, Лубянская площадь, ФСБ
Исх № 227/881 от 1 апреля 199 г.
Майору ВВС Шорину В.А.
141160, М. о., Звездный городок, 41-17.

Виталий Аскольдович!

Нам стало известно, что Вы, в обход постановления Правительств РФ “О запрете сотрудничества офицеров М.о. с разведками иностранных государств” опубликовали в Израиле и США свою книгу “Я был агентом Моссад”, получив за это от секретных служб этих стран 123.000. американских долларов, что недопустимо: во-первых, вы не уплатили налоговою пошлину в сумме 24.561 долл., а во-вторых, вы - офицер, скрыли свою причастность в службе израильской разведки.

В связи с изложенным, прошу Вас прибыть в 10.00. 2 апреля с. г. с вещами по адресу: Лубянка, 1, к полковнику Петренко Р.Р., телефоны: 22-73-91 и 222-83-77.

В случае неявки Вы будете доставлены с вещами к нам принудительно.

Приложение: Фото титульного листа Вашей книги “Я был агентом Моссад”, на 1 листе.

Заместитель

Начальника Управления ФСБ

Подпись

генерал-майор Н. Филимонов”.

Зинаида с интересом разглядывает лист “Приложения”: ее благоверный в окружении обнаженных красавиц Тель-Аива и каких-то подозрительных типов с автоматами “УЗИ” наизготовку, а под всем этим крупной вязью название книги “Я был агентом Моссад”. С четкой фамилией автора: “Виталий Шорин”!

“Ну, и жизнь пошла! Собственного мужа не знаешь”, - сокрушается Зинаида, - “Не мог мне сказать! А может у него там семейка имеется?” И тут происходит такое, что мы никак не предполагали: Зина с нашим посланием бежит к заместителю начальника ЦПК и просит генерала... не наказывать мужа, и даже - наоборот - защитить его от “похода” на Лубянку с... вещами.

Генерал читает письмо. Все как будто серьезно. И этот человек в присутствии Зинаиды решается позвонить по одному из приведенных в письме телефонов, полковнику Петренко.

- Алло! - томно отвечает ему трубка. - Петренко? Минуточку! Люся, это тебя!

- Люся? - удивляется генерал.

- Пожалуйста - Людмила, если вам это больше нравится,- изрекает трубка, - назовите свой адрес - имя, фамилию и... Что это? Это кабинет секс-массажа по вызову! Что вы желаете...

Генерал бросил трубку:

-Вы что мне принесли?

- Письмо мужу.

- А какая сегодня дата? Число какое?

- Первое апреля...

«

Сердитый генерал - опасный человек! Надо же! Чуть не заказал себе девочек на дом!

Узнав о походе своей жены, Шорин, говорят, смеялся в течение часа! И очень просил свою группу больше не читать адресованных ему писем в его отсутствие.

После этого случая Шорин стал улыбаться, даже смеяться, если, конечно, услышанный им анекдот был достойным этого.

БАНДА

В тот день я заступал дежурным по Центру Подготовки Космонавтов, а потому пришел в штаб за 40 минут до развода караула и суточного наряда для получения оружия. Менял я в этом наряде своего хорошего знакомого и ровесника Петра Федотова.

Небольшого роста, коренастый полковник, Петр на мой вопрос о прошедшем его суточном дежурстве ответил мне с большой долей избыточного оптимизма, свойственного человеку, благополучно завершающему свою суточную службу:

- А у меня все хорошо проходит! Всегда! Понимаешь? Не то, что у некоторых! Еще не было случая у меня, как дежурного, чтобы я получил ну хоть бы мизерное замечание от командования за свое несение суточного наряда!

- Так уж, и никогда? - Усомнился я, втискивая свой "Макаров" в кобуру. - Вообще-то тебе, Петя, надо воздержаться от таких "заявлений", теория вероятностей - наука серьезная: сто раз - норма, а на 101 схлопочешь по шее!

- Не-е-е! Со мной такое? Да ни в жизнь!!

Покидаю комнату дежурного и, уже прикрыв ее дверь, случайно упираюсь взглядом в высоченную медную скульптуру Первого Космонавта, стоящую на ковре штабного вестибюля. «Ну, думаю, Петя, значит, с тобой никогда ничего не происходит на дежурстве? Ну, хвастунишка! Погоди!».

Вестибюль штаба пуст, вокруг ни души. Быстро подхватываю скульптуру и хотя и с трудом, перетаскиваю ее в самый дальний конец штабного коридора, осторожно опуская её у стены. Первый Космонавт уверенно занимает свою новую позицию с по-прежнему высоко поднятой рукой... Незаметно покидаю штаб, направляясь к плацу, на котором меня уже ждут мой помощник и четко выстроенный караул...

Проходит чуть более получаса. Мы с помощником, не спеша, возвращаемся в штаб для приема дежурства у своих предшественников. Ого! Скульптура Первого Космонавта стоит... на своем прежнем месте! Не выдав своего удивления, я, как ни в чем не бывало, вхожу в комнату дежурного.

У Петра, молча сидящего за столом, явно растерянный и какой-то испуганный вид, что явно контрастирует с поведением похотывающего Петинного помощника.

- Что случилось, Петр?

Но Федотов молчит, и я замечаю, что у него дрожит правая рука с зажатой в пальцах ручкой. Потом прорывается:

- Да тут такое произошло! Врагу не пожелаешь! Пусть лучше мой помощник тебе расскажет!

...С моим уходом на развод Петр, потирая руки в предвкушении скорой и желанной смены своего дежурства, выходит в вестибюль штаба и ...не видит перед собой столь заметную и примелькавшуюся всем в штабе фигуру Первого Космонавта!

- Эй! Эй! - зовет Федотов своего помощника, - или у меня что-то с глазами? Или...

Высочивший на призыв своего дежурного, помощник обалдевает не менее самого Петра: тяжеленная медная скульптура Первого Космонавта... исчезла...

И начались поиски! А точнее - бестолковая суета с бегом по всем этажам, и почему-то начиная с третьего! Ни к каким результатам это не привело:

- И черт дернул же меня похвастать Ветру о всех моих счастливых дежурствах! Все! Капут мне! Это надо же! Украли, увели из-под носа! Все продумали! Это целая банда! Один тут бы и не справился! И как только вынесли? Расслабились мы! Что скажу теперь командиру?

И тут случайно помощник замечает в дальнем коридорном сумраке поднятую руку Первого Космонавта!

- Петь! Да вот он! Там! Смотри!

- Где? А как он туда добрался? Ой-ой-ой!

Через несколько секунд оба они были уже у скульптуры. Но сдвинуть, тем более - поднять скульптуру им не удается! Все-таки наверно под центнер, особенно опорная плита. Ребята вызывают себе на помощь еще двух помощников из соседней аудитории и перетаскивают "изделие" на место его постоянной "дислокации".

С той поры мнение о банде, промышлявшей похищением редких скульптур на космические сюжеты, и не успевшей унести первого Космонавта, с подачи Федотова еще долго бытовало в Звездном городке. Кое-кто из нашего руководства предложил все имеющиеся в городке скульптуры, в том числе и известный памятник Юрию Гагарину, обнести решеткой с контрольно-следовой полосой. Но умные люди все-таки не допустили этакой крайности. Потому-то не только жители и специалисты ЦПК, но все гости могут спокойно подходить к любому памятнику, не опасаясь поранить себя острым ограждением или, тем более, получить удар электрическим током спиралью Бруно, ограждающей все имеющиеся в городке скульптуры...

ДВЕ ВСТРЕЧИ

...От неожиданности вздрагиваю: передо мной в густой синеве морской глубины возникает обтекаемый форштевень субмарины. Она медленно проползает мимо застывшего на месте аквалангиста и скрывается в таинственном сумраке. Так и “переехать” могут! Надо же: был бы установлен рекорд Гиннеса - человека под водой “переехала” субмарина! Такого еще, пожалуй, не было.

Мое путешествие по Крымскому побережью на “VELO” подходило к концу в живописном уголке недалеко от входа в Балаклавскую бухту. Разрешение на посещение этих мест у меня имелось, и получил я его от самого главного пограничного начальника - генерала Матросова. Без малого два десятка лет он разрешал мне совершать все мои яхтенные переходы по Черноморью с правом выхода из наших территориальных вод и, думается, не оставался равнодушным к моим выходам за рубеж через пролив Босфор в мое отпускное время. Этот серьезный и умный генерал не придавал значения многочисленным запретам, позволяя не только мне, но и многим другим яхтсменам прикоснуться к тайнам зарубежных побережий, портов и марин... Вот и на этот раз после своего возвращения из Греции у меня оставалась еще целая неделя отпуска, в которую, оставив парусник в Феодосии, решил я проехаться, крутя педали, от Феодосии до Севастополя. Так я и добрался до Балаклавы, оказавшись на берегу с аквалангом, портативным французским компрессором и ста рублями “на всю оставшуюся жизнь”.

Компрессор “француз” являл собой маленькое чудо техники, позволявшее набивать до 100 атмосфер баллоны моего акваланга всего за “каких-то” три часа непрерывного вращения маховика. И если глубина погружения не превышала тридцати метров, то аккуратно расходуя воздух баллонов, можно было бы спокойно продержаться под водой около часа.

На здешнем шельфе было много интересного, и я уходил далеко от берега, постоянно держась от него в двух сотнях метров. Глубины здесь подходили к самому береговому обрезу, и можно было бесконечно долго смотреть на расстилающийся под тобой фантастически красивый подводный мир, запечатлевая к тому же все наблюдаемое на свою 8-мм кинокамеру “Спорт-2”.

...И вдруг - субмарина! Она явно направлялась в сторону Балаклавы, напоминая собой гигантского кита-горбача своей рубкой и единственным палубным орудием на баке. Повинуясь чувству возможного раскрытия непонятной мне тайны, я, поднявшись до 10 метров, последовал вслед за призраком подводного корабля.

Неожиданно берег стал отвесно уходить под воду, исчезая в темно-синем тумане, и тут далеко внизу я увидел темное на фоне подводных скал правильной формы овальное пятно, в котором каким-то непостижимым образом постепенно исчезала корма субмарины...

В это время тонкий, но очень сильный звук привлек мое внимание. Он вибрировал и явно приближался. Надо мной появились какие-то тени, которые при рассмотрении оказались днищами военных катеров. Через секунду водяное “небо” надо мной всколыхнулось дважды, пропуская через себя две фигуры в черных гидрокостюмах, масках и едва заметными воздушными баллонами на спинах.

Они сразу же направились ко мне, обозначая путь своего следования гирляндами светлых пузырьков выдыхаемого воздуха. При приближении аквалангистов замечаю в их руках специальное 4-х-зарядное боевое оружие для применения в подводных условиях. И тут же один из аквалангистов жестом дает мне понять: “С нами - на поверхность”!

...Погранкатер доставляет нас к месту берега, где мной были оставлены одежда, компрессор и ружье для подводной охоты. Из находящегося со мной термоконтейнера извлекаю свои документы, предъявляя их командиру катера. Он с удивлением рассматривает разрешение от высокого пограничного начальства на мое право находиться днем и ночью в любой точке крымского берега, с аквалангом или без него, на яхте и без нее.

Ребята на катере сразу успокаиваются:

- Мы знали о вас. По вашим всем прошлогодним яхтенным переходам, а вот встретиться пришлось впервые. Чаю хотите, товарищ подполковник?

А кто откажется от кружки горячего чая после пребывания на довольно прохладной глубине?

...Пару часов, сидя на берегу, кручу маховичок своего компрессора, набивая баллоны акваланга свежим морским воздухом, после чего вновь оказываюсь в темно-синем мире Безмолвия, направляясь к...месту загадочного исчезновения субмарины: тайна (любая!) имеет огромную притягательную силу!..

А вот вторая встреча с хранителями наших границ была значительно боевее...Тогда возвращался я из пролива Босфор и, выйдя на мыс Сарыч, лег в короткий дрейф, дабы поспать хотя бы пару часов. От самой Турции погода стояла аховская, шторм не прекращался в течение суток. Дуло во всю, а здесь, под берегом стояла такая тишина, что у меня от нее звенело в ушах а посему желание поспать было просто непреодолимым.

...Просыпаюсь от дикого скрежета. В иллюминаторе своей рубки вижу освещенный вечерним солнцем серый борт пограничного “Грифа” с орущим во все морское горло его командиром:

- Эй! Ты там. Ну-ка, вылезай. Быстро. Быстро. Как попал сюда?

По обращенному к яхте борту “Грифа” уже стоят матросы с баграми, готовые в считанные секунды взять меня на абордаж!

Быстренько надеваю свою военную рубашку с погонами и фуражку с “крабом” Военно-воздушных сил (всегда брал с собой, как и оружие) и стремительно высовываюсь по пояс из своей рубки:

- Ты чего это орешь на все Черное море? Поспать не дал! Коллега, называется!

Мои слова сей тирады обращены, естественно к капитан-лейтенанту, у которого от неожиданности опускается рука с рупором и отвисает челюсть, но затем следует по-военному четкое:

- Простите! Простите! Вы Ветер?
- А разве не видно? Мне что? Предъявить документы?
- Нет! Нет! И нет! Отдыхайте! Прошу извинить!

Ныряю в свою рубку, а катер мгновенно отваливает от яхты, подняв волну и накренив мое суденышко так, что я едва не сваливаюсь с рундука, а в камбузе раздаётся звон падающей на пол моей алюминиевой кружки...

Такие вот были у меня встречи на нашем Черном море и под оным!

ЧЁРНЫЙ СЕНТЯБРЬ

Канун Нового года, его приближение и ожидание доставляют каждому из нас радости больше, нежели сам Праздник. Радует сама предновогодняя суета с приобретением подарков прежде всего. Конечно. Новогодняя Ночь всегда остается необъяснимым чудом вне зависимости от погоды и нашего настроения, все потому, что человек присутствует при каком-то сказочном, необъяснимом переходе через границу самого Времени. Легко сказать - Время! А ведь никто на земле не дал, не дает и никогда не даст определения и объяснения этому столь таинственному и могущественному явлению!

Новый год - особый праздник, его принято встречать только в кругу своей семьи. Правда, после боя курантов, поздравительных слов и пожеланий на будущий год можно и даже желательно пройтись по заснеженной улице, по спящему зимнему лесу и просто помолчать, ибо все приветствие в адрес ваших друзей и знакомых начнется уже завтра, а точнее - сегодня днем.

...Вот сейчас мы с Любкой, нашей младшей дочкой, в час ночи, первой в новом году, выходим на улицу ставшей для нас обязательной новогодней прогулкой по Звездному городку. В эту ночь мы с ней всегда проходим по "малому шоссе" от нашего дома, мимо торгового центра и школы, мимо детского сада и памятника Юрию Гагарину к нашему озеру и спортивному комплексу, и лесу, по одной из тропинок которой возвращаемся домой. Завершив этот новогодний круг, передаю дочку на попечение семьи, то бишь - маме и бабушке, а сам, облачившись в свой маскарадный костюм, отправляюсь в наш Дом Культуры на новогодний бал-маскарад. Замечаю, что наш ДК является таким же украшением Звездного городка, как, скажем, здание центрифуги или гидролаборатории, или возвышавшаяся над крышами некоторых зданий купола астрономических (пусть и миниатюрных) обсерваторий.

В танцевальном зале “яблоку негде упасть” от танцующих пар. Вся публика в маскарадных костюмах и масках. Определить личности танцующих - дело абсолютно бесперспективное, посему на меня тоже не обращает никто внимания: кому может быть интересной фигура в закрытом и длинном черном плаще с таким же капюшоном, да еще в маске! Попробуй, угадай, кто это перед тобой!

Оркестр играет без всяких пауз. Вальсы сменяются рок-эн-ролом, а последний - танго и фокстротами, а те - падекатром или мазуркой.

С приглашением не надо спешить, а то можно сплясать и с мужиком вместо дамы: уж, слишком умело все здесь маскируется! Стоя у стены, осматриваюсь, и тут...

В зал, допуская большую оплошность, без маски входит Саша Сухов в паре с прекрасной замаскированной костюмом и маской своей очаровательной супругой Ларисой. Это надо же! Сделать себя настоящей “лакмусовой бумажкой” в такую ночь и в таком месте! Едва эта пара встраивается в танцующую карусель, как...

К супругам Суховым подходит фигура, полностью закутанная в черный балахон, и маске с узкими прорезями для глаз. Этот черный человек обращается лишь к Ларисе:

- Организация “Черный Сентябрь” приглашает Вас на танец! И не подумайте отказаться! Отказ может стоить жизни, как Вам, так и вашему спутнику, кем бы он ни был!

Из-под своего балахона маска извлекает муляж пистолета с глушителем и водит им перед носом опешившего муженька! Неожиданно Сухов приходит в себя и весь зал слышит его звонкий дискантовый крик:

- Прекратите хулиганство! А то вызову милицию! Милиция!

- А ты не вопи, бледнолицый, - шепчу я на ухо Сухову, - а то твоя милиция и увезет тебя на своем катафалке...

Я отталкиваю Сашку от Ларисы, и мы несемся в танце, при этом шепчу ей на ухо:

- Лар, не бойся, я свой. Ко всему - твой давний поклонник с Ближнего Востока.

Она чуть приподнимает свою маску:

- Как ты узнал меня? Ах, да! Сашка ведь был рядом без маски.

Мы заканчиваем второй танцевальный круг с непрерывным Сашиним преследованием по всему залу.

Он гонится за нами, буквально пробивая и ломая ряды танцующих, и даже в танце мы с Ларисой слышим его бурчание:

- Остановитесь! Лара! Остановитесь! Лара, ко мне! Ко мне!

Мы оба смеемся: ведь так подзывают четвероногих друзей человека. Зал смеется, а мы, пользуясь секундным перерывом в преследовании ныряем в оказавшуюся рядом боковую дверь зрительного зала...

Перед нами на огромном экране волк безуспешно пытается догнать досадившего ему зайца, и я слышу:

- Совсем как у нас! Не думала, что когда-нибудь мне придется играть роль зайца в Котёночкином “Ну, погоди”!

Темнота зала почти час скрывает нас от разозленного преследователя. Интересно, как встретит теперь муженек свою похищенную, хотя и на время, красавицу-супругу?

ЧЕХ

Не знаю, что у меня вызвало чувство доверия к этому, появившемуся у нас высокому художнику капитану с довольно редкой фамилией - Чеховской. Скорее всего мне импонировало в нем чувство какой-то независимости от лиц и условий, а также проявление столь редко встречающейся здесь самостоятельности.

Высоко квалифицированный специалист Саша с первых же дней своего появления в ЦПК им. Гагарина сразу же с огромным желанием погрузился в серьезную работу по подготовке экипажей космических кораблей к действиям на старте и на всех четырех этапах выведения на орбиту.

Каждый из четырех участников траектории выведения требовал от экипажей знаний и умения хорошо представлять эту совсем не простую часть своего полета, включавшую в себя весь объем возможных нестандартных ситуаций и аварийных моментов вплоть до срабатывания системы аварийного спасения (САС).

Испытатели жалели лишь об одном: этот эрудированный человек и офицер попал в отделение Давыдовича, а поскольку ни сам Еся, ни его заместитель Гайдукоский совершенно не обладали даже минимальной долей профессиональных знаний по тематике своего отделения, то естественно, что самый главный участок подготовки экипажей был поручен Саше Чеховскому.

Надо заметить, что этой тематикой до прихода Чеховского у Давыдовича занимался Юрий Шкуратов, офицер-специалист высокого класса, но условия работы и службы у Давыдовича были таковы, что Шкуратовым был предпринят ряд попыток для своего перевода в другое подразделение, что ему и удалось. И вот на эту “вакансию” попал Чеховской.

Уже в течение первых месяцев своих занятий с космическими экипажами Чеховской приобретает авторитет у всех космических экипажей, с которыми он проводил занятия по функционированию системы аварийного спасения КК “Союз”.

Не знаю, когда и от кого Сашка узнал, что я собираюсь провести свой отпуск в морском яхтенном переходе (да еще в одиночку), но в тот же день он пришел ко мне домой и попросил рассмотреть кандидатуру в качестве члена моего экипажа: у него в это время начинался его плановый отпуск. Надо сказать, что до этого момента Саша никогда не был на палубе парусника, но у меня в тот момент почему-то не возникло и тени сомнения в его полной благонадежности в любой, самой суровой ситуации, так часто встречающейся в морских и океанских плаваниях, тем более - на яхтах и яхточках.

...В начале июня мы с Чеховским уже были в Бердянске, готовя к морскому переходу предоставленный нам местными яхтами малый парусник (водоизмещение 1,3 тонны) "Таис-2". Начальник водной станции местного нефтемаслозавода А.И.Лахно и его заместитель В.И.Литвененко очень помогли нам с комплектацией яхточки, хотя с одним существенным недостатком нам все-таки пришлось стартовать: на "Таис-2" не было бортовых лееров, которые нам пришлось заменить простыми капроновыми тросами.

...Бердянск буквально утопает в солнечных лучах. Легкий северо-восточный ветерок позволяет нам довольно быстро оставить за кромкой Бердянский маяк. Впереди - сине-голубая независимость. Надо было видеть счастливое лицо Саши, Чеха, как мы именовали его в быту. По-моему, его очень удивляла возможность парусника перемещаться по морю "без всяких энергетических затрат": он непрерывно вертел головой, явно удивляясь картине быстро убегающего за горизонт берега со светлыми прямоугольниками его многоэтажных зданий, мачтами стоящих в порту судов и скользящими у побережья лодками и катерами рыбаков.

Мы сварили кофе и, сидя в кокпите, вели речь, о разных житейских проблемах избегая тем нашей работы, хотя время от времени Чех невольно переключается и на них. Чувствовалось, что очень Давыдович с его помощником стали "доставать" на работе моего теперешнего спутника:

- Знаете, Константин Иванович, они же сами ничего не знают! Для них даже элементарная операция подачи сигналов штатной парашютной ракетой (ПРСП-40) превращается в проблему. Для них тема выведения КК на орбиту и все связанные с этим операции - тайна за семью замками! Поэтому меня всегда и "поздравляют" на эти занятия с экипажами. Повторяю, Давыдович, как специалист - абсолютный нуль! Я не говорю уж о программах выведения Челомеевских возвращаемых аппаратов! От них сбежал даже Юра Шкуратов, ибо ужиться с этой парочкой просто невозможно. Кто им доверяет руководство таким отделением, как наше - загадка...

А тем временем мы не торопясь, пересекали Азовское море и уже утром увидели по правому краю Еникальский маяк.

В течение всего времени Чех отлично справлялся со своими яхтсменскими обязанностями, но одно замечание он от меня все-таки схлопотал: при замене паруса Чех ухитрился за борт единственные наши пассатижи, забыв закрепить их на руке, не смотря на мое об этом напоминание. Переживал он это довольно сильно и долго, и подобных ошибок больше не повторил...

Тогда пройдя по Черному и Азовскому морям около 500 миль (почти 1000 километров) мы вернулись в Бердянск.

Следующие свои морские переходы Чех проделал на моих более сложных и скоростных парусниках, в частности, на тримаране "Таис-3",

построенном для моего участия в Трансатлантической гонке яхтсменов-одиночек OSTAR - 84, приглашение на которую мной было получено от английского Королевского яхт-клуба. Мы вдвоем с Чехом хорошенько обкатали это скоростное парусное чудо сразу же после постройки и спуска на воду в Феодосии.

Дойдя до Новороссийска, мы вышли Керченским проливом в Азовское море, чтобы продемонстрировать нашу новую “технику” своим бердянским коллегам, чем их очень и очень удивили!

Чех за все эти плавания приобретает значительный опыт морехода явно утрачивая первоначальную настороженность при несении своих вахт особенно в ночное время и в шторм. Этот опыт пошел ему явно на пользу: поскольку несколько позднее он даже был приглашен в экипаж парусника, выполнившего непростой рейс по Средиземному морю до Италии.

Мне было известно, что Сашины неумехи-начальники очень даже пытались отговорить Чеха от всяческих, даже самых малых контактов с “авантюристом” Ветром! Но безуспешно.

Мы до сих пор с Чехом живем в одном доме Звездного городка. Часто навещаем друг друга, если нам предоставляется такая возможность, интересуясь планами на ближайшие месяцы. И хотя Саша, став ярым автопутешественником и исколесив на своем авто всю Европу от Польши до Испании и Италии, он всякий раз при встрече нет-нет да и пытается наприсниться на один из моих парусных рейсов в океан: Что это?

Наверно, зов моря...

ПРОБАСИЛ

В одном из своих писем генерал Каманин напоминал мне: “Одним из необходимых качеств космонавта следует считать его способность переносить длительные интенсивные физические и психологические нагрузки”.

Скоротечный стресс частично не позволяет человеку максимально использовать его волевые качества для сопротивления негативным внешним воздействиям. Пример тому - парашютизм. Здесь стрессовые воздействия продолжаются короткое время и буквально исчезают, проходят тотчас же после приземления.

Иное дело - лыжные гонки на длинные дистанции. Здесь очевидно преобладание физической составляющей нагрузок, ибо психологическая - притупляется почти сразу же после старта. Для меня, например, самый высокий уровень стрессового воздействия наблюдался не при погружениях на большие глубины с аквалангом, не на самых сложных парашютных прыжках, а в одиночных морских и океанских переходах под парусом.

...Русская зима - это подарок судьбы всем, живущим в России. И в зимнюю пору наибольшую, наиглавнейшую роль играют несомненно пыжи. На них я бегаю все зимы, начиная с самых первых дней освобождения

родного края от фашизма, то есть с третьего класса. В десятом классе я имел второй разряд по лыжному спорту в гонке на 30 км, легкой атлетике и стрельбе. Повезло мне и в шахматах: Гордился я своей, аж, третьей категорией, хотя и проигрывал многим, более сильным, в нашем городе. До сих пор в душе сохранились светлые солнечные дни отрочества и юности...

Будучи в армии, я участвовал в гонке патрулей-четверок на 30 км с двумя огневыми рубежами (оружие - СКС) и... семидесятикилограммовым мешком песка за спиной. Это были очень трудные для меня гонки, ибо был я в команде слабее всех со своим уже тогда первым Разрядом (в команде было 2 матроса и 1 кмс).

Были у меня старты и потруднее. Например, ходьба на 100 км по маршруту Ленинград - Комарово - Ленинград, и я тогда прошагал эту сотню за 15 часов.

Хочется отметить еще одно спортивное "действие": "велопробег" по маршруту Ленинград - Курск - Запорожье - Симферополь - Алушта. Из семи человек стартовавших, до финиша добрались трое. Остальные (в том числе и одна девушка) отсеялись в разных местах этого непростого маршрута. Все-таки - 2000 верст. Ехали мы на "Туристах" (В-32) целых 23 суток, вернувшись обратно поездом Симферополь - Ленинград.

Пожалуй, одним из труднейших испытаний для меня можно считать участие в суточной ходьбе. Тогда я уже работал после окончания Ленинградского Военно-Механического института в филиале одного ракетного КБ в 50 км от Минска. В течение трех лет я там еще и очень много времени своего свободного отдавал парашютному (выполнил 600 прыжков и вошел во вторую команду Минска). И вдруг - предложение: поучаствовать в этой интересной "программе"!

Хотя делал я зарядку свою ежедневно, пробегая по 4-5 верст, но, конечно, в этом старте я себя несколько переоценил. Проковылял я тогда, аж, 167 км! И занял предпоследнее место! (Первый, самый шустрый из стартовавших "пролетел" за сутки целых 218 километров!). У меня настолько отекли ноги, что последние десять верст я плелся босиком. Но до финиша добрался.

Если перечислять моменты спортивные попроще, то следует, наверное, упомянуть 36 моих встреч (официальных) на ринге (25 побед, второе место на первенстве Уфы, призер первенства Ленинграда среди студентов).

Во всем этом деле мне удавалось держаться середнячком, вероятно, еще и потому, что я никогда не пил спиртного и не курил.

Если останавливаться на мелочах, то вот они: подтягивание на перекладине (максимальное) - 43 раза; поднятие прямых ног к перекладине в висе - 52 раза; кросс 1 и 3 км - 2 мин.49 сек. и 10 мин. 13 сек. - соответственно; 100 м брасс - 1 мин. 18 сек.; вольный стиль 12 км - 9 часов; лопинг двухступенной - 1070 оборотов; кресло Барани - 6 часов (непрерывное)

вращение); качели Хилова - 19 часов (непрерывно); барокамера - 110 "подъемов" на 5, 6, 7, и 8,5 км без кислорода с количеством приседаний 250, 180, 120 и 100 соответственно; отжатие от пола - 90 раз; отжатие на брусках - 46 раз.

Вот такими были мои личные "достижения" на фронте физических нагрузок. Пусть они были средними, а в отдельных случаях и невысокими, но в целом они подтверждали довольно хорошую физическую форму.

И все-таки психологические нагрузки изматывают человека намного сильнее нагрузок физических. И получалось у меня так, что все дни, год за годом были непрерывной "пробой сил": от 320 суток всех моих земных "полетов" на всех наших ОПС и 1500 парашютных прыжков до тысяч часов работы в гидроневесомости, и морских испытаний пилотируемых космических аппаратов; от испытаний наших пилотируемых лунников и комплекса "Союз"- "Аполлон" до тысяч миль под парусом, от полетов на невесомость и лунную гравитацию до Бутырской тюрьмы... От беспредельной преданности друзей до мерзкого предательства руководства ЦПК имени Ю.А.Гагарина...

И без того предельно высоком уровне моего рабочего стрессового воздействия мои психологические нагрузки многократно увеличивались и повторялись непрерывно и после моего кратковременного возвращения домой с испытаний.

...Возвращаюсь с программы ЭПАС ("Аполлон"- "Союз"), а мне: "Ты уволен!"...

...Возвращаюсь после труднейшего земного "полета" на "Алмазе" (100 суток!) мне: "Ты уволен!"...

...Возвращаюсь с испытаний наших лунников по программе облета и посадки на Луну, а мне: "Ты уволен!"...

...Возвращаюсь с труднейших 46-часовых морских испытаний космического корабля "Союз - Т", а мне: "Ты уволен!"

...Возвращаюсь с комплексных наземных испытаний орбитального комплекса с 30 и 50 суточных "полетов", а мне: "Ты уволен!"...

...Возвращаюсь после выполнения серии сложнейших парашютных прыжков с большими задержками раскрытия, а мне: "Ты уволен!"...

...Вылезаю из скафандра после 4-часовой работы по монтажу сложнейших батарей в гидроневесомости, а мне: "Ты уволен!"...

.. Английская королева приглашает меня на участие в гонке яхтсменов-подочников через Атлантический океан, а мне: "Ты уволен!".

Группа мерзавцев при поддержке МВД, прокуратуры и суда организует против меня и моей семьи уголовное дело с целью вымогательства, а "руководство" Центра Подготовки космонавтов имени Ю.Гагарина разводит ручками: "А может быть, твои оговорщики... правы, да против МВД- го и прокуратуры как-то неудобно выступать!"...

Я три года просил дать мне хотя бы комнатку в Звездном городке, ибо измотался я ездить домой, в Ленинград каждую субботу. Квартиры давали

всем! Всем, прибывшим после меня! На 4-й год дали: 28 м² на моих шесть человек!

В то же время мерзавец и подонок, судимый и разжалованный, переводится с семьей из обычного дома в... дом, где обитают космонавты! Сколько же должна была дать в “лапу” руководству эта сволочь.

Это я перечислил всего-то 1% из моих психологических “проб сил”!

А ведь еще 99% имеется! И держимся. Не сгибаемся. Помним:

...Первый тайм мы уже отыграли И

одно лишь успели понять:

Чтоб тебя на земле не теряли -

Постарайся себя не терять!

Не потеряем.

РУССКАЯ ХИРОСИМА

Последняя декада апреля 1986 года была, пожалуй, пересыщена интереснейшей и непростой работой: мы учились перемещать в гидроневесомости огромные многотонные блоки, имитировавшие фрагменты гигантских орбитальных станций будущего. Операции выполнялись как в космических выходных скафандрах, так и в легкоодолазном снаряжении. Как правило, за несколько часов работы под водой каждый из нас ухитрялся перетящить с площадки складирования на место монтажа до сорока тонн! И это с учетом нахождения в скафандрах. Теперь умножьте эту суммарную массу на расстояние ее транспортировки (а это 18 метров!) и прикиньте выполняемую при этом работу в килограммах, сразу станет ясно, что после такого “рабочего” дня у каждого из нас едва хватало сил, чтобы добраться домой... “Авторами” всей этой научно- исследовательской эквилибристики были Николай Юзов и Александр Шурубкин, подумывавшие уже о развертывании в гидроневесомости макета полномасштабного орбитального гиганта диаметром до полукилометра! С реализацией, естественно, в условиях морской акватории. Мне было предложено тоже подключиться к разработке технологических моментов, свои соображения по которым я даже тогда изложил в своем кратком экспресс-релизе.

Все эти НИР и испытательные работы нисколько не снимали с нас и подготовки наших космических экипажей по всем видам великолепной деятельности. К тому же участие в этих работах давало испытателям некоторые, хотя и не большие “поблажки”: мне, например, командир подписал рапорт с предоставлением внепланового семидневного отпуска, что с учетом майских праздников и Дня Победы позволило мне побывать у своих родных в Гомеле.

И вот в конце дня 26 апреля я вылетел из аэропорта Быково рейсом АН-24 в Гомель. Тогда никто из нас не мог даже предположить, что этот рейс будет последним на ближайшее время.

При подлете к аэропорту Гомеля все пассажиры, как всегда, любовались красивой панорамой, раскинувшейся под крылом нашего воздушного лайнера, в которой непонятно таинственным образом переплетались зеленая вязь хвойных и лиственных лесов с серебряными нитями речушек и рек и золотящимися под заходящим солнцем озерами и широкими протоками. С высоты полета Белорусская Земля казалась нам каким-то волшебным, сказочным миром...

В автобусе, следующем из гомельского аэропорта в город, я как-то сразу обратил внимание на необычную пустынную улиц, всегда изумительно чистых и заполненных народом. Так, между прочим, вслух роняю эту фразу о своем наблюдении и неожиданно слышу от сидящей рядом пожилой дамы:

- А разве вы ничего не слышали о катастрофе?

- ?

- Ведь взорвалась Чернобыльская АЭС! И радиационное облако прошло через Гомель! Прошло куда-то на север! Вот жители и боятся выходить из своих домов и квартир!

...Поднимаюсь по лестнице нашего дома. Двери всех подъездов окантованы белой ветошью, торчащей пучками по периметру дверных рам. Звоню своим. Дверь мне открывает тетушка Лидия:

- Ох! Наконец-то ты добрался! А то мы думали, что все московские рейсы отменяются! Ну, ты-то уже знаешь, что у нас здесь произошло? А точнее - в Чернобыле?..

...Утро 27 апреля. Иду по самым чистым в Европе гомельским улицам. Синее без единого облачка неба не допускает мысли о страшной, происшедшей почти рядом с этим белорусским городом трагедии. Но признаки происшедшего несчастья налицо: у встречных, идущих по своим делам людей ни улыбок, ни обычной здешней доброжелательности. Странно: к моменту открытия магазинов улицы вообще пустуют. Иду по своему рыночному при посещении Гомеля маршруту с обязательным посещением десятка книжных магазинов на улицах Победы, Ленина и Советской. Магазины эти уникальны, ибо в них можно найти практически любые, интересующие читателя издания по классике, технике, педагогике, медицине. Здесь же многочисленные школьные пособия и учебники высшего качества. Всякий "мусор" вроде примитивных детективов в этих магазинах отсутствует.

С десяток приобретенных книг, связкой бананов (они всегда были "по зубам" моим старикам) и пакетом с медовыми пряниками возвращаюсь домой. Моя тетушка Лида, та самая, с которой мы с мамой пережили полтора года фашистской оккупации, разливает чай и ставит на стол розетки с малиновым вареньем. Мои пряники приходятся тоже кстати, ибо этот вид чисто русского лакомства сопровождает почти каждого из нас всю жизнь. Много позднее, почти 35 лет спустя, наша младшая дочка ухитрилась угостить меня русскими пряниками, где бы вы думали? В городе Феникс (США)!

Правда, ее здесь чуть обманули в магазине: за 12 пряников она заплатила 6 долларов, а дома мы на упаковке обнаружили их истинную стоимость - всего два бакса! Оказывается, в США это тоже бывает!..

Здесь повсюду только и говорят о Чернобыльской катастрофе. Почему-то трусливо помалкивают официальные органы, лишь однажды как-то вскользь обмолвившись о происшедшем. Город, как всегда в таких случаях, полнится всевозможными слухами. Многие бегают с портативными дозиметрами, демонстрируя перед другими уровень традиционного фона на улицах, в зданиях, домах и квартирах.

Конечно, повышенный фон есть, куда же денешься от него. Но все-таки главной новостью была не официальная информация о реальных причинах катастрофы. По своему содержанию она была столь неожиданна, что поначалу люди отказывались ей верить...

...Оказывается, на четвёртом взорвавшемся блоке атомной электростанции какой-то ученый тип проводил испытания своей новой частичной защиты реактора, при всем этом несколько основных защитных действующих схем были временно отключены этой "испытательной" бригадой. В самый момент "новая" система не справилась с защитой реактора, неожиданно пошедшего "в разнос"!

Этот факт и в последнее время не анализировался и скрывался официальными лицами государства.

Всего через несколько дней после произошедшего на АЭС был направлен наш академик (имя его тщательно замалчивалось), которому в короткий срок (буквально за двое суток!) удалось выявить, установить истинную причину ядерной катастрофы, но... Через сутки ученого находят... мертвым! Официальное медицинское заключение: самоубийство! Похоже на "официальный способ" любым способом скрыть истинные причины трагедии.

Мои старики-гомельчане не стали спасаться от радиации "шпаклевкой" всех домашних щелей и жили как всегда, словно ничего не произошло. Тем более, что каких-либо негативных моментов отмечено не было. И пробыл я здесь до вечера Дня Победы, в который мы с дядькой, прошедшим всю войну всегда обходили весь Гомель пешком, отдавая дань этому Светлому Дню.

Через неделю после своего возвращения в Звездный городок я неожиданно почувствовал какое-то легкое недомогание. Середина мая. Идут интенсивные работы в гидроневесомости. В скафандрах. И вот после трехчасового пребывания под водой в "орлане" вылезая из своего скафандра и... еле удерживаюсь на ногах... Нет, не от обычной в таких случаях сильной усталости, а от какой-то совершенно необъяснимой слабости... Виду не подаю, конечно, незаметно исчезнув в раздевалке, где отсиживаюсь целый час!

Потихоньку, не торопясь, "дошатаываюсь" домой.

Намекаю своей подруге о произошедшем. Та срочно потащила меня в свою клинику, где работает заведующей невропатологическим отделением, и здесь всех поражает мой анализ крови: РОЭ - 27 вместо моего постоянного значения "семерки". Замечаю, как сереет лицо моей Галины...

- Срочно бери отпуск!

Какой отпуск. На мне "висят" две НИР и четыре экипажа космонавтов по монтажу СБ (солнечных батарей), отпуск мне сейчас никто не даст! Буду настаивать - попаду под нехорошее подозрение.

- Но ты хоть временно уйди от больших нагрузок! В скафандрах!

Последнее мне в конце концов удается, правда, не совсем: "пахать" все равно приходится, но реже. Немного реже. При допуске к погружению наш неизменный врач Саша Краснов стал как-то подозрительно поглядывать на меня, чего раньше не замечалось...

Лишь к январю мой показатель РОЭ вошел в допустимые пределы, что и позволило мне сделать вывод о моей полной испытательной "реабилитации".

Только вот о смерти и неизлечимых болезнях тысяч других людей кто говорит сегодня? Тем более об истинных причинах Русской Хиросимы?

АРТУР

Когда впервые на занятиях созданного мной в Звездном городке яхт-клуба появился маленький 10-летний мальчуган, я усомнился в его возможности научиться управлять даже самым крохотным детским парусником вроде "Оптимиста" или "Кадета". У меня же были только номерные "Лучи" ("Лазеры"), ставшие совсем недавно олимпийским классом яхт.

Десятки моих мальчишек и девчонок, тоже десятилетних, по весу и росту значительно превосходили Щелковского мальчишку и уже после первых "шагов" на акватории получали перед Артуром значительное преимущество, особенно в свежую погоду (при сильных ветрах).

Семья Артура, его мама Тамара и отец Евгений Лукьянович жили с сынишкой на Воронке, рядом со Щелковым, всего в 10 верстах от Звездного городка. Это была простая русская семья, никогда не баловавшая единственного сынишку даже намеками какого-то материального блага, обходившаяся минимумом материальных удобств и проживавшая в небольшой комнатухе общей квартиры деревянного барака.

Скорее всего аскетичные условия, в которых существовала эта семья, и воспитали в мальчишке просто удивительные для его возраста качества: правдивость, душевную стойкость и, несмотря на малый вес и рост - физическую силу, скрытую на первый взгляд, при первом знакомстве с этим мальчишкой.

Это же надо: сначала я даже подумывал о не перспективности занятий с ним суровым яхтенным делом, в котором вес и рост имеют далеко не последнее значение для достижения успеха, особенно на морской акватории.

В апреле 1988 года, закончив теоретическую часть обучения, двадцать моих яхтсменчиков получили звания “Юный рулевой” и “Яхтенный рулевой третьего класса”. Наиболее успешно сдавшие экзамены по теории прошли интенсивные тренировки на озере Звездного городка в течение всего мая, после чего большая часть из них была приглашена руководством Бердянского яхт-клуба на месячные летние сборы с правом бесплатного проживания пионерском лагере “Красная Гвоздика”. И тут я допускаю ошибку: несмотря на успешную сдачу экзаменов и сообразительность, проявленную Артуром на озерных наших регатах, я воздерживаюсь от поездки Лукьянова на Азовское море в Бердянск. И только из-за его малого веса! “Море есть море! - думал я, - будет, бедняга, кувыркаться там при сильных ветрах!” Таким образом Артур, по моей вине, не попадает в число “азовских” счастливчиков... Помню, как в городок даже приезжал его отец и просил взять сына, и я даже в какой-то момент заколебался, но тем не менее Артур остается дома.

Таким образом, двадцать мальчишек и девчонок получают отличную тренировку в вождении парусников на морской акватории. Я вполне рассчитывал на то, что наиболее способные ребята без труда займут призовые места как на первенстве Звездного городка (озеро), так и в розыгрыше нашего Кубка на Озернинском водохранилище в гонке на 50 километров. В том и другом случаях все наши регаты проводились на “Лучах”. Но тут происходит совершенно неожиданное: Лукьянов довольно легко выигрывает Первенство и Кубок Звездного городка у всех моих подающих надежды “морских асов”! Причем, оставляя далеко позади даже очень сильных ребят-разрядников. И если победа Артура в первенстве была просто сложной, ибо надо было набирать очки для победы в пяти гонках, то победа его в многокилометровой регате на Кубок стал настоящей сенсацией!

Получив, таким образом, два диплома за две победы, Артур, этот маленький мускулистый человечек, неожиданно доказал, что у него без сомнения, есть перспектива в яхтинге.

В следующем году Лукьянов на тренировках и соревнованиях не уступает ни одному из мальчишек! Его имя второй раз подряд выгравировывается на хрустальном Кубке Звездного городка. Кубок этот был подарен нашему яхт-клубу космонавтом Леоновым. Мы ежегодно разыгрывали его на многокилометровых регатах, проходивших на Озернинском водохранилище.

Выявляется, что Артур может вести “Лучи” практически в любую погоду и в любое время суток. Это подтверждалось им неоднократно. Для подтверждения я отсылаю читателя к рассказу “Ложь есть функция страха”.

Еще через год Артур не оставляет никаких шансов двум сильнейшим яхтсменам-юношам, кандидатом в мастера спорта, приглашенным на участие в первенстве Звездного городка. И это будучи на 3 года моложе их.

Вот почему при комплектовании своего экипажа на океанской скоростной пентамаран “Гелиос”, созданный на Феодосийском заводе “Море” для участия в Трансатлантической парусной регате, посвященной 500-летию открытия Колумбом Американского континента, я, капитан этого необычного парусника, предпринял все, чтобы Артур Лукьянов стал членом нашей команды на “Гелиосе”.

Исключительное чувство паруса и способность мальчишки переносить любые, выпадающие на его долю трудности, без сомнения помогли перенести ему вместе с экипажем нашего пентамарана все, с чем мы столкнулись при реализации океанского плавания. А этих “столкновений” на нашу долю выпало предостаточно: от продовольственных проблем до умышленного ночного тарана “Гелиоса” у берегов Сицилии... (см. рассказ “На что способен русский Грог”).

Я часто просматриваю видеозапись, на которой Артур на своей вахте за штурвалом Гелиоса” ведет 15-тонный парусник по штормовой Атлантике у каких-то мрачных, без единого огонька, берегов острова. Над нами кроваво-черное небо и на этом фоне сосредоточенное лицо мальчишки-рулевого. Я в любое время могу показать тебе, читатель, эти кадры, и ты сможешь сделать вывод о человеке за штурвалом нашего парусного корабля.

Артур кончил университет. Работает. У него прекрасная семья: жена Ирина и сынишка Герка. Живет в Москве. Если я бываю дома, он всегда звонит, а то и наведывается к нам, в Звездный городок с семьей. Вот и сейчас я полгода не был дома, в России, и знаю, что Артур ждет моего возвращения и надеется на обязательную встречу.

Я благодарен ему за это. И особенно - за память...

«ПОТАСКУХА»

За стенкой рубки ревет Атлантический океан. 28 суток я не видел земли. Тримаран буквально простреливает своими острыми корпусами гребни волн. Слева по курсу вот-вот должен открыться архипелаг. Пора бы! У меня на исходе питьевая вода, хотя консервов хватит ещё на пару недель. Просолился я прилично. Оба моих спортивных костюма напоминают жестяные коробки, жёсткие и хрустящие от соли. То же самое и с парусами: просолился мой дакрон основательно.

Только в три ночи перед яхтой открывается маяк крупнейшего из островов архипелага, а к полудню моя “птичка” уже обосновывается в одной из здешних марин.

Этот остров - центр островной провинции одного из европейских государств. На острове крупный город с международным аэропортом. Мне приходилось бывать здесь несколько раз. Местное население очень доброжелательно к представителям России, как и все государственные чиновники от морского агента до полицейского. У меня здесь много знакомых,

в том числе и среди военных местного гарнизона, обслуживающего авиационную базу.

Отшвартовавшись, я звоню знакомому офицеру и “докладаю” ему о своём прибытии. Мы договариваемся о встрече на 1800. После этого я начинаю приводить в порядок яхту, свою одежду и себя тоже.

В марине отличный душ. Смываю с себя соляной панцирь, избавляю от соли и грязи свой самый “новый” и целый спортивный костюм, ибо другой одежды у меня просто нет. К вечеру всё это высохнет, и будет в чём “выйти в люди”.

В сотне метров от марины - “Макдональдс”. У меня всего-то 12 баксов, и особенно не разбежишься, но сейчас страшно хочется пожевать чего-нибудь горячего и я трачу половину своего капитала на гамбургер и литровый стакан пепси. Остальное время до встречи трачу на пополнение запасов питьевой воды в трёх цистернах тримарана.

Ровно в 1800 у моего парусника останавливается “Пежо” майора Диаса и мы катим на базу, откуда, нам предстоит вечерняя прогулка по местным достопримечательностям.

Здесь не принято ездить компанией в одном автомобиле. Каждый, если у него нет дамы, должен сидеть за рулём сам. Вот почему мне предлагается выбрать “тачку” из нескольких десятков, стоящих в довольно большом беспорядке за территорией базы. Это государственные машины, большинство из которых используется для всякого рода разъездов. У меня нет с собой прав, оставленных дома, но, оказывается, это не является препятствием: через 15 минут в моём “Паспорте моряка” появляется вкладыш, гласящий, что я русский полковник, имя рек, допускаюсь к управлению любым видом самоходного автотранспорта кроме... гусеничного! Ни хрена себе! Я мастер вождения танков, русских, лучших в мире, не допускаюсь к любимому “транспорту”! Притворяюсь сильно обиженным! И тут же в мою автокарточку заносится отмена запрета на “гусеницы”.

А вот дальше начались курьёзы.

Иду выбирать себе авто. Сколько же их здесь? Десятки! “Ауди”, “Пежо”, “японцы”, и надо же - все как один - с правыми рулями! Движение-то здесь наше правостороннее, а рули у машин все правые! Мало того: ни в одной машине я не обнаружил... сцепления! Меня, десяток раз гонявшего свой “Москвич” из Ленинграда в Крым и на Кавказ, очень даже опечалило это... Ведь местные могут подумать, что я в этом деле - “чайник”!...

Подзываю дежурного сержанта: “Ну-ка, дружок, разъясни!” Разъясняет! Оказывается, всё проще простого! Целый час гоняю красную японскую “жестянку” по взлётным полосам и рулёмкам. Всё получается и недурственно! Даже наблюдавший за моими виражами сержант одобрил, подняв большой палец. В Японии сей жест ущербный, но здесь ведь не Япония!

...Мы с Диасом катим по городу. Стоянка у огромного ресторанища. Всё здесь залито светом. Кругом огромное количество разноцветных электрогирлянд. Проходим в один из залов. Усаживаемся за двухместный столик, точнее - стол. Каждому из нас вручается лист с меню величиной с наш майский лозунг. Диас даёт мне знак: "не беспокойся! Плачу я!" Ну, я и назаказывал!

Весь стол уставлен десятками малюсеньких чашечек, блюдец и прочей таинственной посудой явно из лилипутских кладовых. На каждой блюдецке по крохотному кусочку чего-то съедобного. Нет, чтобы сложить бы всё в одну тарелку, нет же, разложили... Начинаю дегустировать - нет же: опять сплошное препятствие! Оказывается, всю эту ерунду надо есть строго в определённой последовательности! Нарушишь - сидеть тебе весь вечер в туалете! Я и нарушил!

И - ничего! Только мой спутник хохотал, дивясь крепости русского желудка!

За три дня моего пребывания на острове мы побывали в местном музее, в очень недурственной картинной галерее, в кинотеатрах и даже в театре, где какие-то сумасшедшие плясали в чём мать родила. А вот музей оказался просто замечательным! За свои последние баксы я там приобрёл... гвоздь, который, по словам экскурсовода, находился на борту колумбовской "Пинты". Ну, хрен с ним, с гвоздём! Следующий раз я привезу им несколько кирпичей из нашей Кремлёвской Стены и окуплю себе этот дурацкий гвоздик...

И вот в последний день моего пребывания. Диас задаёт мне странный вопрос:

- Константин! Ты хоть раз был в "Доме любви"?

Я осторожно оглянулся не подслушивает ли кто, и ответил отрицательно, сославшись на то, что у славян это не принято. Но отделаться от Диаса было не так просто, и мы покатали на своих авто за город...

У нормального русского человека представление о "доме любви" связана в лучшем случае с Купринской "Ямой" и какими-нибудь примитивными порнофотографиями. Поэтому меня здесь ждал сюрприз.

...Большой трёхэтажный особняк. Белокаменный! Прекрасной архитектуры в стиле "модерн". Просторнейший холл с "кондишен". Навстречу нам выплывает (буквально!) дама средних лет "администратор". Её внешний вид поражает, тонкая талия, ну очень тонкая, фантастическим образом соединяет огромный бюст с необъятной задницей! Создаётся впечатление, что части её туловища, соединены специальной тончайшей втулкой! Тьфу ты!

Диас платит по 15 баксов только за вход! И мы следуем к маленьким, но уютным кабинкам, расположенным по двум противоположным стенам холла. В каждой из кабинок на стене просматриваются большие плоские телеэкраны. Захожу в одну из кабин, Диас занимает место в соседней. Под экраном расположен огромный пульт "управления", как две капли

похожий на пульт комплексного тренажёра нашего космического корабля “Союз”. Здесь же мягкое вращающееся кресло. Диас даёт мне инструктаж: вертикальный ряд разноцветных клавиш - это выбор “дам”! Их аж 25! Горизонтальный же ряд - это профессиональные возможности каждой из них! Таких клавиш в ряду 20!

Нажимаю первую клавишу “выбор” дамы. На экране появляется красивая мулатка, обнажённая, демонстрирующая свои природные “прелести”. Тоже мне! Нашла чем удивлять! Ну, думаю, посмотрим её первую, самую примитивную “программу”... и чуть не валюсь с кресла!.. Ну, и ну! После нажатия второй программной клавиши мулатки я выскакиваю из кабины, отказавшись познакомиться с более сложными сюжетами...

Рядом, в своей кабине хохочет Диас. Он был уже на середине своего сексуального путешествия, когда я попросил его покинуть вместе со мной эту “клинику “для сумасшедших”.

К нам снова подплывает “администраторша”:

- Почему уходит русский полковник?

- Диас, скажи ей, что я неизлечимый импотент!

Баба что-то быстро говорит на местном диалекте, и я спрашиваю Диаса:

- Что она тебе лопочет?

- Она говорит, что здесь из любого русского импотента за 10 минут сделают настоящего мужчину!

- Ах ты, курва паршивая! Потаскуха вонючая! - говорю я на чистом русском языке, улыбаясь при этом самым доброжелательным образом.

Диас ни хрена не понял из моей тирады, ибо до сих пор мы общались с ним только на французском, русского он не знает. Дама интересуется у Диаса содержанием моих “комплиментов” в её адрес.

- Полковник говорит, что вы очаровательная женщина! И сожалеет, что у него просто нет времени...

- Grasia! Grasia! Merci! Merci! -Баба млеет от моих “похвал”. Я дарю ей на память приобретённый в местном музее гвоздь, пояснив, что это огромная историческая ценность: его держал в руках последний русский царь Николай Второй. И мы смываемся из “учреждения” к явной досаде Диаса..

«КОЛУМБ-500»

С осени 1991 года вся Европа и США стали готовиться к празднованию 500-летия открытия Колумбом Американского континента. В этот момент у меня были свои планы относительно океана (хотелось побывать в Австралии), и я оставил бы эту историческую тему и дату без внимания, если бы не одно но.

Дело в том, что осенью упомянутого года ко мне в Звёздный городок совершенно неожиданно позвонил некто Ряйккинен. Отрекомендовавшись учёным-конструктором парусников, он просил о встрече очень

"перспективной и заманчивой". Не в моем духе отказывать в просьбах людям, даже не связанным с моими планами и интересами, поэтому мы назначили эту встречу на воскресенье.

А в субботу, будучи в Москве, я зашел к своему хорошему знакомому Тимиру Пинегину, олимпийскому чемпиону Римской парусной регаты. И то, что я услышал от Тимира Алексеевича, меня очень удивило.

По словам олимпийского чемпиона, Ряйккинен - полный профан в парусном деле. Дома он рисует картинки парусников, в основном многокорпусных, и выдаёт их за нечто уникальное в истории конструирования скоростных яхт. Убеждая незадачливых спонсоров в вершинах своей научной мысли, Ряйккинен получает немалые суммы для, якобы, реализации своих яхтенных идей, но расходует их по своему усмотрению, а попросту присваивает себе их большую часть.

Построенный Ряйккиненом по его картинкам семикорпусный плот никаким новшеством не являлся (да и мог ли?) и был уродливым созданием яхтенных притязаний этого "яхтостроителя". Ряйккинен, по словам Пинегина, был примитивным "графоманом" на парусной ниве - не более того. И связываться с этим "конструктором" просто не следовало. Кстати, эту мысль через некоторое время подтвердил мне и профессор Юрий Семёнович Крючков, создавший десятки проектов скоростных многокорпусников, в том числе и мой быстроходный океанский тримаран "Таис-3", приходивший первым как на Большом Кубке Чёрного моря, так и показавший высокие скорости в Атлантике.

Ряйккинен приехал ко мне с женой и сыном и сразу же обозначил цель его посещения: он просил меня содействовать постройке его нового детища - крупноразмерного парусного пентамарана и быть его капитаном на океанской регате, посвященной 500-летию открытия Америки Колумбом.

За чашкой кофе я дал понять Ряйккинену, что такие предложения сразу не принимаются, и что для обдумывания мне нужна неделя. "Кораблестроитель" оставил мне сборочный чертёж своей яхты, выполненный по его заказу в одном из судостроительных КБ Нижнего Новгорода. На чертеже был изображён парусник длиной 20 метров и шириной 16 метров водоизмещением 15 тонн с тяжёлой крыльевого профиля мачтой, вес которой превышал 1 тонну¹. Вооружение - шлюп. Но главное, что настораживало - это "серфинговые" (лыжеподобные) плоские внешние аутригеры, крепившиеся к консолям несущих балок: они крепились жёстко с постоянным углом атаки и при дифференте на нос имели 100% вероятность зарывания даже на малых углах, а, следовательно, такую же вероятность к фронтальному или диагональному опрокидыванию пентамарана. Ряйккинен же утверждал, что этого не произойдёт, а "лыжи", создавая значительную подъёмную силу, якобы будут выводить парусник на режим серфинга с одновременным достижением высоких скоростей.

¹ Эта мачта была заменена мною на мачту круглого сечения.

Через неделю я встретился с Ряйккиным в Москве. Он продемонстрировал проект своего “изделия”, включавший в себя все сборки и многочисленные детализированные чертежи и эскизы. Эта документация была выполнена также упомянутым выше КБ. Я был поставлен также в известность, что у Ряйккинена есть солидный спонсор, способный оплатить не только всю документацию по пентамарану, но также и его постройку. Ко всему у Ряйккинена уже была готова модель яхты для проведения испытаний в ЦАГИ. Ряйккинен искал теперь завод-изготовитель для реализации своего проекта...

Судя по всему, он узнал обо мне из публикаций в журнале “Катера и яхты” в которых я приводил историю создания своего тримарана “Таис-3”, пытаясь теперь, используя мои связи, разместить свой заказ на постройку.

При последующих встречах я дал понять автору пентамарана, что свою поддержку я смогу оказать ему лишь после проведения испытаний модели парусника на канале в ЦАГИ, посоветовав при этом заменить его “лыжи” хотя бы на обычные аутригеры. Ряйккинен с этим категорически не согласился, считая своим “ноу-хау” парусник с “серферами”.

Через две недели я приглашаюсь Ряйккиным в ЦАГИ на испытания модели пентамарана. То, что я увидел там, очень настораживало. Я написал несколько слов на листке из блокнота и передал его Ряйккину, попросив ознакомиться с текстом после испытаний.

При первой же попытке моделирования движения пентамарана на шестибальных ветрах и соответствующем им волнении парусник, зарываясь при крене одним серфером-“лыжей” стремительно выполнял диагональное опрокидывание, а при фордевинде - фронтальное! И всё это происходило при дифференте на нос, равном всего 7-9 градусов; обе “лыжи”-серферы настолько стремительно уходили под воду, что наблюдаемый оверкиль выглядел весьма зловеще даже в лабораторном исполнении. Сам конструктор пентамарана был в полнейшей прострации: “Вся моя жизнь! Вся моя работа пошли насмарку! Что же делать?! Что же делать?!”...

Прежде всего, я посоветовал ему прочитать находящуюся в кармане его костюма мою записку. В ней было: “Плоские серферы обязательно приведут к оверкилю пентамарана как на полных, так и на острых курсах. Их надо менять”.

- Как менять? На что менять! У нас же проект!

- Но менять обязательно. Хотя бы на аутригеры, аналогичные внутренним. Иного выхода в настоящий момент просто нет. Правда, скорость при этом будет ниже, чем у тримаранного варианта, но для сохранения “авторской” оригинальности проекта, можно пойти на такую “жертву”.

...Спустя полмесяца я выезжаю со всей документацией на Судостроительный завод, расположенный недалеко от Феодосии в посёлке Приморский.

Ряйкиннен получает значительное ассигнование для реализации проекта пентамарана.

Руководство предприятия (директор Л.С. Астахов и начальник цеха Е.Н. Аникиенко) идут мне навстречу и принимают документацию даже без всякой предоплаты: просто мы давно знаем друг друга.

За три месяца, работая в три смены, коллектив завода создаёт 15- тонного пятикорпусного монстра. Мне приходилось восемь раз в этот период приезжать на завод для увязки элементов конструкции с технологическими возможностями предприятия, в чём большую, если не сказать огромную, помощь оказывал мне заместитель Главного конструктора завода Владимир Омельченко.

У нас нет парусов. Ряйкиннен обещает немедленно оплатить все расходы по их пошиву и просит опять-таки меня найти фирму для решения этого вопроса. Легко сказать “найти”! И пошить паруса для такой махины! Обращаюсь к знакомым одесситам и николаевцам: помогите снять эту проблему - оплата гарантируется. Помогают! Оперативно, в течение трех недель мы уже имеем парусный гардероб в составе: двух гротов, двух стакселей, генуи и ричера. Ребята доставляют их в Феодосию.

14 мая 1992 года мы провели ходовые испытания парусника в Феодосийском заливе. Конечно, по скорости он явно уступает тримаранному варианту, но скорость мы всё-таки из него выжимаем до 12 узлов. И это при нахождении на борту яхты тридцати человек! Несомненно одно: судно обладает хорошей устойчивостью и перевернуть его на акватории при любой бальности ветра - проблема. Скорее всего можно потерять мачту, а от парусов оставить кучу тряпья.

Радость Ряйкиннена перехлёстывает через край. В присутствии десятков рабочих и инженеров завода он торжественно сообщает нам о якобы полученном им приглашения от короля Испании на наше участие в трансатлантической гонке парусников, посвящённой 500-летию открытия Америки.

Эта информация послужила стимулом для всей дальнейшей подготовки яхты к дальнему плаванию, на что у нас уходит ещё две недели.

27 мая 1992 года мы стартуем из Феодосии на Босфор.

На борту у нас имеются трёхнедельные запасы продуктов и питьевой воды. Ряйкиннен выдал каждому из нас трёхмесячную зарплату, которая в сумме не превышала 700 долларов¹. Но наше желание участвовать в “Колумбиаде” да ещё с приглашением испанского короля, да ещё на таком экзотическом паруснике - всё это притупило возможность негативных последствий, вполне возможных в таком “мероприятии”.

Наш старт был несколько омрачён тем, что Ряйкиннен не оплатил постройку пентамарана, названного нами “Гелиосом”. Но он сумел убедить руководство завода, что сделает это на следующий после старта день. И м этот же вечер он тихо и незаметно для окружающих уехал в Москву...

¹ Эта сумма - на всех 7 человек команды.

У мыса Меганом нас прихватил приличный шторм, ночной. И ещё двое суток полнейшего штиля в центре Чёрного моря. Ранним утром 2 июня мы входим в Босфор, пройдя который бросаем якорь на рейде Стамбула: необходим небольшой ремонт верхних рядов краспиц. Экипаж поднимает капитана на верхушку мачты с набором инструментов. Спустя час меня меняет мой помощник Евгений Лебедев, толковый и порядочный человек. После ремонта мы заходим в местную просторную марину, чтобы на спокойной воде устранить наши мелкие неполадки. В 6 утра мы берём курс на пролив Дарданеллы.

Погода благоприятствует нам. При попутном ветре мы пересекаем Мраморное море всего за 10 часов. На Дарданеллы нам потребовалась ночь и утром следующего дня мы уже любовались фиолетовыми водами Эгейского моря.

На попутном девятибалльном ветре и 16 узлах проскочили до Пирея (Греция), где задержались на неделю: всем хотелось побывать у Акрополя и осмотреть достопримечательности Афин. Напомню, что весь наш переход снимался на видео.

В Пирее занялись ремонтом парусов. У нас побывал консул нашей страны в Греции. Исключительно тепло встретили нас и представители нашего торгпредства, особенно его председатель Александр Чеснович, ухитрившийся оказать нам неоценимую помощь в приобретении спутниковой навигационной системы G.P.S. Местные мастера отремонтировали нам паруса, а местный бизнесмен Янис купил даже один новый, правда, за несение его рекламы на борту "Гелиоса".

Из Пирея стартуем в Кадис. Обогнули мыс Тенарон и через трое суток вошли в Мальтийский пролив.

Полночь. Идём восьмибалльным штормом в лавировку. Справа открываются маяки Сицилии, слева просматривается зарево Мальты. Я на "собачьей вахте" - 00.00 до 04.00. В 00.30 замечаю по левому борту большой спортивный катер водоизмещением не менее 50 тонн. Настораживает его поведение: он идёт параллельно нам без каких бы то ни было огней.

"Гелиос" наоборот, весь в потоках света. У нас включены даже салинговые огни под краспицами. Мой помощник по вахте Анатолий Лебедев (в сухопутной жизни - командир ТУ-154) тоже с тревогой наблюдает за этим странным судном.

01.00. Неожиданно наш затемненный сосед слева делает разворот вправо на 90о и на скорости бросается в центр левого наружного аутригера пентамарана...

Единственное, что я успел сделать - это развернуться навстречу этому идиоту!! Мы проскакиваем перед таранящим нас судном, которое буквально срезает нам кормовые оконечности обоих левых аутригеров! Удар был такой силы, что все отдыхающие от вахты слетели со своих коек, Лебедев оказался вне кокпита, а я приложился к нактоузу подбородком

и коленом, да так, что сразу потерял два зуба, а колено через несколько минут превратилось в быстро увеличивающийся в объёме шар...

Уже через секунду после удара в эфир полетел наш "SOS"! Я вижу, как пират разворачивается для повторной атаки. Но тут к нам выныривают из кромешной тьмы польский сухогруз "Левон-2" и пограничный катер Мальты...

Все последующие события изложены мной в рассказах "Русский грог" и "Вива, Италия"!

...После мальтийских и неаполитанских приключений мы взяли курс на Гибралтар и в двадцатых числах июля отшвартовались в Кадисе, в марине "Пуэрто-Шерри".

Даже в США я не встречал более благоустроенных марин. Очень доброжелательное отношение к экипажам яхт из разных стран. Это надо же: увидев нашу покалеченную тараном яхту, владелец этой очень престижной королевской марины за неделю нашего пребывания не взял с нас ни цента! Вот уж воистину человеческое отношение к яхтсменам!

Наша задача - немного передохнуть перед Атлантикой. Осматриваем местные достопримечательности, знакомимся с экипажами многочисленных яхт. Здесь их сотни. Наибольший интерес к пентамарану и его экипажу проявляют американцы: Френк, Чарли и Дэн. Последний оказался другом и полным коллегой американского шпиона-лётчика Пауэрс, сбитого нашей ПВО под Екатеринбургом (Свердловском) в 1960 году. Все они - хорошие, доброжелательные и абсолютно не скупые ребята, отвечающие на наше "ромовое" гостеприимство приглашением всего экипажа "Гелиоса" в один из лучших баров "Пуэрто-Шерри" "У Эмиля!" Они совершенно не скупятся на многочисленные разновидности угощений, что, несомненно поднимает их в наших глазах.

27 июля мы празднуем наш День Военно-морского флота поднятием под верхние краспицы захваченного с собой из дома огромного (2х3 метра) Военно-морского флага СССР. Неожиданно мой утренний сон (а спал я в спальном мешке на страховочной палубной сетке) был нарушен рокотом мотоциклов и голосами с берега. Приподнимаюсь: у трапа стоят два полицейских и бубнят что-то невнятное о необходимости спуска нашего Военно-морского флага. Отвечаю им на французском, напоминая, что "Гелиос" - это территория нашей страны и мы вольны нести любые наши флаги, при этом тыкаю пальцем в соседнюю яхту, под краспицей которой развивается "Весёлый Роджер" с черепом и костями на чёрном фоне:

- C'est vrai! А это верно?

Полицейские переглядываются и... покидают причал, тархтя своими мотоциклами.

Этот день стал для экипажа пентамарана днём сюрпризов. Не успели скрыться служители закона, как на нашей палубе появляется работник нашего представительства в ООН Саша Егоров с сыном начальника полиции Кадиса - Карлосом Коронадо Россо. Они интересуются, когда и куда мы стартуем? Узнав, что мы будем проходить мимо острова Мадейра,

Егоров просит взять его с Карлосом до Фуншала, административного центра Мадейры. Он предъявляет мне документы, удостоверяющие его личность. Я даю предварительное согласие, но окончательное решение будет вечером, после моего звонка в наше посольство в Мадриде. Карлосу я отказываю: брать на себя ответственность за жизнь гражданина Испании я, не вправе. Океан есть океан! После моего отказа Карлос привел на “Гелиос” своего отца, большого полицейского начальника! Генерал готов письменно дать своё согласие на участие сына в океанском переходе, снимая с нас таким образом ответственность за любое ЧП.

31 июля. В составе 126 парусников мы стартуем на этапе Кадис- Мадейра.

Из пяти суток перехода до Мадейры спокойными были лишь первые, а точнее - только первый день. Северо-восточный пассат нёс наш парусник по океану со скоростью автомобиля, едущего по плохой дороге. Чтобы наши пассажиры чувствовали себя при деле, я, переведя управление яхтой на резерв, поставил за штурвал Сашу Егорова, а рядом с ним посадил Карлоса с его гитарой (он, оказывается, был не только яхтсменом, но и окончил Мадридскую консерваторию по классу фортепиано и гитары) и попросил испанца исполнить нам все песни, которые он знает. И тут началось! Под звуки гитары Егоров крутит отключённый штурвал считая себя наверху блаженства, а тем временем Карлос исполняет многочисленные испанские песни и мелодии, переключаясь иногда на наши “Очи чёрные” и на “Ваше благородие, Госпожа Удача” из к/ф “Белое солнце пустыни”, причём весь этот концерт был записан на видео. К сожалению, это был лишь один день! А потом... А потом было трое суток непрерывного восьмибального шторма! И пока мы продолжали лететь на парусах к Мадейре, наши дипломат с композитором всё это время непрерывно избавлялись от содержимого своих желудков, как последние пьянчужки, отведавшие не самого лучшего самогона...

Своих пассажиров мы высадили в Фуншале, в котором мы оказались первыми из стартовавших в Кадисе парусников.

...После посещения нами Неаполя с продовольствием у нас не было проблем, а вот с финансами... Да у нас их просто не было! Ряйккинен клятвенно обещал перечислить нам в Кадис 5000 баксов на переход Атлантики, но как всегда он просто обманул нас. Ещё в Испании я узнал, что этот проходимец с лицом интеллигента не оплатил постройку “Гелиоса” и пошив парусов! Мне в Кадисе Ряйккинен вновь пообещал передать экипажу 5000 долларов, но только в Пуэрто-Риканском Сан-Хуане! Представляете?? Очередная ложь!

И тут я получил заслуженный упрёк от своих ребят за то, что в одном из портов... подарил двум американцам памятную Гагаринскую медаль, за которую те предлагали мне аж сотню баксов! Сославшись на то, что добрые отношения между людьми не должны огорчаться долларами, я не взял предлагаемую

мне сотню... И вот теперь в судовой кассе у нас лежал лишь один совершенно новенький доллар! Один! Но новенький! Как в том анекдоте!

В 500 милях от Мадейры мы едва не переехали огромного кита, вовремя замеченного Артуром Лукьяновым. Проснувшееся животное, увидев набегавшее на него пятикорпусное чудовище, нанесло по океану удар хвостом такой силы, что “Гелиос” подпрыгнул на этой волне на добрую пару метров!

Идём в бакштаг с 12-ти узловой скоростью. Цель - порт Сан-Хуан на острове Пуэрто-Рико. Но неожиданно ночью теряем второе перо руля на правом аутригере, одновременно рвутся штуртросы центрального руля. И вот на корме появляется огромный румпель - трехметровое бревно, которым мы с Артуром несколько часов управляем нашей 15-ти тонной яхтой, пока товарищи меняют лопнувшие штуртросы на новые. Проходит ещё двое суток. Мы замечаем сильную деформацию мачты и это несмотря на значительное рифление парусов. Встаёт вопрос о срочной необходимости ремонта нашего парусника.

Ремонт на Пуэрто-Рико для нас невозможен из-за отсутствия средств. Остаётся единственный вариант - идти на Кубу. Всё-таки там свои ребята, да и кубинский лётчик-космонавт не откажет нам в помощи: Тамайо ведь мы хорошо знаем с тех пор, как он готовился к полёту в Звёздной городке. Итак, на Кубу.

...Слева от нас остров Гаити. Мёртвые, мрачные берега, ни одного маяка, ни вообще огонька! Это побережье государства Гаити. На острове есть ещё Доминиканская Республика, но она много восточнее.

Прямо раем выглядит по сравнению с Гаити побережье Кубы. Мы идём Наветренным Проливом в Сантьяго де Куба и... попадаем в зону американской военной базы Гуантанамо. Ночь. Неожиданно из темноты к нам выныривает эсминец янки, с которого нас предупреждают о нарушении морской границы. Приходится извиняться и американцы, глаза под лучами своих прожекторов на наше парусное Чудо, приветливо машут нам с палубы эсминца... Что они подумали, увидев “Гелиос”? Может, посчитали, что русские доставляют Фиделю какое-то новое оружие в виде таинственного пентамарана?

Сантьяго де Куба. Красивое и спокойное место. Нас посещает генеральный консул нашей страны Виктор Алексеевич Завьялов. Его помощники позволяют нам ознакомиться с множеством местных достопримечательностей от древних пиратских крепостей и фортов до современных памятников Кубинской Истории. Здесь я убеждаюсь, что оказать нам помощь с ремонтом “Гелиоса” кубинцы не смогут. Тем временем из Гаваны к нам прилетает полковник Аннибал Родригес и предлагает нам, оставив яхту в Сантьяго, лететь с ним в Гавану. Я считаю, что в столицу Кубы мы можем прийти и своим ходом.

За неделю мы, не торопясь, добираемся до Гаваны. Мыс с маяком Сан-Антонио мы огибаем во всполохах многочисленных молний и в сопровождении десятков дружелюбных дельфинов.

В Гаване нас встречают Тамайо и его товарищи. У яхты выставляется охрана, а экипаж размещается в отеле “Комодоро”.

Звоню Ряйккинену. Он в восторге от нашего перехода, через Атлантический океан и, поскольку он сейчас не располагает средствами для ремонта “Гелиоса”, что всем нам кажется весьма странным, нам предлагается оставить парусник до следующего года на Кубе, а экипажу вернуться домой. Этому проходимцу легко говорить: ведь за хранение кубинцы вправе потребовать плату и немалую, а у нас нет никаких средств.

Руководство Кубы идёт нам навстречу и разрешает без оплаты оставить пентамаран на один год, гарантируя его полную сохранность.

Через несколько дней, оформив все документы для сохранности яхты, мы вылетаем в Москву на военном ИЛ-76.

Дома выясняется, что Ряйккинен не только не оплатил постройку “Гелиоса” и пошив парусов, но и присвоил себе львиную долю всех полученных от спонсоров средств, положив на депозитные вклады огромные по тем временам суммы, исчисляемые миллионами рублей.

Оказался справедливым упрёк олимпийского чемпиона Тимира Пинегина:

“Я же говорил тебе: не связывайся с этим примитивным негодяем с благообразной внешностью”!

Дальнейшая история “Гелиоса” затмевает даже переход нами Атлантики!...

НА ЧТО СПОСОБЕН РУССКИЙ ГРОГ

Полночь. Встречный девятибалльный шторм. “Гелиос” идёт Мальтийским проливом, поднимая огромные фонтаны брызг. Непрерывно идёт дождь. Горизонт в фиолетовых сполохах молний. Моя “собачья” вахта: 00..00. - 04.00. Наша цель - Гибралтар. Справа иногда просматриваются огни маячков Сицилии. У нас включены все ходовые огни плюс два прожектора нижних краспиц. Я за штурвалом, а мой помощник Анатолий Лебедев ведёт круговой обзор, наблюдая за акваторией.

00.30. Лебедев докладывает: слева от нас на расстоянии двух кабельтовых параллельно нам движется судно без опознавательных огней. Странно. Но оно далеко от нас, и это пока нас не беспокоит.

1.40. Мы замечаем, что наш “сосед” значительно сократил расстояние между нами, но по-прежнему ничем себя не выдаёт. Постепенно расстояние между нами ещё более сокращается, нас уже разделяет какая-нибудь сотня метров, и я хорошо вижу, что это мощный спортивный катер тонн на пятьдесят с высоким баком и обтекаемой рубкой, в которой отчётливо прослеживаются несколько светлых точек. Создаётся впечатление, что, мы видим огоньки сигарет находящихся в рубке людей.

Наш пентамаран идёт десятиузловым ходом, и я, видя настойчивое стремление катера к сближению, включаю дополнительно и мощную подсветку наших парусов! Мы идём в ореоле света, будучи видимыми, наверно, с Сицилии и Мальты одновременно.

02.30. Неожиданно неизвестный катер выполняет резкий поворот вправо на 90° и бросается точно в центр левого борта “Гелиоса”. И когда расстояние между нами сокращается до десятка метров, я делаю резкий поворот влево навстречу набегающему на нас форштевню пирата... Это спасает наш парусник от верного уничтожения тараном: катер ударяет нас лишь по кормовым концам обоих левых аутригеров, отрывая их у кормовой балки и загибая к центральному корпусу. От сильнейшего удара я врезаюсь лицом в компас, ощущая во рту кровавое месиво из крови и выбитых зубов, одновременно чувствую острую боль в правом колене. Лебедев почти вылетает из кокпита, ударяясь грудью о поручень. В рубке все отдыхающие матросы оказываются выброшенными из своих коек, получая травмы разной степени тяжести.

Пират, проскочив сотню метров, начинает повторный разворот на “Гелиос”, но я уже успеваю по УКВ-р/с передать SOS, наши координаты и попросить помощь. Лебедев в эти же самые секунды ухитряется обозначить наше место тремя кратными парашютными ракетами ПРСП-40. Почти сразу же нам отзывается польский сухогруз “Левон-2”, он всего в миле от нас и уже спешит на помощь.

Такая оперативность спасает нас от второго тарана. Пират быстро разворачивается к южному берегу Сицилии и исчезает во тьме...

Поляки помогли нам, вызвав пограничные катера из Мальты, до которой 20 миль, и мы идём туда в сопровождении катеров, волоча за собой деформированные кормовые части оторванных левых аутригеров...

...Мы четвёртые сутки в столице Мальты Валлетте, в одной из её бухт. Вручную отрезаем повреждённые части корпусов, приводим в порядок оборванный такелаж. Из трёх наших рулей осталось два.

“Гелиос” с его пятью корпусами вызывает большой интерес у жителей и туристов. Они охраняют, осматривая нашу столь необычную яхту. Наблюдают, как мы зализываем раны. Большую помощь нам оказывает живущая на Мальте русская семья Ирины Маликовой.

Валлетту посещает плавучий центр космической связи теплоход “Космонавт Павел Беляев”, на котором группу учёных возглавляет лётчик-космонавт дважды Герой Советского Союза Виктор Савиных.

Накануне дня нашего отхода из Валлетты судьба преподносит мне сюрприз: узнав о нашем пребывании на Мальте, к нам наведывается мой очень хороший знакомый, Олимпийский чемпион Тимир Пинегин. Мне кажется что он сильно сомневался в способности “Гелиоса” вообще держаться на воде. Он очень хочет показать пентамаран своему американскому другу, с которым они остановились в пятизвёздном отеле Валлетты, обещая прийти вечером.

... Мы встречаем гостей. Тимир идёт в сопровождении огромного роста американца, который, судя по всему, весьма удивлён, пожалуй - поражён видом пентамарана. Янки обходит весь парусник, трогает балки, корпуса, лебёдки, такелаж. Через какое-то время мы усаживаемся в нашей кают-компании. Судя по всему, Фрэнк ждёт угощения. Я отзываю Ти-мира и поясняю, что у нас нет никаких деликатесов! Только сухари, сухие супы и консервы. "Ну, выпить-то у вас хоть немного найдётся?" Тимир явно огорчён нашей бедностью. Но и алкоголя у нас тоже нет! Хотя, подожди, у меня же есть три литра технического спирта, налитого в камеру от мотороллера "Вятка". Но за две недели плавания по Средиземному морю он так пропитался запахом резины, что его не то, что пить, даже нюхать можно только в противогазе! Не угощать же американца этим "резиновым коктейлем"?

И мы решаемся!

...На столе перед американцем полулитровая алюминиевая кружка, полная технического спирта, в который я добавил несколько капель малинового сиропа. И несмотря на запах, исходящий из этой кружки, которой способен уничтожить всех тараканов в радиусе 2.0 метров!

Но янки абсолютно спокоен: он разглядывает стоящий перед ним сосуд, а затем бережно поднимает его своей огромной рукой:

- Константин, как звать что в этой чашка?

- Это русский грог!

- Тогда грог надо греть! Грог надо пить горячий!

- Дорогой Фрэнк! Мы, русские, живём на берегу Ледовитого океана и нам просто не на чем греть все гроги, и мы пьём их холодными!

- Да? - Янки чмокает, - тогда для здоровье!

Я, сам олимпийский чемпион и весь наблюдающий за всем этим экипаж и моргнуть-то не успели, как гигант за секунду опрокинул всё содержимое кружки себе в пасть. И аккуратно поставил пустой сосуд на стол... и... замер! Потянулся и громко икнул, наполнив всю кают-компанию тошнотворным запахом резины! Закусив выпитое, нашим чёрным сухарём, американец изрёк:

- Пожалуйста, завтра, я ждать тебя и Тимира в отель! Обязательно я ждать тебя, хорошо?

Ну, разве я мог придать хоть какое-нибудь серьёзное значение этому приглашению?

Раннее утро следующего дня. Мы осторожно выводим "Гелиос" из бухты под дизелем и ставим паруса. За нашей кормой шелестит почти спокойное море. Курс - вдоль побережья Мальты до западного мыса острова, затем поворот на Мессинский пролив, в Неаполь.

Проходит два часа. Самый молодой матрос из нашего экипажа Артур Лукьянов обращает моё внимание на "Мерседес", мчащийся по прибрежному шоссе параллельно с нами, при этом из машины непрерывно в нашу сторону летят яркие даже при свете солнечного утра разноцветные

ракетные огни! Но мало ли, что могут придумать отдыхающие во множестве здесь богатые туристы, и мы, не придавая этому горизонтальному фейерверку никакого значения, выполняем поворот на Неаполь.

Меня начинает беспокоить травмированное при таране колено, увеличившееся почти вдвое. А зубы, те, что были выбиты, где-то теперь на дне морском, я уже и забыл о них: дышать-то стало легче!

Тайна “обстрела” нас ракетами у берегов Мальты из “Мерседеса” была раскрыта лишь после нашего возвращения домой в октябре!

Позвонив мне, Тимир очень просил приехать к нему домой. Живёт он у метро “Маяковская”, так что посетить его мне не составляло труда, да и в его приглашении чувствовалась какая-то интрига.

За чашкой кофе слушаю от олимпийского чемпиона почти фантастическое продолжение нашей мальтийской встречи с человеком из США... В то утро Фрэнк, будучи несомненно обязательным человеком, ждал, конечно, подобного отношения и от капитана “Гелиоса”: он же пригласил меня! Повторюсь: мной подобное приглашение было принято лишь как попытка пьяного человека хоть чем-то отблагодарить меня за “арктический” напиток. Не более того! К тому же у нас уже был на это утро взят отход из Валлетты.

Прождав меня довольно долгое время в своём номере отеля, Фрэнк направился в номер Тимира, чтобы выяснить причину моей задержки.

То, что сказал ему Пинегин, буквально ошарашило американца. В присутствии Тимира Фрэнк достаёт свою чековую книжку, заполняя её следующим текстом: “Капитану русской яхты “Гелиос” Константину Ветер 100.000. долларов на ремонт яхты, ставит свою подпись и отрывает чек со словами:

- Надо его догонять и давать это!

И они стали догонять нас на “Мерсе” Фрэнка, чтобы передать мне “это”.

К сожалению, я высказал своими действиями у берегов Мальты полнейшее пренебрежение к столь гуманному поступку американца... По незнанию, наверно, что на такое может быть способен человек из-за океана?

- Ау! Фрэнк. Отзовись!

ВИВА, ИТАЛИЯ!

Мы шли в Неаполь из Валлетты, столицы Мальты. В Мессинском проливе нас поймали непонятно откуда взявшиеся сильнейшие шквалы, хотя и попутные: мы буквально пролетели маяк “Сцилла” и видели, как от шторма разбегались по гаваням местные паромы, курсировавшие между Аппенинским полуостровом и Сицилией. Уже за проливом нам встретились две буксируемые французские яхты со сломанными мачтами.

К полуночи погода успокаивается. С наступлением дня у острова Капри к нам подходит немецкая яхта. Я прошу единственного знающего немецкий язык Артура Лукьянова сказать немцам что-нибудь поприветливее

Артур поначалу теряется при виде слишком уверенного в себе экипажа и вдруг орет на все море:

- Эй! Хенде хох!

Все немцы, услышав такое, как один поднимают вверх свои руки и горланят хором:

- Гитлер капут! - и гогочут.

Немецкая яхта удаляется. Тихо говорю Артуру:

- Ты что. Спятил?

- Так я же весь свой немецкий забыл! Только это и вспомнил...

Неаполитанский залив. Мы не можем войти ни в одну из трех расположенных здесь марин: не позволяет 16-ти метровая ширина "Гелиоса". Марины рассчитаны, как правило, на однокорпусные парусники, у нас - то целых пять корпусов! Идем вдоль множества молов и за одним из них вижу мачты и рубки военных кораблей: это же военная база! Идем туда!

По молам нас сопровождает дюжина полицейских, под бдительным оком которых мы швартуемся между ракетным крейсером и эсминцем.

В один миг причал у "Гелиоса" заполняется военными моряками и полицейскими. Капитана просят сойти на берег.

С кипой судовых документов я вышагиваю в окружении двух полицейских и морского офицера к высокому светлому зданию, вероятно, штабу. Меня проводят на первый этаж со множеством коридоров, дверей и обилием всевозможных прочих служебных закоулков. Проходим десять шагов, и офицер показывает мне "левый" поворот:

- Prego!¹

Проходим еще пять шагов:

- Prego!

Еще три:

- Prego!

Наконец мы "напрягались" и оказываемся в огромном кабинете, в котором за столом величиной с волейбольную площадку восседает сам хозяин этого величественного помещения - адмирал, начальник военно-морской базы. Он выходит мне навстречу, и мы обмениваемся приветствиями:

-О, колонелло руссо!

-О, адмирало итальяно!

Постой! Откуда это он знает мое воинское звание? На мне только спортивный костюм без всяких знаков различия, ну и дела!

Я сижу в кресле напротив адмирала. Он вполне прилично говорит по-французски, что меня вполне устраивает. Тем временем сержант вкатывает столик с двумя микроскопическими чашечками кофе, они настолько малы, что еле различаются на подносе, где находится еще и фарфоровое блюдо с бисквитами.

Угощая, адмирал интересуется откуда мы пришли и каков наш дальнейший маршрут? Объясняю:

¹ Пожалуйста!

- ...Генуя, Марсель, Барселона, Кадис, Майями...

- О, Майями! Мне приходилось быть... и не один раз!

Я интересуюсь размерами чашек в майямских отелях, они, вероятно, по-крупнее тех, из которых угощают здесь... Просто наперстки, а не чашки...

Адмирал улавливает намек, и буквально через минуту сержант ставит передо мною заварочный бочонок, полный отличного черного кофе.

- Ну, это другое дело! - И я благодарю адмирала. - К этому неплохо было бы добавить и хлеба...

Тотчас появляется целая буханка "нарезки" - свежего, нарезанного тонкими ломтиками белого хлеба.

Начальник военной базы интересуется проблемами снабжения экипажа "Гелиоса" продуктами, питьевой водой, медикаментами, наличием врача в экипаже.

Хороший добрый человек с уставшими глазами. Я чувствую себя нахалом после уничтожения его кофейных запасов, но от предлагаемой помощи отказаться - рука не поднимается! Прошу дать нам десяток банок консервов и немного хлеба. Конечно, если все это его не затруднит...

Покидая гостеприимный кабинет, забываю спросить: откуда адмиралу известно мое воинское звание?

Не успел я ступить на палубу нашего пентамарана, как к нашему борту подкатил грузовик, а сопровождающий его офицер просит меня принять доставленные нам продукты!

Трудно в это поверить, но на разгрузку привезенного у нас уходит почти час! Груза больше тонны! "Гелиос" оседает на 20 сантиметров ниже ватерлинии! Чего там только не было! Ящики с консервами - мясными, овощными, фруктовыми, упаковки с галетами, жестяные, величиной с ведро, банки с джемом и вареньем. Множество пластиковых канистр и бутылок с различными соками. Рулеты и колбасы в надежной долговременной упаковке...

- Да-а-а-а! - восторгаются матросы пентамарана, - и как вам удалось все это добыть?

- Я продал свою неаполитанскую дачу, - бросаю я мимоходом, - еще вопросы?

Вечер. Мое травмированное колено по величине вряд ли уступает футбольному мячу. Меня несколько температурит: 39,7°C. Приходится валяться на своем лежаке и надеяться, что до утра полегчает... Мои ребята обеспокоены, и кто-то из них приводит ко мне ставшего нашим хорошим знакомым старшего морского офицера. Не знаю, имел ли этот человек какое-либо отношение к медицине, но с помощью явно волшебной мази и массажа моего колена он заставил меня заснуть...

Проснувшись утром, я не обнаружил у себя не только температуры, но и не мог вспомнить: какое колено у меня подверглось травме...

Спасибо тебе, адмирал. Спасибо вам, военные моряки.

Вива, Италия!

ОПЕРАЦИЯ «Аббат»

У большинства из нас Неаполь ассоциируется с голубым небом, южным солнцем, с ослепительной синевой моря и, конечно же, с песнями, носящими некое объединяющее название этого замечательного итальянского города.

Вряд ли найдется человек, не слышавший “Мое солнце” или “Вернись в Сорренто” в исполнении Карузо или Робертино Лоретти.

Уже при подходе с моря к Неаполю наше внимание привлекают многочисленные береговые архитектурные необычности города: замки, крепости, протяженные каменные стены средневековья и многочисленные мачты яхт, стоящих в местных маринах.

Впервые ступив на Неаполитанский берег, человек оказывается в совершенно необычном месте. Вы выходите из марины на набережную. Поднимаетесь по идущей к Краеведческому музею магистрали с выходящими на нее многочисленными переулками, буквально усыпанными торгующим людом. Чего тут только не встретишь! Иконки с изображением Богоматери и Младенца, бесчисленное множество копий с картин Пикассо, Гойи, Рембрандта, Рафаэля с их “личными” автографами; книги 18 века вперемешку с современными бестселлерами, оружие от примитивных луков до американских М-16 и наших “калашей”. Везде тебя сопровождают улыбки и неаполитанские мелодии, льющиеся из открытых окон. Глаза разбегаются от столь комплексного изобилия вещей и звуков.

И вот однажды, в один из первых дней нашей яхтенной стоянки в Неаполе мой яхтенный помощник (чиф) Евгений Лебедев оказался в столь необычном для нашего человека мире. Конечно, бывшего полковника КГБ вряд ли можно было бы удивить на земле, но тем не менее в глазах его заискрился явный интерес ко всему окружающему. К тому же у нас были довольно стесненные финансовые обстоятельства, да и с продуктами наблюдались проблемы.

Женя очень надеялся на ослабление хотя бы доли наших трудностей, обменять на местные “тугрики” - лиры свой старый армейский ремень с медной бляхой, на которой красовались пятиконечная звезда и серп с молотом.

Пройдя все местные торговые точки, чиф с грустью признался, что его бляхо-ременной “ченч” вряд ли может быть реализован. Лебедев стал образно объяснять, что это ремень носил чуть ли не сам Спартак, скрывавшийся две тысячи лет назад на склонах местного потухшего вулкана Везувий. Продажа не получилась... И удрученный чиф покинул торговые ряды и, спустившись по улице в сторону набережной, оказался на просторной площади с расположенным здесь же католическим собором аж шестнадцатого века постройки.

Проходя у порталов этого памятника средневековья, чиф совершенно неожиданно, нос к носу столкнулся с местным аббатом, тащившим в руках две буханки хлеба. Небольшого роста, пузатый и толстый с доброжелательной

улыбкой на пухлых губках святой отец сразу же приглянулся нашему чифу.

Последовали взаимные приветствия на русско-неаполитанском языке, после которых мой помощник детально описал бедственное положение нашего экипажа, у которого уже во рту не было и крошки, и попросил у аббата аж две сотни баксов для спасения русских яхтсменов от голодной смерти в этом прекрасном и чарующем всех городе Неаполе!

Бедняга аббат явно не ожидал такого напора и клятвенно доказывал моему помощнику, что у него нет и цента в карманах его рясы, и единственное, чем он располагает, так вот этими двумя буханками хлеба, которые он несет в храм для дневной трапезы...

Но не тут-то было!

- Ну, тогда дай хоть “фифти” баксов, если ты настоящий католик! - потребовал мой помощник, - ведь люди-то гибнут!

- Ни! Ни! Ни! - голосил аббат.

- Ну, святой отец! Хоть двадцать! Ну, десять!

- Ни! Ни-и-и! - поёт аббат!

- Ну! Тогда давай хоть хлеб!

И чиф начал отбирать у святого отца обе буханки:

- Нам же тоже надо “ням” - “ням”! Понял? У нас же тоже и крошки нет на яхте! Или ты не христианин?

Аббат растерянно разводит своими освобожденными от хлеба руками:

- Прэго! Прэго! Иисус - Мария!

Чиф дружески хлопает священника по плечу и с двумя буханками в руках, поблагодарив, направляется к виднеющийся внизу марине...

Оглянувшись лишь однажды, Женья видит, как часто и долго осеняет его вслед обобранный им святой отец...

...Хлеб оказался на редкость вкусным и свежим. Мы уничтожили его за считанные минуты! Но когда прояснилась картина его “приобретения”, весь экипаж нашего парусника потребовал от чифа немедленного извинения перед пострадавшим служителем церкви и передал ему в качестве компенсации чифовский бляхо-ременной достопримечательности. Нам ведь было не по себе, что где-то, лишившись своего хлеба, страдает голодный аббат да еще, быть может, и со своим другом епископом...

НЕЛЮДЬ

Два моих “хобби” - парашютизм и яхтинг - по своему уровню вряд ли уступали основной профессии - системам управления баллистическими изделиями. Ко всему все три вида “деятельности” образовали какой-то необычный и прочный “сплав”, основанием которого был, вероятно, всё-таки мой второй диплом с весьма необычной темой: “Одноместный космический корабль для облёта Марса по траектории Гомана”. Такой вывод вполне подтверждался всей моей работой в ЦПК имени Ю.А.Гагарина.

Вряд ли кто может объяснить, откуда на человека снисходит иногда всяческая блажь? До сих пор я не нашёл ответа на этот вопрос. Надо же: взбрело мне вдруг в голову подготовить и решить какую-нибудь программу-минимум! А именно: взять и подготовить к Олимпийским Играм 2-3 яхтсменов! Посоветовался с олимпийским чемпионом Римской Олимпиады по яхтингу Тимиром Пинегиным.

- Знаешь, - сказал мне Тимур Алексеевич, - сейчас 1986 год. К Олимпиаде 1988 года это дело невозможное, мало времени. Два момента: во-первых, коли браться, то надо иметь ввиду Олимпиаду 1992 г. Во-вторых, ребят-конкурентов в стране очень много. А посему много выгоднее брать девчонок, их порой у нас даже и не хватает. Надо подобрать 2-3 из них и вести до конца. Если будет результат, мы поможем. Правда, с ними возни побольше, ну, а почему бы не попробовать? Но чтобы были не плаксы, не двоечники, не брехливые.

С этого дня стала просматриваться перспектива. Озеро в Звёздном городке вполне подходило для начальных занятий, олимпийскими одноместными яхточками меня обеспечат, основную работу буду проводить с ребяташками на Азовском море, в Бердянске, где мои друзья Паруса несомненно окажут помощь и поддержку. Дело за "материалом": где вот в Звёздном городке подыскать подходящие кандидатуры? Да ещё - девчоночки!

Вечером спрашиваю у своей младшенькой дочки:

- Любка! Ты наверняка знаешь в своей школе маленьких девчушек, лет этак по 11-12...

- Да сколько угодно!

- Так много не потребуется. Надо двух-трёх, но крепеньких, не плакс, ну чтобы голова работала!

- С отличницами проблема, конечно... Вот Юлька Подкопаева. Она даже нашему завучу может сделать замечание...

- Стой! Стой! Вот это уже неплохо! Спасибо!

На следующий день я зашёл к родителям Юли, и вопрос с её занятиями был решён. Так Подкопаева стала моей первой кандидаткой в олимпийские чемпионки.

Всё складывалось неплохо: Юля не хныкала, вполне сносно сдала экзамены на звание "Юный рулевой" и не где-нибудь, а по месту своих будущих летних тренировок в Бердянском яхт-клубе. Дело в том, что Бердянские тренеры допускали к морским тренировкам только тех ребят, у которых они сами принимали экзамены. Я не хотел нарушать этой традиции, а потому потащил Юльку на один день в Бердянск на сдачу этих экзаменов после 20 занятий с ней по теории парусных судов разных классов. Это было 10 апреля. А 23-го Подкопаева впервые стала осваивать шверботик "Кадет" на нашем озере. Это двухместная малютка требовала второго члена экипажа и Юля привела ко мне свою подругу-одноклассницу Таню Протченко, которая по сообразительности превосходила Подкопаеву,

хотя была несомненно слабее её физически. Вот почему чаще за рулём у меня оказывалась Таня. Только за май я провёл с этими двумя девчушками 15 тренировок на нашем озере по 4 часа каждая! Теоретически Таня была хорошо подготовлена, потому, учитывая просьбу тренеров Бердянска, я в конце мая вылетел с Таней в Бердянск на целых две недели! Её пока одну хотели проверить в паре со своей сильной спортсменкой. Такой вариант меня не устраивал: я не хотел разделять своих будущих “олимпийцев”, но что поделаешь! Думаю, что такой вариант был вызван дефицитом “Кадетов в яхт-клубе, и руководство приняло решение тренировать моих девчонок раздельно, со своими.

У нас с Таней Протченко были все необходимые документы: медицинская справка о её допуске по здоровью к морским тренировкам, доверенность её родителей на право проживания со мной в гостинице и перечень продуктов, вызывающих у Тани аллергию. Экзамены на звание рулевого девчушка должна была сдать сразу же по приезду в Бердянск.

Скажу сразу: отношения у меня с этими яхтсменами были очень хорошие. Только за период майских тренировок на озере Юля подарила мне на память две своих фотографии с соответствующими надписями. Не говорю уже о Протченко: взаимное доверие и симпатии были налицо.

Прилетев в Бердянск, Таня через день сдала экзамены, получив звание “Яхтенный рулевой 3-го класса” что, конечно, возвышало её в глазах подружки, оставшейся на время дома. Таня рисует НЛО и ставит рядом мои и ее инициалы.

Начались очень напряжённые тренировки на море. У Тани была опытная коллега по “Кадету”, и у них всё получалось прекрасно. Мы возвращались с моря в гостиницу, наскоро ужинали (обед был в столовой яхт-клуба в перерыве между тренировками) и сразу ложились отдыхать, ибо подъём нам предстоял в 7 утра! Затем - завтрак и к 8³⁰ мы должны были быть на старте гонок.

Не было ни одного вечера, чтобы Таня не позвонила бы домой и не поговорила со своей матерью. Рассказывала о прошедшем дне, о море, о своих здешних яхтенных друзьях. Лишь несколько раз я подключался к этому их разговору, и то лишь для того, чтобы получить разрешение родителей на участие Тани в нашем с ней яхтенном переходе Азовского моря из Бердянска в Керчь, для чего яхт-клуб предоставил нам небольшую, но очень надёжную яхту, пригодную даже для перехода Атлантического океана. “Скиф” имел мощный балластный киль и мог идти под парусами даже в восьмибалльный шторм. Правда, прогноз погоды предвещал нам вполне пристойную погоду.

Разрешение на этот морской переход вне видимости берегов было получено и 9 июня мы с Таней стартовали в Керчь. Конечно, девчушка боялась и переживала, но в целом всё плавание перенесла вполне сносно, да так, что после возвращения в Бердянск написала собственной рукой очерк в журнал “Катера и яхты” об этом плавании. И если учесть небольшую

правку с моей стороны, то эта статья выглядела вполне приличной. Последняя неделя прошла в гонках на первенство яхт-клуба и Таня заняла в ней почётное четвёртое место. Ею я был очень доволен. В единственный данный нам выходной день мы с Таней побывали в местном краеведческом музее и картинной галерее, просмотрели два фильма и посетили парк аттракционов. В вопросе питания я всегда учитывал просьбу её матери, строго придерживаясь рекомендованных продуктов питания и избегая тех, что были указаны в переданном мне списке, написанном рукой матери Тани.

15 июня я проводил Таню домой, а на смену ей прилетела Юля Подкопаева.

В этот день через два часа уже начинались тренировки и я не хотел, чтобы Юля опаздывала на них, но всё-таки позволил Подкопаевой побыть с Таней до её отлёта.

В гостинице Юля поинтересовалась об успехах Тани и после моего хорошего отзыва я вдруг услышал-

- Ну и идите к своей Танечке!

Хамство было налицо. И я предупредил Подкопаеву о недопустимости подобных высказываний. Может, это раздражение было вызвано перелётом? Усталостью или какими иными причинами, но на этот раз я простил девчонку.

Ещё с Таней мы купили в аптеке витаминов и таблеток азрона. Витамины расходовались быстро, азрон был цел и в этот первый день перед тренировкой я предложил Юле одну таблетку этого средства против укачивания.

Прошло три дня с момента появления Подкопаевой в Бердянске. В море она держалась вполне сносно, конечно, это была не Таня, но кое- что Юле удавалось, хотя и не часто. Я планировал и с этой девчушкой тренировочный переход в Керчь по аналогии с Таниным участием. Но тут произошло “событие”, заставившее меня срочно отправить Юлю домой. И это-то всего на четвёртый день её пребывания здесь! И всё происшедшее заставило меня полностью пересмотреть своё отношение к этой 12- летней девчонке...

Прошу читателя вникнуть в содержание приводимого здесь письма начальника яхт-клуба, и многое сразу прояснится... (см. приложение 7).

Перед своим отлётом домой Юля закатила истерику, расплакалась и несколько раз просила прощения, но единственное, что я ей обещал твердо - это ничего не говорить её родителям, объяснив им столь скорое своё возвращение прекращением тренировок в Бердянске в связи с отъездом тренерского состава на некие соревнования. Таким образом, ни один человек не знал в городке об истинных причинах возвращения Юли. Ко всему она продолжала посещать наши тренировки на озере вплоть до сентября, когда закончились гонки на первенстве Звёздного городка. Таня и Юля (со своей сестрой) даже приходили ко мне домой.

Но Подкопаева была навсегда вычеркнута мной из кандидатов на “олимпийскую медаль”. Мы часто встречались, Подкопаева всегда здоровалась со мной, демонстрируя вполне лояльное отношение к своему бывшему тренеру.

Таня продолжала тренировки в городке и я стал подумывать о заявке на её участие в первенстве Москвы среди подростков.

Таня пятого июля приходит ко мне домой со своей матерью и приносит две справки: медицинскую на продолжение тренировок и участия в регате и справку-доверенность родителей на поездки дочери со мной и проживание с ней в одном номере гостиниц в других городах. Таня регистрируется участником регаты, стартующей через три недели в Москве. Нужны интенсивные тренировки на нашем озере и на Озернинском водохранилище, где у нас есть профилакторий ЦПК, куда мы должны выехать буквально на днях. Звоню матери Тани и слышу:

- Ах, Константин Иванович! А нам подвернулась путёвка, и я отправила Таню в Анапу, в пионерский лагерь! Да вы не переживайте: это всего на две недели! Или три! И она сразу же будет на тренировках!

- Но у нас ведь регата! Ей надо готовиться. Это ответственное соревнование!

- Но что же делать? Её уже здесь нет! И она так давно не была в лагере...

Так была вычеркнута из моей “олимпийской” программы вторая, совсем даже неплохая девчонка, которую я рассчитывал увидеть в сборной Москвы уже на будущий год. Не сложилось. Тогда же я сказал матери Тани, что, Таня отчислена из яхт-клуба за этакое “предательство”. Только потом я узнал, что Таня совершила его, поддавшись на уговоры своей подруги и одноклассницы Юли Подкопаевой...

К счастью, состав моей парусной секции в Звёздном городке очень даже пополнился: к августу у меня числилось еще семь девчонок и 12 мальчишек (родители просили за них, но - не отказывать же им!) И девчушки все эти были очень даже сильные, вполне справлявшиеся с управлением своих мини парусников даже в приличные ветра! Лена Мороз, сестры Настя и Надя Ольчевы, Света Хохлова, Марина Глазкова, Маша Лесневская - все они выдерживали многочасовые тренировки как на нашем озере, так и на водохранилище. Причём каждая из этих тренировок как правило, заканчивалась зачетной гонкой с выбыванием.

Были и хорошие ребяташки. Крепенькие, схватывающие все тонкости яхтинга налету. Прежде всего это Артур Лукьянов и Миша Карягин, два Андрея - Брехов и Воробьёв, Паша Басюбин и Володя Николашин, Саши Кирдань и Щукин.

...Мы провели впервые гонки на первенство Звёздного городка на нашем озере и Кубок - на Озернинском водохранилище, где все участники справились с довольно необычной и длинной для них дистанцией - 40 км! Победители получили призы, а занявшие 2-3 места - грамоты и дипломы.

Алексей Архипович Леонов, генерал, лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза подарил нашей парусной секции большой хрустальный кубок, который с этого моменты мы разыгрывали ежегодно, сделав его переходящим.

Но главное, определилась двойка самых сильных и способных девчонок - Мороз и Ольчева-старшая. Лену Мороз мы все называли "Мирэй" - за внешнее сходство с француженкой Мирэй Матье. Вот они-то в паре и составили сильный и своеобразный тандем, соперничая со своими сверстницами в морских регатах. Немного позднее к ним добавилась "интеллектуалка" (в хорошем смысле слова) Аня Голобородько, соображающая, добрая и отзывчивая девчушка.

Неожиданно на одну из тренировок на Парусный берег приходит Подкопаева и затевает драку с Леной Мороз! Но "Мирэй" сумела достойно ответить, после чего зарёванная нападавшая убежала домой. Но перед этим я попросил Подкопаеву не появляться больше на наших занятиях.

В декабре 1987 года в Щёлково мне удалось собрать группу подростков и начать с ними занятия по управлению парусниками. Мы встречались два раза в неделю по три часа. Сдача экзаменов по теории была намечена на март.

В один из дней января 1988 года ко мне домой пришёл Миша Карягин:

- Константин Иванович! Я очень хочу, чтобы парусным спортом вместе со мной занималась Наташа Иванова. Я знаю её со второго класса (сейчас они были в шестом) и мы, вероятно, будем дружить. Возьмите её в секцию, пожалуйста!

Можно ли отказать в такой просьбе мальчишке? Да ещё одному из лучших своих яхтсменщиков?

Пошёл я к родителям Наташи. Отца я знал. Он был замешан в каком-то вымогательстве, судим судом офицерской чести, понижен в звании и переведён в Вольск. А с матерью я знаком не был. Познакомились. Она преподаёт в одной из Щёлковских школ. Наташа оказалась тоненькой маленькой девчушкой, её же сдует с палубы яхты первым порывом слабого ветерка! Если честно: брать такую в парусный спорт - вещь абсолютно бесперспективная, и я бросил себе спасательный круг:

- Наташа, ты действительно хотела бы стать яхтсменкой?

- А почему бы и нет?

- Дело в том, что у меня уже завершаются занятия с группой новичков.

-А я догоню. Если будете заниматься... Если это нетрудно... Я догоню группу и сдам экзамены...

После этой встречи я ещё два дня подумывал: ведь конец января 1988 года. Заниматься с одной Наташей? День на службе. Вечером?.. Наташа всегда являлась к нам домой в точно назначенное мной время. Она аккуратно и вдумчиво вела все записи и зарисовки. Всегда готовилась

к очередному занятию и без запинки отвечала на вопросы предыдущей темы. К тому же у неё было одно замечательное качество: полное отсутствие скудости и жадности! Трудно себе представить, но она однажды поразила меня, принеся на занятия и подарив мне 50 парусных значков!! И не дешёвые ведь!

В феврале я был приглашен Наташей на праздник её класса. Она угощала всех и меня, в том числе, приготовленным ею самой “хворостом”! А какие украинские песни она исполнила, аккомпанируя себе на фортепиано! Праздник класса явно удался и в этом немалая заслуга Наташи Ивановой.

Через неделю родители отвозят нас с Наташей на базу, где находилась яхта “Кадет”. Мы пробыли там одни сутки и теперь моя подопечная имела полное представление о парусниках, на которых ей предстояло ходить после сдачи экзаменов.

Моя группа сдавала экзамены в апреле. Из двадцати ребят 14 получили отличные оценки. В их числе и Наташа Иванова. А это значит, что все “отличники” первыми уезжают на яхтенные сборы и соревнования в Бердянск на целых 20 суток с бесплатным пребыванием в пионерском лагере “Красная Гвоздика” (Родители оплачивали лишь стоимость железнодорожных билетов).

Весь май Иванова усиленно тренировалась с моими двумя группами у нас на озере и, надо сказать, не безуспешно. Радости Миши Карягина не было предела: “его” Наташка едет вместе с ним, с его группой, на Азовское море!

Перед отъездом Наташа приносит мне домой и дарит свою большую и очень красивую фотографию со своей дарственной надписью, но такой, что в это трудно поверить! Суди сам, читатель, ибо на обратной стороне было написано:

“Самому замечательному человеку, которого я повстречала в 12 лет!”

Ну, как? Вам когда-нибудь приходилось получать такое?

Через два дня я с первой группой своих питомцев был в Бердянске. Всем им были созданы прекрасные условия проживания. О тренировках и говорить не приходится. Я снял номер в гостинице “Бердянск”.

На море идут интенсивные тренировки. Из пионерского лагеря моих ребяташек доставляют на автобусе. У нас есть уже успехи, особенно у девчонок: на всех прикидках на скоростное прохождение дистанции они в первой десятке. Ничто не предвещает “бури”. И тут, в один из поздних вечеров я, возвращаясь в гостиницу от начальника яхт-клуба, сталкиваюсь на улице с Наташей Ивановой и другой моей девчушкой, Олей Воробьёвой. Ночь. Курортный город. Две соплячки среди гуляющих взрослых! Возвращаю их в лагерь и отстраняю от занятий на два дня. На проходной лагеря нас встречает заместитель начальника “Красной Гвоздики” Александр Ильич Лахно. И вдруг мы слышим невероятные слова в мой адрес от Воробьёвой:

- Ничего! Ничего! Мы ему такое сделаем! Он у нас ещё попляшет!

Александр Ильич лишь головой качает:

- И кого это ты сюда привёз?! Это что? Благодарность за всё, что ты для них делаешь? (см. приложение 6).

Дальше - больше. Меня вызывает начальник лагеря. У него в кабинете старшая пионервожатая Татьяна Чкан. Здесь я узнаю следующее: Воробьева и Иванова систематически по вечерам покидают лагерь и уходят купаться с местными ребятами. Мало того: они отбирают у живущих с ними в комнате девочек вещи и деньги! Грубят и хамят пионервожатым. Они неуправляемы! Я предупреждаю Иванову и Воробьеву о немедленной отправке их домой в случае повторения всех упомянутых нарушений.

... Идёт парусная регата на первенство Бердянска. Состав участников был сильным. Лена Мороз и Аня Голобородько выступили выше всяких похвал, заняв соответственно 2-е и 3-е места! И это по результатам пяти гонок! Мальчишки были куда скромнее. И здесь вновь "отличились" Иванова с Воробьевой. Они на первой же гонке взяли и сошли с дистанции! Наташа была бледной и её рвало. Объяснение: мы с Олей отравились невымытой клубникой... Воробьева тут же захихикала и убежала. Идём с Ивановой к врачу яхт-клуба, который требует немедленно увезти Наташу и дать ей бесалол. Нужен покой. Гостиница рядом. Получаю разрешение заведующего отелем на размещение Ивановой в моем номере, предъявляя при этом доверенности матери её на совместное проживание в одном номере. Укладываю девчужку на койку, приношу стакан воды и 2 таблетки бесалола. Наташа упирается и не хочет принимать лекарство, оглашая криком наш номер. В дверях появляется дежурная по этажу и, узнав причину шума, требует принять бесалол. Девчонка засыпает, а я, заперев номер и передав ключ дежурной с просьбой присматривать за Ивановой и не выпускать её из номера, уезжаю в яхт-клуб: гонки ведь продолжается, и в них участвуют мои человечки.

...В гостиницу возвратился в 22 часа. Наташа сидит за столом и просматривает мои листки с тестовыми вопросами:

- А можно я тоже отвечу на некоторые?

Даю ей первый попавшийся текст:

- Отвечай.

То, что написала в тот вечер Иванова, можно сравнить только с её дарственной подписью на майской фотографии (см. приложение 3).

Позвонил дежурному по лагерю, предупредил, что Иванову я привезу завтра утром. Пусть не беспокоятся. В свою очередь дежурный сообщил, что все мои питомцы уже... храпят!

Утро выходного дня. Наташа спит. Возвращаюсь с зарядки и бужу девчужку:

- Соберись. Едем в лагерь.

- А Вы что сегодня будете делать?

- Иду на Бердянскую Косу. Пешком. Люблю это место.

- Ой, можно мне с вами? Не хочу в лагерь! Скучно.
- Хотя и скучно тебе там, но надо!
- Ну, пожалуйста, возьмите меня с собой! Пожалуйста!
- Хорошо, идем.

День выдался тихим и солнечным. За 10 часов мы прошли пешком с Наташей 18 вёрст! От основания Косы до её южной оконечности, увенчанной маяком. Эта 12-летняя девчушка преобразилась у меня на глазах. Она носилась по песчаному берегу, ныряла в волны и, выскакивая из воды, вдруг прыгала как котёнок ко мне на спину, пытаясь проехаться верхам на своём тренере. Мы заглядывали в крохотные магазинчики при домах отдыха и санаториях, покупая печенье, какие-то сухари и леденцы и уничтожая всё это за считанные минуты. Я сделал десяток фотоснимков этого “похода”, в том числе и снимок Наташи на фоне Бердянского маяка. На самой кромке южной оконечности Косы. Девчонка долго смотрела в морскую даль, туда, где на горизонте летел белый треугольник паруса... И, уцепившись за мою руку произнесла едва слышно:

- Мне не хочется уходить отсюда...

В гостиницу мы вернулись в восемь вечера. Я сразу же хотел отвезти Иванову в лагерь, но она попросила задержаться хотя бы на час. И за это время она неожиданно вероятно, и для себя самой сочинила балладу, посвятив ее, как ни странно, мне (см. приложение 3).

- Я бы очень хотела пойти с Вами на Кубу, но родные... не позволят!
...Через час я отвёз её в лагерь.

Накануне отъезда этой моей группы домой, а точнее за день, Наташа вдруг сообщает мне, что они с Воробьёвой... потеряли свои билеты и не могут уехать этим поездом!

- Константин Иванович! Мы очень просим Вас оставить нас ещё на одну смену в лагере вместе с новой вашей группой яхтсменов, которые приезжают завтра. Мы же не можем ехать без билетов!..

Вот те на! Тут мне очень захотелось взять хороший ремень! Что было делать? Где достать новые билеты этим двум обманщицам? И куда они подевали старые билеты? Сейчас курортный сезон и достать билеты целая проблема!

Всё-таки на поезд я эту парочку усадил с помощью секретаря горкома партии, но с большими проблемами!

Сентябрь 1988 года. В Звёздном городке встречаю бабушку Наташи Ивановой, Антонину Григорьевну:

- Константин Иванович! Отдайте нам нашу внучку! Только и говорит о парусах и яхтах! А как узнала, что вы вернулись, не удержать её дома, бежит к вам, на Парусный Берег!

Провёл я очередные ежегодные парусные гонки на Первенство городка и на Хрустальный Кубок. Первое место занял Миша Карягин (среди мальчишек), первой девчонкой стала Лена Мороз, наша “Мирэй”.

Конец сентября. Ко мне домой прибежал Карягин:

- Можно нам с Наташей съездить в Рузу? Мы вас очень просим. На субботу и воскресенье! Походим с ней на "Луче"!

Хотя у меня были проблемы, но путёвки пришлось выписать, а первого октября родители Наташи отвезли нас троих в наш профилакторий на Озернинском водохранилище. В этот же день в нескольких километрах от базы Наташа бросила яхту, в которой она была с Карягиным и ушла по берегу в профилакторий. И тогда в присутствии Карягина я сказал Наташе, чтобы её больше никогда не видел на Парусном Берегу!

Утром второго октября приехавшие за нами родители Ивановой увозят нас домой.

Спустя месяц, обнаруживаю в нашем почтовом ящике конверт с тремя фотографиями? Наташа держит на руках свою симпатичную собачонку Симону...

Январь 1989 года. Неожиданно вечером телефонный звонок:

- Добрый вечер. Это Наташа. Можно мы заглянем к вам с Олей Воробьёвой и Ирой Павловой? Ну, пожалуйста!¹

Посидели у нас два часа, смотрели новые яхтенные журналы, слушали концерт Поля Мариа и пили чай и кофе с пирогами. После этого я не видел Наташу почти два года! До памятного вечера 18-19 августа 1990 года...

18 августа 1990 года. День Авиации. Вечером выхожу на прогулку с нашим Каштаном, маленькой рыжей собачонкой. Мы идём по известным нам лесным тропинкам, и я неожиданно замечаю стоящую под деревом одинокую фигурку: Наташа Иванова! Чудно! Ведь за прошедшие почти два года, я ни разу не встречал её! Она выходит навстречу:

- Добрый вечер, Константин Иванович!

Она идёт рядом, делая попытку погладить Каштана. Спрашивает:

- Вы перешли Атлантический океан? Расскажите, пожалуйста!

Рассказать есть что. Рассказа и ее вопросов хватает на полтора часа.

В конце прогулки необычным кажется её вопрос:

- А у вас была валюта?

- Целый мешок! 300.000 долларов. Раздавал нищим испанским и кубинским пограничникам.

Конечно, пошутил. У меня-то и цента не было. Шёл я на консервах, сухарях и воде.

- Можно я и завтра буду вечером с вами?

Я пожал плечами: да, пожалуйста!...

19 августа 1990 года. Вечер. Наташа ходит со мной более двух часов. На мой вопрос: "Не будут ли беспокоиться родители?" слышу ответ: "Их нет дома. Они на дне рождения". Проводил её до дома и в последнюю минуту вновь услышал вчерашний вопрос о валюте. Я забыл вчерашнюю "сумму", а потому после утвердительного ответа назвал, аж, 500.000 баксов! В этот вечер я подарил Наташе очерк "Белые крылья "Тайс" и карту звездного неба со звездой "НАТ".

Проходит несколько дней. Вечерний телефонный звонок.

- Это говорит мать Наташи Ивановой! Константин Иванович! Мы получили ваше письмо к Наташе, в котором вы хотите меня убить, а мою дочь продать в турецкий публичный дом! И не вздумайте отказываться! Это написали вы! Вы! Вы! И я несу это письмо в нашу милицию!

Мне показалось, что у этой женщины шизофренический кризис.

- Лена. Что с тобой происходит? Ты не выспалась? Нельзя же так шутить!

- Я! Я! Я! Шучу?! Я несу вашу писульку в милицию-ю-ю!

Я едва сдержался от крепкого словца в её адрес. Да и трубка уже молчала.

Через день неожиданно меня вызывают в отделение милиции Звёздного городка. Десять вечера! Передо мною за столом восседает жирное существо в мундире майора МВД и с абсолютно дебильной рожей. Сбоку на стуле пристроился охранник: как же без него, вдруг нападут на майора! Дебил спрашивает меня:

- У вас есть оружие дома? Огнестрельное?

- Оружия нет. Есть ракетница с 15 мм патронами красного огня.

- Но из неё можно убить?

- Я могу убить вас вот этой пепельницей что на столе, но её нельзя назвать оружием.

- А вы можете её добровольно сдать нам?

- Зачем? Такая "авторучка" свободно продаётся в магазинах, она у меня уже 14 лет, прошла по 20 морям и никто, ни пограничники, ни таможня не предъявляли мне за это никаких претензии. Это принадлежность яхтенного снабжения.

- Но всё-таки передайте её нам!

Приношу к ним свою ракетницу с ракетками и валявшимися у меня лет 20 несколькими малокалиберными патронами (остались когда-то от испытаний). Оформляется "Акт добровольной сдачи оружия". И затем уж совсем из ряда вон заявление:

- Вы угрожали убийством гражданке Ивановой и похищением её дочери для продажи в публичный дом Турции?

Здесь же мне были предъявлены обвинения в незаконном хранении огнестрельного оружия, но самое "главное" - в якобы разращении малолетних несколько лет назад: Подкопаевой, Протченко, Ивановой, Воробьёвой, Павловой и Николаевой!

Несмотря на трагичность ситуации, я стал смеяться и "признался", что дважды "изнасиловал" начальника местной милиции, двух старух-уборщиц и что регулярно переписывался с ублюдком-убийцей Чикатило, интересуясь техникой его "деятельности"!

- Вы напрасно смеётесь, - дебил в майорских погонах прикрыл один глаз, став при этом полностью похож на идиота. - Пока я беру с вас подписку о невыезде и будем разбираться!

Проходит месяц! Ни слуху, ни духу! 6 ноября я должен лететь в Лас-Пальмас, где временно находится мой тримаран “Таис-3”, его надо привести в Бердянск. Мне уже взят авиабилет на этот перелёт вместе с экипажами рыболовных сейнеров. Яхту надо забрать до 14 ноября.

В девять вечера возвращаюсь домой из Москвы. Надо ещё сделать свою вечернюю “зарядку”. Беру дисковые гантели и соединяющий их мягкий кусок алюминиевой проволоки, выхожу из квартиры и... сталкиваюсь нос к носу со своей младшей дочкой, на руках у которой вижу залитого кровью, неподвижно лежащего нашего Каштана, в шее которого зияет большое отверстие, с вытекающей из него струёй крови!

- Кто? Собака?

- Пап, это не собака. Это ребята! И две девчонки! Побежали к 17 или 20 дому! Мне сказала девочка у нашего дома. Она всё видела... Подозвали и ударили ножом в шею.

- Быстро домой! Мама (врач!) уже пришла с работы! Быстро!

О дальнейших событиях, читатель, ты узнаешь из прилагаемого моего заявления (см. приложение 4).

И вот за время моего двухмесячного отсутствия подонки в «содружестве» с «мусором» Тощевым и псевдопрокурором Копыловым, делая полностью ставку на шестерых (!) 15-летних девчонок, изгнанных в своё время (три года назад!) из яхт-клуба Звёздного городка, “шьют” мне сразу два “дела”: пост. УК 218 (незаконное хранение оружия) - это-то при наличии “Акта о добровольной сдаче ракетницы” и по ст. 120 (развратные действия).

Бутырка. Помощник прокурора Копылов:

- Константин Иванович! С такими деньгами и - здесь! Это смешно!

С какими это деньгами? А с теми, о которых я в шутку упомянул Наташе Ивановой во время наших с ней “прогулок 18 и 19 августа”. Ведь больше ни один человек не знал об этом разговоре!

Говорю Копылову:

- Женя, ты тоже можешь заработать такие гигантские суммы, для этого тебе надо хотя бы раз пойти со мной в океан.

- Да! А я пойду, а вы меня ночью сбросите в море!

- Что? Чувствует кошка, чьё мясо съела?

Копылов суетливыми движениями начинает перебирать свои бумажки на столе, а я пробую рукой табурет, на котором сижу, и слышу Копылова:

- Вам не удастся поднять. Это привинчено...

Боишься нелюдь получить по башке своей облезлой за фальсификацию с первой до последней страницы моего “дела”.

Но ни на следствии, ни на суде мне не дали задать “потерпевшим” ни одного вопроса по существу “дела”, поскольку все они буквально разрушали всё обвинение, построенное лишь на измышлениях этих девчонок! В качестве “свидетелей” выступали родители “потерпевших”, брат одной из них (Оли Воробьёвой) и девчонка, которую я три года назад выгнал из яхт-клуба за безобразное поведение. Интересен эпизод, происшедший

на очной ставке с Наташей Ивановой и её матерью, мой первый и единственный вопрос к ней:

- Наташа, скажи, пожалуйста, зачем ты так оклеветала меня?
- Вы... Вы угрожали в своём письме убить мою маму, а меня сделать проституткой...

- Наташа. Я никогда не писал этого письма! Никогда.

Наташа смотрит на свою мать, которая начинает кричать на дочь:

- Было! Было! Ты сама читала. Пересядь ко мне. Ближе.

Говорю Копылову:

- Я не видел Наташу несколько лет. И мы очень даже по-доброму два вечера подряд гуляли вместе с собаками нашими, о многом говорили. Ведь так, Наташа?

Меня перебивает вой матери:

- Не была она с вами. Не была! Ложь. Ложь это!

Я смотрю на эту, ставшую уже почти взрослой девчонку: Наташа опускает глаза и молчит... Ни одно из моих показаний Копылов не заносит в протокол. А все мои вопросы пом. прокурора называет ...“ненужными” и “не относящимися к делу”. А ведь каждый из них разрушал любое голос- ловие “потерпевших”... Тогда я сказал:

- Копылов! Каждый высказанный мной здесь довод моей невинности подтверждается документально! Каждый! У меня дома десятки, сотни документов и я обязательно предъявлю их суду!

... На следующий день Копылов проводит обыск в нашей квартире (в моё отсутствие!), обыск по статье 218 (по ракетнице), “Акт” о добровольной сдаче которой уже снимал с меня ответственность по этой статье. Копылову и не нужно было какое-то оружие, ему срочно надо было изъять и уничтожить все вещественные доказательства прекрасного отношения ко мне всех “потерпевших” во время их пребывания в яхт-клубе несколько лет назад... Но кое-что осталось. И даже это не оставляет камня на камне от обвинения по всем шести моим оговорщицам!!

Анализ этих документов учёными-психологами (один из них профессор МВД, второй доктор наук ЦПК им. Гагарина, третий ведущий психолог лаборатории) научно обосновал всю ложь следствия и суда в заведомо умышленном фабриковании моего “дела”, единственной целью которого была попытка, получить часть тех огромных сумм, о которых я, шутки ради, поведал Наташе Ивановой на памятной нам обоим “прогулке” в те два вечера, на которые и следствие и суд наложили своё “табу”!

Не думаю, что это преступление, этот сговор подонков, в том числе из МВД, прокуратуры и суда останется забытым. Это преступление, доставившее столько горя моей семье, не останется безнаказанным. Настанет минута и меч возмездия поразит всю нелюдь, замешанную в этом преступлении. У нас нет судов! А жаль!

У нас нет прокуратур! У нас нет ничего, что должно защищать нормальных людей. В этих условиях Талион неотвратим. Дебил, бывший майор

МВД, похудеет на 100 кг. У плешивого пом. прокурора вырастет пышная шевелюра. Иванов-папа сожмётся до размеров пораженной коростой крысы, а судья заговорит на языке бабуинов.

Это может произойти столь неожиданно и беспощадно, что вся эта НЕЛЮДЬ и пикнуть не успеет ТАЛИОН.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
“КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА”

Редакция журнала
“КАТЕРА И ЯХТЫ”
Ленинград, ул. Гоголя, 8
Москва, ул. Правды, 24

Дорогая Редакция!

Посылаю Вам короткий очерк о своём первом морском яхтенном переходе через Азовское море из г. Бердянска в порт Керчь и обратно. Было это с 9 по 11 июня этого года.

Таня Протченко, 12 лет.

...Выход яхты задерживался. Ночь уже опустила своё черно-синее покрывало на Бердянский залив, а Капитан и Тренер всё ещё продолжали подготовку к переходу парусника, стоявшего на якоре.

Сын Тренера, Димка, наверняка уже проклинал тот момент, когда посадил меня в шлюпку и начал описывать круги вокруг яхты: при подготовке мне и ему приказали держаться рядом на акватории и не удаляться от парусника, чтобы не затеряться в ночной мгле.

Димка хоть и недолюбливал девчонок, но со своими обязанностями справлялся вполне прилично, удерживая лодку рядом с яхтой на довольно крупной волне. Наконец, мне разрешили подняться на борт парусника, а моё место в шлюпке занял Тренер.

На яхте нас осталось только двое: капитан и я.

Мы летели под гротом и стакселем мимо Бердянской Косы, увенчанной белым огнём маяка.

Вообще-то пора представить себя: Таня Протченко. Живу под Москвой в Звёздном городке. Ученица 6-го класса. Яхтенный рулевой. Хожу на “Кадете”. В Бердянск меня утащил капитан. Надо было здорово поверить в мои яхтенные способности, чтобы вырвать меня из рук родителей и доставить сюда, на Азовское море в спортивный лагерь яхтсменов.

Мы прилетели в Бердянск 30 мая, а уже на следующий день я стартовала в 4-х гонках. Ох, и накрутилась я в тот день! Море - это не наше озеро в Звёздном городке! Экипаж нашего “Кадета” занял следующие места в порядке гонок: 9, н/ф, 4 и 7. Это из 14 яхт! Совсем не плохо для первого раза. К сожалению, одну гонку мы не закончили: положили яхту, а воду откачать сразу не сумели. Погода была свежей. Ветер 4-5 баллов. Он заставил нас здорово потрудиться при откренивании нашего швербота. Не помню, как я доплелась вечером этого дня до гостиницы. Не хотелось ни есть, ни пить, а только спать! Но капитан потащил-таки меня в кафе, где я очень старательно

клевала носом, одновременно пытаюсь не пронести мимо рта что-то из того, что лежало передо мной на тарелках. Капитан очень сердился и ворчал, если я что-то оставляла недоеденным. После ужина мы позвонили моим родителям и доложили о “содеянном за истекший день”.

Последующие 10 дней были заполнены тренировками. Свободного времени в обрез. Но все-таки капитану удалось вытащить меня дважды в музей (Художественный и Краеведческий) и несколько раз в кино.

И вот, наконец, обещанный мне морской переход на крейсерской яхте из Бердянска до Керченского пролива и обратно! А это 500 километров!

Накануне, 8 июня, капитан второй раз получил разрешение на мой переход через море у моей мамы. На этот раз по телефону. Одного моего желания ему было маловато.

Идём ночным морем. Судя по всему, ночной шторм разыгрался не на шутку. Мне было приказано не высовывать носа из рубки и спать. Но последнее оказалось вовсе не таким простым делом! Яхту резко бросало на волнах, и меня всякий раз перебрасывало с одного дивана на другой, с противоположного борта. Я не страдаю морской болезнью, иначе мне было бы намного труднее. В просвете входного люка я временами видела фигуру капитана в штормовом костюме и спасательном жилете. До сих пор не пойму, как может управлять такой большой яхтой один человек! Доставалось капитану особенно при перемене галса. Двух рук, наверно, маловато, чтобы одновременно справляться с несколькими шкотами, фалами и лебёдками. А ещё надо было отдавать и набивать бакштаги, да при этом ухитряться не выпускать из рук руль яхты.

Часа через два я всё-таки задремала, но тут же голос капитана буквально сбросил меня с дивана:

- Таня! Быстро ко мне!

Через секунду я была в кокпите, защёлкнув карабин страховочного конца, укреплённого на моём спасательном жилете. Вокруг кипящее штормовое море и волны в барашках пены. Мачта чертит по звёздам замысловатые зигзаги. Паруса, туго набитые ветром, готовы разлететься в клочья от напряжения...

- Бери руль! Веди яхту! Ровно! Я набыю фалы грота и стакселя!

Впервые в моих руках длиннющий румпель крейсерского парусника. Идём в крутой бейдевинд. Яхта слегка приводится. Штормовка и спасательный жилет хорошо защищают меня от ветра и брызг. Но румпель я могу удерживать только двумя руками, упираясь при этом ногами в банку кокпита.

- Куда ты валишься?¹

Капитан говорит громко и резко. Он работает с валовыми лебёдками у мачты. Как это я проморгала увод яхты с курса?

- Что мне держать на компасе? - И тут же пожалела, что не подумала и задала такой вопрос.

¹ Парусный термин - разворот яхты под ветер.

- Какой тебе нужен компас? - зарычал капитан. - Веди яхту по парусам! Понятно? По парусам!

Что ж, понятно. На компас не смотрю: всё внимание передним шкаторинам грота и стакселя. Они ободряюще подрагивают. Это то, что нужно.

В кокпит буквально сваливается капитан.

- Замёрзла? Хочешь отдохнуть?

Киваю утвердительно. Он отпускает меня в каюту:

- Постарайся выспаться! Днём яхту поведёшь ты!

- Это через сколько часов? - спрашиваю я, и мои слова тонут в шуме волн.

- Через десять! Ну, иди! Иди!

Странно, но у меня пропало всякое желание покидать кокпит. Я медленно поднимаю крышку люка, задерживаясь для снятия страховочного карабина, и смотрю, смотрю на ночное море с бесконечной чередой волн, на небо с крупными южными звездами и Луной, багряным костром выползающей из-за горизонта. Мне 12 лет, я всего лишь рулевой маленького швербота, но я впервые всем своим существом вдруг почувствовала грозную красоту морской стихии.

Потом мы будем возвращаться в Бердянск. Легкий попутный ветерок помогает нашей яхте бесшумно скользить по голубому от неба и золотому от бликов утреннего Солнца морскому простору. Я веду парусник уже целых четыре часа! Какой-то покой на душе и... сожаление. О чем? О ночи, оставшейся позади! И всё-таки шторм и ночь лучше! Я не могу объяснить этого чувства. Я не знаю, почему! Но лучше. Лучше! И, наверно, без этого просто нельзя.

Сию в гостинице. А память невольно рисует передо мной картину летящей на крыльях-парусах нашей яхты, вой ветра в такелаже, вид мачты с её верхушкой, мечущейся по небу и соединяющейся с линиями созвездия, и фигуру капитана за рулём в тучах брызг! Капитана, ведущего наш парусник и бормочущего себе под нос старую пиратскую песню: "Йо-хо-хо"!!

Таня Протченко

12 июля 1987 года.

г. Бердянск - Звездный городок.

Это месяц спустя после моих "разврат" действий

Мой обратный адрес: 141160, Звездный городок, дом 12, кв. 35.

Телефон домашний 526-34-54

Новый адрес: дом 20, кв. 139.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРОТЧЕНКО ТАНЯ - автор оговора 1990 г.

Её письменные ответы во время пребывания со мной в Бердянске 14 июня 1987 г. Это был её предпоследний день (всего были 14 дней).

В день своего отлёта из Бердянска Таня дарит мне свою вторую фотографию с надписью:

"Капитану Ветру К.И. на долгую память".

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИВАНОВА НАТАША - автор оговора 1990 г.

Её письменные ответы опросной анкеты в тот единственный день пребывания со мной в гостинице (отравилась клубникой):

Посвящается К.И.В.
18.06.1988 г.

БАЛЛАДА

В 23 день морозный,
В январе то было.
Раздался звонок тревожный.
В доме светло было.
Трубку дочка подняла.
Натой величают,
В трубке голос прозвучал.
Так, что ясно стало.
В трубке голос отвечал На её
расспросы,
Говорил, как звать его,
Задавал вопросы.
Приходил домой Он к ней,
Говорил он с нею,
Рассказал о яхтах ей,
Приглашал позднее.
Наташа скоро подросла
Полюбила яхту!
А потом произнесла:
“Спасибо капитану! ”

И ещё запись одной фразы: “Как я хочу с вами на Кубу на яхте! Но родители, близкие!

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

В Народный городской суд г. Щёлково Московской области

от Ветра Константина Ивановича,
141160, М. О., Звёздный городок, д. 43, кв. 13.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу возбудить уголовное дело и привлечь к ответственности:

1. По ст.180 УК РСФСР (Заведомо ложный донос, статья без срока давности): ИВАНОВУ Елену Евгеньевну, прож. 141160, М. О., Звёздный городок, д. 20, кв.118.

2. По ст. 178 УК РСФСР (Преступление против Правосудия: заведомо незаконный арест): ТОЩЕВА Сергея Александровича, прож.141160, М. О., Звёздный городок, д. 49, кв.20.

14 октября 1990 года указанными лицами по отношению ко мне были умышленно совершены заведомо ложный донос (Иванова Е.Е.) и заведомо незаконный арест (Тощев С.А.).

ОБЪЕКТИВНО: 14.10.1990 г. в 2130 на прогулке нашей собаке был нанесён ножевой удар в шею. Моя младшая дочь несла истекающую кровью собаку домой, а я в это время выходил на улицу для своей вечерней “зарядки”, которую делаю каждый вечер 30 лет. У меня в руках были гантели и кусок мягкой алюминиевой проволоки для соединения гантелей во время упражнений.

Дети у дома показали мне направление, по которому убежала группа подростков, подозвавших и тяжело ранивших нашу маленькую собачонку.

Я осмотрел несколько подъездов в домах и в одном из них встретил своих учеников Иванову Наташу и Карягина Мишу (им по 15 лет). Я стоял с ними всего 10 секунд, спросив лишь об одном: не видели ли они, кто мог ранить нашу собаку.

Когда я уже выходил из подъезда, из квартиры Ивановых вышла мать Наташи Иванова Е.Е. и, усмехнувшись, вдруг закричала на весь подъезд, что её дочь убивают... В течение нескольких секунд я объяснил матери причину своего появления в подъезде, после чего Иванова Е.Е. вдруг совершенно спокойно сказала мне, что у них тоже есть собака и надо найти этих “бандитов”. Я вышел осматривать другие подъезды.

ОТВЕТСТВЕННО ЗАЯВЛЯЮ:

1. Я говорил с подростками всего 10 секунд.
2. Я говорил с подростками только о собаке.
3. Я не сказал подросткам ни одного грубого слова.
4. Я не произнёс ни одного слова угрозы.
5. Я не замахнулся ни на кого ни гантелями, ни проволокой.
6. Сама Иванова (мать) не слышала нашего разговора, т.к. я уже выходил из подъезда.
7. НИКТО этого не проверял. НИКТО меня ни о чём не спрашивал.

Последовавшие за этим события можно назвать лишь бредом.

Через полчаса бывший милиционер Тощев С.А. просит меня прийти в отделение. Прихожу. На меня неожиданно набрасываются четыре “милиционера”, надевают наручники, а Тощев, по телефонному звонку Ивановой Е. Е., обвиняет меня в угрожающих действиях и попытке убить подростков в подъезде, а затем умышленно, бездоказательно, без всяких проверок и опроса, не слушая моих объяснений, без санкции прокурора подвергает меня аресту. Результат: два месяца Бутырки. За это “действие” бывший милиционер Тощев был “наказан” лишь представлением прокурора о нарушении им, Тощевым, Закона (см. приложение).

УТВЕРЖДАЮ: Эта встреча с моими учениками была случайной, никакого “подкарауливания” с моей стороны и “угрожающих действий” не

было. Об этом не говорят даже “потерпевшие” подростки. А “свидетельство” самой матери - полный абсурд: она не слышала ни слова из нашего 10-ти секундного разговора с ребятами.

СЧИТАЮ: Действия Ивановой и Тощева заведомо преступными и лживыми, приведшими меня и мою семью к трагическим последствиям.

К. Ветер

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Наручники защелкнулись с помощью человек пяти. Редкого бандита брали с таким почетом, а в Звездном городке за всю его историю - вообще первого. Не то что он сопротивлялся, но всё же в свои “под” шестьдесят подтягивался раз тридцать и каждый день зарядка с кроссом, и боксерская молодость... Подстраховались. Притом по-воровски, поздним вечером, вызвав из дому в легком спортивном костюмчике “поговорить”. В темноте, после 23-х Звездный городок лишился зрелища, как одну из его живых легенд пихают в милицейский “рафик”. А уж в камеру... Он все еще не верил, что это - с ним. На дне бассейна, в скафандре, с пережатым кислородом казалось легче. Дышать можно было только прижавшись щекой к полу. Человек двадцать, набитых в тесный отсек, дымили, что есть сил, будто специально для его морских легких. От жажды вспух язык, от дыма заклинило никогда не курившее сердце. В этом виде и состоянии выводили на очные ставки. Надо же - с кем!

И он не проклял тот день и час, когда за его же заслуги Звездному подарили десять “Лучей”, десять отличных двухместных яхт. И в парусной федерации поставили ориентир: есть девчонки? Бери! Конкуренции меньше, к 94-му, олимпийскому, можно войти в команду! Так к его сверхзадачам - в одиночку через Атлантику, затем вокруг света - прибавилась и олимпийская регата. Черт подери! Почему бы и нет? Первых кандидаток назвала дочь: кто из подруг посмелее. Яхты на звездном пруду магнитили своих, щелковских и даже московских. Сперва крутился на общественных началах, пополам со службой. Потом, сняв погоны основал детский клуб в соседнем Щелково. Это сжато.

“Приставал” ли он к ним? Ну конечно! Несколько десятков мальчишек-девчонок, самых разных, таких прытких и хрупких, и суровое яхтенное дело. Волна, глубина, ветер, скорость - все всерьез, без скидок. Уследить, научить, проверить, закрепить, не утопить, не простудить, не покалечить, попасть на самолет и на поезд, вернуть целыми родителям - бездна забот, вбитых в беспощадное поминутное расписание. - Были щекотливые обстоятельства? Разумеется. То девочки сбежали вечером, после отбоя из лагеря в ночной курортный городок. То норовят с местными мальчишками ночью искупаться голышом в море. То одну нечаянно застукает, извините, за мастурбацией, то другая симулирует болезнь и бросит яхту на противоположном берегу, то третья описается. Множество ситуаций для сурового или отеческого вмешательства, воспитательских

внушений и дисциплинарных мер. Мог шлепнуть по заднице? Мог: “Ишь, какую отрастила, ну-ка на зарядку!” Мог поцеловать? Конечно, если отлично сдала экзамен на рулевого или, наоборот, стоит зареванная: разбивши яхту, за которую ему же выкладывать теперь своих рублей пятьсот. “Ну, не реви. Обойдется, отремонтируем”. Массаж? - А как же без него, когда синеют на воде и на ветре, кувыркаются на поворотах. Элементарные вещи. К себе домой? Звал - не то слово, сами рвались: посмотреть морские сувениры, послушать истории под пирог, испеченный женой, за капитанским кофе. И наверстывать лекции с отставшими от программы. - В гостинице ночевал в одном номере? Еще бы: ни свою, ни чужую одиннадцатилетнюю дочку ни за что не оставит одну или в посторонней компании. А если там зуб на зуб не попадает и в комнате плюс два, то и свое одеяло отдаст.

Кем себя чувствовал, получая пламенные девчоночьи открытки любимому капитану? Их фотографии с трогательными подписями на память, их неумелые рисунки и баллады в свою честь? Конечно, капитаном Немо, капитаном Грантом, капитаном “Алые паруса”. Платил той же монетой - смешно сказать, слал по почте морскую романтику, переписанную из Александра Грина. За успехи в экзаменах, тренировках и гонках мог подарить украшение, часики, детский кейс-дипломат... Был ли неосторожен? О, еще бы! Как всегда и везде. Этот морской юмор неизлечим! Ведь он, не кто иной, мог научить женщину-инженера, соседку по служебному кабинету, мерить температуру... будильником. Мог закатить соседу-генералу тот самый анекдотец, помните? В один мешок бог посадил умных, они там придумали песню - не слышали случайно? Ах, нет? Значит, сидели в другом, извините, мешке... Так и здесь. Проплывая мимо подмосковной церквушки: “Эх, сбросил бы лет сорок - обвенчались бы здесь с тобой! Согласна?” Найдя корки сберкнижки, сочиняете ребятами: “Такой-то получить 1 млн. 260 тысяч рублей при выполнении ею норматива мастера спорта” Понимали, хохотали, казалось, умнели. И оказалось, слишком...

Кто б мог подумать, что спустя пять лет (1986-1990) все это вернется к нему - и в каком виде? Что следователь спецпрокуратуры по фамилии Копылов, лысеющий, светлоокий молодой человек, будет сладострастно допрашивать тех повзрослевших девочек и вписывать в протокол суконные, веками отработанные для таких случаев штампы: “С целью совершения развратных действий...”, “Под предлогом массажа...”, “Систематически целовал...”, “Предлагал обвенчаться...”, “Пытался лечь в одну кровать...”, “Показывал сберкнижки на её имя... если согласится иметь от него ребенка...” и т. д. всего не перечислить...

В чем дело? А в том, что запахло Атлантикой! Международными портами, заграничными, валютой. “А есть у вас валюта?” - спросила девочка, прогуливая рядом свою собачку, когда билет и виза в Лас-Пальмас были готовы, чтобы оттуда на тримаране стартовать через Атлантику - первый

советский одиночка! “Есть, 300 тысяч!” - засмеялся капитан, не имевший ни цента. И даже добавил: “Есть пятьсот тысяч!”

Через несколько дней мать девочки, из семьи офицерской, но знакомой со спекуляциями, снесла в милицию бредовое письмо от анонима, непонятно чего требующего от дочери и непонятно чем грозившего ей... И заявила, что это прислал Ветер.

Заодно донесла, как он давал ребятам пострелять из авторучки- ракетницы давнего космического комплекта. Ракетницу, пересекающую с ним десять морей и внесенную в столько же таможенных деклараций, капитан тут же добровольно сдал, состава преступления не было. Письмо отлетело после первой же экспертизы, для которого капитан под надзором исписал этими же погаными словами почти двадцать страниц - наука его авторства не подтвердила.

Но сыщики были упорны, как некие существа, нацеленные на сало. Обыск в доме, перерыты все полки, ящики, книги. Ну, хоть бы долларик - лишь дневники, конспекты, психологическая анкета Чикагского университета для подростков (о, море милицейского, торжества!) и слезы жены с дочерью! Ну, просто - ничего. Потом все, что могло его защитить, бесследно исчезло. Тогда остается последнее - несколько девочек, отставших от команды, отчисленных в разное время, послушно подтверждают все, чему учат поднаторевшие взрослые. Да и сами они уже не те одиннадцатилетние, трепетные, почти шестнадцатилетние, искушенные в видаках, в секс-криминальных сюжетах.

“У меня в этой комнате любой станет преступником”, - обещал милиционер по фамилии Тоцев, чувствуя себя всемогущим перед достаточно дисциплинированным офицером. И сдержал слово с помощью легкой провокации и крика: “Он хочет убить мою дочь!” Дернул же черт капитана искать по вечернему Звездному городку, кто ударил ножом его беззлобную собачонку Каштана.

- С такими деньгами и здесь - это смешно, - усмехнулся следователь спецпрокуратуры в допросной комнате Бутырок. И когда Ветер взялся за табурет, добавил: - Это привинчено...

Седой жилистый дед с синими острыми морскими глазами, с грязным матрасом под мышкой переступил порог камеры номер 123 в Бутырской тюрьме. Откуда, говорят, бежал Дзержинский. Нары, параша, спящие, едящие, помогающиеся друг друга - три десятка жильцов повернулось к нему.

- Здорово, мужики. Где тут моё место?
- Место, отец, заслужить надо.
- Как?
- Положи мою руку!

Положил двадцать рук. Правой, потом левой, как захотели. Кого-то согнали, дали место сразу у окна.

“Это еще не всё, мужики. Делаем все тетради из подтирочной бумаги и слушаем лекции по яхтенному делу. Потом принимаю экзамены как капитан дальнего плавания и выдаю документ. Скрепляю отпечатком пальца. И это не все. Каждый день на прогулку - бегом. Вслед за мной. Ну что?”

Сидящие кто за грабеж, кто за воровство, а кто и за убийство, сдавали экзамены по парусам. Волновались, как школьники. А потом плакали, когда дед выходил на свободу. Хоть и радовались за него. Хотя какая свобода - под суд. Но и это не все. Камерный суд присяжных - никакой трибунал не сравнится. Лучше сразу умереть, чем попасть сюда за малолеток. Допрашивали вперекрест и со знанием дела. Вердикт: “Здорово тебя, дед, подставили”.

Судья мог бы назначить открытый показательный процесс в самом Звездном. Кто об этом просил? Обвиняемый Ветер. Мог (или должен был) пригласить психологов и сексопатологов, как его и просили, но спрятал заседания за режимным забором, специалистам отказал, уверовав в свои собственные познания человеческих душ. “Выслушав показания свидетелей”, - сказано в приговоре. Даже поверхностный взгляд выявляет: ни одного свидетеля “развратных действий” за все пять лет не найдено. Если верить нескольким сговорившимся девочкам (из многих ребят и родителей, вставших за него стеной), то гостиница в Бердянске у Азовского моря и режимный профилакторий в Рузе у водохранилища должны были ходить ходуном от описываемых бесчинств. Когда ему сопротивлялись, били ногами в живот, рвали волосы, кричали, выбегали из номера. Однако за пять лет ни один глаз и ни одно ухо этого не видели и не слышали. В том числе дома и в школе. А ведь стоило девочке чуть закапризничать при глотании бесалола от боли в животе, дежурная по этажу тут же влетела в номер. Свидетели с места сборов сообщили только о бесконечной заботе тренера о своих будущих чемпионках. Но судья их не вызвал, отбросив справедливое ходатайство.

Кстати, а как же письмо? То, с которого все началось? Если не Ветер, кто же его сочинил и подбросил? Надо искать. Надо - да не с чем. Письмо из дела испарилось. Но судья и ухом не повел. Либо в моде был процесс на Чикатило, либо твердо прикрывал своих. Арест невиновного - поворачивай против них дышло закона. Значит, признать виновным капитана.

Позже в верхних инстанциях усовестились, статью “по оружию” отменили совсем, статью “по разврату” скостили до условной. Но совсем пересмотреть - нет. И почти доверительно: “Ну, а зачем? На вас и так ничего не осталось. Ошибки у суда и у следствия были. Но тогда нам надо половину судов и две трети милиции разгонять, если за это наказывать...” Ну да, за сломанные судьбы не наказывают. И за действительный разврат удачного сговора, опутывающего взрослых и детей.

Однажды к ночи, кулаки в карманах, он брел по Звездному. За себя не ручался! Силы хватило бы на всех взрослых. Навстречу попались генералы. «Только не горячись. Мы все за тебя, мы тебя знаем. Но только

не срывайся. Это общая просьба». Это звучало обещанием помощи. Он честно ждёт её до сих пор.

Он не сорвался. Хотя не хватило соленой Атлантики, чтобы отмыть лицо. Следы их торжествующих ухмылок. Мадейра - Куба, три с половиной тысячи миль. 24 дня. Но стала гнущаяся мачта, лопнул рулевой трос, дальше нельзя без ремонта. Кроме ремонта яхты - ремонт души. Может, это будет рекорд Голубой ленты Атлантики - выйти из семи парусных суток... Может, рекорд без остановки, вокруг света - меньше ста суток. Может, меньше 80 Нью-Йорк - Сан-Франциско, вокруг их континента. Может, кругосветка девчонок-яхтсменов, он их все-таки выдернет! С посещением всех портов трассы. Яхта шведская, "Свои", уже выбрана и заказана. Девчонки поднатореют, что тебе женский экипаж в космосе.

Ремонт души - это лучше на ходу, под парусом и ветром. Ну, ремонт правосудия? Ох, какой нужен док, какой инструмент! Есть ли буксир, который вытянет это для всех? Или каждый будет брошен вплавь, в одиночку барахтаться к своему берегу справедливости? Тогда это надолго и безнадежно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Следствием и судом не рассматривалось

Уважаемый Константин Иванович!

С Новым Годом! Желаю Вам исполнения всех морских планов!

У меня из головы не выходит история с вашим судебным делом. Но надо добиваться справедливости.

Долгое время я ожидал вызова в суд, чтобы выступить в качестве свидетеля по вашему делу: ведь я располагаю сведениями из первых рук: всё слышал и видел сам. Ходатайствовали ли вы о вызове меня в Московский суд?

И сейчас считаю необходимым и важным сообщить суду неизвестные ему обстоятельства, которые могли бы значительно повлиять на судебное решение, а именно: я лично был очевидцем сговора против вас со стороны девчонок Ивановой Натальи и Воробьёвой Ольги, которые в моём присутствии решили оговорить вас в совершении, якобы, развратных действий с ними в отместку за отстранение их от занятий на яхтах в июне 1988 года в городе Бердянске, в нашем яхт-клубе.

Это было, когда вы их, 12-летних, поймали в ночном городе и насильно притащили в пионерский лагерь "Красная гвоздика", где они постоянно жили 20 дней.

Я хорошо помню и подтверждаю их слова, сказанные в моём присутствии в ваш адрес: "Ничего! Мы ему такое сделаем! Он у нас ещё попляшет!". Мне трудно забыть такое, зная, сколько добра и заботы вы вкладывали и проявляли ко всем ребятам и девчонкам Звёздного городка (20 человек) во время их многодневного пребывания на морских парусных тренировках и соревнованиях в то Бердянское лето...

К сказанному добавлю, что, по словам зам. нач. лагеря (она вам ещё тогда писала) и пионервожатых, эти Иванова Н. и Воробьёва О. - были единственными девочками, которые ночью убежали из лагеря, купались ночью в море с ребятами.

И наконец, их фокус, когда накануне отъезда они не захотели ехать домой и “потеряли” свои ж/д билеты, и вы с таким трудом тогда отправили их в Москву.

Вы хоть говорили об этом на суде? И показывали письма от зам. нач. пионерлагеря Татьяны Чекан? Она же вам тогда ещё обо всём писала и просила больше таких не привозить.

Я могу в любое время подъехать и подтвердить всё сказанное здесь, чтобы всё было по правде и честно.

Всего вам доброго. Письмо передаю нашим директором Чернышовым В.А.

А. Лахно, нач. водной станции

332440, Запорож. обл., Бердянск,

ул. Химиков, 2, кв.44,

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Следствием и судом не рассматривалось.

Здравствуйте, Константин Иванович!

Поздравляю Вас с Новым годом! Здоровья и успехов Вам и всей вашей семье!

Я теряюсь в догадках: почему нас, непосредственных очевидцев, не вызвали в суд по вашему делу? Напомню вам эти события.

Я и Володя Московец (наш старший тренер) были рядом, всё видели и слышали при вашем конфликте с Подкопаевой Юлей в кино-клубе нашего завода в июне 1987 года. Об этом мы рассказали потом и Светлане, нашему работнику.

Первое: После тренировки в море мы сидели в зале и смотрели фильм (что-то о море). Перед нами села Подкопаева Юля с девочкой. В тёмном зале они запускали руки друг другу в шорты и чесались. Вы сделали им замечание, на что Юля ответила: “Ну и что? А нам приятно!” Тогда вы резко так сказали Юле: “Выходи из зала!”

Она упиралась и вы буквально выволокли её на улицу и сказали, что завтра отправите её домой. А дальше мы услышали следующее:

Юля: “Только попробуйте отправить меня домой! Я вот скажу, вы ко мне пристаёте и знаете, что вам будет!”

Вы (спокойно!): “Но это же неправда, Юля!”

Юля: “Да. пусть неправда! Но я маленькая и мне поверят!”

На другой день мы с вами отвезли Подкопаеву Ю. в аэропорт. По дороге она всё время ныла и просила вас никому не говорить о случае в кино и родителям тоже. Тогда Юля провела у нас лишь 5 дней вместо 14.

по плану занятий. Тогда я ещё сказал после её отлёта: “А что будет с ней в 20 лет?”

Второе. Мы допускаем к морским тренировкам только тех яхтсменов, которые сдают экзамены нашим тренерам, поэтому мы всегда просили вас привозить своих ребят и девочек к нам на 1-2 дня лишь на сдачу экзаменов и получение удостоверений яхтенного рулевого. Так вот я и В. Московец встречали и провожали Вас с ними каждый ваш приезд и заявляю, что Вы с девчонками никогда не задерживались в Бердянске на сдаче экзаменов более 2-х суток! Как же вы могли приставать к ним на 3, 4 и 5 сутки? Это бред. Не было вас уже в Бердянске в это время: сам провожал все самолёты с вами и девчонками тогда. Помню даже все эти дни. Пусть судьи хорошенько проверят этот вопрос. Да и квитанции в гостинице сохранились.

ЛИТВИНЕНКО, начальник яхт-клуба
“Нефтехимик”,

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Следствием и судом не рассматривалось.

На запрос адвоката БУТИКОВА С.Н. и
защитника СУСЛОВА А.А.

ЗАЯВЛЕНИЕ

За период 1987-1990 гг. в профилактории “Руза” (ЦПК имени Ю.А.Гагарина) за все посещения его яхтсменами и яхтсменками Звездного городка (более 20 посещений) с тренером Ветром Константином Ивановичем отбой для всех производился всегда в 2200. а подъем - в 600 часов.

Никогда после отбоя не звучало радио, а устанавливалась тем более, что номера, в которых спали яхтсменки, находились рядом с моим жилым номером, и хорошо прослушивались.

Все яхтсменки всегда с большим сожалением уезжали домой после тренировок на яхтах. Это относилось прежде всего и к Ивановой Наташе, и к Воробьёвой Оле, и к Павловой Ире, которые каждый вечер звонили к себе домой, а в последний вечер даже просили родителей разрешить им остаться ещё на день-два.

И всегда за этими девчонками приезжали сами родители на автомашинах, а за Наташей Ивановой приезжали сразу отец и мать.

Уезжая, девчонки эти кричали нам: “До свиданья! Мы сюда обязательно вернёмся снова! Обязательно!” И действительно, они (Иванова Н., Воробьёва О., Павлова Ира) и многие другие приезжали к нам по многу раз.

И никогда не было никаких жалоб, слёз или намёков на что-то нехорошее в отношениях их с тренером. А было одно добро!

Всегда их состояние и настроение было видно по их счастливым лицам.

Правда, баловались они многовато, но я многое им прощал, как и их тренер: всё-таки им было тогда по 12 лет. Да и нагрузки у них были очень большими: проходить по 90-100 км за сутки под парусом под дождем и в сильные ветра - иному взрослому не под силу. А осенью-то вода уже холодная, и если кто переворачивался на яхте, то тренер гнал их, мокрых до нитки, в номер и буквально заталкивал в горячую ванну, да ещё горячим чаем поил сразу до тех пор, пока девчонки от дрожи не отходили. Вот почему ни разу никто из яхтсменок никогда не заболел. Уставали они - это да. Но к тренеру все девчонки относились очень хорошо, и это было всегда. Они многое ему доверяли, думаю так. По-человечески всё у них всегда было, иначе всё бы сразу и нам и родителям стало бы известно. А этого никогда не было!

Начальник профилактория ЦПК
им. Ю.А.Гагарина А.М.Морозов

МЕЧ ДАМОКЛА

Шел второй месяц моего “Экскурса” в Бутырку. Уже дважды было разыграно “первенство” нашей камеры по шахматам, в котором мне удалось занять почетное четвертое место среди 21 участника. Надо сказать, что ребята-призеры оказались сильными и, может быть даже талантливыми шахматистами. И надо же: вся эта “троица”, как я узнал позднее, оказалась шахматистами второго разряда! То-то я не мог понять: почему это они так здорово играют, черти! Ведь со своей третьей категорией я лишь с одним из них с трудом сумел свести встречу вничью.

Через неделю я завершал свои занятия по яхтингу последней своей, 18-й “лекцией” по теории и практике вождения парусных судов. Из 34 “жителей” нашей камеры лишь двое “петухов”, ютившихся у гальяна, не принимали в этом участие: их просто не допускали в “коллектив” нормальных людей.

Всем моим “слушателям-ученикам” мной вменялось в обязательность ежедневная зарядка во время нашей часовой прогулки по тюремному дворику, закрытому сверху двойной металлической сеткой. За час мои “яхтсмены” вместе со мной пробегали около трех километров с последующим обязательным отжиманием на руках от пола, в котором я уступал лишь одному своему тезке - Константину Черняеву: 77 раз против 74.

Все мы зачитывались Пикулем. Любое его произведение - это же Дар Божий в условиях Бутырки! Писатель помогал заключенным выжить в, мягко говоря, в жестких условиях тюрьмы. Заключенные просто преображались, когда начинали делиться своими впечатлениями от прочитанных “Баязета”, “Моонзунда”, “Реквиема каравану RQ-17”, “Крейсеров”, “Трех возрастов Океании-сан”, “Богатства”, “Каторги””, “Фаворита”. Мы все очень благодарны тебе, Валентин Савич, за прекрасные твои книги,

кои поддерживали нас и не давали упасть духом в условиях, в которых люди оказывались по навету НЕЛЮДИ, в условиях Бутырских камер.

Мои “слушатели” сдали мне экзамены по теории вождения яхт и получили удостоверения “Яхтенный рулевой 3-го класса”, 32 человека! Кто тогда мог подумать, что пройдет 10 лет, и совершиться событие, произойдет столь необычная встреча, о которой я упоминаю в рассказе “Визит”.

А тогда... Тогда вдруг (через 35 дней!) в Бутырке меня “навещает” помощник прокурора Копылов, плешивый и какой-то слабовольный человек, ведущий мое “уголовное дело”. Сидит передо мной плешивый, шелестит своими бумажками. Неожиданно я слышу его полушепот:

- С такими деньгами и - здесь - это просто смешно...

- С какими деньгами? - не понял я.

- Да ладно! А то вы не знаете, с какими!

- Женя, - говорю я Копылову, начиная подыгрывать ему, - ведь ты тоже можешь заработать такие же баксы: я беру тебя с собой в океан, и по возвращению из нашего рейса домой ты тоже обзаводишься не меньшей, чем у меня, валютной суммой!

- Да-а-а-а! - сокрушается плешивый работник прокуратуры, - Я пойду с вами, а вы меня ночью сбросите в океан!..

- Что, Женя? Чувствует кошка, чье мясо съела?!

Копылов опускает глаза и шуршит своими бумажками, протягивая мне какой-то листок:

- Подпишите здесь...

Я читаю, какой-то “бред собачий” и молча возвращаю листок плешивому.

- Ничего. Ничего! Подпишите. Подпишите.

...Проходит несколько дней. Очередное утреннее “построение” обитателей нашей камеры. Спокойно стою во второй шеренге. Вокруг крутится десяток надзирателей с резиновыми дубинками. Некоторые из них с рычащими на людей овчарками.

Вдруг получаю сильный колющий удар (“тычок”) дубинкой в область поясницы! От боли, аж в глазах потемнело. Поворачиваюсь: мерзкий малорослый тип ухмыляется, вращая перед собой дубинку:

- Ещѐ дать?

И бьет вторично в то же самое место...

Всколыхнулся строй моих сокамерников, рявкнул тридцатью глотками:

- Ты что творишь, курва! Ах ты мразь худосочная!

¹ При двух своих встречах с Наташей Ивановой (18 и 19 августа 1990 г.), моей бывшей яхтсменкой, на ее вопросы, была у меня валюта при переходе мной Атлантики на паруснике, я в шутку сказал, что у меня был целый мешок с валютой. Естественно, у меня и цента с собой не было! Этот сюжет и положил начало всему моему “делу”. На “очной” ставке Иванова... отрицала эти встречи!

Отскочили надзиратели от строя, лишь собак припустили перед собой на поводках. Мой мучитель уже спрятался за спины “коллег”, оттеснявших весь строй к двери нашей камеры...

Двое суток пришлось мне повалиться на “шконке” (койке). Повернуться было целой проблемой: острая боль в пояснице и два черных синячища в области почек! Такой травмы я даже за свои 2000 парашютных прыжков не получил! Ладно, думаю, перетерпим и это. На пятый день после случившегося в Бутырке снова появляется плешивый помощник прокурора:

- Ну, как? Будем подписывать? Смотрю на его: облик будто человеческий, а глаза... Глаза пустые. Смотрят куда-то в сторону. И тут я вспомнил: у “мусора” Тощева точно такие же “органы зрения”! Точно такие нечеловеческие! Через неделю впервые стал в “строй”. Идет переключка. Опять удар сзади! И еще! И еще! На взрыв негодования моих сокамерников - рык овчарок!

Копылов, я запомню это. И бывшего “мусора” Тощева с Ивановым- папой.

Безнаказанное издевательство над невинным человеком - удел больных двуногих. Пусть они посмотрят вверх: Меч висит над вами! Висит на очень тонкой нити... А как бы ты поступил читатель?

НЕ ДУМАЙ О МИНУТАХ СВЫСОКА

Декабрь. Поздний вечер.

Металлическое клацанье в замке стальной камерной двери. Тридцать четыре головы одновременно поворачиваются на этот звук, предвещающий абсолютную неизвестность события в судьбе каждого из заключённых. Негромкий голос вошедшего надсмотрщика:

- Ветер. С вещами на выход...

За секунду все мои “яхтенные рулевые” срываются со своих шконок (коек) и окружают меня плотным кольцом:

- Куда? За что? Зачем?

Мне крепко жмут руку. Три десятка пожатий. В их глазах я вижу одновременно затаенную грусть, благодарность и надежду.

-Отец! Там, на дворе, декабрь. Холодно. А - ты в лёгком спортивном костюме

.....
Да. Помню, как ничего не подозревавшего поздним октябрьским вечером Тощев - “попросил” меня прийти в ОВД Звёздного городка, где на меня набросилась четвёрка дебильных ментов по навету Ивановой-мамы. Конечно, можно было повозиться с ними, но решил этого не делать. Так и оказался я в одном лёгком спортивном костюмчике в камере.

Кто-то набрасывает на меня старенькую свою куртку (какая есть!):

- Бери! Бери, отец! Там зима уже... Зима!

В сопровождении двух “вертухаев” прохожу по длинным мрачным коридорам Бутырской тюрьмы с многократным стуком и лязгом металлических

дверей и решёток за моей спиной. У меня вызывает некоторое удивление тот факт, что мы направляемся в административный корпус тюрьмы. Поворачиваюсь к сопровождающим:

- Пересылка?
- Нет. Вас отпускают.

Кругом, свободный от решёток и камер, падает густой снег. У выхода, из Бутырки вижу рванувшуюся ко мне мою подругу с пакетом тёплой одежды. Чуть в стороне стоит "Волга", на переднем сидении которой два знакомых мне офицера. Тихо здороваюсь со всеми и вслед за Талей протискиваюсь в тёплый и какой-то даже уютный салон. Машина сразу же срывается с места...

Через несколько дней я знаю когда и где собираются все главные официальные виновники моей тюремной "одиссеи", а спустя ещё два дня у меня на руках оказывается "УЗИ¹" и шесть "эфок²". Два автоматных магазина по сорок патронов к автомату. После чего до встречи с *нелюдью* у меня остаются сутки. Мои домашние ничего не подозревают, чего не могу сказать о своей подруге: интуиция у неё изумительная, и она шестым чувством улавливает готовящуюся расплату и очень просит меня ничего не предпринимать. Поздно.

Почти предновогоднее декабрьское утро. До совещания в ОВД Звёздного городка с участием *нелюдью* ровно час. Мой камуфляж полностью скрывает весь мой арсенал, включая "карманную артиллерию". Никаких внешних признаков.

Смотрю в глаза моей верной подруги. Она всё понимает. И молчит. Молчит помня, как издевались над ней потаскушки-оговорщицы её мужа (в моё отсутствие!), как смеялись над ней, хихикали и били стёкла нашей лоджии, поощряемые Тощевым, Копыловым, Ивановым - папой. Безнаказанно...

Набираю 39-58. Это телефон дежурного ОВД:

- Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, Тощев и Копылов уже на месте?
- Майор Тощев здесь. Помощник прокурора должен подойти через пару минут. А кто спрашивает?

Скоро узнаешь.

До начала "правоохранительного" сборища двадцать минут. Целую подругу и покидаю столь дорогое мне жилище.

Аллея Героев Звёздного городка. В комнате ОВД уже рассаживается *нелюдь*: продажные "мусора", вымогатели-прокуроры и судья "тайного" (закрытого) суда. Вся эта мразь имеет прекрасные квартиры в Звёздном городке...

Аллея Героев. Её ширина каких-то два десятка метров, и я делаю, пересекая её, первые шаги.

¹ Израильский портативный автомат.

² Граната Ф-1.

- Константин! Далеко ли путь держишь?

От неожиданности замедляю шаг. Вот что такое “уйти в себя”: я не замечаю даже идущих мне навстречу двух наших генералов, один из которых дважды Герой Советского Союза.

Останавливаюсь. Пожимаем друг другу руки.

Что-то было в моём лице, не присущее повседневности: оба моих знакомых внимательно всматриваются в столь знакомого им ведущего инженера-испытателя ЦПК имени Ю.Гагарина.

- Мы рады, что ты освобождён. Сейчас надо хорошенько терпеть.

- И главное - не наделать глупостей! Ты понимаешь, о чём я говорю? - Один из моих визави продолжает внимательно всматриваться в моё лицо.

Я слышу голос второго:

- Это сейчас самое главное: никаких необдуманных действий! Никаких эмоций! Только “холод”! И разумность действий. Всё или частично всё об-разуете на суде! Просим: никакой скоропалительности в поступках! Никакой! Как бы они ни казались не справедливыми... Да ты слышишь нас?

Медленно поворачиваюсь. Под камуфляжем тихо звякает мой “УЗИ”, соприкоснувшись с “эфками”.

- Костя! Терпи! Понял? Ты понял нас?

- Тебе лучше вернуться. Пожалуйста! Мы разберёмся во всём позднее! Ты слышишь? Тебе лучше вернуться...

До сих пор не могу понять, как эти двое, очень уважаемых мною замечательных людей смогли тогда догадаться и понять столь непостижимое для всех других. Как они могли секунда в секунду оказаться на моём пути через Аллею Героев? Секунда в секунду! Пройди они или опоздай на это же мгновение какое огромное несчастье могло бы произойти для многих из нас. Для жён, детей, родителей *нелюди*, не сделавших мне ничего плохого, а потому - абсолютно невинных...

А как же *нелюдь*.

ПОЧТИ ПО РУСТУ...

Помнится, как немец Руст приземлил свою авиетку на Красной площади в Москве. В этом нет ничего удивительного: одолеть границу страны по суше труднее всего, а по небу или морю - это же примитив! Просто нужны условия, и в известной мере - желание рискнуть. Руст рискнул и словно нож сквозь масло прошёл сквозь наши воздушные защитные эшелоны. Его же даже заметили и в известной мере - вели, но предпринять ничего не успели.

Был я свидетелем события, в котором его участник почти по “рустовской” схеме пересёк государственную границу США - совершенно свободно без каких-либо злключенияй. Почему “почти”? Во-первых, это была морская, а не сухопутная как у Руста граница. Во-вторых, в результате перехода границы он оказался не в столице Штатов Вашингтоне, а

в-третьих, у этого человека была годовая виза для посещения этой страны, хотя он нигде и никому её не предъявлял. Вообще-то случай для страны, до вольно хорошо контролирующей свои границы, необычный. По понятным причинам, я умолчу об имени этого человека, времени этого события. А произошло вот что.

Куба. Яхтсмен из России прилетел в Гавану для решения вопросов по яхтингу с представителями местного спорткомитета. У него была двухнедельная командировка, и когда, все “производственные” вопросы были решены, у него оставался десяток дней, которыми он мог распорядиться по своему усмотрению. В первый же свободный день русич берёт у своих друзей-яхтсменов крохотный шверботик “Лазер” и обходит на нём всё северо-западное побережье Кубы. На следующий день вечером он звонит своему знакомому американцу в Майами. Дэвид был очень удивлён этим звонком и, пожалуй, рад, поскольку несколько месяцев назад со своей семьёй гостил у этого русского в России. Тогда американец очень даже сожалел, что в ближайшее время гостеприимный хозяин не может посетить Штаты с ответным визитом! И вот... этот звонок с Кубы! И, по мнению американца, это даже дальше теперь, чем быть в России.

Дело в том, что человек после посещения острова Свободы должен был выдерживать своеобразный “карантин” в течение то ли 60, то ли 70 суток прежде чем он мог законным образом появиться в США. Такое же требование к посетителям из Штатов было выдвинуто и Кубинской стороной. Вот такая была политическая абракадабра.

И тут русич удивил своего доброжелательного американца одним, совершенно неожиданным предложением: если Дэвид встретит его через двое суток в заранее назначенном месте Майами, то они смогут запросто пожать друг другу руки. Несколько ошарашенный таким предложением, Дэвид дал нашему яхтсмену точные координаты своей марины и назвал время встречи, в течение которого русича будут там ждать.

- Но как ты это реализуешь?! - Это был единственный вопрос американца.

Ноябрь не самый подходящий месяц для яхтенных переходов в этом районе. И тем не менее русич, взяв с собой портативную навигационную систему “Магеллан”, карманный фонарик, три литра минеральной воды, десяток бутербродов и планшет с морской картой акватории, в тёмную ночь осторожно покинул яхт-клуб сказав, что хочет провести время у костра неподалеку.

В герметичном кармане штормового костюма у яхтсмена было два паспорта: загранпаспорт с кубинскими въездными штампами и паспорт моряка, чистый, без каких-либо отметок.

Небо затянуто облаками. Тьма - глаз выколи. Восточный ветер помогает яхточке легко скользить на север. Очень помогает Гольфстрим, увеличивая скорость перемещения на добрых два узла. Это приводит к тому, что к трём утра на северо-западе замечается зарево над островом Ки-Уест,

за которым начинает угадываться цепочка многочисленных более мелких островов. С наступлением утра “Лазер” уходит на северо-восток к Багамам, чтобы не залезать в территориальные воды США.

Восходит солнце. Сразу значительно теплее и можно снять штормовку. Рядом с яхточкой появляются огромные рыбины, плывущие долгое время у борта и столь же неожиданно исчезнувшие, как и появились. Крупная медуза едва не цепляется за низкий борт (30 см. всего-то!) парусника-малютки. Почти сутки приходится идти по самой кромке мелководья у Багамских островов.

Теперь надо ждать ночи, чтобы спокойно идти на северо-запад к зареву над побережьем Майами. Яхтсмен берёт координаты по “Магеллану” и наносит их на планшетную карту. Точность определения своего места положения очень высокая: ошибка не более двух метров. В три ночи ему удаётся заснуть, точнее - крепко задремать: всё-таки он не спал почти двое суток.

Пробуждение было просто сказочным: взошедшее солнце заливало светом... всё морское пространство, на котором было бесчисленное количество парусов! Казалось, что несущие их мачты произрастают прямо из волн, что окрашивало море в необычные бирюзовые белоснежные цвета... Создавалось впечатление, что все это парусное изобилие было в считанные секунды сброшено с неба!

Это обстоятельство было явно на руку русичу: ведь затеряться среди этого изобилия парусов не составляло труда. Могла ли береговая охрана США вести контроль за яхтами в подобных условиях? Скользя между проносащимся мимо яхтами и катерами, русич вёл свой шверботик точно по введённому в “Магеллан” курсу, приближаясь к берегу, у которого открывались целые леса мачт парусников, стоящих в маринах.

Сверяя своё положение с переданными ему Дэвидом координатами, он приводит свой микропарусник точно во входной канал нужной марины.

13.00. Яхточка скользит между входными маяками и швартуется у причала с нужными нашему мореходу индексами...

До встречи с Дэвидом чуть больше двух часов. Можно и отдышаться помаленьку. И согреться после ночи. Он не выходит на связь по своему сотовому: зачем? Американец - человек очень даже обязательный будет точно в назначенное время. Он сходит на берег. С причала “Лазер” кажется маленьким слабым мотыльком, случайно залетевшим на сверкающее великолепие этой марины, которая приветствует яхтсмена словами из динамика: “Добро пожаловать в Майами, Сэр!” Удивлению и растерянности Дэвида и его двух спутников нет предела: из Гаваны в Майами на “Лазере”?! Для них это - нонсенс!

ОТЕЛЬ экстра-класса. В трёхкомнатном номере на кровати, площадь которой можно сравнить с международным аэродромом, он беспробудно проспал 10 часов! А потом была поездка на “Кадиллаке” по прекрасным магистралям Флориды и бесподобное изобилие всяческих угощений

в ресторанах, для посещения которых ему пришлось вырядиться в костюм Дэвида.

До кубинского побережья он добирался аж шесть суток! Встречным было ВСЁ; ветер, течение, волны, и даже солнце, несмотря на осень, казалось жгло немилосердно. Он прятался за Багамы, где не так “зверствовал” Гольфстрим и несколько уменьшался снос яхточки. Лишь на четвёртые сутки ветер несколько поменял направление, и погода чуть пошла ему навстречу для продвижения к кубинскому берегу. Вода закончилась у него двое суток назад.

Поздним вечером он уже проходил сквозь сита прибрежных островков и мелей в 20 милях западнее Гаваны. Вот уже просматриваются двое кубинских пограничников на велосипедах. До них сотня метров, они не обращают на идущую яхточку никакого внимания.

В Гаване он был всего за четыре часа до начала регистрации в аэропорту имени Хосе Марти. И уже в аэробусе на высоте в десять километров к нему пришло сознание необычности и опасности проведенного им “рейса”, оказавшегося неподвластным контролю пограничных служб одного малого и другого огромного государств.

НАВСЕГДА В ПАМЯТИ

Этот человек относился к той редкой категории людей, совершенно не способных на ложь и предательство. Интеллигенты-родители дали своему сыну прекрасное воспитание и образование. Но он не пошел многообещающей ему научной стезей, а выбрал дело по душе и сердцу: стал старшим тренером по парусному спорту в яхт-клубе Бердянского нефтемаслозавода. Почти немислимо, но у него не было врагов и недоброжелателей и это несмотря на его личные и педагогически-тренерские успехи. К Володе одинаково доброжелательно относилось и руководство его родного завода, и работники других яхт-клубов города, и яхтсмены всех рангов.

Впервые я увидел Володю во время финиша моего морского одиночного перехода на яхте “Таис” в 1980 году, когда я пришел из Керчи в Бердянск, отшвартовавшись в яхт-клубе завода (смотри рассказ “Под парусом к Агарскому мысу”).

В тот памятный для меня день Володя стоял на причале вместе с Олегом Кошевым (полный тезка Олега Кошевого из “Молодой гвардии”). Оба этих яхтсмена были весьма удивлены этим первым в стране одиночным пересечением Азова на малом паруснике и, несколько сомневаясь, даже заглянули в рубку, надеясь увидеть там других членов экипажа. Но в рубке никого не было. Помню, как после этого Володя Московец долго смотрел на яхту, не решаясь из-за своей природной застенчивости расспросить ее рулевого о столь необычном для того времени плавании. Потом он держался в стороне, тем более, что встречать яхтмена-одиночку пришел сам

директор завода Чернышев в сопровождении председателя профкома завода Владимира Алексеевича Смолянского, моего старого знакомого и замечательного человека. Смолянский даже гостил у нас в Звездном городке с поездкой на место гибели Юрия Гагарина и Серегина.

И лишь перед моим стартом обратно в Керчь, состоявшимся в этот же день, Володя Московец подошел ко мне и сказал, что если я не возражаю, он очень хотел бы поддерживать контакт со мной и не забыть о нем, если я буду формировать экипаж своей яхты в будущем, особенно для какой-нибудь интересной и даже опасной задачи. Тогда мне показалось, что о моих парусных перспективах ему намекнул Смолянский, в которые был посвящен.

Я не забыл его просьбу. Однажды я пришел в Бердянск из Феодосии на скоростном паруснике тримаране “Таис-3”, только что построенном для моего участия в OSTAR¹. Тогда я позвонил Володе и впервые предложил ему пройти со мной через Азовское море до Керчи и обратно в течение одних суток. Он был очень обрадован этим, хотя засомневался в возможности моей парусной “птицы” одолеть два раза подряд Азовское море за 24 часа.

Помню, как Володю буквально поразили высокие скоростные качества моего небольшого трехкорпусного парусника, ибо тримаран “Таис-3” даже при довольно слабом пятибалльном ветре шел со скоростью в 12 узлов, что позволило нам в тот переход пройти “двойной” Азов всего за 18 часов! И это с заходом, правда, всего на один час, в Керченский яхт-клуб “Пантикапей”.

Чувствовалось, что у Московца тогда не было опыта плавания вне видимости берегов. Он участвовал во многих парусных регатах, но все они были “каботажными” с постоянной привязкой к берегу и его ориентирам. Прекрасно владея техникой управления крейсерскими яхтами, он иногда несколько терялся в определении наших координат в открытом море, и однажды на своей ночной вахте, пропустив изменение направления ветра, “забрался” далеко на восток от необходимо курса, сокрушаясь впоследствии о допущенной им оплошности.

...Однажды мы шли на тримаране в 30 милях от Новороссийска, следуя в Сочи. Был жестокий ночной шторм. Во всю дула новороссийская “бора”. И тут в полночь раздается оглушающий треск и грохот: мощная мачта тримарана ломается на три части и падает на палубу! Сразу же возрастает амплитуда колебаний корпуса яхты, а обломки мачты, удерживаемые стоячим такелажем, начинают бить по рубке и аутригерам яхты с силой парового молота! Надо было срочно освобождать части мачты от тросов и сбрасывать их за борт. Но как подойти к ним, невозможно: стокилограммовые обломки мечутся по палубе, подпрыгивая на метр-полтора и грозя серьезными травмами каждому, кто приблизится к ним.

¹ OSTAR - гонка яхтсменов-одиночек через Атлантику.

Нам с Володей потребовалось более двух часов для решения этой проблемы, успев подозвать к тому же к себе проходившее далеко на западе судно, отбуксировавшее нашу поврежденную “птицу” в Новороссийск для замены рангоута.

На фоне всего происходящего в ту штормовую ночь я не могу умолчать о поведении нашего третьего члена экипажа, некоего Ж., который все это время до самого Новороссийска не показывал своего носа из рубки тримарана, переждав там все самое опасное, происшедшее с нами в эту ночь...

В следующем году я взял Володю Московца на “Большой Кубок Черного моря”. Организаторы этой весьма серьезной регаты очень требовательно (и это мягко выражаясь) подошли к аттестации нашего маленького, но шустрого парусника. Дело в том, что на фоне 53 яхт-участниц регаты водоизмещением от шести до 12 тонн, с экипажами до 15 человек (!) наш 1,5-тонный тримаран выглядел маленьким “утенком” с экипажем в три человека! По непонятным причинам, мы были введены в “нулевую” группу! Это при том, что крупнейшие из яхт-участниц “Цетусы” (6 парусников) оказались в более слабой, первой группе! Я уже не говорю о “Тау-русах” (2-я группа) и “Л-6” (третья группа). Таким образом, самая маленькая яхточка-тримаран оказалась в разряде яхт водоизмещением в 25-30 тонн! И это еще не все! Лихие организаторы регаты и многие капитаны яхт-участниц на предстартовом совещании назвали наш парусник, чем бы вы думали, - “не водоизмещающим судном”! Большой глупости вряд ли можно было придумать! Конечно, все они опасались конкуренции, ибо призы за первые три места в каждой группе были вполне достойными, но все-таки проявлять подобный идиотизм, наверное, не стоило.

Со старта в Сочи мы уходим последними из полусотни всех парусников и заканчиваем свой первый этап в Поти 4-ми (125 миль). Но нас судейская коллегия на финише этапа... не замечает.

Первыми мы оказываемся на финише 2-го этапа в Евпатории (420 миль). И снова остаемся незамеченными... Вижу, как удивлены и опечалены мои два матроса, но что поделаешь! Володя даже собирается серьезно поговорить с “бандитами” судьями, но я его отговариваю: дело абсолютно бесперспективное. После всего этого Володя приобретает огромный опыт для реализации морских плаваний. Он провожает меня в апрельскую штормовую ночь на установление рекорда скорости при пересечении Азовского моря по маршруту Бердянск-Керчь (тогда я “пролетел” расстояние в сто миль за шесть часов).

В следующем году Московец привозит своих самых сильных яхтсменов в Звездный городок, на озере которого мы проводим гонки на “открытое” первенство городка. Тогда морские питомцы Володи уступили- таки моим “пресноводным” яхтсменчикам. Наши гости вместе с их тренером очень переживали этот свой проигрыш, но что поделаешь, значит, мы были несколько сильнее!

В ноябре этого года я включаю Московца в свой экипаж для участия в Трансатлантической гонке, проводимой в будущем апреле со стартом в Испании. А через две недели до меня доходит страшная весть: неожиданно для всех не стало Владимира Николаевича Московца. В это мне не хотелось верить. Я ринулся в Бердянск, где передо мной открылась причина трагедии.

У Володи на плече была небольшая родинка, которую он случайно сорвал, ремонтируя свою яхту. Казалось, ничто не предвещало столь черных событий, но через неделю Володя заболевает, диагноз повергает его семью и друзей в ужас: меланома! Злокачественная опухоль, образовавшаяся на месте сорванной родинки, стремительно дает метастазы.

И теперь всякий раз при комплектовании своего экипажа для океанских плаваний я очень сожалею о том, что вместе с нами нет этого замечательного человека и яхтсмена - Владимира Николаевича Московца. Мужественного и светлого моего друга.

Ты всегда среди нас, дружище.

Та навсегда в нашей памяти...

ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО!

Читатель, ты знаешь, что такое “Луч”? Или “Лазер”, если на западный манер. Да это просто малюсенькая яхточка, одноместная, длиной всего 4 метра, шириной менее полутора метров. Она имеет мачту высотой 5,5 метров и один парус площадью 7 м². В её корпусе - небольшое углубление - кокпит, в котором можно разместить лишь ступни. На спокойной воде при хорошем ветре “Луч” может развивать скорость до 8 узлов, может немного и больше. Эти микро-парусники имеют большие ограничения по погоде и предназначены для участия в парусных регатах в прибрежных зонах морей и на закрытых водоёмах.

Спустя год после нашего участия в Трансатлантической гонке на пентамаране “Гелиос” мы с Артуром Лукьяновым решили сделать попытку, пройти на “Лучах” от Кадиса (Испания) до португальского острова Мадейра, находящегося примерно в пятистах милях (около тысячи вёрст) от берегов Испании.

Для подготовки и реализации этого замысла нам с Лукьяновым предстояло одолеть несколько высоких запретных “барьеров”. Я уже не говорю об опасностях, подстерегавших любого яхтсмена в Атлантике. Основные трудности ваши заключались в подготовке яхточки к океану, в получении разрешения на этот переход и доставку нас вместе с “Лучами” на старт в Кадис. Да вопрос о нашем возвращении домой представлял немалую проблему.

При первых же встречах с нашими друзьями-яхтсменами с целью обсуждения этого “мероприятия” мы встретили сопротивление даже самых смелых и стойких, отмеченных золотыми медалями чемпионов Олимпийских Игр:

это - явная авантюра и кончится она может лишь одним - нашим исчезновением в океане!

Как бы то ни было, но в марте 1994 года мы начали подготовку к этому рейсу.

Все объёмы корпусов, все их пустоты были заполнены пенопластом, из него мы соорудили бортовые и палубные накладки для увеличения, пусть и малого водоизмещения. Мачты мы раскрепили капроновыми тросами с кевларовыми сердечниками, при этом оба грота на каждой яхточке поставили на сезнях, получив, таким образом, возможность рифовки парусов. Два V-образных спинакера должны были помочь вести "Лучи" в автоматическом режиме на попутных (полных) курсах. На палубах было раскреплено по 28 капроновых петель для фиксации контейнеров с водой, продуктами и снаряжением, включавшим в себя навигацию (G.P.S.) карты, сигнальные и спасательные средства, а также ЗИП и одежду. С учётом сказанного вес наших "Лазеров" был увеличен с 60 до 90 килограммов.

Доработку яхточек мы проводили в одном из помещений спортивного комплекса Звёздного городка, при этом нам оказывали помощь почти все мои ученики-яхтсмены, даже девчонки (Ольчевы Анастасия и Надежда, Глазкова Марина и другие). Не хочу обходить и тот факт, что мы готовили три микро-парусника. С нами неожиданно выразил желание идти Арнольд Станкевич, москвич, но буквально в последний час перед отъездом он отказался от участия, сославшись на недомогание, а попросту говоря, - на "медвежью болезнь"...

После проверки яхточек на нашем озере, мы доработали мачты топовыми насадками из пенопласта, позволявшими удерживать парусник от оверкиля и легко восстанавливать его при положении мачтой в воде.

Таким образом, к середине мая подготовка материальной части была завершена, и встал вопрос о транспортировке "Лучей" и их капитанов к месту старта, к берегам Испании.

В последующие 10 дней мне удалось убедить руководство Министерства морского транспорта в целесообразности нашего плавания: ведь до нас ещё никто не ходил на таких микро-парусниках в Атлантике да ещё на такие расстояния. Поддержка Минморфлота была нами получена.

Наш хороший знакомый, житель Звёздного городка Леонард Виноградов взялся бескорыстно доставить нас вместе с нашим "парусным" багажом в Ленинград для погрузки на борт теплохода "Красноборск", уходящий через сутки в Италию.

И вот на "Жигулях" с прицепом мы одолеваем расстояние от Звёздного городка до Ленинградского морского порта всего за десять часов и вечером этих же суток производим погрузку на "Красноборск".

Экипаж теплохода встретил "камикадзе" (как прозвали нас здесь) добродушно, хотя и с некоторым скепсисом. Нам отвели отдельную небольшую каюту и поставили на довольствие. Оба "Луча" были надёжно

раскреплены на крышке четвертого трюма, где мы в течение всего перехода (10 суток) к месту старта продолжали доработку такелажа и рангоута.

Токарь “Красноборска” Саша (золотые руки!) изготовил нам две стальных метровых пики для защиты от акул океанских и “акул” пиратских, а также вёл постоянную видеозапись нашей подготовки и старта.

Через десять суток после выхода из Ленинграда теплоход уже огибал мыс Сан-Висенти, входя в Кадисский залив для следования к проливу Гибралтар, и, к этому моменту мы с Артуром были полностью готовы к старту. И вот в нейтральных водах Кадисского залива наши “Лучи” с их капитанами на борту осторожно опускается на поверхность океана, Саша ведёт видеозапись этого события, свидетелями которого люди становятся не так уж и часто. Над океаном разносится прощальный гудок удалявшегося от нас “Красноборска”, и мы остаёмся в полном одиночестве среди океанских волн...

Поставлены и настроены паруса. Курс - на португальский остров Мадейра. Он лежит на юго-западе почти в пятистах милях от побережья Испании.

Ветер попутный, пять баллов (10 м/сек). Наши микропарусники буквально летят над белыми гребнями волн. Мы в штормовках, хотя замывания палуб наших крошечных парусников пока не наблюдается. Мы держимся в 2-3 метрах друг от друга, и скорость в 7 узлов нас вполне устраивает. Через 6 часов хода, я беру первые координаты G.P.S. и на планшете отмечаю наше местоположение. Артур выполняет то же самое на своем “Луче”. Мы продвинулись к Мадейре почти на 50 миль! Совсем неплохо! Но впереди ночь. Что принесёт она нам?

...После полуночи стало крепко поддавать. Периодически сигналию Артуру фонариком. За гребешками волн просматриваются его ответные вспышки света. Пока всё идёт по плану, хотя за всю ночь мы не сомкнули глаз: погода разыгралась не на шутку, ветер усилился и зашёл на север. Вообще-то это было и не так уж плохо, бакштаг - это уже и скорость. Наши яхточки хорошо отыгрываются на волне. После восхода солнца Артур подходит ко мне. Несмотря на бессонную ночь, на его лице - восторженность! За 16 часов нам удалось пройти почти сотню миль, это ли не повод для радостного настроения? К тому же мы следуем точно линии курса. Идя в десятке метров друг от друга, обсуждаем вопрос о постановке спинакеров. Весь бегучий такелаж у нас выведен в кокпит, и эта операция не должна вызвать у нас каких-либо затруднений.

Через каких-то пятнадцать минут мы закрепляем рули, и, о чудо: наши яхточки лихо скользят по вспененной океанской акватории, точно выдерживая курс на Мадейру, делая это без всяких усилий и вмешательств с нашей стороны! Правда, есть небольшое рысканье, несколько снижающее скорость, но зато мы можем спокойненько подремать хотя бы пару часов, в преддверии второй ночи.

Страховочная система надёжно удерживает меня в крошечном кокпите, напоминающем скорее посылочный ящик нежели кокпит яхты. Над нами, едва не задевая волны, проносятся стремительные буревестники. Иногда удаётся разглядеть и чаек, неподвижно зависающих над нашими мачтами, и мы видим их удивлённые взгляды: кого это здесь носит? Да ещё в такую свежую погоду?

Просыпаюсь в четыре утра. Сразу же мысль: где Артур? Не сразу нахожу его мачту на фоне бесконечной череды волн. Что-то он приотстает. Все ли у него там в порядке? На мой запрос по р/с "Причал" отвечает бодро, поскольку как и мне, ему удалось выспаться.

Пошли третьи сутки. Позади уже 220 миль - почти половина пути к Мадейре... Это обнадеживало. Но в начале третьих суток я стал терять из виду "Луч" своего молодого товарища, Артур явно отстаёт, и это несмотря на его дакроновый парус (у меня - капрон). Только дважды мне удалось увидеть в бинокль топ его мачты...

Четвёртые сутки плавания. Впервые я замечаю нагромождение облаков над островом Мадейра, до которого остаётся сорок миль. Но где Артур? Через каждые полчаса вызываю его на 16 канале УКВ р/с "Причал". Ни ответа, ни приветов... К счастью, океан несколько успокаивается, но проходит десять часов прежде, чем я стал различать в бинокль едва заметную точку на северо-востоке - ныряющем в волнах "Луч" Лукьянова.

Ветер заходит на северо-запад, сколько он продержится - остается лишь гадать, - и я принимаю решение идти навстречу своему товарищу, и уже вместе возвращаться в Кадис. Через несколько часов нас разделяет десяток метров.

У Артура отказал "Причал" и что-то с гротом. На лице мальчишки усталость, но и она не в состоянии стереть улыбку с его лица.

Спустя пол суток, я впервые слышу его голос:

- Константин Иванович! Это Мадейру? - Артур взмахивает рукой в сторону облаков, закрывающих юго-западную часть горизонта.

- Она самая! Мы теперь можем идти обратно! Ветер для нас благоприятный! Как у тебя с водой?

Он поднимает большой палец и начинает разворот на северо-восток, на Кадис. Не смотря на благоприятные ветровые условия, волнение встречное и сбивает с курса наши крохотные яхты. Проходит более суток, пока волнение делается почти попутным, надолго ли? И в подтверждение наших сомнений ветер меняет направление на встречное...

До Кадиса мы добрались лишь на седьмые сутки после поворота у Мадейры! Но добрались-таки! Ветер всё время менял направление, давая, правда, нам возможность идти в приемлемый для нас галфвинд. В океане мы продержались двенадцать суток. Уже на подходе к Кадису у меня закончилась питьевая вода, и Артур перебросил ко мне одну из остающихся у него бутылку минеральной.

Швартуемся в марине “Пуэрто-Шерри”. У административного причала на нас glareют яхтсмены с двух немецких парусников. Мы приветствуем их, они - нас. Спрашивают, откуда это мы прибежали?

- Да мы с Мадейры! Это тут, недалече! - отвечаю я.

- С Мадейры?

- На этом... На этих... - Немцы воздерживаются называть наши “Лучи” яхтами.

Покачиваясь, мы входим на причал и разминаем затёкшие от долгого сидения ноги. И только сейчас оглянувшись и осмотревшись, замечаем, как прекрасен мир вокруг нас! Синее море, голубое небо с золотым диском нашей Звезды! А вот и полицейские! Мы забираем судовые документы и следуем к красивейшей современной башне, являющейся административным центром марины “Пуэрто-Шерри”...

Милovidная изящная испаночка отмечает наше появление в этом райском месте и ставит в наших паспортах моряка все необходимые штампы, определяя нам место нашей стоянки в марине.

Из кафе “У Эмиля” я звоню нашему хорошему испанскому другу Карлосу Коронадо, вызывая у него неподдельное удивление:

- Ты? Вы? Откуда? Иду! Бегу!

Вечером нас ждал настоящий сюрприз: два десятка местных яхтсменов в одном из лучших ресторанов глазели на двух сумасшедших русских:

- Это же надо! На “Лазерах” по Атлантическому океану!! Мадейра! Фантастика! - И вертели пальцами у своих висков. - Это же опасно! Это же страшно!

А как же вы думали? Что мы испугаемся какой-то Атлантики? Мы и НАТО не боимся. Поэтому, вот, с русскими воевать-то и опасно: любой напавший на нас будет повержен. Даже Бисмарк это прекрасно понимал.

Давайте жить дружно!

СКАЗ О РУССКОМ МЕДВЕЖОНКЕ

Как говорит народная мудрость: “С детьми мы до свадьбы, а с внуками - до конца”.

Получилась так, что со своим внуком - Колькой - мне посчастливилось быть вместе 3,5 года, почти с первого дня его появления на свет. До сих пор удивляюсь, как нам с ним за такое короткое время удалось: научиться читать, решить множество интереснейших задач на сообразительность и ухитриться “изучить” звездное небо настолько, что маленький человек мог безошибочно находить на нем 12 созвездий.

Но судьба распорядилась так, что этот русский мальчонка в свои 3,5 года вдруг оказался в “самой прогрессивной и процветающей стране” мира.

Дед не был причастен к этому и очень, как и все в таких случаях, переживал отъезд внука.

... Прошло всего две недели после начала посещения Колькой одного из почти элитных детских учреждений на новом месте, как вдруг в этом “детском саду” был организован тестовый отбор среди семилеток на перспективу поступления в этом же году в школы разной профессиональной направленности (гуманитарных, точных наук и т.д.), что было весьма распространенным явлением в этой стране.

...Очень представительная комиссия из 5 человек¹ (3 женщины и двое мужчин) с помощью 50 тестов проверяли мыслительные способности своих 7-летних “абитуриентов”, при этом из 48 человек одна 7,5-летняя девчушка стала автором рекорда по этому тестированию, набрав аж 82 балла из 100 возможных.

В это самое время Колька собрался уходить домой, но, заинтересовавшись происходящим, стал наблюдать за ребятами, проходившими тестирование.

И неожиданно попросил свою маму обратиться к комиссии, чтобы попробовать и себя в этом лихом деле. Эта просьба очень удивила экзаменаторов, кои очень даже усомнились в каких-то даже начальных возможностях “маленького русского медвежонка”... (Это их дословное определение).

Тем не менее, уступая настойчивой просьбе матери, комиссия благосклонно пошла навстречу, и через пару минут Колька уже сидел с карандашом над своим первым тестом.

Дальше... Дальше произошло следующее. Затратив на все предъявленные ему тесты 25 минут, Колька набрал... 160 баллов с учетом коэффициентов трудности. При этом надо было видеть растерянность членов комиссии и, особенно, ее председателя: “Что-то невероятное: мальчишка из русского леса (читай - из дикой страны!), будучи в два раза моложе полусотни “абитуриентов”, опережает последних в тестировании тоже в... два раза!

Сквозь восторг у присутствующих просматривалось и откровенное, сожаление (у некоторых). Кольку поздравляли даже родители “абитуриентов”.

Всё было бы обычно, если бы наш мальчишка вдруг не высказал бы одно своё желание - задать свой вопрос председателю комиссии.

В наступившей тишине председательша (толстенная леди без шеи - характеристика не моя) услышала следующее:

- Скажи, тетка, а какая звезда находится ближе всего к земле?

“Тётка” смогла лишь зажмуриться, произнесла нерешительно:

- Но это очень сложный вопрос, Ники, и вряд ли кто знает на него ответ! Это несколько не смутило Кольку, потому что в тишине все услышали:

¹ Все - магистры.

- Тогда запомните: самая близкая к нам звезда - это наше солнце, и не знать таких простых вещей - стыдно! А ещё меня проверяете! Мама, пошли домой.

Как подтверждают свидетели: надо было видеть лица “экзаменаторов” которые, спустя минуту замешательства, стали истерически хохотать!

- Это надо же! Русский медвежонок во всеуслышанье заявил о нашей профессиональной непригодности! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Кольха под этот шум спокойно покинул “зал заседаний”, прошептал:

- Ещё смеются, дураки...

P.S. Сейчас Кольке одиннадцать лет (исполнилось на днях). Перешел в седьмой класс. В совершенстве (если подобное можно сказать о ребёнке) владеет английским и родным языками, у него - коричневый пояс по каратэ. Самая большая мечта - вернуться в свой родной подмосковный лес...

НЕ ВЕРЬТЕ!

Едва мы с Артуром Лукьяновым вернулись из-под покрытого многоярусными облаками неба Атлантики как попали под темно-синее небо своей Родины, самое красивое на всей Земле... Артур сразу же бросился срочно ликвидировать все свои академические “хвосты” в университете и расправился с ними за какую-то пару недель. А после этого... После этого стал приставать ко мне с бесконечными просьбами снова побывать в океане. Не находился мальчишка!

Мало того, он неожиданно предложил реализовать совершенно безумную идею по переходу атлантического океана на “Лучах”! Я слушал его за чашкой кофе и удивлялся этакой фантазии своего бывшего юнга, уже покорявшему Атлантику. И вдруг что-то в этом разговоре привлекло моё внимание!

Артур, уловив мою заинтересованность, развивает свою мысль; мы оборудуем один из имеющихся у нас “Лучей” по тримаранной схеме, снабдив корпус швербота двумя боковыми корпусами из пенопласта, получив, таким образом, дополнительный запас плавучести, и идти через Атлантику вдвоём на получившемся тримаранно - “Лучевом” гибриде! И надо же! Что-то в этом предложении заблестело...

Я обещал подумать...

Переоборудование “Луча” в “тримаран” мы начали, как “и предыдущую подготовку “Лучей” в варианте с достижением острова Мадейра, в спортивном комплексе Звёздного городка. В течение января-февраля мы занимались только заготовлением материалов: приобрели прочные сосновые балки, шесть кубометров самого плотного пенопласта, настолько прочного, что его можно было пилить с большим трудом. Из его листов нами и «были собраны два аутригера», форштевни которых мы окантовали наконечниками из сплава АМГ-6. Возникли проблемы с надёжным

креплением балок с “аутригерами” к корпусу “Луча”, а также с оборудованием хотя бы крохотного убежища над копитом яточки, настолько крохотным, что в нём нельзя было разместить ноги двух человек.

Рангоут и парусное вооружение мы полностью перенесли с наших предыдущих “Лучей”, на которых мы одолели в прошлом году расстояние от Кадиса до острова Мадейра. Мачту мы раскрепили прочными капроновыми штагом и двумя топвантами, поместив на её топ пенопластовую наделку для предупреждения от оверкиля в океане. И теперь на попутных (полных) курсах, которые нам будет обеспечивать северо-восточный пассат, мы надеялись вполне сносно идти к американскому континенту.

И все-таки главной проблемой у нас оставалось размещение на миниатюрной палубе, балках и аутригерах контейнеров с питьевой водой и харчами. Весь переход мы планировали выполнить за 60 суток, по маршруту: побережье Испании - остров Мадейра - Майами (США) или Сантьяго де Куба (тут как повезёт с нашей техникой). Из расчета потребления питьевой воды 1 литр в сутки на человека мы имели возможность взять на борт всего 120 литров. Этот вес как и вес всех наших продуктов вполне компенсировался запасами плавучести “аутригеров”. Не хватало площади. К тому же у нас имелось достаточно большое количество одежды, обуви, спасательных и сигнальных средств и средств навигации, и всё это полностью отбирало у нас всё резервное водоизмещение. И всё это должно вместе с экипажем очень надёжно крепиться на борту: океан есть океан!

Когда мы собрали в помещении наш “тримаран”, нашим глазам предстала, бесподобная морская “абракадабра”, которую нормальному человеку даже трудно себе представить! Тем не менее мы еще два месяца выполняли по вечерам доводку конструкции с целью увеличения её надёжности, а с конца мая переключились полностью на установление способов доставки парусника к месту старта, в Испанию.

Как всегда, в решении наших многочисленных организационных вопросов кроме наших друзей принимали “участие” и наши недоброжелатели, и нейтральные люди. И поскольку поддерживающих нас было на порядок больше, нам удалось-таки водрузить свой “морской багаж” на палубу одного из теплоходов Балтийского морского пароходства, который направлялся из Питера в Италию.

...За девять суток нашего перехода к берегам Испании мы успели выполнить всё необходимое по сборке “тримарана”, его экипировке и были в любое время готовы покинуть приютившее нас судно для выполнения своей задачи.

Экипаж теплохода оказывал нам огромную помощь в подготовке ях- ючки, это относилось и к снабжению нас продуктами и питьевой водой. Особенно ценными для нас оказались мясные консервы и соки, а также несколько небольших упаковок с поливитаминами. Шоколад у нас был

свой и в достаточном количестве, особенно много имелось “Сникерсов”, “Марсов” и нашей “Алёнки”.

Седьмого июня мы стартовали от мыса. Трафальгар на Мадейру. И, надо сказать, нам сразу же не повезло с погодой! Северный ветер явно отжимал нас к югу настолько, что оказаться у Мадейры было просто несбыточной мечтой. Вот почему на 12-е сутки плавания мы вышли на траверз маяка мыса Ислетта. что на острове Гран-Канария; обогнув остров, нам удалось несколько “исправить” свой курс на юго-запад, что могло в известной мере позволить держать линию своего пути хотя бы на Виргинские острова. Но через несколько суток на этом курсе качалось сильное замывание “палубы” причём с перекатом волн через “аутригер” (естественно, наветренный) и палубу “Луча”. Пришлось увалиться и держаться курсом на Мартиник. Но даже в этих условиях нам с трудом удавалось удерживаться на “палубе” даже с двойной фиксацией. Мы благодарны Судьбе за исключительное постоянство ветра (пассата) как по силе (5-6 баллов), так и по направлению.

Ещё когда мы огибали Гран-Канарию, я заметил, с какой грустью смотрит Артур на взлетающие из аэропорта и направляющиеся в Европу испанские “Боинги”... “Ничего, взялся за гуж...”.

38 сутки плавания. Мы уже в центре Атлантического океана, координаты: 21° С. Ш., и 40,5° З. Д. Наш пассат явно “закругляется” на запад. Мы легко подстраиваемся к этому, к тому же ещё и выгодному направлению (курсу). Но тут одна за другой стали возникать проблемы.

Во-первых, пришлось избавиться, от более, чем половины банок с консервами; они проржавели настолько, что можно даже легко продавить крышку внутрь банки, и как это могло отразиться на наших желудках, трудно сказать.

Во-вторых, все наши “хлебные запасы” покрыты густым слоем плесени, и при избавлении от неё мы теряем больше половины мучных изделий, включая и сухари.

В-третьих, проблемы с нашими “Сникерсами”, “Марсами” и прочими шоколадками: все они превратились в вязкое коричневое желе, уни- 1 чтожая которое, мы вымазываемся настолько что делаемся похожими на I африканских или австралийских аборигенов. Но умываться-то мы можем I лишь морской водой, и тут нас подстерегает появление сыпи на наших | рожах: аллергия на концентрацию соли в воде.

В-четвёртых, у нас что-то происходит с водой. Минеральная вполне приемлема, а вот “Пепси” и “Кока”, извините! Оба напитка приобретают какой-то неприятный горький привкус усиливающий жажду настолько, что от неё не избавляешься даже выпив после этого стакан минералки, которой у нас остаётся очень даже немного...

Одно хорошо: в светлое время суток мы можем пребывать на “палубе” в одних страховочных поясах! Палуба не замывается волнами, даже сухонькая, хоть и покрыта заметным слоем соли. Высота волн не превышает

2-2,5 метров, и яхточка легко отыгрывается на них, не допуская к нам даже брызг. Вот только на ночь надо одеваться обязательно, иначе можешь и подзамерзнуть, ибо ночи и в тропиках довольно прохладные. Правда, можно элементарно согреться, погрузившись на пару минут в океан, но ночью, в океан? А что там, за бортом вас может ждать? Не, лучше помёрзнуть и дожидаться утреннего солнышка...

Но несмотря на многочисленные проблемы и проблемки, мы движемся!! Ветер переходит почти на восток, и бакштаг обеспечивает нам вполне сносное существование! Портативная спутниковая навигационная система G.P.S. доказывает нам, что мы надёжно следуем к острову Мартиника. Невольно вспоминаются слова песни: ... Пил кофе на Мартинике... Он-то пил кофе, а нам бы сейчас холодненькой водички... Усыхаем мы потихонечку. - Артур впервые отпустил жиденькую бороденку и сразу почему-то сделался похожим на... Конфуция! Эй! "Конфуций! Сколько бы ты сейчас мог выпить воды?" "Всю!", - отвечает Артур.

- Вот сейчас бы я вам ни в коем случае не проиграл бы! И мы вспоминаем одно пари в котором Артур задумал выпить пять литров воды за 25 минут! Думаете, выпил? Не-е-т! Проглотил он тогда лишь половину и ту с огромным трудом! А сейчас наверняка бы выпил!

Как ни странно, океан пустынен. Иногда за нами увязываются довольно крупные рыбыны, вероятно, дорадо. Порой из океана выскакивают "летучки", но всё это не скрашивает наше одиночество. В приёмнике подсели батарейки, что лишает нас возможности слушать любимую радиостанцию - "Маяк".

На 44 сутки в двух милях к югу видим пароходик, тянувший за собой некое подобие баржи. Шёл он к Малым Антилам.

53 сутки. Вечер. Ну, и залезли мы! Справа от нас зарево над островом Доминика с портом Розо. Слева, на юге, из-за высокого берега появляются огни города Форт-де Франс на Мартинике, обдует сейчас так, что я едва удерживаю в руках С.Р.С., считывая наши координаты: 15°09 С. Ш. и 60°18 З.Д.

Ветер не менее 6 баллов, попутный! Артур по-пластунски лезет к корме "аутригеров" и набивает наши капроновые ванты, что удерживает мачту от опасного наклона вперёд.

...Стоявший ночную вахту Артур, будит меня в два ночи: мы явственно слышим странное похрустывание под левой частью передней балки. Приходится вылезать к подозрительному месту и подсвечивать его фонарём.

По левому борту корпуса швербота в месте крепления к нему балки расплзается хорошо заметная трещина! Она идет через отверстия, в которые проходят крепящие балку болты... А ветер продолжает гнать нас на запад.

Совещаемся. Надо срочным порядком, пока балку не оторвало совсем, закрепить её, но как это сделать? Промедли - и мы окажемся перед

фактом разрушения нашего “тримарана”. Крепим руль и оба выползаем к месту аварии.

Резервным шкотом (хорошо хоть сохранился!) охватываем балку, выводя свободные концы снасти под днище на правую часть балки и как можно сильнее обтягиваем шкот. Уже чуть получше. Спасает нас таки полный курс. Колебания балки слева, почти незаметны, но они есть....

61 сутки перехода. На траверзе остров Афтуре, а впереди за ситом крошечных островков виднеется мощная облачность над мысом Гальинос. Это уже Колумбия! У нас всего один литр воды. И крошащийся на глазах левый борт швербота.

Вечер. Прибой выносит остатки нашего парусника на песчаный берег Гальиноса. Оттаскиваем его подальше от довольно резвого здесь прибоя...

Пляж буквально качается у нас под ногами, и мы валимся с Артуром на такой мягкой и тёплый песок...

На высоком берегу метрах в ста от нас стоят два авто, возле которых замерли несколько фигур в белом. Судя по всему, за нами наблюдают. И две чумазых, заросших рожи в мокрых спортивных костюмах д-а-а-алеко не первой свежести, покачиваясь поднимаются к двум стоящим “Кадиллакам”...

Уже через полтора часа мы были в консульстве дружественной нам страны сообщившей нашим представителям о двух случайно обнаруженных на берегу океана подозрительных фигурах, утверждавших их принадлежность к России и, действительно, говорящих по-русски! И по- французски с русским акцентом! И даже плоховато - по-немецкий (Артур).

Постепенно всё разъясняется. Но никто не верит, что Атлантический океан можно было одолеть на столь подозрительном плавсредстве, каким является то, что осталось от нашего такого славного и все-таки - надежного, несмотря ни на что, - шверботика в “тримаранном” исполнении..

Ну, что ж! Не верьте!...

ПЯТЬ ШАГОВ

Для американцев самая большая неудача - бестолково потерять свои деньги. Неважно сколько: один цент или 1000 долларов. Они переживают эту потерю одинаково и долго. Славянин же, потеряв все свои банковские сбережения (что произошло у меня на Родине), вздохнет и забудет о случившемся. Янки - не-е-е! Год будет переживать и даже - более того...

При своих первых посещениях США я не знал о подобном отношении американцев к упомянутой проблеме. Нет, я вовсе не хочу загонять всех жителей США в социальную жадность. Многие из тех, кого я знал и знаю сегодня это честные порядочные люди, общаясь с ними и узнавая их ближе, знакомясь с их семьями, мне всегда хотелось сделать им что-то хо

рошее. Люди как люди. Вот с такой своей славянской психологией я едва не попал в щекотливую историю в Лос-Анджелесе, куда меня не один раз забрасывала судьба под белым парусным треугольником.

...Друзья из русской общины Лос-Анджелеса устроили меня в приличном отеле и через пару дней навестили в компании представительного высоченного американца, захотевшего собственными глазами увидеть русского яхтсменного капитана, рискнувшего добраться собственным ходом до Тихоокеанского побережья США.

Томас занимал высокую должность в губернаторстве штата Калифорния, был прекрасно воспитан и обходителен со всеми, с кем сводила его судьба. Тем более, что он сам был неплохим яхтсменом, добравшись однажды в составе экипажа одного парусника в Гонолулу.

Мы мирно беседовали, затрагивая самые разные темы, в том числе и жизнь в России. Думаю, что Томас приобрел массу информации о загадочной моей Родине, не оставшись к ней равнодушным, что подтверждалось его желанием даже прилететь в Москву будущем летом. Ну, разве мог я отказать ему в своем приглашении?

Разглядывая время от времени интерьер холла, я неожиданно для всех предложил Томасу пари. Суть его была в следующем. Я отсчитываю пять шагов от огромного зеркала, а Томас своей жевательной резинкой, бросая её в зеркало, ни разу в него не попадёт! Ни разу, сколько бы он не бросал!

Американец явно заинтересован, как и присутствующие:

- Сумма пари? - это вопрос Томаса.
- Сто долларов тебя устроит? - это мой второй вопрос.
- О'кей! Только я немного потренируюсь?
- Да хоть целый час!

Томас сделал из "Орбит" несколько шариков и, отсчитав, пять шагов, метнул их в зеркало. Ни одного промаха!

- Я могу уже сделать зачетный свой бросок? - спросил он меня.
- Конечно, только я сам отсчитаю тебе пять шагов, не возражаешь?
- Конечно, нет!

Мы скрепили руки в крепком рукопожатии, которое было разъединено одним из присутствующих. После этого янки взял в руку шарик из "Орбита" и был готов получить с меня сотню баксов.

Я подошел к зеркалу. Повернулся. И стал медленно отсчитывать шаги.

- Один... Два...

И совершенно неожиданно для всех присутствующих и тем более для самого Томаса я поворачиваю налево и делаю три оставшихся шага в боковой коридор! Отсюда совершенно не видно не только злополучного юркала, но даже стойки администратора отеля!

Американец в шоке.

Даже не пытаясь хоть что-либо предпринять, он достает сотенную бумажку и бросает ее передо мной на стол, после чего уходит, даже забыв сказать столь обычное “бай”...

Я попросил сделать мне одолжение и вернуть банкноту Томасу, сославшись на то, что пари было шуточное, как говорят у нас, “для балады”, и что я вовсе не собирался обогатить себя за счет бедняги...

Но меня убедили не делать этого: во-первых, меня могут не понять, во-вторых, мне надо было ответить на их вполне законный вопрос: что, это сотня не будет у меня лишней. К тому же я получил её вполне законным способом.

И что бы мне не оказаться не благодарным за их поддержку, вечером того же дня мы пустили “на распыл” эту, выигранную столь простым способом зеленую бумажку.

РУССКИЙ ИЗ ФЕНИКСА

На поездку из столицы штата Аризона меня уговорил один очень хороший американец, авиационный инженер из фирмы, поставляющей двигатели на конвейеры по сборке “Боингов”. Мы катили на двух авто, заехав по пути в музейный танковый комплекс Паттона, что приютился в Аризонской пустыне между Фениксом и Лос-Анджелесом.

Но основной причиной для этой поездки было посещение в Лос-Анджелесе фирмы по изготовлению деталей для авиационных масляных насосов. Феникс заказывал для себя крупные партии, при получении одной из которых произошла крупная неувязочка между изготовителем и заказчиком.

Мы в Лос-Анджелесе. В цеховом офисе фирмы предъявлен огромный ворох технической документации, в которой ему надо разобраться. Скажу заранее, что вопрос оказался непростым и весьма щепетильным.

Дело в том, что фирма Марвина (так звали моего спутника) заказала здесь 10.000 “храповиков” из дорогой легированной стали. Стоимость их была немалой: 200 баксов за штуку. Но оказалось, что фирма, на которой мы сейчас находились, изготовила всю эту партию бракованной, но обвинила в этом документацию заказчика.

Итак, перед нами на огромном столе лежит вся многотысячная партия готовых, но бракованных деталей. Каждому из нас легко представить, что представляет собою “храповик”. Это стальная пластинка в четверть спичечного коробка величиной, с одного торца которой находятся два цилиндрических выступа две цапфы, и вот в этой деталюшке на крошечную величину был завышен радиус округления между самой цапфой и пластинкой, завышен на смехотворную величину: всего на три микрона! Но это приводило к закусыванию “храповика” при работе и, как следствие, к остановке насоса.

И вот фирма-изготовитель предложила фирме-заказчику из Феникса изготовить повторно новую партию этих деталей с учётом изменения радиуса...

...А платить-то надо было за обе партии, в том числе и за брак. Заказчик терял значительную сумму.

Лишь ради технического интереса я взял один из “храповиков” и лежавший здесь же радиальный микрометр. Замеряю радиусы скругления: действительно, есть превышение радиуса на указанную 3-х микронную величину. Но! Господа, дорогие! Вы чего это лапшу нам вешаете на уши? У нас же, на каждой цапфе есть запас металла на целую сотку миллиметра! Нечто подобное я много раз встречал во время своей ещё институтской технологической практики, работая на программных токарных станках и фрезерных автоматах на Уралмаше и заводе “Большевик” (Ленинград).

Ну, янки, дают! Брак! Да тут до брака - как до Луны! Спрашиваю, где находится станок по этим операциям? Меня отводят на второй этаж. Они ещё не понимают, что, поступая, таким образом, допускают огромную ошибку!

И только, когда я установил деталь в суппорт и набрал программу обработки, они вдруг засуетились! Но поздно, господа хорошие!

Через десять секунд я уже снимаю исправленную деталь и делаю замер радиусов округления мест перехода цапф к пластине “храповика”; как говорится на Руси, всё - тютелька в тютельку! Хоть сейчас ставь деталь на насос и - вперёд!

У сопровождающих нас инженеров отвисли челюсти: еще бы: все их хитрости для получения даровых сотен тысяч баксов разлетелись вдребезги! С учётом всех временных затрат для исправления всех 10.000 деталей потребуется 1 рабочий день при задействовании всех четырёх аналогичных станков...

Итак, мы ждём сутки в Лос-Анджелесе, а на следующий день уже увозим в Феникс шесть упаковок с готовыми к монтажу “храповиками”.

По пути домой Марвин, улыбаясь, рассказывает мне об услышанном им вопросе управляющего заводов в Лос-Анджелесе, к своим инженерам - “экскурсоводам”:

- Вы же сказали, что этот русский - яхтсмен!

Ха! Янки! Да русские яхтсмены все такие! Приглашайте нас почаще!

ЛУЧШИЙ АГЕНТ ФБР

Из Феникса в Лос-Анджелес мы мчались на двух авто через всю Аризонскую пустыню. Вторую машину, “Форд”, вела моя младшая дочка Люба, а мы втроем - зять, внук Колька и я возглавляли это пустынное ралли на “Кадиллаке”. Здешние автобазы позволяли нам выдерживать неплохую скорость в 150 км/час. Мимо нас пролетали кактусы, низкорослые деревца и кустарники, иногда глаз успевал схватить аккуратные белые домики, прилепившиеся к склонам местных холмов.

В пути у нас была только одна остановка у музейного танкового комплекса им. Паттона. Правда, ничего интересного для себя я там не увидел, поскольку знал неплохо нашу и зарубежную танковую технику (сам – мастер вождения

танков) и был убеждён в том, что американским и английским образцам этих боевых машин было, мягко выражаясь, далековато даже до самых первых образцов “тридцатьчетверки”. Побродив вокруг бронеобразцов, сделал несколько фотографий и, слегка перекусив, мы уже через полчаса продолжали путь.

По мере приближения к Лос-Анджелесу резко возросло количество ветро-генераторов, которыми в великом множестве были покрыты все местные холмы. Вращающиеся лопасти этих механизмов напоминали взмахи крыльев больших белых птиц, а посему создавалось впечатление, что мы мчимся по дороге, преложенной по какому-то Фантастическому “птичьему базару”. Ощущение очень своеобразное и необычное. Нечто подобное, правда, в значительно меньших масштабах мне приходилось видеть только в Испании.

В Лос-Анджелесе мы устроились в довольно приличном и недорогом отеле, а поскольку был уже поздний вечер и на завтра предстоял нелёгкий денёк, нам ничего не оставалось делать, как лечь спать.

Маленькое отступление. Дело в том, что, будучи в Фениксе, я получил от главного судьи Лос-Анджелеса совершенно неожиданное приглашение посетить одно весьма торжественное мероприятие при этом в приглашении не было упомянуто о том, чему оно, это мероприятие посвящалось. В нём были также указаны имена младшей дочери, внука и зятя.

Наш отель располагался недалеко от офисной части города, поэтому, встав пораньше и позавтракав, мы по утреннему холодку устремились в Парк аттракционов, благо что наше появление на “мероприятии” было обозначено часом дня.

Надо отдать должное аттракционному бизнесу янки, десятки разнообразной которого приятно удивляли своей сложностью и разнообразием: здесь можно было встретить всё - от детских каруселей до сложнейших конструкций “американских горок”, от примитивных лодочных маршрутов до высотных аттракционов, посещать которые разрешалось только взрослым. Я, имея за своей спиной почти две тысячи парашютных прыжков с большими задержками раскрытия парашюта, никогда бы не подумал, что испытаю столь необычное чувство «мороза по коже», оказавшись на некоторых из аттракционов. И когда однажды наша тележка, в которой за моей спиной заняла место дочка, стала “вытворять” на высоте да на скорости свои “пируэты” и перевороты, я очень даже пожалел, что на моей груди не оказалось запасного парашюта. К тому же Любка, далеко не боязливая особа, орала у меня за спиной так громко и отчаянно, словно молоденькая орангутангша перед неожиданно возникшим перед ней бенгальским тигром.

После финиша у нас немного косили глаза, а все посетители парка казались нам на одно лицо...

Тем не менее мы с Любой рискнули ещё на попытку проверить себя на другом аттракционе с ещё более повышенной степенью стрессового

воздействия. И когда наша теперь уже полусферная кабина ринулась в бездну мне уже почему-то не хотелось отрывать рук от поручней, чтобы найти на своей груди кольцо запасного парашюта, ибо оставь я поручни - лететь бы мне вниз головой с высоты ста метров! Люба... Люба в этом нашем совместном полёте не издала ни звука! Наверно её голосовые связки были просто блокированы стрессом. Ничего не скажешь - молодцы янки! У нас тоже неплохо бы иметь подобные аттракционы: уж, очень хорошо они выбивают дурь из легкомысленных головушек...

Во время наших “стрессовых” заездов Колька с отцом испытывал себя на более мирных технических “сооружениях”.

Как бы там ни было, а к 13.00. мы исправно подкатили к одному из высотных офисов в центре Лос-Анджелеса. Свои авто оставляем в одном из многочисленных многоэтажных гаражей, после чего скоростной лифт доставляет нас на нужный этаж.

...Зал огромен, пожалуй, с два футбольных поля. С непомерно высокого потолка нас заливают светом десятки люстр. Всё пространство зала уставлено доброй сотней круглых столов, вокруг которых суется множество официантов во фраках. По номеру, указанному в приглашении, мы находим “свой” стол и “приземляемся”. Постепенно заполняется весь зал, и ровный гул голосов присутствующих оказывает на меня убаюкивающее воздействие. Внимание наше переключается на сервировку стола: чего тут только нет! Четырёх видов салаты, икра красная и чёрная, огромное блюдо с тонко нарезанными ломтиками балыка, огромные куски тушёного мяса, цыплята табака, огромный “таз” с пловом, пять видов соусов, графины с несколькими видами вин и коньяков, отдельно стоят две бутылки с виски. Перед каждым из нас набор: две ложки, три вилки, три ножа, какие-то малюсенькие чашки и ложки, назначение которых мне пока не понятно. Ничего, разберёмся! Смотрю я на всё это изобилие и не могу понять причину столь щедрого отношения организаторов к приглашённым, которых здесь не менее полутысячи. Тихо льётся умиротворяющая музыка, кажется, Гершвин.

Неожиданно зал затихает. Прекращаются разговоры и чавканье некоторых, уже приобщившихся к настольным яствам. На расположенном в передней части зала возвышении своё место занимает президиум во главе с главным судьёй Лос-Анджелеса. Тишина такая, что, закрыв глаза, можно вполне считать себя единственным посетителем этого огромного помещения.

Мягкий, спокойный баритон главного судьи извещает нас о торжественном открытии этого пока ещё неизвестного мне сборища, после чего судья начинает медленно, с чувством перечислять фамилии и имена, а присутствующие в зале их обладатели поднимаются со своих мест, улыбаясь и раскланиваясь перед присутствующими, вызывая тем самым буквально шквал рукоплесканий.

Позарившись на ароматный кусок жареной баранины, я никак не могу приступить к его пережёвыванию, ибо заниматься этим во время рукоплесканий

не совсем-то этично, а посему я в очередной раз произнесения приветствий оставляю свой рот крепенько закрытым с улыбкой на плотно сомкнутых губах и аплодирую вместе со всеми. И вот в таком положении моя младшая дочка неожиданно толкает меня ногой под столом:

- Па! Тебя называют! Вставай! Вставай! - С другого бока меня подбадривает Колька:

- Дед! Это же тебя!

Что меня? Ничего не понимая, поднимаюсь и вижу, что взоры всех присутствующих обращены на мою скромную персону и вдруг - аплодисменты! И голос главного судьи Лос-Анджелеса в динамиках:

- Я представляю вам, господа, нашего дорогого гостя из Звездного городка России, русского полковника ведущего инженера-испытателя космических кораблей и станций, Константина Ветра, давшего согласие присутствовать на нашем торжественном мероприятии! Вот он перед вами, этот человек! Он автор космического проекта корабля для облёта Марса одним человеком по траектории Гомана! Он был командиром экипажа корабля "Союз" в земном барокамерном "полёте" совместно с нашим "Аполлоном"! Он первый из землян "облетел" Луну за 12 суток в русском лунном корабле и сделал это раньше наших реальных полетов.

Вот это была тирада! В ответ которой я мог лишь молча, хотя и с улыбкой раскланиваться, видя перед собой доброжелательные лица всех собравшихся. Ну, и ситуация! Моя дочка еле сдерживает смех, пряча свою симпатичную рожицу за мою спину, а Колька откровенно смеётся над своим дедом, который так и не успел к этому моменту избавиться от находящегося во рту куска мяса.

Несмотря на мои трудности, моё представление прошло вполне благополучно, и никто из присутствующих не заметил, что русский не сказал ни слова в ответ на улыбки и многочисленные возгласы одобрения в его адрес.

Через минуту спрашиваю сидящего рядом зятя:

- Что это за сборище?
- Это чествование лучших работников ФБР США!
- ФБР? А я здесь причём?

ТЫ КТО, СТАНКЕВИЧ?

Добрые дела не остаются безнаказанными, а делать их необходимо.

↓

Получалось так, что каждый год в течение 30 лет отправлялся я в края далёкие под светлым парусным треугольником. 30 переходов.

Опасных и весёлых, серьёзных и юморных, а иногда столь необъяснимых, что у тебя невольно появлялось чувство твоей причастности к Великим Тайнам Мироздания.

Я никогда не афишировал свои переходы. Ну, во-первых, не позволяла форма секретности моей работы, и если бы не разрешение на самом высоком уровне - не видать бы мне дальних чужих берегов. А во-вторых, чрезмерная осторожность моего начальства, граничащая с трусостью: случись, что со мной - им же отвечать.

Правда, мои 1500 сложных парашютных прыжков, тысячи часов подводных погружений и 320 суток “земных полётов” на всех существовавших космических кораблях и станциях включая наши лунные программы и полёт “Аполлон” - “Союз”, наверно удержали бы иного человека на берегу, но наверно в прошлой жизни я скорее всего был флибустьером у самого Флинта, а посему тянуло меня в море необычайно...

Впервые засветился я на Большом Кубке Чёрного моря в 1985 году. Проект лёгкого (1,5 т.) океанского тримарана был выполнен профессором Ю.С.Крючковым для моего участия в OSTAR по приглашению английского Королевского яхт-клуба, которое, к сожалению, было проигнорировано Главкомом ВВС.

Итак, осенью 1985 года я и двое моих матросов оказались на этой лёгкой океанской “птице” среди полусотни яхт и лучших наших капитанов парусного спорта на старте этого Кубка в Сочи.

Среди “Цетусов”, “Таурусов” и “А-6” наш маленький парусник выглядел гадким утёнком.

...Идёт совещание в парусном центре Сочи. Все 50 капитанов яхт- участниц против нашего старта в гонке. Аргумент уникальный: “Ваш тримаран не является водоизмещающим судном!” Вот так да! И нас допускают вне зачёта по “0” группе (1-я - “Цетусы”, 8 шт.).

...1-й этап: Сочи - Поти, 125 миль. Мы четвёртые, но нас не замечают на финише этапа. Даже отмашки не заслужили.

2-й этап: Поти - Евпатория, 420 миль. Мы первые, хотя и снова не замеченные никем. Ну и не надо.

II

Некоторые из десятков моих переходов упомянуты мной в приложении к этому письму (Азов, Чёрное и Средиземное моря, Атлантика). И за все годы плаваний, за десятки пройденных маршрутов у меня никогда не было даже самых малых конфликтов с экипажем. И лишь дважды я был вынужден прерывать рейс.

1996 год. Идём из Бердянска, в океан. Я капитал-наставник. Капитан яхты - бердянец Литвиненко В.И. Экипаж шесть человек. Из России нас трое, кроме меня ещё мой юнга, очень опытный, участник океанских гонок, хотя и совсем молоденький мальчишка. И ещё некто Станкевич, владелец яхты на Пироговском водохранилище, ходивший, по его словам, в Германию из С.-Петербурга с целью продажи яхты немцам (из Германии он вернулся на автобусе).

В Чёрном море на пути к Босфору я замечаю: весь экипаж кроме меня и юнги постоянно пьян! Даже на вахтах! В том числе и “наш” Станкевич.

Ко всему наблюдаю частые оскорбления в адрес юнги. По опыту морских переходов ни один из пьянчужек не годится в подмётки юнге, но тем не менее...

Проверяю рундуки и нахожу три ящика с водкой! Предлагаю капитану выбросить их за борт (при нормальном экипаже - это хороший товар для бартера, в чужих маринах), в противном случае мы с юнгой прекращаем участие в плавании. Станкевич, участник этих попок и присутствия за рулём в пьяном виде, помалкивает.

Результат: я предлагал капитану вернуться в Бердянск, в противном случае судьба их будет печальной. Мы с Лукьяновым возвращаемся домой из Феодосии. С нами, понунив голову, едет и пьянчужка Станкевич. Плавание было прервано.

III

Анализ второго случая прекращения программы перехода, думаю, принесёт пользу всем организаторам и участникам любых дальних плаваний, ради этого и пишу эти строки.

1998 год. 135-летие со дня участия Российского военного флота (парусного!) в Гражданской войне Севера и Юга США на стороне северян. Эту дату я решил "напомнить" янки доставкой в Вашингтон на малом паруснике бронзового Памятного Знака с соответствующим текстом на английском и русском языках (см. Приложение).

Товарищи вывели меня на одесского владельца яхточки "Нефрит" некоего Чернышева С. К. Во время наших встреч с ним мы решили главные организационные вопросы: Чернышев в бухте Отрада готовит парусник к переходу, а я с третьим членом экипажа закрываю все вопросы по навигация, снабжению, оплате стоянок и получению всех необходимых документов на наш переход по маршруту Одесса-Вашингтон-Одесса. Это было в марте, мы располагали двумя месяцами на подготовку, так что наш старт был назначен на июнь 98.

Мне предстояло решить вопрос о третьем члене экипажа. Меня очень устраивал упомянутый Артур Лукьянов, но накануне он серьёзно приболел и, не смотря на его большое желание участвовать в переходе, взять его я не мог.

И надо же: в эти дни ко мне в Звёздный городок навевывается тот самый Станкевич, участник упомянутого выше перехода. Станкевич и до этого многократно бывал у меня дома и даже "жаловался" на то, что в моей семье ему всегда предлагались огромные чашки кофе с пирогами...

В отличие от Лукьянова Станкевич абсолютно не ориентировался в астронавигации и был тщедушным хрупким человеком.

Узнав о моих проблемах с третьим членом экипажа, Станкевич намекнул о своей персоне. Я ответил, что подумаю. Меня беспокоили не столько малый опыт морских плаваний Станкевича, не его слабость к спиртному. Ощущалась слабость волевой составляющей в его поведении на яхтах

Бердянск, а также его неожиданный отказ за 1 день до нашего с Лукьяновым старта на "Лучах" из Кадиса (Испания) к острову Мадейра (Португалия) и обратно, хотя 3-ю яхточку для него мы готовили с Лукьяновым вместе со своими. Ко всему, Станкевич всегда ориентировал своё поведение на тех лиц, от которых он был зависим в той или иной степени.

Владельца "Нефрита" я не знал. В длительных плаваниях под парусом он участия не принимал, хотя и считался яхтенным капитаном на коротких прибрежных этапах Одесса - Очаков - Одесса. Но это с его слов.

До нашего старта в июне 1998 г. я приобрёл всё необходимое навигационное оборудование G.P.S., 38 навигационных карт на весь маршрут от Одессы до Вашингтона и обратно. На основном и резервном маршрутах мной были подняты все огни и знаки, проработаны возможные варианты вынужденных заходов в пределах основного и резервного маршрутов. Решил вопрос с сигнальными средствами и флагами стран возможного захода. Проинформировал посла США в Москве о нашем рейсе и получил визу США.

В конце мая 1998 года я даю согласие Станкевичу на его участие в плавании, но, во-первых, ни капли спиртного в рот не брать, и, во-вторых, прошу и его внести свою долю в подготовку рейса. Станкевич передаёт мне 600\$.

Это в два раза меньше моих затрат, но тоже поддержка. 300\$ из этой суммы я сразу же трачу на приобретение солнечных батарей для яхты (один комплект товарищи мне достали бесплатно).

В конце июня Чернышев переносит срок готовности яхты к старту на конец июля, а затем - и на конец августа! Мы явно теряем погоду на маршруте. На пороге уже осень. И только седьмого сентября Чернышев сообщает мне, что яхта готова и мы можем приезжать в Одессу, чтобы через 2-3 дня стартовать на Босфор.

10 сентября я и Станкевич в Одессе. Здесь нас ждал "сюрприз": за четыре месяца "подготовки" яхты Чернышевым её готовность к рейсу не превышала 20%. Всё это время Чернышев просто обманывал меня.

Три недели в Одессе! С восьми утра до восьми вечера каждый день "без выходных" мы готовим парусник к переходу. Ко всему мы передаём хозяйке квартиры по 150 долларов каждый для нашего питания и покупки продуктов на плавание. Мои финансовые "резервы" тают на глазах.

Но это были лишь цветочки.

Лишь 30 сентября мы стартовали из Одессы на Босфор. Идём без заходов до Кадиса (Испания). Там нас ждут испанские яхтсмены, они помогут нам в подготовке к переходу Атлантики. Я много раз был у них на яхте, они гостили у меня в Звёздном городке. В США, в Чесапикском заливе и на Потомаке проблем не должно быть...

... Ветер постоянный от юго-востока, баллов 5. Крутой бейдевинд. Условия позволяют идти на Босфор даже с некоторым запасом "высоты".

Но неожиданно начинаю замечать, что за две вахты Чернышева и Станкевича мы очень валимся на запад, до 10 миль за каких-то 6 часов!

Оказывается, в свои вахты Чернышев и Станкевич убирали грот и валились на запад градусов на 15 - 20 от линии пути. Получалось, что за свою вахту я максимально выбираюсь на ветер, сберегая (даже с запасом) нужное нам направление на пролив, а мои "коллеги" бездумно его теряют, делая это с завидным постоянством, сползая к болгарским берегам. Поражает "простота" их мотивации такого действия: так удобнее вести яхту! Вести, конечно, удобнее, но причём тут Болгария?

Мои аргументы, известные даже мальчишкам на "Оптимистах" не воспринимаются этой двойкой "мореходов"! Результат: выход на 14 миль западнее Босфора! Лавировка занимает полсутки.

Мы у входа в пролив. Чётко просматриваются маяки Анадоли и Румели, освещённые солнцем. Передаю вахту Чернышеву. Неожиданно солнце уходит за облака, картина берега сразу тускнеет, приобретая темносерый фон.

У Чернышева истерика. Это не Босфор! Это лже-Босфор! Я слышал о нём! И он, судорожно поправляя свои очки, разворачивает нашу яхточку напрямик на Запад! Откуда мы только что пришли!

Станкевич словно в рот воды набрал, только глазами хлопает. Выскакиваю из рубки, вырываю румпель у "яхтенного капитана" Чернышева, и прошу его отдохнуть некоторое время, возвращая при этом наш "Нефрит" к проливу.

Босфор проходим под парусами. Чернышев достал где-то древний "Салют - 2м" за 80 долл, разложив его стоимость на экипаж. Подвесной мотор был настолько дряхл, что за всё время не проработал и одного часа, а позднее мы и вообще избавились от него.

В Мраморном море мы задержались у западного берега перед проливом Дарданеллы, в этом был смысл: шёл слабый юго-восток, и влезать в пролив в этих условиях было невыгодно, тем более без двигателя и на ночь. Своим спутникам, недовольным этой задержкой, я "сознался" в своей "ошибке" связанной с этой задержкой. Зато утром при пятибалльном северо-восточном ветре мы буквально пролетели Дарданеллы за каких-то восемь часов, и вышли в Эгейское море.

Вечер. Прекрасная видимость. Вахту у меня принимает Чернышев. Поскольку вся ответственность за навигацию и безопасность лежит на мне, я прошу Чернышева идти курсом 240° до острова Бозджаада и с появлением на левом траверзе маяка острова лечь на новый курс 206° на пролив Кафиревс. Мне дюжину раз приходилось приходиться здесь так что места знакомые.

Обстановка спокойная, ясно, бакштаг. Нас догоняют и обходят сухогрузы и малые турецкие суда, идущие в Италию курсом 180. Уже в рубке, делая прокладку, слышу разговор Чернышева со Станкевичем:

- Давай держаться за этим парухом, он наверняка идёт туда, куда надо! (Рулевой Чернышев!).

- Давай, рули за ним! (Станкевич!).

Я и глазом моргнуть не успел, как наш парусник ринулся влево аж на 60° и последовал за каким-то турецким буксиром...

Выхожу их рубки, молча, возвращаю парусник на прежний курс 240°. Чернышев противится:

- Я не вижу никакого острова и маяка!

Он всё это увидел, когда надел очки. Увидел и остров, и уже начавший работать маяк острова Бозджаада... Мне пришлось быть в кокпите некоторое время, пока мы не легли на курс к проливу Кафиревс, и пока на вахту не стал Станкевич. Этот хоть боится нарушать заданный курс, хотя всегда поддерживает любые "яхтенные" бессмыслицы хозяина яхты Чернышева. Ладно, все мы не без греха. Я, например, выпросил себе одно послабление: не быть связанным с камбузом. Сказал, что в мою "камбузную" вахту я буду питаться в сухоматку, дабы не загружать матросов приготовлением каш и супов для моей персоны. Ну, а во время авралов, особенно ночных, капитан ведь и должен быть на руле в любом случае. Так что уж извините, господа матросы, это не я придумал, а хорошая морская практика требует. Во всём остальном капитан был в одинаковых условиях со всеми: и на вахтах, и на отдыхе (если он был, конечно), что требовал со всех точно выполнять все навигационные установки - так это же сам Николай Угодник велел, покровитель моряков...

От меня-то никто никогда ни одного слова жалобы не слышал, ведь моё спальное место на правом рундуке очень даже обильно поливалось морской водой из трещин в корпусе, в то же самое время Чернышев и Станкевич спали и отдыхали совершенно сухонькими! Так кто же из нас "белая кость" господин Чернышев? И пока ты, Чернышев, своих четырёх жён менял, я исхитрился побывать в местах, где кровь человеческая текла ручьями, а жизнь и полушки не стоила! Так кто же из нас "белая кость". То-то.

Прошу простить за "лирику". Идём дальше.

Погодка в Эгейском море всё время свежая. Дует 5-6 баллов постоянно. Прошли греческие проливы Кафиревс и Кеос. На западе ночное зарево Афин и Пирея. Справа в миле остров Айос-Еорьюс. Мне хорошо известен этот район. Из-за подводной каменной гряды на юге острова нам надо идти строго на юг и только после этого лечь курсом на пролив Китира (южная оконечность Греции).

С передачей вахты Чернышеву прошу его всю его вахту идти курсом 180°, пока не обогнём подводную россыпь камней и скал. Полночь.

Через полчаса просыпаюсь от голоса Чернышева:

- А я иду курсом 240°! Ну, и что такого?

Оказывается, несмотря на предупреждение, Чернышев, изменив курс, прошёлся по гряде, чудом не посадив парусник на рифы в темноте. Где

мы находимся? Срочно беру координаты яхты по GPS, и надо же: “восьмёрку” единиц миль я принимаю за “тройку” (они очень похожи, освещение в рубке и подсветка дисплея слабоваты). Говорю Чернышеву, что он, изменив курс, залез много западнее, и тут же дублирую замер координат, исправляя свою неточность, но что тут началось! Чернышев и Станкевич, забыв о своей “езде” через рифы, в один голос обвиняют меня в фальсификации координат! Не больше и не меньше! Бред сивых кобыл. На него я не обращаю внимания, буквально заставляя рулевого идти на маяк острова Белопуло.

Утро. Чистое небо. Вершины гор окрашены в розовые тона восходящим Солнцем. Но меня почему-то не покидает чувство тревоги. Очень сожалею, что вместо Станкевича на руле нет Артура Лукьянова, умного, волевого паренька, дважды пересекавшего на яхте Атлантику.

И тут ещё, как нарочно, у входа в пролив Китира наш “Нефрит” с Станкевичем на руле едва не переезжает большой греческий буксир: его стальной борт проходит буквально в метре от нас. Станкевич лишь мычал, а я, вылетев из рубки на это мычание, увидел уже перед собой острый форштвень судна.

...Прошли мыс Тенарон, южную оконечность Греции. До Кадиса ещё далековато. А тут из Адриатики, наверное с самых Альп подудло так, что мы только под штормовым стакселем едва не потеряли рангоут! Ползли целую неделю пока, не расстались с этой погодой.

Не только яхтсмен, любой здравомыслящий человек поймёт, как в наших условиях был дорог каждый выдержанный рулевым на вахте градус курса. Поймёт, как дорога каждая сэкономленная миля пути к цели. Я понял, что, несмотря из заверения, матросы “Нефрита” не имели никакого опыта в морских переходах. Иначе ничем не объяснить десятки серьёзных упущений в их действиях при несении вахт на руле. Они вдруг по ночам заменяют отличный компас КМ-120 на румбовый компас! С неприемлемой дискретностью делений. Какие там градусы! Ошибки в курсах достигали 12°-15° и более градусов! Но зато хорошо смотрелась шкала из трёх трубок от пылесоса. Чернышев месяц мастерил с серьёзным видом автоматическое подруливающее устройство. Это-то при материале трубок Д-16, а не АмГ. Морская вода за неделю превращает Д-16 в порошок. Я не спорил с ними: чем бы дитя не тешилось...

IV

От острова Мальта нас отделяет сотня миль, и тут происходит такое, что можно увидеть лишь в страшном сне. Спокойный солнечный день. Мы резво бежим к Мальтийскому проливу, а там и Кадис не так уж и далеко. Чернышев сидит на баке с ружьём для подводной охоты. Я на руле, и хозяин яхты мне хорошо виден. Неожиданно Чернышев вставляет гарпун в ружьё, взводит оружие и, направив гарпун в центр своей ладони, нажимает спуск! Стальная ржавая стрела насквозь пробивает кисть...

Для изъятия гарпуна он был протянут через ладонь после перекусывания крепящего шнура, т. к. на наконечнике были раскрыты лепестки стопорения гарпуна. Через час кисть Чернышева превращается в сизый комок.

Приехали! Какой там Кадис! Надо было срочно спасти самострела “яхтсмена” от гангрены.

Сутки гоню парусник к Мальте, в её столицу Валлетту. Там у меня друзья, должны помочь. В день нашего прихода после прохождения пограничной и иммиграционной служб созваниваюсь с соотечественниками, а у них своё огромное горе: умерла 11-летняя доченька. До нас ли было им?

Но эти замечательные русские люди, Ирина и Владимир Маликовы не оставляют нас в беде и организуют транспортировку Чернышева в местный госпиталь Св. Луки. До полуночи я ждал результатов осмотра Чернышева. Рану обработали и дали надежду на благополучный исход.

На следующее утро Чернышев и Станкевич решили осмотреть город. И тут вместо того, чтобы нормально сойти на причал, подтянув яхту за швартов к берегу, Чернышев неожиданно прыгает с кормы (2,5 м от берега?), промахивается и с головой погружается в зловоние бухты...

V

Мы третий день на Мальте. Контроль продуктов показал, что нам необходимо срочно решать вопросы снабжения. Я передаю нашему “кассиру” Чернышеву свои последние 100 долл. То же делает и Станкевич, с той разницей, что у него (и у Чернышева) есть по 900 долларов. Но это их личные средства, и рассчитывать на них нельзя. Мои наличные средства - 20 долларов.

За 40 суток (20 суток в Одессе плюс 20 суток перехода до Мальты) мной потрачено: 300 долларов - на солнечные батареи, 150 долларов - на продукты, 100 долларов передал Чернышеву в “кассу” яхты. Такие траты я не мог предусмотреть.

С рукой Чернышева, кажется, обойдётся. Гора с плеч!

Мои друзья пытаются помочь нам продуктами и деньгами. Для этого мы, с Ирой Маликовой посещаем редакцию центральной Мальтийской газеты “Таймс”. Рассказываем редактору о ситуации. На завтра он направляет к нам на яхту своего корреспондента и фотографа. К 10. 00.

На следующий день в 9.30., за полчаса до прихода газетчиков Чернышев с пеной у рта “запрещает” нахождение нашего, Российского флага рядом с флагом Украины. Поступок для нормального человека вряд ли объяснимый: во-первых, я как капитан яхты отвечаю за все сигнальные и иные знаки на паруснике, а во-вторых, я предьявлял наш флаг мальтийцам всего-то на каких-то 10 минут их нахождения на яхте. Ко всему, всё наше мероприятие - это инициатива России! И нас двое в экипаже - российские граждане.

Но Станкевич трусливо прячется в рубке и помалкивает. Куда только язык подевался у этого сморщенного человечка? Молчит, словно он из Гондураса!

Я даю Чернышеву пять минут на подъем русского флага, в противном случае я снимаю с себя обязанности капитана с регистрацией этого факта в судовом журнале.

Но флаг России поднят не был. Журналисты пришли вовремя. Хорошие, добрые ребята. Выслушали наши проблемы, обещали помочь публикацией и обращением к спонсорам для поддержки рейса. На следующее утро у нас на руках уже были свежие номера "Таймса" с публикацией.

Слов на ветер я не бросаю. В судовом журнале появляется моя запись о снятии с себя обязанностей капитана яхты, после чего Чернышев возводит себя в ранг шкипера.

Вечер. Звоню в Москву спонсорам, докладываю только о финансовых проблемах. Есть предложение: мне прилететь на трое суток в Москву и вместе решить вопросы финансирования перехода через Атлантику.

Говорю об этом экипажу. Если удастся получить хотя бы 1000 долларов, можно спокойно следовать до Вашингтона. Всем нам. троим.

На следующий день мальтийцы берут мне авиабилеты "апекс" - до Москвы и обратно через трое суток. Признаться, я очень надеялся на финансовую помощь спонсоров для продолжения рейсов в США.

За два дня я набегался по московским конторам так, что в конце вторых суток еле ноги таскал. Был у очень серьёзных людей, к сожалению, с очень неутешительным результатом: после 17 августа многие "прогорели", денег нет, надо выждать какое-то время, а сколько - никто не знает.

Вечером вторых суток из Москвы в Валлетту ушёл мой факс, в котором я предлагаю "Нефрит" оставить на хранение в марине за очень низкую плату до апреля 1999 года, а весной продолжить рейс в США. У нас был ещё и резервный вариант - вернуться на зиму домой в Одессу. Всё необходимое навигационное снаряжение на яхте было (карты, секстан, МАЕ). Я предложил Станкевичу G.P.S., но он отказался его брать.

За сутки до моего предполагаемого возвращения в Валлетту мне звонит Чернышев, сказал, что они обдумывают варианты с яхтой, но им очень нужен сейчас красный фонарь.

И больше - ни слова!

Я остаюсь в Москве, считая вопрос об оставлении яхты на Мальте до апреля 1999 г. решённым. Обратный рейс (по апексу) улетает в Валлетту без меня. А в этот же вечер мне звонит Ирина Маликова из Валлетты:

- Константин Иванович! Два дня назад Чернышев и Станкевич получили от мальтийцев очень много продуктов! Целую гору. А если яхта, будет в Кадисе, то вероятен хороший транш на переход Атлантического океана. Вам разве яхтсмены не сказали об этом?

Да если бы я знал об этом из вчерашнего звонка Чернышева, то сегодня уже был бы на "Нефрите". Но почему вчера о полученной помощи Чернышев не сказал мне ни слова? Ни слова! И Станкевич же тоже мне мог позвонить! Не позвонил.

А ларчик просто открывался: получив большое подкрепление, в том числе с финансовой перспективой в Кадисе мои “мореходы” вероятнее всего решили сами, вдвоём, реализовать плавание за океан. Для яхтсменов, путающих Луну с Сириусом - это нонсенс.

В этот же вечер, после звонка Ирины, я звоню жене Станкевича и прошу уговорить мужа не идти в Кадис, т. к. это может привести к беде с их смешными претензиями на (отсутствующий) опыт морских переходов...

VI

В течение месяца я несколько раз звонил в Кадис: есть ли “Нефрит”? Ответ испанцев: пока не видно. Но яхту ждут и сразу же сообщат мне.

В начале января 1999 года мне звонит, а потом и присылает письмо жена Чернышева. Многое проясняется.

За месяц (ноябрь 1998 года) Чернышев и Станкевич добрались до Сицилии (это-то 90 миль Мальтийского пролива) и ждут там погоды, чтобы идти... в Тунис.

Ещё через две недели Евгения Константиновна сообщила мне, что Станкевич бросил Чернышева на Сицилии и смылся домой, в Москву, а Чернышев ищет возможность привезти яхту в Одессу на палубе попутного судна и что продуктов у него хватит на долгое время, с ними - никаких проблем!

Я пытался выяснить, на каком берегу, у каких населённых пунктов находится Чернышев? Но этого она не знала, несмотря на присылаемые ей факсы и телефонные звонки Чернышева из Сицилии.

После предательства Станкевичем Флага России на Мальте, после его бегства с Сицилии в любом случае нельзя было оставлять Чернышева одного после дикой попытки самим реализовать плавание в США, я предупредил этого “морехода” о том, чтобы я никогда не слышал его голоса.

Вот об этих двух случаях из тридцати моих плаваний я и хотел рассказать. Всё-таки основной причиной невыполнения программы плавания является не алкоголизм отдельных членов экипажа яхты, не странности поведения (случай с Чернышевым), а патологическая склонность к предательству. Судите сами.

Станкевич предаёт наше плавание в Бердянске, поддержав алкашей.

Станкевич предаёт нас с плаванием на “Лучах” в Атлантике.

Станкевич предаёт наш флаг, флаг России на Мальте.

Станкевич предаёт своего капитана, скрыв от него помощь мальтийских яхтсменов и спонсоров. И, наконец, бросает одного матроса на Сицилии!

Кто ты, Станкевич?

Константин Ветер.

Ведущий инженер-испытатель пилотируемых космических комплексов.

Яхтенный капитан с правом неограниченного района плавания.

Март - Май 1999 года.

Звёздный городок.

P.S. Памятный знак доставлен из России в США в 2000 году.

ОЧЕРЕДНОЕ ЗВАНИЕ

Эх! И повезло же мне с тещей!

Трудолюбивая, хозяйственная, умеющая варить вкуснейшие борщи и рассольники, она, ко всему, прекрасно разбиралась в огородных делах, помогая нам выращивать на нашем крохотном земельном участке клубнику, смородину и картошку.

Она шустро обрабатывала грядки, таскала на себе удобрения, рассаду, а однажды даже притащила откуда-то саженец винограда. К тому же, когда моя теща приезжала к нам в Звездный городок из Москвы, у нас вся квартира блистала ослепительной чистотой.

В моменты отдыха от житейских праведных трудов теща сначала очень любила смотреть все наши фильмы прошлых лет с их патриотичным и высоко нравственным содержанием, хотя в последнее время она не прочь была посмотреть на экране и примитивные сексуальные сценки из примитивных “мыльных опер”.

И, тем не менее у моей любимой тещи был единственный недостаток: она очень любила командовать! Причину столь сильного закрепления у нее этого навыка надо искать, скорее всего в ее прошлой долголетней работе в руководящем звене Курских райкома и обкома партии.

Подбегает, например, к теще кошка и сразу же следует команда: “Стоять! Назад! Лежать!” Если это собака, то следует команда “Фу!” Друзья человека, недоумевая, моргают при этом, ничего не понимая, чего же хочет сия женщина, и скорее сматываются от нее, памятуя о том, что потом будет трудно доказать, что ты не верблюд. Но для тещи главное - приказать! Приказать неважно кому: дочери, зятю, соседке или нашей собаке!

Оставление после обеда невытой тарелки или чашки после вечернего чаепития могло приравниваться моей тещей к преступлению против человечности. И сразу из ее уст следовал приказ...

И однажды она до того достала меня своими приказами, что я решился отомстить ей самым серьезным образом.

...Целый месяц теща готовилась к медицинскому освидетельствованию для прохождения курса лечения в клинике МИДа, где работала тогда её дочка, то есть моя жenuшка.

В большой тещиной папке были собраны результаты всех медицинских обследований её за последние десять лет, причем на титульном листе этой объемной подшивки значилось: “Результаты медицинских проверок и лечения заведующей партучетом Курского обкома КПСС Алтуховой Анны Петровны”.

Будучи очень ответственным человеком, теща профессионально и аккуратно оформляла эту папку для предъявления эскулапам клиники, храня документы в своем столе.

И вот наступил день, когда наша Анна Петровна, положив свои медицинские документы в портфель, села в авто, на котором и была доставлена на место своего медицинского пребывания, где буквально через час

уже сидела перед главным врачом столь солидной клиники, предъявив ему свой врачебный “гроссбух”.

Главврач вначале с некоторой настороженностью отнесся к содержимому папки и, читая, почему-то несколько раз явно сдерживал смех, что было сразу же замечено моей тещей, которая и здесь предстала в своем амплуа:

- Доктор! Почему вы смеётесь? Это серьезный документ! Он не придуман и отражает истинное положение и моего здоровья и моей профессии. У меня была очень трудная жизнь и смеяться над всем этим - это просто не уважать человека, сидящего перед вами.

Но главный врач уже открыто хохотал, выдерживая взгляд уже начавшей оскорбляться посетительницы. Наконец, он, достав платок, вытер выступившие от смеха слезы:

- Дорогая Анна Петровна! Посмотрите, пожалуйста, что вы мне принесли! - И он движением руки подвинул папку теще.

Та взглянула на титульный лист и обомлела... На нём крупными красивыми буквами стояло:

“Личное дело оберштурмфюрера СС Анны Геринг (в девичестве Алтуховой!), заместителя начальника концентрационного лагеря “Иайдан”.

Характер сверхнордический, стойкий.

Нетерпима к врагам Рейха.

Награждена восемью железными крестами за спецоперации.

Дружит с нашим агентом - секретарем Курского обкома партии Мона- шовым (Зибельманом).

Шесть раз была замужем, но это не отразилось на её преданности делу нашего Фюрера и Рейха.

Прошу провести медицинское освидетельствование Анны Геринг-Алтуховой для присвоения ей очередного звания СС - “гауптштурмфюрер СС”.

Рейхслейтор Борман”

Вылупив свои очи, теща никак не могла поверить в такую абракадабру, изображенную на титульном листе её “медицинского дела”, повторяя много раз подряд одно и то же:

-Надо же! Надо же! Надо же! Это он! Это он! Это он! У-у-у-у-!..

Схватив папку, теща, забыв попрощаться с главврачом, выбежала из кабинета и остановилась, соображая, что же делать дальше? Невольно перевернув свою папку, она увидела на последней странице обложки крупную надпись:

“Поздравляю с новым “званием”!

И не думай, что ты всегда права!

Твой любящий зять”.

Странно, но после всего происшедшего теща моя перестала занимать в нашем доме и в нашей семье руководящие посты, опасаясь, что её могут назначить рейхсканцлером...

ЭТЮД ЛЕШГОРНА

Я и предположить не мог, что мое отроческое и совершенно случайное прикосновение к нотной грамоте может, много лет спустя, преподнести мне серьезный и достаточно неожиданный сюрприз.

В далекую пору меня целый год приобщала к нашему роялю одна очень хорошая знакомая нашей семьи старенькая пианистка, Клавдия Васильевна Семельницкая, мать мужа одной из моих тетушек - Веры, сын Клавдии Васильевны был в то время капитаном и проходил службу на Дальнем Востоке. Шел тогда 1940 предвоенный год.

Однажды узнав о наличии у нас старенького, но довольно еще сносного рояля, старушка воспылала желанием сделать из меня если не Грига, то хотя бы умеющего без ошибок исполнять "Лунную сонату". И взялась старушка за это дело с энергией, достойной более серьезного применения. Конечно, в этой истории сыграла роль, обращенная ко мне просьба мамы:

- Позанимайся хоть немного, сынок! Может и пригодиться где в жизни...

Сынок добросовестно тратил по часу в день за клавиатурой, повторяя десятки раз изрядно надоедавшие гаммы и прочие фортепианные эксзерсизы, поглядывая в окно, где его терпеливо ожидали друзья- товарищи. Наверно это сиденье было самым нудным занятием в его тогдашней жизни...

Несколько оживились мои "музыкальные" занятия с началом разучивания коротких музыкальных пьес и, особенно, песенных мелодий. Прикасались мы и к классике, но в очень-очень кротких "размерах". И здесь, даже не могу объяснить почему один из этюдов пришелся мне очень даже по сердцу, оставшись в памяти на всю жизнь вместе с превеликим оптимизмом песен Дунаевского, Пахмутовой, Высоцкого и Окуджавы.

Проходит премного лет.

Волей случая оказался я в доме одного весьма знаменитого киноактера, удачное исполнение которым многих ролей в наших фильмах собрало у него в доме такой "бомонд", что рябило в глазах от чрезмерного изобилия всяческих знаменитостей, хорошо, по-видимому, знавших друг друга.

Рояль в зале гремел непрерывно: гости исполняли все - от "Чижика- Пыжика" до "К Элизе". Никем не замеченный, я сидел тихонько в своем креслице, наблюдая без особого интереса за всей этой бесподобной и, как мне казалось, бестолковой суетой.

Единственным мне знакомым здесь человеком была... экономка кинознаменитости, она-то и вытащила меня в это "столпотворение". И как потом выяснилось, она-то и подбила одного из присутствующих актеров неожиданно заорать во весь голос как раз в минуту временного затишья:

- А кто там отмалчивается в углу? Фамилия-я?

В зале установилась полнейшая тишина, в которой я оказался на самом острие всеобщего внимания.

- Я с Лубянки, - произнес я спокойным голосом. - Внутреннее наблюдение. Продолжайте развлекаться, пожалуйста!

Сию, с интересом разглядываю молчащий зал. Один из присутствующих, друг хозяина дома, мелкими шажками направился ко мне, постоянно оглядываясь на присутствующих:

- И все-таки, расшифруйте подробнее цель вашего визита...

- Хорошо, - отвечаю я этому любопытному существу, встав, и направляясь к роялю. - Мне поручено определить степень вашей музыкальной информированности. Пожалуйста, слушайте меня внимательно и ответьте мне лишь на один вопрос: "Что будет мной исполнено?"

В этот момент было, пожалуй, невозможно определить, кто из нас выглядел большим идиотом - присутствующие или ваш покорный слуга. Но когда зал наполнился изумительной мелодией, которая оказалась не известной никому из присутствующих, в зале словно прошелестел синий ветер. Прошелестел в сопровождении мертвой тишины! Вплоть до последнего аккорда.

Молча и без сожаления покидаю зал. Никто не шелохнулся. Никто не обмолвиться ни единым словом, даже - звуком!

Уже в дверях слышу дамский шепот:

- Кто он все-таки?

- А черт его знает... Внутреннее наблюдение... Неисполнение классическое...

- А что прозвучало?

- А черт его знает... Но, совсем недурственно...

РИКША

Как-то в ожидании электрички встретился с Иваном Колосовым, полковником и классным компьютерным специалистом. Ехал он в Подлипки, а точнее в Центр Управления космическими полетами по своим профессиональным делам. Уже в вагоне разговорились. Оказывается, Иван только что прилетел из Китая, где ему преподнесли местные специалисты "сюрприз" - прокатили на настоящем рикше! Конечно, в современной КНР о подобном виде "транспорта" уже почти забыли, но исторической памяти ради иногда напоминают о нем своим иноземным друзьям. А в продолжение разговора звучит его вопрос:

- А ты когда-нибудь "катался" на рикше?

На рикше? Да что-то не припоминаю я такого... Подожди, подожди- ка.: а нечто подобное у меня было, только с точностью наоборот Дело в том, что рикшей оказался я сам! Как? Вот так!

Неожиданно за пару дней до моего отлета моя младшая дочка проявляет неожиданную сообразительность:

- Па! Мы закажем тебе коляску! Тебя в Лос-Анджелесе встретят и как инвалида, доставят прямо в твой аэрофлотовский терминал! Не надо будет бегать и...

Я посмотрел на себя в зеркало: на инвалида я явно не тянул, выдавал внешний вид и моя пиратская рожа, с которой в пору можно было брать “Банк оф Америка”. Надо мной же будут хохотать в Лос-Анджелесе все, кому не лень! Такой мужик в коляске... “Инвалид”!

От предложения дочери я отказался. Но...

Прилетаю в Лос-Анджелес. Вхожу в туннель, и тут меня неожиданно отлавливают двое мужиков в униформе аэропорта и, несмотря о мое упорство, усаживают в “каталку”, не забывая о моем багаже. И один из “нападавших”, здоровенный двухметрового роста мексиканец, покатил меня из седьмого терминала в третий.

Но только мы покинули наш терминал и появились на уличном нижнем ярусе как везущий меня верзила, не заметив на своем пути открытый люк каких-то подземных коммуникаций, проваливается в него с головой, бросив катящуюся со мной “каталку” прямо под колеса несущегося электропогрузчика. В эту секунду три человека заорали одновременно так, что сразу же были окружены толпой зевак: наверно я и водитель электрокар кричали что-то одинаковое, только на разных языках и явно нелитературное, а где-то внизу нас поддерживал вой провалившегося под землю мексиканца.

С трудом помогаю “рулевому” “каталки” выкарабкаться из ямы и тут замечаю, что правая ступня его подозрительно развернута, почти на девяносто градусов... Мне помогают усадить пострадавшего в его же коляску, и мне ничего не остается, как, узнав местонахождение их “здравпункта”, покатить “каталку” в нужном направлении. Пришлось даже подобрать его фирменную фуражку и временно водрузить её на свою голову, ибо мексиканец от боли согнулся в три погибели, наклонив свою башку аж к своим коленям!

Везу своего “пассажира” вместе с своими чемоданами целых полверсты! Кругом вижу у встречных удивление, улыбки и сочувствие! Русский рикша в Лос-Анджелесе!

У входа в четвертый терминал, где у них, кстати, находился их “здравпункт” нас уже встречают двое полицейских и субъект в бледно-голубом халате - врач.

Самое интересное в том, что узнав о моей российской принадлежности, копы отнеслись к русскому рикше очень даже дружелюбно, вероятно еще и потому, что один из них тоже был мексиканцем.

Они, узнав номер нужного мне терминала, тут же остановили огромный автобус, совершенно пустой и помогли мне внести в него мои оба чемодана, попросив шофера доставить русского по назначению.

И повез этот автобус русского “рикшу” по какому-то длиннющему кольцевому маршруту. Повез, явно удаляясь от всех строений и терминалов Лос-Анджелесского аэропорта... Потом выяснилось, что шофер выполнял свой обычный маршрут, объезжая последовательно все службы аэропорта. Через 20 минут водитель этого автобуса очень ласково предупредил

меня о необходимости покидания транспортного средства на следующей остановке. Каково же было мое удивление, когда, оказавшись с чемоданами в руках у входа в “свой”, третий, терминал, я увидел, что нахожусь всего в каких-то 30 метрах от того места, где я передал травмированного мексиканца, эскулапу в голубом халате! Конечно, сокрушаться не пришлось: в конце концов ведь мне помогли от чистого полицейского сердца! Ну, и прокатился к тому же бесплатно, на дармовщинку.

После регистрации на свой рейс ожидаю объявления посадки, и тут передо мной медленно проходит уже знакомая мне полицейская парочка. Копы улыбаются мне, и я слышу их негромкое приветливое: “Гуд лак, сэр”! И русский “рикша” отвечает им доброжелательным жестом.

ЛОЖЬ ЕСТЬ ФУНКЦИЯ СТРАХА

“Не надо врать!

В этом источник всех наших бед!”

В. И. Ленин

Конец октября. Полночь. Холод.

Порывы шестибального ветра атакуют верхушки сосен и елей с такой силой, что с них осыпается хвоя. Мы расположились в старом дощатом сарайчике, стоящем на берегу Озернинского водохранилища. Мы - это трое моих 12-летних мальчишек-яхтсменщиков и я, их тренер. Задача нашей “экспедиции” - вождение одноместных шверботов “Луч” в ночных условиях. Конечно, мы не ожидали такой погоды, но не отступить же нам?

Из Звёздного городка мы прикатили сюда за 200 вёрст всего на двое суток - субботу и воскресенье, и поскольку программа переходов под парусом была далеко не простой, я взял на этот раз самых сильных своих ребяташек.

Вообще-то Озернинское водохранилище на протяжении уже нескольких лет было нашим парусным полигоном, на котором десятки моих девчонок и ребят, одолевая погодные трудности, совершенствовались своё мастерство управления парусом. В этом, несомненно, и был весь секрет их удачных выступлений на морских акваториях в свежую погоду. Ведь не даром почти каждый из этих яхтсменщиков проходил только за одну тренировку более 40 километров!

С ночёвкой проблем у нас не было: начальник нашего профилактория А.М. Морозов с большой симпатией относился к “парусным человечкам”, предоставляя им для отдыха лучшие “апартаменты” профилактория и отличную кухню, где в перерывах между занятиями ребята сами готовили себе обеды и завтраки с ужинами.

Но на этот раз всё выглядело по-другому. “Полевые” условия пребывания на этот раз являлись обязательным требованием ночных переходов. В нашем сарайчике нам удалось разместиться с большим трудом на ворохе хвойных ветвей, накрытых брезентом, и с двумя одеялами на четырёх!

Задача предстояла следующая: в ночных условиях при сильном ветре надо было провести яхточку до заданного места берега, находящегося в четырёх километрах от базы. И оставить на берегу кусок фанеры со своей фамилией. Утром, пока ребята будут спать, я на “Луче” соберу все эти “знаки” ребячьего мужества. А что его надо будет проявить, никто из них не сомневался.

Экипировка у ребят была на высшем уровне: гидрокостюмы с теплозащитной одеждой и спасательные жилеты защищали моих рулевых от любой неожиданности на акватории. К тому же “Лучи” были непотопляемыми, и восстановление их на ровный киль при переворотах даже в сильные ветра для ребят труда особенного не представляло, поскольку и в этом вопросе опыт у них был предостаточный.

Артур Лукьянов, Володя Николашин и Саша Щукин имели уже трёхлетний опыт, который вполне позволял им надеяться на выполнение поставленной перед ними задачи.

Я уложил яхтсменщиков спать в восемь вечера, что давало им возможность отдохнуть к полуночи.

...Лежу в темноте с открытыми глазами. Слева от меня, прижавшись друг к другу, укрывшись одеялами, похрапывают мои человечки. Через единственное подобие окошка сарайчика пробивается слабое ночное зарево. Наблюдаю, как из отверстия в полу появляется крысиная мордочка. Она вытягивается к нашему продовольственному мешку и через минуту я уже вижу полностью и самого обладателя этой рожицы с черными бусинками глаз и длиннющими усами. Крыса осторожно обнюхивает мешок и пытается захватить зубами конец ремешка.

Осторожно протягиваю руку к лежащему на ящике пакету с батоном. Крыса мгновенно исчезает. Кладу кусочек батона перед отверстием в поду и сразу же замечаю высунувшиеся усы, через секунду хозяйка подполья исчезает в норе, прихватив с собой мой “подарок”...

Ещё днём мы жребием определили очерёдность выхода мальчишек на акваторию. Поэтому в 2350' я поднимаю первого их них - Лукьянова, и, спустя десять минут он уже уходит на яхточке в беснующуюся темноту водохранилища.

Остальные спят.

...Пробравшись на мыс, я отслеживаю Артура в инфракрасный бинокль, поскольку без него акватория просматривается на десяток-другой метров, не более. Мальчишка возвращается через 1 час 24 минуты, ни разу не положив яхту на воду. Зато второй по очерёдности Саша Щукин, будучи самым лёгким из всех троих, накувыркался вдоволь, но задачу по доставке своего “вымпела” выполнил, правда, за два часа.

В 330 ночи последним уходит самый тяжёлый из троих мальчишек - Володя Николашин. Уходит и почти сразу же исчезает из поля зрения моего инфракрасного бинокля! Я не вижу его на акватории водохранилища... Вообще-то случиться с ним ничего особенного не может: сам непотопляем

вместе с яхтой, а ТЗК, гидрокостюм и спасательный жилет делают Николашина неуязвимым для охлаждения. К тому же он неплохо владеет парусником. Но его я не вижу на маршруте!

Поднимаю уже заснувших Артура и Сашу: срочно контроль берега по маршруту! Ширина водохранилища здесь сотни метров, длина - километры. А тут ещё идет усиление ветра. Волны почти добираются до нашего сарайчика. Николашина нигде нет. И только в шестом часу утра из-за ближайшего мыса появляется еле заметный в темноте треугольник паруса...

Мы помогаем Володе вытащить яхточку на берег. Всё это время Николашин молчит и, только оказавшись в нашем убежище в присутствии двух своих товарищей, говорит мне:

- Константин Иванович. Я не выполнил задания. Я очень испугался и всё это время простоял за мысом, вытащив "Луч" на берег. Просто было очень страшно. Больше я ничего не могу сказать...

Я обнимаю за плечи этого маленького испуганного человечка и даю ему кружку с горячим чаем:

- Малыш! Ничего и не надо больше говорить. Ты сказал самое главное: ты честно признался в этом. Это важнее всего! А страх ты обязательно одолеешь в следующий раз. Я в этом уверен.

С рассветом я ухожу на яхточке собирать "вымпелы" Артура и Саши. Они лежали в сотне метров друг от друга точно в заданном месте берега.

Николашин просит меня остаться ещё на одну ночь. Я иду ему навстречу, и Володя выполняет свою ночную задачу, правда, уже при несколько более благоприятных погодных условиях... Но я благодарен ему за его честность и желание одолеть свой страх.

Я многократно подмечал: человек начинает лгать и изворачиваться исключительно из-за желания скрыть боязнь и страх, хотя это порой бывает сильно замаскировано обстоятельствами. И неважно, в каких масштабах и в каком содержании это проявляется. Главное во лжи - это скрыть свою ущербность, малую, невидимую простым глазом или даже преступную. Ущербность в какой-либо утрате чего-нибудь. Уверен я: не будет страха - не будет и лжи. Но и поговорка права: Не бояться лишь одни дураки. Но ты бойся сколько хочешь, только не ври! Ведь страх и боязнь любых уровней одолимы нормальным человеком. Одолей страх, и ты никогда не станешь врать. И сразу всё вокруг станет чище и честнее намного. И в работе. И в отдыхе. И в любых стрессовых и критических ситуациях. Если ты не можешь сказать правду - лучше смолчи! Но не соври! И время поможет тебе разобраться буквально со всем, что беспокоит и тревожит тебя!

Интересно само развитие уровней стрессового воздействия на человека и воспитание противодействия стрессу, а значит, и лжи.

Первая категория деятельности. Вы проигрываете в волейбол или теннис. Ну и что? Проигрыш (любой) всегда неприятен. Но в данном случае вы несёте лишь моральные "потери" (издержки): да, жаль, проиграл, надо же! Попытаюсь победить в следующий раз!

Вторая категория. Вы проигрываете в боксе или контактном каратэ. Здесь каждая ваша ошибка наказывается дважды: морально и физически! Боязнь этого “дубля” и её преодоление (боли в том числе) требует значительных волевых усилий. Ни один боксёр или каратеист не скажет вам, что он не испытывает страха (пусть завуалированного) перед боем или схваткой. Он одолевает свой страх и не скрывает, что испытывает его.

Третья категория деятельности: парашютизм. Здесь ваша ошибка помимо нравственной и физической издержек (травмы) может привести к летальному исходу, ибо никто из парашютистов не знает, что может ждать его за бортом воздушного корабля... Наличие такого фактора очень сильно влияет на честность и порядочность поведения человека практически во всех сферах жизни. В данном случае человек, испытывая сильнейший стресс и одолевая его, никогда не опустится до уровня лжеца.

Подобное, даже в ещё большей степени, я могу сказать о яхтсменах-одиночках. Всё пережитое этими людьми не позволяет им хоть немного слухавить в жизненных ситуациях, ибо у них всегда с собой имеется сильнейшее оружие против лжи - опыт одоления страха и его последствий.

Сделайте так, чтобы можно было сказать: “Да. Я иногда испытываю страх и боязнь и не скрываю этого. Но я способен преодолевать это. А значит, остаюсь вне лжи! Остаюсь человеком!”

Никогда не лги. Тогда исчезнет страх. И жизнь неожиданно повернётся к тебе своим золотистым лицом солнца, и огромный зелено-голубой мир всегда защитит тебя и твоих близких, и всех, кто рядом с тобой от любого зла.

Ложь = f (страха).

НУ И НУ!

Скорее поле человеческой разумности и бестолковости поделено пополам. Как говорят янки: фифти-фифти. А иначе и не объяснить...

...Гостиница Целинограда. Завтра мы готовимся лететь к месту посадки Быковского и Йена. Поздний вечер. Пора отдыхать. Мой сосед по номеру шустрый и сообразительный медицинский майор из Звёздного городка. Я знаю его много лет, это надёжный и порядочный человек. И надо же! Прихватил он из дома с собой 2 л. чистейшего этилового спирта, конечно, для своих медицинских нужд. И в этот поздний час мой доктор, познакомившись с нашим соседом по этажу - парашютным капитаном, задумал несколько уменьшить свои спиртовые запасы, хотя время для этого было выбрано явно неудачное. Я ничего не подозревая, ложусь отдыхать и тут... Всё происшедшее воспроизвожу с хронологической точностью.

2348 Стук в дверь нашего номера, это мой сосед:

- Извини, пожалуйста! Мы на минутку! Сейчас уйдём!

Они наливают спирт доктора в две мензурки, чокаются, желая удачной посадки нашему и немецкому космонавтам и тихонько, на носочках покидают номер.

2359 Стук в дверь:

- Извини, пожалуйста, будь любезен! Мы только... Секундочку!

Бульканье наливаемого в мензурки спирта.. Извинения. Дверь закрывается.

0014 Стук в дверь. Проявление изумительной тактичности, и я замечаю как стремительно уменьшается количество спирта у нашего эскулапа. Количество же пожеланий космонавтам благополучной посадки не вызывает никаких сомнений в благополучном исходе совместного советско-немецкого полёта.

0021 То же самое.

0032 То же самое.

Мне надоедают все эти перестуки и извинения. Я вырезаю ножницами из газеты чистый бумажный ромбик, по своей форме совпадающий с ромбом, на котором нанесён номер нашей комнаты, и чёрным фломастером чётко рисую “новый” номер “43”, заклеивая им наш “57”! Выключаю свет и ложусь. Через несколько минут топот в коридоре извещает мне о приближении моих весельчаков. И вдруг:

- Это не наш номер!
- А где же наш?
- Да мы ведь не на том этаже!

И дружки пошли искать “свой” этаж. Ну, и с Богом! Постепенно всё затихло, и никто уже не пытался посетить наш номер, несмотря на то, что дверь наша оставалась, даже приоткрытой...

В шесть утра выхожу на зарядку и не могу открыть дверь нашего номера! Она открывалась в коридор и вначале это даже вызвало некоторое удивление. С трудом протискиваюсь в коридор и вижу, что на нашем коврике перед нашей дверью беззаботно отдыхает, похрапывая, “мой” доктор. Быстро снимаю фальшивый номер и бужу соседа...

В его глазах огромное удивление, вперемежку с удовлетворением:

- Надо же! Нашёл-таки свой номер!

Он поднимается с пола и, пошатываясь, идёт к своей койке.

Мы возвращаемся на свою 17-ю “площадку”, а попросту в гостиницу “Космонавт”, что находится на окраине Ленинска. Все разлетаются по домам. Космонавты, завершившие свой полет, уже в Звёздном городке. В гостинице нас двое: наш лётчик-космонавт Володя Аксёнов и ваш покорный слуга. Мы улетаем вечером, а сейчас... Я застаю Аксёнова в нашей парилке с небольшим бассейном. Володя предлагает отметить завершение полёта бутылкой шампанского и убегает в свой номер за вином. За 10 минут его отсутствия я “меняю” температуру воды в бассейне с 25° до 12°С.

Паримся мы на славу. Термометр в парилке зашкаливает за 140°C, а сухой жар буквально выжимает из нас последние запасы воды. Пора и охладиться в бассейне. Я пропускаю Володю вперёд, он выскакивает из парилки и высоко подпрыгнув, ныряет в это маленькое, но такое желанное после жара “озеро”!

- Ух! Ё-ё-ё-ё-ёк!

Лётчик-космонавт вылетает из бассейна со скоростью, превышающей первую космическую! А, оказавшись “на берегу”, Аксёнов с испугом вглядывается в воду бассейна:

- Ничего не понимаю! Вода - лёд! Не могла же она так остыть за какие-то полчаса! Чудо, да и только!! Ну, водопроводчики!

А водопроводчики-то здесь причём?

Вернувшись домой, получаю новое направление своей деятельности: подготовку экипажей КК и ОПС к монтажу дополнительных солнечных батарей на внешней поверхности станции. Вначале всем нам, испытателям, надо пройти через это самим, и мы к этому приступаем. Производится замена воды в бассейне. Она слита почти полностью из огромного резервуара гидролаборатории, и лишь на дне в свете прожекторов поблескивает метровый слой, оставленный для... тренировок болгар-космонавтов “по действиям при покидании КК на морской акватории”! Большого абсурда в названии и действиях космонавтов предположить просто невозможно.

Теперь представь себе, читатель, следующую картину: если смотреть с “палубы” бассейна, то человек, видя огромный пустой цилиндр диаметром 23 метра, едва улавливает взглядом на глубине 12 метров тоненькую полоску воды с маленькой резиновой лодочкой, на которую космонавтов должны были опускать на кране, что ли? И вот там бедные болгары, живущие на берегу Чёрного моря, должны были обретать под мудрым руководством Еси Давидовича опыт своего спасения в морской стихии. Всё это выглядело чистейшим идиотизмом.

В это утро у меня были занятия с офицерами Поисково-спасательной службы ВВС в Главном Штабе на Пироговке, 23. Вскоре предполагался запуск КК фирмы академика Челомея В.Н., и эта служба выступила инициатором проведения этой встречи для ознакомления с четырьмя этапами выведения кораблей для обеспечения помощи их экипажам в случае аварий на доорбитальной траектории. Мой автобус в Москву уходил через час.

Стою на “палубе” гидробассейна. Наш Валерий Кубасов с болгарским космонавтом Ивановым останавливаются в паре метров от меня, здороваются и с некоторым сомнением заглядывают с высоты в пустой бассейн. Оказывается, они-то и приглашены Давидовичем для “морских тренировок”. И вполне правомерен вопрос болгарина:

- А что? Разве мы должны здесь отрабатывать “море”?

Кубасов пожимает плечами: подожди, сейчас нам объяснят, и спрашивает меня:

- Ты не знаешь, как мы должны здесь отработать покидание СА (спускаемого аппарата)? - И он кивает на пустой бассейн.

Незаметно подмигиваю Валерию: знай, что последует шутка- розыгрыш. Он всё понял, а я говорю болгарскому космонавту:

- Тебе и Валере надо будет прыгнуть отсюда и попасть точно вот в ту оранжевую лодочку. Такая вот имитация покидания космического корабля здесь. Сам корабль заменяется высотой прыжка...

Широкие болгарские брови полезли высоко вверх:

- Как это? Туда прыгать и попасть в ту лодку?

- Да. Отсюда, с этого места! И прыгать надо до тех пор, пока не отработаете это попадание!

- Валерий! Но ведь это же безумие! Ведь это очень высоко! Я не попасть! Я не буду это делать!

Кубасов продолжает подыгрывать мне:

- Страшно, а надо! Это закон нашей Космонавтики!

Болгарин застывает на месте, а затем отступает от края бассейна на несколько шагов:

- Я должен доложить это своему командованию...

В этот момент к ГЛ подкатывает "мой" автобус, что заставляет меня смотреться из гидролаборатории.

Вечер. Я только что вернулся из столицы. Звонок. В дверях стоит Иванов. Его лицо растянуто улыбкой:

- Можно?

- Да, пожалуйста!

Он входит и протягивает мне свою фотографию с дарственной надписью:

- Это на память о розыгрыше! Я-то ведь поверил, дурак!

- Да не дурак ты, Георгий. Ты умный и добрый человек. Ты, уж меня-то прости, пожалуйста! Это мы с Кубасовым, не подумав, напугали тебя! А за фото твоё спасибо тебе большое. Буду хранить вечно, как память о твоём несостоявшемся прыжке на дно бассейна.

В тот же вечер произошло ещё одно "событие", недаром Звёздный городок именуют зоной паранормальных явлений.

Жил-был у нас в городке человек по имени Лёва Птицин. Единственным ярким событием его жизни было отчисление Лёвы из отряда космонавтов по весьма банальной причине: будучи на Байконуре, Лёва ухитрился подраться перед стартом не с кем-нибудь, а со своим бортинженером, и не где-нибудь, а прямо в КК "Союз"! Некоторое время Лёва оставался вне космических событий, а затем высокое начальство, пожалев беднягу и учитывая его многочисленные жалобы, направило его в наш испытательный отдел ведущим инженером, на должности которого он и пробыл аж два года. Мои коллеги-испытатели в то время вкалывали так, что не успевали утереть со лба трудовой пот, а Лёва Птицин, появившись на работе, вдруг исчезал на целые дни и даже недели неведомо куда. Говорят, что добывал он всякие там

редкие издания для начальства и для себя. Ездил он в Москву и за разными дорогостоящими медикаментами и ещё для чего-то. В итоге никакой пользы этот драчун-экскосмонавт для отдела не приносил, но денежное довольствие получал исправно и очень даже неплохое. Да и на партсобрания он никогда не опаздывал. Это тоже надо было уметь.

И вдруг, словно гром среди ясного неба: Лёву назначают начальником нашего испытательного отдела! Вот тут-то и началось!

Прежде всего, Лёва посетил библиотеку Звёздного городка и выявил, что больше половины испытателей её... не посещают! Потом он прошёл по домам и квартирам наших офицеров, живущих в городке. Оказалось, что домашние библиотеки у большинства из нас очень немногочисленны и даже убоги! Добрался Лёва и до нашего дома!..

- Во-первых, вы не посещаете библиотеку городка. Почему?

Я показываю молча на большой книжный стеллаж, занимающий всю стену от пола до потолка: Мне показалось, что Лёва просчитывает корешки книг: - Но у вас малочисленная домашняя библиотека!

- Здесь тысяча томов.

- А у меня более пяти тысяч...

- Они вам бесполезны.

- Да что вы говорите? Почему же это?

- Они не делают вас лучше.

- ???

- До свидания, "сэр".

Проходит несколько дней. Почти полночь. Звонок в дверь. Открываю. На пороге Лёва Птицин!

- Простите за поздний час. Мне надо срочно переговорить с вами.

- Прощаю. Проходите. На кухню. У нас 3-х комнатная квартира. И все домочадцы уже спят.

- Нет. Лучше, если мы поговорим на улице.

И вот в первом часу ночи я узнаю истинную причину столь позднего посещения: мне надо завтра же утром поехать в Курск и встретиться с одним хорошо знакомым мне партийным работником, способным повлиять через ЦК КПСС на восстановление Лёвы в отряде космонавтов! Не больше, и не меньше!

Действительно, такой человек у меня был. Это бывший коллега А.Н.Шелепина и М.А.Суслова ещё по комсомольской работе. Откуда, по каким каналам об этом человеке узнал Лёва, мне до сих пор неизвестно. И будь его просьба другой, я бы несомненно отказался от такой "миссии", но отряд космонавтов - святое для меня место и дело. Я полетел в Курск на один день, в воскресенье, забыв даже взять открепительный талон на участие в выборах, кои проводились в этот выходной.

Человек, который, несомненно, мог бы помочь Лёве в восстановлении его в отряд, внимательно выслушал меня и задал только один вопрос:

- За что был отчислен Птицин?

Я рассказал всё и услышал:

- Он недостоин восстановления в отряде. Человек, не сумевший обуздать свои эмоции и вступивший в такой конфликт со своим товарищем на старте в престижный для страны момент - это **пустой** человек! Так и скажи ему. Негодование Лёвы на результат моей поездки было беспредельно. Он даже сам хотел тотчас же лететь на встречу с курянином, в чём мне удалось его разубедить. И когда Птицин выпалил мне, что никогда он не простит мне этого "отказа". Мне пришла мысль: а всё ли в порядке у этого человека с головой?

Последующие события поставили точку в наших с Лёвой отношениях. Идёт партсобрание. Естественно, нашего испытательного отдела. Испытатели намотались за прошедший день и потихоньку дремлют на своих местах, и тут слово берёт наш новоиспечённый начальник отдела Лёва Птицин:

- Вы все здесь недобросовестные люди! Вы дремлете даже на партсобраниях! Вот я! Вот я! Я каждый день себя под Лениным чищу! Я! Я! Под Лениным! А вы! Да вы просто никто!

Мог ли я промолчать, слыша подобное кощунство? Нет, не мог. Встаю.

- Полковник! У вас нет морального права делать подобные заявления! Пока вы можете чистить лишь селёдку. Потому, что вы два года, сидя передо мной бездельничали и не приносили никакой пользы нашей работе! И не стыдно вам, полковник, болтать здесь о какой-то своей "чистоте"? Вы пришли в наш отдел уже весь в дерьме, от которого вы не отскребёте до конца своей жизни! Так что о Ленине молчите!

Тишина. Слышно, как где-то за стеклом окна жужжит муха. Затем все слышат плаксивый голос нашего нового начальника:

- Я... Я... Я... Мы никогда не сработаемся с вами! Никогда!

Я покидаю партсобрание столь дорогого мне отдела, "руководителем" которого назначен этот тип.

Уже через два дня в нашей гидролаборатории я делаю своё рабочее погружение в космическом выходном скафандре, выполняя один из разделов внекорабельной деятельности на поверхности орбитального пилотируемого комплекса.

ЗВЕРЬ-ОКЕАН

Магеллан допустил большую ошибку, назвав самый необъятный океан Земли Тихим. Судя по всему, знаменитому мореходу очень повезло с погодой на этой, почти бесконечной акватории. У нас же за два года пройденных здесь под парусами маршрутов хорошей погоды набралось бы вряд ли более трёх недель. Нашей "Ледяной Звезде", двухмачтовой шхуне водоизмещением 50 тонн приходилось многократно попадать в условия, мягко выражаясь жестковатые. И сопровождали они нас практически в течение всего основного времени наших переходов в Тихом океане.

В жизни всякое бывает, И в нашей семье случилось так, что яхтсмены, граждане США, спасли для нас очень дорогого нам родного человека. Я буду обязан этим людям до конца своих дней. Это были замечательные, умные и добрые люди. Когда я вспоминаю о них, у меня всегда появляется мысль сделать что-то хорошее для американцев, а палачи и военные вроде всяких там кларков и им подобные встречаются везде и у нас в том числе...

Вот почему приглашение этих людей “покапитанить” на их паруснике из Сан-Диего я воспринимал как единственную свою возможность хоть как-то отблагодарить этих людей за спасение моей младшей дочери...

До этого мне приходилось быть только на восточном побережье США, пройдя под парусами от Майами до Бостона. В Атлантике мне удалось побывать и во многих других местах: в Колумбии и Ямайке, в Пуэрто-Рико и бразильском Ресифи на Малых Антилах вплоть до Барбадоса. Но то, что я увидел на Западном побережье США в корне отличалось от европеизированного Восточного берега. В первую очередь я имею ввиду климат и погодные условия на акватории Тихого океана.

...В конце апреля я прилетел в Лос-Анджелес. Все расходы по моему пребыванию и перелёту полностью взял на себя владелец парусника: с моей-то военной пенсией я вряд ли мог добраться дальше Смоленской области. Через сутки я уже проверял готовность яхты к океанскому переходу, составляя дополнительные перечни всего необходимого, убеждаясь, что всё снабжение и комплектация парусника была в полном порядке, а дополнительные приобретения являлись, скорее всего, резервированием на всякий случай.

Наличие двух высокоточных систем спутниковой навигации (G.P.S) обеспечивало точность координат в океане. Из 17 членов экипажа (я был восемнадцатым) только пятеро были профессиональными яхтсменами, я хорошо знал их как и владельца яхты ещё по совместным регатам, проводимым в 1992 году в память открытия Колумбом Американского континента. До моего появления здесь этот парусник выполнял лишь короткие каботажные переходы от Сан-Диего до Фриско и обратно. Только один раз экипаж яхты рискнул добраться до Сиэтла. Сейчас же все участники горели желанием одолеть маршрут Сан-Диего - остров Клиппертон - остров Пасхи - острова Фиджи и Самоа (Восточные и Западные) с посещением Гонолулу (Гавайи) и возвращением домой. Этот маршрут предполагалось одолеть за три месяца.

Ознакомившись с долгосрочным прогнозом погоды, я предложил изменить порядок прохождения маршрута, начав его с посещения Гавайи. Дело было в том, что циклоническая деятельность способствовала именно такому варианту перехода. Владелец яхты и весь экипаж не возражали.

... На третьи сутки после нашего старта из Сан-Диего спутниковая факсимильная информация по ближайшим 6 зонам океана заставила меня изменить наш “прямой” курс на Гавайи аж на 70 градусов к северу! Это вызвало

вполне законное изумление всего экипажа, ибо погода в это время вполне благоприятствовала курсу к островам. А дело было в том, что буквально через пару часов мы “цеплялись” за край идущего нам навстречу циклона, и нам не удалось бы миновать сильнейшего встречного ветра с соответствующим волнением океана. При этом, попав в такую погодку, мы пробыли бы в ней до четырёх суток. А мы “поехали” по огибающей ветровой спирали циклона с очень даже хорошим попутным ветром, да ещё и с абсолютно безопасным курсом. Проигрывая в расстоянии, парусник компенсировал это “неудобство” вполне приличной скоростью в 12 узлов. К тому же за первым циклоном уже намечался второй того же направления и с теми же характеристиками.

Расстояние до островов около 2000 миль, и мы летели к ним под всеми парусами, приближаясь с северо-востока каждые сутки к Гонолулу на 200 миль (с поправкой на линию пути). Через одиннадцать суток мы без особых забот швартуемся в столице этого островного штата США.

Гавайи - сказочные острова. Это единственное встретившееся мне островное образование, которое... пахнет! При соответствующей погоде ветер с этих островов доносит букет запахов цветов и растений, не уступающий лучшей французской парфюмерии. На островах очень доброжелательное население, готовое оказать тебе любую помощь и поддержку, причём чаще всего без всякой материальной “компенсации”...

Из Гонолулу экипаж решил следовать далее к острову Пасхи, а это от 20°СШ и 155°ЗД до 27°ЮШ и 110°ЗД, и путь немалый. А поскольку надёжность парусника сомнений не вызывала, решение на этот этап было одобрено всеми.

Впереди тысячи миль океанского пути. Уже на четвёртые сутки после старта из Гонолулу мы знакомимся с сильнейшим встречным 9-ти большим штормом, затянувшимся на целую неделю. Пришлось всем нам хорошенько покрутиться. Все трудности были у нас из-за периодических отказов механизмов закрутки стакселей, когда рифление этих парусов приходилось выполнять вручную, что при значительных парусных габаритах и весе (до 100 кг) рождало некоторые проблемы. Ко всему, из-за порчи пришлось расстаться с центнером всевозможных тропических деликатесов, купленных на Гавайях. Эта “потеря” никак не повлияла на настроение экипажа в целом, избавив даже кое-кого от “желудочных” проблем.

Но кое-что всё-таки случилось. Вечером мы налетели на огромный деревянный контейнер, обитый по углам металлическими накладками. К счастью, у нас лишь сорвало кусок пластмассового фальшборта, что можно считать удачей при таком “знакомстве”.

Постепенно погода устанавливается, и мы, хотя и с некоторыми проблемами приближаемся к острову Пасхи, крохотному куску суши, затерянному в океане и принадлежащему Чили. Экипаж очень уж хотел взглянуть на набивших всем оскомину громоздких каменных идолов, заполняющих местные плато и ущелья, бывшие когда-то каменоломнями.

...Мы стоим в небольшом заливчике. Два якоря прочно удерживают яхту практически у самого берега, на первый взгляд, какая-то “раздетость” острова: вокруг не видно ни одного деревца! Какие-то колючки, низкие кустарники и голые скалы вокруг. Чилийские полицейские предупреждают нас о нежелательности знакомства с отдалённой от побережья местностью. Население здесь (около 2000) тайно и явно занимается воспроизводством наркотиков, а потому искать себе приключений при встрече с ним вряд ли стоит.

Нас подбрасывают на джипах к ближайшему “комплексу” каменных истуканов, одновременно повествуя об истории их возникновения. Сопровождающие нас полицейские помогают нам с видеозаписями нашего “исторического” пребывания на острове Пасхи, за что мы рассчитываемся с ними не только своей признательностью, но и финансами из карманов моих американских коллег.

...Уходим к архипелагу Туамоту. На следующее утро сирена парусника собирает весь экипаж на баке, где всё мы становимся свидетелями необычной картины: перед нами дефилировало стадо китов! Мы насчитали 18 взрослых особей и 4-х китёнков. В подобном нам повезло ещё раз, когда мы продирались сквозь сито островов Кука...

Штормовой ветер. Волны не менее 6-7 метров. Всюду, куда ни кинь взгляд, ослепительные фиолетовые зигзаги молний. Погода буквально вгоняет нас в гавань политического и административного центра островного государства Фиджи - Сулы. Несмотря на сложную погоду, нас окружает множество лодок местных аборигенов. Можно было удивиться, с какой акробатической ловкостью эти лодочники и, особенно, лодочницы вскарабкиваются на палубу нашей яхты!

Здесь не принято прогонять посетителей, заполняющих своими мелодичными голосами всё вокруг тебя. В руках всего этого многочисленного люда мелькают ветки кораллов, раковины всевозможных размеров и форм, всевозможные поделки из дерева и камня. Мои американские путешественники приобретают здесь такое количество местного “мусора”, что наше судно оседает на добрую четверть метра!

...На пятые сутки после выхода, из Сулы мы прикоснулись к архипелагу Феникс, где нас, наверно по указанию самой хозяйки, имя которой и носит это скопление островов, здесь нас прихватывает жесточайший шторм, продолжавшийся более двух суток. Даже днём здесь с трудом приходилось различать многочисленные скалы, утёсы и утёсики, не говоря уже о бесконечных подводных препятствиях.

В этих условиях бортовые спутниковые системы навигации очень выручают экипаж, т.к. точность определения координат яхты очень высокая. Это и хороший электронный лот позволяет проводить парусник в очень стеснённых, узких и крайне сложных по конфигурации проливах и проходах. К счастью, всё обошлось благополучно, хотя были моменты, когда каждый из нас в душе наверняка обращался за поддержкой Нептуна.

Сан-Диего встретил нас в конце августа прекрасной погодой. Поскольку я, по упомянутым в начале этого рассказа причинам, никогда не брал у американцев даже цента за своё капитанство, мои океанские коллеги каждый раз ухитрялись подсовывать мне в багаж несколько видеоплееров или десятков сотовых телефонов, о которых я иногда просто не знал и с которыми как правило, мне приходилось расставаться при проверке багажа по прибытии в Шереметьево.

Дома об участии в таких необычных рейсах мне в первые десять суток напоминало лишь огромное желание спать! Сказывалась 12-ти часовая разница во времени. В начале третьей недели после прилёта, я обычно уже невольно начинал подумывать о новом морском и океанском маршрутах...

НЕ ДО СМЕХА

...Припомнилась старая история.

Феодосия. Февраль. В небе ни единого облачка. Всё заполнено солнцем. Но холодно: воздух +1, вода морская +5С. После проведения морских испытаний одной из модификаций КК "Союз" у меня оставался свободный день до отъезда домой, и этим утром после зарядки и завтрака я вышел на залитую солнечным светом набережную. К сожалению, сегодня не работает Картинная галерея Айвазовского пройти мимо которой просто невозможно, даже если ты и бывал здесь десятком раз. Уже много гуляющих, от пестроты одежд которых рябит в глазах. И вдруг в Феодосийском заливе глаз улавливает ослепительно белый треугольник паруса, летящего над волнами в лучах утреннего солнца... И потянуло меня на берег поближе к этому чуду, ибо иначе это явление и назвать-то трудно.

Через четверть часа виндсерферист на волне и попутном ветре ловко выкатил свои парусный "снаряд" на пляж в каких-то двадцати метрах от меня.

Подхожу к лежащей на песке парусной доске, владелец которой, достав из гермомешка сухое бельё, переодевается. Рядом с ним лежит и его "мокрый" гидрокостюм. Здравуюсь. Юноша некоторое время всматривается в моё лицо:

- А я вас знаю. Помните случай в Планерском? Вы были тогда на "Драконе"...

Этот человек мне незнаком. Но упоминание о "Драконе" включает память о событии годичной давности, когда я на упомянутой килевой яхточке решил пройти из Планерского в Анапу. Тогда море голубело по-летнему, разрешением пограничной службы я располагал, и в то утро покати я с попутным ветерком прямо на скрытый за горизонтом Анапский маяк. Несколько десятков миль для такой яхты как "Дракон" не расстояние. Правда, низкий надводный борт яхты и её несамоотливной кокпит не очень подходили для открытого моря, но прогноз обещал даже очень

хорошую погоду, а посему риск такого рейса вполне оправдывался, тем более, что буквально через сутки я уже должен был вернуться назад и возратить яхту её владельцу.

“Дракон” лихо скользил по спокойному морю, и продолжалось это до двух часов дня, когда в 19 милях от берега мы полностью остановились из-за полнейшего штиля.

Море превратилось в зеркало высшей пробы без единой морщинки и стало похожим на небо. Вёсел у меня, естественно, не было, как и какого-нибудь двигателя. “Дракон” считался совершенно чистым парусником. Оставалось мне лишь одно - набраться терпения и ждать ветерка. Я располагал двумя бутылками “Ессентуков”, шоколадкой “Алёнушка” и пачкой печенья “Крокет”, так что жажда и голод мне особо не грозили.

...16.00. Никаких изменений в погоде. Солнце уже “сделало” меня легче на пару килограммов. Жарковато. Решаю окунуться в “акваторию”, после чего мир вокруг приобретает ласковые формы, хотя и ненадолго. Я плаваю вокруг своего парусника, но стоит лишь вылезти на борт, как через пару минут появляется новое желание оказаться за бортом.

... Неторопливо совершаю свои “заплывы” вокруг яхты, увеличивая их радиусы. Над морем по-прежнему ни малейшего дуновения. Ну, хоть бы что-нибудь! Ничего! В 50 метрах от “Дракона” ложусь на спину и замираю. Слышу, как в идеальной тишине моря где-то в направлении берега фыркают дельфины. И вдруг!!

И вдруг из совершенно чистого безоблачного неба на меня сваливается сильнейший шквалик! Море на целую милю вокруг покрывается рябью, и на моих глазах мой парусник срывается с места и уносится в сторону!

-Эй! Эй!! - ору я, - Ты куда? Стой! Стой, дружище!!

И бросаюсь за ускользящей яхтой, пытаюсь ухватиться хотя бы за 10-ти метровый фал за её кормой... Куда там! Яхта описывает циркуляцию и возвращается почти на своё прежнее место, а я, как идиот, промчавшись за ней добрых две сотни метров, вновь оказываюсь в десятках метров от своего “Дракона”!

-Ну! Зараза!!

Правда, я не знаю, к кому это относится: к паруснику, к шквалу или к самому себе! Снова делаю рывок к замершему на несколько секунд “Дракону”...

Фал мне удаётся ухватить лишь с четвёртой попытки. Переваливаюсь в кокпит, покинуть который меня не заставит никакая сила! Ни о какой Анапе уже не может идти и речи, и в наступившей круговерти ветра и моря я направляюсь в сторону Планерского...

Вечереет. В нескольких милях от берега ко мне подходит “рыбачок”, на борту двое: отец и сын. Первый кричит мне:

- Ну, что, мореход! Находился! Чего надо?

Прошу лишь глоток воды, и сын протягивает мне флягу...

... И вот теперь здесь, на феодосийском берегу я узнаю этого юношу с виндсерфером. Разговорились. Он всё помнит. О той встрече со мной в море, и я неожиданно для себя слышу:

- Не хотите попробовать? - Он кивает на лежащий перед нами виндсерфер.
- Я ни разу не стоял на этой доске.
- А вы попробуйте! Получится! Хотя и не сразу! Только наденьте гидрокостюм! Вода, прохладная.

И я, старый опытный дурачина, послушал молоденького студентика. А, действительно, почему бы и не попробовать? Конечно, делать подобное лучше было бы летом, а не в феврале, ну, да ладно: не боги ведь горшки обжигают!

Собравшиеся на набережной города Феодосии отдыхающие стали свидетелями потрясающего зрелища: человек (хотя и яхтенный капитан), ни разу не стоявший на парусной доске, бодренько так срывается ветром с берега в море! И через десяток метров на скорости валится в воду вместе с доской, мачтой, парусом и гидрокостюмом!

Пытаюсь залезть на доску - ни в какую! Она выскользывает из-под меня, и лишь конец от шверта помогает мне удержать виндсерфер возле себя. Через пять минут я на доске! Лежу, обняв её, милую, и боясь пошевелиться. Ну, и дурацкое же это сооружение! Есть же нормальные парусники! Удаётся встать на ноги и ухватиться за гик. Но надо же ещё поднять мачту с парусом! Где такое видано! Под ногами нет опоры: доска непрерывно качается, пытаюсь сбросить меня в воду. Оказывается, поднятие из воды мачты с парусом требует не только известной ловкости, но и значительных усилий!

Ставлю мачту и дрожащими от напряжения руками привожу парус в положение “левентик”: надо хоть осмотреться! Сразу делается намного легче!

Мне что-то кричат с берега, но попробуй тут разобрать, да и советы-то давать легче всего! Потихоньку беру парус на себя, и свершается чудо: доска вместе со мной вдруг плавно начинает скользить в море! Аплодисментов я не слышал, но Олег (так звали студента) позднее скажет, что они были!

В это своё первое знакомство с виндсерфером я пробыл в море больше двух часов, накопив некоторый опыт управления доской и парусом. Из поворотов я освоил “оверштаг”, а при увеличении скорости, грозящее переворотом или падением в море; я быстренько приводился к ветру и оставался наплаву, хотя и терял ход. Странно, что при всём этом, будучи абсолютно мокрым с хлюпающей в моих кедах водой, я не чувствовал себя замерзающим! Очень устали руки (а ведь подтягиваюсь я на перекладине более 30 раз!). Проходя мимо стоявшего на якоре сухогруза, я даже рискнул промчатся с ветерком вдоль его борта, за что и был наказан падением и добрым смехом стоявших у борта моряков.

Олег терпеливо ждал моего возвращения. Принимая от меня свою доску, он даже несколько попытался обнадёжить меня перспективой занятий виндсерфингом:

- И совсем у вас недурственно получается! И это, правда, что вы впервые стали на доску?

РАЗВЕДКА БОЕМ

Что-то многовато посылает мне судьба такого, что потом, спустя годы, кажется совершенно невыполнимым, а ведь было, куда денешься! Случилось подобное и в тот суровый январь 1996 года.

Будучи летом в Аризоне, поведал я свою историю о встрече на Мальте с Фрэнком, американцем, преподнесшим экипажу русского парусного пентамарана “Гелиос” сюрприз с чеком в 10000 долларов (см. рассказ “На что способен русский грог”), который Фрэнк собирался передать нам на ремонт “Гелиоса” после ночного умышленного тарана нашей яхты в Мальтийском проливе. Тогда экипаж нашего парусника явно недооценил “ракетный” призыв Фрэнка с берега и не подошёл к нему для получения упомянутого чека, считая подобный шаг американца нонсенсом.

И вот, спустя четыре года, будучи в Аризоне, я за считанные секунды связываюсь о Бостоном, где живёт Фрэнк и находится его офис. Звоню американцу, конечно, шутки ради, лишь для того, чтобы просто напомнить о себе и о “русском гроге”.

Дома американца не оказалось: он уже два месяца пребывал у своих родителей в Сиднее. Но узнав, кто интересуется Фрэнком, секретарша офиса неожиданно заявила мне, что она в курсе “событий”, происшедших с её шефом на Мальте, и очень, уж ей интересно взглянуть на русского яхтенного капитана, тем более, что Фрэнк обязал, оказывается, оказывать мне всяческую поддержку при возможности моего появления в Бостоне. Попутно в этом разговоре секретарша дала мне понять, что в случае моего посещения их города, проблем с возвращением меня в Шереметьево-2 никаких не будет: я просто полечу за их счёт домой. Ну, а почему бы мне не взглянуть на один из красивейших городов США?

Прилетаю в Бостон. На выходе из терминала, вижу девицу с плакатиком, над головой: “К. Ветер! Это мы!” (на инглиш, конечно). Очень хорошо, что это, вы! И через полчаса мы паркуемся у высотного офисного здания. Ну, и офис! Настоящие сады Семирамиды! Откуда и как ухитрился перетащить их Фрэнк в эти края - остаётся загадкой! Мне предлагаются кофе, чай, сода и ещё с десяток всевозможных напитков. Благодарю, но отказываюсь: в нашем рейсе пассажиров прилично накормили обедом и напоили тоже. Здесь же узнаю, что для меня заказан номер в отеле, где мне предлагается провести остаток дня, чтобы вечером встретиться с замом Фрэнка.

В вестибюле отеля покупаю наши свежие “Аргументы и факты” и, как ни странно, чтобы вы думали? Нашу газету “Завтра”! Правда, изданную

двумя неделями раньше и стоимостью аж, восемь долларов! Фантастика! Это же издание оппозиционное и на него здесь наложено, кажется, вето!

Вечером меня навещает зам., он не может решить мой “финансовый” вопрос (тот, с мальтийским чеком) без своего шефа, которого он пока “не мог” найти в Австралии. Мне серьёзно предлагается навестить их в апреле, когда шеф будет на месте. Янки очень доброжелателен. Он передает мне авиабилет на вылет из Нью-Йоркского аэропорта им. Дж. Кеннеди, с завтрашней датой и тут я замечаю на лацкане пиджака американца значок с изображением парусника!

В шутку говорю ему: а нельзя ли заменить мне воздушный рейс трансатлантическим рейсом на яхте? Сказал я это ради балды! А неожиданно все было принято очень даже серьёзно: “Можно” оказывается, буквально через сутки из Бостона в английский Плимут уходит спортивная яхта класса “Свон”...

Так нежданно-негаданно оказался я на палубе этого парусника вместо салона “Боинга”! Необычность этой подмены заключается в том, что моим экипажем “Гелиоса” предполагалось одному из нас обязательно познакомиться с Северной Атлантикой именно в один из зимних месяцев! Цель - оценка погодных условий для будущего скоростного рейса на специально созданном катамаране для установления рекорда “Голубой ленты Атлантики”, предусматривающего прохождение двухкорпусной яхтой маршрута Бостон (США) - Плимут (Англия), протяжённостью почти 3000 миль за время менее 6 суток. Таким образом, моя неумышленная шутка о замене воздушного рейса на океанский, неожиданно воплотилась в реальность, согласующуюся с нашими планами, ко всему не требующую никаких финансовых затрат.

Команда кеча встретила нового члена экипажа очень даже приветливо, поставив меня на самую почётную должность своего капитана-наставника, правда, с правом несения всех вахт на руле. Яхта прекрасно оборудована и снабжена всем необходимым для плавания через Атлантический океан по его северной трассе в зимний период, потому каких-либо задержек с нашим стартом не предвиделось. Капитан яхты предупредил меня, что после финиша в Плимуте меня доставят в международный аэропорт Шеннон откуда я по уже бронированному авиабилету без труда и забот попадаю в родное Шереметьево-2.

До старта нашего парусника я успел позвонить своему очень хорошему знакомому Е.Г. Кошелеву, заместителю начальника КБ имени Мясищева. Евгений Георгиевич был главным исполнителем проекта нашего скоростного парусника, возможно будущего рекордсмена “Голубой ленты Атлантики”. Он был очень даже обрадован выпавшей на нашу долю удачей по знакомству моему с океанскими условиями на трассе нашего панируемого рекорда. Из Бостона мы вышли 14 января. Дует так, что во всех местных маринах яхты с трудом удерживаются на местах своих стоянок. Ветер 9 баллов

от юго-запада. Уже через час наш “Свой” набирает 14 узлов со штормовым стакселем и зарифленным на 75% гротом. Парусник устойчиво лежит на курсе, не доставляя рулевым особых забот: всё-таки ведь дует “попутняк”. Иногда мы садимся на гребень 4-5 метровой волны и некоторое время идём вместе с ней, медленно сползая, затем, чтобы повторить подобное на следующей волне...

Немаловажен ещё один факт: в январе нам практически не грозит встреча с айсбергами: они просто не успевают “подойти” от Гренландии к району нашего перехода, где появятся лишь к середине февраля.

Холодно. Воздух - 8° С, море - всего + 3°С. Экипировка не позволяет нам жаловаться на погоду при несении вахт. Здесь же отличная система страховки каждого из нас позволяющая без особого риска выполнять все операции по работе с парусами, рангоутом и такелажем.

Все 17 суток нашего перехода были довольно напряжёнными с отсутствием даже намёка на монотонность. Нам дважды приходилось наблюдать, как кладёт штормовой океан на борт с креном до 35 градусов двух небольших канадских “рыбаков”, что нисколько не мешало экипажам этих судёнышек ловко выполнять на проваливающейся в бездну палубе свои профессиональные действия с тралами. Профессионалы они высшего класса! Труженики моря.

В свободное от вахты время я занимался составлением информационного бюллетеня погоды и состояния океана на протяжении всего нашего маршрута, при этом мои наблюдения полностью совпадали со статистическими данными наблюдений за последние пять лет!

Спустя десять дней после моего возвращения домой нами был составлен детальный план по созданию и применению нашего скоростного парусного катамарана для установления рекорда по пересечению Северной Атлантики за время менее шести суток. С просьбой о финансировании этого проекта и всей экспедиции мы обратились к мэру Москвы Юрию Михайловичу Лужкову.

КОЛОКОЛЬЧИК

Свою жизнь я делю на два временных отрезки: до рождения и после рождения внука Кольки. О его появлении на Белый Свет я узнал в испанской марине “Пуэрто-Шерри”, где русский пентамаран “Гелиос”, капитаном которого мне пришлось быть, находился в ожидании старта через Атлантический океан в регате, посвящённой 500-летию открытия Америки Колумбом.

О некоторых чёрточках характера внука я упомянул в рассказе “Сказ о русском “медвежонке”, маленькой истории его начальных лет жизни, когда по воле Судьбы и после трёх с половиной лет его жизни, внук оказался далеко за пределами своей Родины.

Дома Кольку называли Солнечным мальчишкой за его светлую блондинистую причёску, за звонкий чистый голосок именовали Колокольчиком, а дед упрямо звал внука Моим Маленьким Принцем, делая это, вероятно, по какой-то одному ему известной ассоциации с Антуаном Сент- Экзюпери.

В Звёздном городке у нас с Колькой было множество лесных тайных тропинок, всевозможных “волшебных” знаков и символов и даже кладов, запрятанных под елями и соснами для памяти об этом времени. Даже будучи в Аризоне, мы, оказавшись на короткое время вместе, продолжали поддерживать эту традицию и сделали парочку схронов с текстами и рисунками, адресованными нашим потомкам аж в третье Тысячелетие! Ну, а в городке у нас было множество и других всевозможных интересных вещей от санок, коньков и лыж до небольшого, но сильного телескопа, в который Колька впервые увидел лунные кратеры...

Однажды внук очень удивил нас всех вопросом и своим предложением:

- Где прячется Боженька?

В это время мама Кольки была в далёкой поездке и на вопрос бабушки Али, почему он хочет это знать, она услышала:

- Я хочу попросить Его, чтобы мама поскорее вернулась...

Было забавно наблюдать как Колька считает количество звёзд в Большой Медведице, в Кассиопее и в Орионе. И как он выводит свои первые в жизни буквы и слова, как решает простенькие задачки на сообразительность.

С четырех лет у внука стал преобладать интерес к космосу, морю и динозаврам, что подтверждается его многочисленными рисунками этого времени. А в 5 лет Колька уже планирует с дедом совершить бесподобный космический подвиг: посетить загадочную красную планету Марс для знакомства с проживающей там с древних времён красавицей Аэлитой. Как и его дед, Колька очень хотел увидеть это очаровательное во всей Солнечной Системе существо с огромными глазами и копной пепельных волос над высоким лбом. Внук даже назначил время нашего старта на Марс: 2012 год! Дед тогда ещё будет не очень-то старым и вполне сгодится на должность бортинженера космического корабля, командиром которого он видел, конечно, самого себя. Этот замысел был даже запечатлен однажды на большом листе первого формата.

Во время одного из своих пребываний у внука дед соорудил ему огромный дельтаплан с размахом крыла более 5 метров, способный даже при ветре средней силы поднять внука, на довольно большую высоту, но рисковать с этим полётом не стали, а потому этот огромный летательный аппарат, названный Калькой “Дравинканом”, взвился однажды в высоту с большим динозавром в качестве пилота. И надо сказать, что при своём полёте “Дравинкан” едва удерживался двумя наземными “операторами” мамой Любой и дедом. Присутствующие при этом полёте авиационные специалисты из других стран даже были несколько разочарованы отличными

лётными качествами летательного аппарата, поскольку у них была надежда, что “Дравинкан” просто не взлетит.

О многочисленных запусках всевозможной прочей летающей мелкоты и говорить не приходится: воздушные змеи, планеры, авиамodelи и ракеты стартовали в Парке почти ежедневно под мудрым руководством внука. Здесь же Колька освоил и метание бумерангов, в котором если и уступал деду, то совсем немного.

Помимо успешной учёбы в школе Кольке удалось после года занятий прослыть неплохим каратеистом. Клуб “Каратэ” возглавлял профессионал высокого класса, обладатель Чёрного Пояса сенсей Тим, под руководством которого мой внук всего за пару лет постиг тайны этого вида единоборств настолько, что получил Зелёный Пояс, пройдя через многочисленные соревнования по выполнению кат и контактные бои, что пополнило коллекцию спортивных призов внука от медалей и дипломов до очень даже симпатичных дорогостоящих кубков.

К семи годам Колька помимо всего прочего хорошо ездил на велосипеде, хуже на роликах, но зато справлялся с маской, трубкой и лаптами настолько, что мог проплыть на дне бассейна почти минуту, ныряя на глубину и доставая оттуда игрушки и монеты. У него появился начальный опыт игры в гольф и бейсбол, этих национальных видов спирта США. Ему нравился баскетбол, если удавались броски в корзину, и он разочаровывался в нём при частых промахах!

Были у Кольки здесь и недруги. В его возрасте - вещь обычная. Он даже дрался с ними, защищая “честь и достоинство” своё и своей семьи, что, естественно высоко оценивалось всеми домашними.

А вот оказаться в семилетнем возрасте в огромном парке водных аттракционов Феникса - это было уже событием для мальчугана.

...Люба “доставила” нас с Колькой в парк на авто и оставила на несколько часов. Заняв свою ячейку в камере хранения, мы переоделись и подготовились ко всякого рода водным сюрпризам, кои ожидали здесь в большом количестве каждого посетителя.

Первой на нашем маршруте оказалась высоченная 50-ти метровая башня, из которой в большой бассейн спускалось три желоба, перекрученных и перевитых настолько, что сразу было и не понять какой из желобов откуда и куда направлен. И вот нам надо было, поднявшись на самую верхотуру этой башни и прихватив с собой при этом метровые, наполненные воздухом торы, совершить спуск по одному из этих желобов в бассейн! По желанию спускаться можно быллой без тора на собственной, так сказать, заднице, чему способствовал поток воды в каждом желобе.

Я заметил, что чем выше мы с Колькой поднимаемся на башню, тем медленнее двигаются наши ноги. Посматривая каждый раз вниз, внук однажды даже высказал предложение о прекращении подъёма... На это приходилось отвечать, что здесь же всем страшно и надо этот страх преодолеть.

Колька “стартовал” первым и, оттолкнувшись руками от борта кабины, исчез в чёрной пасти своего желоба! Я последовал за внуком через 15 секунд...

Конечно, всё это не для слабонервных. На большой скорости, делая бесконечные резкие повороты, взлёты и спуски, я рисковал выскочить из своего желоба. К счастью всё обошлось, и я врезаюсь в воду бассейна и тут же слышу голос Кольки:

- Ого! Ну, как, дед, а?

Отплываваясь от заполнившей рот воды, я поднял большой палец: во!

После этого спуска мы поднимались ещё десяток раз, испытал все три желоба. Было приятно заметить на лице внука замену гримасы испуга перед первым спуском на улыбку удовлетворения, улыбку победы над самим собой, над своим первоначальным страхом. Это уже что-то!

Тогда мы обошли все аттракционы и лишь один из них я оставил на следующий раз. Мы летели вниз по какой-то длиннющей изогнутой трубе в абсолютной темноте и вдруг над нами открывается чёрное небо, усыпанное звёздами, которое через несколько секунд сменяется ярким солнечным светом, с которым мы спокойно выкатываемся на голубую поверхность финишного бассейна...

2000 год ознаменовался ещё одной победой Кольки над самим собой.

Ковбойская “ферма” РОКХАЙД всегда привлекала посетителей своими обычными аттракционами в колоритном ковбойском исполнении. Узнав об одном нововведении, мы в один из вечеров оказались на этой “ковбойской” территории.

Колька с удовольствием пострелял в тире. Ударом тяжеленного молотка выиграл небольшой приз за силу удара и намыл несколько крупинок “золота” на месте промывки “золотоносного” песка, и тут его взгляд переключился на этот, новый вид развлечений.

На двух высоченных металлических стойках крепилась на толстенных резиновых амортизаторах специальная подвесная система, крепящаяся на человеке. Двое здоровенных ребят-ассистентов растягивали эту “катапульту” и выстреливали “испытателя” в подвесной системе на высоту пятиэтажного дома! В этих условиях редкий мужик удерживался от истощного крика. Каждый участник, заплатив шесть баксов, мог трижды подвергнуть себя этому испытанию. Вокруг этого сооружения толпилось полсотни зевак, но желающих испытать себя пока не находилось.

Подходим с внуком к этому впечатляюще высокому сооружению. Колька что-то чуть отстаёт от деда. Оглядываюсь: внучонок грозит мне пальцем:

- Дед! Я знаю, о чём ты думаешь! Чтобы я...
- Как ты угадал? А что? Попробуешь?
- Да ты что, дед? Я же улечу к Луне и не вернусь!
- Не улетишь. Вернём. Ну!

Колька утирает пальцем свой почему-то неожиданно вспотевший лоб:

-Давай!!

Подходим к “ассистентам” и слышим:

- У нас можно только с 16 лет! А сколько вашему мальчику?

- Ему 12, - соврал я, - а за четыре недостающих года вот вам десять баксов!

“Ассистенты” в растерянности, но зелёная бумажка уже крепко зажата у них в руках.

- Неужели ему 12?

- Двенадцать! Двенадцать! Он просто маленький и только!

Кольку закрепляют в подвесной системе, при этом он грозит мне кулачком как бы говоря: “Ну, дед, и впутал же ты меня в эту историю! Но не отступить же теперь!”

Гигантская катапульта выстреливает Кольку в небо со второй космической скоростью! Он взлетает над всеми постройками, аттракционами, головами многочисленных зевак, толпа которых издаёт громкий крик:

- У-у-у-хх!

Колька начинает спуск и, едва коснувшись специальной амортизирующей площадки, снова взлетает в высоту! Он уже улыбается!! И эту его улыбку дед не забудет до конца своих дней! Ведь внук поборол свой страх! И это делает он уже не первый раз в своей такой коротенькой жизни!

В назначенное Любой время мы возвращаемся на автостоянку, на которой нас уже ждут. Рассказываю дочери о наших “достижениях”, закрепляя их передачей фотокамеры, которая зафиксировала Колькины “полёты”.

Вечер. Перед сном внук приходит ко мне в комнату:

- Дед. Ты всегда говоришь, что врать - это очень плохо?

- Да. Это так.

- Но ты же сегодня сам обманул мужиков там... Ты сказал, что мне 12 лет! А мне-то всего лишь 8!

- Прости меня, пожалуйста, я виноват. Соврал. Но это была “святая” ложь, без которой ты бы никогда не взлетел бы.

- Да, но это все-таки был обман?

- Обман. Прости меня. Подобное больше не повторится!

- Хорошо, дед. Спокойной ночи.

В один из выходных дней мы с внуком предприняли попытку подняться на вершину одной из трёх высоких местных гор, множество цепей которых пересекают Аризону с северо-запада на юго-восток. Высота вершины не превышала километра, но с учётом крутизны склона и высокую дневную температуру (свыше 50°С) подъём к этой вершине обещал быть далеко не простым делом. Ранним утром Люба доставляет своих “альпинистов”

к подножию вершины и желает нам удачи. Воздух ещё не нагрет, и при всего +35° мы начинаем своё восхождение.

Лыжнику, кроссмену и пловцу, коими в одном лице был дед, это восхождение не показалось сложным в первые пару часов. И лишь после того, как Колька неожиданно стал потихоньку обгонять своего деда на крутых подъёмах, настало время удивляться выносливости внука и мне! Задачу по достижению вершины №3 мы с Колькой выполнили и, стоя на ней, я услышал:

- Дед! Может быть, мы поднимемся ещё выше? На главную вершину?

Деду что-то расхотелось покорять самый высокий “пик”, и он, ссылаясь на-то, что их внизу уже может ждать мама Люба, предложил перенести покорение пика на следующий сезон.

... На экране компьютера мы сражаемся с Колькой в шахматы. Включена партия среднего уровня трудности. У внука белые фигуры и ему разрешено иногда обращаться за помощью к программе. Но ведь иногда, а не через каждый ход! Естественно, Колька обыгрывает своего деда с его третьим разрядом по шахматам. Все партии заканчиваются победой мальчишки. Он смеётся:

- Дед! А ты дурак? Да?

- Гм... Это почему же? Хорошо! Давай разберёмся!

И внуку приходится отвечать на несколько моих вопросов:

- Скажи, малыш, может ли дурак в лунном космическом корабле достичь Луны, сесть на неё, затем взлететь и вернуться на Землю? Пусть даже, если всё это было совершено по приборам на земле, но в настоящем корабле?

Колька молчит, взвешивая мой вопрос, он смотрит в окно и говорит:

- Нет. Дурак этого не сделает...

Иду в атаку:

- Может ли дурак на маленькой яхточке, имея только парус, без мотора, добраться по океану в любую точку Земного шара?

- Нет, не может...

- Ты добавь к этому тысячу парашютных прыжков с большими задержками раскрытия парашюта и акробатическими фигурами в свободном падении, при этом ещё требуется приземляться всего в 1-2 метрах от маленького оранжевого кружка размером с маленькое блюдце. Дурак может это сделать?

- Нет, не может! Но дед! Я ведь сказал, что ты дурак только в игре в шахматы!

И тут я вспомнил, как два года назад Колька подобным же образом “аттестовал” и своего отца за что тот вначале очень даже обиделся, а затем они оба целый час хохотали над этакой “характеристикой” папы.

И вот в лето 2000 года я вдруг почувствовал, как наливается нравственной и физической силой этот маленький и очень дорогой мне человек. Мой внук Колька. Колокольчик.

ПЯТЬ МОРЕЙ ПЛЮС ТРИ ПРОЛИВА

В первых числах мая встретился я с одним из очень толковых людей, умницей, стопроцентным джентльменом и ко всему ещё - капитаном дальнего плавания Артуром Михайловичем Зуевым. Живёт он в подмосковном Щёлково, куда, собственно и был приглашён ваш покорный слуга..

И вот какую историю поведал мне Зуев.

... Где-то в далекой Анталии на берегу синего и тёплого Средиземного моря существует яхт-клуб, где базируются всевозможные большие и малые парусные суда. И вот одному московскому предпринимателю и любителю остросюжетных путешествий, представилось, что совсем было бы недурственно иметь солидную морскую яхту со всеми удобствами на всяких там многочисленных водных просторах Подмоскovie. Ну, и естественно, эта яхта должна быть по существу миниатюрным плавающим под парусами отелем. Ну, не "Президентским" и не "Космосом", но хотя бы пополам от того и другого.

В Турции как и в Греции - "всё есть!" И человек, задумавший решить эту задачу, энергичный и умный, летит в Турцию, а точнее - в турецкую Анталию и находит там среди сотни "парусных образцов" один, очень ему полюбившийся. Это был довольно большой двухмачтовый парусник водоизмещением в полсотни тонн. Его пять двух-трёхместных кают поражали отделкой красным деревом и были снабжены душем и туалетом. Камбуз кэча напоминал бар Государственной Думы, а возможность перспектив превращения сего парусника в сказочное московское чудо с алыми парусами для поиска разных там Ассолей окончательно выбил из колеи спокойствия нашего умницу-предпринимателя.

Олег, так звали этого человека, договорившись с хозяевами яхты о её приобретении, стал искать тех, кто мог бы перегнать парусник из Турции в Россию. Он и вышел через некоторое время на А. М. Зуева и его знакомого капитана Сашу, водившего суда класса "река-море" по разным маршрутам. Но тут была яхта причём очень даже крупная и тяжёлая. К тому же известно, что движителем любого парусника являются его паруса. Вот тут-то Артур Михайлович и вспомнил об одном яхтенном капитане дальнего плавания из Звёздного городка.

Надо сказать, что у меня были уже свои серьёзные планы на это лето, нарушать которые я не мог, поскольку за их реализацией стояло много хороших людей, а потому, выслушав Зуева и его предложение, я дал своё согласие на перегон парусника в Россию, но с одним условием: стартовать не позднее, чем через трое суток после нашего прибытия в Анталию, тем более, что, по имеющимся сведениям, яхта была полностью готова к такому переходу.

Через пару дней мы вновь встретились в Морском Департаменте, где я познакомился ещё с двумя членами нашего экипажа: моряком Сашей и

его сыном-школьником Никитой. Здесь мы уточнили все вопросы нашего вылета из Шереметьева в Анталию с заказом авиабилетов на 27 мая.

В аэропорту Анталии нас встречает Олег. Через сорок минут мы в яхт-клубе. Первое знакомство с яхтой “Мелтем-С” показало, что хозяева всех подобных парусников, коих здесь было множество, практически никогда не используют парусов. Эти яхты являются по существу кратковременным местом (1-2 суток) пребывания многочисленных немецких туристов, полтора десятка которых прекрасно размещались на каждой яхте с их последующим катаньем в моторном варианте по всему Анталийскому заливу. Через сутки откатавшихся сменяли другие, и так - целое лето! Прimitив и монотонность такого отпуска могли устраивать лишь немцев! Американцы, например, никогда бы не согласились на подобное отпускное прозябание.

На некоторых таких парусниках имелись паруса, которые, как правило, оставались зарифованными и никогда не ставились в течение многих сезонов...

Таким образом, всё это рангоутное великолепие (высоченные мачты, гики, стоячий такелаж, паруса в чехлах и т.д.) выполняли здесь, в Анталии, чисто декоративную роль: гости-то предполагали, что проводят свои отпуска на древних, оваянных всяческими легендами парусных судах и не замечали, что сталкивались лишь с плавающими “барами” и малогабаритными “отелями”.

Первый же осмотр “нашей” яхты показал, что она никогда... не ходила под парусами! И это при наличии двух прекрасных высоких мачт! Парусный гардероб её был представлен одним сгнившим в трюме комплектом парусов, а бегучий такелаж (фалы, шкоты, брасы) полностью отсутствовал! К тому же гики грот-мачты и бизань-мачты подгнили настолько, что требовалась их замена. Таким образом без серьёзного ремонта, яхты, без доработок и приобретения новых парусов, такелажа и дельных вещей (кстати, на яхте не было ни одной фаловой, ни одной шкотовой лебёдки, ни одной “утки” или какого-либо другого средства фиксации бегучего такелажа) перегон яхты в Россию был невыполним. Ко всему даже поверхностный осмотр двигателя наводил на мысль, что он очень запущен и никогда не подвергался даже примитивной профилактике.

Вот в каком состоянии находилось приобретённое Олегом парусное судно, водоизмещением в 50 тонн, с пятью отличными каютами, пятью душами, пятью туалетами и камбузом, вполне пригодным для ночного бара первого разряда...

На следующий день я передал Олегу перечень необходимых доработок яхты с обязательным приобретением всего для комплектации и обеспечения работы парусов на маршруте перехода. После этого на поиск, покупку и доставку на яхту снаряжения уходит целая неделя. Все эти расходы оплачиваются Олегом и обходятся ему в пару тысяч баксов. И единственное, в чём пошёл нам навстречу хозяин яхты - это пошив одного нового

комплекта парусов, изготовленных из ткани, годной самое большее на изготовление турецких носовых платков!

Мы, все четверо: Зуев, Саша, Никита и я тратим ещё неделю на оборудование яхты для перехода. Проводятся фалы и шкоты, ремонтируются мачты и гики, проверяется постанровка парусов и управление ими. Одновременно прокладывается маршрут с таким расчётом, чтобы в критических ситуациях максимально использовать двигатель в помощь парусному варианту. Из расчёта времени плавания до Ейска (морской маршрут) в две недели делаются запасы питьевой воды и продуктов. И только к 12 июня мы были готовы к рейсу, вечером этим мы и покидаем Анталию.

Средиземное море проходим без особых приключений. А вот в Эгейском пришлось покрутиться, пряча нашу 50-тонную “коломбину” от встречных шквалов и шкваликов, убегая за острова и островки, за отдельные утёсы и скалы, однажды залезли даже в узкое ущелье, в котором, спасаясь от шторма, едва могли спасти деревянные борта яхты от контакта с отвесными скальными стенами этого ущелья, оказавшегося какой-то базой греческого флота. Тут были и социальные проблемы из-за конфликта Турции с Грецией. Мы идём, неся вместе со своим флагом то турецкий (у турецких островов), то греческий (у островов греческих) флаги!

Пролив Дарданеллы встретил нас сильным встречным ветром. С трудом, затратив пол суток, мы всё-таки прорываемся в Мраморное море, по которому удалось пробежаться под парусами, делая по 8-9 узлов. Все согласились, что для работы с такими большими парусами в 9-бальный ветер четырёх человек в экипаже маловато!

На рейде Стамбула простояли сутки, в основном из-за погоды: из Босфора шёл сильнейший отзвук черноморского шторма. Эту задержку мы использовали и для залечивания травм: в одной из клиник Стамбула мне наложили гипсовую повязку на сломанный палец, а ещё одному подлечили ногу.

При входе в пролив Босфор нас встречает сильная зыбь, увеличившая время пребывания в проливе аж, до четырёх часов.

Мы в Чёрном море. Шторм заставляет нас идти некоторое время вдоль турецкого берега лишь через пол суток мы поворачиваем на север, к Крыму...

Наконец-то погода даёт нам маленько передохнуть. Парусник лихо бежит вдоль крымского побережья, открывая перед нами прекрасные своей таинственностью достопримечательности древней Таврии...

Мыс Айтодор. Ялта. Гурзуф. Аюдаг. Фрунзенское. Алушта. И вот я вижу почти святое для меня место: берег от Нового Света до Судака! Мыс Пещерный. Рифы Орёл и Сокол. Генуэзская крепость. Алчак. Меганом... Какими пустынными стали здесь берега, даже в самый разгар отпускового сезона!..

Феодосию проходим вечером. Нам подмигивают приветливые огни феодосийского берега и посёлка Приморский, в котором даже издали и в вечерний час заметны высоченные цеха Судостроительного завода. С ним у меня есть что вспомнить: здесь создавались океанский тримаран “Таис-3” и пентамаран “Гелиос”, участник регаты “Колумб-500”, одолевший Атлантический океан... Я мысленно передаю привет Жене Аникиенко и Володе Омельченко, главному инженеру и заместителю Главного Конструктора завода! Вот уж, действительно, замечательные люди и товарищи. Добрые, честные, отзывчивые, человечные!.. Спасибо вам за всё!

В полночь мы вошли в Керченский пролив. Решили переждать ночь на якоре. С рассветом направляемся в Керчь. Идём рядом с каналом. Тут есть одна “тонкость”: судовой ход принадлежит “самостийной” Украине, и за следование по нему надо платить теперь. А мы идём рядышком с каналом, как бы вне судового хода, и платить нам не надо. К тому же как будто мы и на российской территории. На выходе из пролива уже на траверзе Еникальского маяка встретили яхту из Бердянска, следующую в Чёрное море.

Азовское море - море постоянных сюрпризов. Вот и сейчас мы идём в лавировку встречным норд-остом. Но это же здорово! Даже несмотря на шторм: ведь мы-то уже почти дома, ибо до Ейска остаётся всего ничего: каких-то полсотни миль! Это впереди! А позади?

А позади? Позади, за кормой у нас остались пять морей (Средиземное, Эгейское, Мраморное, Чёрное и Азовское) и три пролива (Дарданеллы, Босфор, Керченский)!

Пять плюс три!

УЧИТЕ АНГЛИЙСКИЙ!

Читатель наверняка помнит мой рассказ “Мирэй”, повествующий о моей ученице-яхтсменке, обладающей в свои 12 лет исключительным “чувством паруса”. Далеко не каждый способен выполнять нормативы кандидата в мастера спорта в этом возрасте. Мог ли я подумать тогда, что наши пути вновь пересекутся, спустя 10 лет.

В один из декабрьских субботних вечеров звонит мне из Москвы старшая дочка, работник МГИМО:

- Пап! Мне надо срочно видеть тебя!
- Такой вариант общения требует моей поездки в столицу:
- Ну, тогда завтра пораньше?
- Хорошо. Будем тебя ждать!

Приезжаю. Рассказ дочери действительно несколько необычен и явно заслуживает внимания.

Руководство одного из престижных университетов Англии, с которым у старшей дочери сложились хорошие взаимоотношения, неожиданно выступило с уникальным (иначе и не назовешь) предложением: Ольге на полном серьезе предложили найти в кратчайший срок одного кандидата в студенты

университета на полный двухгодичный бесплатный курс обучения, завершаемый получением звания и диплома магистра! Все пребывание студента в университете надежно обеспечивалось руководством учебного заведения гарантированной суммой в 35.000 долларов. Сказка, да и только!

Но здесь было и свое “но”: абитуриент из России должен был обязательно удовлетворять трем выдвинутым руководством университета требованиям: он должен иметь наш диплом о высшем образовании (техническом или гуманитарном), он должен быть хорошим (мастер или кандидат в мастера спорта) яхтсменом и довольно сносно владеть английским языком!

Конечно повествуя обо всем этом, дочка, прежде всего, делала акцент на одном из моих яхтсменов, а из них - на Артуре Лукьянове, считая яхтенное мастерство основополагающим в этом приглашении. Зная несколько европейских языков, Ольга остальных два требования, вероятно, считала сущими пустяками: подумаешь - английский! Да у нас сегодня его каждый школьник знает! Ну, а диплом о высшем образовании, по ее понятию, должен был быть у каждого второго из моих бывших, а теперь уже выросших яхтсменов.

Вернувшись в Звездный городок, сел я и задумался крепко: кто и где у меня есть, годный по всем английским “параметрам” к столь заманчивой поездке на “Туманный Альбион”?

Самый мой надежный и крепкий яхтсмен с дипломом об окончании института Артур Лукьянов отпадает сразу: во-первых, он “немец”, во-вторых, из немецкого он знал лишь “Хенде Хох!” и “Гитлер капут!” Звоню одному, второму, третьему - у всех ребят и девчонок только незаконченное высшее! И вдруг вспомнил: Мирэй! Она же только месяц назад окончила академию! Английский у неё со второго класса школы! И кандидат в мастера спорта! Все подходит! И возраст даже с большим “запасом”! И красивая! Ну, все! Звоню дочери. Сообщаю. Ольга искренне радуется вместе со мной: “Отлично! Готовь свою кандидатуру к собеседованию! Через два дня прилетает профессор с ассистентом специально для встречи с Леной Мороз”.

Ну, и темпы! Времени в обрез! Вечером направились к Мирэй домой для обсуждения “проблемы”. Ленка в восторге! Ей всегда “море по колено”:

- Так это ж хорошо! А главное бесплатно! А с остальным справлюсь! Я им покажу как яхтами управлять! Неумехам!

- Подожди, Мирэй. А как у тебя с “инглиш”?

- Як! Як! Да я ж его со второго класса талдычу! - Ленка и мысли не допускает, что у нее с английским может быть “заковырка”, - и в академии, и на работе изъясняюсь.

Убедила.

В назначенный день пунктуальные англичане в одной из аудиторий МГИМО ждут нашу кандидатку на звание английского магистра. Ее появление буквально очаровывает ассистента профессора, да и последний с трудом отводит свои очи от появившейся перед ними черноглазой русской красавицы-яхтсменки.

Но дело для западных людей всегда остается делом. Несколько часов оба англичанина в “перекрестном допросе” мучили нашу Мирэй! Ну, все подходит! Образование! Достижения в парусном спорте! Возраст! Конечно, внешний, просто сказочный облик девочки! Но:

- Как жаль! Очень жаль, что ваш словарный запас просто не позволяет вам, Елена, справиться с лекционными материалами университета, качественно их конспектировать и излагать... - В голосе профессора, кстати, хорошо говорящего по-русски, слышатся нотки искреннего сожаления. - Я выражаю большую надежду, что вы Елена, через год-два вполне достойно овладеете нашим языком, и тогда, обещаю вам, что мы встретимся вновь... Вы, Елена, согласны?

Что может ответить Мирэй на эту столь пространную профессорскую тираду? Разве что своей обвораживающей улыбкой ассистенту профессора? Судя по всему, молодой англичанин готов был зачислить нашу Мирэй в число студенток своего университета независимо от результатов собеседования и знания английского языка! Но, профессор...

Ничего не поделаешь. Может, повторная встреча будет более успешной и результативной?

Все быть может в Подлунном мире.

Так что, друзья, учите английский язык! Вдруг и вам повезет?

ФИФТИ-ФИФТИ

Поздний вечер. Телефонный звонок отрывает меня от интереснейшей книжке. Это мой хороший знакомый, олимпийский чемпион по яхтингу:

- Есть разговор. Подъезжай завтра, сможешь?

Этот человек никогда не побеспокоит других по пустякам, тем более с такой категоричностью. Соглашаюсь, и мы договариваемся о времени.

...Мы сидим в тесной, но уютной кухоньке олимпийского чемпиона и пьем крепчайший кофе. Некоторое время молчим. Вообще-то такая ситуация характерна в преддверии серьезного разговора. Хозяин квартиры с необычным для него возбуждением поглядывает на своего гостя:

- Тут вот какое дело. Обратился ко мне один из “новых” русских, судя по всему, мужик он порядочный. Знаю его уже несколько лет. Он предлагает его парусник, строящийся в Финляндии, перегнать из Турку в Сочи. Сейчас октябрь. Яхта будет готова к январю. Парусник дорогой, стоит один миллион баксов (он действительно только что вернулся из клиники, где пролежал около месяца), и, я знаешь, отказался. Но дал понять, что

у меня есть товарищ, способный выполнить эту просьбу не хуже, а даже лучше меня. Миллионер согласился и хочет с тобой встретиться.

Я молчал. Было не понятно: почему временем для перехода столь дорогой яхты выбран самый неблагоприятный период - время жесточайших зимних штормов как на Балтике и в Северном море, так и в Атлантическом океане, и особенно в Бискайском заливе, который в январе - феврале буквально выворачивается наизнанку, хороня в своих водах яхты смельчаков, да и судов куда покрупнее.

- Но почему выбран зимний период?

Чемпион пожимает плечами:

- Он дал понять, что хочет иметь свою яхту в Сочи уже к марту. Я не стал вдаваться в подробности, но он понимает все сложности и опасности зимнего перехода под парусом, и все-таки такое, вот, его требование-просьба.

Я не задавал вопроса об оплате экипажу яхты за этот перегон, но тут же услышал:

- Заплатит он хорошо. Капитану - 5000 баксов, экипажу (3-4 человека) - по 3500. Вот такая вырисовывается задачка.

Да, это была задача. Я сказал, что мне надо подумать. Окончательный ответ надо было дать через три недели вместе с представлением своего плана перехода с портами и маринами как планового захода, так и резервных посещений на маршруте на случай всяких непредвиденных обстоятельств и ремонта.

Уже на следующей неделе дома, в Звездном городке, я внимательно изучил лцию акваторий перехода на январь-февраль, положил на картах основной и резервный маршруты по Балтике, Северному морю, Атлантике, Средиземному морю, Мраморному и Черному морям. Получалось, что на весь переход у меня уйдет около полутора месяцев с учетом резервного времени.

Созваниваюсь с Муром (Андрей Гурьев), Ленинградом (Анатолий Лебедев), москвичём (Евгений Лебедев) и, конечно, с Щелково (Артур Льюянов). Все они - моя старая надежная гвардия. Все они, готовы поддержать идею участия в перегоне парусника с одним условием: что представляет собой заказчик? Это совсем непростой вопрос, но решить его надо до встречи с ними, намеченной через полмесяца...

День за днем, пользуясь своими официальными и иными каналами выхожу на нескольких ответственных работников известных государственных служб безопасности, и тут начинает вырисовываться интереснейшая картина... Оказывается некоторыми шустрými и не бедными людьми практикуется очень даже "своеобразная" деятельность: заказывая постройку яхт и катеров, они получают доставку их на постоянное место базирования в самые неблагоприятные и сложные по навигации и погодным условиям времена года, именно - в зимние месяцы! А потом...

Потом эти суда исчезают на переходе вместе с экипажем. Хозяева - "заказчики" перегона яхт получают страховочные суммы, превосходящие

стоимость пропавших судов в два и более раза. Семьи же пропавших капитанов и матросов получают в лучшем случае копеечные суммы от страховочных агентов, ибо суды почему-то всегда принимают сторону “заказчиков”, взвалив всю вину за происшедшее на ошибки, якобы, экипажей. Все оказывается “шитым-крытым”. Конечно, такое случается не каждый раз, так сказать, “фифти-фифти”.

Встреча с “заказчиком”. Передо мной сидит человек без намека на хотя бы небольшую полноту. Умное лицо. Такого трудно заподозрить в “неблагонадежности” к экипажу его яхты. Он одновременно и весьма убедительно говорит и о понимании им трудностей перехода, и о вознаграждении экипажа за его работу. В свою очередь я предъявляю ему готовую документацию по этому плаванию с планами, картами, бланками таможи и разрешением пограничников на этот переход, но перед “заказчиком” лишь одно условие: реализацию плавания перенести на май с гарантией нашего появления в Сочи уже в конце июня.

“Заказчик” покачивая головой... не соглашается.

Я тоже отказываюсь. Это вовсе не мешает нам пить вкусный чай с тортом. Затем мы расстаемся, не имея никаких претензий друг к другу.

ТАЙНА МАЯКА

Повезло мне с моими зятями. Один умный и другой не дурак. Но если первого я уже знал полтора десятка лет, то второй был с нами всего три года. А потому проверялся мной “на сообразительность” чаще других.

Пятница. Вечер. Впереди два выходных дня. Говорю зятю:

- Ты хотел бы сегодня вечером совершить путешествие вокруг Света? Причём без всяких финансовых затрат! И достаточно быстро!

Зять переглядывается с женой, моей младшей дочкой: опять какой-нибудь подвох задумал отец? Но Люба поддерживает меня:

- А что? Попробуй! Это же редчайшая возможность - вокруг Света и на дармовщину!

- Но, сколько это займёт времени? - Это вопрос зятя ко мне.

- Да мы управимся до понедельника!

- До понедельника? Всего-то?

- Может быть даже и несколько раньше...

- Тогда давай пари! - Загорается мой зятьёк.

Ох, и любитель же ты, зятьёк, поспорить! Хотя ты и приличный авиационный специалист и компьютерный асе, но не на того нарвался! Что ж, спор ведь тоже один из способов отстаивания Истины. Мы соединяем наши руки в крепком рукопожатии, которое разбивается ударом руки дочери. Сумма спора очень даже символическая: всего один доллар.

Затем происходит такое, чего, конечно, мой зять предположить не мог.

Я включаю стоящую на нашем круглом столе лампу, беру своего зятя за руку и медленно иду с ним вокруг стола... От неожиданности случившегося

Марик ещё несколько секунд идёт за мной, затем вырывает свою руку и хлопает ею себя по лбу:

- Я проиграл! Да, какой же я... Какой же я...

Какой же ты! Какой же ты! Не спорь, если не уверен в успехе! Через минуту он уже говорит мне:

- Пап! При всех заявляю: ты больше никогда не “купишь” меня на подобной ерунде! Никогда! Пусть все это слышат!

Слышим мы, слышим! Эх! Молодо-зелено! Никогда не давайте подобных обещаний! Никогда и никому! Потому что... Прошло совсем немного времени, и мой младший зять опять попался! Попался на сущей чепухе.

На берегу небольшого бассейна мы с Колькой построили довольно высокий и симпатичный маяк, башня которого была увенчана зелёным фонарём. Летним вечером мы сидим за столом на противоположной от маяка стороне бассейна и наслаждаемся чаем. Мы - это Люба, Колька, Марик и я.

Небо усыпано огромными южными звёздами. На западе склоняется к горизонту только что народившийся острый серп месяца. Из пустыни, на краю которой стоит наш дом, ветерок доносит запахи цветущих кактусов. Места здесь изумительные, но главным сюрпризом для каждого нового человека всегда остаётся высокое и неповторимое в своей необъятности небо. Наверно недаром здесь отмечается наибольшее количество появлений всякого рода неопознанных летающих объектов (НЛО). Мы завершаем чаепитие и я обращаюсь к зятю:

- Марик! Трудно в это поверить, но твой сынишка обладает изумительной способностью включать огонь вот того маяка нажатием любой клавиши на вот этом маленьком пульте управления его радиоигрушкой.

Зятьёк мой снисходительно так улыбается:

- Пап! Я догадываюсь, что ты с Колькой уже поставили на маяк радио-приёмник от этой игрушки! И никакой тайны тут нет! Угадал?

Я пожимаю плечами:

- В том-то и дело, что ты не угадал. Да я и сам не знаю как Кольке это удаётся... Давай сначала посмотрим!

Мы переглядываемся с внуком. Колька берет пульт в руки. Я начинаю счёт!

- Раз! Два! Три!

На маяке вспыхивает яркий зелёный луч! Говорю внуку:

- Теперь маяк загорится на счёт “пять”! Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

Точно на пятом счёте маяк посылает свой зелёный луч! И тут мой внук обращается к отцу:

- Пап! А ты сможешь тоже включить маяк?

Марик берёт в руки пульт и нажимает клавишу посылки радиосигнала: маяк “молчит”. Лицо моего зятя делается сосредоточенным как при работе на компьютере, и он последовательно жмёт все имеющиеся на пульте клавиши. Но маяк “молчит”! Колька снова берёт пульт и через заранее

названное число секунд маяк освещает своим зелено-изумрудным светом поверхность бассейна. При всём этом внук уже нажимает любую клавишу для включения маяка!

Острый взгляд отца внимательно следит за манипуляциями сына, но безрезультатно: маяк “молчит” в ответ на все действия моего зятя.

- Фу, ты, чёрт! - вырывается у Марика. - Сынок, что же вы опять придумали с дедом?

- Сам догадайся, - Колька с улыбкой смотрит на растерявшегося отца.

Но у того ничего не получается. Марик даже вскрывает корпус пульта и видит, что там даже отсутствует батарейка! Как же тогда передаётся радиосигнал на маяк? Мало того: сын сообщает отцу, что может управлять маяком голосом, приводя этим заявлением своего папу в ещё большее замешательство!

- Маяк! Гори!

У всех на глазах вспыхивает зелёный луч.

- Маяк! Погасни!

Луч исчезает. Марик растерянно смотрит на жену, на сынишку, на тещу:

- Право, не пойму, как вы это делаете? Колька посерьёзшел:

- Дед. Раскроем папе нашу тайну?

Когда внук приоткрыл тайну работы нашего маяка, Марик некоторое время обалдело смотрел на сына, а потом мы услышали:

- Один - ноль в вашу с дедом пользу!

- Не-е-е! - Уточняет Колька. - Два - ноль в нашу пользу. Ты что, пап? Забыл своё “путешествие вокруг света”?

А ларчик просто открывался. От маяка к столу, стоящем на противоположном берегу бассейна, мной и внуком был протянут двойной тонкий провод, спрятанный под гравием берега. Батарейка, питающая лампочку маяка, включалась крошечным, спрятанным под моим стулом контактом, замыкая который я и обеспечивал все Колькины действия с лампочкой маяка.

Итак, 2:0 в нашу пользу! А сколько таймов у нас с внуком ещё впереди?

ДЕВИШНИК

Так уж сложилось, что каждый год осенью, поближе к зиме, собираются у нас дома те, кто 12-15 лет назад еще девчушками осваивали далеко не простое парусное дело и колесили вместе со мной по разными там морским и озерным краям, выступая в регатах парусных на разных уровнях того времени.

Четверо девчонок, получивших тогда за свое умение водить парусники звание кандидатов в мастера спорта, появляются у нас вечером, причем не с пустыми руками: одна тащит торт, другая - пирог, третья - ватрушки, а четвертая - все сразу мной перечисленное...

...Сколько лет пролетело, а помнят девчонки, теперь уже супруги и мамы солидные, те светлые для всех нас времена с шумом волн, криками чаек,

со сверкающим под солнцем морем и поздравлениями с их тогдашними яхтенными победами.

Вот и на этот раз, договорившись предварительно о дне и часе, собрались мы за нашим “круглым” столом, уставленным всевозможными принесенными яствами, перечислять которые бумаги не хватит.

Сидим, гоняем кофе-чай до пота седьмого и повествуем друг другу о случаях интересных, с нами происшедших за год и внимания нашего заслуживающих.

Я “председателем” возвышаюсь над всем этим “девишником”, чтобы чашки у присутствующих не пустовали, и слушаю, слушаю, слушаю...

...На берегу Черного моря, у пляжа санаторного раскинулся обширный пункт проката “Лазеров”, по-нашему - “Лучи”, возведенных недавно в олимпийский яхтенный класс. Хотя разводка бегучего такелажа на “Лучах” очень даже проста, но опытному глазу сразу бросается в глаза несколько ошибок, допускаемых местными “инструкторами” при подготовке этих мини-яхточек.

Настя Ольчева какое-то время внимательно наблюдала за этим “безобразием” и, не выдержав, подошла к заведующему прокатным пунктом, парню своего возраста:

- Здорово, шеф!
- Здравствуй, красавица!
- Дай-ка мне вот этот “Лучик”! Настрою я его тебе и проверю в работе.
- Что-о-о-о! Ты? Настроишь? И...

Но Настя уже переделывает ошибочно заведенный такелаж парусника, а затем, сбрасывая яхту в море, вскакивает в кокпит и, несмотря на приличный ветерок, стремительно уносится от берега к горизонту!

- Эй! Эй! Куда! - орет “шеф” и опускается на стоящую рядом скамейку. - Надо же! Смотрите! Смотрите!

Его оба помощника и отдыхающие на берегу видят, как лихо Настя выполняет поворот “оверштаг” и на большой скорости устремляется к берегу. Удерживая яхточку от переворота, она откренивает ее, почти полностью вывешиваясь за борт, цепляя при этом спиной гребешки волн...

В нескольких метрах от берега Настя разворачивает парусник и отдает гика-шкот. Трепеща парусом, яхта буквально замирает на месте, а девчонка соскакивает на берег:

- Чего это ты орал, шеф?
- “Шеф” явно смущен и начинает “чистить свои перышки”:
- Ну, ты и даешь! Ну, даешь! А как зовут-то красавицу?
- А тебе зачем? У меня муж ревнивый! Вот он идет! Эй, Сережа! Я здесь! Я здесь!..

После всего происшедшего Насте в течение всего времени их пребывания “шеф” предоставлял возможность ежедневно брать любой “Луч” в любое время и на любой срок! Бесплатно.

И у каждой из присутствующих на “девишнике” девчонок - свои истории - проявления и подтверждения своего яхтенного профессионализма в разных жизненных ситуациях!

Марина Глазкова, Надежда Ольчева (сестра Насти), Лена Мороз (“Мирэй”), Маша Лесневская, Аня Голобородько - какие они все ладные, да красивые, да симпатичные! А ведь у них и свои уже карапузы растут! Может быть, и эти маленькие человечки когда-нибудь сядут за руль парусника и поведут его к синему горизонту...

И мы долгое время сидим за столом и вспоминаем те, уже десятилетней давности события и случаи...

Кто в кого влюбляется! Кто кому и почему нравился! Кто кому помогал бескорыстно во всем! Жертвуя при этом своим временем и чувствами, пусть и полудетскими тогда...

Надо же! 10 лет прошло с момента их последних занятий парусом, а всем нам кажется, что все это происходило лишь вчера... И думается мне, что сохранится навсегда у этих девчонок на долгие годы в их памяти шум ветра и моря! И светлый треугольник паруса, летящего над волнами в золотых лучах солнца...

АНТИСУД

Если тебе читатель кто-нибудь заявит, что у нас, в России, есть судебная и правоохранительная системы, не верь ни одному слову говорящего. Не верь потому что, по моему мнению, основанному на многочисленных фактах, в стране существуют мерзкие антиподы упомянутых юридических структур.

Давая подтверждения этого, столь опасного моего обобщения, приведу только одно событие (из множества подобных!) из своей жизни. Повторяю: лишь одно! По отношению ко мне и моей семье группой лиц при поддержке “работников” МВД, прокуратур и судов было совершено 29 умышленных уголовных преступлений (Рекорд Гиннеса!) с целью вымогательства и их дальнейшего укрывательства и сокрытия.

Приведу лишь одно из них, 7-е (седьмое по отчету!): прочитайте, пожалуйста текст моего “Заявления”:

В НАРОДНЫЙ ГОРОДСКОЙ СУД г.Щелково Московской области от Ветра Константина Ивановича, 141160. М. о. Звездный городок. 43. кв. 13.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу возбудить уголовное дело и привлечь к ответственности:

1. По ст. 180 УК РСФСР (заведомо ложный донос, статья без срока давности) Иванову Елену Евгеньевну, прож. 141160. М. о. Звездный городок. 20, кв. 118.

2. По ст. 178 УК РСФСР (Преступление против Правосудия: заведомо незаконный арест): Тощева Сергея Александровича, прож. 141160. М. о. Звездный городок. 49 кв 20.

14.10.1990 г. указанными лицами по отношению ко мне были умышленно совершены заведомо ложный донос (Иванова Е. Е.) и заведомо незаконный арест (Тощев С. А.).

ОБЪЕКТИВНО:

14.10.1990г. в 21.30. на прогулке нашей собаки был нанесен ножевой удар в шею. Моя младшая дочь принесла истекающую кровью собаку домой, я в это время выходил на улицу для своей вечерней “зарядки”, которую делаю каждый вечер 30 лет. У меня в руках были гантели и кусок мягкой алюминиевой проволоки для соединения гантелей во время упражнений.

Дети у дома показали мне направление, по которому убежала группа подростков, подозревавших и тяжело ранивших нашу маленькую собачку.

Я осмотрел несколько подъездов в домах и в одном из них встретил своих учеников Иванову Наташу и Карягина Мишу (им по 15 лет). Я стоял с ними 10 секунд, СПРОСИВ ЛИШЬ об одном: не видели ли они, кто мог ранить нашу собаку.

Когда я уже выходил из подъезда, из квартиры Ивановых вышла мать Наташи Иванова Е.Е. и, усмехнувшись, вдруг закричала что ее дочь убивают. В течение нескольких секунд я объяснял причину своего появления в подъезде, после чего Иванова Е. Е. вдруг совершенно спокойно сказала мне, что у них тоже есть собака, и надо найти этих “бандитов”... Я пошел осматривать другие подъезды.

Ответственно заявляю:

1. Я говорил с подростками всего 10 секунд.
2. Я говорил с подростками только о собаке.
3. Я не сказал подросткам ни одного грубого слова.
4. Я не произнес ни одного слова угрозы.
5. Я не замахнулся ни на кого ни гантелями, ни проволокой.
6. Сама Иванова (мать) не слышала нашего разговора, т. к. я уже выходил из подъезда.
7. Никто этого не проверял, никто меня ни о чем не спрашивал.

Последующие за этим события можно назвать бредом.

Через полчаса бывший милиционер Тощев С.А. просит прийти меня в отделение. Прихожу. На меня неожиданно набрасываются четыре “милиционера”, надевают наручники, а Тощев, по телефонному звонку Ивановой Е.Е. обвиняет меня в угрожающих действиях и попытке убить подростков в подъезде, а затем умышленно, бездоказательно, без всяких проверок и опроса, не слушая моих объяснений, без санкции прокурора подвергает меня аресту. Результат: 2 месяца Бутырки. За это “действие” бывший милиционер Тощев лишь представлением прокурора о нарушении им, Тощевым, Закона (см. Приложение), был “наказан”.

УТВЕРЖДАЮ:

Эта встреча с моими учениками была случайной, никакого “подкарауливания” с моей стороны и “угрожающих действий” не было. Об этом не говорят даже “потерпевшие” подростки. А “свидетельство” самой матери -

полный абсурд: она не слышала ни слова из нашего 10-ти секундного разговора с ребятами.

СЧИТАЮ:

Действия Ивановой и Тощева заведомо преступными и лживыми, приведшими меня и мою семью к трагическим последствиям.

К. Ветер

Рассмотрения этого документа я добивался целых... 10 лет! Ведь это злодейство по действующему тогда уголовному кодексу было без срока давности! И вот неожиданно я все-таки получаю “приглашение” в Щелковский городской суд, куда были вызвана и парочка обидчиков - обвиняемых.

...Тесные комнатки, именуемые “Залами заседания суда”. Стоящие, сидящие, слоняющиеся люди с какими-то тусклыми серыми лицами. Из расположенных тут же кабинетиков время от времени выпрыгивают шустрые девчонки-работницы суда на побегушках. Иногда из своих юридических нор выползают обладатели этих помещений - судьи, толстенькие, упитанные, настроенные явно по-хамски по отношению к присутствующим в “зале ожидания” людям. В своих болтающихся длинных черных мантиях эти существа напевают мне летучих мышей в одном из пещерных гротов Памира, Пиренеев и Анд, где мне пришлось побывать в свое время. И если те, настоящие летучие млекопитающие пробуждали у всех нас некоторую жалость из-за своего мрачного существования, то существа в судейских черных балахонах возбуждали почему-то чувство глубокого омерзения. А может быть, это происходило от того, что я интуитивно не верил в способность этих мелькающих черных фигур к проявлению чего-то правдивого, объективного нормальным людям. А может, такое чувство возникало из-за моей ранее состоявшейся встречи, о которой я упоминаю в рассказе “Палачиха”.

К сожалению, присутствующее в “зале ожидания” чувство фальшивости и грязи полностью подтвердилось дальнейшими событиями моего двухнедельного посещения этой мышьиной пещеры, именуемой Щелковским городским судом...

Да что я говорю! Суди сам, читатель!

Мои вопросы к оговорщице:

- Вы слышали о чём я говорил с подростками в течение 10 секунд?
- М-м-м-м-м... Был какой-то шум... в коридоре...
- Я сказал подросткам хотя бы одно грубое слово?
- М-е-е-е-е... М-е-е-е-е...
- Я хоть раз замахнулся на подростков проволокой?
- М-м-м-м-м...
- Ваша дочь и дружок нигде не говорят ни о каких моих грубых словах или действиях! Скажите, Иванова, на каком основании вы лично сообщили милиции что на вашу дочь было совершено нападение в

подъезде. Да еще с целью убийства вашей дочери? Ваша дочь нигде в “деле” не говорит о какой-либо, даже самой малой агрессии с моей стороны?

- М-м-е-е-е-е...

Вопросы мои к бывшему милиционеру, ответчику Тощеву:

- Почему вы обманным путем “пригласили” меня поздним вечером в ОВД? Почему не дали мне сказать ни одного слова для пояснения ситуации в подъезде?

- Я... Я... Я... позвонил вечером помощнику прокурора Копылову и он велел вас арестовать...

- Но за что? Почему? Почему вы не задали мне ни один вопрос, ни слово о произошедшем в подъезде?

-А зачем? Мне-е-е Копылов... прокурор... приказал арестовать...

- Без всякой проверки? Только по звонку Ивановой?

- Я... Мне-е-е-е... А три года прошло! За давностью...

Вот “показания”! Вот такое было мычание второго моего ответчика.

Обращаюсь к судье:

- Ваша честь. Как видно из ответов привлекаемых ответчиков о каком-то хулиганстве, грубости, даже словесной, с моей стороны не было. Это подтверждается отсутствием даже намеков на это со стороны подростков! Так почему же в течение 10 лет вы отказываетесь рассмотреть мое заявление о привлечении к уголовной ответственности умышленной клеветницы Ивановой и ее пособника Тощева? За что я оказался в Бутырской тюрьме. Почему Тощев, не задав мне ни одного вопроса, полностью доверяя телефонному звонку Ивановой и ее лжи, работник милиции меняет мне меру пресечения без санкции прокурора, обманывая самого помощника прокурора, сообщив ему о моем “нападении” на подростков?

Подумайте сами: подростки нигде не говорят о моем “нападении”! Почему всё строилось только на лжи матери Ивановой? И никто не проверил её болтовню?

Ваша честь. Я прошу Вас дать объективную оценку всему происходящему. Особенно преступным умышленным действиям Ивановой и Тощева: одна бессовестно клеветает на меня, другой - усиливает клевету и совершает преступление по отношению к совершенно невинному человеку и его семье. Пожалуйста, я слушаю Вас!

Судья:

- Я... Мне трудно осудить... Но поскольку вы уже были с подпиской о невыезде, считаю что... Иванова и Тощев... Не виновны!

Вот это да!

Антисуд в антисуде!

Где еще может произойти подобное? Может в США? Да никогда!

Невольно напрашивается мысль: а нормальные ли люди ответчики мои и судьи? Возникает сомнение...

НУ, ЕСЛИ НА ВСЁ...

Вы когда-нибудь держали в руках или хотя бы видели миллион долларов?

Я держал, правда, фальшивый, но проходивший любое тестирование! И обнаружить эту фальшивость было трудно без специальной проверки. Этих денежных сюрпризов в США было выпущено около тысячи штук, и один из них был подарен мне в Лос-Анджелесе одним знакомым яхтсменом.

Даже в США, увидев в моих руках эту бумажку, на неё покушались даже солидные бизнесмены, один политический деятель и даже астронавт. Я никогда не был скупым, тем более - жадным человеком, но расстаться с этим фальшивым шедевром я просто не мог. Да простят мне все, кому я не решился - таки отдать банкнот.

Через неделю я покидаю Лос-Анджелес, стартуя на "Дельте" в Москву.

Шел восьмой час, полёта, и сразу же после "обеда" симпатичные и шустрые стюардессы стали предлагать своим воздушным клиентам всяческого рода сувениры, от простеньких брошек и перстеньков до дорогих платиновых колец и жемчужных браслетов. Вот тут-то мной и была заброшена первая "наживка".

Выбираю набор дорогих мужских галстуков - 10 штук в упаковке. Стюардесса, обвораживая, меня своей благодарственной улыбкой за приобретение передаёт мне галстуки и берёт из моей протянутой руки зелёную бумажку. Вероятно, она была просто "убаюкана" цветом, форматом и мелькнувшим перед ней на долю секунды рисунком на банкноте, приняв за обычную сотню долларов. Это следовало из того, что девушка быстренько отсчитала мне сдачу в 12 баксов при стоимости моей покупки в 88 долларов.

Улыбаясь я ошарашиваю её ласковым голосом:

- Простите, сеньорита, но вы дали мне не полную сдачу!

И тут до нее дошло? Стюардесса всматривается в купюру и её глаза увеличиваются вдвое от изумления:

- Простите? Простите! Но что же... Я же не могу дать столько... Такая сумма... Невероятно!..

Я забираю у неё свой банкнот и возвращаю упаковку с абсолютно ненужными мне галстуками:

- Что ж, к сожалению, я не магу подарить даже вам столь большую сдачу. Да! Момент! А сколько стоит ваш Боинг конечно, вместе со всеми стюардессами!

Бедная девчонка лишь растерянно покачивает своей очаровательной головкой:

- Н-н-е-е-е з-н-а-а-ю...

- Тогда, в таком случае спросите у командира экипажа, у своего капитана! Я покупаю эту "птичку".

Уже через минуту я пожалел о своей шутке. Ко мне началось настоящее паломничество! Вместе с двумя стюардами ко мне подходит второй пилот и с очень настоятельной просьбой - показать им мою банкноту! Показал! Бедняги три минуты рассматривали зелёную бумажку с изображённым на ней миллионом долларов. За их спинами на фальшивку глядели всё сбежавшиеся стюардессы и десятка три сбежавших со своего места пассажиров лайнера. И все они, как один, хотели обязательно пощупать “чудо” или хотя бы прикоснуться к нему пальцами. Пилот просит разрешения показать банкноту командиру корабля. Я передаю ему фальшивку со словами:

- Дружище! Ты только не сигани вместе с ней вниз! Не попытайся удрать! Я же тебя потом не найду!

Чудак-янки почему-то принимает мою шутку всерьёз:

- Простите! У меня, у нас у всех нет даже парашютов! Всё будет цело! Не беспокойтесь, пожалуйста!

А чего мне беспокоиться! Иди, показывай!

Проходит десять минут. Проходит двадцать! Говорю стюардессе:

- Неужели всё-таки сиганул без парашюта? Но с банкнотой.

Она не успевает мне ответить, видя приближавшегося к нам командира экипажа. Он с улыбкой возвращает мне мои “денежки” плюс десяток их ксерокопий:

- Вы не возражаете? Мы каждому из экипажа сделали такой подарок... от вас. Интересная купюра, не правда ли?

Мои соседи по салону буквально пожирали взглядами свалившееся на меня “богатство”. Прослыть русским жадной, я, конечно, не мог: раздал весь “ксерокопийный” запас в десять миллионов долларов...

И в Звёздном городке прихожу в наш банк. Все его работники - как на подбор: красивые-прекрасивые! Был бы я лет на сорок моложе - похитил бы всех их, ни одной бы не оставил! Иной раз прихожу за деньгами посмотрю на этих красавиц и замру, забывая совершенно за чем сюда приперся! И всё из-за этих красоток!

...В обменном пункте заведующая банком Галина готова обменять мою “купюру” на наши деньги. Она видит у меня в руках нормальную зелёную бумажку, принимая её, как и в своё время стюардесса, за сотню баксов и не задерживая на банкноте взгляда, “прогоняет” его через тестер, который почему-то “помалкивает”, не замечая подделки. Заведующая уже собирается оплатить банкноту. И тут её взгляд упирается в “один миллион долларов”! Она повторяет тестирование! Никаких признаков фальши! Тестер спокойно помалкивает. Заведующая с тревожным недоумением смотрит на меня:

- Константин Иванович! У нас нет такой суммы. Это же 28 миллионов рублей!

Её коллеги срываются со своих мест к своей заведующей:

- ???

И туг я слыву тихий голос Галины:

- И я такую хочу..

И далее:

- И я!

- И я!

- И я!..

Хор женщин в очереди, всех я хорошо знаю много лет, одна жена генерала.

- И мы хотим тоже это! Мы хотим! Подарите нам!

Придаю своей морде очень даже серьёзное выражение:

- Но это будет вам дорого стоить!

И на весь Сбербанк раздаётся:

- А мы согласны на всё! На всё!

- Ну, если на всё, я согласен!

В углу, у стола гогочет знакомый полковник в запасе:

- Костя! Тебе не нужен “помощник”?

ВИЗИТ

“Осень, осень! Вновь надо мной твоё прозрачное крыло!” Тишина стоит необычайная. Лес замер. Изредка с лёгким шорохом с берёз и лип срывается золотой лист. Жена-врач сегодня дежурит в своей клинике. Тёща уехала к внучке в Москву, а у меня свободный день с запланированным ещё вчера посещением огородного участка, чтобы сжечь накопившийся за лето мусор и вскопать несколько грядок. Наша ирландская сеттериха Редька непрерывно вертится под ногами, чувствуя близость столь милой её сердцу дальней лесной прогулки.

Телефонный звонок. Густой бас сотрясает трубку:

- Добрый день! Можно Константина Ивановича?

- По-моему, он уже слушает вас...

- О!! Отец! Привет! Это...

От неожиданности услышанного мне приходится сесть.

- Что? Не ожидал? Можно к тебе?! Мы на проходной, на авто, с Алёшей!

Я мог ожидать всего! Даже посещения нашего дома президентом Гондураса но это... абсолютнейший нонсенс! Однако... Заказываю пропуск.

От стремительно подъехавшего к подъезду нашего дома “Мерса-600” вываливаются (иначе и не скажешь!) три здоровенных амбала. Их “авто” даже как-то радостно поскрипывает, избавившись от такого “груза”. Мы вчетвером втискиваемся в кабину лифта. Молчим, разглядывая друг друга: ведь сколько лет прошло! Целый десяток! И уже через пару минут наша квартира оглашается голосами прибывших:

- Отец! Прими наши верительные грамоты! Узнаёшь свою подпись?!

Каждый из прибывших разворачивает перед моим носом клочок дешёвой бумаги, на котором значит: “Такому-то по результатам сдачи экзаменов присвоено звание «Яхтенный рулевой третьего класса» с правом вождения яхт

любого класса в дневное время с удалением от берега до 10 миль”. Здесь всё это заверено моей подписью и датой, “30 ноября 1990 года. Бутырская тюрьма”.

И вдруг большим человеческим теплом повеяло от этих парней, крепких, бритых, каких-то жёстких и человеческих одновременно...

...25 октября 1990 года. С грязным и рваным матрасом в руках я переступил порог одной из камер Бутырской тюрьмы. Духотища. Тусклый свет освещает набитое людьми помещение с двухъярусными койками. Тридцать пар глаз устремляются на вошедшего: Кто ты? Откуда ты? За что ты? В стороне от всех, у параши валяются три “лидера”. Это отверженные! У них здесь нет никаких прав.

- Добрый день. Прошу определить мне место.

Меня внимательно разглядывают, оценивая, ведь не сразу догадаешься, кого это судьба забросила к ним в камеру? Выше среднего роста, седой, физически крепкий мужик, в синих глазах ни тревоги, ни боли, лишь жёсткая усмешка на губах. Ни страха. Ни растерянности.

- Привет! Привет! Только вот места у нас здесь дорогие, их заработать надо!

Бросаю матрац на пол у стола:

- Ну, и каковы у вас условия “рынка”?

Молчат. Проходит минута, другая. Один из “мордovorотов”, вероятно старший камеры, поворачивается ко мне:

- Садись напротив! - И он жестом освобождает для меня место.

Сажусь. Стол чисто вымытый, слева замечаю две дюжины аккуратно стоящих алюминиевых кружек. Затылком чувствую устремлённые на меня взгляды.

- Положи мою руку. - Голос сидящего напротив тихий, спокойный, без эмоций.

Э-э! Братец! Хочешь удивить меня армрестлингом? Не с тем связываешься. Через пять секунд рука моего визави касается стола. Его глаза раскрыты от неожиданности:

- Давай левой!

И левая прижата к столу. Вокруг молчаливое удивление, а напротив меня уже усаживается новый “экзаменатор”.

Они менялись через несколько секунд, оставалось постоянным лишь положение их рук на столе.

Место мне выделили очень даже приличное, ниже и у окна, где и посветлее и воздух почище: форточка всегда здесь приоткрыта. За столом здесь тоже своя “иерархия”, в которой я оказался напротив старшего камеры.

Вечер первого дня. Всё “население” (кроме “лидеров”) внимательно слушает историю моего “путешествия” в Бутырку. О том, как я “развращал” аж шестерых девчонок! Как они били меня ногами и руками, царапали, визжали, а после всего этого придуманного ими идиотизма... приносили

и дарили мне, своему тренеру, свои прекрасные фотографии с дарственными подписями, свои неплохие стихи и даже - баллады, ему же и посвящённые! Да, что-то явно не вязалось у обвинения! При этом ничего им не проверялось и не сравнивалось в показаниях сторон... и когда ведущий "дело" пом. прокурора с облезлым черепом намекнул о каких-то суммах - всё стало на свои места и прояснилось окончательно для всех:

- Здорово подставили тебя, отец, эти сыкухи! С подачи родичей своих, это точно! Подставили самым бессовестным и бесчеловечным образом. Начал всё этот хмырь... Иванов, сучонок! Все они заодно и были! Девчонок можно простить, они ещё недоумки! Но эту тварь, папашу особенно, - никогда! И в первую очередь - дебильного майора-мусорка и плешивого пом. прокурора! Выйдешь - наказать эту сволочь надо как следует! Не сразу, конечно, пусть подзабудут.

Услышал я от старшего и его криминальную историю...

Жил и работал он в Подмосковном посёлке городского типа. Прошёл Афган. В спецподразделении очень даже серьёзном. Четыре месяца назад к его частному домишке подкатывает милицейский рафик с пятью пьяными операми. Алексей был у дома, красил штакетник. Ударом ноги старший мусор открывает калитку и орёт на всю улицу:

- Ты! Где живёт Пахомов? Здесь. Показывай!

Алексей отрицательно качнул головой: нет, двумя домами дальше! И надо же: тут из будки у дома выскакивает крохотная дворняжка и начинает лаять на стоящих алко-ментов! И тут один идиот в милицейской форме выхватывает пистолет и стреляет в собачонку!

Такого оборота событий предусмотреть было просто невозможно! И морпех из спецназа уже через секунду после выстрела выбивает оружие из рук убийцы собачонки, подхватывает на лету пистолет и стреляет в ногу этого мента! А через пять секунд уже вся пьяная компания в милицейской форме валяется во дворе, уткнув свои носы в землю, Алексей относит все пять пистолетов к себе в дом, обещая вернуть их только прокурору...

Следствие и суд всё поставили с ног на голову! И напал Алексей первым. И стрелял тоже, ранив совершенно трезвого и заслуженного работника милиции, чуть ли не сам свою собаку застрелил.

И ещё слышу я одну исповедь. И ещё... И ещё... Одна круче другой. Какая-то помойка из злоупотреблений работников милиции, прокуратур и судов! Кто сидит у нас в этих правозащитных структурах? Получается, одна мразь! Нелюдь, бесконтрольно уничтожающая невинных людей. Это что? Чей-то социальный заказ? Похоже, и даже очень...

- Ты, батя, этих... Тощего, Плешивого и особенно этого..., которого судили судом офицерской чести и выслали из Звёздного, что свою дочку тебе подставил. Не прости им. Ни в коем случае. Девчонки-то дуры. А вот эта "троица". Должна ответить. Должна!

...Тогда я провёл со своими сокамерниками 18 занятий по устройству и теории вождения парусников, а все они, кроме тех, у параша, сдали мне

экзамены. По билетам! И получили изготовленные из почти туалетной бумаги “Удостоверения рулевых третьего класса”.

И вот трое из них у меня здесь, в Звёздном городке, спустя 10 лет! Пока они рассматривали нашу домашнюю библиотеку, я смотался в “Кулинарию”, притащив оттуда торт “Птичье молоко”, двадцать пирожков с яблоками и двадцать - с мясом! И гоняли мы “чай-кофеи” целых три часа! От предложенных коньяка и вина мои гости категорически отказались, но все приобретённые кулинарные изделия были ликвидированы полностью!

Алексей открывает свой кейс:

- Это тебе подарок, батя! Безвозмездный! Принимай!

Я отказываюсь верить своим глазам: кейс доверху заполнен пачками аккуратно уложенных сто долларовых купюр. Сколько их здесь? Пачек семьдесят, не меньше! Такое мне приходится видеть впервые. Конечно, впечатляет, хотя и не на столько, чтобы принять это в качестве безвозмездного подарка. У меня с детства, сильнейшая защитная реакция к деньгам, вещам, пище и погоде: я не придаю всему перечисленному никакого значения в своей жизни. Как и пасмурной погоде: ведь за самыми тяжёлыми и чёрными облаками и тучами всегда находится бесконечная синева неба! Всё перечисление - это же такое дерьмо, как и тучи, на мгновение закрывающие от человека солнце и небо.

- Алёша! Ребята! Вы же знаете моё отношение к этим бумажкам! Спасибо. Последующий раз привезите-ка мне ваши фотографии... на память о вас! Обо всех, кого тогда мучили там... А это всё везите назад.

Они переглядываются и отказываются понимать происходящее.

- Батя! Но это ведь такая возможность...

Я захопываю кейс:

- Приговор окончательный и обжалованию...

- Хорошо. Но это не последняя встреча. Мы всё помним!

На стол ложатся их визитки с телефонами, факсами, электронной почтой.

Мы расстаёмся. На прощанье я дарю каждому из них на память свою литературную миниатюру “Сказ о русском “медвежонке” и отмечаю пропуск. Провожая у крыльца отъезжающий “Мерс-600” слышу:

- Помни о нелюди, отец! Помни!

А может самый страшный вид возмездия - это прощение?

ТБИЛИССКИЙ БЛЮЗ

Для меня Кавказ всегда был местом бездонного синего неба, первозданной белизны снежных вершин и необычайного гостеприимства добрых людей. Это мнение не поколеблют ни события последнего десятилетия с их жестокостью, подлостью и бесчеловечием, и заявления всякого рода проходимцев от политики.

Не кавказцы развязали безумную бойню там, где каждый живущий способен преодолеть столетний рубеж своего бытия. Не кавказцы! И это ведомо всем.

Так уж получилось, что моя жена, работая начальником отделения больницы МИДа, была назначена врачом российского посольства в Тбилиси, где ей одной была “предоставлена” семикомнатная квартира, временно оставленная её хозяевами. В одной из комнат этого “жилища” моему доктору и предстояло провести 2,5 года. Был вариант и нашей совместной поездки, но должность коменданта посольства меня не привлекала, несмотря на хорошую зарплату, поскольку на моём жизненном горизонте замаячили океанские переходы под парусом, а посему я мог посещать свою одинокую подругу лишь по 2-3 раза в год в “свободное от работы” время.

Тбилиси - изумительный город. Ни в одном из городов десятков стран, где мне удалось побывать, одолевая под парусом тысячи морских миль, я не встречал столько дружелюбия и порядочности как в столице Грузии. Кажется, нет такой силы, способной разрушить эти нравственные критерии тбилисцев. Верю, что несмотря ни на какие политико-экономические коллизии нашего сложного времени, тбилисцы и жители всего Кавказа сберегут, сохранят эти высокие человеческие качества. Сберегут. Обязательно. Для детей и внуков своих и наших.

Отделение Грузии от России (СССР) поставило перед страной труднейшие экономические задачи и политические проблемы, разрешение которых вряд ли может ограничиться даже десятилетием. Снабжение населения страны электричеством, газом и хлебом снизилось до невыносимо низких значений, ставя её жителей на грань экономического коллапса. Несколько раз я бывал в Тбилиси в зимнее время, при этом в сутки газ и электричество подавались в жилые комплексы всего на несколько часов. В квартирах температура не поднималась выше пяти градусов. Стояло метро. Практически прекращалось движение городского транспорта. Росли цены на всё. Особенно на основные продукты питания. О горячей воде в домах можно было лишь мечтать: была бы хоть холодная! Но, несмотря на весь этот топливно-продовольственный бедлам, все люди вокруг оставались исключительно человечными и добрыми.

У моего доктора было очень много работы. Решая задачи по оказанию врачебной помощи штатным работникам нашего посольства и их родственникам, она многие часы проводила и в ряде гражданских клиник, в том числе и в Российском госпитале. Обычно её рабочий день затягивался ежедневно на 10-12 часов, и это надо было выдерживать. И после всего этого - возвращаться в “свою” многокомнатную квартиру без света и газа, в которой даже несколько литров холодной воды считались порой непозволительной роскошью. Сам наблюдал, каких усилий стоило этой женщине её пребывание на должности врача нашего посольства. Думаю,

что в аналогичных условиях были практически все работники этой структуры Российского МИДа в столице Грузии.

И вот однажды в очередной свой приезд я услышал от своего доктора историю, в которую вряд ли поверил, услышь я подобное из уст другого человека.

Тот памятный четверг был очень напряжённым. С утра доктор вела приём занедуживших своих коллег по посольству, а к обеду по просьбе начальника нашего госпиталя уже осматривала тяжело больных этого заведения.

В этой обстановке моя жена вдруг напомнила мне врача известного госпиталя имени Святого Луки в Валлетте, столице островного государства Мальта, где в любое время дня и ночи ведётся приём и оказывается высококвалифицированная медицинская помощь любому пришедшему сюда человеку, причём - совершенно бесплатно!

И в Звёздном городке мой доктор уже после своей работы вечером ухитрялась практически ежедневно ходить на вызовы по телефонной просьбе и призыву о помощи любого человека. И это, несмотря на наличие в городке врачей местной поликлиники. Бывало, что она выматывалась за день так, что после всего просто валилась на койку без сил, тут же засыпая от усталости. И тут я стал ожесточаться по отношению к авторам этих вечерних звонков-вызовов.

Но никакие уговоры и требования мужа и родных не могли решить отказа в помощи нашим доктором всем окружающим и звонящим в том числе. Невольно, видя всё это, я стал даже осуждать эту прямо-таки жертвенную составляющую в профессиональных проявлениях своей супруги. Но на все наши "строгие" заявления в её адрес мы слышали всегда одно: "А как же клятва. Гиппократ?"

...В тот день она добралась до "своей" семикомнатной квартиры лишь в десятом часу вечера. Воды (никакой) в доме не было. Газа тоже. Чуть-чуть с едва заметным накалом мигает единственная лампочка в огромной потолочной люстре. В чайнике три стакана кипячёной воды. Это на вечерний чай и весь комплекс туалетных услуг. В квартире +7°C. И это при выложенных мраморными плитками полах, отдающих холодом ледяного катка.

Задремать удалось лишь к полуночи. А в два ночи - неожиданно тревожный звонок в дверь. Вообще-то такое здесь бывает: местные жильцы, зная о русском докторе, при чрезвычайных обстоятельствах иногда обращались в такое время и никогда не получали отказа.

...Нет, это не соседи. Перед ней двое здоровенных бородатых мужиков в камуфляже:

- Простите, доктор. Но нам очень нужна ваша помощь. Срочно. Не откажите, пожалуйста.

А чтобы сделали вы в такой ситуации? Наверно то же самое... Маленький доктор набрасывает на себя своё пальто (спала-то в одежде!), берёт

свой “тревожный” медицинский чемоданчик и в сопровождении бородатых молодцов выходит из подъезда, у которого их ждёт микроавтобус с ещё тремя “камуфляжами”, в руках которых видны стволы “калашей”. Ей предлагают занять место рядом с шофёром...

Судя по всему, они мчатся на север. Проходит час. Машина резко тормозит у небольшого двухэтажного дома, стоящего на склоне ущелья.

...В комнате горит два десятка свечей. Передней на широкой кушетке неподвижно лежит человек, укрытый простыней, с багровыми, почти чёрными пятнами крови на ней. Он без сознания.

Осмотр раненого. У него перебита голень с открытым переломом и касательное, хотя и глубокое ранение грудной клетки с торчащим осколком ребра. Плюс два сквозных пулевых ранения....

Она управилась за полтора часа. Всё промыто, обеззаражено, перебинтовано. Раненый спит. А доктор опускается на стоящий у кушетки табурет и... проваливается в забытьё.

Она не помнит, как была доставлена “домой” в Тбилиси, как вошла в дом, и кто закрыл за ней дверь квартиры... Как бы там ни было, а в 9 утра, в пятницу, она уже вела приём в своем “посольском” медицинском кабинете...

Проходит два дня. Во двор её дома въезжает самосвал с кузовом-ковшом, наполненным... апельсинами. Перед дверью “докторской” квартиры расстилается широкое полиэтиленовое полотно, на которое выгружается всё содержимое кузова. А десятки обалдевших от неожиданности жильцов слышат спокойный голос сопровождавшего самосвал:

- Это всё русскому доктору! Маленькой женщине, что живёт здесь. Никому не трогать. Пожалуйста.

Ни один откатившийся апельсин не был поднят даже детьми. До прихода доктора. Теперь представьте себе удивление врача нашего посольства, ставшего свидетелем столь необычной картины!

...Вот уже несколько лет в канун Нового года голос с кавказским акцентом звучит в телефонной трубке:

С Новым годом, доктор! С наступающим! Здоровья вам и вашей семье! Мы всегда помним добро! Счастья вам!

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА АТЛАНТИКИ

Наисложнейшая, наиинтереснейшая спортивная и научная задача: одолеть под парусом Атлантический океан по маршруту Бостон (США) - Плимут (Англия), и не просто одолеть, а пройти его за время менее шести суток! А это ведь 3000 миль по Северной Атлантике! И каждое уменьшение времени этого перехода хотя бы на два часа - это может быть Рекордом Гиннеса. Вероятно, уже в ближайшие годы он будет установлен, ибо практически ежегодно яхтсменами многих стран предпринимаются попытки установления этого рекорда как с целью престижа для страны

яхтсменов-участников, так и для получения известного вида вознаграждения за этот океанский подвиг.

Ближе всего к выполнению этой задачи подошли французы. Применяя катамаран новейшей конструкции, они вплотную подошли к рекордному времени. Нельзя сказать, что это интереснейшая проблема обошла стороной моих товарищей по парусу.

Для обсуждения задачи нами был создан “штаб”, личный состав которого внимательно проанализировали и многие вопросы сей непростой проблемы: от изучения погодных условий и выбора времени для такого рейса до создания проекта рекордного парусника в разных его вариантах.

Возникла необходимость кому-нибудь из нас самому “прикоснуться” к Атлантике как раз на трассе перехода, и, не когда-нибудь, а в зимние месяцы, на которые мы и ориентировали выполнение этой задачи. Кто из нас не знает пословицы: “Лучше один раз увидеть....” Дело в том, что зимние месяцы на этом маршруте самые “скоростные” по попутным ветрам и Гольфстриму, что несомненно позволит разогнать парусник и поддерживать его высокую скорость (500 миль в сутки!) на протяжении всего рейса.

Неожиданно судьба улыбнулась нам: случай позволил мне попасть в состав экипажа яхты, идущей как раз по этому же маршруту и в зимнее время (смотри рассказ “Разведка боем”). Это был наш хороший “задел” перед работой над проектом рекордного перехода океана.

После этого у нас появились желание и уверенность в возможности попытки установления рекорда, и мы стали искать средства на проект катамарана и его постройку.

Первый этап был решен сравнительно легко: КБ одной нашей авиационной фирмы за пару месяцев под руководством заместителя главного конструктора Евгения Георгиевича Кошелева создало прекрасный вариант проекта скоростного парусного катамарана длиной 50 метров, водоизмещением 20 тонн и парусным вооружением, позволяющем прогнозировать скорость яхты на океанском маршруте свыше двадцати двух узлов при достаточном ее постоянстве. Площадь парусности катамарана составляет 1300 м², т. е. почти половину такого парусного гиганта как барк “Товарищ”. Таким образом тяговооруженность нашей яхты в десяти раз превышала эту характеристику обычных парусников. Было у нас и свое “ноу-хау”, реализация которого с большой восторженностью могла способствовать высокой скорости катамарана.

Нами была проанализирована и подобрана вполне приемлемая стоимость всех комплектующих статей катамарана и полная стоимость его постройки с учетом его подготовки к рекордному рейсу непосредственно в Бостоне.

Теперь практически всё зависело от спонсорской поддержки.

Мы обратились к некоторым руководителям известных наших фирм (в частности, к В.А.Брынцалову), но, у них в то время были свои проблемы

с финансами, которые не позволили им поддержать хотя бы постройку яхты. И тогда мы вместе с руководством КБ пошли к мэру Москвы Ю.М.Лужкову, предварительно послав ему пресс-релиз. Создалось впечатление, что все высокопоставленные чиновники мэрии явно склонялись к поддержке финансирования строительства парусника, что оказавшись у бюрократов рангом пониже, к которым наше обращение было “спущено” с положительной резолюцией “для уточнения и положительного рассмотрения” всё стало непонятно тормозиться весьма “талантливым” способом.

В начале нам предложили... уменьшить размеры яхты для снижения финансовых расходов при постройке. Но это сразу же приводило к значительному снижению проектной скорости, при этом терялся весь смысл создания проекта в целом! Кого могло устроить “ползание” по зимней штормовой Атлантике? И когда нам все-таки удалось отстоять наши проектные размеры катамарана, сразу же возникла проблема с составом экипажа!

Оптимальным был принят его состав в количестве 18 человек: каждая вахта требовала не менее шести человек для безопасности и поддержания высокой скорости в океане. Вообще-то и это было маловато: мы обыграли вариант “полуторной” вахты, в которой предполагалось иметь по 12 вахтенных. Непродолжительность и скорость плавания позволяли нам нести именно такие вахты. Да что и говорить, человеку, понимающему поставленную перед нами задачу, было ясно, что все шесть суток нашего “полета” в зимней штормовой Атлантике на вахте были бы все 18 человек! Дело-то предстояло далеко не игрушечное.

Все эти чиновничьи “претензии” продолжались довольно продолжительное время и закончились... переносом реализации проекта на несколько “более позднее время”.

Проект первого в России скоростного катамарана, способного на побитие времени “Голубой ленты Атлантики” с тех пор до настоящего времени ждет своего разрешения.

ПОЛИГОН

Почти ежедневно многочисленные средства, массовой информации устами специалистов-психологов, работников МВД, преподавателей школ и детских учреждений сообщают нам о ставших столь частыми трагедиями с нашими детьми и подростками. Автомобильные наезды, тяжёлые травмы, полученные детьми на всякого рода заброшенных или строящихся зданиях, игры на неокрепшем льду водоёмов - всё это очень даже знакомо родителям и тем не менее...

Но ведь не только дурак должен учиться на своих ошибках. Я уже упоминал однажды о гибели подростков на одном из танковых полигонов весной прошлого года, и вот в этом году...

Осень. Золото листья вкрапливается в синь неба, на котором висит ещё по-летнему тёплое солнце. Тишина.

Танковый полигон, на котором ежедневно проводятся боевые стрельбы из многочисленных огневых средств, и отрабатываются артиллерийское и ракетное оружие. Вся огромная территория полигона буквально нашпигована неразорвавшимися боеприпасами крупных калибров. Достаточно легко прикоснуться даже пальцем к неразорвавшемуся снаряду, кои валяются здесь в избытке, чтобы от тебя не осталось даже подошв от твоих кроссовок.

Вся территория полигона площадью в тридцать квадратных километров обнесена двойным ограждением и постоянно контролируется группами дозорных с собаками. С вышек, стоящих по периметру полигона, на километры просматривается его площадь. И тем не менее...

Почти ежедневно на полигоне отлавливаются школьники, мальчишки и девочки, рискнувшие ради любопытства "ознакомиться" с таинственной природой невзорвавшихся по тем или иным причинам боеприпасов.

Как только все эти "лазутчики" ухитрялись проникать сюда, остаётся нелёгкой загадкой для личного состава, обслуживающего боевые стрельбы.

И вот эта осень...

Я разместил свою "пятьдесят четвёрку" на одном из боевых рубежей полигона. Экипаж приступил к подготовке машины к стрельбе. Мы разместили весь комплект нашего 100-миллиметрового орудия, осмотрели и зарядили оба танковых пулемёта и наружный крупнокалиберный ДШК, и к полудню я доложил командиру части полковнику Кутькову о нашей готовности к выполнению стрельб.

Мы заметили, как на расстоянии прямого выстрела (1200 метров) от нас специалисты готовили наши мишени: два немецких "тигра", установленных на рельсы и приводимые в движение двумя мощными лебёдками с помощью тросов.

Эти стальные чудища (иначе их не называли) были прекрасными мишенями для проверки действия наших новых кумулятивных снарядов, прожигавших их бортовую броню как лист тонкой фанеры! Вот тебе и "Тигры".

Вокруг ни ветерка. От тишины звенело в ушах. До начала стрельб был час.

Вдруг в полукилометре от нас в небо поднимается высоченный столб дыма и земли, а через, секунду мы буквально глохнем от звука мощного взрыва! И до нас доносятся крики, детские крики!

- На своей "пятьдесят четвёрке" мы несёмся к месту взрыва...

Вы знаете, что такое ужас!

Перед нами несколько конвульсирующих детских тел, разбросанных вокруг сметённой взрывом земляной площадки. Девчушка и двое мальчишек лет десяти-двенадцати с телами, буквально нашпигованными осколками.

Они мертвы. В нескольких метрах от них на земле корчится ещё одна детская фигурка. Это мальчик. Он жив, но у него вскрыта брюшная полость, и сизый комок выпавшего кишечника перекатывается по траве, цепляя на себя опавшие листья. Мальчишка смотрит на нас совершенно белыми глазами и пытается что-то сказать после чего теряет сознание... Кричу своему механику:

- Вася! Машину сюда!

Василий срывается с места и несётся к нашему танку, а мы в это время уже держим в руках простреленный во многих местах лист фанерной мишени-базуки осторожно подсовывая его под раненого мальчишку. Мне приходится рукой подобрать и уложить рядом на фанеру часть его кишечника. В этот миг рядом уже замирает наша "пятьдесят четвёрка". Вчетвером мы осторожно укладываем мальчишку на трансмиссию, удерживая его от соскальзывания "за борт".

Ревущая стальная громадина врывается во двор госпиталя, оглашая рёвом всё вокруг. Неожиданность нашего появления вряд ли удивила врачей и медсестёр: слишком многое видят подобного эти люди. Мы снимаем мальчонку и укладываем, на уже доставленные сюда носилки...

После операции этот человек прожил лишь несколько часов. Он умер. Десятилетний человек приехал в соседнее село из Уфы, приехал в гости к сыну друга его отца. К своему товарищу детства, оставшемуся лежать на месте происшедшей трагедии.

Сколько прошло времени! Сколько событий пролетело за пробежавшие десятилетия жизни! А мальчонка этот вдруг возникнет перед глазами! И чёткость сего видения всегда предупреждает: расскажи всем об этом! Расскажи всем! Пусть никто никогда и нигде не оставляет своих и чужих детей без присмотра! Иначе может произойти самая большая беда. И на небе вдруг для вас исчезнут все звёзды.

Берегите детей.

Ведь вся наша жизнь - это большой полигон.

ПОЧЕМУ?

...Конец февраля. Звездный городок утопает в сугробах.

И вдруг повеяло весной. Что такое произошло? Откуда это? Неужели из далекого, исчезнувшего в бездне времени апреля моей юности? Помню, как неожиданно у нас, в восьмом классе, появилась новенькая. Точнее их пришло две: Азиза Токанаева, Людмила Кузнецова, Людмила... Единственная из всех девчонок, носившая мини. Насмешливый взгляд красивых черных глаз, гладко зачесанные густые волосы, какая-то неповторимая изящность фигуры, сочетаемая с изумительной стройностью ног, привлекала к ней многих лихих парней старших классов. Обладая живым умом, острая на язык, Людмила легко "отбрасывала" многих из своих поклонников, включая и некоторых студентов столичных ВУЗов. В школе,

в классе мы практически никогда не заговаривали друг с другом, и тем не менее между нами установился непонятно таинственный контакт взглядов. И связывал он нас сильнее любых других видов общения. Я до сих пор не могу объяснить, что это было. Часто мы одновременно поворачивались друг к другу без всяких причин, и наши взгляды встречались. Такое было лишь в классе.

В середине мая, 1950 года перед экзаменами мы с Толей Гуковым и Володей Шамраевым купались на нашем Большом озере, именуемым Прудом, том самом, на котором я был научен делом плавать и управлять швертботом “Ерш”.. На этом озере была одна немаловажная достопримечательность - двенадцатиметровая вышка для прыжков в воду Она находилась как раз под домом братьев Бредихиных Валентина и Павла, знаменитых своими областными победами на тяжелоатлетическом помосте. В мае весь берег был окаймлен ярко-зеленой листвой сиреневых кустов и раkit. Любителей выполнять прыжки с вышки было пока немного, особенно после случая с Олегом Грязновым, на спине которого две недели красовался огромный фиолетовый синячище - результат неудачного входа в воду после прыжка. По существу, в этот воскресный майский день с вышки прыгали лишь трое: братья Бредихины и я. Конечно, о мастерстве прыжков говорить не приходилось. Но даже простой полет “ласточки”, прогнувшись, очень смотрелся со стороны неискушенными зрителями, коих на зеленом травяном ковре берега было предостаточно. Ко всему мне довольно здорово удавался “спад” с самой верхней площадки вышки “солдатиком”. И так, “ласточка” и “солдатик” составляли весь мой прыжковый “арсенал”. Напрыгавшись, наплававшись (ширина озера - 3000 метров - одолевалась мной дважды) проголодавшись как десять собак, я вышел на узкую тропинку, петлявшую в прибрежных зеленых кушах, направляясь домой.

- Ветер...

Неожиданно я вздрогнул. На фоне густой листвы у самой тропинки стояла Людмила.

- Я с утра здесь. С нашими девочками. Мы видели все твои прыжки.

Я стоял дурак дураком, не зная, что делать. А она преспокойно взяла меня за руку, и мы пошли рядом, не обращая никакого внимания на встречных ребят и девочек, знакомых и незнакомых. Мы шли к ее дому, и нам не хотелось спешить. У двери она пригладила мой ершистый чуб, а я, задержав ее руку, поцеловал ее теплую ладонь...

- Ветер, я всегда буду помнить этот солнечный и голубой день...

- А я всегда буду помнить тебя. Вот такую. Чудную-пречудную!

- А я - тебя. Всегда.

И тут я совершил такое, что нормальному человеку вряд ли покажется нормальным: опустившись на одно колено, я обхватил девчоночьи ноги и поднял изящную фигурку к самому потолку не такого уж высокого коридора.

- Сумасшедший мой!

Да, я был сумасшедшим. И тогда, и еще целых десять дней мая. А потом...

Она улетела с семьей в Крым. И не вернулась: воздушный лайнер упал где-то под Харьковом. Погибли все. Может поэтому синь неба и застилает иногда там-то глаза.

Десятый класс. Юность... Было ли все это? И почему судьба преподносит нам такую жестокость?

Почему?

ПРОСТИ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

Азовское море - оптимальная акватория для выполнения непродолжительных крейсерских плаваний на яхтах.

Устойчивые ветровые режимы, комфортные температурные условия, возможность пребывания вне видимости берегов, наличие достаточного количества прибрежных населённых пунктов и, наконец, внутреннее расположение в пределах страны - все это создаёт идеальные возможности для реализации автономных тренировочных переходов и крейсерских соревнований под парусом.

... В один из июньских вечеров этого года яхта "Таис-2" с экипажем из двух человек (капитан - К. Ветер, матрос - А. Чеховской), покинув причал одной из водных станций города Бердянска, взяла курс на Керчь.

В течение нескольких часов слабый встречный зюйд не позволял нам идти по генеральному курсу быстрее одного узла. "Таис-2" буквально ползла по Бердянскому заливу, медленно сдвигая на траверз маяк на южной оконечности Бердянской косы.

Мотора у нас нет, но это нисколько не огорчает экипаж: мы - за "чистые паруса". Во всём остальном судно полностью укомплектовано для плавания 2-й категории.

Море мы пересекли за 18 часов. В конце ночи нам уже подмигивал красный глаз маяка Ахиллеон.

Восходит солнце. В его лучах не было и намёка на ожидавшее меня несчастье, когда мы прибыли в Керчь. А произошло следующее. Девятого июня утром, оставив яхту на попечение Саши Чеховского и попросив его никуда не отлучаться до моего возвращения, я побежал на междугородную телефонную станцию. Долго не мог дозвониться домой. Наконец-то подняли трубку. Это тётя Маруся.

- Костя, милый. Мама умерла восьмого...
- Когда похороны?
- Завтра.

Да, порядочная же я сволочь: оставил умирающую мать одну-одинёшеньку, и нет мне за это прощения никакого. Не мог перенести свой переход на другое время! Сука я шившая, а не сын. Мать бросил, которая была для тебя всем.

Завтра похороны. У меня всего двадцать часов. Если вернуться на яхте в Бердянск - всё равно не успеть даже самолётом. Из Керчи - авиарейсов нет до июля. Стоп! Симферополь! Двести километров. Сейчас 2 часа дня. Надо постараться успеть на последний московский рейс. Он, кажется, идёт в 1800. Но у меня нет билета. Я грязный, заросший щетиной человек в майке с коротким рукавом. У меня с собой лишь офицерское удостоверение и сто рублей. Я не спал двое суток, и с моим внешним видом могут принять меня в лучшем случае в медвытрезвитель. В таких критично-человеческих ситуациях у нас в стране человек может найти понимание и поддержку только в одном социальном институте, причем поддержку безотказную и действенную.

Я в Керченском горкоме партии. Там всё понимаю с полуслова. Заказан последней авиабилет на последний авиарейс Симферополь-Москва. Вызвано такси. Вопрос секретаря ко мне:

- Деньги у вас есть?

- Сто.

- Мало. Вот возьмите ещё полсотни. Потом отдадите. Берите, берите. Кстати, в Москве идёт снег холодно.

Мне не до снега в Москве. Такси буквально вылетает за пределы Керчи, направляясь в Симферополь. В 1530 проскакиваем Феодосию. Всё на пределе 1715. Мы вкатываемся на площадь перед аэропортом. Отдаю сто рублей таксисту, удивившему меня вопросом:

- А себе хоть оставили?

Оставил. Оставил трояк. Хватит мне. Рейс ИЛ-82 задерживается на 10 минут. 349 пассажиров ждут одного грязного, бородатого человека в рубашке с коротким рукавом и тремя рублями в кармане. Взлёт. Теперь, кажется, не опоздаю...

В столице +5°C тепла. Валит густой снег. Все пассажиры и встречающие в тёплой одежде. Они шарахаются от человека, бегущего к автобусу в своём полуголом виде. Ветер и снег размазывают по моему лицу слезы, маскируя их. Добираюсь на электричке домой, в городок. Бегу, бегу к своему дому. Бегу по таким знакомым и дорогим мне дорожкам, но ощущаю страшную пустоту вокруг и внутри себя. Не узнаю Звёздного: будто судьба забросила меня в непонятный, наполненный одним горем мир. Холод и боль вокруг. Кричи, ори, выворачивайся от боли и горя наизнанку - всё равно никто не поможет. Зову маму. Нет ответа. Нет и всё тут. Кто создал этот проклятый полный страданий мир? Только Любка с Олей дают силы жить. Только они.

Похоронили маму на кладбище Леониха, что рядом с городком. И чудится мне, что уехала она в Щигры. Улыбается с последней своей фотографии, подбадривает: "Ничего, сынок, держись!" Держусь, мама. Держусь. И всем людям говорю: берегите, не забывайте, люди, матерей своих. Никогда не забывайте...

И у меня ты, мама, на каждой тропинке, на каждой дорожке. Ты в каждой берёзке и сосенке. В каждом облачке. Светлая моя. Прости! Если можешь...

БУМАЖКА

Сегодня я работал космическим грузчиком. Подобного пока не совершал никто в мире. Коля Юзов, главный дирижер этой научной работы гидроневесомости, доверил мне первому порезвиться с очень интересным "багажом". Все, на первый взгляд, очень просто. В космическом скафандре, используются средства фиксации, надо переместить на относительно большое расстояние (десятки метров) специальный блок массой в несколько тонн. Примерное моделирование транспортировки больших и массивных блоков при монтаже орбитальных станций будущего. Конечно, космические монтажники не будут перемещать многотонные конструкции в ручную на сотню метров, этим займутся орбитальные буксировщики. Но подгонку по месту, регулировку и отладку при окончательном монтаже и фиксации человек будет производить сам. Вот оценкой такой операторской возможности я и занимался в тот день. За четыре часа мне удалось переместить восемь шеститонных блоков на расстояние сорока метров. Такая там работа проделана? Учтите, все делалось в космическом выходном скафандре "Орлан", пульс при этом иногда зашкаливал за 190! После такой "работы" руки дрожали как у хорошего алкаша. После эксперимента меня отпустили домой на пару часов раньше. А по пути домой попросили заскочить в штаб подписать какую-то пустяковую бумажку у Славы Семаева, подполковника, кабинетного начальника. Заскакиваю. Семаев сидит важный такой, надутый воздухом, что ли?

- Слава, - говорю, - поставь-ка свой автограф вот здесь! - И подсовываю ему свой листочек.

- Не могу, - отвечает Семаев,

- Почему? - очень просто и ласково спрашиваю я Славу.

- Потому, что я подписываю документы до 16.00., а сейчас уже... ого! Ты опоздал на целых... четыре минуты! Контора закрыта!

- Но как же ты остался в закрытой конторе? А раз остался - давай черкай и не пытайся залезть в бутылку.

- Я не лезу в бутылку.

- Ты уже в ней сидишь и готовишься выслушать от меня притчу.

- Давай твою притчу, но подписывать ничего не...

- Один крупный ученый, Вячеслав Семаев, кандидат советских наук, поймал ящерицу, оторвал ей хвост и появился второй хвост. Он оторвал второй. Вырос третий. Оторвал третий. Вырос четвертый... Мораль: не надо ерундой заниматься!

Славка берет из моих рук злополучный листок и, сопя, молча, подписывает его.

- Молодец, - тихо хвалю я его. - Люблю людей, понимающих легкий юмор.

Утром возвращаю подписанную бумажку Коле Юзову.

- Что? Не подмахнул Семаев? Так я и знал... Нет! Смотри-ка! Подписал!

- Тебя это так радует? - Да ты хоть посмотрел, что в ней?

- И не подумал, так какой-то хозяйственный счет.
- Хозяйственный? Это просто “прикрытие”, а на самом деле это перенос сроков отчета по нашим исследованиям в гидроневесомости. Семаев хотел все скомкать, свернуть на полпути, чтобы не дать нам возможности получить достоверные данные. Ему главное - завершить к сроку, сдать отчет по плану и поставить “галочку”. Он же просто регистратор, а нам важны исследования не ради исследования, а ...

- А ради дела! Я знаю. И теперь мы имеем возможность выполнить кучу проверочных и подтверждающих верность Юзовской Концепции схем монтажных работ в космосе.

- Ты иронизируешь, а ведь этот мордovorот целый месяц водил нас за нос, пугая сроками и выговором за несвоевременный отчет.

- Но, теперь о'кей?

- Да еще какой о'кей!

А на следующий день разразилась “гроза”. Поняв свою оплошность, Семаев попытался отказаться от своей подписи, объясняя это тем, что Ветер, якобы, ввел его в заблуждение какой-то то байкой, то ли сказочкой, и он подписал документ, не глядя.

- Это просто наваждение какое-то! - Плакался он Афанасьеву. - Я же всегда аккуратен в этих делах, а тут вот так получилось.

- Ты хочешь сделать заявление, что Ветер подействовал на тебя за-прещенным методом, телепативно? - издевался генерал-дирижабль.

- Да! Да! То есть нет! Он рассказал мне о какой-то ящерице, у которой научные работники отрывали хвосты.

- И это были конечно наши ученые? Из ЦПК? Он не назвал фамилии?

- Конкретно нет. Но эти хвосты...

- Пошел ты к чертовой матери с твоими хвостами! Ты знаешь, что нам будет, не закрой мы эту работу в срок, определенный Главкомандующим ВВС. А ты дал им еще месяц! С ума можно сойти, когда мы должны отправить отчет через два дня!

- Но это же Ветер!..

- Опять? У-у-у!

История эта дошла до Берегового. Говорят, что командир давно так не смеялся, предложив послать Ветра с его ящерицами прямо к Главному для защиты всех научных промахов Центра подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина...

МИР СПАСАЮЩАЯ

В канун нового года мне пришлось испытывать новое подводное снаряжение. Облачившись в “сухой” гидрокостюм, я спустился на 12-ти метровую глубину и вдруг почувствовал рукой сильный удар электротоком. И только после четвертого удара я, как ошпаренный выскочил на поверхность. Никто не мог понять. И лишь когда Сергей Сунцов, наш специалист по электрооборудованию, прикоснулся к опасному месту рукой, его отшвырнуло от меня на пару метров.

Саше Придорогину и его специалистам потребовалось около часа чтобы устранить неполадки, превратившие новый гидрокостюм в электрический стул. К счастью, это случилось не с космонавтом, что привело бы к грандиозному скандалу. Но для этого, наверно, и существуют испытатели.

Страна проводила в последний путь Председателя Совета Министров Алексея Николаевича Косыгина. Это была личность. Мы знали, как он работал. Мы знали о его конфликтах с руководством Союза по многим вопросам, особенно экономическим. Мы знали, как он был болен. Об этом человеке я не слышал ни одного анекдота. Ни одного! Это показатель честности, правдивости и гражданского мужества человека высокого государственного ранга. По этому поводу все на работе высказали искреннее сожаление.

Суббота. Пришла из школы Любка, принесла радость своим появлением. Пришла Галя и - сразу за уборку. Приехала из Москвы Оля, усталая - сдавала экзамен по истории; поворчала немного, посетовала, что было трудно. Ну, а кому легко? Бабушки напекли пирогов: по всему дому летает хлебный дух. Вечером смотрели интереснейшую передачу о Терентии Семеновиче Мальцеве. Труженик великий и человечный беспредельно, справедливый до бесконечности и мудрый безгранично. Всем этим он мне очень напоминает мою маму.

31 декабря. Канун Нового года. Елочка у нас есть. К столу тоже кое- что есть. Одно, немного портит настроение: четвертый раз за мою работу здесь придется встречать Новый год вне семьи. С 21.00. до 1 часа ночи 1 января 1981 года я заступаю дежурным по нашей гидролаборатории. Жаль. Но заступи кто другой, ему также было бы неуютно? Так пусть буду я...

Вернулся домой в половине второго ночи. Поздравил всех. Подложил под елку по маленькому новогоднему подарку, а потом вышли все на ночную прогулку. И как всегда в эту ночь мы с Любой катали друг друга на санках. Сыпал легкий снежок. Ощущение мира и спокойствия принесла нам эта ночь...

Бегут первые дни Нового года. Звонит мне вечером Георгий Стародубцев и встревоженным голосом спрашивает:

- Где твой реферат о необходимости создания морского варианта стресс-стенда?

- Он идет у меня как приложение к программе морских исследований, а что такое?

- Захвати его завтра на работу. Добро?

Захватил. Оказывается, к реферату проявил интерес Афанасьев. Интерес-то проявил, да вернуть реферат забыл. Так и валяется по сей день моя писанина где-нибудь. Хорошо, что у меня сохранилась копия, которую пришлось приложить к программе при её утверждении.

У каждого человека обязательно есть хотя бы одно любимое художественное полотно. Оно связано с его жизнью незримыми нитями прекрасного. Сюжеты таких художественных симпатий могут быть самыми различными и способны отражать вкусы или быть совершенно противоположны основным его художественным симпатиям. Но такое у большинства людей присутствует. Конечно, среди множества картин порой трудно выбрать что-то прямо-таки супер-чарующее, но однажды неожиданно для себя я такой выбор сделал, отдав это единственное предпочтение русскому художнику Боровиковскому. Большой мастер протеста, кисти которого принадлежит большая галерея образов женщин его времени. С огромной доброжелательностью и нежностью создал он портрет прекрасной и мечтательно-печальной Маши Лопухиной (1797 год). Мягкость света, падающего в густую тень зарослей, как будто встречается исключительной доверчивостью, которую излучает эта сожалеющая о чем-то и сторонящаяся вас девушка. Этому мечтательному творению Боровиковского поэт Я. Полонский посвятил следующие строки:

Она давно прошла, и нет уже тех глаз
И той улыбки нет, что молча выражали Страданье -
тень любви, и мысли - тень печали,
Но красоту её Боровиковский спас.

Мне ничего не известно о судьбе этой девушки. После долгих поисков удалось установить, что она ушла из жизни, спустя 1-2 года после написания портрета. Причина смерти - болезнь. Иногда я долго всматриваюсь в подернутые чуть заметной печалью глаза Маши и кажется мне, что, прорвавшись непонятным образом через двухвековые пласты времени, стою перед ней, растерянный и замороженный красотой человеческой. Красотой, которая спасет мир.

ЧТО-ТО НЕ ТО!

Ранним июльским утром мы с Артуром, одолев Бискайский залив, проскакиваем островок с известным фортом Байард и входим в устье французской речушки, выше по течению которой располагается город и порт Рошфор.

Наше суденышко медленно ползет вверх против течения, минуя некое подобие шлюзов, спустя пару часов мы швартуемся в гавани Рошфора.

Оказавшись на берегу, звоню своим французским знакомым Полю и Дидье, не раз бывавшим у нас в гостях в Звездном городке, и сообщаю о своем прибытии. Удивлению французов нет предела:

- Это ты? А как попал к нам? Да еще в Рошфор!

Обещаю им все рассказать при встрече. Дидье, к сожалению, сразу приехать не может: он живет в предместье Парижа и ему потребуется несколько часов, чтобы добраться к нам на авто. Причем сейчас середина рабочей недели и срываться с работы ему нельзя.

Поль обещает навестить нас уже вечером.

Отметив свое появление во Франции у всех портовых служб, мы с Артуром отправляемся знакомиться с Рошфором.

Город, каких много во Франции. Много деревьев и цветов на многочисленных просторных клумбах и газонах. В ряде мест замечаем выложенное крупными буквами название города в цветочном исполнении. Делаем несколько фото на столь необычном фоне и даже у входа в жандармерию города, из окна которой за нами внимательно наблюдают служители закона.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: за рулем легковых машин большинство женщин! Тоже самое можно сказать и о водителях мотоциклов, мопедов и прочей моторной мелочи. Люди вокруг приветливые и беззаботные. Вообще-то Франции я всегда симпатизировал и считал ее одной из лучших стран Европы, коих только за последние пять лет мы с Артуром перевидали более тридцати. Конечно, эту симпатию усиливает и знание языка.

Мы просим проходящую мимо молодую француженку запечатлеть нас на фото на фоне “цветочного Рошфора” и окаймляющих его двух старинных пушек. Мадмуазель выполняет нашу просьбу, одарив ко всему нас очаровательной улыбкой. А я в который раз благодарю судьбу за знание французского языка: никаких проблем в общении со всем местным народом от портового и полицейского начальства до продавцов магазинов и просто встречных. Мне даже показалось, что меня здесь принимают за своего, сопровождающего юношу Артура с его немецким диалектом.

Поль прибыл к нам вечером и до полуночи мы провели с ним за беседой и обменом мнениями о всяких там событиях и планах на ближайшие сутки. Поль остается ночевать у нас на борту, чтобы утром на своем авто побывать на расположенном не так уж и близко от Рошфора парашютодроме, где он занимается уже больше года, выполнив полсотни прыжков. И тут я попросил Поля взять меня с собой, оставляя Артура побыть денек в одиночестве. Возражений с той и другой стороны не последовало.

...Просторное зеленое поле с обозначенной в центре площадкой приземления, на которой едва заметен крохотный оранжевый кружок- мишень для приземляющихся парашютистов. В просторном ангаре расположилось несколько легких самолетиков и авиэток. Тут же, опустив лопасти несущего винта “отдыхает” автожир.

В нескольких метрах от нас вижу готовящуюся к прыжкам тройку ребят. Подхожу к ним. Здороваюсь. Интересуюсь заданием на прыжок. Оно простое: высота 4000 метров, задержка раскрытия парашюта 60 секунд. После отделения надо сойтись и образовать “трехлучевую звезду”. Все это мне хорошо знакомо: у себя мы делаем куда более сложные фигуры. Ко всему техника для выполнения прыжков (парашюты) мне очень даже знакома: наше “крыло” (парашют По-9) до сих пор лежит на балконе у меня в Звездном городке.

Подзываю Поля:

- Этот самолетик для четырех?
- Да для четырех, не считая пилота.
- Поднимаются трое?
- Да.

- А ты с ними не хочешь?

- С моими-то 50 прыжками меня не возьмут! - Поль с сожалением качает головой. - Да я и падать-то устойчиво не умею. У этих ребят уже по 200 прыжков и у них задание - за минуту свободного падения они должны построить трехконечную звезду и перестроиться в ней.

Подхожу к парашютистам:

- Возьмите меня четвертым!

Три пары французских глаз с удивлением смотрят на русского яхтсмена:

- Но вы ведь яхтсмен?
- У яхтсменов и парашютистов родственные души, или нет?
- Хорошо! Но вы прыгали хотя бы несколько раз?
- Нет. Вот и хочу попробовать впервые... А что? Нельзя?

Французы заливаются смехом, аж животы трясутся:

- И вы хотите попробовать с нами?
- Даже очень!

Опять хохот:

- Уважаемый! Это совсем не похоже на управление яхтой! Нужно обязательное разрешение, ну и ...оплата конечно!

Все решили 500 франков (100 баксов) из кармана Поля: вместе с решением на прыжок я получаю от шефа парашютодрома планирующий парашют с запаской, уложенный и проверенный инструктором. Слышу, как шеф тихо говорит ребятам:

- Да пусть русский покувыркается! Прибор откроет ему всё вовремя! А нам сотня баксов еще сгодится!

Взлетаем. Дверь на фюзеляже самолетика снята и я с удовольствием наблюдаю зеленые в голубой дымке окрестности, при этом на западе угадывается распростертый на полгоризонта Атлантический океан, смотрю и на французов, на лицах которых сквозь наигранную веселость угадывается напряжение. Что ж, вещь обычная и мне знакомая.

Мы заранее договорились, что я оставлю самолет спустя 15 секунд после их прыжка.

На альтиметре 4200 метров. Пилот поднимает руку и тройка парашютистов шустро оставляют кабину. Я не жду "моего" сигнала и через три секунды покидаю аппарат.

Ребята заняты сближением друг с другом и верхняя полусфера остается вне зоны их внимания. Через 12 секунд они уже образуют "три луча" и несутся к земле со скоростью 50 метров в секунду.

И тут происходит событие, совершенно неожиданное для французов: быстро и аккуратно я вхожу в горизонт с тройкой и приближаюсь к “звезде”. Расцепив руки соседей-парашютистов, я образую четвертый луч (у нас эта воздушная фигура называется “крестом”).

Они все понимают!

Мы несемся к земле, перестраиваясь по горизонту и меняясь местами в “кресте”. Простецкое упражнение да еще с таким запасом высоты! За пять секунд до раскрытия парашютов мы расходимся, развернувшись на 90° для обеспечения безопасности. Под куполами мы идем к нашей наземной мишени, приземляясь буквально в полуметре от маленького оранжевого кружка.

Ко мне подходит старший этой группы:

- Я наблюдал за вами там, в самолете, и по поведению вашему вдруг понял, что здесь что-то не то!

Что ж, наблюдательный малый. Психолог!

TOP SECRET

Ты помнишь, читатель, что я, начинал свое повествование о переходе по жизненному Лабиринту Царицы Магг информации об очень дорогом мне проекте “Аэлиты”. В большом объеме проектного материала, предъявленного тогда Сергею Павловичу Королёву в присутствии Юрия Гагарина и Николая Петровича Каманина отсутствовал лишь один раздел, сокрытый мной от всех и вся: это был второй вариант ИВА-2, предназначенный для безвозвратной посадки на Марс с облетной траектории. По массе ИВА-2 превосходит своего предшественника ИВА в три с лишним раза, при этом основной прирост массы происходил за счет мощной, наилегчайшей парашютной системы, двигателей мягкой посадки и скафандра.

Уже в первом приближении расчеты показали, что при сравнительно небольшой доработке корабля ИВА-2 мог бы с достаточно высокой вероятностью (0,84) обеспечить сход его с облетной максимальной орбиты. Протяженность участка, на котором производилось отделение ИВА-2 от основного блока “Аэлиты” не превышала 1200 километров, что при сравнительно высокой скорости облета в этот момент приводило к такому дефициту времени на отделение, ориентацию, стабилизацию и включение ТДУ ИВА-2, что смогли справиться лишь оба бортовых компьютера, работающих одновременно.

Время оставления основного блока на ИВА-2 не превышало бы двух минут, и любой выход за этот предел мог привести к весьма грозным для жизни космонавта последствиям. Вот почему главной трудностью для космонавта, находящегося в ИВА-2 в скафандре было предельно точное непрерывное определение координатных привязок корабля на подлете его к точке отделения ИВА-2 от основного блока “Аэлиты”.

Контроль пространственных координат “Аэлиты” в непрерывном режиме начинается за четверо суток до её подлета к зоне отделения ИВА-2 с человеком, с последующим дискретным выявлением и устранением наиболее грубых неточностей в положении корабля и его скоростных параметров. Ко всему это требовало многократной проверки правильности ввода участков в программу обеспечения возможно наиболее точного времени отделения ИВА-2 от основного блока корабля с выполнением упомянутых выше всех операций по отделению и спуску ИВА-2 с человеком на поверхность Марса. На создание и анализ программы всего выше изложенного у меня ушла масса времени (около трех месяцев), при этом были просчитаны главный и резервный блоки программы посадки ИВА-2.

При достаточно беглом знакомстве с изложенной выше информацией все это выглядело безумной авантюрой. Но это лишь на первый взгляд! Ведь не вхолостую мной и моими друзьями был проделан огромный объем расчетов и исследований, доказавших вполне реальную картину посадочного варианта первого человека на поверхность Марса с обновленной траектории.

Если честно, то меня несколько не смущал единственный, но гигантский минус этой программы: полное отсутствие варианта и вероятности возврата человека на основной блок марсианского корабля, а следовательно родную планету...

Такая обреченность очень влияла на состояние моих товарищей, помогавших мне готовить этот проект, который предусматривал изготовление двух ИВА-2. Ни С.П.Королев, ни тем более Н.П.Каманин, М.В. Келдыш и Юрий Гагарин не были посвящены в столь рискованную подмену ИВА-1 на ИВА-2 с перспективой безвозвратной посадки на поверхность красной планеты.

Только однажды, в 1973 году на встрече с К.Д.Бушуевым мной осторожно был поднят этот вопрос. Тогда академик ничего мне не ответил, вероятно, это было столь неожиданно для него в чисто психологическом плане, чтобы дать хоть какую-нибудь “оценку” такому предложению он просто не был готов.

Но когда через полгода я показал ему полномасштабный макет ИВА-2 изготовленный на заводе ЦПК (в тайне от всех!), академик закончил своё долгое молчание фразой:

- Это непостижимо важный для всех нас вариант. Для страны в первую очередь! Но необходимо “прощупать” отношение к нему “специалистов” из Центрального Комитета КПСС.

Я уверен, что оно окажется негативным. Да, а какое давление на поверхность Марса?

- Восемь - десять миллибар...
- А площадь парашютов ИВА-2?
- 980 м². Но есть три двигателя мягкой посадки (ДМП).

- Скорость соударения с поверхностью?
- 27 м/сек... Но и вес посадочного блока в 2,5 раза меньше, чем на земле. Молчит академик. Наконец я слышу его тихий голос:
- Как все это заманчиво. Очень. Очень...

Рассказанное мной было, пожалуй, самой большой тайной моей жизни. Пожалуй, даже - наиглавнейшей.

СВЕТ

Как не оценивай, как не вспоминай, а самыми светлыми днями жизни было время учёбы. К примеру, за все свои школьные годы я не припомню случая, когда мальчишка, юноша, школьник мог бы нецензурно выругаться при девчонке, а тем более - оскорбить или обидеть её. Это было характерным для учащихся всех классов. Самым большим преступлением в нашей школе считалось тайное от всех курение учащихся, но и таких “ку- раков” были буквально единицы, которые старались скрывать свою слабость от всех и вся, тем более - от учителей. Дружба, постоянная взаимопомощь, крайне серьёзное отношение к учёбе, к приготовлению уроков, а также к спорту считались в моё школьное время обычным явлением.

Я уже упоминал о наших прекрасных школьных преподавателях. Ведь не случайно практически все наши выпускники, став абитуриентами ВУЗов и ВТУЗов без всяких связей и знакомств, успешно сдавали все вступительные экзамены и с высокими показателями завершали получение высшего образования. И это было закономерностью. Судите сами: в четвёртом классе у нас было 4 экзамена, в 5-м - 5! В 6-м - 4. В 7-м - 11. В 8-м - 8. В 9-м - 9. В заключительном 10-м - 10! Скажите теперь: можно ли было при такой плотности контроля знаний учащихся оказаться к окончанию средней школы примитивным незнайкой? В 10-м классе мы все изучали уже основы математического анализа, да и основами это назвать было бы нельзя: мы решали дифференциальные уравнения, являвшиеся уделом программ высшей технической школы.

Наша школьная библиотека насчитывала более 10000 томов, при этом большая часть книг находилась на руках школьников. А ведь многие из нас далеко не чуждались и нашей замечательной городской библиотеки! Читали ребята очень много и не какую-нибудь детективную и прочую белиберду, а прекрасную нашу и зарубежную классику и популярную техническую литературу. Из 17 ребят нашего класса 16 выписывали журнал «Техника - молодёжи» и некоторые литературные журналы. Для школьников была характерна высокая грамотность. Запомнился единственный случай, когда десятиклассник, прибывший со своей семьёй из каких-то южных краёв начертил в своём сочинении незабываемую фразу при характеристике им героя Пушкинского романа: “Онегин мочился духами...”. Это ему впоследствии припомнили до седых волос на наших ежегодных встречах выпускников нашей школы.

Чистота отношений ребят с девчонками была бесподобной. Открытость симпатий, и доверительность были весьма характерными среди всех нас. Не припомню случая, когда бы учащийся любого класса мог бы сказать что-то грубое своей однокласснице или любой другой девчонке, тем более - оскорбить её...

Среди многочисленных мероприятий по проведению досуга особым вниманием школьников, как ни странно, пользовались успехом такие вольные вечера, проводимые в школе два раза в месяц, при этом и победители, и призёры награждались очень даже своеобразно: младшие - путёвками в Артек, старшие - изумительным по красоте букетом роз и интереснейшими подписными изданиями, обладателем которых однажды оказался и ваш покорный слуга (за исполнение классического танго). Это было в девятом классе. Моя партнерша по танцу уступала мне в возрасте целых три года, а посему "заработала" Артек плюс букет, плюс половину из моих призовых книг.

Спорт в школе имел колоссальное мобилизующее значение и придавал (при успехах) дополнительный ореол к академическим результатам каждого из нас. И девчонкам в том числе! Из 27 учащихся нашего класса 19 были "ударниками", то есть учились без единой тройки! Отличников было четверо. Так вот, спортивные разряды, самые настоящие, трудовые, в нашем классе имели ВСЕ! Лыжи и стрелковый спорт, лёгкая атлетика и шахматы, баскетбол, волейбол и футбол, бокс и фехтование - на штыках были очень уважаемы среди всех нас.

Каждое воскресенье на городском стадионе проходили встречи по игровым видам спорта, причём с участием сборных команд из нашего областного центра - Курска! При этом довольно часто куряне уезжали побежденными. Это было важно еще и потому, что в сборных командах нашего города более половины составляли учащиеся средних школ города.

Всё сказанное мной могло существовать в то тяжелейшее военное и послевоенное время благодаря одному, главному цементирующему людские отношения обстоятельству, игравшему первостепенную роль в формировании человека того времени - высочайшей нравственности людей всех категорий. Известно, что нравственность всегда была, есть и будет краеугольным камнем всего нашего существования. И поколебать её не могли ни наша бедность, ни послевоенная разруха, ни голод и материальная ущербность в большинстве семей.

Не было зла и зависти (даже "белой"!) может ещё и потому, что все мы жившие в то нелёгкое время, могли довольствоваться самым малым и необходимым, концентрируя силы на приобретение знания, как критерия нужности любого из нас на голубой планете Земля...

Прошло полвека. Звёздный городок.

Вечер. Наблюдаю "незабываемую" картину: двое наших старших школьников в сопровождении трёх своих одноклассниц бредут по берегу

озера! Неожиданно оба юнца отходят от своих подруг в сторону, на пару шагов и начинают справлять... малую нужду. А три прекрасно одетых и раскрашенных дурёхи смотрят при этом на это быдло, "подбадривая" нецензурщиной этих "козлов".

Всё-таки дух - основа всего светлого, доброго и сильного на земле. Свет духовный - единственное, что делает и заставляет каждого из нас оставаться Человеком. Человеком в дни любых испытаний.

НЕВЕДОМОЕ

До недавнего времени я не знал, что у моего деда в особом отделении его шкафа за семью тайнами хранится 250 миллиметровый рефрактор - телескоп, позволяющий увеличивать угол зрения дальних объектов в 140 раз! Таким образом, диск нашего естественного спутника - Луны можно было рассматривать под углом в 70о, что уже позволяло знакомиться с достаточно большим количеством объектов на поверхности ближайшего к нашей планете небесного тела. И впечатление от увиденного впервые мной в поле зрения телескопа трудно было сравнить с чем-то еще из увиденного мной до сих пор. Повторяю, я даже ни разу не видел за все свое детство этот прекрасный инструмент, и лишь за полгода до смерти деда я вдруг застаю его на маленькой дощатой площадке, сооруженной на крыше нашего сарая, куда вела узенькая деревянная лестница. Тогда мне хорошо запомнилась короткая тренога-штатив, над которой виднелась длинная труба, в которую, подняв почему-то очки на лоб, дед что-то рассматривал на вечернем, еще недостаточно потемневшем западном небосклоне.

Стояла тишина, и мне не хотелось ее нарушить своим обращением к деду, но тут он сам увидел меня и поманил пальцем к себе на площадку.

Поднявшись, я увидел на небе яркую звезду. Ее свет был настолько сильным, что она прекрасно смотрелась на очень даже светлом еще вечернем небе, на котором пока еще не заметно ни одной какой-либо другой звезды.

- Что это, дед? К нам летит какая-то звезда?

Очень осторожно, не прикасаясь к штативу-треноге, дед освобождает мне место на низкой крошечной скамейке:

- Ну-ка, взгляни сам...

Чуть дыша, я осторожно усаживаюсь перед телескопом и приставляю свой глаз к окуляру...

В поле моего зрения вместо яркой звезды дрожал и переливался чуть заметным радужным разноцветьем четко видимый серп планеты, как две капли похожи на лунный в первой четверти. Продолжая разглядывать столь необычное видение, замечательно, как быстро он перемещается в поле зрения телескопа, и чтобы удерживать это изображение видимым, дед очень аккуратно подворачивает находящийся под телескопом винт.

- Дед, это планета?

- Это Венера, соседка нашей Земли. Она вторая от Солнца, а мы как ты знаешь, третьи...

Мне было непонятным лишь одно: если это планета, то почему её сторона, ее серп освещён не со стороны солнца? С противоположного, так сказать, направления, где никакого Солнца нет?

- Но ведь телескоп дает перевернутое изображение, поясняет мне дед на мой столь примитивный вопрос.

Здесь же я узнаю, что наша соседка по размерам практически одинакова с Землей, что её “год” равен всего 220 суткам против 365 наших, что поверхность Венеры всегда закрыта полными облаками, образующимися в её мощной атмосфере которую открыл наш Ломоносов!

- И там кто-то живёт? - наивно спрашиваю я деда.

- Этого никто не знает. Не знает потому, что никому до сих пор, ни одному человеку, не удалось увидеть её поверхности. Но пройдёт немного времени, и мы узнаем, что там делается...

Вот таким был тот вечер, запомнившийся мне на всю жизнь. Запомнился необъяснимой тайной превращения яркой звезды в часть диска неизвестной мне до сих пор и близкой к нам планеты, по сути - сестры нашей Земли... Это был мой первый экскурс, первая в жизни восьмилетнего мальчишки попытка прикоснуться к тайне Мироздания.

Тогда мы всю ночь (до трёх часов утра) просидели с дедом на крыше нашего сарая, рассматривая в телескоп крупные звёзды: Вега Лиры, Денеб Лебеда, Альта Орла и Капеллу Возничего. Но все они смотрелись всего лишь яркими точками и такого впечатления как Венера не производили. В ту ночь я также впервые увидел Туманность Андромеды. Разве мог я тогда подумать, что эта бесконечно далекая Вселенная сыграет большую роль в моей судьбе, я имею при этом в виду и роман Ивана Антоновича Ефремова “Туманность Андромеды” с его чистыми, умными и человечным героями, которые будут жить среди наших очень далёких потомков.

Уже много позднее, в 9-10 классах я ухитрился рассмотреть в дедовский инструмент даже южную полярную шапку Марса, улавливая при этом на красноватом фоне этой загадочной планеты темноватые с темнозеленым оттенком образования у полюсов. А вот Юпитер и Сатурн сразу поражали своим видом всех, кому удалось тогда взглянуть в “мой” телескоп. Мы прекрасно видели крупные спутники Юпитера и одну из тайн его поверхности - овальное красное пятно. Сатурн демонстрировал нам свои великолепные кольца, достаточно хорошо просматриваемые в раскрытом ракурсе.

Уже будучи в Звёздном городке с его тремя, телескопными куполами на доме №5, на школьном здании и (основной, действующий) на корпусе №2 первого управления мне удалось несколько раз “приобщиться” к разглядыванию объектов неба, но самым сильным впечатлением навсегда останется в памяти увиденный в далёком детстве таинственный серп другого мира.

ГОВОРИ, ДА НЕ ЗАГОВАРИВАЙСЯ!

Как наша внучка Катька ухитрилась в свои 15 лет побывать в разных там Америках и Франциях - это до сих пор загадка. Но ещё большее удивление у деда с бабушкой вызвало её желание изучать... турецкий язык! Английским и французским девочка владела совсем даже неплохо для своих лет, а теперь вот этот! Зачем? Не лучше было бы ей ознакомиться с музыкальностью наречий народов за Аппенинами или Пиренеями! Ан, нет! Заманили турки девочку!

За год внучка овладела турецким настолько, что могла не только свободно общаться на нём на всякие там житейские темы, но даже стала проникать в суть всяческих философских премудростей, изложенных в бессмертных творениях турецких поэтов, учёных и всяких умных ханов- султанов.

Правда, дома исполняемые внучкой турецкие песенки никто, естественно не понимал, кроме, пожалуй, кота Ларика персидского происхождения, который, спустя некоторое время, неожиданно стал подмурлыкивать Катьке тоже, кажется, на одном из турецких диалектов...

Однажды наведываюсь я к внучке, а она встречает деда с фотоаппаратом в руках и рычит мне командным голосом по-турецки:

- Дур! Дед! Дур!

От неожиданности такого “нештатного” приёма я даже замер на месте у порога, а Катька щёлкает меня своим “фото” и смеётся! Наконец, я избавляюсь от шока.

- Сама ты “дур”, - говорю, - чего деда-то ругаешь?

Но кто знал, что “Дур” - это “стой” по-турецки! В этом позднее, будучи в Анталии на яхте, я многократно убеждался сам, встречая на каждом перекрёстке предупреждающие автомобилистов дорожные знаки “ДУР”. Одним словом, “задурились” наши южные соседи, что неожиданно напомнило мне одну смешную дипломатическую историю. Эту байку я, будучи в МИДе, услышал от одного нашего дипломата.

На торжественном приёме иностранных послов президент Турции спросил русского представителя государства:

- Скажите, посол, это правда, что у вас, в России всех слабоумных называют дураками?

- Нет, Ваше Превосходительство, - ответил наш посол, - наиболее тупых и глупых у нас именуют “турками”!

Через сутки наш посол был уже у себя дома, в Москве... без права посещать государство турецкое.

Как бы там ни было, нашей “турчанке” представилась возможность побывать недельку в стране, язык народа которой она так тщательно изучила. Конечно, семь дней - это не месяц, а тем более - не год, но Катька успела за столь даже короткое время обогатить себя посещением исторических мест и музеев, лихо отплясала на двух местных дискотеках, и оставшийся свободный день решила побродить по немногочисленным

здесь магазинам и магазинчикам, и не то, чтобы нечто приобрести, а просто поглазеть на здешнее товарное изобилие.

Весьма комфортабельный, хотя и миниатюрный “универмаг” привлёк внимание внучки изобилием спортивной одежды всевозможного покроя и разновидностей фирм-изготовителей. И продавцы там - ребята молодые, симпатичные, как на подбор, усатые и черноглазые.

Ходит Катька наша, глазаёт на стеллажи, тихо переговариваясь со своей спутницей по-русски, и тут неожиданно её внимание привлекает громкий обмен мнением турецких продавцов-молодцов:

- Ты глянь на молоденькую русскую! Всё у неё на месте! Всё при ней! Такую похитить не грех, не задумываясь!

- Хороша красотка! Вот завлечь бы! А ножки-то - прелесть!

- А глаза! А губы! Да. Вся создана для нас!

Катька спокойненько так выслушивает все эти “хвалебные” тирады в свой адрес и медленно подходит к прилавку, за которым на неё таращат глаза смолкнувшие неожиданно юнцы-продавцы, которые впадают в транс от услышанного:

- Эй, козлы паршивые, - чётко и громко обращается внучка к застывшим на своих местах продавцам на их родном языке. - Если вы ещё раз оскорбите ваших посетителей подобными секс-измышлениями, то я сейчас же звоню в приёмную вашего президента и нашему послу, чтобы сообщить им, как оскорбляют местные торговые работники русских туристов! Вы поняли, меня, козлы?

“Козлы” поняли абсолютно всё. На их побелевших от неожиданности лицах мелькнула гримаса, полной растерянности от происшедшего, которую Катерина тут же использовала для продолжения своей атаки:

- Извиняйтесь немедленно! А то... Где ваш хозяин? Где ваш шеф?

Извинения были тут же принесены! О чём говорили растерянные продавцы после ухода внучки, можно только догадываться!

Так что говори “дружок”, да не заговаривайся!

Я то будет тебе “дур” по полной турецкой программе.

ПЕСНЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

...Тот кто песен петь и слушать Не
умеет,

Тот не будет счастлив Никогда!..

(Из песни)

Издrevле славилась своими песнями Русская Земля. Разные в бесконечности своей, радость и горе, свет и доброту воспевающие, тьму, подлость и предательство проклинаящие, песни славян до сих пор вне конкуренции среди песенного творчества народов планеты Земля. Этот вид искусства на протяжении веков не только сам породил многочисленные песенные

шедевры, но и приобщал к ним многие народы Запада и Востока. Налицо интересный факт: стоило представителям других наций хоть однажды приобщиться к песенному и музыкальному творчеству славян, как и у них начинают появляться песни, о которых раньше и речи быть не могло! Несомненно одно: помимо благотворного влияния высокой славянской культуры на другие народы, сказывалась здесь и душевная чистота, и высочайшая нравственность славянства. Хорошие мысли не могут породить плохие песни и - наоборот! Так всегда было на Руси, так и будет всегда.

Побывав в более чем сорока странах и прикоснувшись к песням их народов, я много раз убеждался в том, что песенное искусство славян не имеет себе равных.

...Заунывные песни южных народов наводят тоску на человека угнетая его и без того придавленную психику. В них нет и капли Радости и Надежды, а значит они никогда не поддержат человека в трудную минуту. Редкое исключение составляют песни народов Италии, Испании и Греции. К сожалению, их не так уж и много, и все они в основном идут к нам из прошлых лет. "О, моё солнце!", "Вернись в Сорренто", "Скажите, девушки...", "Коимбра" - несомненные песенные шедевры, но, позвольте: не одной же лирикой поддерживается человеческое существование? Песня кроме любви должна, учить нас, должна поддерживать человека в любой, пусть даже в самой безнадёжной обстановке жизни. Как не вспомнить здесь о песнях Владимира Высоцкого "Так случилось, мужчины ушли...", "Чёрные бушлаты", "Мы возвращаем землю". Знаком ли "цивилизованный" запад хотя бы с этими тремя нашими шедеврами? Вряд ли. Ну, а неподражаемый оптимизм песен Дунаевского? Разве есть хоть слабенькие аналоги в мировом песенном творчестве Александры Пахмутовой, Булата Окуджавы, Василия Соловьёва-Седого! Кто попытается из зарубежных песенников сравнить себя хотя бы с этой нашей четвёркой? А ведь у нас таких десятки и десятки! Их творчество помогает нам жить и выживать в любых условиях и, что главное, всегда светит нам надеждой. Познакомившись хотя бы с малой толикой песенного творчества этих композиторов, уверен, что никому не захочется быть дрянью в человеческом облике. Вы не будете лгать, завидовать, воровать, издеваться над людьми и над друзьями нашими меньшими. Вам захочется делать хорошее всему, что окружает вас в жизни.

Сила славянского песенного творчества в его сильнейшем благодатном воздействии на сознание и психику человека, заставляющим нас верить в лучшее, и вера эта остаётся неколебимой всю жизнь.

Не следует забывать, что за каждым автором композитором наших песенных шедевров стоят поэты-песенники, авторы-создатели стихотворных текстов, которые затем "одеваются" первыми в чудесные мелодии.

И венчают наше песенное чудо наши исполнители, предъясняя нам прочнейший своеобразный "триумvirат" песенного искусства: поэт,

композитор, исполнитель! И нет в нём ни одного изъяна, ни единой трещинки!

...Магомаев и Зыкина, Козин и Ротару, Шаврина и Тальков, Штоколов и Бернес, Утёсов и Соловьяненко, Захаров и Кобзон, Лемешев и Меладзе, Канделаки и Бреговдзе и многие-многие другие исполнители песен наших, достойный ряд которых заслуженно завершает Владимир Высоцкий в трёх лицах одновременно. Но что мы видим на Родине в 2001 году?

Визжат, скрипят, орут под шум своих “оркестров” какие-то безголосые идиоты, повторяя одну и ту же строку своих “шедевров” десятки раз! Ни смысла! Ни звуков! Какие-то бесовские визги и хрюканье на подмостках! Развратные “сюжеты” и откровенная нецензурщина возводятся в ранг песенной “доблести”.

Беспардонная пропаганда индивидуализма в песенных текстах! Ни одной чистой и светлой мысли! Дёргаются “поэты-исполнители” на подмостках, прыгают как козлы чумные перед зрителями, скрипят безголосые, швыряют в души наши безысходность и тоску, живите, мол, лишь для себя, забудьте о других, плюйте на всех и вся вокруг! У этих горе-исполнителей - композиторов и лиц-то нет - одни плоские обезображенные маски безглазые, как у многих наших “телеведущих” и теледикторов... И что удивительно: навязывают этих исполнителей нам весьма старательно и настойчиво, выдавая сей бедлам за высшую песенную “науку”, за последний крик свободной моды, за “свободу” творчества.

И тогда людей начинает посещать горе. Горе изоляции и одиночества. Горе жизни без всякой надежды! Жизни с бормотаньем и кряканьем выродков.

Встаёт человек утром, собирается на работу, а его тут же начинают поливать-обрабатывать всяким тоскливым и слезливым дерьмом, убивающим настроение и веру в себя, рекомендуя спрятаться под зонтик и не замечать никого и ничего вокруг.

Лишь в некоторых странах я слышал по настоящему поющих людей: Италия, Испания, Куба, Бразилия, Аргентина, Мексика. Это-всё. В остальных цивилизованных государствах - тишина песенная! В Китае и вообще на востоке побывать мне не пришлось, но, думается, что там обстоят песенные дела лучше, чем в Америках, Африке и Азии в целом.

Почему не поют в США. Может не знают песен? Люди там очень даже обеспеченные, живут припеваючи, жаль, что только говорят о деньгах, зрелищах и... сексе. Дети здесь буквально тупеют, часами просиживая перед экранами, на которых пучеглазые ущербные человечки забавляются какой-то чепухой.

На экранах идёт бесконечная череда драк, криков угроз и визгов! Я заметил, что дети в этих условиях, особенно ребята, начинают бессознательно подражать речью и жестами сомнительным пучеглазым “героям” мультфильмов. Какой же след оставляют в детских душах такие фильмы,

действующие “лица” которых не знают и не исполняют ни одной, пусть даже простенькой песенки!

Когда я дал американским ребятишкам возможность прослушать привезённую мной кассету с записью наших детских песенок с незабываемой песней Красной Шапочки, помните:

Если ты такой ленивый,
Если ты такой пугливый
Сиди дома - не гуляй!
Ни к чему тебе дороги!
Косогоры, горы, горы,
Буераки, реки,раки!
Руки-ноги береги!

Когда я перевёл слова этой песенки ребятишкам, у них, у этих американских детишек глаза засверкали! А потом целый день только и напевали эту неприхотливую мелодию. Дети ведь скучают по песням, если их нет...

И когда тебе постоянно внушают: бей, кричи, толкай! Бери себе всё! Не делись ни с кем! Всё - только твоё! И что самое страшное для детских душ: в баксах весь смысл жизни!¹ У нас на Родине по вине кодлы негодяев это постоянно навязывается всем от мала до велика.

Нас пытаются приобщить к культуре силы. Силы без всяких чувств. Нас пытаются настойчиво приобщить к жизни без песни.

Не удастся “господа”!

РОДЕО

К любому предложению нашей младшей дочери всегда надо было относиться с большой долей осторожности и повышенным вниманием, ибо любая, даже малая беспечность с нашей стороны могла привести к очень даже интересным последствиям. Люба с детства обладавшая доброй хитрецей, умело совмещала её с очень даже удивительным умением убеждать.

С раннего детства Люба увлекалась животными (а кто из нас миновал это), коих в нашем доме было великое множества от ящериц, черепах и рыбёшек до морских свинок, ежей, кроликов, кошек и ирландских сеттеров! Позднее дочка довольно сносно освоила верховую езду на лошадях, среди которых её главным любимцем был великолепный коняга по кличке Соло, способный преодолевать барьеры до двух метров.

Свою любовь к животным Люба всегда пыталась донести и до своих друзей и знакомых, что ей почти всегда удавалось, хотя и приводило порой к конфликтам с родителями последних.

Будучи в США, я неоднократно испытывал желание дочку посадить- таки своего отца в лошадиное седло, но мне вовремя везло: подтем или иным предлогом я смывался с места событий.

Но однажды...

¹ Все это плохо кончится.

Обладая солидным жизненным опытом, я даже не мог предположить, что вляпаюсь в такое дикое “предприятие” с подачи Любы, о котором знал только понаслышке и в лучшем случае - по видеоклипам.

В один из выходных дней я был доставлен дочерью на авто к обширнейшему ранчо, располагавшемуся среди просторов Аризонской полупустыни. Единственным украшением здешнего ландшафта можно было считать высоченные часто встречающиеся кактусы и кусты какой-то неизвестной колючки, украшенной почему-то красивейшими розовыми цветами, распространявшими вокруг себя запах лучшей парижской пар фюрмерии.

По утреннему небу медленно скользят острые серебристые облака. По едва приметной тропе мы добираемся до окружённого высокой прочной изгородью просторного поля, по краям которого просматриваются довольно приличные бревенчатые сооружения с гирляндами маленьких, но красивых окошек. Часть этой просторной пыльной территории занято загонами, в которых мы видим множество здоровенных длиннорогих быков местного производства.

Несмотря на ранний час, жар уже даёт знать о себе: на термометре + 37 С. Правда, высокие дневные температуры переносятся сравнительно легко из-за исключительно низкой относительной влажности - всего 10%.

Дочка, загоняет наше авто в некое подобие коровьего стойла с лёгкой тростниковой крышей, протяжённость которого позволяет здесь упрятать от солнца десятки прибывающих машин. Через десяток минут мы уже сидим в некоем подобии кафе, а вообще-то говоря в элементарной чумазой забегаловке, заполненной пёстрой многоликой толпой посетителей. В одном из окон просматривается довольно большой транспарант с крупно, но коряво выведенной надписью-плакатом: “RODEO”.

Во время нашего кофепития в кафешку вваливается гориллообразное двуногое существо в широкополой мексиканской шляпе и, осторожно подходя к каждому столику, раздаёт присутствующим круглые карточки с номерами. И вот этот служака неожиданно оказывается и у нашего стола, бросая на него такой пластиковый кружок с номером 13 и громко чётко произносит “Гуд лак, сэр!”

Мне показалось, что эта обросшая волосами с головы до ног образина просто разыгрывает нас, но дочка спокойно берёт кружок и протягивает его мне:

- Па! Ты значишься участником сегодняшнего родео и выступаешь под номером 13. Тебе надо зайти вот в ту (показывает) комнатку и получить одежду и обувь. Уже сейчас.

- Какую обувь? - обалдеваю я. - Какую одежду? На кой хрен она мне сдалась? Какой номер? Ты что, спятила?

- Па! Твоё участие уже оплачено! Но не праздновать же труса русскому офицеру?

Я растерянно смотрю на свою младшую дочь: неужели рехнулась? Посадить отца родного на быка без седла и... вообще! На этой же рогатой скотине и держаться-то не за что!

... Облачённый в старую, но вполне крепкую, хотя и солидно потёртую “кожу” и какие-то дурацкие жёлтой кожи сапоги с высокими каблуками, я выгляжу полным идиотом! Да ещё в строю, тоже ожидающих своей очереди “испытателей”. На моей спине красуется огромный номер “13”. Перед нами на арену за считанные минуты уже грохнулось десять здоровенных молодцов! Судя по всему, одиннадцатого постигнет такая же участь. И тут краем глаза я вдруг улавливаю огромный красный щит с надписью: “40 секунд и 2000 баксов ваши!” Где-то внутри у меня появляется какая-то дурацкая заинтересованность, как у Бельмондо в одном из его фильмов.

Из динамика ко мне взывает голос “судьи” родео:

- Номер тринадцатый. Пожалуйста! Ваша очередь.

“Мой” бычила готов принять меня на свою здоровенную спину. Вскрываю, едва успевая ухватиться за какую-то верёвку над шеей рогатой твари и как могу сильнее стискиваю ногами скользкие от пота бока. Мне напоминают, что держаться за кусок верёвки-поводка следует только одной рукой, второй я должен размахивать над головой, демонстрируя лихость своего поведения и своё бесстрашие!

Не успел я усесться как следует, как мой бизонище так рванул с места, что я едва не ухватился за его хвост! Но успел-таки “влипнуть” в некое подобие седла, что и спасло меня на этот раз от полёта. А потом...

Потом началось такое, чего не увидишь и в страшном сне! Бык был настолько разнообразен в своих попытках свергнуть своего седока, что предугадать на каждую секунду его действия было просто невозможно! Он брыкался, поднимая свой зад почти вертикально и через мгновение с сильнейшим вращением вправо, вставал на дыбы, делая при этом резкий поворот в противоположную сторону с последующим резким опусканием своей огромной рогатой башки, едва не касаясь при этом земли своими чертовски длинными рогами. Всё это происходило в тучах поднятой копытами пыли! Какая там “свободная рука” для демонстрации моего “мастерства”! Тут еще одна пара рук вполне бы пригодилась! Я давно уже позабыл про “мастерство” и во всю порой обнимал этого сумасшедшего “зубра” за его толстенную шею! При этом мои ноги парили, пролетали в метре от бычьей спины... За какие-то полминуты мои руки устали настолько, что только какое-то чудо удерживало меня на этом стремительно крутящемся рогатом существе. Стоило мне на долю секунды разжать пальцы одной руки, как я, пролетев несколько метров, гордо грохнулся в пыльную, но твёрдую площадку, успев едва откатиться от набегающего на меня рогатого “бульдозера”.

На этот раз всё-таки обошлось, если не считать приличную, величиной с теннисный мяч гематому на правой голени!

Произошло это на...32 секунде. Таким образом, до денежного приза, я не дотянул всего ничего, восемь секунд! Бальзамом на мою гематому было чувство “тридцати двух секунд”. Ведь никто ни до, ни после не продержался на быке больше.

Ну, Любка. Ну, дочка! Удружила, называется, отцу родному.

ЭТО НЭ ГРУЗЫНЫ!

При ныне таком, уж редком посещении кавказских республик, особенно Грузии, меня всегда поражала просто фантастическая порядочность их жителей, их гостеприимство и доброта, неумение лгать и детская доверчивость. Всё это производило неизгладимое впечатление. А посему и обменивались мы взаимными визитами, приглашая друг друга к себе в гости и испытывая только радость от таких встреч, порождавших великое чувство доверия и дружбы

Помнится, как во время парусной гонки на Большой Кубок Чёрного моря наш тримаран “Таис-3” завершил первый этап этой регаты в Потти. Наш малочисленный экипаж (капитан и два матроса) хотел пополнить свой скромный запас продовольствия, чтобы без особо больших забот добраться к финишу второго этапа в Евпатории (420 миль). Узнав, что мы нуждаемся в продовольствии, местные жители и яхтсмены притащили нам на парусник столько всего, что нам впору не стартовать надо было, а идти на дно этой сверх гостеприимной бухты...

И вот наступает декабрь 1994 года. Нас отделяет от упомянутого старта несколько лет. Грузия стала “независимым” самостоятельным государством.

Мы в аэропорту Внуково. Я провожаю свою младшую дочь с внуком в Тбилиси, где в нашем посольстве работает врачом моя жена. Из Звёздного городка в аэропорт нас “доставляет” Саша Фёдоров, человек безотказный в оказании помощи другим. До регистрации полчаса и мы, заняв место в довольно малочисленной очереди, ждём.

В помещении жарковато если не сказать - душно. Приношу внуку и дочке минералки. Колька, ему-то было всего два годика, терпеливо (его отличительная черта) вместе с нами ждёт начала посадочных действий. Наконец, звучит объявление о регистрации рейса на Тбилиси. И тут...

Расталкивая всех и вся, опрокидывая (буквально!) на пол детей, женщин и пожилых людей, сминая нормальную спокойную очередь в помещение врывается огромная толпа грузин, как на подбор жирных, пузатых, в грязной мятой одежде. У них в руках множество ящиков, тюков, сумок и мешков. Продолжая грубо по-хамски, оттесняя очередь к стене, они с громкими гортанными воплями быстро занимают места у регистрационных точек. В течение нескольких секунд всё помещение, где мы находимся, превращается в некое подобие дурдома.

Плач детей, просьбы их матерей и других пассажиров не возымели ни малейшего действия на эту мерзкую толпу дикарей. Нас придавили к стене настолько, что мне потребовалась пара минут, чтобы прорваться через это месиво неуправляемых кавказцев к маячащему вдалеке работнику милиции. Он видит весь этот идиотизм и лишь разводит руками: разве этих бешенных остановишь? И улыбается при этом.

Три регистраторши, не обращая никакого внимания на происходящее безобразие, тоже с улыбочками регистрировали свалившийся на них грузинский багаж, и мы все в очереди видим, как толстощёкие жирные хари “хозяев” этого багажа совали женщинам за стойками крупные мятые купюры, оплачивая ими не столько стоимость багажа, сколько двух- трёхкратный перевес его и свою наглую безнаказанность.

И всё-таки в нашей очереди нашёлся человек “кавказской национальности”, преподаватель (как я узнал позднее) средней школы Тбилиси, который пытался образумить своих соплеменников-дикарей. И тут все нормальные люди в нашей очереди услышали звонкий голос этого человека, перекрывавший шум и гам регистрационной суеты:

- Это нэ грузыны! Это жалкая свора, мерзких зверей. Это отбросы. Судьба, накажет их.

Его голос перебивается рёвом стаи:

- Ты заткнись. А то улетишь в другую сторону.

И голос учителя-грузина настойчиво продолжал долбить в уши всем находящимся в помещении:

- Нэ грузыны это. Мразь это. Мразь.

Мы приблизились к регистраторшам лишь через сорок минут. И только тогда, когда вся эта банда (человек семьдесят!) сдала свой багаж, исчезнув за дверями зала выхода к самолётам.

Работники аэропорта стыдливо опускали глаза и не отвечали на тихие вопросы нормальных пассажиров:

- Неужели у вас всегда так?

Дочь и внук улетели. Только позднее я узнал, что, несмотря на наличие у них авиабилетов с указанными местами, сидеть им пришлось на полу салона, ибо их место было занято жирной и вонючей тушей “негрузина”. Причём - безбилетного.

Ни одно из этих двуногих существ не уступало места, даже женщинам с детьми. Эти бедняги кое-как устраивались на ковровой дорожке прохода между рядами кресел и находились там до самого конца рейса. До Тбилиси.

Нам пришлось убедиться, что уже в то время, спустя всего пару лет после уничтожения Великой страны, начиналось самое страшное из того, что является самой большой опасностью для любого общества: нравственный распад некогда культурной и светлой нации. И только слова тбилисского учителя давали всем нам право на надежду:

- Это нэ грузыны. Это отбросы.

ЛУНА

Сколько копий переломано для утверждения нашей возможности-невозможности первыми ступить на поверхность нашего естественного спутника! В таких случаях привычно слышать бление, что истина лежит где-то посередине. Только даже эта середина очень, уж, как-то тщательно замазывается, скрывая истинную вероятность реализации этого космического подвига.

Нисколько не сомневаюсь, что мы тогда вполне могли надрать янки с их тридцатимиллиардной программой “Аполлон” - первого в истории землян посещения Луны. Могли! Даже с нашим финансовым дефицитом. Нужна была лишь политическая воля! Остальное сделали бы энтузиасты- бессеребренники КБ, заводов и Центра Подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина. Уж сколько раз такое было: и не такое осуществляли! С результатами налицо.

В то время кому-то очень хотелось загубить нашу Лунную Программу, ибо примитивная “финансовая маскировка” была всего лишь элементарным прикрытием всех разрушительных действий по уничтожению нашего приоритета в достижении поверхности другого небесного тела.

Наша программа Л1 - Л3 была уникальным детищем отечественной пилотируемой космонавтики. Мы знаем, чего это нам стоило, но “овчинка” оправдывала свою выделку: первые наши шаги по лунной пыли перекрывали бы все наши ранее реализованные космические подвиги: первый ИСЗ, первый пилотируемый полет Юрия Гагарина, первый выход человека в открытый космос (Алексей Леонов).

Мы были в одном шаге от Луны! Но...

Мы ведь “облетели” Луну на земле по полной программе, отработав и посадочную схему, за которую подверглись неоправданно жестокой критике, ибо на поверхность нашего естественного спутников в отличие от американской схемы садился лишь один человек без всякой подстраховки, оставляя второго члена экипажа ждать своего товарища на селеноцентрической орбите.

... Ещё немного, ещё чуть-чуть! Последний бой ведь трудный самый!

Не дали нам дать американцам этот последний “бой”. Не дали без очень серьёзных на то причин. “Запретили.”

В мгновение ока были разрушены наши чудо-лунные тренажёры и полигоны. В считанные недели были уничтожены лунные корабли, оставляя в горестном удивлении и скорби всех нас, причастных к нашей Великой Лунной программе. Почему такое могло произойти?

Я часто повторяю себе этот вопрос. Короткий вопрос длинной проблемы.

В лунном выходном скафандре “Кречет” размещаюсь в тесноте нашей лунной кабины (ЛК), занимая штатное место для выполнения операций по отделению от лунного корабля с последующей посадкой на поверхность Луны. Пусть это проигрывается на Земле, но все наши

действия - это тренаж по реальному полету, отсутствует лишь невесомость. И "одна шестая" лунной гравитации. Всё остальное прекрасно смоделировано. Мой товарищ, находящийся в лунном корабле, делает мне прощальный жест рукой: "Удачи тебе!". И я слышу в наушниках гагаринское: "Поехали!".

В переселении "отделяюсь" от базового корабля с точным соблюдением всех посадочных операций, коих насчитывается десятки, включая и их контроль. На индикаторе эллипс рассеивания захватывает своим краем кратер Коперник в лунном "Океане Бурь", но на главном дисплее точка прилунения обеспечивает безопасную посадку без контакта с горными зубуринами кольца этого кратера, правда, всего в одном километре от него.

На КСП поступает непрерывная информация о параметрах "спуска" Лунной Кабины: скорость, положение её к поверхности Луны по танталу, курсу и крену, предполагаемое место посадки, величины резервных ставок при коррекции спуска для обеспечения безопасной скорости при контакте с поверхностью Луны.

В строго расчетное время вручную разворачиваю лунную кабину кормой по нормали к надвигающейся желто-коричневой, слегка холмистой посадочной площадке. Горит сигнал "Стабилизация кабины" и за ним сразу же вспыхивает табло "Включение двигателя посадки". Краем глаза в углу иллюминатора улавливаю голубой диск Земли. И тут неожиданно начинаю валиться влево с угловой скоростью 5 градусов в секунду... Включаю ручное управление, выравнивая ЛК. Обстановка позволила выполнить эту коррекцию до истечения резерва времени перед началом работы двигателя посадки.

Скорость "прилунения" несколько метров в секунду, что вполне согласуется с заданием. Моделирование спуска и посадки выполнено настолько качественно, что я даже замечаю, как из-под лунной кабины поднимается облачко "лунной" пыли.

Сорокаминутная выдержка с контролем герметичности ЛК, состояния топлива в баках двигателя взлёта, давление в СК и ещё десятков параметров. Кажется, без проблем. Лишь на дисплее обозначается мой "недолёт" до точки расчетного прилунения.

Проходит моя команда на открытие выходного люка. В наушниках гермошлема на фоне прерывистого зуммера слышу щелканье электроприводов механизма открытия крышки выходного люка, и невольно повторяю гагаринское "Поехали!" буквально выползая из ЛК "на поверхность" лунного полигона.

Выпрямляюсь, поднимаю голову: какое чудо вокруг! Чёрное в звёздах небо с ярким диском солнца над горизонтом Луны. В противостоянии с нашей звездой сияет ярко-голубой диск нашей планеты с синевой океанов и зеленоватыми штрихами материков. Даже в этом случае своё состояние передать совсем не просто!

Разве что может на земле сравниться с этой, пусть даже прекрасно смоделированной прелестью? Вряд ли.

Медленно обхожу лунную кабину, осматривая место стыковки посадочного блока ЛК с её взлётной ступенью. Поднимаю один из разбросанных вокруг “лунных” камней.

ЛК “приближается” к базовому лунному модулю, стыкуясь с ним, обеспечивает мне встречу с моим товарищем по “полёту”.

На восьмые сутки наш лунный корабль берёт курс к земле, с посадкой на акватории Индийского океана, примерно в посадочных эллипсах ранее приводнявшихся здесь же наших “Зондов” - беспилотных лунных бродяг, облетевших Луну.

Юрий Гагарин опередил первый полёт янки на несколько месяцев. Теперь представьте: что произошло бы, сохрани мы нашу замечательную лунную программу?!

ПАЛАЧИХА

Случилось так, что надо было мне возможно скорее оказаться в США: пришло горе большое к дорогим мне людям и требовалась моя поддержка и помощь хотя бы своим присутствием, при этом нуждались они в этом очень и очень сильно.

Если бы мне предстояло идти из Феодосии в Лос-Анджелес на моём скоростном паруснике тримаране с паспортом моряка, не требующим визы, то я мог бы оказаться на месте суток через сорок, а может, несколько и больше, если учесть трудности одиночного океанского перехода. Но, к сожалению, обстановка там такого времени мне предоставить не могла: задержаться дома я мог не более десяти дней.

А тут ещё срок действия моего загранпаспорта заканчивался ровно через месяц, и пребывать в США с этим “укороченным” по сроку документом было весьма и весьма рискованно. Там порядок строгий с требованием каждому въезжающему в страну иметь хотя бы шестимесячный “паспортный” запас. К тому же дать мне визу в здешнем, московском посольстве США с таким паспортом вряд ли могли, хотя и знали меня там аж с 1988 года, причём при получении своих многочисленных виз там работники посольства относились ко мне вполне доброжелательно.

11 января в 9 утра я сдаю все необходимые документы для оформления нового загранпаспорта работнику нашего ОВД, симпатичной и всегда доброжелательной Наташе, которая обещает ускорить процедуру оформления документа с учётом необходимости моего срочного отъезда. Казалось, всё складывалось благополучно.

Проходит два дня. Вечерний телефонный звонок:

- Это Наташа из ОВД. Константин Иванович, возникли маленькие трудности, так как для оформления загранпаспорта вам надо приложить, справку из Щелковского городского суда о том, что у вас за последние 10 лет не было судимости, то есть вы в это время не осуждались. Нужна такая вот бумажка...

- Наташа! Но ведь уже после того моего сфабрикованного “дела” прошло 11 лет и я уже дважды получал после этого загранпаспорта, не говоря уже о двух своих “Паспортах моряка”! И ко мне не было никаких претензий ни со стороны МВД, ни со стороны ФСБ.

- Но вот, там в отделе оформления заграндокументов требуют такую бумажку! Да вы возьмите её в суде в Щёлково и сами отнесите начальнику отдела виз.

Надо же! Тут дорог каждый час! Еду в Щёлковский городской суд. Председатель суда Михаил Кузьмич Откин меня хорошо знает, но его нет на месте. В канцелярии суда девушка, просмотрев мои документы, удивляется:

- Да не надо вам никаких справок на оформление загранпаспорта! Ваше дело давно закрыто! Ведь прошло уже больше десяти лет! Но если вам всё-таки надо, то я сейчас напечатаю эту бумажку, а вы подпишете её у любого нашего судьи. Это не проблема ведь.

Через пять минут со справкой в руке стучу в первую попавшуюся в коридоре дверь с табличкой: “Судья имя рек”. В “кабинете” в полном одиночестве молча тоскует маленький кругленький человечек лет сорока с каким-то пустым, безразличным ко всему взглядом. Подхожу. Здравоваюсь. Кладу перед ним на стол свою бумажку-справку:

- Если не трудно, пожалуйста, подпишите.

Человечек, даже не повернув головы в мою сторону, невнятно бормочет:

- Идите к председателю суда.

И вновь замирает в положении “сидя” перед своим пустым столом.

Следующая дверь с табличкой: “Судья такая-то, имя рек”. Ну, думаю, повезло мне: женщины на голову тактичнее мужиков.

Стучу, открываю дверь. Вхожу. Передо мной сидит совершенно молоденькая и симпатичная особа лет двадцати пяти. Здравоваюсь. Дама, вероятно, глухая, ни звука на моё приветствие.

- Здравствуйте! - повторяюсь я, - дочка, не можете ли вы подписать мне вот эту бумажку. Мне сказали, что это прерогатива любого судьи...

- Я вам не “дочка”! - неожиданно рычит молоденькое существо за столом, - я вам не дочка! Я - судья! Я судья! Надо мной висит Закон! Видите: висит! - существо смотрит куда-то вверх, - я ответственное лицо Закона! Понимаете?

Тут я не сдержался:

- Закон не должен висеть! Закон должен прочно стоять на ногах. Иначе это не Закон! Ну, а если ты повесила его, то за это тебе придётся отвечать. Дурочка ты, дочка, и ко всему ещё палачиха! Раз Закон повесила над собой!

Я вижу, как краснеет эта молоденькая особа, как в гневе округляются её симпатичные глаза:

- Да я вас за это! Да я вас! Вызываю милицию. Оскорбление при исполнении... При исполнении!

Выхожу из комнатки. Нет. Меня никто не преследует. Ни ОМОНА, ни СОБРА, ни спецназа не видно. Вероятно, девчонка опомнилась, пришли в себя. А я уже ихожу в кабинет Председателя суда М.К.Откина. Михаил Кузьмич на месте:

- Здравствуйте! Что у вас ко мне?

Узнав причину моего блуждания по суду, сетует на бестолковость работников отдела выдачи загранпаспортов: никаких справок мне предоставлять не надо, ибо за давностью моего “дела”, да ещё и сфабрикованного тогда, требование к предъявлению подобной бумажки незаконно. Это поясняет Председатель суда! Но мою справку Михаил Кузьмич подмахивает по моей настоятельной просьбе. Прощаясь, говорю ему:

- Спасибо. Вы оказались единственным человеком, который относится по-человечески к просьбам своих посетителей.

И слышу несколько растерянное, произнесённое мне вслед:

- Благодарю вас за такую оценку моей скромной персоны.

ТРЕТИЙ ШАГ

Давно было подмечено, что всё непросто в подлунном мире. Миллионы тайн неподвластных человеческому разуму, не становятся из-за этого менее привлекательными для каждого из нас. И всегда у нас будет любимый “конёк”, а то и несколько, и ради достижения поставленной цели кое- кто и жизни своей не пожалеет. Тут речь идёт не о коллекционировании спичечных этикеток, не о патологическом стремлении к обогащению, а имею я ввиду попытки человека приобщится хотя бы к крохотному кусочку неведомого.

Подними свой взгляд в ночное небо, читатель. Вот, уж, воистину оправдывается смысл мудрости: “Два человека смотрят вниз, один видит лужу, а второй - звезды”. Как, почему, мироздание могло произойти так, что некогда вся видимая нами часть Вселенной могла разместиться в объёме одного атома. А то и того менее. Коим образом мы можем преодолеть гигантское, не-подлежащее осмыслению расстояние до Туманности Андромеды, отстоящей от земли на два миллиона световых лет, за несколько часов? А ведь возможно ж такое. Тогда причём здесь скорость света, да ещё с её призрачным постоянством? Быть может гравитационные поля двадцати открытых миллиардов галактик, взаимодействуют по совершенно иным законам, чем те, доступные нашему знанию! И мы можем получать разнообразнейшие по содержанию информационные блоки в считанные секунды от любых Вселенных - островов-галактик.

Да не осудят меня за, то, что я столь примитивно затронул вопросы высоких категорий тайны. Но ты, читатель, можешь, прильнув однажды

к окуляру телескопа или сев ночью за руль парусника, испытать на себе чудное воздействие Неведомого...

Да что там - океан! У каждого из нас в доме тайны не меньше стоит лишь повнимательнее осмотреться вокруг! Одно радует человека другое огорчает, а третье и вообще оставляет равнодушным к окружающему, почему бы это? Почему мы, будучи столь сложно устроенными природой, оказываемся порой абсолютно неспособными хотя бы примитивно уяснить себе даже самые простые моменты происходящего вне и внутри нас? А ведь мы наделены одним уникальным качеством, способностью проникать в суть вещей и событий. Я почему-то уверен, что вокруг нас крутится великое множество иных разумных сообществ, пребывающих в трех десятках (и более) иных измерений. В силу наших чрезмерно ограниченных возможностей в приёме информации мы можем их никогда и не познать, если они сами не соизволят пойти нам навстречу. Все-таки природа охраняет человечество от своего чрезмерно (по нашим меркам) развитого интеллекта, ибо, прикоснувшись к нему, мы просто погибнем, исчезнем, не выдержав испытания знанием. Разве кто знает из нас дату своего исчезновения - перехода во что-то иное? А знай мы это - что бы случилось с человечеством? Сумасшествие? Из-за торопливости успеть что-то сделать, выполнить к "дате"... И слава Богу, что нам сие не дано, быть может, лишь за редким, очень редким исключением.

А посему сдаётся мне, что каждый здравомыслящий из нас должен поставить перед собой три основных жизненных задачи и делать всё для их реализации.

Именно такое отношение к окружающему миру приведёт человека к исключительной жизненной гармонии и красоте поступков каждого из нас.

Нельзя сразу стать умным, сильным и добрым, ибо для этого надо шаг за шагом одолевать бесконечную лестницу знания.

Первая задача - оперативная. Это повседневность. От помощи в мытье посуды и уборки дома до стирки пелёнок и проверки уроков детей. Всё это и многое другое подобное, человек должен выполнять без какого-то ни было нытья, стонов и сожаления.

Вторая задача - тактическая, направленная на совершенствование жизненных условий. Это прежде всего получение необходимых и достаточных знаний, с реализацией которых ни в коем случае нельзя медлить. Только этим закладывается фундамент для решения третьей, основной жизненной задачи - максимум - осуществление Мечты!

Без сомнения, главным в жизни каждой семьи всегда будет воспитание детей и внуков. Только прочнейшая связь старшего поколения со средним и юным в каждой семье позволяет надёжно сохранять самое главное для человека - его духовное, нравственное содержание? А это всегда приводит к крепчайшему моральному климату в семье и позволит решать при совместной поддержке, задачи любого уровня.

Общественные и личные задачи, стоящие перед каждым из нас - это же две стороны одной медали. Они несколько не противоречат друг другу, наоборот: они настолько могут укрепить семейные отношения, что не будут страшны никакие удары судьбы. В некоторых странах мне приходилось сталкиваться с поразительной недооценкой сохранения семейных отношений и традиций: дети, внуки, достигшие лишь начального юношеского возраста, буквально выбрасывались из семей их же родителями в жестокую жизненную круговерть, будучи совершенно к ней не подготовленными. Это приводило к страшным последствиям, о которых каждому человеку не трудно догадаться! Ни в коем случае нельзя нарушать, ломать, уничтожать связь поколений, это приведёт в конечном итоге к деградации народа любой страны.

Итак, три программы существования для каждого человека, три его непростых жизненных шага. Для меня главной жизненной задачей было и остаётся достижение Красной планеты. Помните рассказ "TOP SECRET"? Сложись бы всё по-другому, не уйди из жизни Сергей Павлович Королёв, могла бы быть сохранена высокая вероятность осуществления столь непростой задачи.

А какова, твоя программа-максимум, читатель?

РУМЕЛИ

Казалось, сколько видел я маяков за многие годы своих морских и океанских плаваний - не менее полутора сотен - а вот всегда помнится лишь один турецкий Румели. И объяснение этому одно: следуя к Босфору при виде этого маяка тебя вдруг посещает ожидание какой-то необычной тайны, там, за Босфором. За турецкими горными вершинами и холмами. При возвращении домой красивая ступенчатая башня этого маяка всегда обещала мне близость Родины.

Впервые огонь Румели обозначил себя 30 лет назад поздней ночью, когда я подошел к проливу Босфор на малом паруснике - "четвертьтоннике". Ночью парусным судам было запрещено входить в пролив, а потому я до утра продрейфовал у западного побережья пролива, наблюдая в темноте ночи яркие запоминающиеся вспышки неизвестного мне и никогда не виденного мной маяка.

И когда с восходом солнца перед моими глазами предстала ослепительно белая башня маяка Румели, я был очарован её красотой и исходящим от неё чувством тайны: что же там, за горизонтом? За проливом? Какие моря, чьи земли? Кто обитает на них?

А непредвиденного в этом плавании у меня, было, пожалуй, в избытке. На яхточке не было даже простейшего двигателя, а потому в тот раз весь пролив я проскочил под стакселем, благо, что ветер был северным, попутным. К счастью турецкие власти тогда не заметили (а может просто

махнули рукой) скользящего по проливу под единственным парусом судёнышка под флагом СССР.

Уже при выходе в Мраморное море я тогда обратил внимание на красивейшую марину с лесом мачт над ней. Особых причин заходить в неё у меня тогда не было, вот только её входные маячки чем-то напоминали “мой” Румели в его уменьшенном варианте.

Мраморное море пройдено за 12 часов. Давно за кормой остался многоликий по своей архитектуре Стамбул, и мне приходилось снова в ночь оказаться перед очередным проливом, вдвое более протяженным чем Босфор, проливом Дарданеллы. С погодой мне тогда явно везло: с попутным ветром я проскочил его на своём “кораблике” за восемь часов, после чего яхточка уже летела, на юго-запад, разрезая острым форштевнем фиолетовые волны Эгейского моря...

С “запасом” моей валюты посещать греческие Афины и Пирей было не безопасно. Во-первых, у греков есть официальные любители поживиться за чужой счёт. Позднее, я убеждался в этом не один раз. А передавать свои скудные “яхтенные” финансы в руки прохвостов, пусть и государственных, особого желания у меня не было. Во-вторых, пополнение любых яхтенных запасов (продуктов, питьевой воды) в бывшей древней Элладе обходится вдвое, вдвое дороже, нежели в маринах других средиземноморских стран. Поэтому при всей доброжелательности населения Греции лучше воздержаться от заходов в её марину и потерпеть хотя бы до Мальты.

Но тогда я всё же заскочил в Пирей на пару часов, пополнив запасы воды, и также быстренько смотался оттуда, увидев пробирающуюся ко мне по причалу марины полицейскую машину.

Если спросите меня, какой из богатейшего ожерелья греческих островов приглянулся мне, скажу: Белопуло! С его античным домиком маяка и удобными миниатюрными, закрытыми от ветров бухточками. Тогда я даже познакомился со смотрителем маяка и его сыном, ладившими сети у южной оконечности острова. Оказалось, что сынишка - студент Софийского вуза, вполне сносно говоривший по-болгарски и по-русски. Узнав, что я из Союза (России) да ещё одиночка, эти двое доброжелательных людей привезли мне на своей шлюпке десяток банок... кока-колы и две банки тушенки! Вот такое было гостеприимство простых греков.

Огибаю южную оконечность Греции, мыс Тенарон, ветер “бейдевиндовый”, но волнение слабое, ибо пролив защищён от сильных порывов с севера полуостровом.

В Мальтийском проливе башенки маяков южного побережья Сицилии почему-то напоминают мне Румели... Такое же впечатление оставляют маяки испанского побережья Гибралтара. Неужели это проявление ностальгии? Есть, конечно, немного. Тут ещё сильно встречное течение из океана задерживает меня в проливе аж на двое суток! И только через две

недели после Гибралтара перед нами открывается маяк мыса Ислетта на острове Гран-Канария.

В одной из двух марин Лас-Пальмаса заправляюсь питьевой водой. Бесплатно! Администратор марины предлагает мне даже набор продуктов по очень сниженным ценам и вполне сносного качества. Пока воздерживаюсь от такого приобретения: с харчами у меня всё обстоит благополучно, их вполне хватит и на обратный путь. Вопросы яхтсменов из экипажей находящихся здесь парусников традиционны: откуда и куда идёте? И если “откуда” вызывает явное удивление, как и наш флаг, то “куда” - заставляет всех покачивать головами...

...Проходит несколько месяцев. Но когда при выходе из пролива Босфор в Чёрное море на левом траверзе открылась белоснежная башня маяка Румели, меня охватывает чувство небывалой тоски и радости одновременно! Скажете: такого не бывает? Бывает!

Тоска - следствие долгой разлуки со столь далекой и любимой Родиной, радость - от предстоящей встречи с ней!

Румели. Десятки раз я входил на парусниках в пролив Босфор, и тут всегда при виде этого маяка приходили на ум строчки из “Слово о полку Игореве”: «О, Русская земля! Ты уже за шеломом еси!»

НЕ РОЙ ЯМУ ДРУГОМУ...

У моего ученика, матроса и товарища Артура Лукьянова ко дню его 25-летия произошло четыре важных жизненных события! Целых четыре: во-первых, он женился, во-вторых, стал отцом очаровательного сынишки Герки, в-третьих, получил пост менеджера (слово-то какое-то мошенническое), а в-четвёртых, купил он себе видеокамеру.

С появлением у нашего Артурушки “Sony” - шедевра, стало твориться с ним нечто необычное и загадочное: он вообразил себя ну если не Дж. Бондом, то Штирлицем - это точно! Находясь в какой-либо компании, владелец сей видеокамеры незаметно размещал последнюю в каком-нибудь неприметном месте комнаты или аудитории или квартиры, затем включал её в режим “записи” всего происходящего, а сам потихоньку сматывался или незаметно присоединялся к участникам проходившего мероприятия.

Присутствующие, ничего не подозревая, расслабившись от выпитого винца, болтали всё, что придёт на ум, а порой вытворяли такое, что потом им же сие казалось просто невыносимым! Надо отдать должное, что в отличие от всех геройских кинодиверсантов и разведчиков Артур дарил все, сделанные им видеозаписи всем изображённым на них действующим лицам, дабы те могли полюбоваться на себя со стороны.

И надо же было случиться такому, что новоиспеченный менеджер вдруг захотел запечатлеть на видео разговор своего капитана (яхта- пентамаран - “Гелиос”) со своей очаровательной молоденькой супругой

Ириной. А ведь сколько уже раз этот матросик “накалывался” в споре со своим капитаном!

...В один из тихих прохладных вечеров поздней осени Лукьянов с супругой и видеокамерой появляется в нашей квартире (Звёздный городок). Пока я готовил чай-кофе пироги-бисквиты, сахар-молоко Артур хитренько и незаметно смонтировал свою “Sony” в нише шкафа и, включив ее на “запись” тайно покинул комнату, оставив меня беседовать один на один с его красавицей-женой.

Объект артуровской слежки я засёк сразу, как и моя собеседница, которая и стала подыгрывать мне в том хитром деле. Попивая чай и уничтожая имеющиеся на столе сладости, я в деталях рассказывал Ире о наших океанских скитаниях под парусом с посещением Турции, Греции, Мальты, Италии, Испании, Португалии и Кубы особое внимание в этом повествовании я уделил нашему пребыванию на острове Свободы с заходом в Сантьяго де Куба и Гавану, при этом большая часть моего рассказа посвящалась похождениям нашего молоденького матроса в этих крупнейших кубинских мегаполисах...

Мы уже заканчивали своё словесное путешествие, когда наш менеджер заглянув в комнату, напомнил своей подруге о необходимости их “отчаливания” домой в Москву:

- Дорогая! Пора и честь знать! Мы уже наверно прилично надоели Константину Ивановичу и его домочадцам!

Мы распрощались, договорившись о встрече через пару недель у них в столице. В это время зазвонил телефон, я перешёл в другую комнату, что позволило Артуру незаметно убрать видеокамеру из потайной ниши и упрятать её в сумку, после чего наши гости “отчалили” домой.

На следующий вечер зуммер телефона отрывает меня от экрана ТВ с футбольным матчем сборных России и Греции.

- Константин Иванович! Это Ира. Сообщаю: мой муж, Артур Евгеньевич Лукьянов поклялся, что впредь больше никогда не будет вести никаких тайных своих, диверсионных видеозаписей. Он вообще в трансе! Я заставила его полностью просмотреть всю его вчерашнюю - тайную запись! Несколько раз он пытался избежать просмотра но отсидел до конца.

Теперь, дорогой читатель, представь себя на месте нашего “менеджера” сидящего перед экраном с обалдевшим видом, слушая моё пояснение к происходящему.

- Знаешь, Ира, твой шустрый молоденький муженёк - очень опасное сексуальное создание. Скрытное и очень активное. Суди сама. В испанском Кадисе мои матросы застают Артура на диком пляже с испанкой явно китайского происхождения, которая гадала Лукьянову по ладони, задрав при этом подол своего длиннущего платья под которым почему- то ничего не было.

При посещении острова Мадейра Артур на нашей шлюпке ночью смылся на берег, где мы через двое суток поисков нашли его в окружении

четырёх молоденьких португалок, при этом он был настолько истощён физически, что нам пришлось тащить его на себе к причалу, при этом от него исходил какой-то непонятный запах... При дальнейшем плавании в океане Артурка в свободное от вахты время усаживался на баке и, надувая мужские противозачаточные средства, бросал их проплывающим рядом самкам акул.

Ну, а что было на Кубе. Страшно даже подумать!

В Гаване нас разместили в отеле “Комодоро”, где наш юный морячок попросил у меня мою одноместную “каюту”, переселив меня, своего капитана к чифу Евгению Лебедеву, и когда я вечером пришёл за своими вещами, то стал свидетелем сказочной картины; в центре “моего” бывшего номера на кресле сидел наш юный моряк в одном бюстгальтере, а вокруг него порхали четыре симпатяги-мулатки без бюстгальтеров, осуществляя Артурке мощный коллективный секс-массаж! Результаты такого поведения не замедлили сказаться на физическом и психическом состоянии молодца: несмотря на отличное питание, он мог лишь ползать из номера в номер и, останавливаясь на четвереньках, почему-то запускал свою левую руку в брюки и что-то там ею делал...

Мы знали, что у Артура дома есть замечательная невеста, но после каждой ночи в номере он заплетающимся языком говорил нам, что невеста-то у него есть, но он не помнит как её... зовут.

Через несколько дней до нас дошли слухи, что Артур жалуется на кубинок-мулаток за их несколько иное устройство их сексуальных органов! Это якобы, вызывало у него огромные трудности при взаимном общении...

Ирочка, ты уж сама расспроси у своего муженька, всё ли у него в порядке со здоровьем именно сейчас, а то ведь, сама понимаешь...

Ирина заставит своего муженька до конца выслушать всю эту галиматью, напомнив ему старую истину: не рой яму другому, иначе сам в неё и попадёшь!

ТУМА

Самое звёздное небо кроме, конечно, родного края, я видел в Аризоне. На третьем месте - ночной небосвод в Мировом океане.

Однажды как-то выхожу ночью из дома. Моя младшая дочка с нашими внуками Колюхой и Гришкой, намаявшись за день, спит без задних ног: время-то далеко за полночь. Что тогда потянуло меня взглянуть на аризонские звёзды, не знаю. Вышел, поднял глаза и застыл, поражённый увиденным: среди миллиардов звёзд в созвездии Скорпиона алел Марс...

Марс. Арес. Тума. Колыбель Аэлиты. Красная планета... Сколько живу, а не могу забыть первое впечатление от марсианских каналов Скиапарелли и Фламарионовской “Астрономии”, от романа Алексея Толстого «Аэлита» и «Занимательного» изложения закона о звёздах Перельмана.

С получением серьезнейшей и весьма объёмной информации от международных автоматических межпланетных станций (“Марсов”¹, “Маринеров”, “Викингов”) количество тайн Красной планеты, и всеобщее удивление... не уменьшается, а ещё более возрастает, особенно с получением многих тысяч фотоснимков поверхности Марса. Если крупнейшие телескопы земли позволяли нам различать лишь относительно крупные образования на поверхности планеты вместе с её хорошо различимыми полярными шапками и некоторой достоверностью делать предположения, о марсианской атмосфере, то уже американский “Маринер-4” своей дюжиной снимков заставил учёных задуматься над десятками новых предположениями развития этой таинственной планеты. “Чем дальше в лес, тем больше дров”!

Всего три секунды “проговорил” наш “Марс”, находясь на поверхности Ареса! И замолчал навсегда. Затем последовал замечательный успех США. Оба их “Викинга”, находясь на ареоцентрической орбите, передали ценнейшую информацию о многочисленных, неизвестных нам элементах рельефа. Их посадочные блоки позволили точно установить состав атмосферы Марса и давление на его поверхности. Примитивный анализ почвы в местах посадок “Викингов” оставил открытым вопрос о наличии жизни на Марсе, даже в её примитивном варианте.

Что стоят хотя бы два обнаруженных на поверхности Марса гигантских “сфинкса”? А если же к ним добавить 19 пирамид с идущим вдоль них шоссе, то количество марсианских тайн начинает возрастать в геометрической прогрессии!

О загадках “Сфинксов” - таинственных гигантских лиц, обнаруженных на Марсе, газеты всего мира сообщали нам многократно. Но лишь совсем недавно эти загадочные факты получили разумное научное объяснение. Нет сомнения в том, что эти огромные скальные “портреты” были созданы развитой цивилизацией, существовавшей на планете более четырёх тысяч лет назад - примерно в 2500-х годах до Новой эры! Получается, что египтяне воздвигали свои пирамиды в то же самое время, что и марсианские инженеры своих “сфинксов! По неизвестным нам причинам на Красной планете произошёл какой-то мощный катаклизм, и разумная жизнь там исчезла...

НАСА признала наличие жизни на Марсе в былые времена, и это говорит о многом! Действительно, найдено какое-то неопровержимое тому доказательство, и руководство НАСА умышленно произвело утечку этой информации, чтобы подготовить общественность к грядущим событиям.

Первый марсианский “Сфинкс” был сфотографирован с космического корабля “Викинг” в 1976 году. Изображение сделано из камня и имеет длину в полтора километра. Почти четверть века НАСА утверждало, что это игра света и тени. Сейчас, благодаря новейшей информации, аналитики изменили своё

¹ Автоматическая межпланетная станция, “Марс-2” доставила на Марс герб СССР.

мнение, поскольку после компьютерной обработки на изваянии были обнаружены какие-то письмена! По словам американского астронома - Пола Минарта, эти письмена, пока не поддаются расшифровке, при этом НАСА признало: они сделаны разумными существами! И наверняка у экспертов есть гипотезы по поводу возникновения и существования марсианской цивилизации. Можно надеяться, что уже вскоре человечество сможет познакомиться с отчётами учёных по этой проблеме.

Вероятно, янки “накопали” премного интересного об Аресе, благодаря своим автоматическим межпланетным станциям. Правда, они вовсе не спешат делиться с кем бы то ни было этой интереснейшей и обширнейшей информацией. Тут надо ещё разбираться и разбираться. Хотя бы с причинами гибели последних наших и американских станций. Тут большая загадка - буквально за секунды до прекращения поступающей с ЯМ информации, в том числе визуальной, на дисплеях появлялась некая тень, после чего все станции мгновенно прекращали передачи и замолкали навсегда.

Тума. Арес. Марс... Какие тайны ты приоткроешь нам в третьем земном тысячелетии? И приоткроешь ли?

Сколько сил, средств и времени потребуется землянам для того, чтобы хоть немного прикоснуться к твоим тайнам? Я никогда, до конца своих дней не изменю свою программу-максимум, самую главную свою жизненную программу-оказаться на поверхности Тумы и, быть может, встретиться с АЭЛИТОЙ...

КЛЕПТОМАНКА

Не думал, не гадал, что столкнусь вплотную с маленькой, но очень талантливой похитительницей чужой собственности! И где? В США! У моей младшей дочери.

Уже подходило к концу время моего пребывания в Фениксе, когда по просьбе наших московских знакомых в Феникс прилетела их старшая, 11-летняя дочка Бася, мечтавшая улучшить здесь качество своего английского говорка. Родители девчонки, вполне обеспеченные люди, не пожалели для дочери средств, и её пребывание у нас обещало быть даже весьма занимательным и далеко не скучным. И это входило в явное противоречие с нравственным и образовательным содержанием девчонки.

Будучи ученицей шестого класса, Бася не знала ни одного стихотворения. Ни одной нашей песни. Но в то же время могла шустро и без ошибок перечислять марки авто, на которых её родители ездили на работу, а также машин всех их московских соседей. Она безошибочно могла перечислить отличия “тридцатого Боинга” от его “сорокового” собрата, прекрасно разбираясь в расположении туалетов на многих разновидностях авиалайнеров и в их “полётнообеденном меню”.

Где только не побывала эта Баська, будучи в Фениксе! В Луна-парке, в парке водных аттракционов, во многих детских игорных “заведениях”, где

за удачные действия на тренажёрах можно было получить специальные талончики для приобретения разнообразных и очень даже занимательных игрушек. Бася с успехом гонялась на аттракционном автотреке, где была далеко не в числе последних.

Но особую страсть Баська питала к посещению супермаркетов, где она могла часами бродить среди бесконечно огромного количества всевозможных товаров, наслаждаясь их изобилием и разнообразием.

Но дело было в том, что родители Баськи все необходимые средства на её отдых здесь передали моей дочери, которая по мере необходимости снабжала Баську для её участия во всех увеселительных мероприятиях. Одеждой, обувью и питанием девчонка была обеспечена даже сверх нормы и приобретать что-то новое по этой части ей было просто запрещено родителями. К тому же каких-либо личных денег у неё просто не было.

И вдруг! Вот уж это “вдруг”. Мы стали замечать, что Бася после своих походов по магазинам стала приносить домой и складывать в свои чемоданы очень даже дорогие вещи. Это были игрушки, многочисленные карточки по 50 баксов за штуку, при этом - десятки таких карточек. Всё это девчонка старательно скрывала от всех нас, тайно пряча в свою “перелётную” тару, запираясь при этом в своей комнате.

К нашему сожалению, мы обратили на всё это внимание лишь тогда, когда девчонка стала приносить из супермаркетов вполне приличную одежду и обувь, в которых, примеряя, стала щеголять перед нами, вызывая немалое удивление у “зрителей”!

Это, хотя и поздно, нас очень насторожило, потребовав “расшифровки” источников Баськиных “средств”.

Результаты проведенного расследования (без помощи ФБР) были ошарашивающими: девчонка примитивно и беспардонно... воровала деньги у каждого из нас! Благо, что в нашей семье не было принято прятать банкноты под матрацами и в кубышках. Все наши средства всегда лежали совершенно открыто и расходовались по мере надобности.

Таким образом, Баська обзавелась следующими суммами: у моей дочери - 1080 баксов, у внука - 390 баксов, и у меня, простака - 249 баксов!

Маленькая клептоманка, полностью расхитив наши средства, стала обладательницей аж, 1719 долларов! И почти все они были потрачены девчонкой на все свои “внеплановые” приобретения.

Весьма тактично моя дочь сообщает о происшедшем родителям Баськи, те - в шоке! Почему? Зачем? Чего ей не хватало здесь? И тут оказывается, что Баська настолько привыкла “адаптироваться” к подобным поступкам ещё дома, у своих московских друзей и подружек, что её приобретения в нашем доме были просто мизерными по сравнению с её московскими “операциями”.

Но и это не суть главное и опасное в поведении девчонки! Дело в том, что она спокойно выслушивает от нас всех жёсткие обвинения в её адрес и... “как с гуся вода”! Даже не расстроится за содеянное злодейство.

- Ну, и что? - Эти три слова - вся её реакция на происшедшее. Всего три слова.

Как у “Людоедки Элочки” из “12 стульев” Ильфа и Петрова.

Под постельным матрасом Баськи мы обнаружили целую кучу неизрасходованных баксов, дополнительно к нашим. У кого и когда они были похищены клептоманкой нам пришлось выяснять целую неделю. Выяснили. Вернули. И опять весьма странная реакция Баськи - примитивное хихиканье.

Появилось страшное желание: выкинуть эту маленькую мерзавку из нашего дома, но решили-таки подождать её “штатного” отъезда. С сопровождением. Это было вызвано тем, что детей Баськиного возраста надо отправлять только с кем-либо из взрослых.

...Нам повезло в одном: до отбытия клептоманочки оставалось всего неделя. Это из её полуторамесячного пребывания в Фениксе.

Люди! Будьте бдительны!

К своим детям, конечно.

ПРОЛИВ СОКРОВИЩ

Сижу на песке в окружении береговых скал под Еникальским маяком. Красивое и какое-то таинственное место как, вообще-то, и любой участок Крымского побережья. Рядом на прибойной волне покачивается моя яхточка “Таис-2”, на которой я прибежал сюда из Бердянска. Мне давно не терпелось облазить все местные утесы и мысы, и вот, наконец-то, добрался! Мне еще в прошлом году на местном шельфе удалось извлечь из ила ржавый немецкий пулемет “МГ”, два наших трехгранных штыка и длиннющую металлическую пулеметную ленту без патронов. Вот и сейчас, накручивая маховичок своего ручного компрессора-“француза”, набиваю баллоны акваланга, с которым собираюсь хорошенько поплавать по дну Керченского пролива, и, несмотря на малую прозрачность воды, надеюсь выловить что-нибудь существенное.

В 20 шагах от меня возится со своей шаландой мой старый знакомец Кузьма Дорохов, в просторечии - Кузьмич, ибо с его рождением мать наделила сына именем отца, погибшего в Аджимушкских катакомбах.

Кузьмич - человек замечательный. Спокойный. Добрый. Ни одного матерного слова от него никто никогда не слышал. Нужна кому любая помощь, прибежит по первому зову хоть в полночь. Только почему-то на лице Кузьмича всегда была несмыслимая грусть, причину которой я узнал совсем недавно. Во время захвата немцами Керчи погибли все его родные, расстреляли их фашисты вместе с нашими пленными красноармейцами. Так и живет до сих пор один-одинешенек в своей

крохотной хибарке в версте от моря. Рыбачит. Этим и себя кормит, и людям помощь оказывает. И это, несмотря, что седьмой десяток лет разменял...

По вечерам, сидя у костра, любит Кузьмич делиться своими воспоминаниями о далеких военных годах, о том, как таскал питьевую воду и кое-какой харч защитникам Керченских каменоломен, бойцам и командирам нашим, которые предпочли смерть позорному плену...

Бывая у Кузьмича, я обычно привозил ему какие-нибудь памятные вещицы, чаще всего это были книги с автографами космонавтов или наших известных военно-начальников, разных там генералов-адмиралов, участников Великой Отечественной войны. Кузьмич очень любил эти издания и очень гордился своей собранной за долгие годы "патриотической" (как он её называл) библиотекой.

...Доведя за пару часов непрерывной "работы" своего компрессора давление в баллонах акваланга до 90 атмосфер, решаю немного вздремнуть: даже короткий морской переход в одиночку все-таки утомляет яхтсмена, что там не говори. Извлекаю из яхточки спальный мешок, кладу под него охапки валяющихся на берегу водорослей и собираюсь уже "скрыться" в спальнике, как замечаю приближающегося ко мне Кузьмича.

Мой выдавший виды портативный магнитофон тихонько исполняет голосом Владимира Высоцкого одну, пожалуй, лучшую из его песен: "Так случилось, мужчины ушли..." Кузьмич опускается на песок рядом:

- Слушай, а что это поет Высоцкий?

Называю. Кузьмич медленно покачивает своей рыбацкой головой, украшенной бородой и усами:

- Слова-то какие! Аж кожу на спине морозит. Ну-ка, прокрути еще разок.

Он внимательно дослушивает песню до конца:

- А теперь глянь-ка сюда...

В руках у Кузьмича довольно большой, но сильно помятый и прилично запачканный лист. Я даже не сразу разбираю, что на нем изображено, но постепенно, всматриваясь, вижу: это старая крупномасштабная морская карта Керченского пролива с Еникальским маяком.

- Тут... такое, вот, дело... Только между нами, конечно.

Киваю утвердительно: можешь не сомневаться! А затем услышал я совершенно фантастическую историю.

Во время беспорядочного отступления нашей армии, покидавшей Крым, Кузьмич с несколькими своими сверстниками случайно стали свидетелями редкого события... Немцы буквально сбрасывают наши войска с Керченского полуострова в пролив. У единственного уцелевшего причала раскачивается на волне один из немногих оставшихся целыми боевых катеров, готовый через несколько минут покинуть Крымский берег. И в это самое время к причалу подруливает наша "эмка", из которой выскакивают

майор и две женщины в гражданской одежде. Офицер перепрыгивает на борт катера и обращается к капитану, протягивая ему какой-то листок:

- Приказ командующего! Приказ командующего! Срочно доставить наш груз на Таманский берег! Срочно!

Командир катера несколько мгновений рассматривает содержание листка и стоящие рядом с причалом Кузьмич с ребятами слышат:

- Хорошо! Переносите! Быстро! Быстро!

Из “эмки” на борт катера перетаскиваются два больших картонных ящика и четыре деревянных. Голос командира катера:

- А что в них?

- Золото! Слитки! Симферопольский Госбанк!

Катер стремительно отваливает от причала к восточному берегу пролива, но через десять минут и даже меньше Кузьмич с ребятами становятся свидетелями прямого попадания в катер крупного немецкого снаряда.

...Я смотрю на выдавшие виды карту, на которой Кузьмич своими за- ' скорузлыми от рыбацкого труда пальцами указывает мне крохотную красную точку:

- Вот место... гибели катера. Практически на створе Еникальского и Ахиллеонского маяков. Я уже много раз пытался обшарить полосу этого створа в месте исчезновения того катерка, но ничего не нашел, кроме ржавого стрелкового оружия. Да видно там, под водой, плоховато... Но главное - много ила.

Всматриваюсь в карту. Глубины здесь менее 10 метров при видимости не более нескольких метров. Потребуется много часов, чтобы облазить довольно широкую полосу этого створа для возможного обнаружения хотя бы малой части “клада”. И потом - столько лет пробежало... Это ведь двухметровый ил... нужна надежная группа аквалангистов с плавсредством - “базой”, с компрессором, металлоискателями, как это говорил один из героев пикулевского “Моонзунда” - “думать! Надо хорошенько думать”!

Кузьмич аккуратно сворачивает свой драгоценный лист:

- Ладно. Скажешь, когда подумаешь.

Позднее, будучи дома, в Звездном городке, я встретился с Дмитрием Гурьевым, братом нашего матроса, Андрея Гурьева, который участвовал в парусной Трансатлантической регате на “Гелиосе”. Тогда Дмитрий загорелся самой идеей поиска, но, столкнувшись с десятками сопутствующих проблем, потихоньку остыл, хотя иногда позванивал мне, пытаясь возобновить разговор, но мне тогда уже было не до поиска морских сокровищ.

А ведь где-то на дне Керченского пролива, зарывшись в морской ил, ожидают энтузиастов золотые слитки войны...

НЕ ВЕДАЕШЬ - МОЛЧИ!

Очень-очень медленно продолжалась наша работа над созданием скоростного океанского парусника, способного одолеть “Голубую Ленгу Атлантики” за время менее шести суток. Любому человеку понятно, сколько все это потребует знаний, времени и средств...

Наших коллег по созданию катамарана, высококлассных авиационных специалистов из известного отечественного КБ, вдохновляла сама идея реализации “океанского перелета” (как они выражались) с применением принципиально новых корпусов и парусного вооружения. Обоснование сего проекта и его перспективы были изложены нами в пресс-релизе, направлены мэру Москвы Ю.М.Лужкову.

Было известно, что за рубежом уже несколько лет ведется такая же работа над проектом яхты-рекордсмена с той же целью, при этом наши зарубежные друзья-соперники проверяют буквально десятки вариантов парусного вооружения, уделяя особое внимание наиболее перспективным, а порой просто уникальным по своей сути “ноу-хау”. Что ж, мы не сидели, сложа руки. За полтора года при всех наших финансовых проблемах нам удалось испытать полутораметровую модель нашего парусного “рекордсмена” с довольно многообещающими результатами. И для исключения каких-либо даже малых принципиальных ошибок проекта было принято решение провести дополнительные испытания на более укрупненной модели парусника, главным содержанием которых было установление возможности управления объемным парусным вооружением. На первом из намеченных 5 этапов, самом простом, мы планировали всего лишь установить элементарное влияние подъемной силы паруса на создание режима глиссирования яхточки-модели. При этом нас не тревожило, как и чем будет создаваться подъемная сила, разгружающая водоизмещение яхточки. Для этого нами был избран самый простой и дешевый способ - принцип монгольфьера, единственно, с дискретной тепловой “подпиткой” несущего объема паруса простейшей конструкции без сложнейшей его структуры, характерной для объединенной схемы - термо-гелиевой.

Попросту говоря, нам был необходим примитивный тепловой шарик диаметром четыре метра, который вполне обеспечивал нам 25% разгрузку проверяемой модели яхточки.

Надо сказать, что бывая в штате Аризона, мне приходилось около сотни часов провести в “гондолах”, а попросту - в корзинах здешних монгольфьеров, здесь в выходные дни они буквально закрывали собой почти все небо над Фениксом. Здесь это один из видов и способов отдыха. Почему-то на меня эти “полеты” не производили особого впечатления, то ли в силу их ограниченности, то ли из-за сходства с чем-то аттракционным, ведь не даром англичане называли эту забаву “аттракционной бестолковостью”. Не знаю почему, но после моих “полетов” (максимальная высота до 1700 метров), приобщившись к их примитивному управлению,

мой интерес к ним был утрачен. Действительно: аттракцион - возбудился человек от высоты, повосторгался небесным простором и видом земли, красиво здорово! Но дальше-то что? Раз, два раза, десять раз поднял себя человек, а за каждым полетом - тупик! Куда? Зачем тебя занесло? В чем же смысл содеянного? В щекотании нервов? Но это лишь для новичков... Да вы не подумайте, пожалуйста, что я враг монгольфьеров и их поклонников: поднимайтесь себе сколько хотите, в... парке аттракционов, отдыхайте.

Тут речь идет совсем о другом.

Когда кто-либо обращается ко мне и моим товарищам за советом или помощью - ни один человек ни разу не получил отказа даже при далёких от наших интересов темах. Вот и у нас возникла необходимость в упомянутом выше малом тепловом шарике, однослойном, простейшем, требующем всего-то несколько десятков квадратных метров лавсана! Есть же люди, умеющие склеить-сшить такое "изделие". А пришлось нам искать "выход" на человека, знающего таких людей. Нам подсказали: вы обратитесь к "вице-президенту" российского воздухоплавания имя рек! Дали нам и телефон столь важного "государственного" лица.

Звоню я этому "вице-президенту", прошу уделить мне пять минут на "личном приеме" и слышу:

- Буду через неделю!

Звоню через 10 дней. Голос:

- А что у вас? Буду через три дня.

Проходит ещё неделя. Застать этого "вице" на работе - целая проблема.

Узнаю его домашний адрес у секретарши и пишу ему краткую весточку с ещё более кратким содержанием-просьбой об оказании содействия в изготовлении нам теплового шарика. Взамен мы передадим нашим помощникам за это парусник "Лазер" с полным вооружением: отдыхай, катайся на любом водохранилище, если не сам, то передай его своим детям или внукам: это же для них маленькое чудо на воде!

Ждём ответа неделю, другую. Тишина. Вероятно нет у "вице" денег на конверт.

В один из вечеров звоню "вице" домой. Услышанное нами в телефонной трубке буквально ошарашивает:

- Это утопия! Это утопия! Мне газа хватает на полчаса. 50 литров на полчаса. Это утопия!

Мы молча, переглядываемся: может мы попали в клинику? Перезваниваю. И вновь вопль:

- Это утопия!

Какой-то "вице" - попугай! Какая-то "вице"-истерика.

В конце концов, мы ухитрились узнать у него место изготовления лишь ткани - лавсана.

- В Боллошове! В Боллошове! Сами обращайтесь в их отдел сбыта.

Ни телефона, ни фамилий этот “вице” не догадывается нам назвать. Настоящая истерия по телефону.

Тем временем французы и англичане в новом году начинают серию серьёзнейших испытаний океанских скоростных парусников с объёмным вооружением.

Спасибо тебе, “господин вице-президент”, за совет и помощь русским людям.

ЖАДЮГА

Уже в начале декабря посетила нас настоящая русская зимушка - зима, с морозами под -25°C и почти метровыми снежными заносами- сугробами. Притих Звездный городок. Лишь ближе к полудню начинают выползать из своих квартир-берлог жильцы и не спеша, со снежным хрустом направляются в магазины за харчем. Иногда у проложенной по льду нашего озера лыжни можно видеть стайку школьников-лыжников, которые, несмотря на мороз, накручивает свои лыжные круги под бдительным оком преподавателя физкультуры Дмитрия Ивановича Фоменко.

Лес вокруг нашего городка - поистине сказка! Оказавшись в нём, невольно начинаешь напевать простую, но милую сердцу песенку:

У леса на опушке.

Жила зима в избушке,

Она снежки солила

В берёзовой кадушке...

И у человека сразу же появляется желание отыскать эту избушку и заглянуть в гости к её хозяйке, снежков солёненьких попробовать.

В один из декабрьских дней добрался я на электричке до столицы нашей, чтобы посетить почтамт, что обосновался издавна на Чистых Прудах. Это мой еженедельный маршрут: в этот день отсылаю я письма нашей Любушке в далёкую заокеанскую страну с приложением всевозможных интересных задач и головоломок для старшего внука Кольки-Колокольчика. Да и младший внук-малышонок Гришка нет-нет, да и получит от своего деда какую-нибудь загадочную картинку... А почему всё это приходится отсылать из Москвы? Дело в том, что ещё несколько лет назад пытались мы отправлять свою корреспонденцию из почтового отделения Звёздного городка, но... Ни одно из десятка, посланных отсюда наших писем до адресата не дошло, не доехало, не долетело. Вероятно, на каком-то участке пересылки кое-кто проявлял излишнее любопытство, удовлетворив которое, выбрасывал потом наши конверты, да и только ли наши?

Вот и стал я ездить в столицу, и с тех пор ни одно из наших посланий не пропало и доходило в полной целостности и сохранности. Не могу не упомянуть здесь о замечательных, внимательных и доброжелательных работницах этого почтамта, а из них Ольгу Владимировну Прокопенко - спасибо тебе, Оля, за твоё прекрасное отношение к людям, у твоего служебного окошка оказавшимся...

Свою корреспонденцию отправил, у меня оставалось немного свободного времени, и решил я заскочить в редакцию, повидать своего хорошего знакомого “журналиста-космонавта” он, действительно, проходил курс подготовки для участия в кратковременном орбитальном полёте Андрея Тарасова, но его, к сожалению, не оказалось в редакции, а жаль: мы не виделись с ним почти год. Нуда ничего, созвонимся и встретимся на следующей неделе...

Возвращаюсь домой. Электричка мягко, без столь знакомого нам “летнего” стука, и дребезжания, скользит по заснеженному пути, словно парусник по-тихому без волн морю. В вагоне тепло. У многих едущих в руках книги. Кто сказал, что у нас стали читать меньше? Достая и свою книжку с довольно интригующим названием “Знаменитые женщины планеты” (автор Л.Петкезич). Издание довольно своеобразное; многие десятки женских, судеб разных “весовых” категорий, жаль только, что практически все рассказы-миниатюры выполнены в “масскультурном” варианте, хотя и с довольно пространной информацией о каждой Героине повествования. Через неделю отправлю книжку Любе, тем более, что на обложке среди десятка женских лиц имеется одно, слишком уж похожее на нашу младшую. Бывает же такое!

В Подлипках в наш вагон вваливается возбуждённо-весёлая студенческая ватага. Вагон мгновенно наполняется смехом, шумом, гомоном, ребята и девочки занимают два свободных и соседних с моим “купе”, продолжая непрерывно обсуждать свои многочисленные учебно-человеческие проблемы. Ребята, явно рисуются перед своими даже очень симпатичными спутницами, и лишь одна из студенток, девушка с весьма простым, но каким-то добрым лицом, оказывается вне внимания кавалеров-студентов.

Её одежда (по качеству явно уступает зимним шубкам подруг-красавиц, и она тихо и скромно сидит, положив руки в видавших виды рукавичках на свою сумку.

Остановка Болшево. В наш вагон буквально вползает толстенная, довольно молодая девица исключительно располагающей к себе круглой, как луна, рожице, и все в вагоне слышат её звонкий голос:

- Шоколад! Шоколад! Наш русский шоколад! Не какой-то там поганый “Сникерс”. И дешёвый! Одна плитка - 10 рэ! Две - 15! А три - всего на- всего 20 рэ!

Студенты, смеясь и остря, предлагают своим симпатичным спутницам откусать столь громко и пространно заявленное лакомство, но те отказываются. И тут один из этих молодых людей скорее всего в шутку обращается к скромно сидящей упомянутой девушке:

- Маша! А тебя угостить? Сколько взять тебе плиток?

Спокойный ответ девушки заставляет замолчать всё её студенческое окружение:

- Купи мне, пожалуйста, 20, если тебе не жалко...

У студента, автора обращения к девушке, широко раскрывается рот:

- Ну, ты и даёшь! Какое, нахальство! За это ты ничего не получишь. А вот им, - студент указывает на красавиц, - всем по плитке. Угощаю!

Торговка уже отпускает шоколад смеющимся красавицам, и тут я вручаю ей последние, имеющиеся у меня 200 рублей:

- Пожалуйста, 20 плиток, повкуснее!

И кладу весь этот шоколад на сумку явно оторопевшей от происходящего девушки с простым крестьянским лицом, бросив при этом в адрес студента-болтуна:

- И не стыдно тебе так вести себя, жадюга.

После чего перехожу в соседний вагон.

АВТОЗАК

В один из студеных январских дней нового тысячелетия пришлось оказаться мне на одном из московских вокзалов: ждал приезда товарища. Неожиданно моё внимание привлёк один из вагонов стоящего на резервном пути поезда. Вагон как вагон, зелёный, как и все его собратья в составе, только, вот, с аккуратными чёрными штрихами стальных решёток на всех его окнах. Это был вагон как, чудовищное транспортное средство для перевозки гомо сапиенс в места, где людей наших, правых и неправых, красивых и обычных, умных и простых, виновных и невиновных превращали, по словам Берии, в “лагерную пыль”.

За непрозрачными стёклами окон вагон-зака невозможно было рассмотреть находящиеся в нём страдания человеческие, когда каждое из его “купе” “загружают” десятками людей. И представил я себе, как доставлялся в место заключения будущий Главный Конструктор пилотируемой космической техники Сергей Павлович Королёв... И содрогнулся от этой мысли. Содрогнулся потому, что имел свой небольшой опыт подобной “транспортировки”, хотя и несравнимой с бедами людскими того времени...

Зимние сумерки превращают нашу маленькую камеру щёлковского СИЗО в образец мрачной вонючей пещеры. Тусклая лампочка под потолком не позволяет разобрать даже крупный газетный шрифт. Положение усугубляется клубами табачного дыма, извергаемого дюжиной курильщиков, сидящих на полу камеры, ибо сидеть на единственном топчане, а тем более - стоять здесь невозможно из-за, сильного задымления.

Я здесь десятки сутки. Совершенно непонятно поведение местных “вертухаев”: несколько раз в день они почему-то полностью меняют десяток моих коллег по камере, запуская им на смену такое же количество новых курильщиков из соседних камер. Я остаюсь единственным постоянным обитателем этого помещения, к тому же - некурящим.

За время своего пребывания здесь несколько раз в приоткрываемом дверном “окошке-амбразуре” замечал облезлую голову помощника прокурора Копылова, ведущего моё “дело”: интересуется нелюдь “своим”

подследственным. Жив, жив я, плешивая обезьяна, не дождёшься, чтобы шестидесятилетний человек запросил у нелюдя пощады.

Звякает металлом дверь камеры:

- Ветер! С вещами на выход.

Какие там вещи. У меня и простецкого полиэтиленового пакета не было, а лёгкий спортивный костюм за десять суток моего нахождения здесь по всем параметрам стал смахивать на одежду бомжа.

На дворе меня уже ждет “автозак” - грузовое авто, в котором перевозят заключённых разных категорий.

Холодно: -5°С. Почему мне дважды не разрешили передачу одежды? Мне привозили её тёща и мой товарищ Саша Чеховской, подполковник. Странно всё это выглядело.

Я оказываюсь единственным “пассажиром” автозака. Двое сопровождающих сержантов милиции втискивают меня в один из находящихся здесь, внутри кузова металлических “пеналов-ящиков” с сечением 40х40 сантиметров. Человек даже моей жилистой комплекции едва вмещается в этот объём, причём на мне ведь нет верхней одежды! В дополнение ко всему меня ещё придавливают металлической дверью ящика, буквально впечатывая в этот объём. Молчу.

Стоим 10 минут. Стоим 20. Металлические стенки “ящика” начинают буквально “прожигать” меня холодом. Наконец, слышу шаги своих “вертухаев”:

- Ну, как он там?.
- Что-то ни звука, а ведь раздетый.
- Сейчас - повеселим его. Пусть запоёт.

Приоткрывается дверца моего ящика, и ко мне всовывают грязный вонючий матрац, затем дверца с силой прижимается, лишая меня даже возможности свободно дышать. Я почти - в скафандре. Очень привычная обстановка. Правда, в наших “Орланах” и “Кречетах” более приятные запахи (здесь от матраца несёт мочой) и не стынешь от холода стальных стенок ящика. Молчу. И даже улыбаюсь про себя. Интересно, что дальше придумают эти двуногие?

Но их сообразительности хватает лишь на одно: ко мне впихивают чью-то грязную фуфайку, чем окончательно заполняют весь объём ящика. Ничего. Буду считать, что остекление гермошлема моего “скафандра” просто немного запотело, и, я перестал видеть окружавший меня мир. Молчу.

Слышу тихое:

- Смотри-ка, молчит... Терпеливый попался.
- А живой он там?
- Эй! Дед! Ты живой там?

“Вертухай” пытается рассмотреть меня в отверстия, сделанные в верхней части стальной дверцы.

- Глянь-ка. Еще улыбается! Крепкий, б..., попался!

И только через час зарычал, запрыгал по уличным колдобинам “автозак”, увозя меня упакованного в металл и в вонючие тряпки, в одну из Бутырских

камер. Однажды мне даже показалось, что примерзаю я к стальным стенкам своей коробки.

Ехали долго. Больше часа. Но ничего. Защитила меня судьба и на этот раз: даже лёгкой простуды не заполучил за свой этот “рейс”.

Запомним и это, Иванов-папа, мусор Тощев и плешивый Копылов. Запомним, как запомнил пустые глаза своих мучителей-эсесовцев в далеком детстве.

“Э - Э”¹

Над полигоном бездонное синее небо. С минуты на минуту находящаяся здесь исполнительная бригада ждёт появления в этой синеве совершенно нового отличного от спускаемого аппарата (ЛК) космического корабля “Союз” объекта, способного доставлять на Землю экипаж в составе трёх человек.

Это новый вид перспективных космических возвращаемых аппаратов (ВА) впервые создан на известной фирме Академика, дважды Героя Социалистического Труда Владимира Николаевича Челомея. И предназначен он для реализации обширнейшей и очень перспективной программы орбитальных исследований. А в данный момент присутствующие на спуске специалисты проверяли надёжность срабатывания очень важного (если не самого существенного) звена ВА - его основной парашютной системы (ОСП).

Для этой цели на фирме было изготовлено два космических корабля и определён строгий график испытаний парашютных систем их ВА.

По своей геометрии и характеристикам ВА приближались к спускаемым аппаратам американских лунных программ “Аполлон”, успешно реализованных в 1969-1974 годах с шестью удачными посадками на лунную поверхность. Спускаемые аппараты “Аполлонов” оказались очень надёжными, обеспечивая возвращение лунных экипажей по схеме приводнения на океанскую акваторию.

...Неожиданно, как и бывает в таких случаях, над головами наблюдавших появления ВА небесная синева перечёркивается тонкой инверсионной линией: аппарат приближается к высоте введения в действие своей парашютной системы, и тут все присутствующие на спуске буквально замирают на своих местах: ВА проскакивает высоту введения ОСП, продолжая падать, не снижая скорости. А через несколько десятков секунд присутствующие становятся свидетелями отрезка ОСП, крупнейшей аварии беспилотного ВА со скоростью во многие десятки метров в секунду, аппарат врезается в поверхность полигона...

Проходит некоторое время.

На орбите еще один космический корабль Челомеевской фирмы с тем же назначением - проверкой срабатывания основной парашютной системы ВА. Были проанализированы все возможные и невозможные варианты причин

¹ “Э - Э” - “Электро” - эсэрка

отказа парашютов на первом спуске ВА. Многократно резервируются все звенья ОСП, обеспечивая сверхнадёжность её работы.

Снова полигон. Снова люди всматриваются уже с тревогой в небо, ожидая появления ВА, в надежде увидеть над аппаратом разноцветье парашютных куполов.

И опять - сильнейший удар ВА о поверхность Земли... Опять отказ парашютов...

Но, пожалуй, хватит испытывать твоё терпение, читатель.

Дело в том, что в надёжной цепи взаимосвязанных своей строгой последовательностью технологических операций ОСП был единственный, но очень существенный изъян. Одно слабое звено. И не просто слабое, а преступно ослабленное и ненадёжное.

Если при проектировании ОСП ВА все разнополюсные контакты электроцепей были разнесены практически, находились на диаметрально противоположных концах контейнера ОСП, то уже при изготовлении системы, в результате примитивных и преступных “умозаключений” с целью экономии веса эти разнополюсные контакты были введены в один, общий разъём! Вы скажете, ну, и что же? Где же опасность? Да, она была совсем рядом! Незамеченная даже опытным конструкторским глазом: при спуске аппарата образующийся водяной конденсат самым примитивным образом замыкал расположенные рядом “в тесном содружестве” разноименные электроконтакты, что мгновенно приводило к отказу срабатывания всех рабочих звеньев парашютной системы возвращаемого аппарата. Всех звеньев: от отстрела крышки парашютного контейнера до введения вытяжного (тормозного) парашюта.

В результате отказа парашютной системы возвращаемый аппарат при контакте с землей на огромной скорости раскалывался как глиняный горшок...

Вопрос: как мог пятидесятилетний опытный конструктор (он уже в данном случае и технолог) дважды допускать столь нелепую со всех точек зрения ошибку?

Фамилия этой женщины-конструктора - Каплан.

МОЛИТВА

Кто сказал, что в наши дни
Нет чудес и нет любви?

Я отвечу лишь одно:
Это грустно и смешно...
Юрий Антонов

Вот уж, не думал, не гадал, что в скором времени мне придётся узнать историю и сопровождавшие её события, подпадающие под беспощадное и жестокое определение вымысел. Расскажи мне её другой человек, а не сам “автор”, я, да и вряд ли кто ещё, мог бы в неё поверить.

Наш рейс в Сиэтле несколько задерживался, и я вышел за пределы аэропорта побродить и немного размяться после прилёта сюда из Лос-Анджелеса. Природа здесь очень напоминала мне нашу, средней полосы Родины, особенно родного Подмоскovie: такие же леса и перелески, такие же скачущие по ветвям белки и стрекочущие сороки. Меня всегда удивляла чистота улиц небольших американских городов, ухоженность местных газонов, дворики перед домами, разнокалиберных и многочисленных детских площадок и автостоянок. В этом Сиэтл не был исключением, несмотря на некоторую претензию на “мегаполюсность”, украшенный ко всему вершинами не таких уж далёких гор.

Усевшись на свободную скамейку парка, я стал рассматривать купленные ещё в Фениксе российские газеты.

Что привлекло ко мне внимание одного из прогуливающихся здесь джентльменов, трудно сказать. Вероятно, это были слишком заметные и бросающиеся в глаза крупные заголовки наших газет в моих руках, но этот человек задерживает шаг у моей скамьи:

- Извините! Вы не будете возражать, если я окажусь рядом с вами на этой скамье?

Разве мог я возразить этакой деликатности:

- Да, ради Бога, приземляйтесь, пожалуйста!

Он сел рядом с обычным кивком в знак благодарности. На вид ему было лет 45-50. Короткая с сединой причёска делала его похожим на боксёра. Дорогой костюм выдавал в нём вполне обеспеченного человека.

- Вы из России? - обратился он ко мне, улыбаясь.

- Текст прессы в моих руках может ввести человека в заблуждение, но на сей раз вы угадали.

Мой сосед улыбнулся. И тут я обратил внимание на его глаза: они были цвета густой синевы, отражавшей ко всему ещё и цвет распостёртого над нами, свободного от облаков неба. По каким-то едва ощутимым признакам в этом человеке угадывалась скрытая физическая сила, а в демонстрируемой им деликатности ощущались воспитательные и образовательные составляющие.

- Судя по всему, вы с московского рейса? Верно?

Я согласно кивнул.

- Значит, летим вместе. А вы возвращаетесь домой?

- А вы к нам по делам?

-Скорее, по личным обстоятельствам... Пожалуй, по сугубо личным.... И даже - по очень необычным... Может даже просто невероятным...

Всё это звучало весьма интригующе.

В заполненном лишь наполовину салоне нашего “Боинга” американец, махнув мне рукой, показал на свободное, соседнее со мной место и, подойдя, как и в парке, попросил моего согласия сесть рядом. Впереди было 11 часов полёта.

- Знаете, - сказал я, - меня явно заинтриговал ваш ответ о цели визита в Россию.

- И чем же?

- В нем содержится элемент некоей тайны, а этому я почему-то всегда придаю большое значение: ведь на самом деле, какие невероятные да к тому же ещё и личные обстоятельства могут погнать человека за 12 тысяч миль в другую страну? Ко всему, вы очень хорошо говорите по-русски.

- У меня русские родители. К тому же перед тем, как оказаться в Штатах, мне удалось окончить один из самых престижных ВТУЗов Санкт-Петербурга, то бишь в Ленинграде... Хотя вот уже несколько лет я обитаю в США.

- Теперь меня не удивляет ваш отличный русский язык. Вы просто наш, русский. И всё-таки... Простите великодушно за некоторую назойливость... И всё-таки: какие превеликие и таинственные обстоятельства заставили вас оказаться на борту этого "Боинга", совершая столь далёкий и непростой рейс?

Произнося эти слова, я чувствовал расположение ко мне этого человека, к тому же он, по-видимому, в некоторой степени почему-то проникся ко мне известной долей доверия. Некоторое время он молчал. Впереди по курсу стали заметными проблески пока ещё далёких ледников Гренландии. Наконец, он повернулся ко мне, и в его синих глазах отразились отблески густой небесной синевы из иллюминатора:

- Если вы не безразличны к тайнам, то наверняка умеете их достойно хранить.

В моём взгляде он прочёл молчаливое подтверждение.

- Надеюсь, вам знакомо понятие "Антэрос"? - В его взгляде было любопытство.

- По-моему, это огромное несчастье, которого боялась сама Афродита. Это неразделённая любовь...

- Боже! Вы знакомы с мифологией Эллады? Да... Редкий попутчик... знает это... Нечасто встретишь такого, тем более на высоте 10000 метров... Неразделенная любовь! Это она обрекает человека на невыносимые муки, и мир становится для такого Нессовой одеждой.

- Отравленной одеждой кентавра Несса, которую надел и не мог снять Геракл?

Надо было видеть его лицо, на мгновение перекосившееся гримасой страдания, но уже через секунду ставшее обычным. И я услышал его тихий голос:

- Из мифологии известно, что надо быть беспощадным ко всему, что уничтожает Истину, Любовь и Красоту. И никогда не предавать их. Так уж случилось со мной, что судьба неожиданно послала мне великую возможность познать и длительное время испытывать сильнейшее, ни с чем не сравнимое чувство, не имеющее аналогов по своей фантастичности... Простите. А где вы живёте в России?

- Под Москвой. В Звёздном городке.
- В Звездном??? Фантастика. Нет, это сама судьба... Сама судьба...
Заставила нас обоих оказаться на этом рейсе.

Вот его рассказ.

...14 лет назад в связи с подготовкой лунных и орбитальных программ оказался я в Подмосковном Центре подготовки космонавтов России. Надо сказать, что это место почему-то сразу произвело на меня сильное положительное воздействие, как природой, так и людьми, многие из которых стали не только моими хорошими знакомыми, но и даже друзьями. И надо же было случиться такому: накануне своего отлёта в Токио шёл я по Аллее Героев Звёздного городка к Дому культуры, чтобы в киоске приобрести несколько простеньких местных сувениров. Утро было ясным, немного ветреным, а настроение моё преотличным, хотя и с некоторым оттенком сожаления, которое всегда присутствует у отъезжающего человека. И тут... я увидел идущую мне навстречу лёгкую, прямо-таки воздушную фигурку девочки-подростка лет двенадцати, взглянув на которую, я уже не мог оторвать от неё взгляда: исключительные пропорции фигуры, её стройность каким-то неповторимым образом сочетались с красотой её лица! Я остановился, с изумлением созерцая возникшее передо мной сотворённое природой юное совершенство. И почудилось мне, что это прекрасное существо излучает золотисто-голубоватый нимб.

Девочка замедлила шаг и остановилась. Мелькнула мысль, что она догадывается о своём в буквальном смысле слова необъяснимом воздействии на стоящего перед ней человека. А я... А я не мог отвести взгляда от её прекрасных глаз!

Она уже исчезла, а я продолжал стоять, не делая даже попытки сдвинуться с места. Опомившись, я вдруг испытал чудовищный страх из-за того, что больше никогда не увижу её, и я бросился к группе идущих мне навстречу подростков, её одноклассков:

- Скажите мне. Пожалуйста! Прошу вас! Кто эта девочка, только что прошедшая перед вами здесь, по аллее?

Ребята и девчонки таращат на меня полные удивления глаза:

- Это наша НАТ! Её зовут НАТ!

- Простите! А в каком она классе?

- В шестом... Нашей школы... А что? А вы кто?

НАТ! Это слово зазвучало для меня волшебным заклинанием, словно прилетела она из таинственной звездной системы! Светлая частица прекрасного, оказавшаяся здесь, в Звёздном городке. И тут я понял: я должен, должен увидеть её! Обязательно увидеть. И ничто не должно помешать этому.

Отменён мой рейс из Шереметьево-2 в Токио! Какая там Япония! Мои коллеги в США не могут объяснить себе столь неожиданную легкомысленность моего поведения. Поведения, приводящего к потере нашими фирмами десятков миллионов баксов! Мою задержку в России бизнесмены приписывают

непонятым, необъяснимым моим дурачеством. Отказаться от плывущей в наши руки многомиллионной валюты, по их просвещённому, но отравленному бизнесом мнению, может лишь... сумасшедший.

А тем временам... Тем временам я обосновался в отеле Звездного городка лишь с одной мыслью: увидеть моё светлое волшебное существо. Чего бы мне это ни стоило! Но главное случилось: я нашел её и мне удалось получить её доверие... Она в тайне от всех приняла от меня скромные неказистые подарки в виде небольшой, написанной маслом картины с изображением парусника и простенького экслибриса с её именем. В один из августовских вечеров я передал ей карту звёздного неба, на которой в одном из созвездий светила голубовато-серебряным светом звезда НАТ (это истинное название звезды). В этот вечер нам удалось побродить вместе несколько засов и чем больше я узнавал её, тем светлее и притягательнее становился для меня её образ, утверждаясь навечно в моём сознании эталоном вселенской красоты.

Принято считать, что самым дорогим для человека является его жизнь. Я без колебания отдал бы свою за эту маленькую леди. Неожиданно я почувствовал, сколь безразличны мне честно заработанные мной миллионы долларов. Мне показались ненужными все эти “ранчо” на Вирджинских островах и Багамах! Пустыми и какими-то убогими стали казаться мне мои особняки в Сан-Франциско и Сиэтле, в Фениксе и Сан-Диего... Весь этот “строительный мусор” я отдал бы за возможность хотя бы раз в месяц видеть это волшебной красоты существо...

Как великую драгоценность я храню подаренные мне ею рисунок яхты с приложенным к нему её четверостишием, начертанным её рукой. Вот оно:

Если ты позовешь, я приду!
Буду крепкой опорой в беде,
И в невзгодах тебе помогу.
Буду рядом с тобою везде!

Я прошу судьбу лишь об одном: пусть моя маленькая леди хотя бы однажды услышит меня и вспомнит, как мы вместе с ней наслаждались мелодиями Дж. Ласти и Мариа, Папетти и Веккерса, когда она буквально замирала от чудных звуков “Одинокого пастуха” и “Белой Ночи”, “Крестного отца” и “Токатты”, от “Эммануэля” и “Полёта Кондора”... Это было на морском берегу у далекого маяка.

И тогда я сказал про себя: любимая!
Ты счастлива? Тогда я далеко-далеко:
У тебя горе? Я - уже рядом!
Кто-то разлюбил тебя?
Я притащу его к тебе в мешке!
У тебя есть враг?
Считай, что он уже мёртв!
И не дай Бог, если кто обидит тебя,
Любимая!

Это звучит, как молитва. А может это так и есть? Кто знает?

Он замолчал и не проронил больше ни единого слова до нашего приземления в Шереметьево-2.

Расставаясь, мы даже не назвали друг другу своих имён. У меня в руках оказался лишь крохотный листок-ксерокопия то ли пожелания, то ли обещания, данного когда-то этим прекрасным существом русскому человеку из США в Звёздном городке.

И подумалось мне: ведь он до сих пор ждёт её телефонного звонка! Звонка-памяти, который, пролетев десятки тысяч миль, вдруг прозвучит там, где его ждёт уже многие годы этот человек! И будет ждать всю жизнь!

А вдруг этот звонок прозвучит?

Всё может быть... Ведь мир прекрасен!

АМБРАЗУРА или А ВЕДЬ ВСЁ МОГЛО БЫТЬ...

Я не люблю сослагательное наклонение. С детства у меня к нему воспитывалось негативное отношение по весьма простой причине: оно всегда оправдывает любые ошибки людей, а порой - и не прикрытое негодяйство! “Если бы да кабы, то росли б во рту грибы” Эту фразу мои домашние при случае произносили на всякие оправдательные “аргументы” явно провинившихся, но делающих попытку обязательно оправдаться... К счастью, такое у нас случалось не так уж часто.

И вдруг я ловлю себя на устойчивом (хотя и мысленно) обращении к сослагательности, правда, лишь в единственном случае. Если бы... не ушел из жизни Главный Конструктор пилотируемых комплексов Сергей Павлович Королев, у меня не было бы и крупницы сомнения в том, что при его поддержке в течение ближайших 5-6 лет проект “Аэлита” был бы реализован (он сам говорил о пяти годах). Несомненно, что в этом лихом деле его обязательно поддержал бы Президент Академии наук М.В.Келдыш, первый космонавт планеты Юрий Гагарин, не говоря уже о генерале Н.П.Каманине.

Итак, середина 1968 года, года начала лунных экспедиций янки. При сломанной нашей Лунной программе Л1-Л3 проект “Аэлита” был сверхдостоинным ответом всей астронавтике США! Да еще каким ответом.

Допустим, наш марсианский корабль стартует в середине 1968 года. К моменту старта “Аполлона 11” (Армстронг, Олдрин, Коллин) “Аэлита” уже находилась бы на подлете к Марсу.

В это время на корабле включается программа, о которой даже не могли подозревать руководители этого полета.

На бортовой ЭВМ “Аэлиты” идет непрерывный контроль параметров подлетного участка орбиты с упреждением определения точного времени отделения спускаемого аппарата ИВА-2 от основного блока марсианского

корабля по варианту безвозвратной посадки на поверхность Марса. За два часа до отделения выполняется переход человека в СК и его размещение в ИВА-2 с блокировкой возможности его возвращения в основной блок марсианского корабля. В очень малом временном диапазоне по команде ЭВМ происходит отделение ИВА-2 с человеком от “Аэлиты”. Отделение навсегда...

Таким образом, в середине 1969 года наш человек оказывается в автономном полете над Красной планетой, полете, в котором в течение всего лишь 17 минут происходит автоматическая ориентация ИВА-2 с последующей стабилизацией и немедленным включением ТДУ.

ИВА-2 буквально простреливает разряженную атмосферу планеты, а таймер вводит в действие ОСП на высоте 27 км. Над ИВА-2 и над Марсом расцветает огромный бело-оранжевый цветок парашютного купола.

Спустя считанные минуты, ИВА-2 приближается к поверхности планеты на высоту срабатывания ДМП (двигателя мягкой посадки) и тут же касается окрашенной в красноватые тона марсианской равнины... Тут же происходит отстрел парашютов.

У человека, находящегося в ИВА-2, целых четыре часа жизни. Но какой! Он, сняв блокировку, открывает крышку люка и осторожно покидает аппарат, оставляя первые человеческие следы на поверхности самой таинственной планеты Солнечной системы... Что здесь? Кто здесь?

Человек внимательно оглядывает такой близкий, по сравнению с земным, горизонт. Он медленно поворачивается и вдруг перед ним появляется фантастическое видение: у самого горизонта отчетливо просматривается хорошо заметная цепочка из правильных четырёхгранных пирамид! Пораженный увиденным, он пытается сосчитать их, что удастся не сразу. Наконец, он справляется с задачей: их - 19! И тут же космонавт замечает, что он находится на довольно высоком плато, поднимающемся над равниной. Человек делает два десятка шагов в направлении пирамид и оказывается у края плато. А внизу перед ним возникает картина, которую невозможно принять за реальность: огромное человеческое лицо, лежащее у основания плато поражает своими пропорциями и размерами. Это был один из уже известных землянам марсианских “сфинксов”, обнаруженных американскими “Викингами”.

Космонавт медленно переходит к западному краю плато, приближаясь к “сфинксу” на сотню метров, продолжая всматриваться в это, наверняка, искусственное творение и тут же обнаруживает на “лице” вязь из огромных, до 50 метров высоты орфографических знаков.

Человек извлекает из наружной ниши скафандра миниатюрную фотокамеру и крохотный видеофиксатор. На пленку запечатляются все элементы “лица” “сфинкса”, иероглифы и явно заметная “слеза” в уголке одного из закрытых огромными веками глаз.

С самой высокой точки плато космонавт ведет фото и видеосъемку открывшейся перед ним панорамы с пирамидами и широкой прямой и ровной лентой некоего подобию шоссе, ведущего от пирамиды к “сфинксу”.

...Уже потрачено более 80% временного резерва пребывания в скафандре. У него остается всего один час жизни. Человек поднимается на самую высокую точку плато и, приведя в действие механизм раскрытия портативного контейнера, извлекает и фиксирует на плато флаг своей Родины.

Он вновь у места своего “примарсения”.

Контроль параметров атмосферы скафандра: парциальные давления кислорода $P_{O_2}=71$ мм Hg, углекислоты $PCO_2 = 11$ мм Hg, водяных паров $PH_2 = 22$ мм Hg. Бросается в глаза быстрое нарастание содержания углекислоты в замкнутом цикле скафандра.

Человек медленно садится на каменный выступ и замечает, как под действием марсианского ветра перемещаются огромные складки ткани, распростертого у его ног отделившегося от ИВА-2 парашюта. Он переключает барометр¹ скафандра на измерение внешнего атмосферного давления Марса. На шкале прибора возникает зеленоватая группка цифр: общее давление $P=10$ мм Hg, $P_{O_2}=1$ мм Hg, углекислоты $PCO_2= 9$ мм Hg, водяных паров $PH_2= 1$ мм Hg. Приходит спокойная мысль: сюда бы мой малютку-компрессор для зарядки баллонов аквалангов. Можно было бы и еще продержаться...

Неожиданно он замечает в двух-трех метрах от себя несколько скругленных, словно отточенных водой камней. Он не знает, что заставило его поднять один из них и расколоть его ударом о выступающий скальный выступ. Камень непонятным образом разьединяется на две совершенно одинаковые половинки, на внутренней стороне одной из которых он видит прекрасный профиль женского лица... Неужели Аэлита передает ему свой последний привет?

Наступает ночь. На черно-синем марсианском небе совершенно свободном от каких-либо облаков, он видит прекрасные, знакомые с далекого своего детства созвездия. И тут он замечает, как над горизонтом поднимается и посылает ему свой прощальный луч яркая голубая звезда по имени Земля...

В эти самые часы американец Нейл Армстронг делает своей первый шаг на поверхности Луны.

34-61

...Сию на поваленном бурей огромном стволе сосны у края нашей лесной танцплощадки. Бывшей танцплощадки Звездного городка. Ее поверхность, уложенная красивыми бетонными плитами, давно скрылась под большим травяным ковром, зарослю кустарников, выросших на покрывающем плиты толстом слое нанесенной дождями земли. Сегодня редкий житель городка знает о ее существовании, и лишь единственный

¹ Барометр - газоанализатор

оставшийся указатель свидетельствует о том, что здесь когда-то было. Это высокий бетонный фонарный столб...

Сорок лет назад стал заселяться Звездный городок. Здесь среди прекрасного густого лесного массива было первоначально построено четыре жилых дома два 2-этажных и две "хрущевки" в пять этажей каждая (10 и 11). Добраивалось первое здание гостиницы "Орбита" и Дома культуры, названного позднее по недомыслию "Домом космонавтов" (разве они там работают или проживают?). Только что начала покрываться, моститься плиткой Аллея Героев, а на месте всех ныне существующих домов были густые лесные заросли.

Вокруг необычайная тишина лесная. Изредка в ветвях прошуршит белка, кося взглядом на постороннего для лесной жизни пришельца. Как всегда неожиданно подает свой голос кукушка, невольно заставляя тебя загадывать оставшиеся тебе для жизни годы, стук дятла напоминает тебе о великом значении труда для всего, живущего на Земле, и уж совсем редко тишину нарушает перестук колес далекой электрички..

И тут неожиданно ухо улавливает чей-то тихий голосок. Он медленно приближается ко мне, и через пару минут я вижу выходящую из лесной чащи цепочку людей, скорее всего грибников или собирателей земляники, ягоды которой частенько образовывали здесь обширные краснозеленые ковры.

Подошли. Поздоровались. Двинулись дальше в сторону домов. Одна женщин, повернувшись вдруг тихо позвала кого-то, вероятно отставшего от группы:

- Юра, догоняйте...

На тропинке появляются две новые фигуры, обе в плащах с капюшонами. Один из них Юрий Гагарин, второй мне незнаком, хотя я видел его несколько раз в нашем штабе.

Встаю. Здравуюсь с обоими. Спутник Гагарина проходит дальше. Первый космонавт на минуту задерживается:

- О чем задумался, Константин?

Неожиданно даже для самого себя говорю:

- Хочу, вот, высказать одно пожелание, но стесняюсь.

- Кого? Меня? И какое же? Если это не "Top secret"?

- Какой там "Тор"! Просто хотелось бы, чтобы при получении в перспективе домашнего телефона его номер был бы, скажем... 34-61

Он понял всё.

- Ты серьезно?

- Серьезней не бывает. Ведь это такая простая как и незабываемая память. Хотя бы о нашей первой встрече у СП... Ну, и об этой, лесной...

Гагарин на секунду задумывается.

- Хорошо, - говорит он тихо, - В любом случае, чтобы не случилось, и чтобы не произошло в нашей жизни, ты будешь иметь этот номер... В любом случае, на добрую память, особенно о той, первой, у СП..

... Проходит несколько лет.

Уже три года нет с нами Юрия Гагарина. Пройдя через всякого рода многочисленные тернии, наконец-то получаю для своей семьи квартиру в Звездном городке. С телефоном.

Его номер 526-34-61.

Сколько у нас сменилось начальников узла связи? Полдюжины!

А обращённая к ним просьба Юрия, его напоминание прошли через все эти замены и лица. И не потерялись! Не забылись! Не уничтожились моими “политическими” недругами. Не угасли...

34-61 - год рождения и год полёта.

Вечная тебе благодарность за этот памятный штрих, Первый Космонавт Голубой Планеты Земля.

АСТРОЖУРНАЛИСТ

Мне кажется, что я знаю этого человека тысячу лет. И все это время он абсолютно не меняется, оставаясь таким же быстрым на мысль, не терпимым ко лжи, стремительный на всякого рода беседы, поездки, ответы при личных встречах и на многочисленные телефонные звонки.

Не припомню случая, чтобы он не сдержал своего слова, пренебрег бы самыми незначительными своими сообщениями и отказал бы в помощи обратившимся к нему практически в любой ситуации.

Следующим, несомненно, как все названные выше, превосходным отличительным качеством этого человека была его способность предельно правдиво излагать любой журналистический материал, приготовленный им для публикации. Все предлагаемые им читателю материалы неоднократно проверяются им непосредственно на местах событий всех действующих лиц.

Встречаясь с этим человеком для обсуждения и анализа многих жизненных, в том числе технических и космических тем, я поражался его осведомленности по самым сложным, недоступным для понимания иному человеку вопросам.

Порой у меня создавалось впечатление, что мой собеседник является по крайней мере бортинженером предстоящей экспедиции на геоцентрическую орбиту. Такая профессиональная осведомленность скорее всего и послужила мотивом для включения этого человека в состав группы наших журналистов готовящихся к своему первому “журналистскому” орбитальному полету.

Однажды, во время нашей с ним встречи в редакции “Литературной Газеты”, где мы обсудили возможность создания скоростного парусника и участия на нём моего экипажа в установлении на нем рекорда “Голубой Ленты Атлантики” на маршруте Бостон (США) - Плимут (Англия), я совершенно случайно обмолвится о моём недавнем тогда “экскурсе” в Бутырку, как случае волевого испытания

человеческого характера. (см. рассказ “Нелюдь”).

Я не мог тогда предположить, что эта информация может мобилизовать журналиста на совершенно необычные и неожиданные действия.

Оказывается, сразу же после нашего разговора журналист в течение недели, получив разрешение у соответствующих органов, изучал в Щелковском городском суде мое сфальсифицированное нелюдью с целью вымогательства “уголовное дело”. Затем в “Литературке” появился его огромный (иначе не скажешь: целая полоса) очерк, который произвел эффект взрыва. В мой адрес поступило множество писем читателей “ЛГ”. А телефонным звонкам жителей Звездного городка я потерял счёт. Звонили из Ленинграда и Москвы, из Курска и Одессы, из Минска и Новосибирска! Все без исключения авторы этих писем и звонков буквально требовали не оставлять в покое подонков и их “покровителей” из МВД и прокуратуры, организовавших это “мероприятие” с уголовным делом, доставившее столько горестных испытаний нашей семье...

Более 170 семей Звездного городка обратились в Генпрокуратуру и Верховный суд страны с просьбой об обязательном пересмотре моего сфальсифицированного “дела”, из-за обширнейшей лживости “аргументов” обвинения и отсутствия даже намека на их анализ и сравнение с многочисленными документальными доводами моей непричастности к “делу”.

Затем последовала публикация журналиста в журнале “Элита” с последующим посещением нашей семьи группой тележурналистов Центрального телевидения, возглавляемой Галиной Хавраевой. Этот материал был представлен на суд зрителей по одному из центральных каналов ТВ в рубрике “Шестое чувство”.

На всё это последовал телефонный звонок из Генпрокуратуры (Най- данов). Я был в командировке, и весь этот разговор записали моя жена и ее мать.

Вот он:

- С кем я говорю? Мне нужен Ветер!
- Это его тёща, Анна Петровна. А кто вы?
- Найданов из генпрокуратуры. Анна Петровна! Я прошу передать вашему зятю следующее: мы здесь всё понимаем и его состояние тоже... Но пусть он знает, что мы своих даже за их ошибки в этом деле наказывать не будем. Не будем, чтобы они не натворили. Мой совет Ветру и вам: поскорее всё забыть! И не заниматься всякими там вашими разоблачениями. Вы меня поняли?

- Нет, - сказала моя тёща.

- Все равно у вас ничего не получится! - И трубка замолчала...

И вот на протяжении многих лет я получаю на свои запросы лживые “ответы” еще одного клерка Генпрокуратуры, некоего Кузминова. Это су-

щество настолько лживо, что может по этому критерию претендовать на Рекорд Гиннеса!

Узнав о приведенном выше разговоре и поведении клерков Генпрокуратуры журналист “Литературной газеты” предлагает мне обратиться за помощью к нашим читателям и начинает публикацию в “ЛГ” моих рассказов-былей из готовящейся к печати книги, первые из которых стали известны читателям в №№ 79, 11, 13, и последующих в 2002 году.

Чем я мог ответить этому человеку на проявление им столь высокой его человечности? Пока только одним: я предложил ему место матроса в любом океанском яхтенном рейсе, в том числе и в планируемом скоростном переходе Атлантического океана на скоростном катамаране с целью установления рекорда “Голубой Ленты Атлантики”. Пока он весьма корректно отказывается от этого предложения, ссылаясь на ряд объективных причин, в том числе - и на свое опасение оставлять дома в одиночестве свою красавицу-жену Людмилу... Но - поживём - увидим!

Мне трудно было поверить, что человек может делать столько добра другому человеку совершенно бескорыстно. Ничего взамен не получая! Кроме бесконечной признательности моей семье. Такое бескорыстие - явление в наши дни “рыночной экономики... чрезвычайное!

До конца дней своих я и моя семья будем помнить всё то доброе и светлое, что ты сделал и продолжаешь делать для нас. Для моих товарищей, таких же честнейших и неподкупных, как ты сам. К тому же я в любое время готов выполнить любую твою просьбу. И знай - это не бравада!

Потому, что за такими людьми - будущее!

Так-то, мой дорогой друг.

Астрожурналист.

Человек.

Андрей Тарасов.

ГРИШКА

Уже в первый год своего существования, не умея ходить, наш младший внук поразил окружающих двумя моментами своего поведения: способностью за считанные секунды одолевать на четвереньках подъём по довольно-таки длинной лестнице и делиться поровну с окружающими любой съестной вкуснятиной, в его руках оказавшейся, последнее доказывало полное отсутствие у этого маленького человечка чувства жадности. И, конечно, никто в нашей семье и предположить не мог, что этот симпатяга и хитрец, прозванный ещё тогда «Бельмондо» за некое заметное сходство со знаменитым французом, превратится в мирового значения «специалиста» по созданию в доме и на улице нестандартных ситуаций почти космического значения.

Всё началось, с, казалось бы, совсем безобидного вопроса:

- Дед! А зима - это когда всё вокруг белое?

Отвечая утвердительно, разве мог я подумать, что через полчаса окажусь в «зимних» условиях в Аризоне при температуре воздуха +50° градусов в тени.

...Возвращаюсь домой, а вокруг - всё белым-бело. Скажите, вы смогли бы за какие-то тридцать минут размотать и растащить по всем комнатам

24 рулона белой туалетной бумаги. Ну, и что оставалось делать после этого? Как всё это было собирать?

Через неделю Гришка, слушая рассказы своего деда о парусах и океанах реализует своими силами Тихий океан на нашей кухне. Такого я не видел даже в реальных океанских переходах: весь пол кухни площадью

25 квадратных метров покрыт десятисантиметровым слоем воды, на поверхности плавают полсотни бумажных парусников, а точнее - просто кусочков бумаги. Причём, всё это парусное изобилие гоняется порывами ветра из стационарного вентилятора. Не могу не отметить очень важное качество нашего маленького человечка: его исключительную тягу к работе. Оказавшись на улице, когда температура за + 48° С, Гришка может часами, сидя на корточках, собирать сотни камешков, образуя из них некое подобие пирамид. В доме он может часами сооружать из подручного материала яхточки и самолёты, однажды поразив нас постройкой высоченного маяка, фонарь которого венчал его башню у самого потолка. Кажется, Гришка не был лишён и музыкального слуха: нами было подмечено, что при разных звучащих по радио или с экрана мелодиях, он начинал что-то напевать, порой, даже пританцовывая при этом...

И всё-таки дух авантюриста и создания всяких нестандартных жизненных ситуаций явно преобладал перед всем в кудрявой и симпатичной головке внука-младшего.

Как-то нанёс нам визит представитель службы благоустройств жилых территорий, дворов и всяких там усадеб. Дело здесь обычное. Приехал он на своём авто. Но пока бедолага обмерял наш двор, у его машины с колёс исчезли все ниппели. И авто осело на диски, поскольку из камер был стравлен весь воздух. При этом соседями было подмечено, что перед этим трагическим моментом у этой машины десять минут вертелся только один Гришка...

Буквально через пару дней после случившегося нам нанёс визит знакомый офицер полиции, верзила ростом более двух метров и весом в добрую сотню килограммов. И вот стоит наш коп на берегу бассейна, расслабился, ветерок лицо обдувает, внизу волны плещутся, и тут неожиданно зазвонил его служебный мобильник. Но достать мужик его не успел: Гришка в эту самую секунду с такой силой (это-то в четыре года) толкнул стокилограммовую тушу копа в бассейн, что тому и делать больше ничего не оставалось, как изобразить на своей морде гримасы удивления и страха одновременно. В падении.

Что ж, пришлось маме Любе раскошелиться на покупку нового мобильного столь неожиданно пострадавшему блюстителю порядка, ибо его аппарат пришёл в полную негодность в лазурных водах.

Казалось бы, что на этот день нашего внука-разбойника был завершён. Да ничего подобного!

...Мы находимся в супермаркете, надеясь приобрести пострадавшему копу новый мобильный телефон, и тут Гришка пачкает «фантой» свою белоснежную рубашонку, превращая её в рекламный щит оранжевого напитка, и мы видим упрекающие нас взгляды посетителей: не могут даже ребёнка одеть в чистое.

Здесь же покупаем Гришке лёгкую дешёвую рубашонку, но внук против этой замены. Дочь пытается преодолеть это сопротивление силой, но не тут-то было. На помощь матери подключается старший сын Колька, имеющий коричневый пояс каратэиста. И только после моего «подключения» единственное, что нам троим удаётся сделать, так это стащить с Гришки испачканную «фантой» рубашонку. А огромные пространства залов супермаркета оглашаются столь мощным криком моего младшего внука, что мы неожиданно, в течение нескольких секунд становимся центром внимания доброй тысячи сочувствующих Гришке посетителей!

Звонкий и сильный голос обнажённого по пояс младшего внука, орущего при всём том с улыбкой, заставляет нас затащить его в одно из подсобных помещений, где Любе уже с помощью находящихся здесь охранников всё-таки удаётся облачить Гришку в новую рубашку... Правда, один из помощников сего действия был покусан, а второй едва не лишился всех пуговиц на своих брюках, за штанину коих мальчишка уцепился с такой силой, что мужик мог бы потерять не только пуговицы.

Прошла неделя. Мы привезли Гришку на его первое занятие по каратэ. Но тут его почему-то не устраивает его новенькая белоснежная форма и белый пояс новичка, и он, бросив свою каратеистскую одежду, требует разрешить ему заниматься в трусах и обязательно с ...чёрным поясом сенсея!

Один из поздних вечеров. Гришка сидит на своей койке и сосредоточенно почёсывает затылок, словно припоминает: всё ли им сделано за прошедший день. На его лице выражение, которое можно расшифровать лишь однозначно: что бы еще такое сотворить? «Жаль, что здесь не бывает президент страны. А то бы я...». Потом подходит ко мне и шепчет на ухо: «Дед, ты уж прости меня, пожалуйста, я больше не буду...». А что не будет, не сказал. И напоследок делится с дедом куском белого сухаря, разламывая его ровно на две половинки. Добрая маленькая душа! Такая же, как и у его старшего братишки Кольки-Колокольчика...

Когда Гришке исполнилось шесть лет у него появилась склонность делать что-нибудь хорошее и доброе всем окружающим. Он может по собственной инициативе принести вам чашку приготовленного им чая,

кофе или сока. Может предложить вам смазать пальцы ваших ног кремом, пусть даже если под рукой оказался крем для... лица!

Неожиданно для всех Гришка научился совсем недурственно делать нам причёски:

- Дед! Хочешь, я буду тебя «стрижить» (стричь)?

Ну, разве можно отказаться от такого предложения? Ведь после окончания сего действия я вижу себя в зеркале помолодевшим лет на 20!

Не верите? Приходите и убедитесь сами.

У него оранжевый пояс по каратэ.

Он может нырять с маской на глубину четыре метра.

И еще: он свободно прыгает в воду с пятиметровой вышки. Таков наш Гришка!

Права человеческая мудрость: «С детьми мы до свадьбы, а с внуками - до конца».

И лишь об одном все мы просим судьбу:

...Прекрасное далёко!

Не будь ты к ним жестоко!

Жестоко не будь!

ЭПИЛОГ

Дорогой читатель!

Эти строчки я адресую любому человеку, в руках которого окажется эта книга. К любому - кроме *нелюди*, предающей всех и вся.

Нелюдью при поддержке себе подобных клерков МВД, прокуратур и судов по отношению ко мне и моей семье было совершено 29 (двадцать девять - это Рекорд Гиннеса!) умышленных безнаказанных уголовных преступлений с целью вымогательства.

Я более 200 раз письменно обращался в Генеральную Прокуратуру и Верховный суд России с просьбой о пересмотре моего умышленно сфальсифицированного “дела”, предъявляя при этом 150 листов документальных доводов моей невиновности, которые никогда не проверялись и не рассматривались ни следствием, ни судами. При этом ещё сотни таких же документальных доказательств были умышленно, буквально украдены у нас следствием и уничтожены без рассмотрения.

Обязательность пересмотра моего “дела” по вновь открывшимся обстоятельствам была стопроцентной, но...

Результат всех этих моих обращений - издевательская ложь отписок.

И хохот *нелюди*!

50 раз я лично обращался к шести нашим Генпрокурорам с просьбой о личном приёме.

Результат - глас вопиющего в пустыне. И хохот *нелюди*.

170 семей Звёздного городка, знающих меня более 30 лет, семь раз обращались к нашим Генпрокурорам и Председателю Верховного суда с просьбой о пересмотре моего “дела”.

Результат - наглая ложь отписок клерков Генпрокуратуры и Верховного суда России!

И хохот *нелюди*.

Всю эту толпу мерзавцев можно лишь подкупить или уничтожить.

На первое требуется огромная сумма, которая сразу же заставит прокуроров и судей самых высоких рангов объективно разобраться с тоннами грязи, безнаказанно вылитой на невинного человека и его семью.

Давайте вместе попробуем победить *нелюдь*.

Это оградит и спасёт в будущем многих невинных и честных людей от безнаказанных издевательств мерзавцев в милицейских, прокурорских в судейских мундирах и мантиях. И главное - от хохота *нелюди*.

С глубоким уважением.
Константин Ветер
Звёздный городок 2002 год

СОДЕРЖАНИЕ

АЭЛИТА.....	5	ДОКОЛЕ?	122
КРАЙ ЛЮБИМЫЙ	8	ГЕНЕРАЛЬСКИЙ МИРАЖ.....	124
«ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ».....	13	«ТРИАТЛОН».....	127
ОДНАЖДЫ В ДВА ЧАСА НО.ЧИ	15	ПОЛЁТЫ 20+50.....	129
ПО СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА ВИДНО.....	17	КТО?.....	132
«ДРАП НА ЗАПАД».....	20	БИБЛЕЙСКИЙ МЕШОК.....	135
ПРОСТИ МЕНЯ, ОТЕЦ.....	22	НЕ ЗНАЯ БРОДУ.....	137
ЗНАЙ НАШИХ!	24	МЕЛОЧИ ЖИЗНИ	139
БЕЗ НАЗВАНИЯ.....	27	КОПЫЛОВИЧ	142
РИНГ	29	«МАЙСКИЙ ДЕНЬ»	145
У САМОГО СИНЕГО МОРЯ.....	32	«ПОЛИТВОР»	147
ГОНКИ ПО «БРОНЕФОРМУЛЕ-1»	37	ПОЛЁТ-30.....	149
ГАУПТВАХТА	40	ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ	152
СТРЕЛЯЙ, ПЛЫВИ, БЕГИ!	42	ИВА.....	154
ГОРЕ	44	«ТЕРМОПАРА».....	157
ЭСТРАДНЫЙ СЮЖЕТ.....	46	ПАРАНОИКИ.....	159
ЗАКУСКА	48	НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ.....	162
ШТРИХИ, ШТРИХИ.....	50	АЛМАЗ-100.....	164
НЕ ГОВОРИ «ГОП»	52	СЕКС-СЮРПРИЗ	167
ДОКЕР	55	А КТО НЕ ОШИБАЕТСЯ?	169
ЖАДНОСТЬ ФРАЕРА СГУБИЛА	58	КАЗНИ КОСМИЧЕСКИЕ.....	172
ФИОЛЕНТ.....	60	«ЗУБОЧИСТ»	174
ЧАРЫ.....	63	ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ.....	176
«ТЕБЯ ОТЫСКАТЬ НА ЗЕМЛЕ...».....	65	ОДНАЖДЫ В ЛЕСУ.....	178
БЕЛОРУССКИЙ ФЕНОМЕН.....	68	ОГЛЯНИСЬ, ЧЕЛОВЕК!	181
ВЕРТУШКА.....	71	С КЕМ ПОВЕДЁШСЯ	184
НЕ ПИЩАТЬ!.....	74	ЗАПОМНИ ЭТО!.....	186
ПОКАЗАЛОСЬ?.....	77	«БОЕВЫЕ» ЗАСЛУГИ	190
ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА.....	79	«МУЖИК» И ШАХМАТЫ	192
ВЕРТИКАЛЬ	81	О ВАЗЕ, ДАЧЕ И ЦРУ	195
ЦНИАГ	84	КРИК ДУШИ.....	198
МОНГОЛЬФЬЕР	87	ГЛАВНОЕ - ДОЛОЖИТЬ!	200
КУРЬЕР	90	ПОСЛАНИЕ РУССКОМУ ЦАРЮ	202
КАПЛЯ.....	92	КАК ПОСТУПИТЬ В МГИМО?.....	204
ЧЕГЕТ.....	94	ПОД ПАРУСОМ КАНАРСКОМУ МЫСУ... 206	
ЗЕЛЁНЫЙ ГОРОДОК.....	98	НЕПОДСУДЕН	212
АТТЕСТАЦИЯ	102	БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ «ТАИС».....	214
ВСЕГДА ПРИГОДИТСЯ	104	АПОГЕЙ	226
ПОЛИТУГРОЗЫ	106	ИХТИАНДР ОБНАЖЁННЫЙ	229
ЧЁРНАЯ ВЕСНА	108	ЛЫЖНЯ РОССИИ	231
ФАЛЬСИФИКАЦИЯ.....	111	«АВТОБИОГРАФИЯ».....	233
ДЕЛЬТАПЛАН	115	МИ РЭЙ.....	235
ЁЛКИ-ПАПКИ!.....	118	«Я - АМЕРИКАНЕЦ»	237
ПОЛМИНУТЫ НА ЛУНЕ.....	119	МОРСКАЯ ПРОГУЛКА	239

ПРИГЛАШЕНИЕ	242	ПЯТЬ МОРЕЙ ПЛЮС ТРИ ПРОЛИВА	384
И ТАКОЕ БЫВАЕТ	245	УЧИТЕ АНГЛИЙСКИЙ!	387
И ТУТ ОНИ	247	ФИФТИ-ФИФТИ	389
ШЕСТЬ ЧАСОВ	249	ТАЙНА МАЯКА	391
СЗС	250	ДЕВИШНИК	393
А ДОЖДЬ СМЫВАЕТ ВСЕ СЛЕДЫ... .	252	АНТИСУД	395
НЕ СМЕТЫ!	255	НУ, ЕСЛИ НА ВСЁ	399
КВАРТЕТ	257	ВИЗИТ	401
АГЕНТ	259	ТБИЛИССКИЙ БЛЮЗ	404
БАНДА	261	ГОЛУБАЯ ЛЕНТА АТЛАНТИКИ.....	407
ДВЕ ВСТРЕЧИ	263	ПОЛИГОН.....	409
ЧЁРНЫЙ СЕНТЯБРЬ.....	265	ПОЧЕМУ?	411
ЧЕХ.....	267	ПРОСТИ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ.....	413
ПРОБА СИЛ	269	БУМАЖКА.....	415
РУССКАЯ ХИРОСИМА	272	МИР СПАСАЮЩАЯ	416
АРТУР	275	ЧТО-ТО НЕ ТО!	4! 8
«ПОТАСКУХА».....	277	TOP SECRET	421
«КОЛУМБ-500»	280	СВЕТ.....	423
НА ЧТО СПОСОБЕН РУССКИЙ ГРОГ ..	288	НЕВЕДОМОЕ	425
ВИВА, ИТАЛИЯ!	291	ГОВОРИ, ДА НЕ ЗАГОВАРИВАЙСЯ!.....	427
ОПЕРАЦИЯ «Аббат»	294	ПЕСНЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА.....	428
НЕЛЮДЬ	295	РОДЕО	431
МЕЧ ДАМОКЛА	320	ЭТО НЭ ГРУЗЫНЫ!	434
НЕ ДУМАЙ О МИНУТАХ СВЫСОКА ..	322	ЛУНА.....	436
ПОЧТИ ПО РУСТУ	324	ПАЛАЧ ИХА	438
НАВСЕГДА В ПАМЯТИ.....	327	ТРЕТИЙ ШАГ.....	440
ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО!	330	РУМЕЛИ	442
СКАЗ О РУССКОМ МЕДВЕЖОНКЕ ..	334	НЕ РОЙ ЯМУ ДРУГОМУ.....	444
НЕ ВЕРЬТЕ!	336	ТУМА	446
ПЯТЬ ШАГОВ.....	340	КЛЕПТОМАНКА.....	448
РУССКИЙ ИЗ ФЕНИКСА.....	342	ПРОЛИВ СОКРОВИЩ	450
ЛУЧШИЙ АГЕНТ ФБР	343	НЕ ВЕДАЕШЬ - МОЛЧИ!	453
ТЫ КТО, СТАНКЕВИЧ?.....	346	ЖАДЮГА	455
ОЧЕРЕДНОЕ ЗВАНИЕ.....	356	АВТОЗАК	457
ЭТЮД ЛЕШГОРНА.....	358	“Э - Э”	459
РИКША	359	МОЛИТВА.....	460
ЛОЖЬ ЕСТЬ ФУНКЦИЯ СТРАХА	361	АМБРАЗУРА или А ВЕДЬ ВСЁ МОГЛО	
НУ И НУ!	364	БЫТЬ	465
ЗВЕРЬ-ОКЕАН	369	34-61	467
НЕ ДО СМЕХА	373	АСТРОЖУРНАЛИСТ	469
РАЗВЕДКА БОЕМ	376	ГРИШКА.....	471
КОЛОКОЛЬЧИК.....	378	ЭПИЛОГ	474

Литературно-художественное издание

Константин Иванович Ветер

ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР

Издательство «Парвик»

Генеральный директор С.С.Паршиков

Ответственный редактор П.С.Паршиков

Редактор А.М. Зуев

Оформление - А.А. Хашобин

Вёрстка - Е.В. Конобеев

Корректурa - Т.И. Денисьева

(Фото из семейного архива К.И.Ветра)

Подписано в печать 20.01.08. Формат 60х90

¹/₁₆

Гарнитура PragmaticaC.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

«Могу привести пример, когда в космос пришел вообще не военный человек, а сделал очень много. Значительно больше, чем космонавты, которые летали...»

Я имею в виду судьбу Константина Ветра. Она давно не давала мне покоя, я был виноват перед этим человеком, как и Королев, и Келдыш».

Генерал Каманин

ВЕТЕР

Константин Иванович

*Ведущий инженер-испытатель
Центра Подготовки Космонавтов
им. Ю. Гагарина*

НА ЗЕМЛЕ: Сотни суток – командир экипажей на комплексных наземных испытаниях пилотируемых орбитальных и лунных станций и кораблей.

В НЕБЕ: 2000 парашютных прыжков, в том числе – экспериментальных с большими задержками раскрытия парашюта.

ПОД ВОДОЙ: 1000 часов работы в космических скафандрах и спецснаряжении (гидроневесомость).

В ВАКУУМЕ: 110 барокамерных подъемов, в том числе с испытанием космических скафандров в космических кораблях.

В МОРЕ: 60 часов – командир экипажей лунных космических кораблей и КК «СОЮЗ-Т» на морских испытаниях на высокой бальности акватории.

Сотни километров морских испытаний (Азов, Арал) микропарусников для НАЗов космических кораблей.

В НЕВЕСОМОСТИ: Полеты на кратковременную невесомость и лунную гравитацию.

В ОКЕАНЕ: Многие тысячи миль под парусом с посещением десятка стран, в том числе гонка яхт через Атлантику, посвященная 500-летию открытия Колумбом Американского Континента (капитан русской яхты-пентамарана «Гелиос»).